433
11

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Библіотека
А. И.
Бѣлоножкина.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ седьмой.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей **П. О. Морозова;**

М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**

И. А. Крылова, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**

А. В. Кольцова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**

А. Н. Островскаго, подъ редакціей **М. И. Писарева,** арт. императорскихъ театровъ;

Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго;**

А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора,

Георга Брандеса, съ предисловіемъ **М. В. Лучицкой;**

Элизы Оржешко, подъ редакціей **С. С. Зелинскаго;**

Чарльза Диккенса, со вступит. статьей **Д. П. Сильчевскаго.**

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
7 рота, 20.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ седьмой.

Молодые побѣги.

Романъ.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе",
7 рота, 20.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

891.733
P861S
t. 7

Оглавленіе.

Молодые побѣги. Романъ.

Часть I 1
„ II 106
„ III 217
„ IV 348
„ V 449
„ VI 549

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/sochineniia71pote

Молодые побѣги.

Романъ.

Часть первая.

I.

Съ недовольнымъ и печальнымъ лицомъ, сидѣлъ въ своей избѣ, на лавкѣ, старый сутуловатый мужикъ, Герасимъ Дмитричъ, и вопросительно, пристально вглядывался въ лицо стоявшаго передъ нимъ сына Ѳедора, высокаго, статнаго парня, некрасиваго, но съ умными, задумчивыми глазами.

— Какъ же такъ, Ѳедюха, — говорилъ старикъ. — Развѣ это порядокъ: двадцать тебѣ годковъ, весь ты парень собрался какъ слѣдуетъ, въ полномъ видѣ, невѣсту я тебѣ пріискалъ хорошую, стоющую, а ты такъ сразу и упираться вздумалъ.

— Уволь, батюшка, освободи, — отвѣчалъ тихо, но рѣшительно Ѳедоръ.

— Да что уволь: это ужъ я слышалъ ... Съ чего ты упираешься-то? Съ чего дурь-то эта въ тебѣ? ... Невѣста, что ли, не по мысли?.. Такъ ты и не видалъ ее путемъ, а ты съѣзди да посмотри перво ...

— Все одно, батюшка, хошь и съѣзжу ... Это мнѣ не судьба — уволь ...

— Да что же, у тебя другая, что ли, на примѣтѣ? ...

Ѳедоръ видимо замялся, какъ будто собираясь что-то сказать, поднялъ-было глаза на отца, но опять опустилъ ихъ и молчалъ.

— Коли есть, такъ скажи: какая-такая? ... Удумаемъ вмѣстѣ: какъ и что ...

— Нѣтъ еще никакой, а такъ ... не желаю еще ... Дай погулять, обожди ...

— Да чего ждать? ... Вишь ты, не желаю! ... Міръ-отъ не спрашиваетъ — желаешь али нѣтъ, а розникъ-то наваливаетъ — не ждетъ ... Безъ бабы-то не больно складно: одни не управимся, опять же и я старъ сталъ. Бабу приведешь, все лишняя работница въ дому прибудетъ, все легче ...

— Ты, батюшка, отпросись у міру: съ тебя, по годамъ, твой розникъ снимутъ, а моимъ управляй ... А меня не вяжи къ дому — отпусти въ люди: я заработаю, всѣ подани заплачу — и оброкъ, и подушныя, и за себя, и за тебя ...

— Да куда же ты это пойдешь? ...

— Я найду мѣсто: по фабрикамъ пойду али въ городъ ... Я грамотный, опять же мастерство у меня въ рукахъ ... Мѣсто найду ... Въ плотники — и то въ артель примутъ, не сгонятъ ...

— Такъ ты все-жъ-таки перво обзаконь себя: женись, а тутъ, пожалуй, инъ иди съ Богомъ, коли тебя отъ земли отбиваетъ, а такъ надѣешься, что лучше будетъ: больше заработаешь. Хошь, по моему, на что бы лучше коло своего оселка, коло своей земли: жили и мы, вѣкъ-отъ, отъ земли питалися, слава Богу, не проживали, а наживали ... Можно бы и тебѣ, кажется ... Ну, да коли свой родной уголъ надокучилъ, къ родной землѣ не тянетъ, ну, я неволить не стану: Богъ съ тобой, походи, поломай спину, помни бока на чужихъ людяхъ, а только-что все надо себя въ порядокъ перво произвести ... Вотъ женись, а послѣ и ступай: поищи, попробуй счастья ... По крайности я буду знать, что хошь

жена тебя къ дому тянуть будетъ, не загуляешься ...

— Я не загуляюсь и такъ ... А женюсь, тогда надо съ женой жить: уже тогда не по-что и въ люди идти ... Нѣтъ, ты меня, батюшка, уволь, освободи ... Я тебѣ не въ грубость: ты у насъ не таковъ родитель, и я не таковскій сынъ, а я божески тебя прошу: не замай меня покамъ, не нудь, дай срокъ.

Ѳедоръ низко поклонился отцу.

— И хошь бы ты мнѣ молвилъ причину-то твою ... Причина-то твоя какая? ... Вина ты не пьешь, баловства за тобой али кампанства какого распутнаго не примѣчалъ, да и не чаю этого — не такой ты, кажется, парень ... Что-жъ въ тебѣ за здоръ вышелъ? ... И самъ я вижу: понурой ходишь, притуманился, не что есть у тебя на душѣ, а что? — не знаю ... Думалъ — съ годовъ это въ тебѣ, что пора въ законѣ тебѣ быть, и невѣсту-было присмотрѣлъ, и то не такъ ... А какая же нибудь причина въ тебѣ да есть? ...

— Да одна во мнѣ причина: хочу на чужихъ людяхъ пожить, счастья поискать, ума понабраться ... Что земля? ... Земля отъ меня не уйдетъ, а покамъ молодъ, надо на сторонѣ попытаться: можетъ, и счастье свое найду. Я своего родного дома, батюшка, не отрекаюсь: въ него же буду промышлять, что заработаю — тебѣ же принесу. Ты меня, батюшка, отпусти: я бы вотъ пошелъ, къ Ѳедоту Семенычу зашелъ, сестру повидалъ. Ѳедотъ-то Семенычъ давно обѣщалъ мнѣ работки похлопотать, а нѣтъ — на фабрику схожу, попытаюсь: тамъ завсегда работа есть ... Пусти, батюшка, теперь самое время работы искать ...

Герасимъ Дмитричъ вздохнулъ.

— И къ учителю, чай, побываешь? — спросилъ онъ.

Ѳедоръ быстро и пытливо взглянулъ на отца.

— Что же? ... И къ учителю побываю: отчего же? — отвѣчалъ онъ какъ то нерѣшительно. — Я отъ него, окромѣ одного хорошаго, ничего не видалъ.

— Не онъ ли тебѣ это въ голову-то надулъ, чтобы по чужимъ людямъ шляться отъ своего роднаго дома? Не онъ ли сбиваетъ тебя?

— Ничего онъ, батюшка, не сбиваетъ, — твердо уже возражалъ Ѳедоръ. — Отъ него одна наука да умъ: какъ что въ книжкахъ писано. Онъ худому не научитъ — не бойся ... И Ѳедотъ Семенычъ довольно его знаетъ и одобряетъ: человѣкъ тихой, не пьющій, умной, отъ него есть чему заняться ... Смотри-ка, ребятенки какъ его любятъ, такъ и рвутся къ нему, безотбойно на книжкахъ сидятъ.

— Ахъ, ужъ эвти книжки ... Жили мы и безъ нихъ ... Ужъ не знаю, не согрѣшилъ ли я, что и грамотѣ-то тебя обучилъ ... Вотъ началъ въ книжкахъ-то читать и дома не сидится, и отъ земли отбиваешься, а, можетъ, безъ грамоты-то темный бы остался, какъ и мы грѣшные, держался бы лучше дома: не забирался бы высоко-то ...

— Да куда же я, батюшка, высоко забираюсь? .. Ничего высокаго нѣтъ. Это вѣдь у насъ только, въ нашемъ краю, мужикъ привыкъ такъ, что все въ своемъ мѣстѣ сидитъ, а вонъ въ книжкахъ-то сказывается: изъ иныхъ мѣстъ цѣлыми уѣздами на заработки уходятъ: кто въ Петербургъ въ самый, кто въ хлѣбныя мѣста, кто со своимъ промысломъ,

съ мастерствомъ, а кто по торговой части; бываетъ, большіе капиталы наживаютъ. Да вотъ и у насъ: мало ли народа стало на фабрики ходить, наниматься ...

— То-то, то то, не было этого у насъ допрежъ того: жили да поживали, какъ Богъ укажетъ, на своихъ мѣстахъ; гдѣ кто родился, тутъ и питался ... Кто какое ремесло имѣлъ, производствовалъ дома помаленьку ... А нынче вонъ на фабрики побѣжали, не сидится дома-то ...

— Значитъ, корыстнѣй: промыслить больше могутъ, нечѣмъ дома.

— Ну, еще Богъ вѣсть, велика ли корысть-то: вновѣ дѣло-то, посмотримъ еще ... А баловства-то ужъ будетъ безпремѣнно, потому артельно, грудно, а народъ все молодой на фабрику-то бѣжитъ ... Да поди, чай, кабаки да трактиры, водка да чаи: вотъ они, заработки-то, куда и уйдутъ ...

— Ну, я, батюшка, къ кабакамъ не преклоненъ ... А такъ думаю, что вотъ хошь бы я: ну, что я буду дома сидѣть? Далъ мнѣ Богъ талантъ этотъ въ рукахъ ... и въ головѣ у меня довольно, всякихъ затѣй много ... Ну, что я, какое дѣло себѣ около дома найду: фонарь развѣ когда сосѣду сдѣлаю али шкапчикъ какой, али рѣзь по дому пустишь, кто закажетъ, да и то больше за грошъ либо за спасибо сработаешь ... А вонъ и учитель, Василій Якимычъ: у тебя, говоритъ, Ѳедя, большія механическія способности есть, только бы тебѣ мѣсто гдѣ подходящее найти; большія, говоритъ, деньги можешь заработывать ... Какъ же, батюшка, не поискать себѣ работы-то? ... И въ писаніи сказано: таланта не велѣно зарывать въ землю, что отъ Бога дано ... Вотъ ужъ не мало я сижу, жду, не на-

вернется ли этакой человѣкъ, чтобы работку далъ, да нѣтъ вотъ ... Ну, стало, нужно походить, поискать ... И тянетъ меня, и ровно мнѣ кто говоритъ: поди да поищи, само не придетъ ... Вотъ оттого и забота моя, и причина моя, что ты говоришь, вся въ томъ ... Вотъ ты меня освободи хошь на годъ, на два: похожу, не найду, — къ тебѣ же приду тогда, не куда ... Тогда и жени, пожалуй: не перестарѣюсь еще, время не уйдетъ. Увижу, что на сторонѣ не много чего хорошаго и стану ужъ дома жить безотходно, съ землей ворочаться ... Опять же буду на слуху, далеко не уйду, и къ тебѣ навѣдываться стану ...

— Да по мнѣ пожалуй, Богъ съ тобой, не изведись только али не избалуйся ...

Глаза у Ѳедора радостно засверкали, довольная улыбка освѣтила лицо.

Въ эту минуту въ избу вошелъ старшій, давно женатый сынъ Герасима.

— Вотъ, Иванъ, — сказалъ ему старикъ, указывая на Ѳедора: — просится на сторону, работы искать ... Думаю отпустить, чтобы послѣ не жалился: пускай поѣстъ чужого хлѣба, авось послѣ свой слаще покажется.

— А какъ же, женить хотѣли? — замѣтилъ Иванъ, человѣкъ неразговорчивый, сосредоточенный.

— Да вотъ отпрашивается: дайте, говоритъ, годокъ-другой на людяхъ пожить, счастья поискать ... А что заработывать будетъ, въ домъ обѣщается отдавать ...

— Знамо, въ домъ ... куда же? ... Въ дому нужды много ...

— Я думаю отпустить ... Богъ съ нимъ ... Пущай! ...

— Какъ знаете ... Что же: пущай походитъ ... Може, и въ самъ-дѣлѣ работу подходящую найдетъ, — онъ грамотный и сученъ, только бы не забаловался да деньги не прогуливалъ, а съ полосой какъ-нибудь справимся и безъ него ...

— Ну, такъ съ Богомъ, коли ... Собирайся, — рѣшилъ старикъ.

Сборы Ѳедора были очень непродожительны и несложны. Не больше, какъ черезъ часъ послѣ бесѣды съ отцомъ, связавъ вмѣстѣ поддевку, сапоги и небольшой мѣшочекъ, въ которомъ лежала чистая рубашка и штаны, и все это перекинувъ черезъ плечо, Ѳедоръ уже шагалъ по дорогѣ къ деревнѣ Ступино. Онъ шелъ весело и беззаботно, съ радостнымъ лицомъ, съ увѣреннымъ взглядомъ, точно впереди его ждало вѣрное счастье, была видна завѣтная цѣль, къ которой онъ давно стремился; а между тѣмъ впереди у него не было ничего ни опредѣленнаго, ни вѣрнаго. Такъ летитъ весною и осенью перелетная птица, гонимая инстинктомъ, не зная, что найдетъ впереди, гдѣ совьетъ свое гнѣздо.

Много было разныхъ побужденій, заставлявшихъ Ѳедора проситься изъ дома, но теперь онъ весь былъ полонъ только чувствомъ свободы, молодой силы, выпущенной въ первый разъ на волю, и надеждами — надеждами безъ конца.

II.

Начиналась осень. Дорога шла по знакомымъ, роднымъ для Ѳедора мѣстамъ: проходила среди выжатыхъ хлѣбныхъ полей, по которымъ въ разсыпную, свободно, бродили стада, кое-гдѣ выднѣлись еще узкія полоски недожатаго овса, побурѣлаго, растрепаннаго, прилегшаго къ землѣ, или торчали

изрѣдка, какъ-бы забытыя потемнѣвшія полоски ярового хлѣба; извивалась она по топкому кочковатому прибрежью рѣчки, обросшей елошникомъ, въ которой Ѳедоръ зналъ каждый бочагъ, каждую глубь, подъ каждымъ камнемъ ловилъ въ дѣтствѣ раковъ; вздымалась она по глинистому скользкому косогору и уходила въ лѣсъ, который стоялъ теперь какой-то скучный, безмолвый, съ пожелтѣвшими, сухими и опадающими листьями: весь этотъ лѣсъ до послѣдняго дерева, до самой маленькой полянки былъ знакомъ Ѳедору, онъ зналъ, гдѣ весною родится земляника, въ какой овражинѣ засѣлъ малинникъ, гдѣ теперь въ осеннее время начинаетъ краснѣть брусёна, зналъ, въ какомъ мѣстѣ, подъ какимъ деревомъ родится всякій грибъ; цѣлые участки лѣса выросли изъ молодежника на его глазахъ, вмѣстѣ съ нимъ самимъ ... Все было родное, все знакомое и милое по дорогѣ, которою шелъ Ѳедоръ, но онъ ни на что не смотрѣлъ и ничего не видѣлъ. Сзади его осталась родная деревня, родная семья, въ которыхъ онъ родился и выросъ, которыхъ любилъ много и сильно, но не о нихъ онъ думалъ, не къ нимъ летѣла его мысль, не ихъ образы рисовались передъ нимъ: мысль его была впереди, и съ иными, дорогими лицами связывалъ онъ свое будущее, свои мечты и надежды. Въ воображеніи его возникалъ то образъ красиваго, совсѣмъ сѣдого старика съ печальнымъ лицомъ, со строгимъ взглядомъ, но этотъ взглядъ смотрѣлъ на него ласково, привѣтливо, печальное лицо прояснялось улыбкою — это былъ старый другъ его, Ѳедотъ Семенычъ; то вмѣсто него являлось болѣзненное, худое, желтое лицо другого друга, молодого, учителя Василія Якимыча, рѣзко обозначались на этомъ лицѣ большіе черные глаза,

то ярко вспыхивавшіе, то вдругъ потухавшіе; чаще другихъ мелькалъ передъ Ѳедоромъ красивый женскій образъ и каждый разъ, какъ онъ являлся, точно тисками сжималось его сердце, и кровь бросалась въ лицо ...

Ѳедоръ шелъ прежде всего въ деревню Ступино къ Ѳедоту Семенычу, за сына котораго была выдана нѣсколько лѣтъ назадъ его родная сестра, Анна. Ѳедотъ Семенычъ нѣсколько лѣтъ сряду сидѣлъ волостнымъ старшиной, былъ старикъ лѣтъ подъ 70, пользовался общимъ уваженіемъ, но былъ несчастливъ въ своей семьѣ. Единственный сынъ его, Кирилла, мужъ сестры Ѳедора, былъ уличенъ въ кражѣ, заподозрѣнъ даже въ поджогѣ, отъ котораго сгорѣла половина деревни и домъ отца. Его судили: въ поджогѣ не оказалось достаточныхъ уликъ, но за воровство онъ былъ приговоренъ къ тюрьмѣ. Въ то время, какъ Кирилла находился подъ судомъ, Ѳедоръ жилъ у Ѳедота Семеныча. Старикъ, считавшій родного сына потеряннымъ для себя, привязался къ Ѳедору, полюбилъ его всей силой оскорбленнаго, обманутаго въ кровной привязанности сердца.

Ѳедору было тогда еще только 18 лѣтъ, какъ онъ поселился у Ѳедота Семеныча. Это былъ мальчикъ тихій, конфузливый, но необыкновенно впечатлительный, съ любознательнымъ умомъ, съ замѣчательными способностями къ механическимъ работамъ; его серьезность, любовь къ усидчивому, одинокому труду, вмѣстѣ съ какой-то особенной врожденной деликатностью, составляли совершенную противоположность съ наклонностями Кириллы. Въ Ѳедорѣ Ѳедотъ Семенычъ находилъ именно то, что онъ хотѣлъ бы видѣть въ своемъ родномъ сынѣ, и чего въ послѣднемъ не

было. Эти желанныя свойства и достоинства Ѳедора сначала даже оскорбляли старика, какъ-бы вѣчный упрекъ, постоянное напоминаніе о недостаткахъ роднаго сына. Въ первое время жизни съ Ѳедоромъ, онъ нерѣдко чувствовалъ невольное раздраженіе противъ него; ему хотѣлось думать, что юноша притворяется, фарисействуетъ передъ нимъ, чтобы порисоваться своими добродѣтелями на-счетъ его роднаго заблудшаго сына.

Старая Ѳедосья Осиповна, жена Ѳедота Семеныча, безумно любившая и избаловавшая Кириллу, такъ и остановилась на чувствѣ предубѣжденія и недоброжелательства къ Ѳедору. Она охотно подчинилась этому инстинктивному чувству и упорно держалась за него: несмотря на то, что Ѳедоръ жилъ у нея въ домѣ не только какъ родной гость, но и какъ человѣкъ совершенно необходимый, пришедшій въ горькую, тяжелую минуту оказать безвозмездную помощь и возможное содѣйствіе, — онъ помогалъ строить домъ, работалъ въ полѣ и завѣдывалъ хозяйствомъ — она постоянно была имъ недовольна, ворчала, придиралась къ нему, искала случая показать пренебреженіе, оскорбить его. Ѳедоръ отмалчивался, отчасти потому, что многаго не замѣчалъ, отчасти изъ снисходительности къ больной, несчастной, огорченной матери-старухѣ; но незаслуженное гоненіе, поднятое на Ѳедора Ѳедосьею Осиповною, устыдило и образумило Ѳедота Семеныча: онъ не только поборолъ въ себѣ предубѣжденіе къ Ѳедору, не только старался быть къ нему безпристрастнымъ, но сталъ больше и больше сближаться съ юношей, полюбилъ и привязался къ нему, какъ къ сыну.

Ѳедоръ былъ выученъ грамотѣ, страстно любилъ читать, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на печатную

книжку и безусловно вѣрилъ въ печатную премудрость; но, подъ вліяніемъ практическаго направленія сначала своей семьи, а потомъ Ѳедота Семеныча, искалъ въ книгахъ только практическихъ указаній и совѣтовъ. Правда, и книжный запасъ, изъ котораго Ѳедоръ могъ обогащать свой умъ знаніями, былъ очень скуденъ: у себя, дома, онъ довольствовался кое-какимъ вздоромъ, который доставалъ случайно, да и читать могъ только по праздникамъ, въ совершенно свободное отъ работы время; а у Ѳедота Семеныча къ его услугамъ были получаемыя въ волостномъ правленіи „Губернскія Вѣдомости“ и книжки, присылаемыя разными благотворительными обществами и комитетами для народнаго чтенія и народныхъ школъ. Просилъ Ѳедотъ Семенычъ у мѣстнаго сельскаго священника, чтобы онъ снабжалъ Ѳедора книжками, но батюшка могъ дать ему только проповѣди мѣстнаго владыки, два старыхъ академическихъ календаря да нѣсколько разрозненныхъ экземпляровъ „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества“ и журнала, издаваемаго духовнымъ вѣдомствомъ. Самый большой интересъ и наибольшую для себя пользу Ѳедоръ находилъ, читая смѣсь въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Трудахъ“, гдѣ сообщались разныя с р е д с т в а и рекомендовались разные общедоступные с п о с о б ы относительно земледѣлія, скотоводства, вообще домохозяйства. Все это Ѳедя старался запоминать, многое пробовалъ примѣнять и испытать на дѣлѣ; но все это мало его удовлетворяло: въ умѣ его возникала масса вопросовъ, которые оставались неразрѣшенными. Ѳедотъ Семенычъ, несмотря на весь свой умъ, на всю свою опытность, не умѣлъ отвѣтитъ на многіе вопросы Ѳедюши или отвѣчалъ неясно, неопредѣленно, об-

щими мѣстами. Ѳедоръ, при всей своей вѣрѣ въ умъ, мудрость и опытность старика, чувствовалъ и понималъ, что знанія его очень ограничены и что можно даже оскорбить его, обращаясь къ нему съ нѣкоторыми вопросами.

Такимъ образомъ Ѳедоръ жилъ самъ въ себѣ, и прирожденная ему сосредоточенность мало-по-малу развивалась въ какую-то мечтательность, соединенную съ внутреннимъ недовольствомъ. Безъ сомнѣнія, съ годами, подъ вліяніемъ ежедневныхъ заботъ и трудовъ для добыванія насущнаго хлѣба, вся эта безплодная раздраженная пытливость ума затихла бы и заглохла, а практическое направленіе взяло бы верхъ, и вышелъ бы изъ Ѳеди умный, толковый мужикъ, можетъ быть, искусный, поражающій изобрѣтательностью, ловкостью и смѣтливостью ремесленникъ, замкнутый, молчаливый, сосредоточенный, съ угрюмымъ недовольнымъ лицомъ . , .

Но Ѳедѣ суждена была иная судьба ... Случайно онъ познакомился съ учителемъ волостной школы Василіемъ Якимычемъ и въ немъ нашелъ того человѣка, котораго, ему казалось, онъ такъ давно искалъ и который раскрылъ передъ нимъ цѣлый новый міръ мыслей, впечатлѣній, потребностей.

Василій Якимычъ былъ то, что называется неудачный человѣкъ; онъ весь состоялъ изъ противорѣчій и увлеченій, изъ восторженныхъ порывовъ, которые вели за собою быстрое разочарованіе, охлажденіе и недовольство, изъ безпредметнаго влеченія къ добру, доходившаго до готовности на самопожертвованіе, и капризнаго безцѣльнаго эгоизма, соединеннаго съ недовольствомъ всѣмъ окружающимъ безъ всякихъ опредѣленныхъ требованій отъ жизни; изъ способности на временный упорный трудъ,

который смѣнялся апатіей и лѣнью. Василій Якимычъ былъ сынъ бѣдной вдовы чиновницы, учился въ гимназіи хорошо и при этомъ заработывалъ себѣ небольшія деньги грошевыми уроками, но въ предпослѣднемъ классѣ, безъ всякой видимой причины, вдругъ залѣнился, перессорился съ учителями и гимназическимъ начальствомъ и, не кончивши курса, къ ужасу матери, вдругъ вышелъ изъ гимназіи; цѣлые полгода жилъ жизнью чернорабочаго, поддерживалъ свое существованіе самою грубою, непривычною, тяжелою работою; потомъ вдругъ задался мыслью сдѣлаться докторомъ, засѣлъ за книги, началъ приготовляться къ вступительному экзамену въ медицинскую академію, выдержалъ его и поступилъ, но здѣсь онъ не пробылъ и года: сухость и точность медицинской науки скоро утомили его, онъ перешелъ въ университетъ на словесный факультетъ. Сначала онъ здѣсь увлекся своимъ предметомъ, серьезно работалъ, много читалъ, но вдругъ остановился на мысли о непрактичности и непримѣнимости къ жизни пріобрѣтаемыхъ знаній — и перешелъ въ технологическій институтъ. Но и тутъ дѣло не пошло на ладъ: вмѣсто химіи, онъ увлекся соціальными вопросами и политической экономіей, не выдержалъ экзамена, остался на другой годъ въ курсѣ, запутался въ одной исторіи и, только благодаря случайности, отдѣлался тѣмъ, что долженъ быть выйдти изъ института. Онъ пробовалъ-было опять сойти въ самые низменные ряды чернорабочей силы, но здоровье не выдержало: у него заболѣла грудь, начался кашель, появились признаки чахотки. Онъ добрался до своей родной губерніи и, съ большими хлопотами, добился должности сельскаго учителя. Непосредственность, простота крестьянской среды, воспріимчивый дѣтскій

міръ, нѣкоторое преувеличеніе важности принятаго имъ на себя труда сельскаго учителя вначалѣ очень увлекли его: онъ со свойственною ему порывистостью, жаромъ и энергіею отдался учительскимъ обязанностямъ, развивая ихъ до такихъ размѣровъ, въ которыхъ имъ оставались недовольны и начальство, и даже родители его учениковъ. Василій Якимычъ не выдержалъ столкновенія съ властью, съ родительскимъ невѣжествомъ и грубостью; борьба съ ними показалась ему скоро безцѣльною и безплодною; энергія и увлеченіе его пропали; онъ превратился въ обыденнаго — честнаго, добросовѣстнаго, но равнодушнаго учителя. Впрочемъ, дѣти любили его и охотно у него учились. Василій Якимычъ скучалъ и началъ тяготиться своею дѣятельностью: между тѣмъ здоровье его ухудшалось съ каждымъ годомъ, въ немъ начала развиваться раздражительность ...

Ѳедя познакомился съ нимъ еще въ ту пору, когда Василій Якимычъ былъ, такъ-сказать, въ экстазѣ своей учительской дѣятельности, когда онъ высоко ставилъ свое дѣло, вѣрилъ въ его многоплодную полезность и готовъ былъ отдаться ему до самопожертвованія. Его заинтересовала въ то время любознательность и пытливость Ѳедора, онъ былъ пораженъ его способностью къ механическимъ работамъ, словомъ — онъ увлекся имъ, какъ увлекался всѣмъ новымъ, задался задачей развить его умъ, облагородить чувства, дать широкое и правильное міросозерцаніе, котораго, впрочемъ, и самъ не имѣлъ, мечталъ ошлифовать алмазъ, который нашелъ въ грубой первобытной формѣ, создать человѣка-дѣятеля, внѣ условныхъ школьныхъ пріемовъ обученія, которыя, по его мнѣнію, только мѣшали пра-

вильному, самостоятельному и оригинальному развитію и губили людей оригинальныхъ, какъ казалось ему, — погубили и его самого. Съ энтузіазмомъ принялся онъ передавать Ѳедѣ безъ разбора все, что̀ зналъ самъ, также безъ разбора и послѣдовательности давалъ ему читать все, что̀ имѣлъ подъ руками. Само собою разумѣется, что Ѳедюша сразу и безусловно былъ очарованъ своимъ наставникомъ, всею душою подчинился ему и скоро сталъ смотрѣть на него, какъ вѣрующій смотритъ на оракула; но первое время, подъ наплывомъ массы новыхъ идей, новыхъ свѣдѣній, быстраго разрѣшенія многихъ вопросовъ, онъ ходилъ, какъ въ чаду, былъ возбужденъ до лихорадки; не имѣя возможности отдавать все время днемъ чтенію, онъ просиживалъ цѣлыя ночи за книгами, всѣ праздничные дни и ночи проводилъ онъ у своего учителя въ бесѣдахъ, въ чтеніи, въ разъясненіяхъ прочитаннаго; но, по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ и узнавалъ, жажда знанія не притуплялась, усиливалась, многіе вопросы, казавшіеся разъясненными, вставали съ новой жгучестью неясности, неопредѣленности; доходило до того, что уже и отвѣты наставника отзывались общими мѣстами или красивымъ, иногда восторженнымъ, иногда діалектическимъ набором словъ, оставлявшимъ въ душѣ вопрошавшаго тотъ же прежній сумракъ, прежнюю мучительную неясность и неопредѣленность. Восторгъ первыхъ, неожиданныхъ откровеній проходилъ, въ душѣ поднималась прежняя тоска неудовлетворенности, недовольства. Ѳедя видимо измѣнился, похудѣлъ, поблѣднѣлъ, въ глазахъ свѣтился лихорадочный огонекъ.

Трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ сердцѣ Ѳедора, неожиданно для него

самого, не заговорило новое чувство, которое подѣйствовало на его воспаленный мозгъ какъ спасительное отвлекающее. Самъ того не сознавая, онъ влюбился. Если бы въ то время его спросили, какъ это случилось, откуда, зачѣмъ и почему явилось въ немъ это новое чувство, что̀ оно значитъ и должно ли оно быть или нѣтъ? — онъ не понялъ бы ни одного изъ этихъ вопросовъ и не съумѣлъ бы отвѣтить ни на одинъ изъ нихъ. И дѣло совершилось весьма просто: у того же Василія Якимыча онъ встрѣтился съ дѣвушкою, пришедшей къ учителю переговорить о своемъ братѣ, ученикѣ, который прежде времени пересталъ посѣщать школу. Она явилась по порученію матери, держала себя съ учителемъ грубо и говорила глупости, доказывая, что нечего мальчишкѣ баловаться, бѣгать и сидѣть въ училищѣ, когда въ домѣ бѣдность, пить-ѣсть нечего, пора подходитъ лѣтняя, а мальчишка въ силѣ, можетъ и въ подпаски наняться, въ домъ лишній десятокъ рублей принести, да и со своего хлѣба долой: все лишній кусокъ въ дому соблюдется.

— Не все намъ съ матушкой однимъ промышлять: пускай и онъ помогаетъ! — заключила она.

— Да вѣдь ему бы только еще одну зиму въ школу походить, такъ онъ совсѣмъ бы выучился и писать, и читать, — возражалъ учитель. — А вѣдь если перестанетъ ходить теперь, онъ все и позабудетъ: зимой снова придется начинать.

— Ну, такъ все одно: и всему выучится, а послѣ все позабудетъ, — возражала дѣвушка. Да что и въ читаньи-то вашемъ? За него разѣ деньги платятъ, что-ли? И все-то ученье — одно баловство, да одежѣ, обуви трепка — только и есть ... Идутъ

изъ школы-то, толкаются да таскаются горланятъ, да по льду катаются — обувку деруть ... Матушка говоритъ: только-что староста съ господскаго наказа наобѣщалъ съ три короба, что коли въ школу въ эвту поступитъ да выучится, такъ и невѣсть что будетъ ... А все пустое: выслужиться передъ посредникомъ да передъ волостнымъ захотѣлось, что съ деревни много ребятъ въ ученье загналъ, а все какихъ больше нажималъ: вотъ что насъ же, сиротъ, да которые послабже ... Небось, которые побогаче да позубастѣй, тѣ не послушались, не пустили своихъ ...

Учитель попровалъ-было еще убѣждать, но возраженія были въ такомъ же родѣ, и убѣжденія его нисколько не подѣйствовали.

— Этакая красавица и этакая дурища! — проговорилъ Василій Якимычъ, когда дѣвушка ушла.

И въ первый еще разъ Ѳедоръ согласился со своимъ учителемъ только въ половину: согласился, что красавица, но не согласился, что дура.

— Говоритъ она съ чужихъ словъ, что ей велѣно сказать, да и не такъ, чтобы ужъ совсѣмъ не было ни толку, ни складу въ ея словахъ ... А подумаешь, такъ, пожалуй, есть даже и правда въ ея резонахъ въ самъ-дѣлѣ, иной бѣднякъ, хоть выучится читать и писать, такъ забудетъ, ему не удосужиться и въ книгу-то заглянуть, да другой и книги-то всю жизнь въ глаза не увидитъ ...

Вотъ какія мысли мелькали въ головѣ Ѳедора по поводу замѣчанія учителя о дѣвушкѣ. И онъ почти не слушалъ цѣлаго трактата, который развивалъ передъ нимъ Василій Якимычъ о томъ, какъ современное положеніе крестьянства препятствуетъ раз-

витію въ немъ грамотности и какъ было бы необходимо, полезно и справедливо, если бы общество или даже само правительство оказывало содѣйствіе и помощь тѣмъ бѣднымъ семьямъ, въ которыхъ чувствительна потеря труда учащагося мальчика, и какія бы слѣдовало принять мѣры, чтобы выучившіеся въ школѣ могли сохранить и употребить съ пользою для себя пріобрѣтаемыя въ школѣ знанія и т. д. Ничего этого не слыхалъ Ѳедоръ, хотя учитель говорилъ очень горячо и убѣдительно, но тѣмъ не менѣе онъ съумѣлъ выспросить: изъ какой деревни ученикъ, братъ дѣвушки, какъ его зовутъ, а кстати и какія у него способности и пр. Онъ очень скоро воспользовался мимоходомъ добытыми свѣдѣніями и началъ кстати и не кстати проходить и проѣзжать черезъ деревню Онучино, гдѣ жила красавица Параня, добился того, что встрѣтился съ ней, заговорилъ, познакомился и сблизился ... Ея-то глаза чаще всего мелькали въ воображеніи Ѳедора, когда онъ торопливо уходилъ изъ родного дома и шелъ искать счастья на чужихъ людяхъ ... Эти глаза и образъ Парани заставляли ускоренно биться и замирать его сердце, они какъ будто манили его впередъ и заставляли быстрѣе двигаться его ноги, они вызывали румянецъ на его щеки, улыбку на губы и веселый оживленный блескъ въ глазахъ. Онъ шелъ, не слыша подъ собою ногъ, не замѣчая дороги, и мысль его невольно сама собою проходила по всѣмъ подробностямъ его знакомства съ Параней, вызывая одно воспоминаніе за другимъ и какъ-бы давая ему возможность вновь пережить всѣ минувшія уже событія съ ихъ впечатлѣніями ... Все, все, до мельчайшихъ подробностей вставало въ памяти Ѳедора.

Ш.

Вотъ однажды, послѣ неоднократныхъ неудачныхъ путешествій въ Онучино, Ѳедя вдругъ неожиданно нагналъ на дорогѣ Параню, которая шла съ какимъ-то мальчикомъ. Вся кровь бросилась въ голову и покрыла горячимъ румянцемъ лицо Ѳедюши, когда онъ узналъ ее. Онъ былъ отъ природы очень конфузливъ, особенно съ женскимъ поломъ, никогда не участвовалъ въ играхъ и хороводахъ, никогда не заговаривалъ и не заигрывалъ съ дѣвушками, на что̀ были такъ ловки и смѣлы другіе деревенскіе парни. Онъ нѣсколько времени шелъ нерѣшительно сзади Парани, не сводя съ нея глазъ, но поспѣшно опускалъ ихъ, когда она случайно оглядывалась назадъ, не рѣшался ни поровняться, ни опередить ее; сердце въ немъ билось и замирало такъ сильно, что онъ не разъ останавливался, чтобы перевести духъ. И вдругъ, точно подтолкнутый кѣмъ-то, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ дѣлаетъ, Ѳедя подошелъ и поклонился, не смотря на Параню.

— Здравствуйте! — едва проговорили его пересохшія губы.

— Здравствуй! — бойко отвѣчала Параня, окидывая его своими большими глазами съ ногъ до головы.

— Я васъ сразу призналъ еще издалека, — продолжалъ онъ, нерѣшительно, точно на солнышко, поднимая на Параню свои глаза. — А вы, чай, меня не признали? ...

— Ровно какъ негдѣ видала, а признать, нѣтъ, не признаю ...

— А къ учителю-то, къ Василію Якимычу, вы тогда приходили насчетъ брата ... Я тамъ былъ у него ... Видѣлъ ...

— А-а ... А вы сами-то кто же будете, откуда?

— Я изъ Чернушекъ, да я теперь живу по родству, у старшины Ѳедота Семеныча ... Вотъ близехонько, всего верстъ съ пять отсюда, въ Ступинѣ.

— Знаю, знаю . Ну, какъ не знать ... А вотъ мы изъ Онучина, здѣшніе, вонъ деревню видать ...

— Я знаю, что вы изъ Онучина .. Я давно знаю ...

— Да почемъ вамъ знать? — начала-было спрашивать Параня и остановилась, взглянувъ на Ѳедю и замѣтивъ его смущеніе.

— Я завсегда тутъ хожу ... завсегда думаю, — лепеталъ Ѳедоръ, не поднимая глазъ и не сознавая, что̀ онъ говоритъ.

— Что же вамъ ходить-то тутъ? Дорога, что-ли, вамъ тутъ куда? — спрашивала бойкая Параня, сама чувствуя какое-то невольное смущеніе, когда глаза ея встрѣтились съ глазами Ѳедора.

Ѳедоръ хотѣлъ что-то сказать, но, замѣтивъ устремленный на него внимательный взглядъ мальчика, шедшаго рядомъ съ Параней, остановился и сказалъ совсѣмъ не то, что̀ хотѣлъ.

— Это братецъ вамъ будетъ? — спросилъ онъ.

— Да, вотъ въ подпаскахъ онъ у насъ въ Колосовѣ, а у насъ завтра праздникъ, такъ матушка и посылала денегъ попросить, а онъ за мной увязался, выпросился тамъ у пастуха-то . . на праздникъ . . Да добрый пастухъ-отъ, добрый, отпустилъ, — только бы, говоритъ, опосля старался, скотины не просыпалъ ...

— Это насчетъ его тогда вы приходили къ Василію-то Якимычу, учителю? ...

— Вотъ насчетъ его ... Онъ у насъ одинъ, баловень ...

— А жалко, что вы его изъ школы-то взяли, безъ грамоты оставите ... Поучился бы еще, грамотный бы былъ ...

— Да что въ ней, въ грамотѣ: въ школу-то ходилъ, только одежу трепалъ, а вотъ теперь къ дѣлу приставили, такъ и денежки сталъ заработывать ...

— Велики ли эти деньги, да и дѣло такое послѣднее ... въ подпаскахъ, да въ пастухахъ. А грамотѣ выучился, на другое бы дѣло попалъ и денегъ бы сталъ больше заработывать ...

— Вы, знать, грамотный?

— Я грамотный ...

— Ну, вы такъ и говорите, а вотъ мы неграмотные, мы по-другому толкуемъ ... А вы, что же, много денегъ промышляете черезъ грамоту-то? ...

— Я еще при отцѣ живу, не самъ по себѣ: что заставляютъ — дѣлаю ... А и кромѣ денегъ, отъ грамоты человѣкъ много умнѣе дѣлается, потому книги читаетъ, а въ книгахъ все прописано, изъ книги можно всего набраться ...

— Хорошо, можетъ, вамъ подошлось: отецъ богатъ, работника держите, дѣлать-то нечего, и читаете ... А какъ кому ѣсть нечего, каковъ кусокъ хлѣба — и тотъ надо своими руками промыслить, такъ тутo некогда въ книжкахъ читать, — съ голоду помрешь ... Знамо, ученый человѣкъ то-ли дѣло, да коли нечѣмъ взяться, такъ какъ тутъ быть? ... Вонъ мы съ матушкой на сиротскомъ положеніи живемъ и полосы-то не держимъ: что заработаемъ, то и поѣдимъ, такъ до ученья ли ужъ тутъ? ... Рады-рады что дождались паренька, что въ годы вошелъ: хошь

нѣсколько промыслитъ на себя ... Кабы въ ученьето брали да платили за него, что онъ промыслить можетъ ... ну такъ тутъ, пожалуй, учись ... съ полнымъ бы удовольствіемъ ... Хошь глупые, неученые, а тоже понимаемъ: грамотный человѣкъ завсегда больше получить можетъ: онъ и въ писаря пойдетъ, и къ купцу въ приказчики наймется ... Тамъ жалованья большія платятъ ... Да силы нѣтъ, такъ какъ поднимешься? ...

— Это все правда ваша ... Вотъ жалко только, что у него дѣло-то такое, что онъ въ подпаскахъ живетъ, а то бы я сталъ ходить, пожалуй ... обучалъ бы его ... Ничего бы не взялъ, даромъ ...

Ѳедя проговорилъ это и сконфузился: въ головѣ его мелькнула мысль: что она подумаетъ? Съ чего это, незнакомый человѣкъ навязываюсь? ...

Но у Парани блеснула другая мысль: вишь ты, подъѣзжаетъ! ... Это онъ ради меня ... Видно, запримѣтилъ, приглянулась ... Въ знать взойти хочетъ съ нами ... И зардѣлся — вонъ какъ! ... Безпремѣнно такъ! ...

— Что это ... съ какой вамъ стати безпокоить себя для насъ? — проговорила она не безъ кокетства ...

— Никакого тутъ безпокойства нѣтъ, съ моимъ полнымъ удовольствіемъ ... даже бы за счастье счелъ, — говорилъ Ѳедоръ. — Потому мы другъ дружкѣ помогать должны: вонъ Василій Якимычъ тоже какъ для меня старается — книги даетъ, толкуетъ, все равно, что обучаетъ меня, и ничего не беретъ Такъ и я долженъ для другого кого постараться ...

— Не изъ-за чего вамъ для насъ стараться-то ...

— Не то, что не изъ-за чего, а я ото всей моей души: можно даже и такъ сдѣлать, что пускай онъ опять въ училище къ Василію Якимычу ходитъ, а я вашей матушкѣ могу внести, что онъ въ подпаскахъ-то получаетъ ...

— Ай, да что вы, — больно богаты, что ли?

— Никакого особливаго богатства нѣтъ, а что этакія-то деньги завсегда праздниками могу заработать на своемъ мастерствѣ ... Поди, чай, рублей за десять въ лѣто отдали? ...

— За одиннадцать ... Да вотъ ужъ рубля четыре забрали ... Да нѣтъ, ужъ это, что вы говорите, никакъ даже и понять невозможно ... И знати-то промежъ насъ никакой нѣтъ ... Я даже не знаю, какъ и звать-то васъ? ...

— Меня-то Ѳедоромъ зовутъ ... Да вѣдь и я-то не знаю, какъ васъ звать ...

— Вотъ такъ чудесно! — засмѣялась Параня, и такъ хорошо, такъ весело заблестѣли ея бѣлые ровные зубки. — Говоримъ, говоримъ, а какъ и зваться другъ дружку не спросимъ ... Вотъ такъ прекрасно! ...

— Скажитеся, какъ?

— Параней меня ... Парасковьей ...

— А по-батюшкѣ?

— По-батюшкѣ — Михайлова.

— А матушку ва[illegible] какъ звать?

— Матушку Дарьей Тихоновной.

— Барыней ее прозываютъ, — вмѣшался молчавшій до сихъ поръ мальчикъ, братъ Парани.

— Барыней? Отчего же такъ?

— А оттого, что она лицомъ была больно пригожа, бѣла, да и повадка у нея такая расторопная да важная, ровно у барыни у какой ... Вотъ отчего! — объясняла Параня.

— Вы, значитъ, по ней вышли, — любезничалъ Ѳедя и самъ на себя удивился и сконфузился, что проговорилъ такія слова.

— Ну, ужъ какова есть, — кокетничала Параня, улыбаясь. — Вотъ будьте знакомы ... На праздникахъ приходите гулять къ намъ: у насъ на деревнѣ весело празднуютъ, народу много сходится, хороводы водятъ ... Посмотрите на нашихъ дѣвушекъ, поиграйте: у насъ есть не экія, какъ я ... получше ...

— Не можетъ этого быть! — съ горячностью возразилъ Ѳедя, пожирая глазами Параню.

— А вотъ вы поглядите ... Вотъ парни у насъ такъ сердитые, особливо къ чужестраннымъ: тотчасъ бока намнутъ, коли чужой къ ихной дѣвкѣ больно прилипать начнетъ ... Вы въ хороводахъ-то, придете, не больно съ дѣвушками-то заигрывайте, съ нашими ...

— Я и въ хороводахъ-то никогда не хаживалъ, и играть не люблю ... Коли и приду, такъ только чтобы на васъ посмотрѣть, потому — какъ тогда встрѣлся, такъ и не знаю, что̀ со мной сталося: только и думушки, что про васъ ... А парней я вашихъ не боюсь: со мной тоже пускай не связываются ... Самъ не зачну, да и въ обиду не дамся ... Да и не съ чего имъ ко мнѣ пристать ... Не то играть, — и смотрѣть-то я ни на кого не хочу, окромя васъ, хошь бы никого и на свѣтѣ-то не было ...

— Вона, избушка-то наша ... Пришли ... До увиданья коли ... Приходи, вось, на праздникъ-то погулять ...

И Параня, точно огнемъ опаливши Ѳедю своимъ ласковымъ взглядомъ, мгновенно оставила его среди дороги и порхнула въ калитку сосѣдней избы такъ

скоро, что Ѳедя не успѣлъ даже и попрощаться, какъ бы хотѣлъ. Онъ стоялъ нѣкорое время среди улицы, точно ошеломленный, — не могъ отвести глазъ отъ избушки, въ которую скрылась Параня, и насилу-насилу пришелъ въ себя и понялъ, что стоять дуракомъ среди деревенской улицы и глазѣть на одно и то же мѣсто — не хорошо и подозрительно. Онъ пошелъ впередъ, вполнѣ счастливый, полный такимъ новымъ, хорошимъ чувствомъ, какого еще никогда не испытывалъ.

IV

Вотъ и другая картина встаетъ въ воображеніи Ѳеди — такъ ясно, точно совершается передъ глазами.

Въ Онучинѣ праздникъ. Водятъ хороводы, поютъ пѣсни. Ѳедя стоитъ въ незнакомой толпѣ, сзади одного круга, въ которомъ, держась за руки съ другими дѣвушками и парнями, ходитъ Параня. Онъ не можетъ отвести отъ нея глазъ, слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ взглядомъ, — ничего не видитъ и не слышитъ, кромѣ нея, а сердце такъ и колотится, такъ и замираетъ въ груди ... И давно уже онъ, кажется, стоитъ и ждетъ, когда Параня взглянетъ на него, узнаетъ его, можетъ быть, улыбнется, — можетъ быть, поклонится; но она ходитъ по кругу такая скромная, такая степенная, точно и не та бойкая, смѣлая Параня, которую онъ видѣлъ у учителя, съ которой встрѣтился и разговаривалъ недавно: теперь пошепчется развѣ только съ подругами, улыбнется, метнетъ быстрый взглядъ въ сторону изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и опять прикроетъ ими свои свѣтлые, лукавые глазки. Не одинъ разъ казалось Ѳедѣ, что Параня какъ-будто взглядывала

и на него: его кидало отъ этого взгляда въ жаръ, онъ краснѣлъ, какъ ракъ, и рука его тянулась къ шапкѣ, чтобы поспѣшить поклономъ, но Параня быстро отводила глаза и какъ будто не признавала его или не обращала на него вниманія. Не разъ въ хороводѣ, распѣвая пѣсни или заплетая и расплетая плетень, проходила она мимо самого его, даже задѣвала локтемъ: Ѳедя весь трепеталъ, снова брался рукою за шапку, собирался что-то сказать — даже какъ-будто шепталъ: „здравствуйте!... узнали ли?“ — но или за пѣсней она не слыхала его словъ, или губы Ѳеди только шевелились, не произнося никакого звука. Ѳедя внутренно проклиналъ свою робость, свою нерѣшительность, мялся на мѣстѣ, — сердце его начинало болѣзненно ныть, тосковать ... А когда иной парень не совсѣмъ осторожно бралъ Параню за руку или, играя, обнималъ ее, Ѳедя готовъ былъ броситься и приколотить его ... Онъ видѣлъ, что Параня занимаетъ собою не его одного, что почти всѣ молодые ребята вьются около нея, какъ шмели, и заигрываютъ съ нею: всякій норовитъ стать съ нею рядомъ, взять ее за руку, сказать ей что-нибудь смѣшное или ласковое, обратить на себя ея вниманіе; въ играхъ то-и-дѣло она у всѣхъ на виду и на выборѣ, — и это еще больше смущало и мучило его ...

„Неужели тѣмъ дѣло и кончится, что я тогда на дорогѣ поговорилъ съ ней, а теперь только поглазѣлъ на нее издали?“ — думалъ про себя Ѳедя: „неужели она такъ и не признаетъ меня, а я такъ и уйду домой, слова съ ней не перемолвивши? Нѣтъ, ужъ надо какъ-нибудь подойти да окликнуть, что ли, — напомянуть про себя ... Ну, а какъ не признаетъ?... Да и какъ подойдешь?... Кругомъ на-

родъ, — ребята эти все вяжутся за ней ... Хошь бы въ сторонку маленько отошла, такъ ужъ къ одной-то бы я подошелъ ... заговорилъ бы" ...

Но Параня или не признавала его, или не хотѣла показать, что узнала. Игры смѣнялись одна другими: водили хороводы, заплетали плетень, ходили стѣна на стѣну, играли въ сосѣдей, а Ѳедя все не находилъ случая ни поклониться, ни поздороваться и заговорить съ Параней, и топтался, точно шальной, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Вдругъ Параня отдѣлилась отъ толпы играющихъ, пошла въ сторону, проходя мимо Ѳеди, быстро, незамѣтно, съ лукавой усмѣшкой взглянула на него, и затѣмъ побѣжала по направленію къ своей избѣ. Ѳедя смотрѣлъ ей вслѣдъ, а когда она скрылась за дверями крылечка, печально опустилъ въ землю глаза и, поддерживая обѣими руками стягивавшій его поверхъ поддевки красный кушакъ, стоялъ въ нерѣшительности и думалъ: что же ему дѣлать теперь? Стоять ли тутъ и ждать, когда она опять придетъ, или идти къ дому ей на-встрѣчу? ... А неизвѣстно еще и выйдетъ ли она опять на гулянку: можетъ быть, и вовсе дома останется ... Или ужъ нѣчего, видно, ждать, а идти домой? ... Видать, что она признала, да ждетъ, чтобы самъ подошелъ, поклонился, поздоровался да заговорилъ, — а похоже и на то, что заговоришь съ ней, а она на-смѣхъ подниметъ, прикинется, что незнаемый человѣкъ пристаетъ, съ ребятами, пожалуй, нарочно стравитъ со своими: лукава ужъ больно, ничто смотритъ, ухмыляется ... И грустно Ѳедѣ, и досадно на Параню, — и еще досаднѣе на себя за свою робость, неумѣлость ... Ничего онъ не могъ придумать, ни на что не рѣшался и въ тоскѣ безсознательно пошелъ

медленными шагами по тому направленію, въ какомъ убѣжала Параня. Онъ поровнялся съ ея избою, остановился, робко посмотрѣлъ на нее — и то не прямо, а показывая видъ, что глядитъ черезъ крышу на небо, помялся, потоптался опять на мѣстѣ и сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ дальше, когда замѣтилъ, что съ крылечка Параниной избы спустился ея братъ и направляется къ нему. Ѳедя сразу почувствовалъ, догадался, что мальчикъ идетъ именно къ нему, но по какому-то особенному побужденію — не то недовѣрія, не то осторожности — пошелъ быстро впередъ, не показывая вида, что замѣтилъ мальчика. Тотъ скоро догналъ его.

— Здравствуй, — сказалъ мальчишка, заглядывая въ лицо Ѳедѣ.

— Здравствуй, — отвѣчалъ онъ.

— Ты что же, куда идешь?

— Домой ...

— Развѣ ужъ нагулялся?...

— Нагулялся ... Будетъ ...

— Подь къ намъ, въ избу ...

— Почто?...

— Почто? — переспросилъ мальчикъ. — Посиди, погостись у насъ ... Тоже праздникъ и у насъ: чѣмъ ни на есть поподчуемъ.

— Да ты какъ зовешь-то меня?

— Какъ?...

— Тебя послалъ, что ли, кто?... Али ты такъ, самъ-собой?...

— Я самъ-собой ...

— Такъ какъ же я пойду-то къ вамъ? ... Ты развѣ большой въ дому-то? ... Пожалуй, и тебя-то прогонятъ со мной ...

— Ну, вотъ ... Не прогонятъ ...

— Да у васъ кто тамъ въ избѣ-то? ...

— Да теперь никого ... Былъ дядя Финагенъ ... пьяный ... Погостился да ушелъ къ сосѣдямъ ... Одна мамка съ Паранькой сидятъ ... Подемъ ...

— Постой ... Да что же онѣ дома-то сидятъ? ... Почто Параня-то не гуляетъ?

— Гуляла ... Сичасъ пришла ... Сидятъ, тебя ждутъ ... Подемъ, говорятъ ...

— Такъ, стало, онѣ тебя и послали звать-то меня? — спросилъ Ѳедя, вдругъ оживившись и весь вспыхнувъ.

— Ужъ послали — не послали, да подемъ, говорятъ ... Погости у насъ ...

— Да какъ же я пойду: меня мать-то твоя и не знаетъ вовсе? ...

— Знаетъ, — въ окно видѣла, какъ ты супротивъ избы-то нашей стоялъ ... Ужъ подемъ, говорятъ ...

Ѳедя больше не разспрашивалъ. Онъ сообразилъ, что Параня подучила маленькаго брата позвать его, какъ своего знакомаго, а сама хочетъ остаться въ сторонѣ и скрыть, что замѣтила его, — что онъ полюбился ей.

„Для того, видно, она и изъ круга-то убѣжала, чтобы братишку подослать ко мнѣ", — думалъ Ѳедя, и сердце его ожило и радостно билось и замирало. Такъ у него хорошо и весело было на душѣ въ ту минуту, когда онъ шелъ въ избу Парани, какъ послѣ, кажется, и не бывало. Такъ онъ любилъ въ это время Паранина брата, что, кажется, душу бы за него отдалъ, — и такой онъ ему казался и умный, и смышленый, и добрый. Кабы не на улицѣ было, — такъ бы онъ его и обнялъ, и расцѣловалъ бы.

— Какъ звать-то тебя? — догадался, наконецъ, спросить его Ѳедя.

— Николка ...

— Надо тебѣ учиться, Николаша, надо ... Что въ подпаскахъ, какой путь? ...

— А вотъ отпасу, тогда опять къ Василь Якимычу.

— Непремѣнно ... Я тебя ужъ устрою ... опредѣлю ...

— Придѣли ... И мамка говоритъ: добре бы добрый человѣкъ нашелся — поддержалъ бы насъ въ нуждѣ ...

Наклонившись, вошелъ Ѳедя въ дверь маленькой, темной, сиротской избушки, въ которой жила Параня съ матерью, но когда поднялъ голову, точно солнышкомъ освѣтилъ и опалилъ его ласковый, привѣтливый взглядъ свѣтлыхъ Паранинхъ глазъ и ея лукавая улыбка. Онъ не помнитъ дальнѣйшихъ подробностей этого свиданія въ убогомъ жилищѣ, которое казалось ему лучше, богаче и красивѣе всякаго сказочнаго дворца, не помнитъ, о чемъ говорилъ съ матерью, чѣмъ его угощали, какъ онъ вызвался учить грамотѣ Параню и уплатить матери деньги, которыя Николка долженъ былъ получить отъ пастушни, съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ должность подпаска и ходилъ опять въ школу, — онъ видѣлъ и сознавалъ тогда, вспоминаетъ и теперь только то полное счастье, невыразимое блаженство, то внутреннее довольство, которое испытывалъ, сидя рядомъ съ Параней, встрѣчая ея ласковый взглядъ и улыбку, принимая изъ ея рукъ какое-то угощеніе, слушая ея привѣтливыя рѣчи ... Помнитъ и то, какъ вдругъ у него сжалось сердце, потемнѣло въ глазахъ, сдѣлалось тошно и скучно, когда подруги вызвали Параню изъ ея избы опять на гулянку, и онъ остался въ избѣ одинъ съ матерью ея: точно въ самомъ дѣлѣ вдругъ закатилось солнышко, которое согрѣ-

вало и свѣтило ему и онъ остался въ потьмахъ. Тогда только онъ разсмотрѣлъ, въ какой бѣдной лачугѣ жила Параня, какая нищета и недостатки окружали ее: онъ разсмотрѣлъ закоптѣлый, низкій потолокъ, грязный съ дырами полъ, замѣтилъ, что сидитъ на узенькой лавкѣ, передъ маленькимъ покоробившимся столомъ, на которомъ стоялъ штофъ съ водкой, лежало на блюдцѣ нѣсколько кренделей, полубѣлый пирогъ съ кашей, какіе-то грязные пряники и гнилые орѣхи; два маленькія окошечка плохо освѣщали хату.

Николка убѣжалъ изъ избы еще раньше, тотчасъ какъ привелъ Ѳедю, и теперь онъ сидѣлъ съ одной матерью Парани. Она была очень любезна съ гостемъ, старалась его угощать и поддержать разговоръ, но Ѳедя, безъ Парани, не могъ ничего ни ѣсть, ни пить, и бесѣда не вязалась. Мать Парани успѣла, однако, распросить его обо всемъ, что̀ касалось его семьи, дома, достатковъ, родства и пр. Наконецъ, Ѳедя сталъ собираться уходить.

— Что же мало погостили? — спросила Дарья Тихоновна. — Покушайте еще чего-нибудь. Да выкушай водочки, полно ...

Ѳедя отказался.

— Али къ молодымъ робятамъ да дѣвкамъ тянетъ?.. И то сказать: со мной тебѣ посѣдки-то не веселы ... На гулянку, что ли, опять пойдете?

— Ужъ не знаю, ка́къ ... Къ домамъ пора, кажись: не рано ужъ ...

— Такъ ужъ какъ же мнѣ съ Николашкой-то? Посылать его опять къ пастуху-то, аль нѣтъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Дарья Тихоновна, въ школу посылайте, а я вотъ завтра эти шесть цѣлковыхъ вамъ принесу ...

— То-то, то-то, Ѳедоръ Герасимычъ, мнѣ бы передъ пастухомъ-то тоже не сконфузиться бы ... Взять-то я его возьму, а послѣ, какъ у насъ ничего не выйдетъ, безъ денежекъ-то я останусь: придется опять по деревнямъ ходить да мѣстечка ему искать ... Пожалуй, и не возьмутъ никуда, да и срамота одна будетъ. Ужъ вы меня не обманите ...

— Какъ это можно: безпремѣнно въ скорости принесу ...

— Вотъ тоже кафтанишка ему обѣщали, рубаху да портки отъ деревни-то ... Опять же и нови тоже даютъ: ржицы, ячменцу ... А намъ для сиротства это дорого стоитъ ... Ужъ придется ото всего этого отказаться ...

— Такъ у меня рублей съ двѣнадцать есть денегъ-то своихъ собственныхъ ... Я вамъ всѣ, пожалуй, принесу ... Вотъ вы его и обошьете ...

— Вотъ такъ ужъ дружка Богъ далъ ... Вотъ такъ ужъ сердце доброе, не корыстное ... Какъ ужъ васъ и благодарить-то, не знаю ... Кабы маненько помоложе была, разлизала бы молодца: тоже, бывало, и я не изъ послѣднихъ слыла; какъ еще гонялись-то! Только поцѣлуй — душу иной отдастъ! ... Ну, да ужъ вотъ завтра придешь, да насъ этакъ утѣшишь, велю Паранькѣ поцѣловать ... Ишь ты, еще краснѣетъ ... ровно дѣвка красная ... А оставь-ка однихъ!.. А вотъ что, паренекъ милый, не ходи ты теперь и вправду на гулянку, а и пойдешь, не лѣзь на людяхъ къ Паранькѣ ... Тутъ всѣ около нея увиваются, отбою нѣтъ, а ты чужестранный, да запримѣтятъ, что ты къ ней, а она къ тебѣ льнетъ — тотчасъ бока намнутъ, повредятъ еще какъ ... Срамота-то срамотой и на нее огласка, а еще кто знаетъ, что промежъ васъ будетъ ...

А придешь ты къ намъ буднемъ, придешь тихо, смирно, прямо въ избу: хошь и примѣтятъ, такъ кому какое дѣло? — Да опять же у матери на глазахъ ... Такъ не ходи, Ѳедоръ Герасимычъ, а пойдешь — виду не давай, съ Паранькой не заигрывай ... Я вѣдь баба-то бывалая, на своемъ вѣку много всего видѣла, — и худого, и хорошаго; изъ-за меня промежъ мужиковъ тоже свары бывали, да еще какія ... Такъ ты меня слушай ... У меня и Паранькѣ одна наука: ты ихъ всѣхъ подпускай къ себѣ, только не больно близко и одному передъ другимъ ходу не давай, а пускай они крутятся да грызутся около тебя, промежъ собой ... Здѣсь вѣдь какой народъ: кто получше-то, позажиточнѣе, такъ смотрятъ, какъ бы такъ дѣвку-то красивую обойти на кривыхъ, а невѣстъ-то ищутъ: нѣтъ ли гдѣ около сундука съ деньгами, хоть бы и корявую-какую — все равно, лишь бы съ деньгами; а голь-то перекатная,—пожалуй, хоть сейчасъ сватовъ пришлютъ, и присылали, да нѣтъ, лихъ, — моя Паранька не изъ таковскихъ: будетъ ужъ, я сама въ бѣдности-то намаялась, знаю; тоже не хуже ея была, да за бѣднаго попала — всю жизнь вотъ и маюсь ... Ну, такъ приходи же ... Ждать будемъ ...

Ѳедя не утерпѣлъ и зашелъ на гулянку; но не подходилъ къ Паранѣ, и только издали поглядѣлъ на нее. Она тоже, какъ и давеча, не показывала даже виду, что замѣчаетъ его ...

V.

Ѳедя пришелъ домой въ этотъ день точно въ какомъ чаду, точно отуманенный или опоенный какимъ зельемъ: онъ не могъ путемъ говорить, отвѣчалъ не впопадъ, поторопился уйти спать, но не могъ

уснуть и лежалъ чуть не до свѣту съ открытыми глазами и съ неотступной мыслью, что онъ завтра опять пойдетъ въ Онучино, увидитъ Параню, будетъ сидѣть съ ней, разговаривать и, можетъ быть... поцѣлуетъ ее... Пошутила или вправду обѣщала это Дарья Тихоновна? ... И какая она, эта Дарья Тихоновна, добрая, чудесная и умная, и ласковая, и открытая ... И какіе она хорошіе совѣты даетъ дочери: и въ самъ-дѣлѣ, пускай ихъ грызутся около нея, только бы она никого къ себѣ не подпускала... И развѣ кто-нибудь изъ нихъ годится ей въ мужья?... Всѣхъ онъ ихъ видѣлъ ... Развѣ ей этакого мужа надо?... А какого?... Вотъ когда онъ ее выучитъ грамотѣ, а самъ разбогатѣетъ ... онъ непремѣнно разбогатѣетъ! ... Вотъ тогда! ... И зачѣмъ онѣ такія бѣдныя ... ахъ, какія бѣдныя! Лошади нѣтъ ... Коровка-то еще есть ли?... Все имъ отдамъ, все, что̀ есть ... И что̀ послѣ буду заработывать, все имъ отдавать ... Долго ждать, пока разбогатѣю ... А теперь, пожалуй, и ее мать не отдастъ, да и мой отецъ упрется: тоже деньги любитъ, тоже побогаче для меня ищетъ ... Чего добраго, и Ѳедотъ Семенычъ будетъ противъ того, чтобы я женился на ней ... Развѣ попытать, сказать ему?... Нѣтъ, нѣтъ, и думать нечего ... Никому не скажу ... Да еще, пожалуй, и она-то сама не пойдетъ за меня ... Что я-то такое? Что за богачъ? Въ чужомъ дому живу, своего — ничего ... Еще и полюбитъ ли она меня?... А вотъ завтра ... завтра пойду, отнесу ... Можетъ, Дарья Тихоновна и не пошутила, а вправду ... Завтра все видно будетъ, только бы дожить ...

И это завтра, наконецъ, наступило. Ѳедя сосчиталъ свои деньги. Ихъ оказалось даже больше двѣ-

надцати рублей: онъ копилъ ихъ давно уже, собираясь, по совѣту Василья Якимыча, сдѣлать модель какой-то машины, которая складывалась въ головѣ Ѳеди. Теперь онъ положилъ ихъ въ карманъ, чтобы съ радостью отдать для другой цѣли. Управивши, не съ обычною аккуратностью, всѣ работы по дому, вскорѣ послѣ обѣда онъ ушелъ опять въ Онучино. Тамъ еще справляли по домамъ праздникъ, но гулянки уже не было, и деревенская улица была пуста. Ѳедя, никѣмъ не замѣченный, вошелъ въ избу Дарьи Тихоновны, но у нея были гости. Два пьяные, молодые еще, мужика сидѣли передъ столомъ по сторонамъ хозяйки и, одною рукою обнявши ее, а другою размахивая, покачиваясь и притопывая, пѣли веселую пѣсню. На столѣ валялся опрокинутый штофъ, какіе-то объѣдки и виднѣлись слѣды пролитаго или расплесканнаго питья. Хозяйка сидѣла между ними красненькая, подпѣвала и, какъ показалось Ѳедѣ, тоже была черезъ-чуръ весела. Онъ остановился у дверей не безъ смущенія и оглянулъ избу: ни Парани, ни Николки въ ней не было. За пѣсней и топаньемъ Ѳедю не сразу замѣтили, и онъ стоялъ нѣкоторое время, не зная, что̀ дѣлать: поздороваться ли съ хозяйкой, или уйти. Съ удивленіемъ онъ смотрѣлъ, какъ то одинъ гость, то другой, среди пѣнія, цѣловали хозяйку и цѣловались другъ съ другомъ, причемъ Дарья Тихоновна только посмѣивалась да слегка отстранялась. Наконецъ, она увидѣла Ѳедю и засуетилась.

— Ахъ, гость дорогой!... Пустите вы, черти пьяные! ... Вотъ оглашенные! ...

Съ трудомъ вырвалась она изъ рукъ своихъ гостей и подбѣжала къ Ѳедѣ, поправляя нѣсколько сдвинутый на головѣ платокъ.

— Не ждали сегодня, не чаяли ... Здравствуйте, Ѳедоръ Герасимычъ ... А у меня вонъ ... свояки сошлись ... праздникъ догуливаютъ ...

— Кто такой? — перебилъ ее громкимъ пьянымъ голосомъ одинъ изъ свояковъ.

— Какой такой человѣкъ ... незнамый? — подхватилъ другой, колотя кулакомъ по столу. — Вонъ!... Чтобы не было ...

— Молчите вы, оглашенные! — кинулась къ нимъ Дарья Тихоновна. — Къ Николкѣ моему ... отъ учителя ... Насчетъ науки ... Николка-то убѣжалъ ... Поди на улицѣ гдѣ, — продолжала она, снова перебѣгая къ Ѳедѣ и видимо смущенная. — Подь, родной, Ѳедоръ Герасимычъ, пройди по улицѣ-то: гдѣ-нибудь увидишь его ... Николку-то ... Увидишь, возьми его съ собой, приводи сюда ...

Она торопливо старалась почти вытолкнуть Ѳедю за порогъ дверей и отвлечь его вниманіе отъ пьяныхъ гостей, которые продолжали шумѣть.

— Ты походи, Ѳедоръ Герасимычъ, по улицѣ-то, — говорила она ему уже на крыльцѣ, затворивши за собою дверь въ избу, — а я покамъ выживу отъ себя пьяницъ-то ... Ворвались, оголтѣлые ... Что подѣлаешь, — праздникъ! ... Опять же въ родствѣ: никакъ нельзя ... А они вонъ какіе!... Того смотри, тотчасъ и въ драку ... Неспокойны, пьяные-то ... Ты пройдись, батюшка, разъ-другой по улкѣ-то и Николку-то найдешь, а, можетъ, и Паранька тебя увидитъ: гдѣ-нибудь сидитъ съ дѣвками ... Увидитъ, тоже прибѣжитъ ... А я ихъ живымъ манеромъ выживу ...

Дарья Тихоновна говорила все это несвязно, торопясь воротиться въ избу, гдѣ оставленные гости шумѣли и звали ее.

Ѳедю смутила и озадачила вся эта сцена, но онъ не могъ долго задумываться надъ нею: всѣ его мысли были направлены къ Паранѣ. Онъ думалъ только о ней, искалъ только ее одну и глазами, и сердцемъ. Идя вдоль улицы, онъ рѣшалъ для себя вопросъ: какъ ему быть, если встрѣтится съ Параней или увидитъ ее сидящею гдѣ-нибудь съ подругами: кланяться ли ему съ нею, или пройти, какъ незнакомому? Но его вывелъ изъ затрудненія Николка. Онъ вдругъ явился передъ нимъ, точно изъ земли выросъ. Оказалось, что онъ игралъ на задворкахъ съ ребятами и, когда Ѳедя проходилъ мимо одного проулка, увидѣлъ его, узналъ и подбѣжалъ.

— Куда же ты идешь? — спросилъ онъ Ѳедю.

Тотъ объяснилъ и разсказалъ, что засталъ у матери гостей и что она почти выпроводила его.

— Кто это? Здѣшніе, что ли? — спросилъ онъ Николку. — Сродственники ваши?

— Каки сродственники!... Такъ, гулящіе они ... Здѣшніе: Иванъ да Кузьма ... Дружки они мамкины ... Завсегда у насъ гуляютъ ... Когда одинъ по одному ходятъ, а когда и вдвоемъ ... Иной разъ раздерутся, а другой и ничего, оба вмѣстѣ сидятъ, — пьютъ да пѣсни поютъ ...

— А Параня ... Парасковья-то Михайловна гдѣ же? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Ѳедя.

— А она, поди, гдѣ-нибудь съ дѣвками ... Ужъ коли тѣ придутъ къ мамкѣ, Паранькѣ дома не сидѣть ...

— Отчего?

— Мамка завсегда ужъ насъ обоихъ съ ней гоняетъ вонъ изъ избы ... потому — безобразятъ ... и къ Паранькѣ лѣзутъ ... Съ ними ничего не по-

дѣлаешь!... Такъ ужъ который придетъ, да коли пьяный, Паранька и сама тотчасъ уйдетъ ... къ сусѣдямъ ...

У Ѳеди захватило духъ.

— Такъ зачѣмъ же ихъ мамка-то пущаетъ?... Она бы прогнала ихъ ...

— Да какъ ихъ прогонишь?... Наше сиротское дѣло, а они тоже носятъ: не съ пустыми руками ходятъ ... Иванъ-отъ особливо: онъ богатый былъ, только прожился, сказываютъ, промотался вовсе ... У жены-то, чу, шубу пропилъ, вправду ли, нѣтъ ли — сказываютъ ...

— Развѣ онъ женатый?

— Такъ неужто? ... Оба женатые ... Пущай Иванъ-то одинокій, а Кузьма-то — тотъ дѣтный ... Жена-то, сказываютъ, бьетъ его ...

Николка усмѣхнулся.

— А у тебя тятька-то давно померъ?

— Давно ... Я не помню ... Онъ изъ дворовыхъ, сказываютъ, высаженъ ... Хворой, чу, былъ, не долго пожилъ ... И мамка-то вѣдь за господами жила въ дѣвкахъ-то ... Ихъ обвѣнчали да и высадили сюда ... въ деревню ...

— Вотъ я деньги-то принесъ ... Будешь ли учиться-то? Станешь ли въ училище-то ходить?...

— Стану. Отчего не ходить ... Все лучше, чѣмъ въ подпаскахъ-то ... У насъ Василій Якимычъ добрый: ни дерется, ни что ... А обучусь, тогда въ писаря можно, али по торговой части ... А вонъ Паранька-то, вонъ, съ дѣвками да съ парнями на завалинкѣ сидятъ ... Позвать, что ли, ее?

— Позови ... Нѣтъ, постой ... Ты вотъ что ... Пойдемъ назадъ, къ вамъ на избу: можетъ, тѣ ушли ... Ты посмотри: коли тѣ ушли, тогда я

войду, а ты тогда сбѣгай, позови сестру-то: про меня-то ничего не говори, а скажи, что мамка зоветъ ...

— Ну, ладно ...

Въ избѣ оставалась уже одна Дарья Тихоновна, которая успѣла даже уничтожить на столѣ признаки происходившей попойки и выставила остатки праздничнаго угощенія: крендели и пряники. Она поджидала Ѳедю и видимо старалась придать лицу своему солидное и степенное выраженіе.

— Вотъ въ какую компанію попалъ-было, Ѳедоръ Герасимычъ ... Что̀ подѣлаешь: праздникъ, — гуляютъ! ... Мужика въ домѣ нѣтъ, дѣло сиротское, не выгонишь ... Любо ли, не любо ли — терпи: сродниками признаются ... Насилу спровадила, насилу уговорила уйти-то ... Колобродятъ, да и на̀-поди! ... Садись-ка, гость дорогой! ... Ужъ никакъ не чаяла, что сегодня пожалуешь ... Что Параньки-то не встрѣтилъ, не видалъ?

— Видѣлъ ... издальки ... А я вотъ насчетъ денегъ-то, чтобы васъ успокоить ... для Николахи, чтобы опять въ ученье-то его ...

— Ахъ, покорнѣйше благодарю ... Вотъ ужъ истинно благодѣтеля Богъ далъ ... Видать, что человѣкъ настоящій, добрый, а не на словахъ на однихъ ... Позабавься, батюшка, отвѣдай чего-нибудь, нашего-то сиротскаго угощенья ... Не обессудьте ... Вотъ хоть пряничковъ ... Покушай, милый ...

Она усердно навязывала ему тарелку съ пряниками и онъ, изъ приличія, взялъ нѣсколько штукъ.

— Вотъ вѣдь бѣдность-то наша: чайкомъ бы надо угостить дорогого гостя, а у меня и самовара-то нѣтъ ... Былъ и самоварчикъ-то, да отъ нужды

продала ... Да, вотъ жизнь-то моя какая! ... А вѣдь на чаю выросла: какъ же ... въ господскомъ дому, при господахъ, въ горницахъ выросла! ... И теперь еще барыней кличутъ ... Да барыней бы мнѣ и быть, кабы не злые люди ... Такъ меня молодой баринъ любилъ, такъ любилъ! ... Быть бы мнѣ барыней, да ужъ, видно, такова моя судьба горькая ... Вѣдь и Параня-то моя барской крови-то, не простой ... Ужъ сказать тебѣ, не солгать ... по всей, по душѣ ... Да этого и не спрячешь: по виду видать, что не мужицкой крови, али не простой ... Въ догадку ли вамъ это, Ѳедоръ Герасимычъ, ну-ка, скажи по правдѣ? ...

Ѳедѣ было очень неловко и тяжело при этихъ разсказахъ: ему вспомнился вдругъ учитель Василій Якимычъ, его горячія рѣчи о личномъ человѣческомъ достоинствѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, о незаслуженныхъ привиллегіяхъ, о злоупотребленіяхъ ими, и многое, многое, что̀ ему самому приходило въ голову, волновало и возбуждало его молодую мысль и сердце. Онъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросъ Дарьи Тихоновны, но она опять повторила его.

— Нѣтъ, да ты правду мнѣ скажи: неужто ты такъ и думалъ, что она изъ нашего простого рода? ... Неужто тебѣ такъ ничего и не вступало въ голову?

— Для меня это все равно, — проговорилъ Ѳедя, нахмурившись, почти сердито.

— Да развѣ въ нашемъ роду экія красавицы бываютъ? ... Посмотри-ка, обойди всю деревню, есть ли хоть одна супротивъ ея? ...

— Да вѣдь вотъ вы сами же говорите, что красивѣе ея были, а изъ нашего же вѣдь рода, изъ мужицкаго, чай, не изъ барскаго? ...

— А кто знаетъ? А почемъ знать? Можетъ, я только не знаю, а у насъ, бывало, во дворѣ, при господахъ, всего много случалось ... И неразберимое дѣло, что было ... А отчего дворовая всегда въ отличку отъ простой бабы деревенской? ... Отъ этого самаго ... отъ крови! ...

Ѳедя еще больше насупился, такъ что Дарья Тихоновна, несмотря на свое возбужденное состояніе, замѣтила это и спохватилась.

— Али вы господъ-то не любите? .. Знаю я, нынѣшніе молодцы изъ крестьянства, особливо грамотные да ученые, сами себя высоко понимаютъ ... То и хорошо, что говорить! .. А только что и промежъ господъ хорошіе есть люди ... не все худые ... Вѣдь и въ крестьянствѣ-то этакихъ, какъ вы, не много ... Вотъ и умный, и степенный, и непьющій, и добрый ... Вонъ какого Богъ уродилъ! .. А много ли этакихъ-то? .. А все больше либо буянъ, либо пьяница, либо озорникъ какой ... Извѣстно, кабы этакихъ побольше, какъ вы ... и мужички бы тогда въ ходъ пошли ... Что это, Параньки-то долго не идетъ? ... Вамъ со мной, съ одной, скучно водиться-то ... Поди, чай, обѣщать только и думать, чтобы какъ Параньку повидать? .. Не чаяла я, не чаяла, что сегодня придете: не пустила бы ее изъ дома ...

Ѳедя сконфузился.

— Нѣтъ, вѣдь я только, чтобы насчетъ денегъ поскорѣй ... какъ Николкѣ завтра идти бы надо въ Колосово ... Вотъ получите ... Я принесъ ...

Ѳедѣ, въ надеждѣ на полученіе обѣщаннаго вчера вознагражденія, хотѣлось было отдать эти деньги непремѣнно въ присутствіи Парани, но не вышло: онъ не сумѣлъ этого сдѣлать и внутренно сердился на

себя. Онъ опечалился еще болѣе, когда Параня вошла въ избу тотчасъ послѣ того, какъ Дарья Тихоновна, получа деньги, разсыпалась въ благодарностяхъ, прослезилась и, въ припадкѣ чувствительности, даже расцѣловала Ѳедю и уже успѣла спрятать деньги. Появленіе Парани дало разговору другой оборотъ: мать спросила ее, гдѣ она была, разсказала со смѣхомъ, какихъ пьяныхъ гостей засталъ у нея Ѳедя, а о деньгахъ и обѣщанной за нихъ наградѣ даже и не упомянула, точно забыла совсѣмъ или считала Ѳедю вполнѣ вознагражденнымъ, а свою ласку достаточно замѣнившею ту, о которой юноша мечталъ всю ночь. Параня принесла съ собою опять ясное солнышко, но несбывшаяся надежда томила Ѳедю и не давала мѣста тому полному счастью, той радости и блаженству, которое онъ испытывалъ наканунѣ. Можетъ быть, этотъ поцѣлуй при свидѣтеляхъ, не добровольный, а по приказу, и притомъ, какъ-бы купленный, не доставилъ бы Ѳедѣ такого наслажденія, какого онъ ожидалъ, но все-таки онъ ожидалъ его и терзался, что надежда его не осуществилась, сердился на мать и еще больше на себя самого.

Вообще весь этотъ день былъ какъ-то неудаченъ и не оправдалъ ожиданій Ѳеди. Сцена, которую онъ засталъ, и потомъ бесѣда съ матерью произвели на него тяжелое, непріятное, какое-то гнетущее впечатлѣніе. Параня была тоже какъ будто скучна, не показала радости при свиданіи съ нимъ, смотрѣла равнодушно, не кокетничала, была неразговорчива: Ѳедя не встрѣчалъ тѣхъ вызывающихъ взглядовъ и улыбокъ, которыя наканунѣ заставляли бить такую тревогу его сердце; ему показалось даже, что Параня была какъ будто печальна и недовольна. Дарья

Тихоновна, напротивъ, была очень весела, не въ мѣру ласкова и надоѣдала своей болтовней, точно на этотъ разъ мать съ дочерью обмѣнялись ролями. Отъ всего этого въ душу Ѳеди забиралась какая-то тоска, недовольство: онъ сидѣлъ молча, опустя голову, и чувствовалъ, что былъ очень скучнымъ собесѣдникомъ. Онъ и домой ушелъ въ тотъ день такой разстроенный и печальный, точно съ нимъ случилось какое несчастье. Его не утѣшало даже и настойчивое, неоднократно повторенное приглашеніе: заходить почаще.

VI.

Тяжело было Ѳедѣ пережить нѣсколько дней до новаго свиданія съ Параней. Онъ не рѣшался идти въ скоромъ времени, чтобы не обратить вниманія домашнихъ и постороннихъ: робкое чувство, которое онъ испытывалъ, требовало тайны, пряталось на дно души, стыдилось показываться на чужіе глаза. Въ тотъ день, когда Ѳедѣ казалось можно уже идти въ Онучино, не возбуждая подозрѣній, онъ дома все-таки сказалъ, что идетъ въ село къ учителю, хотя его никто никогда не спрашивалъ, куда онъ отлучается. И Ѳедя, дѣйствительно, задумалъ сначала забѣжать для вида къ Василію Якимычу на нѣсколько минутъ, хотя это ему было вовсе не по дорогѣ.

— Что давно тебя не видно? — спросилъ учитель.

— Да вотъ все за дѣлами, — отвѣчалъ Ѳедя.

— За какими дѣлами-то? — съ какой-то особенной, странной улыбкой переспросилъ Василій Якимычъ.

— А какъ же, мало ли въ дому дѣла?.. Къ

пашнѣ припасаемся ... Пахать скоро приниматься надо ...

— Али въ Онучинѣ землю въ аренду снялъ?

— Какъ въ Онучинѣ? — отозвался Ѳедя, краснѣя.

Учитель, смотрѣвшій на него, захохоталъ.

— Ахъ, ты, чудакъ, чудакъ!.. Признавайся: втюрился, что ли?

— Я ... ничего! — глупо и растерянно возразилъ юноша.

Учитель захохоталъ еще громче. Ѳедю покоробило отъ этого смѣха.

— Да надъ чѣмъ же ... вы?.. Что я погулять-то сходилъ въ Онучино о праздникѣ?...

— Полно ты мнѣ хитрить!.. Признавайся, говорю, лучше!.. Вѣдь я все узналъ ...

— Да что вы узнали?.. Ничего нѣтъ ...

— Какъ ничего нѣтъ?.. Я думалъ, онъ тихій, робкій ... женскаго сословія боится, а онъ оказывается ходокъ по этой части, хоть и тихоня ...

— Да что вы, Василій Якимычъ!.. Право же ничего не было ...

— Ну, не было, такъ будетъ ... Да ты что же? Не конфузься очень-то ... Это ничего ... Подури, коли блажь нашла!.. Только не давай себя очень болванить то, а то, пожалуй, обобрать-то оберутъ, да еще дуракомъ сдѣлаютъ ...

— Да что же вы узнали такое?.. Скажите же мнѣ ...

— Да какъ что, братецъ? Все узналъ ... Прихожу какъ-то въ школу: мальчишекъ теперь ужъ мало ходитъ, одинъ по одному каждый день убываютъ, такъ и таетъ классъ, точно снѣгъ весной ... Недаромъ же и тепло стало ... А тутъ смотрю —

прибылой: вышелъ-было и опять появился; взяли въ подпаски, обругали еще меня тогда, что я этимъ ученьемъ только бѣдняковъ притѣсняю, а тутъ вдругъ опять въ школу поступаетъ ... Да еще какой? .. что ни на есть самый нищеплетъ, Николка изъ Онучина ... Что за чудеса такія! .. — Да вѣдь тебя, спрашиваю, въ подпаски хотѣли отдать? — „Отдавали“, говоритъ, „да опять взяли.“ — Съ чего же это такъ? Али не погодился? — „Нѣтъ, чтобы доучился поскорѣе“ ... — Да вѣдь у васъ дома ѣсть нечего: оттого тебя и взяли изъ училища, и въ пастухи хотѣли отдать? ... — „Теперь“, сказываетъ, „у насъ благодѣтель проявился: обѣщался всю семью прокормить, только бы я учился“ ... Фу ты, чортъ, думаю, откуда этакая благодать ... Что у насъ за пропагандистъ такой явился? .. Заинтересовало это меня ... Началъ выпытывать мальчишку и допытался: вотъ кто у насъ этотъ благодѣтель и пропагандистъ — Ѳедоръ Герасимычъ! .. Признаться сказать: сначала-то я даже въ умиленіе пришелъ, хотѣлъ, какъ увижу тебя, на шею броситься ... А послѣ, какъ вспомнилъ, что тамъ эта сестренка быстроглазая есть, — правда, хорошенькая, чортъ ее дери! .. Да еще разузналъ кое-что ... Ну, поостылъ отъ восторговъ ... А все-таки похвально: по крайней мѣрѣ, хоть мальчишка грамотѣ выучится, хоть не совсѣмъ даромъ деньги брошены ... И что это, однако, наша жизнь за лужа такая грязная, омутъ какой-то вонючій, — заговорилъ вдругъ Василій Якимычъ желчнымъ тономъ: чтобы мальчишкѣ обучиться грамотѣ, нужно, чтобъ у него была сестра красивая и чтобы нашелся на нее охотникъ съ деньгами ...

— Да вы что же думаете, — порывисто перебилъ его Ѳедя. — Я вѣдь не изъ чего-нибудь ...

Я вѣдь только чтобы учился Николка ... Вы напрасно думаете: онѣ не такія ... И я не изъ-за того совсѣмъ...

— Ахъ, ужъ ты мнѣ только не рисуйся ... Терпѣть этого не могу ... Видите: безкорыстнымъ благодѣтелемъ хочется остаться!.. А что ужъ тутъ финтить, говори на чистоту!.. Вѣдь не будь у Николки красивой сестры да не вздумай ты къ ней примазаться, — тебѣ бы и въ голову не пришло тратить, можетъ быть, послѣднія деньги на его ученье ... и не подумалъ бы!.. А ты все же лучше другихъ: хоть и про себя хлопочешь, да въ то же время и другому пользу хочешь сдѣлать ... А что онѣ не такія-то, такъ это ужъ, братъ, ты врешь ... Я справки наводилъ, разспрашивалъ: матка-то гулена извѣстная, всѣ ее знаютъ кругомъ ... Ну, значитъ, и дочка ...

— Нѣтъ, Василій Якимычъ, нѣтъ, не правда! съ азартомъ прервалъ его Ѳедя — и вдругъ вспомнилъ сцену, которую видѣлъ въ избѣ Дарьи Тихоновны. — Я не знаю про мать ... а дочь — нѣтъ, она честная дѣвушка, скромная!.. Она не такая, это неправда!..

— Да ты ужъ, братъ, не въ невѣсты ли себѣ прочишь ее ... Не надумалъ ли жениться на ней? — спросилъ учитель.

— Я не знаю ... Я ничего не думалъ ... А только что ...

Въ голосѣ Ѳеди слышались слезы.

— Ѳедоръ ... Чудакъ!.. Да ты и вправду, видно, втюрился въ нее ... Ты признайся мнѣ: неужто и въ самомъ дѣлѣ ты не такъ только, а и жениться бы на ней не прочь?..

— Ахъ, не спрашивайте вы меня Василій Яки-

мычъ ... Ничего я не знаю ... Ничего и не думалъ ... Только не ругайте вы ея, не срамите ... Тошно мнѣ, тяжело ... вотъ какъ! .. Ей-Богу! ..

Ѳедя не удержался, заплакалъ и выбѣжалъ отъ учителя, не простившись съ нимъ.

На улицѣ онъ спрятался за уголъ какого-то зданія и плакалъ долго и на-взрыдъ, не сознавая о чемъ, не думая о причинѣ этихъ слезъ. Проплакавшись, онъ уже не могъ идти опять къ Василію Якимычу даже для того, чтобы хоть попрощаться съ нимъ, но скорымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, пошелъ въ Онучино.

Съ замираніемъ сердца, съ чувствомъ какого-то безотчетнаго страха, точно передъ бѣдою, подходилъ Ѳедя къ дому Дарьи Тихоновны. Въ избѣ онъ встрѣтилъ одну только Параню; матери не было. Дѣвушка радостно вскрикнула, увидѣвши его.

— Ахъ, насилу-то пришелъ ... А ужъ мы ждали, ждали ... Глаза даже всѣ просмотрѣли, ждамши, — говорила она. — Садитесь, гости будете ... Чтой-то вы долго не шли къ намъ? ...

Ѳедя не могъ унять замираніе сердца, теперь радостное, не могъ собраться съ силами, чтобы заговорить, а стоялъ и смотрѣлъ на Параню съ такимъ восторгомъ, съ такимъ упоеніемъ, что показался ей страннымъ, даже смѣшнымъ.

— Ай, да чтой-то вы какой, — сказала она, едва удерживаясь отъ смѣха. — Ровно безъ языка ... Что не говорите ничего? .. Садитесь, молъ, гости будете ... То не шелъ, а теперь вонъ какой ... Ровно глумные ...

Но, вглядѣвшись пристальнѣе въ глаза Ѳеди, Параня вдругъ покраснѣла, потупилась, смущенно отошла отъ Ѳеди и усѣлась на лавку подальше отъ него.

— Маменька съ Николкой по грибы пошли: сморчки отошли, стройки, сказываютъ, прошибаться стали, — проговорила она, чтобы прекратить молчаніе.

— А вы что же не пошли? — спросилъ Ѳедя.

— Кабы пошла, такъ и избу бы запереть ... Тогда бы и вы пришли, только бы замку поклониться ...

— А вы развѣ меня ждали?

— Почемъ я знала, когда вы придете ... Какъ ждать-то? .. Кабы сказали тогда, въ тотъ день приду, такъ и ждали бы ... А не охоча я за этими грибами-то ходить: грибъ-то пустой — строекъ ... Кабы за бѣлыми ... вотъ то — другое дѣло ... Охотно и брать ...

— Значитъ, не ждали. А вы какъ же сказали, что всѣ глаза проглядѣли, ждамши.

— Знамо глядишь ... Какъ же не смотрѣть-то, коли глаза естъ ... На то и глаза ... А вы вонъ даве вошли, глаза-то уставили, а равно и не видите ничего ... Съ попыховъ, что ли, вы это съ какихъ? ... Бѣжали, что ли, невѣдомо отъ кого? ...

Параня фыркнула и закрылась передникомъ.

— Вамъ смѣшно, а мнѣ, можетъ быть, не до того было ... Бѣжалъ къ вамъ точно, запыхался, да и увидѣлъ — и духъ совсѣмъ захватило ...

— Съ чего это? ..

— Съ чего? ... А съ радости, что васъ увидалъ! ..

— Велика радость! .. Я не писаная какая! ... Экихъ много ...

— Нѣтъ, писаная ... И такихъ нѣту другихъ ... а не то — много! ..

— Чего же вы не шли-то долго?

— А вамъ что до меня?.. Вамъ, чай, все равно ... И не вспомянули, чай?..

— Ну, вотъ все объ одномъ-то ... Не буду вамъ все одно да одно сказывать ...

— Вамъ все равно, а я тотъ разъ ушелъ, ровно свѣтъ у меня отъ глазъ закрылся, да такъ всю недѣлю и маялся ... Заѣла меня тоска ...

— Съ чего такъ?..

— Извѣстно съ чего ... По васъ ...

— Вона!.. Послушай васъ, вы наговорите!...

— Я что ни говорю, у меня все одно, и все изъ самаго сердца ... А вы разъ такъ, а другой — по другому ...

— Ничего не по другому, а все одно ...

— Что же одно-то?...

— А у васъ что?

— У меня? А вотъ что: какъ сегодня, такъ и вчера, какъ увидѣлъ васъ, такъ и по сейчасъ, — только и думушки, и заботушки, что вы однѣ ... И лягу — думаю, и встану — думаю, и во снѣ на глазахъ стоите ... И нѣтъ мнѣ лучше, нѣтъ мнѣ краше ...

— А я-то какъ же? Я-то какъ же? — перебила его Параня и еще подальше отодвинулась отъ Ѳеди.

— А вы?.. Вы вотъ какъ: сегодня взглянули — ровно солнышкомъ освѣтили, на другорядь — и не смотритъ, и не признаетъ, сегодня — говорите и сладко, и ласково, а завтра — въ бесѣдѣ-то сидите, ровно вамъ и скучно, и противно, и говорить-то съ человѣкомъ охоты нѣтъ ...

— Такъ развѣ такъ я?..

— Такъ, такъ точно ...

— Такъ мнѣ этакъ и слѣдъ, потому мы дѣвушки: на насъ смотрятъ, осуждаютъ ... Съ васъ никто

не спроситъ, а съ насъ спрашиваютъ ... Поди-ка, поведи себя безъ береженья, такъ и ославятъ ... Вашъ же братъ, первые — ославятъ ... Послѣ и жениха путнаго не найдешь: такъ въ дѣвкахъ и засидишься ...

— Кабы полюбили человѣка какого, не стали бы этакъ дѣлать, потому это ему одна мука: никакъ не примѣнишься ...

— Любить-то намъ, дѣвкамъ, не приходится, потому одинъ обманъ бываетъ ... А вотъ выйдетъ дѣвка замужъ, станетъ бабой, тутъ и любить станетъ ...

— Да вѣдь какъ же ему жениться, коли онъ не знаетъ, любитъ его дѣвка, или нѣтъ ... Ему и жениться нельзя ...

— А пускай смотритъ: на то и глаза ... Плоха та дѣвка, что сама на него вѣшается ... Я вѣдь понимаю, насчетъ чего вы это заводите, что сегодня такъ, а завтра по другому: что я тогда на гулянкѣ-то виду не дала, что васъ признала ... А какъ же мнѣ было? ... Вы человѣкъ незнаемый, чужестранный, и сама-то я одинова только васъ видѣла да стала бы я съ вами играть, да въ хороводъ зазывать, такъ всѣ бы наши дѣвки и парни-то и не вѣсть что опосля того распустили бы про меня ... Вотъ что! ... Да и вы то бы сами то же сдумали ...

— Нѣтъ, это я такъ и понималъ! ... А вотъ въ останный-то разъ, какъ я былъ, ровно вы и не рады были, что я пришелъ ...

— Не рада и есть: мамонька была не въ себѣ, у насъ въ дому гостей застали ... Развѣ дѣвушкѣ это лестно? ... Я сама на-смерть этихъ гостей не люблю ... Да что дѣлать, коли нужда наша заставляетъ? Мы на сиротскомъ положеніи живемъ; матуш-

ка съ маленькими съ нами осталась: надо было поднять, выкормить ... Да и теперь пить, ѣсть, одѣться нужно ...

— Такъ неужто правда, что — началъ, было Ѳедя, но вдругъ остановился и сконфузился.

— Что, что правда? ...

— Нѣтъ, я такъ ... не о томъ ...

— Матушка завсегда говоритъ: я чужого не возьму, не украду и въ міръ съ кошелемъ не ходила, и на міру не сумятница! ... А кому какое дѣло, какъ я живу сама про себя: шуму отъ меня, безпокойства никому никакого нѣтъ ... Что женатые къ ней ходятъ да носятъ, такъ она не виновата: видно, жены за мужьями смотрѣть не умѣютъ да при своемъ дому держать ... Не ко мнѣ, говоритъ, такъ въ другое мѣсто убѣгутъ, еще хуже домъ разорятъ ... А ужъ что говорить: не больно сладко такъ жить-то, да дѣлать нечего ... Тоже иной разъ пьяные-то подерутся и пошумятъ — всяко бываетъ ...

Ѳедѣ сдѣлалось очень тяжело и больно на сердцѣ отъ этихъ рѣчей.

— Да вѣдь живутъ же люди и безъ этого: работаютъ, промышляютъ, — и кормятся, и семьи поднимаютъ ...

— Да чѣмъ мамонькѣ промышлять-то, здѣсь, въ деревнѣ? Она никакой полевой работы не знаетъ, отъ роду не жинала ... Только и есть, что вотъ пошить когда на попадью да поповенъ, такъ развѣ придется два платья въ годъ — на этомъ не разживешься! ... Въ чужіе люди, въ работницы идти — съ малыми ребятами никто не возьметъ, а раздать насъ по людямъ матушкѣ пожалѣлось ... Ну, а подростать стали, теперь и особливо матушкѣ не

хочется уйти отъ своей избы да и отъ насъ: вотъ и перебиваемся ...

— А какъ же вы-то, Парасковья Михайловна!... Вы-то какъ же? ...

— Что я? ... Насчетъ чего это? ...

— А насчетъ ... всего ... Тоже, чай, чѣмъ-нибудь для дома стараетесь? ... Къ чему-нибудь да пріучены же? ... Какую ни на есть работу знаете?

— А какая моя работа? ... Сначала съ братишкой водилась ... А тутъ, какъ онъ на ноги всталъ, я по мужикамъ въ нянькахъ жила, изъ хлѣба да изъ одежи ... Годковъ тринадцати барыня одна небогатая выпросила-было меня у мамоньки въ услуженіе къ себѣ, обѣщала всему научить ... И ничего, — не обижала меня, нечего сказать, житье мнѣ было не плохое, и ученья никакого не было: больше все на посылушкахъ да на побѣгушкахъ, — то подай да въ этомъ прислужи ... зимой въ комнатахъ, а лѣтомъ больше все около птицы ... Чулки, правда, выучила вязать: обвязывала ее ... навязала и невѣдомо сколько, — поди, чай, и теперь мою работу носитъ! ... Прожила я у нея года съ полтора, а тутъ матушка опять взяла къ себѣ: корысти-то, говоритъ, отъ этого житья не много, а того смотри — избалуешься одна, пропадешь ни за грошъ: подростать очень ужъ я стала ... А лучше же, говоритъ, я тебѣ жениха пріищу достаточнаго да выдамъ замужъ ... За бѣднаго, говоритъ, ни за что не отдамъ ... Да вотъ богатые-то не больно сватаются: голую-то тоже никому не нужно да и къ крестьянской работѣ, знаютъ, не сручна ... Такъ-то вонъ, подъѣзжаетъ вашего брата много, сколь угодно ... И такіе есть лодыри: проходу не даютъ! ... А чтобы по хоро

шему, по закону, изъ-подъ святого вѣнца ... были и такіе ... да намъ не подходящіе ...

— А какіе же? ...

— Да какіе? ... Либо самому ѣсть нечего, либо пьяницы пропойные, либо вдовцы дѣтные ... Да вѣдь и тѣ: придутъ да спрашиваютъ: одежа какая есть-ли, да что дѣлать умѣю? ... Мамонька, спасибо, ихъ скоро спроваживала: теперь ужъ узнали, давно и сватовъ не засылаютъ ...

— Парасковья Михайловна ... Паранюшка ... скажите мнѣ всю правду, — заговорилъ Ѳедя нерѣшительнымъ дрожащимъ голосомъ: — неужто же нѣтъ у васъ вовсе человѣка такого ... по мысли, по сердцу ... чтобы и вы къ нему, и онъ къ вамъ? ... Вѣдь этакая вы ... кажись, тутъ бы душу самую заложилъ, изъ жилъ бы потянулся ... Ни на кого бы не посмотрѣлъ ... никого бы не послушалъ! ... Неужто нѣтъ во всей округѣ ни одного парня, чтобы по сердцу вамъ ... и онъ бы желаніе имѣлъ, и вы ... и въ законный бракъ? ... Вѣдь такой другой нѣту, какъ вы! ... Какъ, чай, и изъ вашихъ ребятъ не найтись: видитъ тоже ... А вы-то? ... Неужто ни къ кому нѣтъ у васъ сердца? ... Скажите вы мнѣ ...

— А вамъ что? ... Зачѣмъ вамъ? ...

— Нѣтъ, скажите вы мнѣ. Откройтесь ... Мнѣ нужно! ...

— Да зачѣмъ вамъ? ... Почто я буду сказывать ... про всякое? ...

— Нужно мнѣ! ... Очень нужно! ... Нѣтъ васъ лучше на бѣломъ свѣтѣ ... И коли нѣтъ у васъ никого ... коли вы никому не обѣщалися ... никого не любите ... Скажите вы мнѣ всю правду ... безъ утайки, безъ обману ... Скажите, Паранюшка ...

Ѳедя порывисто пододвинулся къ Паранѣ.

— Вишь ты какой ... пытаетъ, ровно попъ! ... Да на что вамъ? ... А вотъ, не скажу ...

— Вотъ мнѣ зачѣмъ ... Я вотъ ни на одну дѣвку и не сматривалъ, и не говаривалъ ни съ ... одной ... И не любилъ я ихъ, и стыдился ... Съ вами вотъ только ... и самъ не знаю, какъ ... И не прожить мнѣ безъ васъ никакъ ... Вотъ что ... Ну, скажитесь же вы мнѣ: ни съ кѣмъ у васъ ничего не было, не любитесь? ... Паранюшка, передъ Богомъ прошу: развяжите вы мнѣ душу ... признайтеся ...

— Ну-ка, отстаньте и вправду ... Вотъ присталъ: запыталъ совсѣмъ! ... Стану я ему все разсказывать! ... Ну, хоть бы и былъ, такъ что же изъ того? ... Кому какое дѣло? ...

— Былъ? — вскрикнулъ Ѳедя и вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, точно кѣмъ оттолкнутый, невольно отодвинулся отъ Парани.

Та смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Такъ вамъ-то что же? Не вамъ изъянъ .. Былъ ли, нѣтъ ли — мое дѣло, ничье ... — говорила Параня.

Ѳедя сидѣлъ передъ нею, не смотря на нее, опустя внизъ голову. Капли пота струились по его холодному лбу, въ вискахъ стучало. Сердце у него точно кто сжалъ тисками, такъ ему было больно.

— Видишь ты: даже сомлѣлъ весь! — проговорила Параня съ улыбкой. — А, можетъ, и не было ничего, можетъ, и парня такого не бывало?...

Ѳедя поднялъ робкій, почти умоляющій взглядъ на ея улыбающееся лицо.

— Нѣтъ, да вы мнѣ всю правду скажите ... Не тирань ты меня, Параня ...

-- Да что вамъ? ... Экой привередливый какой!.. Что вамъ-то? ...

— А вотъ что мнѣ ... Коли никого ты не любишь, ничего у тебя ни съ кѣмъ не было ... Видишь ты: хоть я и при отцѣ живу, и батюшка, пожалуй, не дастъ мнѣ благословенья на тебѣ жениться ... Да, можетъ, я и не богатъ про тебя ... и твоя мать тебя за меня не пуститъ ... Но коли ты мнѣ пообѣщаешься, я сученъ ко всему, пойду въ люди, промыслить съумѣю ... И деньги у меня будутъ ... Я не пропаду, сдѣлаюсь человѣкомъ — я знаю ... Только ты пообѣщайся мнѣ да подожди годикъ-другой ... Мы хоть не бѣдные и въ достаткахъ: у насъ и домъ, и хлѣба, и скота всякаго довольно ... да все въ батюшкиныхъ рукахъ, да у старшаго брата ... я меньшой ... И батюшка тоже работницу будетъ мнѣ искать, чтобы и въ дому, и въ полѣ работала ... да я не посмотрю ни на кого и никому не поклонюсь: все самъ про себя промыслю, только пообѣщайся мнѣ да дай срокъ ... Вотъ, Параня, коли любъ я тебѣ ... да вправду нѣтъ у тебя никого ... А коли есть ...

— Да, нѣту, нѣтъ ... отступись! ...

— А, можетъ, было? ... Параня, признайся, не обманывай лучше ...

Лицо Ѳеди опять изображало внутреннее страданіе и страхъ.

— Да нѣтъ же ... отстань! ... Пошутила только я ... Спытать захотѣлось тебя ... Развѣ я не вижу? ... Давно вижу ...

— Такъ я развѣ любъ тебѣ, по-душѣ пришелся? ... — вскричалъ Ѳедя и вдругъ бросился, обнялъ и сталъ цѣловать Параню, точно сумасшедшій. Та съ большими усиліями освободилась изъ его рукъ

и отошла отъ него съ притворной досадой, приглаживая волосы и поправляя на себѣ платье.

— Вишь ты, оглашенный: развѣ такъ-то можно? ... Ты еще не женихъ вѣдь, чай ... Ну, кто въ окно заглянулъ бы, что подумаютъ ... Ровно чумной, право! ...

Она открыла окно и просунула черезъ него свое раскраснѣвшееся лицо.

Ѳедя нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно, ничего не понимая, не сознавая, кромѣ счастья, которое широкою струею наполняло его сердце.

— Параня, подь сюда, — проговорилъ онъ, наконецъ.

— Да какъ же ... такъ и пошла! ... Больно ты прытокъ: ничего не видя, ужъ ... Вдругорядь тронешь — изъ избы прогоню! ...

— Не трону больше ... коли не велишь ...

— А теперь я, нечто, велѣла? ...

— Мнѣ Дарья Тихоновна еще прежъ того обѣщала — пошутилъ Ѳедя.

— Ну, такъ съ нея и спрашивай ... Знаю, братъ, я: она мнѣ говорила, да я не больно люблю по заказу-то: нечто взялъ тогда, ушелъ ни съ чѣмъ ... А съ силодору-то еще и подавно ... Насмерть не люблю! ... Еще про людей спрашиваетъ, а самъ что дѣлаетъ ... Вотъ этакой привяжется: что тутъ дѣвка сдѣлаетъ, коли одинъ на одинъ? ...

— Такъ вѣдь я ни съ чего-нибудь: я съ радости, что̀ думалъ: любишь ... Ну, не сердись, Параня ... Слышь: въ первый и въ послѣдній разъ ... до самой свадьбы не трону! ...

— Свадьба-то еще на водѣ вилами писана ...

— Это, можетъ, у тебя, а у меня на сердцѣ

припечатана ... Да поди, говорятъ, сядь сюда ... Поговоримъ ...

— Объ чемъ еще говорить-то? — спросила Параня, садясь въ сторонѣ отъ Ѳеди.

— А вѣдь ты же мнѣ не обѣщалась еще, что подождешь-то меня? ...

— Буду ждать, а тебя женятъ ...

— Ну, нѣтъ ужъ, ты объ этомъ не думай: и прежъ того я бы не дался по неволѣ женить-то, а теперь и подавно! ...

— Ну, такъ меня матушка выдастъ ...

— А ты не ходи ... Нынче не прежнее время: и вашу сестру, дѣвку, нельзя насильно выдать ...

— Хорошо говорить-то ... А какъ не пойдешь? Пить, ѣсть нечего, а тутъ посватается какой вольготный женихъ, матушка велитъ идти: какъ не пойдешь-то? ...

— Такъ отдастъ ли она тебя мнѣ теперь?

— Не знаю ... Наврядъ ли ... особливо коли отецъ твой не наградитъ тебя и не отдѣлитъ ... Въ домъ къ вамъ не пуститъ, да я и сама не пойду ... Вотъ развѣ, что ты у старшины живешь, и въ родствѣ онъ съ вами, развѣ онъ самъ пріѣдетъ да пообѣщаетъ, что наградитъ тебя ... и домъ тебѣ особливый поставитъ ... Ну, тогда, можетъ, отдастъ ... И то не знаю ...

— Мнѣ не хотѣлось никому говорить-то, никѣмъ одолжаться ... Да у старшины, Ѳедота Семе. ныча, своя семья ... Гдѣ ему меня награждать ...

— Ну, такъ какъ же быть-то? ...

— Я бы самъ себѣ все промыслилъ, только бы ты меня подождала, коли любишь ...

— Да я подождать — подожду, коли никто не навяжется, да жить будетъ чѣмъ ...

— Ужъ я самъ не доѣмъ, не досплю, а васъ не покину: буду всячески поддерживать, только дайте мнѣ опериться-то ... Говорить ли мнѣ Дарьѣ-то Тихоновнѣ про наши лады? ...

— Нѣтъ, лучше не говори ... Она вѣдь думала, ты богатый, что такъ деньгами-то кидаешь: тогда, ничего не видя, на ученье-то Николкѣ далъ ...

— Я тогда останные отдалъ ...

— Да чѣмъ ты думаешь промышлять-то? ... Не пустые ли то разговоры только? ...

— Нѣтъ, не пустые! ... У меня мастерство есть въ рукахъ насчетъ строительной части и машинъ разныхъ ... Только бы меня вотъ изъ дома пустили, а тутъ доберусь до купцовъ, на фабрикахъ: буду знать, что дѣлать,—у меня изъ рукъ ничего не вывалится ... Ужъ только подожди, золото мое, Параня, буду я тебѣ женихъ и мужъ не кое-какой ... Тогда и Дарья Тихоновна мной не побрезгаетъ! ... А это я ей скажу, чтобы она во всякой нуждѣ, когда деньги будутъ нужны, чтобы мнѣ кучилась безо всякаго сумнѣнія ... Это я ей молвлю ...

— Это молви, пожалуй ...

— Ну, такъ такъ, Параня, золото ты мое, сердце ты мое, красота ты моя писанная, моя ты будешь? ... Ни за кого не пойдешь, окромѣ меня? ... Будешь ли ты меня любить-то, какъ я тебя? ...

— Да, вотъ еще какъ ты-то меня любишь: я посмотрю ... Всѣ вы на языкъ-то города берете: васъ послушай только ...

— Параня! ... Да вотъ какъ: прогони ты меня даве или вправду скажи, что другой тебѣ любъ ... ужъ не знаю, сжить ли мнѣ ... Какъ даве это сказала про другого-то парня, такъ, вѣришь ли,

свѣта бѣлаго не взвидѣлъ, а за сердце-то ровно кто ухватилъ когтями да и деретъ вонъ изъ груди ... Лучше бы, не въ примѣръ легче, кабы мнѣ каленымъ желѣзомъ тѣло жгли, нечѣмъ это слышать! ... А каково мое сердце къ тебѣ: такъ вели мнѣ сейчасъ ... ну, что хошь, вели — все сдѣлаю ...

— О-о? ...

— Право, ей-Богу! ... Ну вели, попробуй ...

Но Параня не успѣла отвѣтить: въ избу вошла ея мать, и разговоръ прервался.

VII.

Среди своихъ воспоминаній Ѳедя и не замѣтилъ, какъ дошелъ до перекрестка. Впереди у него лежали двѣ дороги: одна привела бы его въ Онучино, другая — была въ Ступино, гдѣ жилъ Ѳедотъ Семенычъ. Онъ шелъ изъ дома прямо къ послѣднему, но образъ Парани такъ ясно всталъ теперь передъ нимъ, такъ манилъ его къ себѣ, что онъ невольно пошелъ по дорогѣ въ Онучино.

„Вотъ не ждетъ, вотъ не чаетъ! ... Вотъ обрадуется! ...“ — думалъ онъ идя, а у самого сердце такъ и прыгало въ груди, такъ и подталкивало его ускорять шагъ, бѣжать скорѣе впередъ. Ужъ сколько времени не видались-то? ... Что-то она, моя голубка, подѣлываетъ, что̀ подумываетъ обо мнѣ? ... Ну-ка, безъ мала два мѣсяца ни слуха, ни духа, ни вѣсточки никакой ... Никакъ изъ дома было не согласно уйти: ничего не придумаешь, куда сказаться-то ... Это не то, что̀ у Ѳедота Семеныча жилъ: шелъ куда хотѣлъ, — никто не спроситъ, куда да зачѣмъ, самъ ровно большой ... У насъ дома не украдешься: и батюшка, и братъ все на работѣ, — и ты съ ними

стой объ руку ... И въ праздникъ пошелъ гулять, такъ спросятъ: куда, да скоро ли воротишься? ... Ну-ка — два мѣсяца! ... А что я имъ тотъ разъ — только два рубля и принесъ ... Поди-ка, чай, подошли, бьются, нуждаются! ... Обѣщалъ поддерживать, а денегъ и у самого-то нѣтъ ... Съ чѣмъ придешь? ... Попросятъ: что̀ скажешь? ...

Ѳедя остановился и оглянулся. Солнце опустилось уже низко: придешь въ Онучино къ самому закату, а тутъ ночь ... не ночевать же у Парани — не складно! ... А придешь къ Ѳедоту Семенычу ночью, — пожалуй, послѣ съ домашними перевѣдаются: какъ такъ, гдѣ былъ? ... Пускай, я теперь вольный казакъ, — отпущенъ на всѣ четыре стороны, а все не складно: спрашивать станутъ ... Да и надо сначала съ Ѳедотомъ Семенычемъ повидаться: что̀ скажетъ, что̀ посовѣтуетъ, можетъ — не дастъ ли еще помоги какой, что обѣщалъ ... Тогда и къ нимъ идти будетъ вольготнѣе ... И пойду съ утра, весь день просижу у нихъ! ...

Ѳедя вздохнулъ и рѣшился перейти на дорогу въ Ступино. Онъ оглянулся назадъ: не долго, кажись, шелъ, а перекрестокъ былъ уже далеко позади.

„Вотъ бы какъ добѣжалъ — однимъ духомъ, одной минутой!“ — подумалъ онъ, снова вздыхая и сворачивая въ поле, чтобы перейти прямикомъ на другую дорогу. Лицо его затуманилось; голова опустилась; онъ шелъ уже медленнымъ, ровнымъ шагомъ. Мысль его перешла къ Ѳедоту Семенычу, къ послѣднимъ днямъ пребыванія у него. Разъ онъ возвращался домой изъ Онучина, счастливый, довольный, полный одною думою о Паранѣ. Все шло хорошо и радостно. Параня, видимо, любила его, считала женихомъ и готова была терпѣливо ждать того

времени, когда ему можно будетъ жениться на ней. Дарья Тихоновна всегда встрѣчала его привѣтливо, очевидно, считала своимъ, почти роднымъ, не стѣсняясь говорила о своихъ нуждахъ, не стѣсняясь принимала отъ него гостинцы и деньги: а онъ-то какъ былъ счастливъ, когда могъ услужить матери своей возлюбленной Парани! ... Правда, мудрено ему было доставать деньги: надо было выдумывать работу, работать по ночамъ и по праздникамъ; но и работа эта никогда не была ему такъ легка и пріятна, какъ теперь — для извѣстной, опредѣленной цѣли. Въ этотъ разъ Параня сама, втихомолку, такъ, чтобы не видала мать, безъ его просьбы, поцѣловала его, и Дарья Тихоновна также потихоньку отъ дочери призналась ему, что ей крайность въ пяти рубляхъ... Ѳедя далъ слово, что принесетъ черезъ недѣлю, и теперь обдумывалъ, какъ бы и на чемъ выработать ему эти деньги, и что̀ дѣлать, если къ назначенному имъ сроку денегъ не будетъ.

„Ужъ хоть займу, а принесу безпремѣнно. Слово свое сдержать надо“ — думалъ Ѳедя.

Онъ шелъ уже улицей своей деревни и приближался къ дому Ѳедота Семеныча, какъ вдругъ столкнулся съ сестрою Анной, которая была замужемъ за сыномъ Ѳедота Семеныча, Кириллой. Анна была разстроена; глаза ея заплаканы; въ рукахъ она что-то держала и прятала подъ накинутой на плечи верхней одежей.

— Куда ты это, Анна? — окликнулъ ее Ѳедя.

— Ахъ, батюшка, Ѳединька, что̀ у насъ надѣлалось-то! ... Мой-отъ воротился, пришелъ ...

— Кто? Кирилла?

— Да, воротился, да никакой нехорошій, пьяный ... И не узнаешь его ...

Анна заплакала.

— Что же ты ревешь-то?

— Да, какъ не ревѣть! ... Почитай, три года не видала его ... Пришелъ — чѣмъ бы путемъ поздороваться да поговорить, а онъ ... Мы съ матушкой увидали его, не вспомнились, заголосили, бросились къ нему ... Ну, онъ съ матушкой еще и туда, и сюда, хошь не какъ она, — не больно ласково, а все ничего ... А меня ... батюшка, Ѳединька! ... Не то обнять али поздороваться съ женой, а началъ ругать да срамить ... да скверно, скверно таково! ... Не жена, говоритъ, ты мнѣ, а супротивница: не то, что въ бѣдѣ прикрыть, а еще сама людей на меня навела, въ тюрьму упрятала ... Помнишь, какъ онъ бѣгалъ-то тогда да въ лѣсу прятался, а міръ заставилъ меня вести да показывать его: гдѣ онъ прячется-то ... Вотъ онъ теперь съ этого самаго ... Да и въ острогѣ, говоритъ, сидѣлъ, много ли жена объ мужѣ порадѣла: и въ глаза не видалъ, куска не принашивала ... Такъ чужіе люди не оставляютъ, одѣляютъ, а обо мнѣ и свои кровные, и жена позабыла ... Я, было, кинулась ему въ ноги, завопила: батюшка, молъ, Кирюшенька, не моя-то воля — родительска ... Какъ я къ тебѣ пойду, коли ты за-сто верстъ сидѣлъ, а родитель идти не приказывалъ? ... Не своей волей живу: сама подначальная ... Прости ты меня, Христа-ради, прости мою вину передъ тобой подневольную! ... Знаешь вѣдь ты, батюшка, Ѳединька: сколько разъ я молила, просила батюшку-свекра, — пусти побывать, мужа провѣдать въ острогѣ, слезьми просила — знаешь! А что же мнѣ дѣлать, коли батюшка-свекоръ у насъ такой: и думать, говоритъ, не моги! Коли, говоритъ, самъ себя подъ казнь подвелъ, коли судъ ему это прису-

дилъ — въ казаматѣ сидѣть, такъ пускай и высидитъ, чтобы въ науку ему и напредки было, чтобы не думалъ онъ, что и отецъ ему мирволитъ ... Ну, что мнѣ было дѣлать: не убѣгомъ же убѣжать ... Да хоть бы и убѣжала, что бы я безъ денегъ-то подѣлала: какую ему помощь? ... И до города-то бы не добралась ... Все это ему стою на колѣнкахъ, воплю да докладываю ... Можетъ бы и смиловался, и простилъ ... да надо было тутъ матушкѣ словцо подсказать: „до тебя ли, говоритъ, имъ было, батюшка, они тутъ съ Ѳедянкой хозяевами жили, — что хотѣли, то и дѣлали: ...“ Какъ скочитъ онъ съ этихъ ея словъ, да началъ бить меня ... Знаю, говоритъ, я все знаю, что вы съ Ѳедянкой старика въ руки совсѣмъ забрали ... Вы думали: ужъ вовсе меня заперли, одни царствовать, величаться остались, анъ, вотъ, нѣтъ — воротился! ... Будетъ ужъ мнѣ подъ началомъ жить, изъ-подъ чужой руки глядѣть, теперь поживите подъ моимъ началомъ ... Не то вамъ съ Ѳедянкой, старику теперь не уважу! ... Будетъ ужъ, довольно! ...

— Да гдѣ же старикъ-отъ самъ? Ѳедотъ-то Семенычъ?

— Нѣтъ его, не бывалъ еще ... Уѣхалъ въ волость да и не бывалъ до сей поры ... Видно, за дѣлами ... Ѳедя, ужъ я не знаю, какъ тебѣ-то быть, хоть бы и домой не ходить, покамъ до Ѳедота Семеныча, а то онъ прибьетъ тебя, изсрамитъ, вонъ выгонитъ ...

— Ну, еще прибить-то какъ придется ... А гнать ему меня нечего, я и самъ уйду ... Опять же я не у него живу,— у Ѳедота Семеныча ...

— Да срамъ, батюшка, срамъ: драка промежъ васъ выйдетъ, бунтъ ... Хорошее ли дѣло ... Ты

хошь бы ужъ не казался: въ сарай, что ли, али куда ушелъ до Ѳедота-то Семеныча ... Вотъ и теперь-то пьяненекъ ужъ: не столь самъ, сколь вино въ немъ бушуетъ ... А послалъ, велѣлъ купить еще полштофа ... Вотъ и бѣгу, и посудину несу ... Не знаю, какъ и въ кабакъ-отъ войти, — стыдобушка, не бывала я отродясь, а не смѣю, боюсь не идти-то ...

— Ѳедотъ Семенычъ осердится, узнаетъ, что ходила ... Знаешь: не любитъ этого, смерть ... не ходи ...

— Да какъ, Ѳедянушка, нейти-то? ... Боюсь ... Убьетъ! ... Посмотрѣлъ бы ты на него: какой онъ сталъ! ... Впрямь, что острожникъ: худой да черный, немытый, рваный ... злой никакой! ... И жалко-то мнѣ его, и страшно ... Не столь мнѣ больно, что плюхъ надавалъ, сколь видѣть его этакого ...

— А все-жъ тебѣ въ кабакъ идти не приходится ... Въ нашемъ роду этого не бывало, чтобы бабы за водкой въ кабакъ бѣгали ... И что ты ему принесешь водки? И безъ того, говоришь, пьянъ, бушуетъ ... А тутъ еще напьется ... что̀ будетъ? ... что̀ онъ надѣлаетъ? ...

— Да что же мнѣ дѣлать-то, Ѳедя? ... Кричитъ вѣдь на весь домъ: водки подай, а то все разнесу ... Матушка сейчасъ денегъ даетъ, посылаетъ меня, и онъ приказываетъ ... Какъ же я мужа не послушаю, особливо теперь, коли я передъ нимъ виновата? ... Да мнѣ, кажись, въ избу-то не войти безъ водки ...

— Да пойдемъ со мной, ужъ я въ обиду не дамъ, либо спрячься, не приходи вовсе домой до Ѳедота Семеныча ...

— Чтой-то, Ѳедя ... Женѣ ли отъ мужа прятаться? ... Да и гдѣ же вамъ, хоть тебѣ, хоть ба-

гюшкѣ, меня отъ мужа ухоронить ... Разъ оборонишь, вдругорядь зато вдвое достанется ... Нѣту, родной, мнѣ съ мужемъ-то вѣдь вѣкъ жить ... Отъ мужа никто жену не оборонитъ ... не супрячетъ ... Нѣтъ, ужъ что̀ будетъ, а я побѣгу. А вотъ ты-то какъ? ... У васъ съ нимъ такъ безпремѣнно здоръ выдетъ ...

— Такъ вотъ, коли, что̀ мы сдѣлаемъ ... Ты посиди здѣсь гдѣ, подожди, а я, давай, сбѣгаю за водкой, да послѣ вмѣстѣ и пойдемъ, точно такъ сошлися по дорогѣ. А ужъ все же я тебя въ кабакъ не пущу.

— Нѣтъ, ужъ гдѣ мнѣ тутъ сидѣть: и я съ тобой пойду, только ты въ кабакъ-отъ взойди да водки-то купи, а я около подожду.

На этомъ согласились и пошли вмѣстѣ.

Въ Ступинѣ не было кабака, надо было идти версты за полторы въ другую деревню, и Анна почти бѣжала туда и назадъ, увлекая за собою брата: она торопилась поскорѣе исполнить приказаніе мужа.

Когда они возвращались домой, Ѳедота Семеныча все еще не было.

Робко, со штофомъ въ рукахъ, входила Анна въ избу, въ сопровожденіи брата. Кирилла лежалъ на лавкѣ; въ головахъ у него сидѣла Ѳедосья Осиповна, перебирала руками его волосы и что-то тихо ему разсказывала. Ѳедя остановился за полуотворенными дверями, желая узнать, какъ встрѣтитъ мужъ жену и что между ними будетъ.

— А-а! — вскричалъ Кирилла, увидя жену. — Что, принесла ли?

— Принесла, принесла, — торопливо отвѣчала Анна.

— Что долго? Сказалъ: бѣгомъ ...

— И то бѣгомъ, Кирилла Ѳедотычъ: бѣгомъ бѣгала ...

— Ну, подавай, что ли, скорѣй ... да закуски ...

— Чего закуски-то прикажешь? ...

— Чего? Всего ... всего подавай, что есть ... Вы здѣсь жрали мое съ братцемъ-то своимъ, не жалѣли, а я на Антоніевой пищѣ сидѣлъ ... Всего подавай, живо! ... Я васъ, погоди ... ублаготворю всѣхъ! ... Поблагодарю за все, про все ... Вишь, ты, — думали, издохну ... Нѣтъ, пришелъ ... Погодите у меня, дайте срокъ ... Ну же, ворочайся! ...

Анна суетилась молча и дрожащими руками, не смѣя взглянуть на мужа, ставила на столъ хлѣбъ, солонку, молоко и все, что осталось въ печи отъ обѣда ...

— Яишенку не толкнуть-ли? — спросила она робкимъ голосомъ. — Али, можетъ, самоварчикъ поставить? ...

— Давно бы, кажется, пора ... Чай, тутъ чайничали, самоварничали, съ братцемъ-то, ежедень ... Ишь ты, хозяина какого, строителя, къ моему добру привела! ... Много ли переправила въ Чернушкито? ... Чай, возами возили: тамъ ртовъ-то много, есть кому жрать ... Однихъ племянниковъ прокормить, такъ сколь нужно ... Ай да жена! ... Вотъ мужу радѣльщица! ... Погоди ты у меня! ... Будешь помнить ... Какъ ты смѣла въ моемъ дому брата хозяиномъ дѣлать? ...

Кирилла застучалъ кулакомъ по столу. Глаза его злобно слѣдили за Анной и съ каждымъ стаканомъ водки, который онъ проглатывалъ, злость эта, повидимому, возрастала. Ѳедосья Осиповна, очевидно, во

все время отсутствія Анны, жаловалась Кириллѣ на нее и на Ѳедю и теперь со злорадной старческой улыбкой ядовито посматривала на нее.

— Я тебя спрашиваю, — приставалъ Кирилла къ женѣ, возвышая голосъ: — кто тебѣ позволилъ моимъ добромъ распоряжаться? Матушку ото всего оттерли, ключи отобрали, не давали ей мнѣ гроша послать, чужого человѣка въ домъ хозяиномъ пустили, сама съ нимъ таскала, къ роднымъ переправляла ... Что молчишь? ... Отвѣчай, коли спрашиваю ... подлая ты этакая! ...

Кирилла съ угрожающимъ жестомъ поднялся съ лавки.

Ѳедя больше не могъ сдерживать себя и вошелъ въ избу.

Кирилла остановился, увидя его. Они молча нѣсколько секундъ смотрѣли другъ на друга: Кирилла злобно и нахально, Ѳедя — стараясь сохранить спокойствіе и побѣдить внутреннее волненіе.

— Ахъ, хозяинъ! ... — съ хохотомъ проговорилъ, наконецъ, Кирилла, не двигаясь съ мѣста.

— Здраствуй, Кирилла Ѳедотычъ ... Съ прибытіемъ ... — говорилъ Ѳедя и протянулъ-было руку, чтобы поздороваться, но тотчасъ же опустилъ ее.

— Не обезсудьте, хозяинъ господинъ, — говорилъ Кирилла: — что безъ вашего позволенія въ домъ вошелъ и вотъ угощеніе получаю ... Прохожій человѣкъ, чужестранный, острожный житель ... Позвольте пристать, ночку переночевать, господинъ хозяинъ! ... Не лишите вашего покровительства, не оставьте безъ крова, безъ призора, не прикажите на улицу, какъ собаку паршивую, выгнать ... А, господинъ хозяинъ? ...

Ѳедя не могъ выносить вызывающаго нахальнаго взгляда Кириллы, давно отворотился отъ него, но, все еще сохраняя внѣшнее спокойствіе, сѣлъ въ сторонѣ на лавку. Онъ взглянулъ на сестру и видѣлъ, какъ она была блѣдна и дрожала.

— Какой же я хозяинъ? — спокойно отвѣчалъ Ѳедя. — Здѣсь хозяинъ Ѳедотъ Семенычъ, твой родитель, а я только работникъ у него ... Что онъ мнѣ прикажетъ, то дѣлаю: служу ему ...

— Вотъ какъ! — сказалъ Кирилла, нѣсколько озадаченный спокойствіемъ Ѳеди, и притворно захохоталъ. — Теперь ужъ и не хозяинъ ... Поджалъ хвостъ-отъ! ...

— Какой ужъ работникъ! Что говорить-то! — вмѣшалась Ѳедосья Осиповна. — И амбаръ у него на рукахъ, и всѣ ключи у него ... Идетъ, куда хочетъ, беретъ, что знаетъ ... Получай, что выдастъ ... изъ милости ...

— Это, Ѳедосья Осиповна, опять же все отъ Ѳедота Семеныча: приказалъ ключи взять — возьму, что скажетъ выдать — выдамъ ... А вамъ грѣхъ сказать, чтобы я вамъ непочтенье какое показывалъ ... Что я, что сестра, всегда во всемъ съ вашего спроса ...

— Да, спрашивали вы! ... Можетъ, и спрашивали, коли знаете, что у меня воли-то ни на что нѣтъ, а все въ вашихъ рукахъ ... Этотъ спросъ-отъ хуже ругани ... Надсмѣшка одна! ... Сами знаете: какъ его взяли тогда, а ты поступилъ, такъ я и отказалась ото всего ...

— Такъ это ваша же добрая воля была ... а не наша вина ... А что я, что сестра, никогда тебѣ ни въ чемъ не супротивничали, Ѳедосья Осиповна ... Это грѣхъ тебѣ и сказать ...

— Такъ, стало-быть, коли ты работникъ въ моемъ дому, — вмѣшался опять Кирилла, — такъ ты долженъ мнѣ служить ... Что же ты сидишь передо мной? ... Ты встань да служи: вотъ самоваръ скорѣй наставляй да подавай мнѣ во всемъ отчетъ ...

— Самоваръ я тебѣ наставлю съ моимъ удовольствіемъ и послужу, потому ты несчастный человѣкъ, опять же съ дороги, усталъ ... А отчетъ-то, ужъ коли спрашивать станетъ, я настоящему хозяину подамъ, отъ коего поставленъ, а не тебѣ ...

— Такъ ты не думаешь ли, что ты и теперь, при мнѣ, здѣсь будешь начальствовать да распоряжаться? ... А? ... Тебѣ, чай, хорошо здѣсь было около чужого-то сусѣка? ... Ну, братъ, я не дамъ тебѣ командовать, шалишь ... Мнѣ про себя нужно ...

— И безъ тебя я ничего не командовалъ, и при тебѣ мнѣ не лестно ... Жилъ потому, что сродственники: Ѳедота Семеныча да сестру было жалко ... Вотъ только потому! ... А что это ты говоришь про чужой-то сусѣкъ, такъ я не нуждаюсь: у насъ своего довольно, и по чужимъ сусѣкамъ я лазить не свыченъ ... Напрасны твои слова ... и въ обиду ихъ себѣ даже не принимаю, потому не пристали они ко мнѣ ... Сказать бы я тебѣ больше въ отвѣтъ, Кирилла Ѳедотычъ, только что Богъ съ тобой: старымъ не попрекаютъ ...

— Что старымъ? Что старымъ? Что ты такое можешь со мной говорить? ... Тебя, вонъ, въ чужомъ дому хозяиномъ сдѣлали, ко всему припустили, а я при отцѣ жилъ, ровно изъ чужой семьи, ни въ чемъ воли не имѣлъ, своей копѣйки за душой не было ... Воромъ ты меня попрекаешь ... Ну,

воръ! ... А отъ кого воръ? ... Отъ своего же роднаго отца ... Онъ меня воромъ сдѣлалъ! ... Онъ! ... Меня судъ судилъ ... Самъ защитникъ на судѣ говорилъ, что я отъ отца пропадаю, что онъ не по закону со мной поступалъ: женатый я былъ человѣкъ, а въ своемъ дому не хозяинъ, все изъ-подъ отцовской руки смотрѣлъ ... копѣйки мѣдной на гулянку своей не имѣлъ ... А ты что же мнѣ за судья такой? ... Что ты меня попрекать-то вздумалъ? ... Откуда ты взялся? ... Кто тебя къ моему дому приставилъ? ... Я здѣсь хозяинъ ... а не ты! ... Что ты въ самъ-дѣлѣ ... ты ступай вонъ, а не то я тебѣ бока намну, а твою родную сестру со свѣта сживу ... Вонъ, говорятъ! ...

Кирилла поднялся на ноги въ угрожающей позѣ. Ѳедя тоже всталъ и чувствовалъ, что ему надо сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы избѣжать драки: кровь въ немъ кипѣла и то приливала къ сердцу, то кидалась въ голову.

— Не куражься, Кирилла! — говорилъ онъ неровнымъ голосомъ. — Я тебя не боюсь и бока намять тебѣ не удастся: еще неизвѣстно кто кого ... А только-что я сраму этого, драки, въ дому Ѳедота Семеныча не желаю: я и такъ уйду ... Не думай, мнѣ не лестно ... только-что ты напрасно сестру обижаешь, она ни въ чемъ не виновата, и бить ее безъ пути грѣшно, хоть она и жена тебѣ ... Я уйти уйду, завтра же уйду, вотъ только бы Ѳедотъ Семенычъ пріѣхалъ, а только-что я тебя просьбой и честью прошу: ты сестру Анну у меня не трогай, не бей ... Она человѣкъ смирный, ни въ чемъ передъ тобой не причинна ... За что ее обижать? ...

— А-а, не любишь? ... Нарочно бить буду: съ

тѣмъ и ступай ... Слышалъ? Вотъ нарочно, безъ всякаго, на зло тебѣ колотить стану ... Я тебя, подхалиму проклятаго, на смерть не взлюбилъ еще и за-прежде ... Весь родъ вашъ подлый, окаянный! ... Потихоня, смиренникъ краснорожій! ... Вишь, рожу-то отъѣлъ на моихъ хлѣбахъ! ... Вотъ нарочно у тебя на глазахъ колотить ее начну ...

— Ну, ты слушай, Кирилла Ѳедотычъ, ты не похваляйся этакъ-то ... Я свою кровь въ обиду не дамъ ... Я тебѣ сказываю: просьбой прошу, — не тронь жены, а будешь обижать — худо будетъ! ... Ѳедосья Осиповна, не вели ты ему ...

— Да не то, что не вели! — вскричалъ Кирила. — А всю ее измозжу, въ клочки изорву ... Вотъ тебѣ! ... Вотъ тебѣ! ... Вотъ смотри, потихоня ты, подлый ... При тебѣ вотъ изувѣчу, какъ душа моя желаетъ ...

Кириллa съ поднятыми кулаками пошелъ къ Аннѣ, которая стояла ни жива, ни мертва, прижавшись въ уголокъ, и, покорно опустивши голову, точно жертва, ждала своей участи. Тутъ Ѳедя не помнитъ, что съ нимъ сдѣлалось: какъ онъ бросился на Кириллу, долго ли онъ съ нимъ боролся; но когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ подъ собою стонущаго, окровавленнаго Кириллу, почувствовалъ свои волосы въ окостенѣвшихъ старческихъ пальцахъ Ѳедосьи Осиповны, которая не плакала, а какъ-то злобно визжала, всхлипывала и изо всѣхъ силъ тащила его за волосы, откуда-то, точно издалека, слышался ему неясный, хриплый голосъ Ѳедота Семеныча. Когда Ѳедя освободилъ свою голову изъ рукъ старухи и поднялся на ноги, онъ какъ въ туманѣ разсмотрѣлъ опрокинутый столъ, разбитую посуду, плачущую на скамьѣ Анну и высокую фигуру Ѳедота Семеныча.

который стоялъ середи избы, съ испуганнымъ, изумленнымъ лицомъ. Ѳедя не слыхалъ, какъ подъѣхалъ и вошелъ въ избу Ѳедотъ Семенычъ.

— Что такое? Что случилось? ... Ѳедя, Ѳедя!— кричалъ Ѳедотъ Семенычъ.—Кто это? Съ кѣмъ ты? ...

Въ избѣ было темно. Ѳедосья Осиповна выла, Анна навзрыдъ плакала, Ѳедя едва переводилъ духъ и не могъ проговорить слова. Ѳедотъ Семенычъ наклонился къ лежащему на полу человѣку, который сталъ подниматься, и, разсмотрѣвши его, отскочилъ чуть не съ ужасомъ.

— Сынъ! ... Кирилла! — не вскричалъ, а какъ-то простоналъ Ѳедотъ Семенычъ и размахнулъ въ стороны руками, какъ-бы ища за что ухватиться. Онъ чувствовалъ, что ноги у него дрожатъ и подгибаются. Пошатываясь, дотащился онъ до лавки и рухнулся на нее.

Кирилла приподнялся на рукѣ, дико, злобно оглядѣлся и сѣлъ на полу, гдѣ лежалъ. Лицо его было окровавлено; онъ провелъ по немъ рукою, посмотрѣлъ на кровь, приставшую къ ладони, и протянулъ ее къ отцу.

— Здравствуй, родитель-батюшка ... Радъ-ли сыну? ... Вона какъ встрѣчаешь его въ своемъ дому родительскомъ ... Съ перваго прихода бьютъ, увѣчатъ ... Смотри, любуйся! ... Въ острогѣ сидѣлъ сынъ-то: тамъ не били, не кровянили, а вотъ въ родительской домъ пришелъ, угощенье первое получилъ! ... Смотри-ка ...

Онъ мазнулъ себя по лицу другою рукою и также окровавилъ ее и показывалъ отцу.

— Вотъ, на что лучше ... Угостили! ... Спасибо, родитель-батюшка! ... Мало тебѣ, что до острога сына довелъ ... Въ каторгу бы вѣдь нужно по

настоящему, потому поджигатель! ... Такъ тебѣ и хотѣлось, да не удалось: спасибо, чужіе люди защитили ... Такъ вотъ теперь въ острогѣ отсидѣлъ, не извелся вовсе, не издохъ тамъ, живъ воротился, такъ дома, видно, родитель-батюшка до гробового конца довести хочетъ ... Мало, что родному сыну, женатому, никакой воли въ дому не было, а чужому, со стороны, весь домъ и мать подъ началъ отдалъ, еще и убить, видно, сына-то подговорилъ ... Какъ, дескать, вернется, такъ и доконать его до конца ... Кормилъ-поилъ на моихъ-то хлѣбахъ, откармливалъ нарочно борова, чтобы въ силу вошелъ, а я вѣдь на казенныхъ харчахъ-то былъ, изнурѣлъ, обезсилѣлъ ... Гдѣ мнѣ съ нимъ теперь бороться ... Да вотъ Богъ не привелъ еще, не потрафилъ въ конецъ-то: промахнулся ... Еще бы, еще бы маленько за глотку-то подержалъ — и паръ бы вонъ ... Спасибо, родитель, какъ не благодарить: постарался для сына! ... Только бы слово сказать міру, — отъ всякаго бы суда-отвѣта ослободили, а онъ самъ репортъ посылаетъ, жену противъ сына-то подучаетъ, чтобы выдала, да еще братца женинаго въ домъ беретъ, все ему препоручаетъ, только бы сына роднаго извести, какъ воротится ...

— За что, Господи, за что такое Твое наказаніе мнѣ грѣшному! — всплеснувши руками вскричалъ Ѳедотъ Семенычъ и съ воплемъ опустилъ голову на руки.

Ѳедя всей дущой сочувствовалъ старику и жалѣлъ его: онъ понималъ, что происходитъ у него въ душѣ, подошелъ къ нему, но не находилъ словъ въ утѣшеніе; онъ сознавалъ себя какъ бы виноватымъ передъ нимъ, готовъ былъ бы на все, чтобы успокоить старика, но не зналъ, что дѣлать.

— Ѳедотъ Семенычъ! ... Ѳедотъ Семенычъ! — лепеталъ онъ едва слышно, наклоняясь къ нему, трогая его то за плечо, то за локоть. — Полно! ... Ну, полно! ...

Минутная вспышка злобы противъ Кириллы улеглась уже въ душѣ Ѳеди: ему было стыдно и даже жалко его въ первыя минуты, когда онъ разсмотрѣлъ кровь на его лицѣ; но злобныя слова и ругательства Кириллы надъ отцомъ опять возбудили въ душѣ его ненависть и отвращеніе къ нему.

— Перестань ты, безстыдникъ, — обратился онъ къ Кириллѣ: — замолчи! ... Богъ тебя покараетъ въ конецъ за отца ... Не онъ тебя, а ты его изживаешь! ... Не тронулъ бы я тебя, кабы ты не надругался надъ сестрой, да не кинулся бить ее напрасно ... Покорись лучше отцу-то ... Дай его душенькѣ покой ... А мнѣ не надо твоего ничего ... Не думай! ... Завтра же уйду ...

Кирилла отвѣчалъ ему на это одними ругательствами и, когда Анна подошла-было, чтобы помочь ему подняться съ полу, изо-всей силы ударилъ ее въ грудь. Анна застонала.

Ѳедотъ Семенычъ вдругъ поднялся на ноги.

— Одно мнѣ осталось, — сказалъ онъ, сурово обращаясь къ сыну: — проклясть тебя, да не возьму я этого грѣха на душу ... Думалъ — исправитъ тебя тюрьма, а ты еще хуже сталъ ... Правда, что на каторгѣ бы тебѣ слѣдъ быть по твоему дѣлу: хошь судъ тебя и оправдалъ, а вѣдь знаю, что ты деревню-то спалилъ ... Ну, да видно Господь ждетъ еще отъ тебя исправленія ... Воли тебѣ не было, воли нужно: ну, вотъ получай, бери вотъ домъ, скотъ, все хозяйство ... Живи ... Я тебѣ мѣшать не стану, только и жить съ тобой не хочу ... Ѳедя,

гдѣ у тебя ключи? ... Брось ихъ ему да проводи меня: я въ волость покамъ поѣду, тамъ поживу хошь у писаря, либо у батюшки, отца духовнаго ... на селѣ ... Дадутъ мнѣ мѣсто ... Только слушай: если ты будешь жену обижать и придетъ она, мнѣ пожалуется, или совсѣмъ въ корень домъ станешь разорять своимъ непотребствомъ, помни: приговоръ возьму у міра — на поселенье тебя сослать, коли живъ буду ... Пойдемъ, Ѳедя ... Прощай, Богъ съ тобой! ... Не дай Богъ тебѣ столь горя отъ твоихъ дѣтей видѣть, сколь я отъ тебя ... Опомнишься, покаешься, приходи — прощу ... Зла у меня противъ тебя нѣтъ ... А жить я съ тобой больше не буду ... Ухъ, Господи, поддержи! ... Прощайте ...

Ѳедотъ Семенычъ вышелъ на дворъ, на улицу и сѣлъ тамъ на завалинку, пока Ѳедя запрягалъ лошадь. Къ нему прибѣжала Анна и безъ словъ съ воплями повалилась ему въ ноги.

— Ну, ступай, Анюшка, ступай къ мужу, — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ. — Потрафляй ему сколь можешь, а, смотри, изъ силъ выбьешься — приходи, скажи ... Можетъ, Богъ дастъ, и въ самъ дѣлѣ: на своей волѣ будетъ жить и одумается, оправится ... человѣкомъ сдѣлается ... Можетъ, и въ самъ-дѣлѣ я, грѣшникъ, мѣшалъ ему своимъ взыскомъ да спросомъ ... Нынче вонъ какой молодой-то народъ: на себя надѣются, волю почуяли: что ихъ круче, то они больше въ задоръ! ... Умнѣе насъ, стариковъ, много! ... Ну, пусть и волю спытаетъ ... А ужъ не управится, такъ на себя пеняй ... Ну, ступай же, ступай, Анюша, подь къ мужу, подь! ... Прощай ... Не замайте меня, не трожьте! ...

VIII.

Собираясь провожать Ѳедота Семеныча въ волость, Ѳедя думалъ, что ему придется утѣшать, ободрять и успокоивать старика, и былъ весьма удивленъ его спокойствіемъ и даже какъ будто веселостью. Ѳедотъ Семенычъ спокойно разспросилъ его о всѣхъ подробностяхъ возвращенія сына и потомъ перевелъ разговоръ на Ѳедю.

— Спасибо, Ѳедюша, спасибо, милый, — говорилъ онъ, — послужилъ ты мнѣ, какъ сынъ родной ... Никогда твоей послуги не забуду: во всякой часъ приходи ко мнѣ, ровно къ отцу али къ брату ... Переночуй сегодня со мной, а ужъ завтра съ Богомъ — къ отцу ступай ... Что ты дѣлать-то будешь: дома станешь жить, али пойдешь куда? ...

— Не знаю еще вотъ, какъ батюшка, отпуститъ-ли ... Извѣстно, что буду проситься ... Что же, они безъ меня управятся, а я со своимъ мастерствомъ на сторонѣ бы, можетъ, больше заработалъ ...

— Поди, чай, не захочется свату отпустить тебя ...

— Буду проситься ... Что же и держать-то меня безъ пути ... можетъ, счастья моего лишать ...

— Да вѣдь кто его знаетъ, гдѣ оно счастье-то, — сказалъ Ѳедотъ Семенычъ и вздохнулъ. — Человѣкъ думаетъ: такъ вотъ ему будетъ больно хорошо, анъ глядитъ: хорошаго-то и нѣтъ ... Впередъ никакъ не узнаешь ...

— Такъ то-то и есть, Ѳедотъ Семенычъ: и батюшкѣ-то не приходится меня держать по неволѣ, потому и онъ не знаетъ, гдѣ мнѣ будетъ лучше ...

А пускай же ужъ я самъ себѣ счастья буду искать, тогда ни на кого и не пожалуюсь: худо ли, хорошо-ли — самъ про себя припасъ! ...

— А, поди, у отца-то намѣренье женить тебя поскорѣе да мужикомъ сдѣлать ... Чай, ужъ и невѣсту присмотрѣлъ ... Да вѣдь и пора, Ѳедя!... Это вѣдь онъ только для меня дѣлалъ, что не трогалъ тебя, а вѣдь ужъ пора бы женить-то тебя ...

— Я не женюсь ...

— Какъ не женишься! ... Что же ты, такъ болтаться хочешь? ...

— Женюсь, коли самъ невѣсту найду по душѣ, по сердцу, а то и не надо ...

— Такъ развѣ тебѣ, молодому парню, досмотрѣть такъ дѣвку, какъ отецъ досмотритъ: у васъ, молодыхъ робятъ, извѣстно — только бы съ рожи видна была, то по вамъ и дѣвка, а вамъ до всего не дойти ... какъ отецъ, старикъ, дойдетъ ... Пускай ты парень смирный, не видалъ я, чтобы за дѣвками-то бѣгалъ, а вѣдь есть такіе соколы, что онъ на первой встрѣчной женится ... А ужъ вѣдь послѣ не развѣнчаешь ...

— А это какъ же, Ѳедотъ Семенычъ, коли отецъ выберетъ невѣсту, да жениху-то не по мысли ... Неужто и жениться, а послѣ вѣкъ плакаться? ... Нѣтъ, по-мнѣ, кому съ кѣмъ жить, тѣ сами другъ дружку и выбирай ... И для стариковъ-то лучше: по крайности, жаловаться на нихъ не будутъ, — самъ себя вини, коли чего не досмотрѣлъ ...

— Да, да, вотъ всѣ они нынче такъ, — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ, отвѣчая на свою собственную мысль: — не хотимъ помочей, не хотимъ указки ... Сами до всего дойдемъ, сами съ бою возьмемъ, сами за себя и отвѣтимъ ... Вотъ ужъ и

смирный парень, и хорошій, лучше не надо, а тоже говоритъ ... Нѣтъ, — видать, наши порядки не годятся про новый народъ ...• Другіе заводить нужно ... Нужно! ... Что же, робятки, дѣлайте по своему, по новому, дѣлайте, только чтобы къ хорошему шло, не къ худому ...

Ѳедю ужасно потянуло раскрыть передъ Ѳедотомъ Семенычемъ всю свою душу, разсказать про свою любовь и просить его участія и помощи ... Но въ чемъ помощи? ... Чтобы онъ уговорилъ отца согласиться на бракъ его съ Параней? ... Но для этого нужно разсказать все, что узналъ, замѣтилъ и сообразилъ о матери Парани — языкъ не поворотится говорить объ этомъ, а не сказать, сами узнаютъ, скажутъ: вотъ же и выбралъ! ... Будутъ смѣяться, срамить, и не только мать, но и дочь! ... Пожалуй, еще нарочно разстроятъ все дѣло, будутъ думать, что нужно разстроить для сыновняго добра ... Нѣтъ, лучше воздержаться, не говорить ничего, да и не ко времени заводить теперь о себѣ разговоръ: старикъ, видимо, страдалъ и бодрился только для вида.

— Ѳедотъ Семенычъ, — спросилъ Ѳедя послѣ нѣкотораго молчанія, въ продолженіе котораго старикъ глубоко задумался: — неужто ты такъ совсѣмъ домъ-отъ свой и бросишь?

— А какъ же бы по-твоему? Что же мнѣ дѣлать нужно? ... Ну, говори ... Посовѣтуй ...

— Гдѣ мнѣ вамъ совѣтовать: вы сами лучше знаете ... я такъ только ...

— Нѣтъ, ничего, а ты скажи мнѣ по душѣ: какъ бы по-твоему, по молодому, что бы мнѣ дѣлать съ сыномъ? ... Говори, ничего ...

— Да ужъ коли вы задумали его большимъ въ

дому сдѣлать, все ему предоставить, такъ ужъ пускай бы онъ хозяйничалъ ... Онъ у васъ одинъ, вы при должности ... такъ и слѣдъ ему хозяйствовать замѣсто васъ ... Только не складнѣе ли вамъ въ дому остаться? ... Все бы онъ сколько-нибудь совѣстился при васъ, а, можетъ, и совсѣмъ бы образумился ... Опять же и Аннѣ было бы легче около васъ ... Да и передъ людьми не такъ срамно, а то теперь что народъ-то про него подумаетъ? ... Деревню сжегъ, въ острогѣ сидѣлъ, а воротился— отца изъ дома выгналъ ... Бояться будутъ его, отшатнутся всѣ: поневолѣ будетъ пить да буянить ...

— Такъ, по-твоему, мнѣ надо жить съ нимъ, смотрѣть на всѣ его распутства да ждать, когда и вправду изъ дома по шеѣ меня выгонитъ ...

— Какъ это можно! ... Гдѣ ему васъ выгнать изъ своего дома! ... Онъ теперь съ отчаянности бушуетъ, можетъ, даже отъ стыда: не знаетъ, чѣмъ взять ... куда дѣться .. А увидитъ, что дали вы ему волю, сдѣлали хозяиномъ, не со зла, не изъ досады, а какъ были вы отецъ, такъ и остались ... А по васъ и сторонніе люди будутъ на него смотрѣть не какъ на отпѣтаго, на разбойника, что отца изъ дома выжилъ ... Какъ же ему не очувствоваться? ... Очувствуется! ... А уйдете вы отъ него вовсе, и будетъ онъ, ровно дикой звѣрь въ берлогѣ, сидѣть да огрызаться на всѣхъ ... Добраго изъ этого ничего не выйдетъ — ни ему, ни людямъ ...

Ѳедотъ Семенычъ ничего не отвѣчалъ на эти слова, но понурился и глубоко задумался. Ѳедя догадывался, что въ душѣ его происходитъ какая-то борьба — и не смѣлъ прерывать его думы.

— Нѣтъ, Ѳедя, старъ я ... Не по силамъ мнѣ ломать себя ... И ни въ чемъ я не виноватъ передъ сыномъ: окромя добра, я ничего ему не дѣлалъ и не желалъ ... Онъ меня обидѣлъ, а не я его ... Что я ему воли не давалъ, къ хозяйству не припускалъ, — такъ развѣ онъ такой былъ человѣкъ, чтобы на него положиться да полную волю дать? ... А что суду его отдалъ, не вступился за него, не откупался ... не хлопоталъ, чтобы концы спрятать ... ну, въ этомъ ужъ пусть судитъ меня Богъ да добрые люди, а мнѣ душой не покривить ... Какъ онъ хочетъ! ... Пущай гнѣвается! ... Онъ думаетъ, я ему первый злодѣй, а сколько я муки перетерпѣлъ, сколько горя изъ-за него узналъ,— того не чувствуетъ ... и что значитъ родительское сердце: каково тяжело отъ родного дѣтища, отъ единаго дѣтища отрекаться, — ему это не въ понятіе ... Ну, да Богъ съ нимъ! ... Зла у меня въ душѣ противъ него нѣтъ нисколько: все бы я ему простилъ и все забылъ, кабы онъ пришелъ не этакъ, не съ дракой да съ буянствомъ, а хоть бы маленько въ чувство пришелъ да стыдъ имѣлъ ... Не погнушался бы я имъ, что сынъ изъ острога вышелъ: судъ судилъ, наказалъ, — все равно, что огнемъ выжегъ ... очистилъ ... Нечего старое поминать! ... И я бы не токмо не попрекнулъ, не попомнилъ, а и людямъ бы не далъ слова сказать супротивъ него ... Ну, а ужъ коли такъ-то онъ, такъ и мнѣ нечего больше дѣлать: на, вотъ, возьми, сынокъ, все мое, — пользуйся, живи съ Богомъ, какъ знаешь ... А я, — коли не отцомъ, а злодѣемъ меня считаешь, — мѣшать тебѣ не стану, — уйду ... какъ-нибудь проживу! ...

— Да какъ же вы одни, Ѳедотъ Семенычъ, жить будете?

— А такъ же вотъ и буду ... Попрошу у батюшки на монастырѣ, около церкви, мѣстечка, избушку поставлю, келейку ... да и стану жить ... Трехлѣтье отсижу въ старшинахъ, а тутъ хошь въ церковные сторожа пойду ... Послужилъ на людей, — надо и Богу послужить: мнѣ жить немного осталось ... А только вотъ передъ Богомъ говорю: если Кирилла не опомнится, будетъ опять безпутничать, мотать да жену тиранить, — сердце не дрогнетъ: надоумлю міръ, чтобы приговоръ дали на поселенье его сослать ... Это ужъ, значитъ, пропащій совсѣмъ человѣкъ, вредный ... Только и себѣ, и обществу на бѣду жить будетъ ... Пускай же пропадаетъ одинъ, — людей не сомущаетъ! ... Эхъ, Ѳедя, Ѳедя, не говори ты больше ничего, не надрывай моего сердца! ... Дай Богъ тебѣ никогда такого горя не знать, что у меня на сердцѣ живетъ ...

Ѳедотъ Семенычъ опустилъ голову. У Ѳеди щемило сердце отъ жалости къ старику: ему хотѣлось бы что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь утѣшить его.

Они молча подъѣзжали къ волостному правленію. Была уже ночь. Въ селѣ всѣ спали.

— Ты подъѣзжай-ка прямо къ волости ... Постучимся въ окно ... Сторожъ услышитъ, — отопретъ ... Мы въ самой волости ночуемъ, писаря и будить не велимъ: не-зачѣмъ ... А завтра ужъ посмотрю, подумаю: куда мнѣ пристроиться покамъ ...

— А мнѣ не ѣхать-ли, Ѳедотъ Семенычъ, домой? ... Первое, что лошадь отвести къ мѣсту: все равно — завтра нужно же ее отсылать ... Да и мнѣ надо тоже все порядкомъ Кириллѣ сдать, что

у меня на рукахъ было, чтобы послѣ чего не вышло: я не желаю этого ... Ну, и ночь-то переночую тамъ, — посмотрю, что у нихъ дѣлается ... Если бушуетъ, такъ я и въ избу не покажусь: гдѣ-нибудь въ сараѣ просплю ... А завтра одёжу какую свою заберу, да и тебѣ, можетъ, что нужно? — За-одно бы и привезъ ... Попрощался бы съ вами, коли не нуженъ больше, да и домой, — а нуженъ, такъ какъ прикажешь ... По мнѣ все равно ...

— Поѣзжай, поѣзжай и въ самъ-дѣлѣ ... Дѣло ты говоришь ... Сдай тамъ ему али Ѳедосьѣ, — все, все сдай ... Мнѣ ничего не нужно, ничего не вози, — ни синя-пороха: пускай все имъ остается ... Вотъ только одёжу привези, потому — нельзя, неравно ѣхать куда понадобится ... А больше мнѣ ничего не надобно, — такъ и скажи! ... Денегъ тамъ немного, — всѣ здѣсь, въ жалованьи лежатъ: почитай, за цѣлый годъ не бралъ, — да денегъ я имъ и не дамъ ... Пускай самъ наживаетъ: есть съ чего наживать, — въ дому теперь всякое заведеніе есть ... Спасибо тебѣ, Ѳедюха ... При тебѣ все завелось ... Поѣзжай, родной ... Эхъ, жалко мнѣ тебя, — ровно къ родному сыну привыкъ ... А нѣ при чемъ мнѣ тебя больше держать, да и пора тебѣ къ отцу ... Спасибо, Ѳедя, спасибо, — по гробъ жизни твоей службы не забуду! ... Помни: какая нужда, — иди ко мнѣ, ровно къ отцу родному ...

— Да я завтра еще побываю, Ѳедотъ Семенычъ ...

— Да, да, побывай ... Ну, поѣзжай съ Богомъ ...

Ѳедя не безъ умысла выпросился назадъ въ Ступино. У него явилась мысль и надежда какъ-нибудь

поправить дѣло, — помирить отца съ сыномъ. Онъ не хотѣлъ высказывать своей надежды Ѳедоту Семенычу, потому что и самъ въ ней не былъ увѣренъ, да и боялся, что старикъ воспротивится его намѣренію.

IX.

Все было тихо въ домѣ Ѳедота Семеныча, когда Ѳедя возвратился назадъ и подъѣхалъ къ воротамъ. Огня въ домѣ не было видно. Ворота оказались запертыми. Лошадь нетерпѣливо фыркала и рвалась къ воротамъ. Ѳедя медленно вылѣзалъ изъ телѣги, раздумывая, какъ ему вызвать изъ избы сестру, не разбудивъ остальныхъ, но оказалось, что Анна не спитъ. Услыша стукъ колесъ и фырканье лошади у воротъ, она тотчасъ же отперла ихъ и стала потихоньку отворять.

— Али угомонился, уснулъ? — спросилъ Ѳедя сестру, и та тотчасъ же поняла, что онъ спрашиваетъ про мужа.

— Спитъ, спитъ... И матушка уснула около него.

— А ты что же?

— А мнѣ не спится ... Я ровно ждала тебя,— на мостъ-то вышла да сунулась ... Слышу, стучитъ: неужто, молъ, онъ ѣдетъ? ... А ты и есть ... А что батюшка-то свекоръ? ...

— Онъ остался въ волости.

— Вовсе?

— Вовсе.

— Эко горе наше ... Господи, батюшка! Веди, Ѳедя, лошадь-то, да потихоньку ... Не поднялся бы опять ... Я помогу отложить-то ...

Анна весь разговоръ вела вполголоса, почти шопотомъ.

— А что, буянилъ безъ насъ, — шибко? ...

— Нѣту, какъ уѣхали, притихъ ...

— И тебя не трогалъ? ...

— Ни даже, нѣтъ, ничего, только отворачивался,— не глядитъ, не смотритъ и не говоритъ ничего со мной ... Гнѣвается! ... Я такъ и не ... Боялась и подойти-то ...

— Какъ же онъ? ... Все съ Ѳедосьей Осиповной, что ли, разговаривалъ? ... О чемъ говорили-то? ...

— И съ ней мало говорилъ ... Сначала-то все похвалялся противъ тебя да грозилъ ничто ... А тутъ ключи увидалъ на столѣ ... ухмыляться сталъ: возьметъ ихъ да положитъ, подержитъ въ рукахъ-то — да броситъ ... А послѣ того взялъ да въ карманъ къ себѣ и убралъ ... Видать, радъ онъ ключамъ-то ... А матушка-то, Богъ съ ней, говоритъ ему въ ухо-то: „не то бы, говоритъ, тебѣ досталося, — не тому бы, говоритъ, за этими ключами быть ... Пусто, батюшка, у насъ нынче, не какъ прежде! ...“ Богъ съ ней, не это бы ей надо говорить! ... Да правда, что онъ мало что и слышалъ-то: очень ужъ охмѣлѣлъ ... Я вижу: сидитъ да качается ... Взяла, постлала ему постилку, подушку принесла ... Не изволишь ли, молъ, лечь, Кирилла Ѳедотычъ? ... Соснулъ бы съ дорожки-то ... Какъ онъ глянетъ на меня, — сердито-сердито.— „Откуда“, — говоритъ, — „я пришелъ-то? ... Съ какой дорожки? ... Острожникъ я, — изъ острога“. ... Такъ сердце у меня и упало ... Не знала, что и дѣлать ... Тутъ матушка подошла, толкнула меня отъ него, подхватила его подъ руку да и повела къ постилкѣ ... Онъ такъ и свалился въ чемъ былъ, не разумшись ... Матушка сѣла около

него, а мнѣ махнула, чтобы вонъ шла ... Я ушла въ сѣни, заревѣла ... А онъ такъ, видно, и уснулъ ... Давно ужъ тихо у нихъ въ избѣ-то: видно, и матушка легла, уснула ...

— Ложись и ты ... Есть ли чѣмъ обогнуться-то? ... На вотъ кафтанъ мой да ложись въ телѣгу хоть; а я на сѣно пойду ...

— Я, Ѳедюша, думаю завтра, чуть-свѣтъ, баньку ему истопить, чтобы, какъ всталъ, въ баньку бы ему сходить ...

— Такъ что же ... Это хорошо, — такъ и сдѣлай: какъ проснется, такъ ему и скажи, что, молъ, баньку про тебя изготовила ... Это ты хорошо выдумала! ...

— А ты почто же, Ѳедюша, вернулся?

— А я, чтобы все ему сдать, что у меня на рукахъ было, чтобы во всемъ отчетъ былъ у меня полный передъ нимъ ... Да одежу свою забрать и попрощаться съ вами ... И Ѳедотъ Семенычъ велѣлъ его одежу къ нему привезти ...

— А батюшка-то ужъ такъ къ намъ и не пріѣдетъ николи? ... Вправду жить съ нами не хочетъ? ...

— Кабы вотъ уговорить какъ Кириллу-то, чтобы онъ сходилъ, повинился да попросилъ отца-то, — такъ, можетъ, бы онъ и вернулся ... А такъ не пойдетъ ни за что ... Вотъ кабы Ѳедосья Осиповна съ нимъ поговорила ...

— Нѣтъ, Ѳедюша, на матушку нечего полагаться ... Она ровно ума рехнулась, какъ пришелъ Кирилла Ѳедотычъ: все про старое-то ему поминаетъ да все жалуется на всѣхъ ... Не согрѣшить бы, а она, кажись, больше его сомущаетъ только ... Развѣ ужъ мнѣ какъ времячко, переждавъ, выбрать

да подойти, безъ матушки ... Ну, прибьетъ, такъ прибьетъ — а, можетъ, и ...

— Попытайся ... добре бы ... Много бы лучше для всѣхъ для васъ было, а особливо для тебя, кабы старикъ-отъ воротился ...

— Какъ можно! ... Ужъ что говоритъ! ... Не вѣду ужъ, какъ мы безъ него и жить-то будемъ ...

— Ну, а ты ложись покамъ ... Утро вечера мудренѣе: завтра увидимъ ...

На слѣдующее утро Ѳедя всталъ рано: солнышко еще не показывалось и дневной свѣтъ едва начиналъ брезжиться, но Анны уже не было на мосту, гдѣ она легла спать, а отпертая калитка показывала, что она ушла со двора. Ѳедя догадался, что сестра ушла топить баню, и, сообразивши, что одной ей трудно натаскать воды, наколоть и наносить дровъ, тотчасъ пошелъ помогать ей; но предварительно поднялся въ сѣни и прислушался у дверей избы: оттуда не доходило никакого звука, стало быть — и Кирилла, и старуха еще спали.

Когда Ѳедя подошелъ къ банѣ, которая стояла за огородомъ на берегу рѣчки, Анна собиралась колоть дрова, которыя были уже принесены ею и брошены около дверей бани.

— Дай-ка, дай, я наколю, а ты таскай воду, — сказалъ Ѳедя, беря изъ рукъ сестры топоръ.

— Да ничего, я и сама наколю ... Воды-то ужъ я натаскала ... Что больно рано поднялся? — спросила Анна.

— Все не раньше тебя ... А ты, видно, не спала ночь-то вовсе? ...

— Не спалось, Ѳединька, не спалось и есть ...

Только глаза заведу, ровно что почудится, а сердце такъ и зайдется ... Слушаю, слушаю: ничего не слыхать, все тихо ... Такъ ворочалась, ворочалась, да и сдумала: чѣмъ валяться по-пусту, пойду, молъ, стоплю баньку-то пораньше ... Все лучше ...

— Такъ бери покамъ дровъ-то, растапливай, а я еще поколю, припасу тебѣ ... Наши-то спятъ, я слушалъ: можетъ, къ самому вставанью изгодишь баньку-то ему, то и хорошо! ...

Деревня стала просыпаться, и дымъ, не въ урочное время поднимавшійся изъ бани старшины, привлекъ вниманіе. Мужики посолиднѣе посмотрѣли только издали и, увидя около бани Ѳедора, успокоились, что не пожаръ, и принялись за свое дѣло, не пускаясь въ дальнѣйшіе разспросы; но бабенки, а за ними и молодые парни не утерпѣли и подбѣжали къ самому Ѳедѣ поразспросить, почесать языки.

— А мы думали, ужъ не занимается ли у васъ баня-то ... Испугались, страсть! — тараторили бабы. — Анъ, видно, про гостя нежданаго топишь баньку-то? ... Слышно, воротился Кирилла-то Ѳедотычъ ...

— Видѣли его наши: проходилъ ... Сказываютъ, исхудалъ, черный, стриженый ... оборвался весь!

— Да какъ можно не исхудать? ... Тутъ исхудаешь: не въ гостяхъ гостилъ! ... Тоже тамъ въ духотѣ сиди, да когда поѣлъ, а когда и не ѣмши. Трудно, сказываютъ.

— Думали и не пустятъ его вовсе, а вотъ пустили же ...

— Отсидѣлъ свое, такъ что держать-то. То бываетъ на поселенье, а это въ острогѣ ... Ужъ съ поселенья не пускаютъ, а въ острогѣ ... что

же? Отсидѣлъ свое, и ступай съ Богомъ на всѣ четыре стороны ...

— Прежде, сказывають, не пускали: какъ попалъ, такъ и угонятъ ...

— Прежде не тѣ права были ... теперь права другія ... Вотъ ежели за убійство али тоже поджогъ сдѣлалъ да уличили ... — ну, тогда ужъ сошлютъ вовсе, на каторгу ...

— То хуже?

— Ну, какъ можно: острогъ — тотъ въ городу, а каторга — она въ Сибири самой ... Тамъ въ кандалахъ, подъ землей, такъ и сиди ...

— А въ острогѣ-то нечто безъ кандаловъ? ... И въ острогѣ въ кандалахъ ... тоже ...

— Такъ то убойцы али грабители которые ...

— И который тоже ежели деревню спалилъ ... тоже ...

— Такъ Кирилла-то развѣ не ... — заговорила было одна изъ бабъ, но спохватилась и не кончила.

— Кирилла въ поджогѣ оправили ... Виноватымъ не признали, — проговорилъ Ѳедя, который до сихъ поръ молча слушалъ болтовню бабъ, а теперь, набравши охапку дровъ, намѣревался скрыться отъ нихъ въ банѣ.

Но сосѣдки заглянули вслѣдъ ему въ баню и открывши тамъ Анну, обрадовались и затараторили еще больше.

— Ахъ, Анна Герасимовна ... воротился, чуть ... Ну, слава Богу! ... Проздравляемъ! ...

— Про него, видно, баньку-то обихаживаешь? ... А мы напужались, думали ... смотримъ: дымъ ...

— Обрадавалась, чай? ...

— Какъ не обрадоваться, матка ... Тоже боль-

ше дву годовъ не видала ... Мужъ вѣдь, тоже ... Ну, дай Богъ, дай Богъ ...

— Сказываютъ: вовсе, чу, воротился ... болѣ не возьмутъ ...

— Кабы на поселенье ... то другое дѣло, сказываютъ ... А то отсидѣлъ, чу, ну, и ступай съ Богомъ ...

— Извелся, чай, онъ тамъ? ... Исхудалъ, сказываютъ: и не признаешь ...

— Ну, какъ не известись: посиди-ка, дѣвка, два-то годка ... скажешься ...

Бабы сыпали вопросами и замѣчаніями, точно горохомъ. Анна не отвѣчала да не успѣла бы отвѣчать, если бы и хотѣла: сосѣдки сами тотчасъ же и разрѣшали для себя свои вопросы; но вдругъ одна изъ бабъ спросила Анну:

— Да что у васъ за сумятеніе вечоръ было, ровно драка какая? ... Я шла подъ окнами, слышала ...

При этомъ вопросѣ всѣ затихли и притаили дыханіе, не сводя глазъ съ Анны.

— Ничего не было: никакого сумятенья не было, — отвѣчала Анна неохотно.

— А какъ они со старикомъ-то? ...

— Что со старикомъ? ... Ничего ...

— Что же онъ больно скоро уѣхалъ-то? ... Слышно было колокольчикъ-отъ, какъ домой пріѣхалъ, а тутъ, сказываютъ, не въ долгихъ и опять уѣхалъ, на своей, съ Ѳедянкой ... съ Ѳедоромъ Герасимычемъ ...

— Дѣло у него нужное въ волости было, — вмѣшался Ѳедя, замѣчая смущеніе сестры.

— Развѣ что дѣло, — настаивали неугомонныя бабы. — Да больно ужъ скоро ... Ниче-

го дома-то не побылъ ... Кажись бы, два года съ сыномъ роднымъ не видался ...

— Развѣ вы не знаете Ѳедота-то Семеныча? — возразилъ опять Ѳедя. — У него, коли дѣло есть, онъ ужъ не промѣшкаетъ, все броситъ да поѣдетъ ...

— Да ужъ это Ѳедотъ Семенычъ! ... Про него что говорить ... Онъ ужъ ... что про то говорить! ... То-то! А мы думали, не осерчалъ ли онъ, что, можетъ, Кирилла Ѳедотычъ пьяненекъ былъ ... ну, знамо, съ радости! ... за водкой-то ты бѣгала ... Можетъ, молъ, не согрубилъ ли что ему Кирилла-то Ѳедотычъ ... Онъ, старикъ, вѣдь не любитъ насмерть этой водки-то ... Можетъ, молъ, что сказалъ, а тотъ не уберегся — отвѣтилъ въ сердцѣ ... Посварились, молъ ... Ну, вотъ старикъ-отъ дому рѣшился ... ушелъ! ...

„Все-то знаютъ, все знаютъ, все пронюхали!“ ... думалъ про себя Ѳедя, слушая болтовню бабъ. — „Навѣрнякъ, что подъ окнами стояли, сплетки экія, подглядывали да подслушивали“ ...

— Такъ ничего съ родителемъ-то? Все по доброму, по хорошему? ... Ну, такъ слава Богу! ... Да ужъ, кажется, коли этому отцу не уважить, что Ѳедотъ Семенычъ, такъ ужъ что тутъ пути будетъ ...

— Ужъ, сказать, радѣльщикъ, не токма для сына, а всему міру радѣлецъ ... Теперь, кажется, наши мужики за него, за Ѳедота Семеныча, душу-то заложатъ, не то что ... Ну, крутенекъ, правда, крутенекъ, такъ вѣдь все за правду ...

— Да что крутенекъ! Экіе ли бываютъ! ... Другой душу-то изъ тебя выжметъ, ничего и не подѣлаешь ... А за Ѳедотомъ Семенычемъ мужики

вонъ толкуютъ, живемъ ровно за каменной стѣной ... Какъ экому отцу не уважишь! ...

— То-то, молъ, а то какъ это можно: отступился, чу, и отъ дома-то, болтаютъ ... Изъ дому-то бѣжалъ, чу, какъ сынокъ воротился ... Какъ, я говорю, — то можетъ быть, съ чѣмъ то схоже ... И большакъ мой тоже.

— Да не то твой большакъ, всѣ мы тоже ... Не можетъ того статься ... А вотъ оно все враки вышли ... пустяки! ...

— Знамо, пустяки! — отозвался Ѳедя. — Развѣ вы, бабы, что путное скажете промежъ себя? ... Такъ перемываете бока-то людямъ да путаете — сами не знаете что ... Ну-ка, Анна, кутать пора баню-то ... Пустите-ка, бабы, я затворю двери-то ...

Ѳедя, чтобы отдѣлаться отъ докучныхъ допросчицъ, вышелъ изъ бани, отстранилъ бабъ и затворилъ двери, но онѣ еще не хотѣли расходиться.

— Ну, а ты, Ѳедянъ, какъ же, останешься тутъ жить али домой уйдешь? ... Что ужъ тебѣ тутъ дѣлать-то, коли молодой хозяинъ домой пришелъ ... А? Какъ ты-то? ...

— Ахъ, бабы, бабы! — огрызнулся уже Ѳедя, разсердившись. — Да что у васъ, неужто своего дѣла нѣтъ, объ чужомъ-то васъ забота съѣла? ... Поди-ка, у иныхъ вѣдь, чай, коровы еще не доены, а вы толчетесь здѣсь да въ чужое дѣло путаетесь ... Мы-то еще сами ничего не знаемъ, подумать промежъ себя не успѣли, а вы ужъ пытаете да судачите ... Пустите-ка, мнѣ еще вотъ дровъ нужно наколоть, прибавить: некогда мнѣ бобы-то разводить съ вами ... Подите, судитесь сами промежъ себя, а мнѣ не мѣшайте ...

И Ѳедя, поворотясь къ бабамъ спиной, принялся за работу. Тетки поворчали, потоптались еще нѣсколько минутъ на мѣстѣ и стали расходиться.

— Слушай-ка, Анна, — сказалъ ей Ѳедя, когда они остались одни. — Какъ я думалъ, такъ и есть: не сдобровать Кириллѣ, коли Ѳедотъ Семенычъ теперь домъ броситъ ... Слышала, что бабы-то говорятъ теперь же, еще ничего не видя. А узнаютъ все, міръ на Кириллу опрокинется ... Вѣдь всѣ помнятъ, что онъ деревню спалилъ: и злятся на него, и боятся, будутъ сторониться и попрекать, а онъ обозлится, запьетъ али еще хуже что почнетъ дѣлать ... Его міръ либо совсѣмъ со свѣта сживетъ, либо на что недоброе наведетъ; надо непремѣнно какъ-нибудь уговорить мужа, чтобы онъ покорился, съѣздилъ къ отцу, повинился да просилъ бы его, чтобъ тотъ воротился и жилъ съ вами ...

— Не знаю, какъ, батюшка, сдѣлать-то, Ѳединька ... Боюсь и подступиться-то къ нему ... Да и не послушаетъ онъ меня: прежде хоть маленько слушался, жили вѣдь мы ладно съ нимъ, а вотъ теперь въ два-то года отвыкъ отъ меня ... Прежде вѣдь онъ не дрался, а поди-ка, вонъ, теперь, — какъ пришелъ, такъ и прибилъ ... Согрѣшила я, грѣшная, послушалась тогда, народъ-то подвела подъ него ... Неужто бы ужъ я не желала, чтобы батюшка жилъ съ нами, да не знаю, какъ взяться, подойти-то боюсь ... Вонъ онъ какой сталъ ... ровно и не онъ! ... Научи, родной, какъ быть-то ...

— Да ужъ я попытаю счастья, самъ поговорю съ нимъ ... что будетъ ... Ты поди, сторожи: какъ проснется, въ баню зови, а выпарится — самоваръ наставь, чаемъ его подчуй, пускай онъ отдохнетъ, духомъ-то отойдетъ, а я покамѣ не покажусь

ему ... Ты про меня и не говори ничего ... А я вдругъ подойду къ нему ... Поди же ...

Анна побѣжала въ избу, а Ѳедя сѣлъ за баней такъ, чтобы его не было видно изъ деревни, а ему можно было наблюдать за Кирилломъ, когда онъ пойдетъ изъ дома. Онъ ждалъ не долго: на тропинкѣ между огородами, которая вела къ банѣ, показался Кирилла, въ сопровожденіи Ѳедосьи Осиповны, которая шла рядомъ съ нимъ, и Анны, которая робко слѣдовала за ними сзади. У Кирилла лицо было сумрачное, измятое, но не злое.

— На же, Кирилла Ѳедотычъ, рубаху-то да вѣничекъ, — услышалъ притаившійся за стѣною Ѳедя робкій голосъ Анны, — а я, покамъ паришься, самоварчикъ, побѣгу, наставлю ...

— Да водка есть ли, смотри, и яичницу толкни ... приготовь! — отозвался Кирилла, и въ голосѣ его не слышалось злобы противъ жены, хотя не было слышно и ласки.

— А я, хошь ли, попарю тебя? А? — спросила Ѳедосья Осиповна. — Не попарить ли? А? Кирюшенька?

— Нѣту, матушка ... Я самъ ...

— Ну, какъ хочешь, а сдумаешь, такъ кликни: я тутъ посижу, въ передбанникѣ, подожду тебя ... Да хорошо ли еще она баню-то истопила? ... Дайка я войду пережъ, посмотрю ... Пожалуй, съ угаромъ не скутала ли: отъ нея станется ...

— Ну, гдѣ, чай, съ угаромъ, чтой-то ... Она вѣдь не о двухъ головахъ ...

— Да, надѣйся на нихъ! ... Нѣтъ, лучше я сама-то взгляну ...

Ѳедя слышалъ, какъ отворилась дверь въ баню и какъ затѣмъ вышла изъ нея Ѳедосья Осиповна и

усѣлась въ передбанникѣ, что-то ворча про себя. Вскорѣ затѣмъ за стѣной послышалось шипѣнье воды, подданной на каменку, веселое кряхтѣнье Кирилла и хлестъ вѣника. Ѳедя потихоньку выбрался изъ засады и по задамъ бань вышелъ къ деревнѣ такъ, чтобы его не видала Ѳедосья Осиповна.

„И что это сдѣлалось со старухой“, — думалъ Ѳедя самъ съ собою: — „совсѣмъ изъ-за своей любви къ сыну ума рехнулась: такъ и мутитъ, такъ и мутитъ его противъ Анны. Не пойти ли, не поговорить ли съ ней сначала? Да нѣтъ, пути не будетъ: ей теперь никого не нужно, кромѣ своего Кирюшеньки, она радешенька, что одна съ нимъ осталась, о старикѣ-то и не вздумаетъ, а меня увидитъ, еще хуже: подумаетъ, съ умысломъ какимъ ... Да и не любитъ она меня, особливо послѣ вчерашняго случая!“

Ѳедей овладѣло неясное для него самого, но какое-то страстное желаніе во что бы то ни стало примирить отца съ сыномъ; онъ чувствовалъ, что готовъ ради этого на всякое униженіе, на самопожертвованіе. Зачѣмъ это было для него такъ нужно — онъ не думалъ и не отдавалъ себѣ отчета, но внутреннее неясное чувство говорило ему, что онъ сдѣлаетъ этимъ какое-то большое добро. Онъ прошелъ въ домъ, засталъ Анну въ большихъ хлопотахъ около печки и самовара и принялся помогать ей.

— Не спрашивалъ про отца али про меня? — спросилъ онъ сестру.

— Нѣту, нѣтъ, ничего ...

— Ну и ладно ...

— Ничего, Ѳедюша, даже ничего! ... Ровно какъ ему это по мысли, что я баньку-то приготовила про него: вотъ это, говоритъ, ладно, хорошо! ...

Сейчасъ и пошелъ ... А у меня ужъ и рубаха, и вѣникъ припасены были, думала: пойду съ нимъ, прислужусь, да матушка увязалась ... И что за чудо за такое: не подпускаетъ она меня къ нему, да и на́ поди! ... Никогда я слова напротивъ ей не сказала, а она теперь на меня ... ровно я клятая какая ... Удумать не знаю какъ: что это съ ней сталося ...

Ѳедя промолчалъ.

— Вотъ водки-то онъ велѣлъ припасти, — заговорила Анна.

— Ну, такъ что дѣлать-то... Есть ли водка-то?

— Есть еще, осталось отъ вчерашняго ... Боюсь я, Ѳедя, опять бы онъ?... Выпьетъ-то ... чего бы не было? ...

— Ну, такъ какъ быть-то ... Надо терпѣть ... Хозяинъ! ... Напротивъ не пойдешь ... Надо какъ никакъ уговаривать совѣстью: силòмъ ничего не подѣлаешь ...

— Знамо совѣстью ... Гдѣ ужъ силòмъ ...

— Вотъ подождемъ, посмотримъ, что будетъ ...

Передъ возвращеніемъ Кириллы изъ бани Ѳедя вышелъ изъ избы и вошелъ въ нее вновь уже тогда, когда Кирилла, выпивши водки, закусывалъ ее яичницей, шипѣвшей передъ нимъ на сковородкѣ. Лицо его было видимо весело и довольно: баня какъ будто смыла съ него вмѣстѣ съ грязью тюремнаго заключенія и то озлобленное, мрачное выраженіе, которое дѣлало его стр_шнымъ и отталкивающимъ. Ѳедя съ внутреннимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ ту минуту, какъ онъ входилъ, Кирилла о чемъ-то спрашивалъ жену, и та, стоя передъ нимъ, отвѣчала съ радостной, сіяющей улыбкой; Ѳедосья Осиповна сидѣла рядомъ съ сыномъ и смотрѣла на него съ

такимъ выраженіемъ, точно боялась, что его сію минуту отнимутъ у нея.

Увидя Ѳедю, Кирилла вдругъ нахмурился и опустилъ ложку, которую несъ-было ко рту; все довольство и веселость мгновенно исчезли съ его лица; рука, которой онъ держалъ ложку, дрожала.

— Что еще нужно? — спросилъ Кирилла сдавленнымъ голосомъ, прежде чѣмъ Ѳедя успѣлъ сказать слово.

— Пришелъ, Кирилла Ѳедотычъ, сдать тебѣ все, какъ слѣдуетъ, что у меня на рукахъ было, — отвѣчалъ Ѳедя, стоя у дверей.—Вчера ты требовалъ отъ меня отчета, какъ съ работника, я не такъ отвѣчалъ тебѣ, потому не зналъ, что будетъ ... А теперь Ѳедотъ Семенычъ весь домъ тебѣ препоручилъ, такъ сними у меня съ рукъ, что было, какъ слѣдъ новому хозяину ... а меня ужъ домой уволь ...

Кирилла напряженно смотрѣлъ на Ѳедю, не сводя глазъ, точно хотѣлъ проникнуть въ глубину его души. Вдругъ лицо его исказилось, и черные глаза вспыхнули недобрымъ огнемъ.

— Да что ты, подлецъ ... шутки шутить надо мной пришелъ? ... — закричалъ онъ, безсознательно ища рукою на столѣ какого-нибудь орудія защиты. — Ты меня вчера пьянаго избилъ, такъ думаешь, и сегодня опять удастся ... Да я тебѣ башку размозжу! ... Что ты лѣзешь ко мнѣ надругаться? ...

Кирилла поднялся на ноги и, замѣтя на стѣнѣ около себя большой желѣзный ключъ отъ амбара, висѣвшій на крючкѣ, схватился за него. Женщины въ испугѣ вскрикнули.

— Погоди, Кирилла Ѳедотычъ, выслушай сначала, не безпокойся: не надругаться я пришелъ, а какъ

быть работникъ къ хозяину ... Ѳедотъ Семенычъ приказалъ мнѣ все сдать тебѣ съ рукъ на руки ... Ключи отъ амбара ты получилъ, да есть вѣдь, лежитъ, что и не заперто: вонъ сбруя, колеса, орудье разное, — мало-ли чего. Все же надо, чтобы ты въ порядкѣ принялъ отъ меня и все осмотрѣлъ: и скотъ, и кормъ, все какъ слѣдуетъ ... чтобы послѣ и на меня поклепу не было, что того не уберегъ да не сдалъ ... я же домой ухожу ... А что вчерась промежъ насъ было въ горячкѣ, такъ забудь, прости меня ... Я не нарокомъ, не со зла, а и самъ не знаю, какъ вышло ... Прости, Христа ради! ... Я не то, что на смѣхъ, а вотъ до земли тебѣ кланяюсь ... Посмотри ...

Ѳедя дѣйствительно низко поклонился ему и дотронулся рукою до полу.

— Да что ты фокусы-то эти разводишь, — сказалъ Кирилла, садясь и все еще недовѣрчиво посматривая на Ѳедю: — то ты драться сымаешься, то работникомъ себя зовешь, у притолоки стоишь да кланяешься ... Какой же ты работникъ, коли ты Аннинъ братъ, шуринъ мой? ... А сдать бы все, коли батюшка мнѣ препоручаетъ, онъ бы самъ и сдалъ, безъ тебя ...

— Оттого и драться вчера сымался, что шуринъ я твой ... Не надо бы мнѣ вступаться промежъ мужа съ женой ... да что дѣлать: кровь! Не утерпѣлъ, горько показалось, что напрасно сестру обижаешь ... А не надо бы, каюсь въ томъ и прощенья прошу! ... А Ѳедотъ Семенычъ самъ меня прислалъ къ тебѣ: онъ пріѣхать не желаетъ; такъ думаетъ, что онъ тебѣ непріятенъ и что ты въ отца его не почитаешь ... И велѣлъ мнѣ опять тебѣ сказать, что онъ тебѣ отдаетъ: и домъ, и скотъ, и хлѣбъ,

и сбрую, все, что есть въ дому ... Велѣлъ себѣ только свою одежу прислать, а больше ему ничего не нужно ... Все тебѣ оставляетъ ...

— А самъ-отъ какъ же? ... Гдѣ же жить-то будетъ? ... къ вамъ, что-ли, поѣдетъ? ... Вы, чай, рады, зазываете ... Твоя, что ли, выдумка-то это? ... Ты, что ли, его подбилъ? ... Ты вѣдь ему за-мѣсто сына-то сталъ? ... Ты вонъ какой хорошій: не пьешь, не куришь, тихоня-мученикъ, святъ мужъ, а я-то? ... Я острожникъ каторжный, гдѣ ему со мной жить! ...

Кирилла порывисто, дрожащей рукой налилъ стаканъ вина и выпилъ его съ жадностью.

— А вотъ мнѣ что говорилъ насчетъ этого Ѳедотъ Семенычъ: ты послушай. Жить, говоритъ, мнѣ осталось не много и хочу пожить для Бога, выстрою келью около церкви, на монастырѣ, и буду жить въ ней ... А я тебѣ скажу, Кирилла Ѳедотычъ, коли повѣришь истинному Богу, что онъ не то, что гнушается тобой, а безъ души тебя жалѣетъ и ушелъ только для того, чтобы тебѣ полную волю дать и ни въ чемъ не мѣшать, и думаетъ, что ты его не любишь ... А хочешь ты, чтобы онъ жилъ съ тобой, — поѣзжай, покажи покорность, поклонись да попроси, Богомъ тебѣ божусь, тотчасъ воротится и станетъ жить съ тобой, только бобылемъ — ровно на покоѣ, а вступаться ни во что не станетъ ... Это я тебѣ вѣрно говорю, какъ передъ Богомъ, по душѣ! ... А ты меня прости, не держи ты у себя ничего на сердцѣ противъ меня ... Ну, была ошибка моя, забудь ... Мало-ли что промежь сродственниковъ бываетъ ...

— Такъ что-же ты стоя-то? ... Коли ты сродственникъ, такъ садись, поди ... Вотъ чайку, поди,

испей съ нами ... Водки-то все еще не пьешь али только при людяхъ притворяешься? ...

— Слушай, Кирюша, облегчи ты мою душу совсѣмъ: скажи, что простилъ ты меня и что на душѣ у тебя ничего нѣтъ противъ меня ... такъ сяду и гостемъ, и сродственникомъ буду считаться ... А что я тебѣ говорилъ — все вѣрно! ...

— Да ну тебя, и въ-самъ дѣлѣ не все ругаться ... Садись, что ли ... Я вѣдь острожникъ, каторжникъ, ты меня побилъ, да мнѣ же и кланяешься, прощенья просишь! ... Кто тебя знаетъ, либо ужъ ты Іуда христопродавецъ, либо въ самъ-дѣлѣ ужъ святъ мужъ ... Садись, говорятъ! ... Попьемъ чайку ...

— Такъ поздороваемся перво, какъ слѣдуетъ ...

— Слушай, Ѳедюха, — сказалъ Кирилла, — коли ты вправду мнѣ другъ, а не изъ хитрости изъ одной, выпей ты водки со мной, хошь рюмку одну ... А не выпьешь ... мазура, значитъ, ты ... Убирайся къ чорту! ...

— Не пью я, самъ знаешь, а чтобы доказать тебѣ ... давай, выпью рюмку ... Изволь ...

Ѳедя выпилъ и закашлялся. Кирилла былъ очень доволенъ и весело смѣялся ...

— Вотъ люблю, вотъ спасибо! — вскричалъ онъ, всталъ и обнялъ Ѳедю. Потомъ они взглянули другъ другу въ глаза и поцѣловались. Ѳедя почувствовалъ вдругъ приливъ необыкновенной радости и какой-то нѣжности къ Кириллѣ, точно онъ спасъ его отъ неминучей погибели. Анна тихо, радостно плакала. Ѳедосья Осиповна не могла себѣ отдать отчета, что̀ такое случилось, и лицо ея изображало больше всего испугъ и недоумѣніе.

— Теперь ты мнѣ вотъ что скажи, — началъ

опять Кирилла, — только всю правду скажи: точно батюшка помирится и воротится къ намъ, и волю мнѣ дастъ, коли поѣду я къ нему, покорюсь да попрошу его? ...

— Ужъ истинно тебѣ говорю, Кирюша ... не изъ своего ума, а съ его словъ. Любитъ вѣдь онъ тебя, жалѣетъ, желаетъ все тебѣ предоставить и полную волю дать ... Самъ мнѣ говорилъ ... Вотъ Богомъ тебѣ клянусь! ... А помиритесь да переѣдетъ онъ къ тебѣ, на что ужъ лучше ... И для тебя будетъ покойнѣе, и передъ людьми не зазорно ... А воли онъ съ тебя не сниметъ ... Ужъ это вѣрно! ...

— Ну, коли такъ, я много думать да разговаривать не люблю ... Садись, попьемъ чайку, а тутъ поѣдемъ за батюшкой ... Наливай, Анна, живѣй.

Черезъ полчаса послѣ этого, къ удивленію всей деревни, Ѳедя вмѣстѣ съ Кирилломъ, въ дружной бесѣдѣ, ѣхали въ одной телѣгѣ по направленію къ селу. Тамъ, у волостного правленія, они остановились, и Кирилла попросилъ Ѳедю идти впередъ, предупредить о немъ отца и устроить такъ, чтобы свиданіе ихъ было безъ постороннихъ свидѣтелей.

Ѳедя засталъ Ѳедота Семеныча одного. Онъ сидѣлъ у стола, подперши голову рукою. Лицо его было уныло и мрачно; оно не оживилось и при появленіи Ѳедора.

— Здраствуй, Ѳедя, — проговорилъ онъ какъ-то безучастно. — Что, привезъ мою одёжу?

— Привезъ, Ѳедотъ Семенычъ.

— Ну, что у нихъ тамъ? ... Не опять ли драка?

— Ничего, все слава Богу: не то, что драка, а мы съ Кирилломъ помирились и расцѣловались, какъ быть слѣдуетъ братьямъ ...

— Полно, ну? ... Неужто очувствовался?

— Онъ здѣсь, Ѳедотъ Семенычъ ... Пріѣхалъ со мной прощенья у васъ просить ... Ждетъ: позволите ли войти ему ...

— Когда же сыну бываетъ заказано идти къ отцу? ... Пускай идетъ ...

Ѳедотъ Семенычъ говорилъ, повидимому, спокойно, но лицо и глаза его радостно оживились. Ѳедѣ показалось даже, что онъ какъ будто вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно поднялся на ноги. Ѳедя поспѣшилъ позвать Кириллу и намѣревался было пустить его одного, но Ѳедотъ Семенычъ вскричалъ ему вслѣдъ:

— Кликни его да и самъ приходи съ нимъ ... Пускай при тебѣ ...

Кирилла, войдя въ правленіе, бросился отцу въ ноги и, не поднимаясь съ колѣнъ, проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Прости меня, батюшка ... Положи гнѣвъ на милость! ...

— Не гнѣвенъ я на тебя, а скорбенъ тобой, — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ. — Всегда ты былъ у меня у сердца, а если я что и дѣлалъ не по мысли тебѣ, такъ, думалъ, для твоего же добра ... Скажи ты мнѣ только, Кирилла: изъ совѣсти ты ко мнѣ пришелъ, али изъ-за чего другого? ...

— Изъ совѣсти, изъ одной, батюшка, — отвѣчалъ Кирилла, смотря въ землю и не поднимая головы.

— Коли изъ совѣсти, такъ, значитъ, мнѣ и говорить больше ничего не приходится: совѣсть твоя все тебѣ скажетъ ... всю вину твою передо мной ... Ну, Богъ съ тобой, все тебѣ прощаю! ... Поди, обнимемся ...

Кирилла быстро всталъ и обнялъ отца.

У Ѳедота Семеныча падали изъ глазъ слезы на голову сына, руки его дрожали.

— Вотъ когда ... сына нашелъ ... Ахъ, Кирилла, Кирилла! — говорилъ онъ прерывающимся голосомъ. — Будь ты хошь послѣдніе-то годы ... старость-то мою успокой ...

— Успокою, батюшка! ... Ужъ коли не гнѣваешься, простилъ, такъ ужъ отмѣни, что вчера говорилъ: пожалуй, поѣдемъ домой ... Живи съ нами ...

Ѳедотъ Семенычъ нѣкоторое время молчалъ, какъ-бы собирался съ духомъ.

— Слушай, Кирилла, — заговорилъ онъ, наконецъ. — Ты передо мной покаялся, и я покаюсь передъ тобой: изъ такой же молодой головы, какъ твоя, пришло и въ мою сѣдую голову; не я ли самъ виноватъ въ тебѣ, что держалъ тебя подъ рукою, не давалъ тебѣ полной воли? ... Коли виноватъ я въ томъ, такъ хочу свою вину поправить ... Все тебѣ предоставляю: будь ты полнымъ хозяиномъ въ домѣ, распоряжайся всѣмъ, дѣлай все, какъ самъ знаешь ... Я ни во что мѣшаться не стану и, что не по-моему будешь затѣвать, — посовѣтую, коли хочешь, а останавливать не стану ... А, можетъ, не лучше ли, чтобы я и вовсе изъ дома ушелъ, какъ хотѣлъ? ... Сказывай, прямо по совѣсти ...

— Нѣтъ, батюшка, какъ можно, чтобы родитель изъ дома ушелъ ... И совѣсть моя не позволяетъ того, да и что̀ люди скажутъ? ... На милости твоей благодарю, что все мнѣ предоставляешь, а голько что нѣтъ, не оставь, пожалуй, живи съ нами ... Затѣмъ больше и пришелъ ... просить

тебя ... Мы тебя успокоимъ, а ты насъ наставленьемъ своимъ не оставь! ...

У Ѳедота Семеныча просіяло лицо.

— Ну, коли такъ, спасибо, — проговорилъ онъ весело и опять обнялъ сына. — Вотъ, Ѳедя, и у меня праздникъ! ... Теперь ужъ я и тебя сегодня-то не пущу. Погости денёкъ-другой у насъ— на радостяхъ.

Веселые и довольные всѣ трое возвращались они въ Ступино. У воротъ ихъ встрѣтила Анна, приняла лошадь, ввела ее подъ уздцы во дворъ, а потомъ кинулась со слезами въ ноги Ѳедоту Семенычу, потомъ — мужу, потомъ брату. Зато Ѳедосья Осиповна встрѣтила ихъ въ избѣ безъ всякаго заявленія радости, съ тѣмъ же выраженіемъ недоумѣнія и испуга, которое точно замерло у нея на лицѣ съ минуты совершившагося на ея глазахъ примиренія Кириллы съ Ѳедей.

Черезъ два дня Ѳедоръ собрался уходить домой. На душѣ у него было тяжело, потому что онъ не могъ добыть обѣщанныхъ Дарьѣ Тихоновнѣ денегъ и не зналъ, какъ ему показаться къ ней безъ нихъ; но на его счастье Ѳедотъ Семенычъ, прощаясь, сунулъ ему въ руку пятирублевую бумажку и требовалъ, чтобъ онъ непремѣнно взялъ ее. Ѳедя тотчасъ же отнесъ ее къ Дарьѣ Тихоновнѣ и былъ безмѣрно радъ, что могъ исполнить ея просьбу ... Съ нимъ прощались тамъ и провожали его съ большой любовью и лаской ... Но съ тѣхъ поръ прошло уже два мѣсяца ... Какъ-то встрѣтятъ теперь? ...

Часть вторая.

I.

На околицѣ деревни Ступино Ѳедя встрѣтилъ знакомаго мужика изъ этой деревни.

— Ѳедору Герасимычу! — сказалъ тотъ, приподнимая шапку. — Али къ намъ?... Сестру провѣдать нечто?...

— Да, побывать ...

— Доброе дѣло ... Побывай!... провѣдай!... Дѣло хорошее ... понавѣдайся!...

Тонъ, съ которымъ были сказаны эти слова, показался Ѳедору недобрымъ, подозрительнымъ. Онъ пріостановился.

— Все ли у нихъ благополучно? Всѣ ли здоровы?... Давно слуху-то не было отъ нихъ къ намъ ... Здоровы ли живутъ?...

— Да, кажись, ничего, здоровы ... Анну-то я видѣлъ сегодня въ полѣ: допахивала ...

— Какъ Анну?... Сама пахала? — переспросилъ Ѳедя. — Развѣ ... Да развѣ у нихъ еще не посѣяно? ...

— Да видать, что нѣтъ ... Знать, допахивала, кончала сегодня ... Сама, сама пахала ... Самъ видѣлъ ...

У Ѳеди замеръ на языкѣ вопросъ: какъ же это — баба мужицкую работу справляла? Что же

Кирилла-то дѣлаетъ?... Но вмѣсто этого онъ промолвилъ только:

— Запоздали они нонѣ ... Запоздали!... Вездѣ ужъ обсѣялись ...

— Какъ теперь не обсѣяться ... Время самое ужъ ... отошло ... Ты провѣдай, провѣдай сестру-то ... Доброе дѣло!...

Опять Ѳедѣ почудилось въ тонѣ мужика что-то неладное и нерадостное, но онъ не хотѣлъ пытать и разспрашивать о своихъ родныхъ у посторонняго человѣка и, попрощавшись, пошелъ-было впередъ, но остановился и окликнулъ уходящаго мужика вопросомъ:

— А Ѳедотъ-то Семенычъ дома?

— Не вѣду доподлинно-то, — отвѣчалъ мужикъ. — Мало онъ дома-то водится ... Кажись, дома былъ ...

— Строится онъ — закричалъ мужикъ, отойдя уже много шаговъ впередъ и вдругъ снова оборачиваясь.

— Кто? — спросилъ Ѳедя.

— А Ѳедотъ Семенычъ ... Какъ же, строится! ... Новы срубы ставитъ ... На огородѣ ... Подь, увидишь ...

„Что за притча такая?“—раздумывалъ Ѳедя, невольно прибавляя шагу.—„Что-нибудь у нихъ да неладно ...“

Въ избѣ Ѳедоръ засталъ Анну одну. Она очень ему обрадовалась и порывисто бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, батюшка, Ѳедянушка ... Откуда тебя Богъ принесъ?... Ровно съ неба свалился, нежданонегадано ... Садись, батюшка, садись, родимый ...

— Никого нѣтъ въ избѣ-то, никого ... Я

одна ... одна я! — продолжала она, замѣтя, что братъ осматривается и ищетъ глазами: нѣтъ ли кого еще изъ домашнихъ.

— Да гдѣ же всѣ?...

— А матушка-то въ горницѣ: они тамъ теперь живутъ съ батюшкой ... Батюшко-то на огородѣ ... Тамъ у него плотничаютъ, такъ онъ назираетъ ... А Кирилла Ѳедотычъ ... не знаю, гдѣ онъ ... Никуда ушелъ ... Не сказался ... Я пойду батюшкѣ-то скажу, что ты пришелъ ...

— Не надо, погоди ... Дай, поговоримъ покамъ одни ... Я и дорогой слышалъ, что строится Ѳедотъ-отъ Семенычъ ... Чтой-то это онъ? Съ чего это вздумалъ?

— А не знаю, Ѳедянушка ... Такъ сдумалось ему: пущай, говоритъ, у меня своя избушка будетъ, коло пчелъ ... А вы здѣсь хозяйствуйте, какъ знаете ...

— Ну, а какъ у нихъ съ Кириллой-то, ничего ... Никакой ссоры али неудовольствія?...

— Нѣтъ, кажись, ничего, все слава Богу, — отвѣчала Анна какъ-то нерѣшительно и оглядываясь на входныя двери.

— И у васъ съ нимъ все благополучно? Ничего? Не обижаетъ тебя?...

— Нѣтъ, Ѳедянушка, ничего ... Не пожалуюсь ... Все благополучно ... Все слава Богу ... Да не хошь ли поѣсть съ дорожки-то?... Вотъ самоварчикъ бы вѣдь надо наставить про тебя ...

— Нѣтъ, ничего не надо ... Вотъ, перво къ Ѳедоту Семенычу схожу, поздороваюся ... А что это вы запоздали сѣять-то нынче? ... Сказывали, будто ты вчера еще только допахивала ...

— Да, запоздали, запоздали нонѣ маленько.

Какое маленько: въ людяхъ до Успеньева дня засѣялись ... Отчего же это такъ вы?...

— Да такъ вотъ все за дѣлами: успѣхъ не взялъ ... То, да другое, такъ и не поспѣли ...

— А сама, сказываютъ, допахивала-то ...

— Сама, сама, Ѳедя ... Что же?... Вѣдь не орать: пахать-то не въ примѣръ проще ... За сохой-то ходи да держись только: лошадь сама научитъ ...

— А сѣялъ-то кто-же? Неужто и сѣяла сама?...

— Нѣту, Ѳедюша, гдѣ самой!... Не умѣю я, дура, сѣять-то ... не умѣю ... Сѣялъ-то самъ Кирилла Ѳедотычъ ... Онъ сѣялъ ...

— Все самъ сѣялъ?...

— Кое онъ, а то успѣхъ не бралъ: сосѣда просила ... Помогъ, спасибо!... Да, право, Ѳедянъ, поѣлъ бы чего ... Не хошь ли?...

По уклончивости, торопливости отвѣтовъ Анны, по робкому оглядыванью на дверь, Ѳедя понялъ, что сестра боится сказать что-нибудь невпопадъ, что могли подслушать и услышать за дверями. Очевидно, она тяготилась разспросами Ѳедора и боялась, чтобы ихъ разговора не подслушала Ѳедосья Осиповна, которую отдѣляли отъ избы только одни узкія сѣни. Ѳедя всталъ, чтобы идти.

— Куда же ты? — испуганно спросила его Анна.

— А къ Ѳедоту Семенычу пойду, на огородъ ...

— А ... Ну да, ступай, ступай батюшка, онъ тамъ ... А я ужъ думала ... Да ты ка́къ, нарокомъ къ намъ али куда по пути шелъ да зашелъ? ...

— И по пути, и нарокомъ ... Я вѣдь отпросился у батюшки вовсе ... Въ люди иду, работы искать ...

— Ну-у!... На долго ли же?

— Да какъ поживется ... али покамъ домой не потребуютъ: какую работу найду, сколько промышлять буду ... не знаю еще ничего ...

— Вотъ ты какъ, Ѳедюша!... Уйдешь отъ насъ, батюшка!... И не увидишь тебя!... Что же это дома-то тебѣ надокучило?... Кажись бы, у насъ съ тятенькой жить ничего, вольготно ... Обиды никакой нѣтъ ... Что же ты это, родимый мой?... Отъ своего родного дома въ чужи люди надумалъ?... А?...

— Такъ, хочу счастья поискать въ людяхъ ... Дома-то еще наживусь ...

— Ну-у ... Вотъ ты что надумалъ!... Не съ кѣмъ будетъ и посовѣтовать, и горе огоревать безъ тебя ...

Анна разчувствовалась-было и щеку подперла рукой, но вдругъ опять, точно чего испугалась, спохватилась и пошла впередъ брата отворять ему дверь ...

— Такъ погостишь, чай, у насъ сколько-нибудь? — спросила она, провожая брата, уже въ сѣняхъ.

— Ночку переночую, а утре ужъ пойду ... Да вотъ, что̀ еще Ѳедотъ Семенычъ скажетъ ...

Сзади избы Ѳедота Семеныча узкой полосой тянулся его огородъ. Около двора шли гряды съ капустой, огурцами, морковью, а въ другомъ концѣ стояло нѣсколько тычинъ съ хмѣлемъ, росла старая развѣсистая береза и нѣсколько рябинъ, покрытыхъ гроздьями красныхъ ягодъ; тутъ же, по забору, разставлены были и колоды съ пчелами. На луговинѣ, отдѣлявшей гряды отъ пасѣки, между березой и рябинами, стояла, почти совсѣмъ уже отстроенная

и покрытая, маленькая избушка, которой не было прежде. Это новое жилье, которое строилъ Ѳедотъ Семенычъ, казалось совсѣмъ сиротской кельей: съ низенькой дверью, съ двумя маленькими окнами. Внутри избушки слышался стукъ топора.

„Неужели старикъ въ этой лачугѣ жить хочетъ изъ-за своего дома, свѣтлаго, просторнаго?“—думалъ Ѳедя.

Онъ отворилъ дверь. Въ избушкѣ, сидя на простомъ чурбанѣ, Ѳедотъ Семенычъ обтесывалъ какую-то плашку. Онъ былъ въ одной рубахѣ, сидѣлъ сгорбившись и не имѣлъ того сановитаго вида, которымъ отличался, бывало, не только среди рядовыхъ мужиковъ, но и среди другихъ старшинъ. Ѳедѣ показалось, что онъ за послѣднее время сильно постарѣлъ и опустился.

При входѣ Ѳеди онъ поднялъ голову. Лицо его, передъ тѣмъ задумчивое, печальное, оживилось.

— Ахъ, дружище, какими судьбами? — сказалъ старикъ, откладывая въ сторону топоръ. — Вотъ спасибо!... Радъ я тебѣ!... Сватушка здоровъ ли?...

— Слава Богу, кланяться приказалъ вамъ, Ѳедотъ Семенычъ. А вы что это, плотничаете сами?...

— Да вотъ, братъ Ѳедя, задумалъ себѣ келью особливую устроить ... Хотѣлъ сначала около церкви, на оградѣ построиться, да раздумалъ: точно ужъ очень на показъ людямъ, что вотъ, молъ, спасаться человѣкъ хочетъ ... Ну, да и отъ своихъ далеко ... А вправду тебѣ сказать, грѣха не потаить: больше того — пчелки пожалѣлось!... Привыкъ я къ ней, люблю очень, стосковался бы безъ

нея, а ужъ на оградѣ ея не заведешь ... А здѣсь, смотри-ка, какъ у меня будетъ важно: посмотрѣлъ въ окошечко — вонъ онѣ всѣ у меня на глазахъ: и рой, коли время придетъ, не отлетитъ ужъ у меня отъ рукъ, не уйдетъ ... Все въ глазахъ!... Вотъ къ избушкѣ-то еще закутку придѣлаю теплую, омшанникъ: туда ихъ на зиму прятать ... И тутъ завсегда на глазахъ будутъ: недалеко ходить-то, за стѣной только будутъ ...

— Такъ неужто вы и зиму тутъ будете жить?

— А что же? Чудесно!... Развѣ плохо? Смотри-ка ... Изба-то будетъ теплая, потому не высока, а печь большая: тепла будетъ довольно ... Вонъ, полатки сдѣлалъ. Переваливайся съ печи на полати ... А очень взопрѣешь — вонъ лавки какія широкія ... На лавкѣ проклажайся сколь хочешь!... Вотъ тутъ иконы поставлю ... какъ быть слѣдуетъ ... Неугасимую заведу: пускай горитъ за грѣхи мои!.. Вѣдь то любо: и лавки, и голбецъ, и полатки, и для образовъ кіотъ, — все, почитай, самъ сдѣлалъ, своими руками ... Только доски мнѣ плотникъ выстрогалъ, а то все самъ ... Ты думалъ, я топоромъ-то ужъ вовсе не умѣю али отвыкъ совсѣмъ? ... Нѣтъ, вотъ смотри: кое-какъ, а все приладилъ, какъ быть слѣдуетъ ... Правда, пословица-то говорится: старый — что̀ малый ... Вотъ вѣдь что̀ лавку сколотилъ али голбецъ? — пустое, а мнѣ любо, что самъ ... своими руками ... Такъ-то, другъ!... Вотъ мнѣ въ старшинахъ сидѣть только до зимы осталось ... Какъ выйду, такъ у меня и уголъ свой есть: запрусь здѣсь, ровно монахъ али скитникъ какой, и буду жить одинъ, подальше отъ людей да отъ грѣха ... Да ужъ и пора, давно пора! ...

— Да что же вамъ за охота изъ-за своего дома,

изъ-за родной семьи, да одному жить? ... Ѳедосья Осиповна, слава Богу, здравствуетъ ... Кирилла съ Анной при васъ ... Все бы, кажется, лучше со всѣми вмѣстѣ ...

— А ты, Ѳедюша, со мной не хитри и душой не криви ... Ты умный, и всѣ наши домашніе порядки знаешь ... Старуха, коли захочетъ со мной жить, такъ и здѣсь будетъ: мѣста станетъ про обоихъ; только она не пойдетъ отъ сына, хошь бы и лучше было, кабы ушла ... Ну, а ужъ сыну далъ я волю, какъ хочетъ, все ему сдалъ, такъ нечего ему и мѣшать ...

— А что же, Ѳедотъ Семенычъ, развѣ у васъ съ Кириллой-то опять не лады, али вамъ что не по мысли дѣлаетъ? ...

— Нѣту, да вѣдь я ни во что не вхожу и не смотрю ... Коли спроситъ что, ну, скажу, а то нѣтъ, молчу ... Ужъ вѣдь самъ ты говорилъ, что коли волю, такъ надо полную волю дать и не мѣшать: пускай самъ, какъ хочетъ и какъ умѣетъ ... Помнишь, говорилъ! ... Ну, вотъ тогда мнѣ твое слово и запало: не оттого ли, молъ, и все наше горе вышло, что я ему ни въ чемъ спуску не давалъ, все докучалъ? ... Вотъ теперь ужъ ни во что и не вступаюсь: какъ хочетъ! ... Онъ ничего, не грубіянитъ со мной, не споритъ, а только что вижу: мѣшаемъ мы другъ другу ... То гость къ нему придетъ, мнѣ не по мысли, то погулять ему хочется, а у меня на глазахъ опасится ... Ну, и бѣжитъ изъ дома, жену одну покидаетъ, хозяйство бросаетъ ... То и самъ я не утерплю когда, скажу что — вижу ему не по мысли ... Перетерпѣть бы, смолчать, что ни видишь, да иной разъ, по старости лѣтъ, что ли, али почему, и не вытерпишь ... Такъ ужъ

лучше отъ грѣха подальше! ... Вотъ Анну твою жалко! ... Жалко бабу! ... Хорошая она, добрая жена, а тяжеленько ей! ... И не столь черезъ мужа, нѣтъ, а больше черезъ мать ... Вижу, баба изъ силъ бьется, угождаетъ старухѣ, а все не можетъ потрафить: къ печкѣ ее не подпускаетъ, а какъ что не спорится али не дѣлается, по старости ея лѣтъ, та же Анна виновата ... Пробовалъ унимать свою-то — хуже только! ... Да, хорошо, кабы мнѣ старуху-то свою отъ нихъ уманить, много бы лучше Аннѣ было! ... Онъ вѣдь не злой, Кирилла ... Нѣтъ! ... Безпутенъ онъ только, разбалованъ! ... Одни-то бы, можетъ, ужились лучше: какъ-нибудь обломались бы другъ объ друга ... Ну, да что говорить: теперь это дѣло ихное ... Мое дѣло въ сторонку отойти да не мѣшать ... Лучше, какъ ничего не видишь и не знаешь! ...

Ѳедотъ Семенычъ невольно глубоко вздохнулъ. Видно было, что онъ дѣлалъ надъ собой усиліе: не все высказывалъ, что̀ думалъ, зналъ и чувствовалъ.

— Ну, да что тутъ толковать: ты самъ уменъ, день проживешь — все увидишь, — промолвилъ Ѳедотъ Семенычъ. — Разскажи-ка лучше, какъ вы поживаете ... Что ты объ себѣ-то одумалъ? Невѣсту не высваталъ-ли? ...

— Нѣту, Ѳедотъ Семенычъ ... Я отпросился у батюшки ... Пустилъ меня, спасибо, вовсе: работы на сторонѣ поискать ... Вотъ нарокомъ и къ вамъ зашелъ: попрощаться да наставленія твоего попросить ...

— Да что̀ ты самъ-то надумалъ? Куда хочешь идти-то? ...

— Намѣреніе мое — идти на заводы; около купцовъ работки поискать, по моему ремеслу.

— Это рѣзь-то рѣзать? ...

— Да, и постолярничать что ... Всякую бы вещь, кажись, сдѣлалъ, только покажи ... Вотъ развѣ инструмента только нѣтъ у меня ... всякаго ... А если бы у меня инструментъ всякій былъ, кажется, ничто бы отъ рукъ не отбилось ... Вотъ шкатулки съ секретомъ знаю дѣлать, только деревъ у меня никакихъ нѣтъ, а безъ деревъ никакъ нельзя ... Ну, что одна береза ... А купцы имѣютъ состояніе: всякихъ деревъ накупить могутъ ... А главная причина, — какъ къ механикѣ у меня пристрастіе большое: къ машинамъ бы какъ попасть желательно ... Вотъ около машинъ бы какъ на фабрикѣ пристроиться! ...

— Около машинъ! ... Это дѣло! ... Вотъ что ... Есть у меня одинъ знакомый купецъ ... Попытаться развѣ къ нему? ... Сегодня ужъ ты переночуй у насъ, а завтра я съѣзжу съ тобой къ нему ... По крайности, поговорю про тебя, да попрошу: все, чай, лучше, чѣмъ такъ одинъ, незнаемый, рядиться придешь ... Самому-то собой хвалиться не сподручно ... Ну, а я-то ужъ знаю, что про тебя сказать ... Вотъ, коли хочешь ...

— Ужъ на что этого лучше, Ѳедотъ Семенычъ: не оставьте, пособите ... Извѣстно, коли ужъ вы съѣздите да поговорите, такъ купецъ, особливо коли знакомый, тотчасъ возьметъ меня ...

— Ну, не больно, братъ ... Купцы такой народъ, онъ на́ слово-то и отцу родному не повѣритъ: онъ смотритъ на человѣка-то по дѣлу, а не по словамъ ... Взять-то онъ возьметъ всякаго рабочаго, коли только онъ ему надобенъ ... Ну, да ужъ и выжметъ изъ него все ... Развѣ что этотъ— благопріятель мой большой ... Принимаетъ меня

завсегда ... И самъ человѣкъ добрый, благотворительный человѣкъ! ... Вотъ попытаемся утре ... Съѣздимъ! ... Да что мы здѣсь сидимъ — у пустого-то мѣста ... Пойдемъ въ домъ ... Тебѣ, чай, съ сестрой повидаться хочется, да и поѣсть надо съ дороги? ...

— Я съ сестрой ужъ видѣлся, Ѳедотъ Семенычъ ...

— Такъ что же она? ... Поди, чай, ничѣмъ не угостила, и самоварчика, чай, не наставила ... Пойдемъ, пойдемъ! ... Кирилла-то, поди, нѣтъ дома, шатается гдѣ-нибудь, а хозяйствуетъ-то нонѣ мать. Анюха-то, чай, не смѣетъ и самовара-то поставить про тебя ... Чудное дѣло: не взлюбила, братецъ, тебя моя старуха! ... И за что, сама не знаетъ ... Да нѣтъ, нехорошо, нехорошо нонѣ у меня въ дому ... Правда, не у меня, у сына! ... Я нонѣ все молчу! ... Ужъ ни во что не вступаюсь, и не говорю ни слова! ... Вотъ только тебя-то увидѣлъ, обрадовался, языкъ у меня ровно развязался, а то я нынче въ молчальники поступилъ: какъ домой пріѣхалъ, такъ и рѣчей у меня нѣтъ ... А только нехорошо ... нехорошо! ... Все не по мысли мнѣ, не по-моему! ... Ну, да ужъ далъ волю, такъ какъ хотятъ, не мое дѣло ... А все-таки ты мой гость! ... Я своего гостя угостить могу, какъ слѣдуетъ ...

— Да вы не безпокойтесь, Ѳедотъ Семенычъ ... Я ничего не хочу ...

— Ну, ужъ, братъ, нѣтъ ... Ты меня не обижай ... У меня все свое ... Я не поклонюся ... Я своимъ тебя угощать стану, не сыновнинымъ ... Я вѣдь еще не на чужихъ хлѣбахъ живу ... Слава Богу, свое имѣю! ... Сами звали меня жить-то къ себѣ! ... Сами просили, а я могу прожить и

одинъ ... Ты у мѣня гость дорогой, я тебя люблю! ... Они должны всячески почитать тебя ...

Ѳедя съ грустью прислушивался и смотрѣлъ на Ѳедота Семеныча. Онъ не узналъ его: откуда взялась въ немъ старческая болтливость, плохо скрываемая безсильная раздражительность и недовольство, какая-то жалобная и жалкая нота въ тонѣ его голоса, откуда это въ старикѣ, полгода назадъ бодромъ, сильномъ, молчаливомъ и рѣшительномъ? ... Даже по внѣшности онъ сильно измѣнился, опустился и постарѣлъ: голова не держалась такъ высоко, глаза не смотрѣли такъ прямо, спина согнулась, измѣнилась походка, какъ будто даже ростомъ онъ сталъ ниже прежняго ...

II.

— Что же ты это, Анюха, самоваръ-то и не поставила про брата ... А? ... Ахъ, ты, безстыдница экая! — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ, войдя въ избу.

— Да онъ не велѣлъ, батюшка ...

— Да что его слушать ... Это хозяйское дѣло, а не гостево: хозяева должны угощать, а гость только угощеніе принимать ... Ставь-ка, ставь скорѣй! ... А я пойду, велю Ѳедосьѣ чай заварить да насъ напоить ... А сама не захочетъ, ты разольешь ... Вотъ я сейчасъ схожу ... Мать-то въ горницѣ, чай, сидитъ?

— Да, надо быть, тамъ, — отвѣчала Анна.

— А Кирюшки все нѣтъ? ...

— Нѣтъ, еще не бывалъ ...

— Ахъ, шатунъ, шатунъ ... Право, шатунъ! — проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ, повидимому, добродушно, но съ вздохомъ, и вышелъ изъ избы.

— Да что, Кирюха-то, видно, опять сталъ зашибаться? — спросилъ Ѳедя, обращаясь къ Аннѣ, которая хлопотала съ самоваромъ.

— Да вѣдь не по всякъ день, Ѳедя, нѣту! ... Срѣдка развѣ когда! ... А то вѣдь онъ и работаетъ, и дома сидитъ ...

— Да что ты отъ меня скрываешься, правду-то не говоришь, Анна? ... Говори теперь: они тамъ, старики, разговариваютъ промежъ собой, не услышатъ, говори! ...

Анна взглянула на брата, потомъ повернула голову къ двери, какъ-бы прислушалась, затѣмъ быстро бросилась къ нему на шею и проговорила ему на ухо:

— Ахъ, много-бы говорить-то нужно, Ѳединька, разсказать-бы тебѣ все, душеньку отвести, да долго говорить-то ... да и боюсь! ... А больше на Бога надѣюсь: авось Господь на путь истинный наставитъ ... А плохо, Ѳединька, плохо! ... И зашибаться сталъ, и гуляетъ, и изъ дома тащитъ на сторону, таскомъ тащитъ ... Нишкни, батюшка, нишкни! ... Идутъ, кажись? ...

И Анна опять отскочила отъ Ѳедора къ печкѣ и къ самовару. Въ избу вошелъ Ѳедотъ Семенычъ, неся въ рукахъ чайникъ и чашки. Лицо его было мрачно; онъ былъ, видимо, взволнованъ; руки его дрожали.

— На-ка, Анна, бери — проговорилъ онъ отрывисто. — Ужъ до чего дожилъ, Господи, что своя жена слушаться не хочетъ ... Старая старуха — и та воли захотѣла! ...

Ѳедотъ Семенычъ злобно усмѣхнулся.

— Ужъ пускай бы сама не шла, а то чаю вздумала не давать ... Моего-то же чаю, да не даетъ ... Чудеса! Ей Богу! ... Рехнулась она у меня ...

Знаю, говоритъ, для кого этотъ чай ... Живетъ и безъ него! ... Дура, право, дура! ...

— Отъ преклонности лѣтъ это ихныхъ ... — успокоивалъ его Ѳедя.

За чаемъ, который разливала Анна, въ бесѣдѣ о будущемъ Ѳеди, Ѳедотъ Семенычъ развеселился, какъ будто забылъ о всемъ, что его тревожило, и сталъ опять похожъ на прежняго. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что Анна наливала только для нихъ чай, а сама не пила.

— Анна, отчего же ты не пьешь? — спросилъ онъ.

— Ну, батюшка, кушайте сами ... Я не хочу ...

— Почто врёшь: не хочу?! Пей, пей ... Отчего не пьешь? ...

— Да ну, я послѣ ... Кушайте перво самито ... Вотъ останется, — и я напьюсь ...

— Да врешь ... Я знаю, что у тебя въ головѣ: ты свекрови боишься, что попрекать станетъ ... Не бойся: мой чай-то, не вашъ! ... Я на свои деньги покупалъ ... Я подчую! ... Пей же, говорятъ, сейчасъ, вмѣстѣ съ нами! ...

— Не сходить-ли мнѣ, батюшка, лучше сначала матушку поподчивать? ...

— Не надо, не надо, пустяки! ... Я самъ звалъ! ... Не пошла, такъ какого ей еще зва ... И пойдешь, такъ уйдешь ни съ чѣмъ, либо шугнетъ да обругаетъ ... Что ты думаешь: развѣ я вашихъ дѣловъ не вижу? ... Что молчу-то? ... Не думай, я все вижу, всѣ прижимки ея противъ тебя вижу ... Пыталъ и усовѣщевать, и бранить ее, дуру ... Что съ ней подѣлаешь! ...

— Знаю и я, батюшка, что ты мой радѣльщикъ ... По тебѣ только и живу ...

У Анны навернулись слезы, голосъ задрожалъ; много-бы ей хотѣлось сказать, но она опять спохватилась, замолчала и невольно взглянула въ сторону двери. На этотъ разъ это было кстати, потому что дверь открылась и въ ней показался Кирилла въ сопровожденіи матери. У Ѳедосьи Осиповны выраженіе лица было таково, точно она сейчасъ сказала или хотѣла сказать сыну:

— Посмотри-ка ты, свѣтъ ты мой ясный, что они безъ тебя дѣлаютъ, какихъ гостей привѣчаютъ, какіе пиры сводятъ! ... А мать безъ тебя въ сторонѣ, въ загонѣ! ...

Кирилла былъ на-веселѣ и въ хорошемъ расположеніи духа: если мать и успѣла ему шепнуть такія рѣчи, которыя выражали ея глаза и лицо, то онѣ не произвели, повидимому, на сына никакого впечатлѣнія.

— А, гость дорогой, Ѳедоръ Герасимычъ ... Сколько лѣтъ, сколько зимъ! — проговорилъ онъ, радушно протягивая руку поднявшемуся съ мѣста Ѳедѣ.

— Здравствуйте, Ѳедосья Осиповна, — обратился съ своей стороны Ѳедя, почтительно кланяясь старухѣ, которая что-то пробормотала въ отвѣтъ и съ язвительной гримасой умышленно низко поклонилась ему.

Анна уступала-было свекрови свое мѣсто, но та отворотилась и съ недовольнымъ, обиженнымъ лицомъ усѣлась въ сторону, въ уголокъ, нарочно подальше отъ стола, на которомъ пили чай.

Ѳедотъ Семенычъ молча и исподлобья смотрѣлъ на всю эту сцену.

— Садись, садись, Ѳедоръ Герасимычъ ... Дайка и мнѣ, Анна, чайку-то, — говорилъ между

тѣмъ Кирилла, избѣгая встрѣтиться со взглядомъ отца—Матушка, а что же ты-то? Подвигайся: мѣста про всѣхъ будетъ ... Испей и ты чайку-то съ нами ...

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю ... Гдѣ ужъ мнѣ чаи распивать ... Непривычна я! ... Я и такъ посижу! ...

— Анна, да чай-то, можетъ, спили, такъ можно свѣженькаго заварить — продолжалъ между тѣмъ Кирилла, не слушая словъ матери.

— Не знаю, какъ сказать ... Кажись, не больно жидокъ еще, — робко отвѣчала Анна, въ нерѣшимости стоя около своего мѣста. — Матушка, вотъ бы сѣла ... да разливала бы ... Вотъ ... пожалуй, садись, матушка! ...

— Полно-ка, ужъ полно ... Не манежничай! ... Хозяйка, такъ хозяйкой и сиди! ... Сама пей и гостей угащивай ... А мы и въ кути просидимъ! Намъ и такъ хорошо, и безъ чаю! ... Вѣкъ-отъ прожили, не больно набалованы чаями-то ... Это вы привычны чайничать-то, молодые! ... Вы и чайничайте! ...

— Полно, матушка ... Это напрасный разговоръ, — рѣзко замѣтилъ Кирилла. — Вонъ чай-отъ жидокъ: поди-ка, принеси еще да подсыпли ...

Ѳедосья Осиповна нѣсколько мгновеній помялась, что-то пробормотала, но не могла ослушаться сына: встала и пошла въ свою свѣтелку за чаемъ. Ѳедотъ Семенычъ глубоко вздохнулъ и сердито крякнулъ.

— Ну, какъ живешь-поживаешь, Ѳедя? — спросилъ Кирилла.

— Да понемножку ...

— Что больно давно не заглядывалъ къ намъ? ... Ровно и дорогу забылъ ...

— Да все за дѣлами: никакъ нельзя было ...

— Да ужъ эти дѣла, братъ, нонѣ ... Бѣда! ... Замяли вовсе! ... Лѣто никакое нескладное: дожди отъ работы вовсе отбивали ... Да и мы нынче безъ работника, батюшка не посовѣтовалъ нанимать ... А однихъ никакъ успѣхъ не бралъ ... И до сяковой поры яровые снопы еще въ полѣ ...

— Да и овесъ-то не дожатъ, — замѣтилъ Ѳедотъ Семенычъ не безъ язвительности.

— Ну, то что: самая малость ... Не стоитъ его и жать-то: совсѣмъ осѣкся, безъ зерна ... Одна солома, и ту серпомъ не ухватишь ... А только намъ безъ работника никакъ невозможно! ... Ты какъ хочешь, батюшка, а только я работника найму ...

— Что мнѣ? ... Твое дѣло! ... Я бы въ твои года и не съ этакой работой управился, а ты какъ знаешь! ... Я давно сказалъ, что ни во что ввязываться не буду ... И не ввязываюсь! ... Спросишь — посовѣтую, а тамъ твое разсужденіе ...

— Да и прежъ того у насъ завсегда батраки бывали, — вмѣшалась Ѳедосья Осиповна, которая разливала уже чай. Воротясь изъ своей горницы, она подошла молча къ столу, не смотря и точно не замѣчая Анны, плечомъ своимъ оттолкнула ее и заняла передъ самоваромъ ея мѣсто.

— Завсегда батраки у насъ жили, — повторила она. Извѣстно, бабье дѣло я одна управляла, не ходила по сосѣдямъ кланяться да помочи просить, а на мужичью работу всегда батрака нанимали ...

— Такъ развѣ та у насъ прежде запашка-то была? — возразилъ Ѳедотъ Семенычъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ. — Я, бывало, и пашни, и луговъ наймовалъ, по осьми чередовъ зиму прокармливалъ, а въ пастушню-то и по двѣнадцати сгоняли ...

По три лошади, бывало, держалъ да по пяти коровъ въ зиму, окромя овецъ ... А нонѣ сколь? ... Одна лошадка да двѣ коровы — вотъ и все! ... А земля-то на одно тягло! ... Такъ къ этому-то работника нанимать, чужого человѣка хлѣбомъ кормить? ... Что же сами-то дѣлать будутъ? ... Эхъ, да ... языкъ мой, врагъ мой! ...

— Такъ что же, вѣдь и Кирюшѣ не заказано земли-то нанять али скотинки-то прибавить, коли съ деньгами собьется! ...

— Это я, батюшка, безпремѣнно — подтвердилъ увѣренно Кирилла. — Что на одномъ тяглѣ сидѣть? Недалеко уѣдешь, пожалуй, и не прокормишься ... Это непремѣнно земли нужно будетъ принанять и скотину прибавить ... А съ одной своей полосы, особливо при нонѣшнемъ урожаѣ, не только хлѣба продать, а, право, не прокормишься ...

Кирилла взглядывалъ на Ѳедю, какъ-бы вызывалъ его на поддержку своихъ словъ, но тотъ сидѣлъ, опустя глаза въ землю, и упорно молчалъ.

— Вдвоемъ не чаешь прокормиться, — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ, — а еще третій ротъ хочешь нанимать — работника ... Какъ же люди-то вонъ на одномъ тяглѣ сидятъ, мужъ съ женой да четверо дѣтей, самъ-шесть, значитъ ... Вонъ хоть Максимка! ... да прокармливается же, по міру не сбираетъ ... Да вотъ, недалеко ходить — у Герасима Дмитрича: восемь али девять ртовъ-то къ обѣду-то садятся, тоже земли на два тягла держитъ, а хлѣба остается своего и овса еще каждый годъ продаетъ рублей на тридцать: самъ сказывалъ ...

— Вотъ сравнилъ, — возразила Ѳедосья Осиповна: — тамъ, слава Богу, трое работниковъ-то,

да четвертый подростокъ ... А у насъ одинъ, онъ и у косули, онъ и съ косой! ... А ѣдимъ-то тоже не двое, а четверо ... Опять же у насъ, не какъ у рядового мужика, тоже пришлый народъ бываетъ ... Безъ угощенья тоже не уходятъ ...

— Ну, пускай насъ съ тобой на зиму не считаютъ, а меня-то ужъ и вовсе ... Я вотъ еще недѣльку — другую, да и въ свою хату переберусь: тамъ стану жить ...

— Что же, батюшка, я этому нежелателенъ — отозвался Кирилла.—Даже въ большое огорченіе это принимаю ... Я, кажется, ничѣмъ противъ тебя не согрубилъ, а стараюсь, какъ бы угодить, чтобы тебѣ насъ такъ опокинуть, ровно грубіяновъ какихъ ... Это я даже въ большую обиду долженъ принять себѣ, точно я и вправду хлѣба про васъ али тепла въ избѣ, что ли, жалѣю ... Это вы, батюшка, напрасно только меня обижаете! ...

Кирилла говорилъ это какъ будто искренно, отъ сердца.

— Знаю, братъ, что ни хлѣба, ни тепла тебѣ не жалко ... А только такъ думаю, что намъ обоимъ складнѣе будетъ, что хошь и на одномъ усадѣ, да въ разныхъ избахъ жить будемъ ... Такъ полагаю: другъ другу мѣшать меньше будемъ, — и тебѣ свободнѣй, и мнѣ покойнѣе ... Я вотъ ужъ старъ сталъ, все не по мнѣ, да не по-моему, а вы по-молодому, можетъ, лучше сдѣлаете ... Вотъ и надо мнѣ отойти, а особливо бы вотъ матери ... Куда бы хорошо было для васъ, кабы она оставила васъ въ спокоѣ, а жила бы со мной! ...

— Развѣ вотъ невѣстка изъ своей избы погонитъ, — отвѣчала Ѳедосья Осиповна,—можетъ, ей я помѣшала, а отъ сына еще, слава Богу, ничего не

слыхала, не гонитъ матери изъ дома ... Окромя почтенія, отъ него ничего не вижу ...

У Ѳедосьи Осиповны дрожалъ голосъ: она готова была и плакать, и браниться.

— Да я, помилуйте, матушка ... батюшка ... я не того желаю ... а чтобы жили вы съ нами завсегда, а не то гнать ... Я и сдумать этого не могу! — говорилъ Кирилла.

— Да никто не гонитъ ... Что пустое говорить! — возражалъ Ѳедотъ Семенычъ. — Это мать твоя такъ только, съ бабьяго разума ... Не то, что гнать, а коли бы даже просили вы, кланялись, чтобы остались мы — и тутъ нужно уйти ... для вашего же спокою! ... Ну, что промежъ мужемъ съ женой намъ, старикамъ, валандаться? ... Мутить только васъ? ... Жить будемъ не въ другой деревнѣ, а тутъ же: посовѣтовать захотите — придете, соскучите по насъ — побываете, мы соскучимся — къ вамъ придемъ ... На что бы лучше! ... Поссоритесь когда промежъ себя — одни-то скорѣй и разберетесь, скорѣй и помиритесь: никто не подожжетъ, никто ни за котораго не вступится ... Хорошо будете жить — слава Богу, порадуемся на васъ, а худо что сдѣлаете — опять же некого винить, окромя себя ... И мы у васъ невиноватые останемся ... Вотъ какъ по-моему! ... Я-то ужъ уйду, я такъ порѣшилъ! ... А и тебѣ бы надо, Ѳедосья, также разсудить, коли бы по матерински, да по умному-то ... Больше бы и добра, и пути для нихъ было, кабы ушла отъ нихъ. Я и слыхалъ, и самъ видалъ на своемъ вѣку довольно, что нѣтъ того хуже, какъ мать, мужнина ли, женина ли, завсегда между молодыми мужемъ да женой суголочится ... Много изъ-за нея и ссоры, и вздору бы-

ваетъ ... Не къ тебѣ одной это говорится ... а только и ты не изъ ряду вонъ.

Ѳедосья Осиповна, наконецъ, не выдержала и разразилась слезами.

— Да что ты и самъ-дѣлѣ? — заголосила она. — Мучилъ-мучилъ, командровалъ-командровалъ вѣкъ-отъ вѣченской, — да и на старости лѣтъ, послѣдніе-то, можетъ, дни покою не даешь, — мушкарить меня хочешь! ... Не пойду, покамъ Кирюша самъ въ шею не выгонитъ! ... Одна онъ у меня моя кровь, да я бы ушла отъ него, бросила, — такъ вотъ, ни съ того, ни съ сего, съ бухты-барахты! ... Худа ли я, хороша ли, — а все мать! ... Все я знаю, что никто столь его не пожалѣетъ и не побережетъ, сколь я ... Ничего я къ его худу не сдѣлаю и другимъ сдѣлать не дамъ ... Можетъ, и хороша у него жена, да у нея вонъ сродственники есть — и отецъ, и братья, а я у Кирюшеньки одна! ... Я отступлюсь, такъ кто за него встанетъ? ... Не моги ты этого и думать: не уйду, покамъ сынъ не выгонитъ, — вотъ тебѣ и весь сказъ! ... Я знаю, кто тебя подбиваетъ на это! ... Ну, а ужъ меня не перехитрятъ ...

— Дура, право, дура! — со вздохомъ проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Даромъ дура, а ты уменъ ... А нѣтъ, ужъ не перехитрятъ меня ... Вотъ къ тебѣ приживальщикъ-то пришелъ: вотъ возьми его, живи съ нимъ, — показывала она на Ѳедю. — Онъ радъ будетъ ... Можетъ, затѣмъ и пришелъ ... А я еще изъ своего дома не пойду, покамъ мнѣ мѣсто есть ...

— Я, Ѳедосья Осиповна, въ чужіе люди иду, — на фабрику поступаю, — сказалъ Ѳедя.

— Ну, родимый, куда хочешь поступай: мнѣ до тебя дѣла нѣтъ ... Только отца съ сыномъ не разстраивай ... жену противъ мужа не подучай, — вотъ что! ...

— Ахъ, глумная, ахъ, глумная! — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ, покачивая головой. — Заткни хошь глотку-то, помолчи, образумься маненько ... Всегда-то была не умна, а теперь ужъ остатки одурѣла.

— Ну, какова есть, а все-жъ-таки скажу! ...

— Это точно, матушка, — перебилъ ее Кирилла. — Ну, что̀ пустое говорить, совсѣмъ которое неслѣдующее ...

— Такъ вотъ ты какъ, Ѳедоръ Герасимычъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Ѳедѣ: — на фабрику надумалъ, а я и не зналъ этого ... На которую же?

— Да не знаю еще ... Вотъ какъ Богъ приведетъ ... Вотъ Ѳедотъ Семенычъ хочетъ помочь: обѣщаетъ завтра съѣздить со мной къ знакомому купцу ... похлопотать на-счетъ мѣстечка ...

— Это къ кому же, батюшка? — поинтересовался Кирилла.

— Къ Кошатникову хочу ... Къ Кузьмѣ Иванычу ...

— А-а, что̀ новое заведеніе открылъ ... Слыхалъ! ... Что̀ же, давай Богъ! ... Инымъ на фабрикахъ счастливитъ, особливо коли въ приказчики какъ выбиться ... даже большія деньги наживаютъ! ... Я бы самъ съ удовольствіемъ къ купцамъ пошелъ бы служить, кабы домъ было на кого опокинуть, а то что̀ здѣсь: что̀ наживешь, окромя горба въ спину? .. Наша жизнь, мужицкая, самая послѣдняя ... особливо для насъ, для грамотныхъ, кто мало-мальски понимаетъ ... Ну, сѣрый мужикъ, тому нечего больше

дѣлать — пускай за косулей ходитъ да землю деретъ, — а намъ-то! ... Тебѣ вотъ хорошо подошлося: не женатъ еще, дома отецъ съ братомъ останутся ... вольный казакъ! ... А мнѣ вотъ никакъ нельзя ... А пошелъ бы ... Что здѣсь? Что что грамотѣ обученъ? Куда она? Ковыряйся вѣкъ въ землѣ ... Такъ ни за грошъ и пропадешь! ... И чудесная жизнь тамъ, сказываютъ, на фабрикахъ: жалованье платятъ хорошее, все на урокахъ, — отстоялъ свое, а тамъ и гуляй ... Нынче много ребятъ и отъ насъ стало ходить ... Да я еще вотъ посмотрю: можетъ, и я надумаю, — пойду на фабрику ...

— И опять не дѣло говоришь, Кирилла ... У него мастерство въ рукахъ: онъ съ нимъ и идетъ, а ты съ чѣмъ пойдешь? ... Ну, въ приказчики еще взяли бы ... Ну, туда-сюда ... Да развѣ сразу возьмутъ? А грамота-то для рядового фабричнаго столь же надобна, что и мужику: у стана ли стоять, миткаль ли полоскать, въ красильной ли ворочаться, али дрова подъ машину подкладывать: тутъ твоя грамота не потребуется ... Да съ твоимъ характеромъ ты отъ фабрики-то не то что нажиться, — гроша мѣднаго домой не принесешь: все тамъ останется! ...

— Отчего такъ, батюшка?

— А оттого, сынокъ! ... Самъ знаешь ... Сердце у тебя не такое, чтобы денежки наживать, а особливо, гдѣ артель велика ... Что говорить-то: самъ знаешь! ... Подемъ, Ѳедюша, въ новую стройку ... Полежимъ тамъ пока до ужина ... Анна натаскаетъ намъ сѣна ... Да положи, Анна, кафтаны ... Тамъ и ночевать будемъ ... Такъ-то уснемъ — пречудесно! ... Въ новой-то стройкѣ духъ больно хорошъ ... вольный! ...

— Пойдемте, Ѳедотъ Семенычъ ...

— Завтра съ утра-то мнѣ въ волость нужно ... Вмѣстѣ и поѣдемъ. Покамъ я дѣла справлю, ты съ учителемъ поводишься ... Онъ про тебя навѣдывался ... А тутъ и къ купцу поѣдемъ ...

Когда Ѳедотъ Семенычь съ Ѳедей и Анной вышли изъ избы, Ѳедосья Осиповна вполголоса сказала сыну:

— Вотъ все такъ: свой никуда не годится ... Чѣмъ бы родному сыну порадѣть и самъ-дѣлѣ около купцовъ-то, — онъ про чужака старается ... А слышалъ ты, Кирюша, на-счетъ того, чтобы и я-то отъ тебя ушла? ... Это она ... Анна подбиваетъ! ... Ужъ какъ Богъ святъ! ... Я ее насквозь вижу, зелье! ... Чай, поди, здѣсь одни-то были и на тебя, и на меня — и братцу-то, и свекру напѣвала-напѣвала ... А ужъ этотъ тихоня, Ѳедька, завсегда изподтишка ... Ровно добра желаетъ, а самъ старика противъ тебя наущаетъ ... У-у, варваръ! Рожа твоя клятая, подхалимья! ... Кажется, бы такъ и изорвала въ клочья своими руками! ... Вишь, сегодня, при немъ, старикъ-отъ совсѣмъ другой: никакой злой, сердитый ... видать, что подущенъ! ... Видишь-ты: все онъ хорошъ, а ты, родной сынъ, никуда не годишься ... ни къ какому дѣлу! ...

Кирилла, облокотившись на столъ, подперши голову рукою, смотрѣлъ неопредѣленно куда-то вдаль и разсѣянно слушалъ мать. Наконецъ, онъ быстро поднялъ голову и тряхнулъ кудрями.

— Да вы что̀ хотите говорите и думайте про меня ... Судачьте на всѣ руки! ... А только что не сжить мнѣ дома рядовымъ мужикомъ ... Разѣ это жизнь? — Изо-дня въ день, изъ году въ годъ — все одно и то же ... Ломай спину, мозоль руки,

подати плати да думай, какъ бы концы съ концами свести, чтобы съ голоду не помереть! ... А работа-то эта, полевая — дьявольская: солнце тебя печетъ, дождь мочитъ, руки-ноги извертишь всѣ, изломаешься, спинушка не разгибается! ... А какіе барыши-то? ... Только-что развѣ прокормишься да подати заплатишь, а тамъ и опять нѣтъ ничего, опять сначала начинай ...

— Такъ какъ же быть-то, Кирюша? ... Не ты одинъ, и всѣ такъ живутъ ... Еще мы-то, благодарить Бога, получше людей живемъ: у насъ и запасецъ всякій есть ... Смотри-ка, сколь одежи одной ... Вѣдь все твое, батюшка: отецъ ничего не хочетъ брать ...

— Да, велика ваша одежа: всю-то продать, такъ ста рублей напросишься ...

— Что же дѣлать-то, Кирюшенька ... Были у отца деньги скопленныя, тысячи съ двѣ было, что больше — да все на міръ извелъ ... Есть и теперь, знаю, — скопилъ маленько, да вотъ боюсь, что этотъ пройда, Ѳедька, и тѣ выпроситъ ... Ужъ какъ боюсь, а чуетъ мое сердце, что выпроситъ ... А онъ дастъ ... нашъ-отъ! ... Своему не дастъ, а чужому отдастъ, только подбейся умѣючи ... Охъ, мое горюшко! ... Меня-то нынче не слушаетъ, да вотъ еще особливо жить хочетъ на собину: деньги-то эти проживать ... Чѣмъ бы въ дому съ сыномъ жить да денежки, кои сберегъ, сыну оставить, одинъ-то будетъ жить — всѣ и проживетъ ... Не знаю ужъ, какъ быть-то, Кирюшенька! ...

— А такъ и быть, что уйду я отъ васъ ... Живите здѣсь, какъ знаете, хозяйствуйте ... А я вотъ, какъ отецъ изъ старшинъ выйдетъ, возьму годовой паспортъ да и уйду ...

— Чтой-то, Кирюшенька ... Какъ же ты уйдешь отъ своего дома, отъ жены, отъ своей? ...

— Вотъ еще несчечко-то помянула ... Вотъ тоже пожалѣю! ... То-то любушку мнѣ на шею навязали ... Экая, подумаешь, краля писаная! ... Другой экой, пожалуй, не выищешь ... Изойди бѣлый-свѣтъ — не выищешь! ...

— Ну, что же дѣлать-то, Кирюшенька ... Извѣстно, не похвалишь, а какова бы ни была, все же законная ...

— Да, законная! ... Что, я выкланивалъ да вымаливалъ, что ли, у васъ, чтобы вы женили меня на ней? ... Сами женили, меня и не спросили ...

— Извѣстно, ужъ это отецъ ...

— Такъ то-то и есть! ... А, можетъ быть, я бы теперь какую себѣ пріискалъ самъ-отъ, кабы вы мнѣ этотъ жерновъ на шею не повѣсили ... Извѣстно, тогда мальчишка былъ, ничего не понималъ: хошь на козѣ бы женили, такъ все равно, только бы волю дали ... А теперь, какъ посмотрѣлъ да посравнилъ, — такъ не то, что ради ея, дома оставаться, а, кажется бы, отъ нея на край свѣта забѣжалъ ... отъ законной-то своей! ... И уйду безпремѣнно: ты такъ и знай, только не моги говорить никому до время, а то все равно: не остановишь, только разсердишь! ...

— Да не скажу, батюшка, коли не велишь, только куда же это уйти-то хочешь и почто? ...

— Куда попаду — и самъ еще не знаю, а пойду счастья да денегъ искать ... И на фабрики толкнусь, и по торговой части попробую ... Можетъ, до самаго Питера дойду ... Авось, Богъ милостивъ, не хуже людей! ... Это батюшка только думаетъ, что я никуда не гожуся ... Землю пахать я точно что

не хочу и не стану ... А дай-ка мнѣ дѣло настоящее, оборотистое: небойсь, почище всякаго обмозгуемъ; всякому Ѳедькѣ носъ утремъ: даромъ онъ механикъ! ... Я, вонъ, въ острогѣ сидѣлъ, — ужъ какой народъ прожженый округъ меня былъ, а, небойсь, дуракомъ не считали, а ко мнѣ же за совѣтомъ шли ... И на письмѣ ... даже прокурору прошенія писалъ! ... Ты этого не понимаешь ... Меня даже смотритель побаивался, потому — я и противъ него права узналъ ... Коли счастье будетъ, на дѣло попаду, — такъ, небойсь, наживу деньги и безъ отца: пускай онъ съ Ѳедькой возится, а я самъ про себя промыслю, кланяться ему не стану ...

— Знаю, батюшка, знаю, Кирюшенька, что ты у меня на все гораздъ ... Да какъ же ты меня-то, сироту, покинешь, — какъ я-то безъ тебя останусь, горемычная? ...

— Такъ и останешься: будешь жить съ Анной да хозяйствовать ... Я уйду, — и отецъ будетъ съ вами жить ... Это онъ только изъ-за меня не хочетъ въ дому жить вмѣстѣ со мной, а безъ меня будетъ ...

— Батюшка, да Анна-то безъ тебя меня заѣстъ, со свѣта сживетъ ... Смотри, опять этого позовутъ: что ему тогда у купцовъ жить, онъ на готовый-то хлѣбъ тотчасъ прибѣжитъ ... Опять вдвоемъ-то — да не то: вдвоемъ, и всѣ втроемъ — старикъ-отъ вѣдь съ ними же заодно ... Опять втроемъ примутся надо мной командровать ... Нѣтъ, Кирюшенька, не сжить мнѣ съ ними безъ тебя! ... Ты какъ-никакъ, а возьми и меня къ себѣ: я хошь постряпаю да помою на тебя ... Хошь ты на глазахъ у меня будешь ...

— Это, матушка, ты пустое говоришь: и самъ-то

я не знаю куда еще попаду, а тебя съ собой брать ...

Возвращеніе въ избу Анны прервало разговоръ. Кирилла всталъ, надѣлъ шапку и ушелъ. Ѳедосья Осиповна остановила всхлипыванія, которыя было уже начались, утерла слезы и, не оборачиваясь лицомъ къ Аннѣ, молча вышла изъ избы вслѣдъ за сыномъ.

III.

Анна вопросительно, съ недоумѣніемъ, посмотрѣла на уходящихъ мужа и свекровь, неопредѣленно покачала головой, вздохнула и принялась убирать со стола. Ѳедотъ Семенычъ велѣлъ припасти ужинать и повѣстить, какъ будетъ готово, а между тѣмъ мужъ выскочилъ изъ избы, какъ только она вошла, слова ей не сказавши, не взглянувши даже на нее; она не успѣла даже и спросить его: будетъ ли ужинать и ждать ли его, или нѣтъ. Свекровь тоже ушла, видимо отворачиваясь и не желая съ нею говорить. Она не посмѣла даже и рта разинуть передъ нею, чтобы спросить — какія ея будутъ приказанія.

„Неужто ужь они такъ дуются, что Ѳедя-то пришелъ?“ — думала бѣдная Анна. — „Что же мнѣ теперь дѣлать-то? Идти спросить матушку на-счетъ ужина: толкомъ не отвѣтитъ, а изругать, изсрамить ни зачто, ни про-что — это ужь изругаетъ и изсрамитъ!.. Да еще сама же жаловаться будетъ, что насильно влѣзла къ ней въ горницу да нагрубила. А не спросясь ее припасать къ ужину — опять бѣда: скажетъ — самовольничаю, въ хозяйки лѣзу мимо ея, отъ печки отбиваю ... Да и какъ не спросясь-то?.. Не велитъ она, ни Боже сохрани, въ печку лазить безъ нея: хошь бы и старикъ приказалъ, поди — скажись

ей перво ... Что за напасть, батюшки!.. Экая моя жизнь пошла горемычная!.. Ѳедю бы надо кормить давно: тоже не близко пробѣжалъ, съ утра не ѣвши, только на одномъ чаю, а какъ сунешься къ печкѣ безъ нея?"

Разсуждая такимъ образомъ, Анна убрала со стола самоваръ и чайную посуду, медленно встряхнула и разостлала скатерть, поставила солонку, положила хлѣбъ, ножи, ложки, но до печки и горшковъ дотронуться не рѣшилась.

— Нѣтъ, ужъ, видно, надо покориться: идти сказать ей, что батюшка велѣлъ ужинъ припасать, ужъ пускай выругаетъ — все лучше, ужъ что̀ будетъ ... А не пойду къ печкѣ, пойду позову отца: какъ самъ хочетъ.

Робко подошла Анна къ дверямъ свѣтелки, и не вдругъ рѣшилась отворить ихъ. Но прислушалась— тамъ было тихо.

— Матушка, а матушка! — окликнула Анна, пріотворяя дверь горницы и не входя въ нее, а только просовывая голову.

Отвѣта не было. Анна опять окликнула старуху, и увидѣла, что она лежитъ на кровати, плачетъ и стонетъ.

„Что-то за чудо: ужъ не занедужилось ли ей, старухѣ!" подумала Анна и, забывши даже свой страхъ и опасеніе колкостей и брани, вошла въ свѣтелку и подошла къ кровати.

— Чтой-то, матушка, недужится, что ли, тебѣ, родима? — спросила она ее съ участіемъ. — А, матушка?..

Старуха повернула къ ней свое заплаканное лицо: на мгновеніе на немъ показалось обычное при разговорѣ съ Анной кислое, недовольное и враждебное

выраженіе, но оно тотчасъ же замѣнилось искренней печалью.

— Дура ты, дура, — проговорила она съ упрекомъ, но безъ злобы. Не умѣла ты мужа прилучить къ себѣ, чтобы любилъ ...

— Что же мнѣ дѣлать-то, матушка, я, кажись, всей моей душой къ нему, — отвѣчала Анна, смотря на старуху съ недоумѣніемъ. — Кажется, ужъ какъ мнѣ стараться, служить, да угождать ему, ужъ и не знаю ... Что ни прикажетъ, что ни сдумаетъ — все дѣлаю ... И сама-то все думаю да желаю, какъ бы ему лучше сдѣлать, угодить да потрафить, — что ему, что тебѣ матушка ... Что мнѣ дѣлать-то, чтобы прилучить его къ себѣ? Научи, родима!.. Я бы сама рада радостью!..

— Веселила бы его, разговаривала бы, привѣчала бы, что ли, хорошенько ... Рожу-то бы мыла, волосья мазала, да повязывалась, что ли, хорошенько... Ну, гдѣ ужъ мнѣ, старухѣ, тебя научать, коли сама не умѣешь!..

— Да что же, матушка, жалобился онъ, что ли, на меня, говорилъ, что ли, что тебѣ?..

— Чего тутъ жалобиться ... Въ омутъ бы головой сунулся али забѣгъ бы, говоритъ, куда глаза глядятъ: такова ты ему сладка!..

— Господи, да за что экая напасть? Чѣмъ я ему согрубила, что я ему сдѣлала?..

Анна заплакала-было, но вдругъ утерла слезы, глаза ея засверкали гнѣвомъ и она заговорила озлобленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, не я тому причиной ... я изъ силъ выбилась, угождаючи ему ... Мнѣ больше нечего дѣлать, не виновата я!.. А вотъ тому причина: ко вдовѣ, бабѣ непутной, повадился ... Оттого и жена стала нехороша и ненужна!..

— Что ты? Что ты? Въ умѣ ли, полно ... Съ чего еще выдумала?..

— Не выдумала, а ужъ не одинъ разъ эти наметки слышала, да и сама примѣчаю ... Ты только, матушка, не видишь ничего, а во всемъ у тебя я виновата ... Вотъ отчего онъ и дома-то не живетъ, вотъ куда и несетъ, и везетъ!..

— Полно-ка, дура, всякимъ сплеткамъ вѣрить ... просто съ товарищами гуляетъ: вотъ и дома не живетъ ... Высидѣлъ два-то года, свѣта Божьяго не видалъ: захочется и погулять ... А что онъ у тебя и несетъ, и везетъ?.. Что ты?

— То-то, матушка ... У тебя противъ него и глаза запечатаны ... У меня-то ужъ нечего взять: мое-то приданое давно, еще до несчастья его, до пожара, прогулено ... Да и зачѣмъ ему теперь мое добро, — своего довольно: у всего самъ хозяинъ ... Ты вотъ не примѣчаешь, а вижу, какъ мѣшки-то съ рожью да съ житомъ уходятъ ... Скажется на мельницу, насыплетъ четыре мѣшка, а муки-то два привезетъ; а тѣ-то два гдѣ?.. Да и изъ одежи-то его много не стало; сѣрой поддевки нѣтъ, что сѣраго сукна была, полушубка крытаго тоже одного нѣтъ ... Такъ это вотъ какъ? Да шалевой платокъ видѣли, сказываютъ, на базарѣ покупалъ: куда же дѣлъ, кому отнесъ? Мнѣ не даривалъ ... Вотъ, матушка, онѣ, сплетки-то какія: онѣ себя въ дѣлѣ показываютъ ...

— Да какая же вдова-то? ... Что за вдова такая? Кто сказывалъ-то? ...

— Давно ужъ я это слышу ... Вонъ, бабушка Пелагея проговорилась одиново: пуще всего, говоритъ, дѣвка, береги мужа отъ непутныхъ бабъ — и не то бабъ, — а ото вдовъ ... Выпьетъ парень,

закутитъ, это на-счетъ водки, все ничего: проспится пьяный, угаръ пройдетъ — и опять за работу примется ... А вотъ ужъ какъ со вдовой, непутной бабой, свяжется — нѣтъ того хуже на свѣтѣ! ... Все она изъ него вымотаетъ и отъ жены отворотитъ! ... Такъ эта рѣчь ея меня по сердцу, ровно ножомъ, полыхнула! ... А тутъ вотъ, во жнитво, бабы ... Вышла-то жать я рано, почитай раньше всѣхъ, да и вечеромъ-то бабы снопы ужъ составили, домой идутъ, а я еще жну, такъ идутъ мимо, окликаютъ: что, чу, Анна, больно стараешься, за шальто, что ли, мужу угожаешь? — За какую шаль? спрашиваю. — А что на базарѣ-то вонъ покупалъ: про тебя, чай? Тебѣ, чай, подарилъ? ... А я ни про какую шаль и не слыхивала ... А тутъ Наташка, знашь, Горячиха, и скалитъ зубы: да и выбрать-то, слышь, не умѣетъ: шаль-то не дѣвкѣ, не молодой бабѣ носить, а вдовѣ развѣ какой! ... Такъ у меня опять сердце и упало ...

— Такъ какая же это вдова-то? Откуда? Наша ли здѣшняя которая, али изъ чужой деревни какой? ...

— Такъ неужто я стану спрашивать да допытывать ... Я и виду не дала даже, ровно мнѣ и невдомекъ, что онѣ говорятъ ... и слова не сказала ...

— Ну, такъ вотъ ты какая ... Какъ же теперь? ... И поговорить-то съ нимъ нельзя ... Если бы такъ попытать, ничего не скажетъ, только осердится, что всякій вздоръ принимаемъ ... хуже только ... Да и такъ, что не пустякъ ли это и въ самъ дѣлѣ? ... Тоже нашу сестру послушай! ... То, думаю, пустое, что кабы это было у него, не сталъ бы онъ собираться уйти отселѣ въ годы ...

— Какъ въ годы? Куда? ...

— Такъ, дурочка! ... Уйти хочетъ ... Отчего же я и ревѣла-то? ... Не велѣлъ-было никому сказывать, да вотъ ужъ и проговорилась ... Въ годы, говоритъ, уйду отъ васъ по пачпорту ... Куда, говоритъ, и самъ не знаю, а мѣстовъ буду хорошихъ искать, чтобы нажиться да разбогатѣть ... Можетъ, до Питера, чу, дойду ...

— Чтой-то, батюшки ... Что еще ему въ голову попало ...

— Уйду, говоритъ! ... Не мила мнѣ своя сторона, опостылѣлъ домъ, а жена опротивѣла ... Одинъ, говоритъ, уйду, а вы здѣсь оставайтесь, хозяйствуйте ... Я вотъ-то даве и заговорила, чтобы ты его какъ приманивала къ себѣ, да прилучала ... Думаю: онъ великатный такой, умный, грамотный ... Ну, а ты съ рожи-то не больно приглядна, да и не нарядно ходишь, больше все объ работѣ думаешь, ничѣмъ его собой не повеселишь, не позабавишь ... Поучу, молъ ее, дуру, чтобы больше думала, какъ мужа къ себѣ приворожить ...

— А такъ, видно, матушка, приворожить, что залиться горючьми слезами, зарыться во желты пески да привалиться гробовымъ камнемъ ... Вотъ мой, видно, приворотъ-то какой! ... Безсчастная я на свѣтъ родилась — вотъ что! ... Сидѣть бы мнѣ лучше весь вѣкъ въ дѣвкахъ, около батюшки родимаго ... Въ тысячу бы разъ слаще! ... Жила я въ дѣвкакъ — ни попрека, ни ругани, окромя ласковаго слова да спасиба не слыхивала ... Не знала я, каковы слезы изъ очей текутъ; а замужъ вышла — послѣдняя стала: ни сказать, ни сдѣлать, ни потрафить не умѣю, а ужъ слезы-то узнала; одними слезами умываюся ... Вотъ какова моя жизнь пріятная! ...

Анна тихо, неутѣшно плакала: она высказывала свое горе, свою обиду, забывши, не думая о томъ, что говорила передъ главнымъ своимъ врагомъ и гонительницей; она чувствовала только свое несчастіе и не питала ни малѣйшей злобы противъ Ѳедосьи Осиповны, не хотѣла сдѣлать ей никакого упрека. Старухѣ стало и жалко, и какъ будто совѣстно передъ Анной, хотя съ полной искренностью она не считала себя въ чемъ-либо виноватою передъ нею. Въ крестьянствѣ всякая почти свекровь считаетъ своимъ правомъ, почти обязанностью, быть взыскательной и недовольной своею невѣсткой, требовать отъ нея сверхъ ея силъ и считать ее виновницею всякихъ случайныхъ непорядковъ въ домѣ; внутренно почти каждая свекровь сознаетъ и предвидитъ, что придетъ неизбѣжно то время, когда невѣстка сдѣлается большухою въ домѣ, оттретъ ее отъ печки и отъ хозяйства, займетъ ея мѣсто и поставитъ, въ свою очередь, старуху въ положеніе безсловесной, зависимой работницы, или будетъ терпѣть ее въ домѣ какъ тяжелое, непріятное бремя. Въ Ѳедосьѣ Осиповнѣ всѣ эти полубезсознательныя ощущенія патріархальной жизни усиливались еще ея болѣзненной и ревнивой любовью къ сыну; но она, по природѣ, была женщина добрая и прямой ненависти и злобы къ Аннѣ никогда не питала.

— Вотъ что, дурочка, вотъ что ... Не ревика, — сказала она почти ласково. — Больше дѣлать нечего, что надо къ гадалкѣ ѣхать ...

— Почто, матушка?

— А для того, что, можетъ, она ту окаянную, злодѣйку твою, покажетъ, коли она доподлинно есть у него, а не покажетъ, такъ, можетъ, пособитъ какъ, либо научитъ ... можетъ, либо отворожитъ отъ

той, либо приворотецъ для тебя дастъ ... Я слыхала про такую ... Есть! ... Много помогаетъ и много народа къ ней прибѣгаетъ! ... Вотъ какъ отецъ уѣдетъ изъ дома и Кирюша отойдетъ, такъ мы съ тобой вмѣстѣ съѣздимъ, либо ты одна сбѣгай къ ней ... Всего-то верстъ пятнадцать отселѣ живетъ — въ Пархачевѣ.

— Добре бы, матушка, далъ Богъ, — проговорила Анна съ надеждою въ глазахъ. — Кажется бы, вѣкъ за нее Бога молила, какъ бы это подѣлала ... А не чаю пользы ...

— Нѣтъ, дѣлаетъ, дѣлаетъ! ... Вѣрно говорю!... Да вотъ тебѣ, недалеко ходить: Исашку Безпятаго знаешь ... Тоже за солдаткой увязался, года три бѣгалъ, чуть домъ не разорилъ, жену заколотилъ совсѣмъ ... Да кто-то, добрый человѣкъ, и надоумь ее сходить къ этой гадалкѣ ... Та ей подѣлала да ничто и дала: подкинь, говоритъ, къ ней, къ подлой-то, подъ застрѣхъ, ночью ... Что-жъ ты думаешь? ... На ту воспа напала, всю рожу ей исковыряла ... Съ того и Исашка отъ нея отсталъ... И теперь живутъ съ женой ... Ну, хоть не больно ладно, потому онъ безпутной, а все ничего, хорошо! ... Все лучше прежняго, хошь домъ-отъ не зоритъ ... Вотъ, безпремѣнно, надо побывать къ ней ...

— Добре бы, матушка, — проговорила Анна, вытирая слезы концомъ платка, которымъ была повязана. — А вотъ что: вѣдь я за дѣломъ къ тебѣ шла спросить: батюшка велѣлъ ужину приготовить да его позвать ... Такъ ты сама въ печку-то полѣзешь или мнѣ велишь? ... Придешь, чай, ужинать-то? ...

— Приду, приду ... Поди, зови ... Ѳедянкато, чай, твой и впрямь ѣсть хочетъ.

Ѳедосья Осиповна стала подниматься съ постели.

— А Кирилла-то Ѳедотычъ не знаешь гдѣ?

— Не знаю, не сказался ... Погляди, не сидитъ ли за воротами ...

Но Кириллу не нашли, и за ужинъ семья сѣла безъ него. Ѳедотъ Семенычъ вслѣдствіе этого былъ не въ духѣ, молчалъ и почти ничего не ѣлъ; но въ то же время онъ не безъ удивленія и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Ѳедосья Осиповна и говорила съ Анной, и смотрѣла на нее ласковѣе и снисходительнѣе.

„Неужели съ моихъ словъ очувствовалась старуха?— думалъ онъ. — Дай-то Господи: совсѣмъ они бабёнку смаяли".

Послѣ ужина Анна пошла проводить свекра и брата въ ночлегъ и понесла за ними цѣлую охапку одежи. Выбравши первую минутку, когда старикъ ушелъ молиться Богу передъ сномъ, и Ѳедя остался наединѣ съ сестрою, онъ спросилъ ее:

— Что ты мнѣ такое даве заговорила про мужа ... Разскажи: что у васъ тутъ творится ...

— Ахъ, Ѳединька, батюшка, непутное творится... Одно тебѣ молвлю: связался онъ со вдовой никакой: и бѣгаетъ туда, и изъ дома тащитъ ... Да еще сегодня слышу новенькое: и вовсе изъ дому хочетъ уйтить ... Не мила я ему стала, супротивна ... Прежъ того, хошь пьяный когда ругался, а теперь и тверезый не говоритъ, не смотритъ ... Ужъ убиваюсь, Ѳединька, на работѣ, изъ силъ тянусь ... Ни въ чемъ не согрублю, поперекъ слова не скажу, про *эту* и не поминаю, ровно не знаю ничего ... Когда будень день прогуляетъ, ночь дома не ночуетъ, ни ему ни попрекну, ни батюшкѣ, матушкѣ слова не скажу, а еще его же покрываю ... А ему все не въ удовольствіе: непріятна я ему! ... Ну,

матушка мутитъ это, мутитъ, поддерживаетъ его ... Ну, да ужъ не все же отъ матушки ... больше и отъ самого: прежъ того онъ лучше былъ, до этой самой, до вдовы ...

— Да какая же это вдова?

— Не знаю, батюшка, Ѳединька, не знаю ... Бабы наши знаютъ, наметки даютъ ... Ну, да какъ же мнѣ ихъ спрашивать-то про мужа: самъ ты посуди! ... Да и что пути-то, коли если и узнаешь, только надсады больше ... А вотъ какъ ты мнѣ посудишь: что мнѣ дѣлать-то? ... Вонъ, матушка, говоритъ: къ гадалкѣ, говоритъ, побывать нужно ... Она знаетъ такую ...

— Ну, это пустяки ... Ничего отъ этого не будетъ ...

— Нѣтъ, бываетъ, Ѳединька! Бываетъ, сказываютъ ... И приворотъ, и отворотъ даютъ ...

— Ну, полно, Аннушка, пустое говорить ... Отравить отравятъ, испортятъ человѣка, пожалуй, окалѣчатъ, а больше ничего отъ этого не будетъ ...

— Такъ что же мнѣ дѣлать-то, Ѳединька? ... Обгорюй ты мое горе, обдумай ты меня, батюшка ... Ужъ такъ-то мнѣ горько, такъ-то обидно! ... Отъ своей сестры такъ стыдобушка на людей смотрѣть ... Вотъ моя жизнь какая! ... Кажется бы, лучше онъ меня билъ, тиранилъ, нечѣмъ этакъ-то ... Скажу что,—усмѣхается, ровно дурь какую молвила, услужу что — не принимаетъ либо ровно не видитъ, а ужъ съ ласковымъ словомъ чтобы подойти, приласкаться, приголубиться, такъ, кажется, и не посмѣешь ... А онъ самъ и не сдумаетъ ... Вся душенька моя надсѣлась ... терпѣнья моего нѣтъ, измаялась я, Ѳединька ... Какъ тутъ быть, что дѣлать? ... Не посудишь ли ты какъ, батюшка? ... Умный ты у

насъ уродился, съ разсудкомъ, хошь и молодъ ... Посуди-ка мнѣ что ни на есть ...

— А вотъ что, по-моему ...

— Что, батюшка, что? ...

— Подожди, потерпи еще сколь можешь ... Поговори съ нимъ, посовѣсти, скажи, что, молъ, все знаешь ... А не уймется, — возьми да и уйди къ батюшкѣ къ нашему ... Онъ тебя приметъ ... Живи у него ...

— Ай, чтой-то, Ѳединька? ... Какъ я отъ мужа уйду? ... Гдѣ это видано? ... Да ему, можетъ, того только и надо, чтобы я ушла-то отъ него ... этого-то онъ только и желателенъ ... Я-то уйду, а онъ ее, подлую, пожалуй, тотчасъ и въ домъ возьметъ ... Послѣ того мнѣ и назадъ-то придти нельзя будетъ ... А батюшки вѣдь онъ нонче не боится: какъ ему все предоставилъ, такъ и не взираетъ на него ни въ чемъ: не побоится, возьметъ ее, подлячку ... Матушка тоже ни въ чемъ ему не поперечитъ ... Что же изъ того будетъ? ... Нѣтъ, Ѳединька, ужъ развѣ самъ въ зашей изъ дома прогонитъ и въ домъ пускать не будетъ, — ну, тогда уйду! ... А до тѣхъ поръ, какъ ни тяжко, а все въ дому жить буду, на свое мѣсто доброй волей никого не пущу ... Нѣтъ, мнѣ это твое наученье не въ силу, Ѳединька: не уйти мнѣ доброй волей отъ своего мужа законнаго ...

— Ну, такъ живи да терпи ... Что же больше-то ...

„Видать, къ гадалкѣ сходить, больше нечего ... не пособитъ ли какъ“, — подумала, но не сказала Анна и замолчала. Разговоръ оборвался.

Молчалъ и Ѳедя Его мысли были около Параши. Онъ думалъ о ней и о томъ, что предстоящая

ему назавтра поѣздка къ купцамъ оттягиваетъ на неопредѣленное время свиданіе съ Параней. Ему сдѣлалось очень грустно и тажело.

„Что это за вдова такая?“ — невольно задавалъ онъ себѣ этотъ вопросъ ...

— Да хоть изъ какой деревни-то не знаешь ли? — вдругъ спросилъ онъ Анну, неожиданно прерывая молчаніе.

— Кто это, Ѳединька?

— А вдова-то эта?

— Не знаю, Ѳединька ... только не изъ нашей ... Своихъ-то я всѣхъ знаю ... Нѣтъ, къ своимъ не ходитъ ...

Возвращеніе Ѳедота Семеныча прекратило бесѣду. Анна ушла. Старикъ скоро уснулъ, но Ѳедя долго ворочался: какая-то мучительная, неясная для него самого тревога заставляла болѣзненно сжиматься его сердце.

IV.

На другой день утромъ Ѳедотъ Семенычъ, въ сопровожденіи Ѳеди, подъѣхалъ на ямской парѣ къ волостному правленію, безобразному двухъ-этажному зданію. Въ верхнемъ этажѣ его помѣщалось самое правленіе и квартира волостного писаря: въ него вела снаружи крутая, почти перпендикулярная лѣстница; нижній этажъ раздѣлялся темнымъ коридоромъ, по одну сторону котораго была отведена изба для училища и квартиры учителя, а съ другой, насупротивъ, помѣщались сборная изба для мужиковъ и *темная* — казематъ для пьяныхъ, буйныхъ, недоимщиковъ, присужденныхъ къ аресту волостною властью.

Ѳедотъ Семенычъ сталъ подниматься вверхъ, по лѣстницѣ, а Ѳедя пошелъ въ нижній этажъ. Изъ

коридора онъ отворилъ дверь въ классную комнату, уставленную длинными столами и лавками. Комната эта была низкая, плохо освѣщалась тремя маленькими окнами и, какъ видно, плохо отапливалась зимою, такъ какъ даже лѣтніе мѣсяцы не изгнали изъ нея запаха сырости и какой-то затхлости. Полъ и стѣны въ этой школѣ были такъ грязны, что, казалось, ихъ не только никогда не мыли, но даже и не мели. Надо сказать правду, что эта грязь нисколько не удивила и не бросилась въ глаза Ѳеди: онъ смотрѣлъ на нее совершенно спокойно. Въ школѣ, по лавкамъ и на полу, шумно возилось нѣсколько мальчиковъ: классъ еще не начинался; двѣ-три книжки валялись на столахъ, дѣти ждали учителя, котораго въ классѣ не было. Ѳедя внимательно посмотрѣлъ на школьниковъ. Одинъ изъ нихъ порывисто, съ крикомъ: ахъ, Ѳедоръ Герасимычъ! — бросился къ нему. Это былъ Николка, Паранинъ братъ. Сердце Ѳеди замерло отъ радостной неожиданности.

— Здорово, Никола, — проговорилъ онъ, останавливаясь.

Прочіе школьники тотчасъ же бойко подошли и окружили новаго человѣка, знакомаго одному изъ товарищей, съ любопытствомъ поглядывая на него Видно было, что школьная ферула не была строга и не запугала дѣтей: всѣ они смотрѣли смѣло, весело и даже нѣсколько самонадѣянно.

— Совсѣмъ запропалъ, Ѳедоръ Герасимычъ ... Ни слуху, ни духу о тебѣ ... Паранька-то ужъ совсѣмъ по тебѣ стосковалась, — говорилъ Николка.

— Паранька! ... хх ... Паранька стосковалась по емъ! ... хх ... — загоготали дѣти.

Ѳедя вспыхнулъ и смутился.

— Такъ что, черти, чего смѣетесь? — огрызнулся на товарищей Николка. — Паранька-то не какая ... Она сестренка моя ... родная! ...

Дѣти еще больше зашумѣли.

— Паранька! ... Сестренка его! ... Стосковалась! — хохотали они кругомъ.

Ѳедя совсѣмъ растерялся и уже не радъ былъ этой встрѣчѣ.

— Э-э, черти, сволочь! ... Чего гогочутъ, сами не знаютъ ... Онъ вѣдь, чай, не чужой у насъ, онъ у насъ, ... — объяснялъ Николка.

— Отчего вы не учитесь-то? ... Гдѣ Василій-то Якимычъ? — перебилъ его Ѳедя, стараясь остановить и замять болтовню Николки. Но Василій Якимычъ, услыша знакомый голосъ, давно уже молча наблюдалъ, черезъ полуотворенную дверь, происходящую въ классѣ сцену. Ѳедя стоялъ къ нему бокомъ, и потому онъ видѣлъ его смущеніе, сильную краску, покрывшую его лицо, и съ насмѣшливой улыбкой, не безъ нѣкотораго даже злорадства, смотрѣлъ на Ѳедю.

— Здѣсь, здѣсь я! — откликнулся онъ на вопросъ Ѳеди. — Входи сюда. А вы чего гагайкаете тутъ — обратился онъ къ дѣтямъ. — Ступайте на улицу, побѣгайте, покамѣстъ не позову ... Дайте вотъ только чаю напьемся ...

Ребятишки съ шумомъ шарахнулись вонъ изъ школы. Ѳедя вошелъ въ квартиру учителя.

Квартира эта была каморка въ одно окно, отгороженная досками отъ той же избы, въ которой помѣщалась и школа. Въ каморкѣ стояла бѣлая деревянная кровать, около нея, у окна, такой же простой бѣлый столъ; у стола, съ одной стороны, классная скамейка, съ другой — единственный стулъ · по стѣ-

намъ были вбиты гвозди, на которыхъ висѣлъ скудный гардеробъ учителя; къ задней узкой стѣнѣ придѣлано нѣсколько полокъ, долженствовавшихъ замѣнять посудный шкафъ; большая печка, отапливавшая всю школу, однимъ своимъ бокомъ выходила въ каморку и должна была нагрѣвать ее вмѣстѣ со школой. Вотъ и вся учительская квартира со всѣмъ ея убранствомъ. Порядокъ и чистота, какъ видно, не составляли необходимой потребности учителя: полъ въ его комнатѣ былъ такъ же грязенъ, какъ и въ школѣ, на постели валялось платье, столъ былъ заваленъ книгами, тетрадями, табакомъ и папиросными окурками и тутъ же, на свободномъ углу его, стоялъ самоваръ, чайникъ и стаканъ съ чаемъ.

— Помѣшалъ я вамъ, Василій Якимычъ, — смущенно говорилъ Ѳедя, входя.

— Чѣмъ помѣшалъ? Нисколько ...

— А вы хотѣли, можетъ быть, ученье начать ...

— О-о, это ничего ... Еще успѣемъ: ребятишки цѣлый день здѣсь толкутся около меня, съ утра до вечера ... А вотъ я такъ, кажется, помѣшалъ тебѣ дѣйствительно ...

Василій Якимычъ саркастически улыбнулся.

— Какъ помѣшали? ... Я къ вамъ и шелъ ...

— Шелъ-то ты, можетъ, и ко мнѣ — правда, давно ужъ не видались, — да на дорогѣ вотъ встрѣтилъ человѣчка поинтереснѣе меня, обрадовался, хотѣлъ разспросить, — а я и помѣшалъ ... Хочешь, позову Николку сюда, одного ... Разспроси ужъ его, что тебѣ надо ... Переговори хоть наединѣ ... Тоже, чай, не терпится ... Видно, и зазнобушку свою давно не видалъ ... Позвать, что-ли? ...

— Да нѣтъ, Василій Якимычъ ... Что вы все смѣетесь надо мной? ...

— Какое, братецъ, смѣюсь ... Нисколько! ... Напротивъ, я участіе принимаю, помочь хочу ... Вижу: давно не видались ... Тоже мучился, я думаю, терзался! ... Тутъ случай этакой прекрасный: разузнать все, какъ и что, въ вожделѣнномъ ли здоровьи, думаетъ ли она, любитъ ли, ждетъ ли? ... Не позабыла ли, не забавляется ли съ другимъ? ... Между вами вѣдь почта-то не ходитъ, не переписываетесь, полагаю ... Да и предметъ-то вѣдь неграмотный ... Ну, а мальчишка, по глупости, все разскажетъ, ничего скрыть не сумѣетъ, изъ него все можно выспросить ... Право, не пренебрегай случаемъ, давай кликну мальченка ... Наговорись съ нимъ сначала, до-сыта, а со мной-то и послѣ: теперь тебѣ не до моихъ разговоровъ ... Вотъ я сейчасъ кликну его ...

Учитель всталъ-было съ кровати, на которой сидѣлъ, и пошелъ къ дверямъ; но Ѳедя его остановилъ.

— Да напрасно вы, Василій Якимычъ ... Не надо мнѣ ... не о чемъ мнѣ его распрашивать ... и не хочу я ...

— Ну, какъ хочешь ... А, по-моему, напрасно: можетъ быть, что-нибудь новенькое узналъ бы, мѣры какія-нибудь принялъ ... Можетъ, и ваканція-то твоя тамъ ужъ занята: незачѣмъ тебѣ тогда будетъ и хлопотать, и заботиться о ней ... Почемъ знать! ...

Ѳедя вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Да вы развѣ слышали что? — спросилъ онъ глухимъ сдавленнымъ голосомъ.

Василій Якимычъ взглянулъ на него и притворно захохоталъ.

— Нѣту, нѣтъ, успокойся: ничего не знаю, ничего не слыхалъ ... И забылъ даже, признаться,

о твоей страсти ... А вижу, братъ, теперь, что ты тронулся порядкомъ ... Ну, что же, свататься, что ли, идешь, а меня въ дружки или въ посаженые хочешь звать? .... Затѣмъ и пришелъ? ... А? Что же, пора и въ законный: чай, вѣдь ужъ двадцать стукнуло или съ годомъ даже? ... Самое время на вашу братью эту узду надѣвать ... Родитель-то, чай, ужъ давно безпокоится, что парень до этакихъ лѣтъ дожилъ и не пристроенъ, безъ хомута ходитъ ... Только какъ же ты его уломалъ, чтобы позволилъ тебѣ жениться на дочери такой особы: вы вѣдь больно нравственны въ этомъ отношеніи, да и гоноръ у васъ есть своего рода ... Или не хочешь ли самокруткой? ... И то дѣло ... Нынче у васъ это, слава Богу, въ моду начало входить ... Самокруткой, что ли, собрался? ...

Василій Якимычъ всегда имѣлъ обыкновеніе говорить быстро и много, а когда онъ увлекался какою-нибудь мыслью, то задавалъ вопросы и самъ разрѣшалъ ихъ, не слушая собесѣдника, не выжидая его отвѣтовъ. При этомъ его некрасивое, болѣзненное лицо оживлялось, черные глаза сверкали, онъ не могъ оставаться на мѣстѣ и начиналъ быстро ходить. Ѳедя насилу поймалъ паузу, чтобы вставить свое слово.

— Да нѣтъ, Василій Якимычъ, совсѣмъ я не за тѣмъ къ вамъ ... Первое — давно не видался, а второе: — поговорить совсѣмъ по другому дѣлу.

— По какому, по какому дѣлу? — быстро спросилъ учитель, усаживаясь на кровать противъ Ѳеди.— Да что же чаю-то? Пей чай-то ... Вотъ стаканъ ... Наливай самъ ... Я не хочу больше ... Какое дѣло? Разсказывай.

Ѳедя разсказалъ о своемъ намѣреніи идти на фабрику, искать работы.

— На фабрику ... Это хорошо, — заговорилъ опять Василій Якимычъ. — На фабрикѣ больше жизни, движенія, больше ума и знанія, чѣмъ по вашимъ норамъ ... Тамъ скорѣе не уснешь, тамъ есть люди, можно и научиться, и научить ... Только нигдѣ ужъ и гадости такой нѣтъ, какъ на фабрикахъ; всѣ, цѣлыя тысячи народа, работаютъ на одного человѣка, набиваютъ его карманъ, а сами остаются нищими и голодными или сытыми настолько, чтобы быть въ силахъ работать ... И преподлое положеніе, я тебѣ скажу: будешь простымъ рабочимъ, никогда ничего себѣ не наживешь, весь трудъ твой уйдетъ на хозяина, тебя будутъ жать, гнести, эксплуатировать, сколько могутъ; попадешь въ надзиратели, тогда придется стать на сторону хозяина, дѣйствовать въ его интересахъ, слѣдовательно, притѣснять и обижать рабочихъ ... Иначе тебя прогонятъ ... Ты по какой же части хочешь идти — въ притѣсняемые или въ притѣснители?

— Никого я не желаю обижать, Василій Якимычъ, и самъ въ обиду не хочу даться ... А думается такъ, что на фабрикѣ больше заработаешь, чѣмъ дома ... вотъ и хочу счастья поискать ... Около машинъ надо постараться какъ-нибудь попасть: къ машинамъ-то у меня, сами знаете, большое пристрастіе ... Тотчасъ, кажется, все пойму ...

— Да знаю, что поймешь ... По твоимъ способностямъ и по твоему дѣлу, тебѣ, можетъ быть, тысячи надо бы платить, а тебя на рубляхъ, — вотъ какъ меня же — будутъ держать, да еще какой-нибудь дуракъ и мошенникъ умничать да ломаться надъ тобой будетъ ... Вотъ что обидно ...

— Такъ вѣдь какъ же быть-то, Василій Якимычъ?... Знамо обидно, да что подѣлаешь?... Гдѣ не такъ-то? Вездѣ ужъ хозяинъ норовитъ повыжать побольше изъ рабочаго человѣка и поломаться надъ нимъ ... Что дѣлать-то? Надо терпѣть ...

— Вотъ я въ тебѣ этого, Ѳедя, ненавижу ... Пріучили, что ли, и тебя съ дѣтства, или ужъ таковъ коренной русскій человѣкъ, что у него передо всякимъ зломъ одна мысль: терпѣть надо! ... Русскій человѣкъ только и умѣетъ, только тому и выучился, чтобы страстотерпцемъ быть ... Оттого-то у насъ и гадость не переводится, а господствуетъ, оттого-то и хорошія силы пропадаютъ, а мелочь, ничтожество процвѣтаетъ, наслаждается и пользуется всякими льготами и преимуществами ... Терпѣть надо! ... Нѣтъ, не терпѣть, а бороться, сопротивляться нужно, чтобы прочистить дорогу и себѣ, и другимъ ...

— Да какъ же бороться, какъ же сопротивляться-то, Василій Якимычъ? Что одинъ подѣлаешь?... Да и съ кѣмъ бороться?... Съ хозяиномъ, у котораго, какъ милости, работы просишь, который платитъ мнѣ за нее, кормитъ меня ... Попробуй, заломайся передъ нимъ, онъ тебя и прогонитъ тотчасъ, какъ пить дастъ ... Вотъ и воюй въ полѣ съ вѣтромъ ...

— Глупости говоришь ... Совсѣмъ не то ... Разумѣется, одинъ ничего не сдѣлаешь, а ты поумнѣе другихъ, будешь жить на народѣ, среди несчастныхъ, угнетенныхъ, вотъ и умѣй ихъ привлечь къ себѣ, растолковать, научить ... Какъ цѣлая-то орава, тысяча человѣкъ, заорутъ, что платитъ хозяинъ дешево, что работа не по деньгамъ, да при-

стращаютъ, что всѣ уйдутъ и дѣло бросятъ, — небось испугается и хозяинъ, будетъ кланяться, просить, чтобы остались, и жалованья прибавитъ ...

— Либо станового позоветъ, скажетъ — бунтуютъ, да бунтовщиковъ перепорютъ: они и присмирѣютъ ... А зачинщиковъ, коли не въ тюрьму, такъ съ фабрики долой, а на мѣсто ихъ охотниковъ сколько угодно ... Слыхалъ я про это довольно: купцы не дорожатъ народомъ ... Хоть сто человѣкъ сразу сгонятъ, замѣсто ихъ вдвое придетъ: только, батюшка, возьми да жалованье плати ...

— Эхъ, братъ, Ѳедоръ, нѣтъ, не то... Не того я отъ тебя ждалъ!.. И ты такой же, какъ всѣ, не далеко отъ людей ушелъ!.. Житейская практика и тебя заѣдаетъ ... Вижу, вижу: и тебѣ рублей захотѣлось ... Моложе былъ, возмущался зломъ, спрашивалъ, отчего оно, какъ бы отъ него отдѣлаться, какъ бы устроить, чтобы всѣ люди счастливѣе были ... А теперь о себѣ только и думаешь, о своемъ мамонѣ, а до людей дѣла нѣтъ ... Станового сталъ бояться, богатымъ хочешь сдѣлаться ... Ты скажи-ка мнѣ по совѣсти: что у тебя въ головѣ, для чего ты на фабрику идешь? вѣдь, чай, думаешь, какъ бы поскорѣе въ приказчики вылѣзти да денегъ нажить побольше?.. Я, молъ, грамотный, умный, толковый, много лучше и ловчѣе другихъ: тотчасъ впередъ другихъ выскочу!.. Да и мнѣ что, молъ, до другихъ: своя рубашка ближе къ тѣлу!.. Да вотъ еще зазнобушка теперь завелась: понакоплю, молъ, деньжонокъ, женюсь ... А тамъ хоть трава не расти!.. Признавайся мнѣ, по совѣсти: такъ, что ли, думалъ? Съ этимъ, что ли, на фабрику собрался?..

Ѳедѣ было и обидно, и досадно, и стыдно. Онъ чувствовалъ, что въ словахъ учителя есть какая-то

правда, какой-то основательный упрекъ, но въ то же время и односторонность, преувеличеніе, словомъ: какая-то фальшь ... Онъ молчалъ и собирался съ мыслями, что́ бы отвѣтить ему. Онъ сознавался себѣ, что прежде, дѣйствительно, онъ иначе относился къ словамъ учителя, что они поднимали въ его сердцѣ иныя ощущенія, точно вызывали на какой-то подвигъ, на самопожертвованіе ... И иногда онъ, дѣйствительно, чувствовалъ въ себѣ готовность и мужество вступить въ борьбу съ какой бы ни было злой силой, не думая ни о ея размѣрахъ, ни о послѣдствіяхъ ... Теперь не то: онъ слушалъ его холодно и разсудительно, въ словахъ учителя чувствовалась ему какая-то недодуманность, легкомысліе, онъ относился къ нимъ критически ... Въ то же время Василій Якимычъ проницательно заглядывалъ ему въ душу, отгадывалъ его самыя затаенныя мысли и намѣренія. Ѳедя былъ смущенъ.

— Что, братъ Ѳедоръ, молчишь и въ глаза не смотришь?— началъ опять учитель.— Видно, правду сказалъ, видно, понялъ тебя и всю твою внутреннюю обнаружилъ?.. Ну, что же дѣлать!.. Не стыдись: есть много хуже тебя ... Я думалъ, ты избранникъ, призванъ что-нибудь сдѣлать ... Ну, вижу: ошибся ... Больше съ тобою о такихъ вещахъ и говорить не буду ... А, можетъ быть, ты въ чаду любовномъ, да молодъ очень, мальчишка еще ... Подождемъ, увидимъ!.. Если придешь въ себя, опомнишься, вспомнишь наши старыя рѣчи, приходи — потолкуемъ... Только я понять не могу: зачѣмъ ты теперь ко мнѣ пришелъ? Вотъ ты мнѣ это объясни ...

— Какъ зачѣмъ, Василій Якимычъ? Развѣ я васъ не почитаю? Развѣ вы меня не учили, развѣ я мало

отъ васъ свѣта увидѣлъ?.. Какъ же бы я не пришелъ повидаться съ вами передъ уходомъ?.. Вѣдь я не знаю еще, куда меня судьба приведетъ и надолго ли я уйду отъ здѣшнихъ мѣстъ ... Хошь вы теперь ровно какъ и отказываетесь отъ меня и не больно хорошо обо мнѣ понимаете, и каюсь, признаюсь: ни о чемъ я теперь такомъ не думалъ, только о своемъ ... ну, о любови своей — прямо вамъ скажу, не потаюсь!.. Но только что никогда я никому зла не желаю и не сдѣлаю, — будетъ по моей силѣ, завсегда помогу, ни у кого перебивать дороги не стану и никому своей совѣсти не продамъ ... Это вѣрно!.. А только что ... смѣйся ты, пожалуй, надо мной, голубчикъ мой, Василій Якимычъ, а правду скажу: одинъ у меня теперь свѣтъ въ очахъ, одна думушка ... Ничего мнѣ про себя не надо: ни денегъ, ни корысти какой ... Пусть я нищій, голодный, холодный останусь ... только бы мнѣ ее получить, своей да счастливой видѣть ... Ни до кого, ни до чего, ни до себя самого мнѣ дѣла нѣтъ теперь, только объ ней одной и думаю ... Вотъ суди ты меня, какъ хочешь, смѣйся, срами, коли любо, а я всю правду тебѣ сказалъ!.. Никому не говорилъ и не скажу, а вамъ открываюсь ... Что будетъ со мной, что буду дѣлать, какъ жить стану — ничего не знаю: добыть мнѣ ее нужно, чтобы была она моей женой ... Вотъ и вся моя дума!..

— Ого, братъ, вижу, вижу теперь и все понимаю ... Смѣшно-то оно—смѣшно мнѣ, самъ бывалъ въ этомъ угарѣ, знаю ... Ну, да ужъ, Богъ съ тобой, смѣяться не стану за то, что всю правду говоришь ... Только въ чемъ же дѣло-то?.. Отецъ, что ли, не позволяетъ?..

— Онъ и не согласится теперь ни за что: объ

этомъ и говорить нечего ... Да я бы, пожалуй, и не посмотрѣлъ: и самокруткой, что ты же говоришь, ушелъ бы ... А дѣло въ томъ, что и она-то не пойдетъ, и мать ее не отдастъ, покамъ у меня ничего нѣтъ ... Она, мать, хоть и извѣстная, и какая бы она ни была, а зря дочь замужъ не выдастъ: хочетъ, чтобы она съ мужемъ жила, нужды не видала ...

— Ну, братъ Ѳедоръ, смотри ... Жалко мнѣ тебя: обойдутъ онѣ тебя вовсе, на всякую гадость подобьютъ ... Да еще, чего добраго, высосутъ изъ тебя все, что можно да и въ дуракахъ оставятъ... Долго ждать онѣ не станутъ, а подвернется кто поденежнѣе—и не увидишь, какъ изъ рукъ уйдетъ!.. Ну, да это ничего: пускай поучатъ, лучше, скорѣй горячка пройдетъ, опять здоровый будешь ...

— Нѣтъ, Василій Якимычъ ... про мать не знаю, а она не такая ...

Ѳедя говорилъ эти слова съ увлеченіемъ, повидимому, съ полной вѣрой, но въ то же время сердце у него болѣзненно защемило, онъ самъ не зналъ отчего.

— Да коли это, храни Богъ, случится ... — вскричалъ онъ, блѣднѣя и вдругъ остановился.

— Такъ что будетъ?— спросилъ учитель съ легкой усмѣшкой.

— Ужъ не знаю что, а только что ... нехорошо что-нибудь будетъ ...

И Ѳедя утеръ рукою холодныя капли пота на лбу. Глаза его сдѣлались какіе-то стеклянные, точно безсмысленные.

Василій Якимычъ уже не улыбался, а смотрѣлъ на него серьезно, исподлобья.

— Эхъ, братъ, досадно, что ты тратишь на та-

кой вздоръ свою энергію — проговорилъ онъ угрюмо. — Силы-то есть въ тебѣ — я вижу, и пропадутъ задаромъ ...

Но Ѳедя не слыхалъ его словъ: онъ смотрѣлъ куда-то безцѣльно вдаль и молчалъ. У него не было опредѣленныхъ мыслей, но онъ какъ-бы прислушивался къ неясному болѣзненному предчувствію чего-то недобраго, поднявшемуся въ его душѣ.

— Прощайте, Василій Якимычъ, — проговорилъ онъ вдругъ, оживляясь и тряхнувъ головой, точно желая освободиться отъ докучной тяжести.

— Куда же ты?.. Не торопись.

— И то, чай, ужъ надоѣлъ вамъ ... Да и пора... Ѳедотъ Семенычъ, я думаю, ужъ ждетъ ... Оставайтесь счастливы, Василій Якимычъ ... Не осудите ... А того не думайте: подлости я никакой не сдѣлаю, что̀ бы тамъ ни было: наставленья вашего не забуду!..

— Ну, прощай ... Будь и ты счастливъ ... Знаю я тебя, знаю, что ты самъ по себѣ на подлость не способенъ ... Да этого мало: я думалъ, что изъ тебя общественный дѣятель выйдетъ; а теперь боюсь, что эта любовь или тряпкой вовсе тебя сдѣлаетъ, или такъ пропадешь задаромъ ... Да и выборъ-то твой мнѣ не по мысли: дѣвка-то, кажется, только красивая, а совсѣмъ пустая, да и испорченная ... Ну, да говорить теперь съ тобой нельзя: ты ничему не повѣришь ... Вотъ перебѣсишься, тогда другое дѣло ... Ну, а нужда будетъ какая,—приходи, не забывай меня ... Можетъ, не дѣломъ, такъ словомъ въ чемъ и помогу: пріятели вѣдь мы съ тобой были.

— Ахъ, Василій Якимычъ, кабы ты зналъ, какъ мое-то сердце къ тебѣ ... ровно къ самому родно-

му ... Никому вѣдь я не сказываю того, что̀ тебѣ сказалъ, только не думай ты: не такая она ... Она хорошая!..

Ѳедя, увлекаясь невольнымъ побужденіемъ, обнялъ Василія Якимыча. Тотъ улыбнулся и слегка отстранилъ его рукою.

— Ну, вѣрю, вѣрю!.. Дай Богъ!.. Чего лучше, коли хорошая, а только опять скажу: смотри въ оба да помни, что на свѣтѣ не одно дѣло: съ бабой возиться да рубли сколачивать ... Есть другое, получше ... Не все о себѣ думать, надо и другимъ добро дѣлать ... и со зломъ бороться. Съ однимъ терпѣньемъ не далеко уйдешь: на терпѣливую спину всегда лишнюю ношу добрые люди накинутъ, а смотри-ка: брыкливой да норовистой лошади работа всегда легче ... Будешь тамъ, на фабрикѣ, — присматривайся, прислушивайся ... Увидимся, Богъ дастъ, — разскажешь ... Впередъ знаю: коли самъ не испортишься, порядковъ тамошнихъ хвалить не будешь... Ну, прощай, однако ... Много бы я тебѣ сказалъ, да не время ... Николку-то позвать, что ли? Можетъ, разспросить нужно про разлапушку?.. Чай, вѣдь не терпится ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо ... Прощайте, Василій Якимычъ.

— Ну, какъ знаешь ...

Василій Якимычъ вышелъ на крыльцо вмѣстѣ съ Ѳедей, чтобы кликнуть школьниковъ, которые играли на улицѣ возлѣ самаго правленія.

— Эй, ребята, будетъ ужъ! — вскрикнулъ имъ учитель: — пора за учобу.

Мальчишки весело ринулись всей толпой къ учителю.

— Что васъ мало сегодня?.. Вотъ такъ школа:

по спискамъ семьдесятъ человѣкъ значится, а налицо есть ли два десятка ... Вотъ тутъ и дѣлай успѣхи ... Что васъ мало? Развѣ разбѣжались куда?

— Нѣту-тка, всѣ тута, — отозвались дѣти. — Сегодня только мы одни, сельскіе — да кои фатеранты здѣшніе ...

— Квартиранты, - поправилъ учитель: — отчего же деревенскихъ нѣтъ?

— Да не пришли ... видно, за дѣлами ... У коихъ вонъ снопы еще не сложены, а то молотятъ ... Опять же грибы пошли: рыжиковъ, сказываютъ, слой вышелъ ... Меня тоже дома посылали-было и кузовокъ дали, да я забѣгъ въ школу перво: такъ и остался здѣсь, не пошелъ ужъ ... робятъ увидалъ ...

— Такъ, такъ ... То работа, то грибы, а то и просто не хотца ... Родители же тому и рады ... Не жди, не погонятъ въ училище, а еще сами остановятъ: сиди, дитятко, дома ... не ходи въ муку въ экую, въ школу!..

— А намъ и муки-то никакой нѣтъ: мы здѣся рады ... въ школѣ-то ... съ Василь Якимычемъ, — проговорилъ быстроглазый, бѣлокурый мальчишка.

— Въ школѣ безпримѣръ лучше, нечѣмъ дома — подтвердилъ другой. — Веселѣе не въ примѣръ. А дома спрашиваютъ: чай, бьютъ, тиранятъ васъ тамоди?.. А того не знаютъ: какой бьютъ ... Веселехонько!.. Дома-то скорѣй попадетъ!...

Мальчикъ засмѣялся. Его смѣхъ подхватила и заразительно засмѣялась вся толпа.

— Ну, пойдемте же, пойдемте, — сказалъ Василій Якимычъ.— Я сегодня злой буду, сердитый ... И учитъ-то васъ не хочется, потому все равно толку изъ васъ не выйдетъ ... Пока учитесь, ровно

какъ и люди, а изъ школы вонъ, все забудете, что учитель вамъ говорилъ ... либо плутовать начнете, либо... Эхъ, терпѣть надо!.. Ну, пойдемте ...

Ѳедя при послѣднихъ словахъ учителя, смыслъ которыхъ онъ принялъ на свой счетъ, хотѣлъ-было подняться по лѣстницѣ, вверхъ, въ правленіе, но къ нему подбѣжалъ Николка.

— Ѳедоръ Герасимычъ, что же, пойдешь къ нашимъ-то?

— Не знаю еще, не знаю, попаду ли ...

— Заходи ... Поклонись тамъ ... Скажи: видѣлъ, молъ, меня... Вотъ въ субботу и я приду... Пра, заходи... И матушка поминала: чтой-то, говоритъ, съ нимъ подѣлалось... А Паранька — такъ та...

— Хорошо, хорошо, побываю, — проговорилъ Ѳедя, быстро поднимаясь по лѣстницѣ вверхъ, въ правленіе.

— Кланяйся тамоди, — кричалъ ему вслѣдъ Николка, снизу лѣстницы. — Тамъ еще у насъ дружокъ завелся, хорошій... Кажинный день ходитъ... съ гармоніей ...

Ѳедя было пріостановился, точно ужаленный въ самое сердце, но Николка не договорилъ и, увлеченный толпою школьниковъ, послѣдовавшихъ за учителемъ, присоединился къ ней. Ѳедя долженъ былъ остановиться на лѣстницѣ: такъ замерло и забилось его сердце.

— Что еще за новый другъ?.. Ходитъ каждый день ... Что это — къ матери, или... неужто къ Паранѣ?

Ѳедя упрекалъ себя, что не зашелъ прямо къ ней. — Вотъ теперь когда попадешь?.. Дорогою на фабрику онъ удивлялъ Ѳедота Семеныча своею разсѣянностью и угрюмостью

— Что притуманился? — спрашивалъ Ѳедю старикъ.—Али забоялся чужихъ людей, новаго мѣста?.. Ничего, не бойся, привыкнешь ... Извѣстно, дома лучше... Ну, да ужъ какъ быть-то: безъ чужихъ-то людей, пожалуй, того и не наживешь, не заработаешь... Она, фабрика, точно портитъ людей, балуетъ, не люблю я ее... Вонъ, фабричные у насъ— первые недоимщики, первые забіяки, пьяницы, сквернословы ... Ну, да вѣдь не всѣ же ... Есть которые и въ люди выходятъ, богатѣютъ... Все отъ себя, отъ своего ума!.. Не якшайся только съ пустымъ народомъ, дѣлай свое дѣло да хозяину старайся угождать... Вотъ и хорошо будетъ... Вонъ смотри-ка и Старое село видать ... Ты не бывалъ вѣдь тутъ... Смотри, что понастроили ...

Ѳедотъ Семенычъ указалъ на виднѣвшіяся вдали каменныя постройки.

V.

Старое село была старинная барская усадьба, перешедшая, какъ и множество другихъ, изъ рукъ прожившагося владѣльца въ руки разбогатѣвшаго купца. И съ этой усадьбой повторилась исторія ей подобныхъ, а исторія эта одна и та же.

Вотъ большой, господскій, каменный домъ съ проржавѣвшей дырявой крышей, окруженный множествомъ полуразвалившихся надворныхъ и хозяйственныхъ построекъ, нѣсколько лѣтъ уже стоитъ необитаемый среди стариннаго запущеннаго сада— парка съ заросшими дорожками и полувысохшими, заилѣвшими прудами. А кругомъ этого дома и этого парка далеко разстилаются унылыя, вовсе запущенныя и заросшія кустарниками или плохо обработанныя поля и еще болѣе печальныя поруби—оста-

токъ прежде бывшихъ лѣсовъ, — гдѣ торчатъ одни только почернѣвшіе пни и стелется корявый можжевельникъ. Въ былое время здѣсь на неоглядное пространство колыхалась рожь, кудрявились и зеленѣли овсы, сотни подневольныхъ тружениковъ сбивались сюда сблизи и издалека, съѣзжались и сходились взбораживать и засѣвать господскія поля, сжинать господскій хлѣбъ. Тогда эти поля кипѣли жизнью, вѣчная муравьиная работа мужиковъ и бабъ оживляла пейзажъ, которымъ любовались съ террасы господскаго дома ... Пейзажъ украшался въ то время непроглядною зеленою стѣною вѣковыхъ лѣсовъ, которые цѣлые вѣка и служили ему несмѣняемою рамой. Въ господскомъ большомъ домѣ, въ службахъ и паркѣ тоже была жизнь и движеніе: слышалась музыка, веселый говоръ, смѣхъ, шумные крики, бряцаніе столовой посуды; въ паркѣ мелькали локоны, соломенныя шляпы, оживленныя лица, кавалькады всадниковъ и всадницъ; въ службахъ суетилась многочисленная сытая челядь, слышалось ржаніе лошадей, стукъ выѣзжающихъ экипажей, лай псарни, звукъ охотничьихъ роговъ ... Иногда вся эта барская жизнь, какъ вихрь, врывалась въ поля, наполненныя тружениками-муравьями, и проносилась мимо ихъ, обдавая комками земли и пылью, поднятою копытами лихихъ скакуновъ, поражая блескомъ наряда, ясностью взора, свѣжестью и румянцемъ веселыхъ холеныхъ лицъ. Иногда, наоборотъ, вся эта рабочая сила, всѣ эти муравьи, рядились что ни на есть въ лучшіе кафтаны и сарафаны и сгонялись уже не въ поле, а на лугъ, передъ господскую террасу, и по господскому приказу пѣли, плясали, веселились, напивались пьяны и съ поклонами, благодарностями, хоть не сытые, зато пьяные,

возвращались домой, подъ свои соломенныя крыши, къ своему родимому батюшкѣ — черному хлѣбцу.

Долго, долго шло такъ дѣло — и вдругъ все измѣнилось: исчезла многолюдная челядь, исчезла съ нею псарня, затихло ржаніе лихихъ скакуновъ, опустѣли конюшни, скотные дворы, людскія, стали заваливаться крыши, заколачиваться досками выбитыя окна, заростать дорожки въ паркѣ, начали плесневѣть пруды; сначала притихъ, а потомъ и совсѣмъ опустѣлъ господскій домъ, не отворялись въ немъ окна и двери на террасу, по цвѣтникамъ и около стѣнъ поднялись бурьянъ и жгучая крапива. Опустѣли и поля ... Сначала были заброшены дальніе полевые участки, затѣмъ и изъ ближнихъ засѣвалась только половина, да и на этой половинѣ сѣялся хлѣбъ и убирался не во́-время, и родиться сталъ все хуже и хуже. Труженикова-муравьева уже не сгоняли и не сбивали на работу, а кланялись и звали, сманивая рублемъ и полтиной, а они отвѣчали: „не досужно! вотъ когда со своимъ управимся, тоды и къ вамъ, пожалуй, коли время позволитъ!..“ А иные стали и такія рѣчи говорить: „лучше бы вамъ это дѣло бросить, да намъ сдать вовсе ... Не господской руки это дѣло — пашня ... А мы бы по полтинкѣ за десятину дали кои получше, понавознѣй: хлѣбца бы два сняли, однако бы и вамъ, и намъ — въ обѣ руки ... А то что такъ-то, одно разоренье!.. Нѣмецъ, вонъ, управитель у сосѣдей машинъ навезъ, да что машиной безъ народа сдѣлаешь: стоятъ въ сараѣ ... А хлѣба-то все нѣтъ, а который и уродился, такъ себѣ дороже: вдвое дешевле на базарѣ купить, нечѣмъ въ полѣ надъ нимъ ломаться ... Право, сдайте по полтинкѣ кои под-

ходящіе — мы возьмемъ, и для васъ гораздо превосходнѣе будетъ ...

— Ну, ужъ погодите, такіе-сякіе ... Безъ земли-то и вы не проживете: придете, поклонитесь и по три заплатите, а не то что по полтинѣ...

— Намъ кланяться не изъ чего: мы въ землѣ не нуждаемся, вонъ ея сколь, во всѣ стороны, бери — была бы охота, у всѣхъ сусѣдей наваливаютъ ... Да брать-то не съ чего ... Мы не отъ земли живемъ ... Наша земля не такая, не родимая, не хлѣбная ... Это которая родимая земля въ низовыхъ мѣстахъ ... Ну, може, бываетъ и по три рубля платятъ ... А съ нашей землей только плачь: холодная земля!.. Оставайтесь коли инъ съ Богомъ, пашите сами, а намъ не требуется ... Нынче вонъ на заводы ступай, на фабрики: не въ примѣръ больше заработаешь, чѣмъ около земли-то ломаться ...

И еще убавилась господская запашка,—убавилась до такихъ размѣровъ, чтобы обработать ее даровымъ трудомъ, т. е. безъ затраты денегъ, а за выгонъ да прогонъ, да валежничку когда, прутышковъ въ лѣсу набрать ...

А заднія полосы уже затянуло молодежникомъ кустарникомъ и всякой сорной порослью, и двигается она впередъ и впередъ къ господской усадьбѣ. Вовсе опустѣли и затихли поля; вовсе опустѣли и амбары, и господскій карманъ. А баринъ все баринъ. Хоть и уѣхалъ изъ деревни, и въ городѣ живетъ, а денегъ ему всегда много требуется: въ городѣ еще больше, чѣмъ въ деревнѣ ... Пишетъ онъ въ опостылую, бездоходную деревню къ приказчику: „что же, когда будетъ доходъ, когда будутъ деньги?.. Прежде я отъ хозяйства доходъ получалъ, а теперь только и знаю, что въ деревню деньги по-

сылаю: когда же этому будетъ конецъ? Это не хозяйство, а одно разоренье ... Лучше ужъ все прикончить и скотъ перевести весь до конца, и запашку прекратить ...“

Пишетъ на это и приказчикъ къ барину: „Какъ вашей милости будетъ угодно, а только что, такъ сказать, что въ нынѣшнія времена совсѣмъ не изъ чего дохода взять: земля стала не родима, опять же и навоза въ умаленьи, по причинѣ скота; а народъ сталъ вовсе негоденъ ни къ чему: пьяницы, сутяжники и только норовитъ, какъ бы тебя въ работѣ прижать и въ конфузъ произвести передъ помѣщикомъ; заразились всѣ фабриками и пьянствомъ, а также лѣнью, и цѣны подняли несообразныя на работу: никакого разсчета не выходитъ по нашимъ землямъ. И такъ что, если вашей милости въ угоду, какъ изволите приказывать прекратить эту самую запашку, такъ чтобы только для собственнаго продовольствія и на-счетъ скота своего на подстилку и прокормить, а больше точно — что выгоды никакой не будетъ ... На-счетъ же хозяйственнаго вашего денежнаго дохода, какъ требуются для вашей милости деньги, не прикажете ли похлопотать для продажи лѣса: есть которые желающіе изъ купечества и въ вѣчное владѣніе али на срубъ, а если можно и дровами поставлять для фабрикъ требуется ... Какъ вашей милости угодно, не оставьте, отпишите, а мы можемъ постараться всячески, потому нашъ предѣлъ въ томъ положеніи, чтобы служить вѣрно и праведно. Въ томъ и остаюсь вѣрный слуга“.

Пишетъ къ барину и купецъ: „Которая ваша пустошь, называемая Кстово, и ту мы купить согласны въ вѣчность али на срубъ въ сроки, для насъ все единственно, потому для насъ требуется, если

подходно будетъ по цѣнѣ. А лѣсъ у васъ попорченъ, порубки большія, и присмотрѣть за дальностью при нонѣшнемъ народѣ никакъ невозможно, потому сильно господскіе лѣса воруютъ и вырубаютъ отъ своего недостатка и пьянства. Для насъ какъ угодно, а какъ по божески и по честности вашему высокородію доложить — черезъ годъ лѣсъ весь изведутъ и въ цѣнѣ выйдетъ для васъ большая разница. А мы покупатели настоящіе, и если вамъ угодно, отпишите объ цѣнѣ и на-счетъ условія платы денегъ — всѐ подробно, и какъ прикажете на-счетъ задатка, у насъ денежки завсегда готовы и мы ваши покупатели съ почтеніемъ. И какъ вашему высокородію будетъ угодно, такъ мы согласны, только выразите вашу цѣну безъ обиды, а лѣсокъ средственный и опять же попорченъ: цѣны высокой дать никакъ невозможно. Въ томъ и просимъ вашего высокородія скорѣйшаго и рѣшительнаго вашего отвѣта".

И вотъ, вслѣдъ за уничтоженіемъ веселаго оживленнаго пейзажа, начинаетъ мало-по-малу разрушаться и его красивая рамка: около унылыхъ полей, падаютъ однѣ за другими вѣковѣчныя сосны, зеленыя ели, бѣлыя плакучія березы, оставляя послѣ себя гнилые пни, голыя, печальныя, вытаптываемыя скотомъ поруби. Годъ отъ году ландшафтъ дѣлается пустыннѣе, грустнѣе, и, наконецъ, остается одна ширь и гладь, покинутая людьми пустыня, среди которой, какъ зеленый оазисъ, красуется заброшенный, заглохшій господскій садъ и паркъ, скрывающій за собою грустный видъ полуразвалившейся барской усадьбы. На этотъ садъ и паркъ не поднимется барская рука, несмотря на то, что помѣщикъ никогда не заглянетъ въ свою усадьбу, несмотря ни

на какіе денежные сообласны, доклады и предложенія приказчика и купцовъ. Господскій садъ и паркъ, какъ бы онъ ни былъ ненуженъ и безполезенъ, всегда святыня для помѣщика: они даютъ тонъ всей усадьбѣ, они скрашиваютъ ее въ глазахъ мимоѣдущаго путника и случайнаго посѣтителя, они скрываютъ за собою настоящее безобразіе и разстройство всего хозяйства, напоминаютъ о прежнемъ блескѣ, роскоши и богатствѣ; собственноручно посягнуть на эту святыню не рѣшится ни одинъ родовитый владѣлецъ, какъ бы ни были затруднительны его денежныя обстоятельства, — собственноручное уничтоженіе этой святыни вызвало бы ропотъ, негодованіе во всѣхъ сосѣдяхъ-помѣщикахъ, обнаружило бы и обрисовало передъ всѣми окончательное и полное безденежье и нужду владѣльца, а этого обнаруженія онъ боится больше, чѣмъ дѣйствительной бѣдности. Все валится и разрушается въ усадьбѣ: обрушивается крыша на домѣ, подгниваютъ переклады и проваливается полъ въ комнатахъ, рамы сгнили и стоятъ безъ стеколъ, отъ мебели остался одинъ ломъ и лохмотья, въ амбарахъ и на скотныхъ дворахъ шныряютъ однѣ голодныя крысы, косяки въ окнахъ и дверяхъ, полы и потолки въ людскихъ и флигеляхъ давно выбраны и разворованы руками крестьянъ-сосѣдей, отъ всей усадьбы остаются однѣ руины, или потрескавшіяся, пошатнувшіяся стѣны, а садъ и паркъ густою, неприкосновенною стѣною окружаютъ ихъ ... Но и они дождутся своей очереди, своего рокового дня, роковой руки. Давно уже разсчетливый купецъ сосчиталъ, сколько кирпича можно выбрать изъ запустѣвшихъ барскихъ хоромъ, сколько бревенъ и саженъ дровъ выйдетъ изъ разросшихся на свободѣ деревъ парка и сада, какіе пруды можно

дешево расчистить и воду ихъ употребить въ дѣло, а если есть рѣка или рѣчка, то можно ли воспользоваться ими, какъ движущей силой — и все это не уйдетъ изъ его рукъ. Онъ знаетъ: надо выждать, надо воспользоваться минутой, обстоятельствами, дождаться, когда баринъ проживетъ выкупныя свидѣтельства, истратитъ всѣ деньги, полученныя за лѣсъ, когда ему нечѣмъ будетъ платить не только поземельныя повинности, но даже и за городскую квартиру, когда кредитъ его будетъ ничтоженъ или вовсе утраченъ ... Тогда настанутъ послѣдніе дни и усадьбы, и парка: они перейдутъ непремѣнно въ руки богатаго купца ...

И вотъ объѣзжаетъ новый, неродовитый владѣлецъ свою новую покупку: велитъ обрывать канавами поруби и заказываетъ на-строго: не пускать на нихъ скота, чтобы онъ не вытаптывалъ и не объѣдалъ молодыхъ побѣговъ, а чтобы молодой лѣсъ росъ и скорѣе поспѣвалъ на дрова; запрещаетъ выгонъ на свои поля и луга сосѣднихъ крестьянскихъ стадъ или дозволяетъ, но за тройную противъ прежняго цѣну, взимая для удобства крестьянъ плату не деньгами, а работой. Точно также распоряжается и относительно тѣхъ участковъ, которые крестьянами распахивались: онъ знаетъ, что крестьяне передъ нимъ не заупрямятся, а если и заупрямятся, откажутся отъ земли вовсе, онъ выдержитъ и годъ, и два, съѣздитъ сотню разъ къ мировому, чтобы взыскать за потраву, а ужъ на своемъ поставитъ: придутъ мужики, поклонятся, онъ проститъ съ удовольствіемъ, но за упрямство цѣну за выгонъ или пашню возвыситъ. Пашню для себя онъ оставитъ такую, какую въ состояніи сильно удобрить отъ своего скота и которую ему обработаютъ крестьяне безплатно, за

выгонъ и пастушню. Затѣмъ онъ приступаетъ къ самой усадьбѣ. Эти всѣ рощи, парки, сады, барскія затѣи, приказываетъ онъ срѣзать на дрова, оставитъ развѣ небольшой палисадничекъ для своей прохлады, когда лѣтнимъ дѣломъ чайку попить. — „А вотъ эвтотъ прудочекъ съ этимъ сообщить вмѣстѣ, чтобы большой былъ прудище: вода изъ него на фабрику пойдетъ, и будетъ въ немъ вода чистая, а съ фабрики которая муть будетъ идтить, ту трубами въ рѣчку спускать: рѣчка текучая, она все пронесетъ ... Господскія хоромы кои разобрать, кои въ дѣло употребить, главный корпусъ, трехъ-этажный домъ стараго фасона, на сушилку поворотить ... А себѣ мы новый домъ выстроимъ въ лучшемъ вкусѣ, по своему фасону! ... Ранжереи эти всѣ долой ... Захотимъ — новыхъ понастроимъ со временемъ ... Много получше и пообширнѣе будутъ! ... Вотъ въ палисадникѣ бесѣдокъ почуднѣй безпремѣнно надо надѣлать и попрастраннѣе, чтобы съ гостями лѣтнимъ временемъ было гдѣ прохлаждаться ...“

Совершенно такимъ же порядкомъ перешло во владѣніе богатаго купца фабриканта Кузьмы Иваныча Кошатникова господское имѣніе — Старое село, съ тою только разницей, что онъ же, Кузьма Иванычъ, успѣлъ предварительно скупить за безцѣнокъ у помѣщика большую часть его лѣсовъ, принадлежащихъ къ имѣнію, и хранилъ ихъ, какъ будущій источникъ топлива для фабрики. Оттого кругомъ Стараго села выдѣлялись на горизонтѣ темные профили сбереженныхъ, теперь уже не барскихъ, а купеческихъ лѣсовъ.

Черезъ годъ послѣ покупки Кошатниковымъ — Стараго села нельзя было узнать. Господскій домъ стоялъ прежде на горѣ, по отлогости которой спу-

скался садъ и примыкалъ къ прибрежнымъ лугамъ небольшой рѣчки, извивавшейся прихотливыми зигзагами и видимой изъ дома на далекое пространство. Видъ на домъ съ противоположнаго берега рѣки, какъ и видъ изъ дома, былъ равно красивъ и привлекателенъ. Домъ былъ большой, каменный, съ разными затѣями: съ колоннами, балконами, широкими террасами, которыя отъ второго этажа, наклонными плоскостями, спускались до самой земли и вели прямо въ темныя вѣковыя аллеи; передъ домомъ на горѣ раскинутъ былъ цвѣтникъ и англійскій садъ изъ низкорастущихъ кустарниковъ, который не заслонялъ вида вдаль и не закрывалъ дома; густыя рощи отъ дома сходили къ рѣкѣ и соединялись съ вѣковымъ лѣсомъ, который окаймлялъ луга, а мѣстами сходилъ къ самому берегу и какъ бы смотрѣлся въ воду рѣки. Изъ дома, съ балконовъ и оконъ верхняго этажа, представлялась широкая картина: въ одну сторону тянулось необозримое зеленое море лѣсовъ, съ другой — разстилалось далеко вдаль слегка холмистое пространство, по которому, какъ голубая змѣя, извивалась рѣчка; множество деревень, какъ-бы нарочно для украшенія картины, были разбросаны въ прихотливомъ разнообразномъ безпорядкѣ; холмы то зеленѣли перелѣсками, то горѣли золотомъ поспѣвающаго хлѣба, а тамъ вдали, на самомъ горизонтѣ, бѣлѣлась колокольня сельской церкви съ сверкающимъ на солнцѣ крестомъ. Домъ былъ въ развалинахъ, когда Кузьма Иванычъ купилъ его, да и стоялъ, по его мнѣнію, на мѣстѣ неудобномъ для жительства: достаточно сказать, что воду къ нему надо было возить бочками, да еще въ высокую гору, тогда какъ подъ носомъ, такъ сказать, цѣлая собственная рѣка воды. И самое расположеніе комнатъ

въ домѣ ему не понравилось: вездѣ такія большія залы да гостиныя, что и пріюта не найдешь, а передѣлывать все по-своему — не разсчетливо: дешевле за-ново домъ выстроить. Онъ рѣшилъ его разобрать на кирпичъ, тѣмъ болѣе, что и жилье приходилось бы далеко отъ фабрики, которую, само собою, предполагалось строить какъ можно поближе къ рѣкѣ. И барскій домъ, можетъ быть созданіе Растрелли или его учениковъ, былъ сломанъ, а вмѣсто него на берегу рѣки выстроился бѣлый каменный четырехъ-угольный шкафъ или комодъ домашняго издѣлія, съ ярко-зеленой крышей, съ двумя стеклянными „галдарейками“ по бокамъ, съ двумя подъ ними, ненужными, всегда запертыми подъѣздами, такъ какъ ходъ полагался чрезъ примыкавшія къ дому ворота, разрисованныя яркими красками, съ двумя желтыми львами на верху. Зато домъ блестѣлъ зеркальными стеклами, массивными мѣдными запорами у рамъ и дверей, галдарейки пестрѣли разноцвѣтными стеклами, а на тяжелыхъ чугунныхъ рѣшеткахъ, украшавшихъ балконы, были насажены такіе раззолоченные бронзовые шары, цацы и вензеля, что все вмѣстѣ выходило очень внушительно и эффектно въ купеческомъ вкусѣ.

Отъ дома внизъ, по теченію рѣки, тянулся рядъ фабричныхъ зданій — и это расположеніе построекъ было не безъ практическихъ соображеній. Купецъ впередъ зналъ, что фабричныя нечистоты, которыя для удобства будутъ спускаться въ рѣку, испортятъ ея воду и сдѣлаютъ негодною къ употребленію, а потому и поставилъ домъ для жилья выше фабрики по теченію рѣки. О томъ, что живущіе ниже фабрики будутъ имѣть воду испорченную, вонючую, вредную для здоровья — объ этомъ Кузьма Иванычъ

не думалъ, какъ не думаетъ никто изъ фабрикантовъ: народное здоровье, какъ извѣстно, не входитъ въ ихъ коммерческіе разсчеты и соображенія.

VI.

Кузьма Иванычъ Кошатниковъ былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ мѣстныхъ фабрикантовъ и считался въ нѣсколькихъ милліонахъ. Главная ткацкая фабрика его, или заводъ, какъ привыкли называть мѣстные крестьяне, находилась верстъ за 30 отъ Стараго села, въ мѣстности, гдѣ фабричная промышленность существовала уже около полустолѣтія. Фирма Кошатникова возникла тамъ одна изъ первыхъ. Дѣдушка Кузьмы Иваныча занимался выдѣлкой кошачьихъ шкуръ, для чего онъ и покупалъ, и воровалъ въ окрестностяхъ котовъ и кошекъ, и заслужилъ чрезъ это прозвище „кошатника“. Затѣмъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ заниматься раздачею въ тканье основъ, получаемыхъ съ фабрики изъ сосѣдняго уѣзда, а вскорѣ устроилъ и собственное небольшое ткацкое заведеніе. Какимъ-то чудомъ онъ такъ быстро разбогатѣлъ, что сынъ его выстроилъ уже громадную каменную фабрику, записался въ купцы 1-ой гильдіи и слылъ даже за милліонера, а внучекъ, продолжая и развивая дѣло дѣдушки и отца, не только уже слылъ, но и дѣйствительно сдѣлался чуть не первымъ богачемъ во всемъ околоткѣ и производилъ обороты уже не на десятки и сотни тысячъ, а на милліоны; при этомъ онъ заботливо скупалъ пустопорожнія, преимущественно лѣсныя дачи и сдѣлался самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ уѣзда. Слава Кошатникова возрастала, имя его стало извѣстно, и на пятьдесятъ верстъ въ окружности каждый мужикъ произносилъ имя Кузьмы Иваныча

если не съ восторгомъ и благоговѣніемъ, то съ чувствомъ смиренія и раболѣпства. И не мудрено: губернаторъ, во время объѣзда губерніи, никогда не проѣзжалъ мимо Кузьмы Иваныча, дѣлалъ даже лишнихъ 30 верстъ въ сторону, чтобы заѣхать къ нему въ гости, исправникъ ежегодно нарочно пріѣзжалъ поздравить его съ днемъ ангела и съ большими праздниками, а становой считалъ за особенную честь, если Кузьма Иванычъ удостоивалъ его подать привѣтливо руку и кликнуть выпить водки или попариться чайкомъ; помѣщики покрупнѣе всѣ имѣли съ нимъ денежныя дѣла — то по продажѣ земель, то по поставкѣ дровъ на его фабрику, а мелкопомѣстные такъ даже надоѣдали, особенно въ послѣднее время, съ предложеніемъ, иногда даже со слезной просьбою — купить пустошки или отрѣзки отъ крестьянскаго надѣла. Кузьма Иванычъ сознавалъ свое могущество и силу, но, повидимому, не зазнавался и держалъ себя умѣючи: безъ гордости и безъ раболѣпства, для всѣхъ былъ доступенъ и изо всякаго умѣлъ извлечь для себя пользу. Онъ выходилъ изъ себя, былъ страшенъ и грозенъ только тогда, когда кто-нибудь посягалъ на его карманъ или нахально шелъ противъ его воли. Въ такихъ случаяхъ онъ способенъ былъ на все: на униженіе, на насиліе, даже на расточительность, несмотря на то, что жажда наживы никогда въ немъ не проходила.

Кузьма Иванычъ купилъ Старое село со спеціальной цѣлью выстроить въ немъ новую фабрику. Много соображеній руководило имъ въ этомъ случаѣ: прежде всего имѣніе онъ получилъ крайне дешево, затѣмъ въ немъ была рѣчка, по сосѣдству большія, заблаговременно-скупленныя имъ, лѣсныя дачи, слѣдовательно, дешевое топливо; обиліе ка-

менныхъ усадебныхъ построекъ обѣщало дешевый строительный матеріалъ; наконецъ, у мѣстныхъ крестьянъ не было никакихъ выгодныхъ зимнихъ промысловъ, конкурренціи фабрикантовъ тоже нѣтъ, слѣдовательно — можно было имѣть и дешевыя рабочія руки. Неопытность непривычнаго къ фабричному дѣлу народа не пугала его: онъ зналъ по опыту, какъ смышленъ русскій человѣкъ и какъ скоро онъ примѣняется ко всякому новому дѣлу.

Фабрику эту Кузьма Иванычъ намѣревался впослѣдствіи отдать одному изъ сыновей, впослѣдствіи, а не теперь, хотя сыновья были уже взрослые. Старшій, — женатый сынъ, по предположеніямъ Кузьмы Иваныча, долженъ былъ получить, послѣ его смерти, старую фабрику, которою онъ и теперь уже завѣдывалъ подъ надзоромъ родителя, а новую фабрику, въ Старомъ селѣ, Кузьма Иванычъ намѣревался предоставить младшему сыну, парню лѣтъ 23, еще не женатому. Вслѣдствіе такого намѣренія младшему сыну приказано было жить на фабрикѣ, за всѣмъ наблюдать и ко всему присматриваться, а пока парень соберется съ умомъ, остепенится, женится, войдетъ въ дѣло и узнаетъ всѣ порядки, онъ отданъ былъ подъ надзоръ старшей своей сестры и ея мужа, который былъ назначенъ директоромъ и управляющимъ новой фабрики. Верховный надзоръ и вообще распоряженіе всѣмъ дѣломъ Кузьма Иванычъ оставилъ, разумѣется, въ своихъ рукахъ. Распоряжаясь такимъ образомъ, Кузьма Иванычъ сознавалъ себя великимъ практическимъ мудрецомъ и любовался собою. Онъ разсуждалъ такимъ образомъ: старшій сынъ ужъ совсѣмъ собрался годами и женатъ, и дѣтенъ, и дѣло знаетъ хорошо; отпусти-ка его изъ глазъ да дай особенное дѣло — какъ разъ

вовсе отобьется отъ рукъ, заберетъ волю, послѣ и не сладишь ... Зятю хоть я и не вѣрю, а все онъ человѣкъ свѣдущій, испытанный, дѣло знаетъ до тонкости: сколько лѣтъ старшимъ приказчикомъ былъ. Если и украдетъ, такъ не въ чужой родъ, за то ужъ изъ-за своей собственной корысти мальчишкѣ-сыну большой воли не дастъ, чтобы до всего не дошелъ, ну, и не обидитъ также очень — все-таки родной, женинъ братъ, будущій хозяинъ ... А главное: всѣ при дѣлѣ и всѣ ровно хозяева, а хозяинъ-то, пока живъ, все-таки я одинъ. Всѣ видятъ и понимаютъ, что ни для кого, какъ для нихъ же хлопочу и устраиваю, когда умру — все ихнее будетъ, а пока живъ — пускай дѣло не дробится, и въ однѣхъ рукахъ остается. А то, пожалуй, распусти-ка поводья-то: одинъ въ одну сторону, другой въ другую — ничего и не останется! Теперь хоть и не по мысли, что полной воли не даю, за то послѣ слюбится! ...

Подъѣзжая къ Старому селу, Ѳедотъ Семенычъ заботился о томъ: застанетъ ли онъ тамъ на фабрикѣ самого, т.-е. Кузьму Иваныча, который проводилъ здѣсь, какъ на дачѣ, только лѣтніе мѣсяцы, а въ прочее время года бывалъ только наѣздами. Старикъ познакомился съ нимъ, какъ старшина волости, въ которой находились земли и лѣса Кузьмы Иваныча. Кошатниковъ нерѣдко обращался къ Ѳедоту Семенычу съ жалобами на потравы и порубки, производимыя крестьянами его волости. Онъ умѣлъ сообразить, что такой дѣятельный, честный и строгій старшина скорѣе взыщетъ съ нарушителей его правъ собственности и скорѣе предупредитъ такія нарушенія на будущее время, чѣмъ всякія жалобы, разбирательства и взысканія, произво-

димыя чрезъ мировой судъ, и не ошибся: всѣ почти поземельныя дѣла въ волости Ѳедота Семеныча кончались мировою, всегда выгодною для Кузьмы Иваныча, и не доходили до суда. Вслѣдствіе этого Кошатниковъ обходился съ Ѳедотомъ Семенычемъ не только дружелюбно, но почти какъ съ равнымъ, подавалъ ему руку, сажалъ съ собой, любезно бесѣдовалъ и вообще показывалъ ему особенное расположеніе. Ѳедотъ Семенычъ, несмотря на всю свою житейскую опытность, не могъ не цѣнить такого вниманія къ себѣ; но не этимъ однимъ подкупалъ его въ свою пользу Кузьма Иванычъ: онъ видѣлъ въ немъ не только купца-милліонера, но добраго, благотворительнаго человѣка. Онъ зналъ, что Кузьма Иванычъ никогда почти не отказывалъ въ своей помощи погорѣльцамъ и давалъ иногда рублей по десяти на погорѣлый домъ, охотно ссужалъ крестьянъ деньгами, разумѣется, за ручательствомъ волостного правленія, подъ отработъ сѣнокосомъ или рубкою и возкою дровъ, и взималъ при этомъ умѣренные проценты тою же работой, которой крестьянинъ не выучился еще оцѣнивать надлежащимъ образомъ. Преслѣдуя крестьянъ за потравы или порубки, не судомъ, а чрезъ волость, Кузьма Иванычъ объяснялъ это своимъ состраданіемъ къ крестьянской нуждѣ, и Ѳедотъ Семенычъ вполнѣ вѣрилъ ему и преисполнялся еще бо́льшимъ уваженіемъ къ умному, благодѣтельному купцу. И могъ ли онъ не вѣрить и не соглашаться, когда въ такихъ случаяхъ Кузьма Иванычъ говорилъ ему:

— Вѣдь для меня это пустякъ — эта потрава или порубка, а простить нельзя, самъ подумай, Ѳедотъ Семенычъ. Прости ему разъ, онъ подумаетъ, что такъ сойдетъ и вдругорядь, а прости два,

такъ онъ и совсѣмъ возмечтаетъ; мужикъ вѣдь глупъ: станетъ смотрѣть на чужую землю али на чужой лѣсъ, какъ на свой ... все вытравитъ и весь лѣсъ перепортитъ, а ужъ тогда разсчетъ выходитъ другой. Онъ тогда всѣми своими требухами со мной не расплатится, придется вовсе разорить его, а все своего не воротишь! ... Окромя того, это послабленье мужика только балуетъ, въ развратъ его вводитъ: ворованный-то возъ дровъ, али бревешко онъ норовитъ скорѣе продать, хоть за безцѣнокъ, чтобы концы спрятать, а даровыя-то деньги его въ кабакъ тащатъ: какъ не выпить на даровщинку? .. А легко ему стало чужимъ добромъ жить, онъ и работать вовсе броситъ: какая ему корысть спину ломать, коли онъ можетъ чужое даромъ взять да продать? .. Вотъ и развратъ, и въ работѣ домашней упадокъ! .. А теперь на-счетъ судебнаго взысканія ... Вѣдь знаю, что подай только мировому — вдвое, втрое съ него взыщу, а въ другой, въ третій разъ попадется — и въ тюрьму угодитъ, пожалуй ... Опричь того: потянутъ его къ мировому-то за двадцать, либо за тридцать верстъ — пройди-ка, да тамъ день продежурь, у мирового-то ... Вотъ два дни у него и пропали! А не порѣшилъ мировой дѣло, какъ мнѣ надобно, я въ съѣздъ перенесу, тогда ужъ плетись-ка въ городъ за пятьдесятъ верстъ. Мнѣ-то ничего, мнѣ все равно: у меня для того адвокатъ нанятъ, годовой ... А ему-то каково, мужику, особливо въ рабочую пору? .. Такъ развѣ мнѣ это нужно? Развѣ я желаю его разорять? .. Мнѣ Богъ съ нимъ: я желаю его, дурака, только поучить, чтобы онъ правá зналъ и за чужое не хватался, а самъ бы промышлялъ, работалъ ... За работу нынче вездѣ

деньги платятъ, вездѣ добыть можно своимъ трудомъ, и безъ воровства ... Вотъ мнѣ чего только нужно!.. Оттого я и стараюсь все лучше черезъ волостное начальство кончить ... Жалко только, не всѣ волостные старшины таковы, какъ ты, не всѣ свою должность понимаютъ ... Иные думаютъ, что добро мужику дѣлаютъ, что правятъ виноватаго да защищаютъ его въ недобромъ дѣлѣ, а того не понимаютъ, что губятъ его ... въ разоренье ведутъ ... Иной думаетъ, воля-то мужицкая всякаго послабленья требуетъ, — нѣтъ, она въ строгости состоитъ, чтобы всякой зналъ — что̀ его, что̀ чужое, и права свои соблюдалъ ... Вотъ она въ чемъ вся и воля состоитъ! .. Такъ-то, Ѳедотъ Семенычъ! .. Вотъ ты, дай Богъ тебѣ здоровья, ты не таковъ: ты своихъ не распускаешь, не балуешь, содержишь ихъ въ порядкѣ ... Тобой и они счастливы ... Поди и живутъ, чай, исправнѣе другихъ, и недоимки нѣтъ ...

— Нѣтъ, какъ не быть, Кузьма Иванычъ: есть недоимки, потому народъ всякой, разный: коему истинно, что негдѣ и добыть ...

— Ну, а все же, знаю, что меньше недоимки, чѣмъ въ другихъ волостяхъ ... И господа, значитъ, довольны твоею волостью, и непріятностевъ меньше... И мужику много покойнѣе ... Да ужъ что говорить ... Какъ тебя можно смѣнить съ другими старшинами! .. Одно нужно сказать: умный, разсудительный, честный человѣкъ ... и порядки ведешь, какъ слѣдуетъ! .. Вотъ! Всегда скажу про тебя ...

Въ силу такихъ отношеній Ѳедотъ Семенычъ и надѣялся, что Кузьма Иванычъ не откажется принять Ѳедю, обратитъ на него особенное вниманіе и приметъ подъ свое покровительство. Къ его удовольствію Кузьма Иванычъ былъ въ Старомъ селѣ.

VII.

Ѳедотъ Семенычъ просилъ-было доложить о себѣ хозяину, но его послали прямо въ контору, куда былъ свободенъ доступъ всякому. Ѳедотъ Семенычъ, однако, пошелъ сначала одинъ, оставя Ѳедю у лошади. Не совсѣмъ смѣло вошелъ онъ въ большую пустынную комнату, съ очень ограниченнымъ количествомъ мебели: два длинныхъ стола, конторка и нѣсколько стульевъ составляли все ея убранство. За конторкой сидѣлъ бухгалтеръ и щелкалъ счетами; у одного стола, низко наклонясь, строчили что-то двое молодцовъ, а за другимъ, заваленнымъ штуками ситцу, сидѣлъ самъ Кузьма Иванычъ и читалъ какія-то письма. У того же стола, облокотясь на него и видимо скучая, помѣщался молодой человѣкъ, младшій сынъ Кузьмы Иваныча.

Кошатниковъ-отецъ былъ высокій, атлетическаго тѣлосложенія, плотный мужчина, еще не старикъ по виду, хотя считалъ себѣ около 60 лѣтъ. Широкоскулое, плоское, безцвѣтное лицо его, съ толстыми губами, съ окладистой бородой, ничего бы не выражало, кромѣ животныхъ наклонностей, еслибъ не освѣщалось очень умными, хитрыми, проницательно смотрящими глазами. Кузьма Иванычъ, несмотря на свою массивную фигуру, ходилъ тихо и неслышно, точно кошка, движенія его были медленны и спокойны, говорилъ онъ всегда ровнымъ, тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ; разговаривая, всегда клалъ руку на плечо собесѣдника или гладилъ ею по его плечу и рукѣ и смотрѣлъ упорно, прямо въ глаза, но если также прямо и упорно смотрѣли на него, тотчасъ же съ видимымъ неудовольствіемъ опускалъ свои глаза или безпокойно глядѣлъ по сторонамъ.

Носилъ онъ всегда длинный широкій сюртукъ и имѣлъ обыкновеніе занашивать его чуть не до дыръ. На головѣ у него всегда былъ одинъ и тотъ же теплый черный картузъ съ лоснящимся, засаленнымъ околышемъ. Этою неряшливостью и небрежностью костюма, при своемъ громадномъ состояніи, Кузьма Иванычъ нѣсколько рисовался. Точно по тому же побужденію онъ ѣздилъ всегда въ старомъ тарантасѣ, безъ сидѣнья, на сѣнѣ, съ ситцевою подушкою за спиной, на тройкѣ обыкновенныхъ лошадей, хотя на конюшнѣ у него стояли тысячные рысаки и великолѣпные экипажи для встрѣчи дорогихъ гостей и для катанья по большимъ праздникамъ. Въ этомъ своемъ обычномъ костюмѣ Кузьма Иванычъ сидѣлъ и теперь, между тѣмъ какъ сынъ былъ одѣтъ по-европейски и даже франтовски.

Кузьма Иванычъ былъ давно уже вдовъ, но имѣлъ большую семью: двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Старшаго сына и дочерей онъ едва выучилъ грамотѣ, ссылаясь на то, что и самъ малограмотенъ, а, слава Богу, родительскаго достоянія не прожилъ, а еще увеличилъ, дѣла ведетъ не хуже всякаго ученаго, дуракомъ не слыветъ и ото всѣхъ почтеньемъ пользуется. „Капиталомъ да умомъ наше купеческое дѣло держится, а не ученьемъ!“—говаривалъ онъ нерѣдко. Но относительно младшаго сына онъ измѣнилъ себѣ и подчинился какому-то новому вѣянію, которое распространилось одно время въ купечествѣ и заставило даже самыхъ упорныхъ учить своихъ дѣтей: онъ отдалъ младшаго сына въ коммерческое училище, но послѣ раскаялся и взялъ его домой, не давши окончить курса: очень ему не понравилось, что мальчикъ сталъ говорить какимъ-то инымъ языкомъ, началъ высказывать, хоть и робко,

какіе-то новые, непривычные и непріятные для него взгляды и понятія. Онъ держалъ его съ тѣхъ поръ при себѣ, какъ малолѣтка, и заботливо старался, чтобы онъ былъ постоянно на фабрикѣ и въ конторѣ, всему учился, за всѣмъ слѣдилъ и присматривалъ, обо всѣхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, которыя замѣтитъ, докладывалъ родителю, но никакого самостоятельнаго или отвѣтственнаго дѣла ему не поручалъ. Книгъ для чтенія въ домѣ Кузьмы Иваныча не полагалось, да и чтеніе ихъ считалось вреднымъ бездѣліемъ; допускались однѣ только „Московскія Вѣдомости". Вслѣдствіе этого юноша очень тяготился жизнью въ родительскомъ домѣ и страшно скучалъ.

Кузьма Иванычъ поднялъ голову и увидѣлъ Ѳедота Семеныча.

— А-а, старый пріятель ... Какими судьбами?.. Здравствуй ...

Онъ протянулъ руку къ Ѳедоту Семенычу. Тотъ поспѣшилъ подойти.

— Садись-ка, милости просимъ ... По дѣльцу, что ли, какому, али такъ, на заведенье мое новое посмотрѣть? ... Кажись, ты бывалъ вѣдь у меня здѣсь? ...

— Бывалъ, Кузьма Иванычъ, только давненько: еще въ томъ году ... И не узнаешь: сколько съ того времени понастроили ... Городъ цѣлый! ...

— Что, братъ, дѣлать: нельзя ... Вотъ для нихъ стараюсь ...

Кузьма Иванычъ указалъ на сына.

— Пора бы ужъ на отдыхъ, да вотъ семья не позволяетъ: трудись, говоритъ ... Да ты знаешь ли этого сына-то у меня? ...

— Нѣтъ, никогда не приводилось, — отвѣ-

чалъ Ѳедотъ Семенычъ, привставая и кланяясь молодому человѣку.

— Какъ же ... Вотъ это младшій, Александра ... Для него вотъ стараюсь, устраиваю ... Александра, — обратился онъ къ сыну, — вотъ тебѣ надо знать старика-то ... Онъ почтенный старикъ ... Первый старшина на весь уѣздъ! ... У него въ волости нашихъ земель и лѣсовъ достаточно ... Вотъ познакомься ... Когда что, какое дѣло, мало ли бываетъ: не все мнѣ самому ... Вотъ и будешь знать ... Да, познакомься ...

Ѳедотъ Семенычъ опять привсталъ. Александръ Кузьмичъ молча, лѣниво подалъ ему руку.

— Дмитрія-то Тимоѳеича знаешь ... зятя-то моего? ...

— Знать — знаю ... Видалъ ... А такъ — что дѣловъ къ нимъ не было ... Не доводилось говорить ...

— Какъ же, надо тебя и съ нимъ познакомить ... Онъ у меня здѣсь дилехтуромъ ... Какъ же, нужно безпремѣнно васъ познакомить: хоть заведеніе и не въ твоей волости, а все-таки ... Отъ васъ рабочій народъ ходитъ сюда наниматься ... Мало ли какіе случаи бываютъ ... Такъ какъ же по дѣльцу, что ли, по какому? ... Ты вѣдь безъ дѣла-то не поѣдешь ... я знаю ...

— По дѣльцу, Кузьма Иванычъ ... По собственному, своему ... пріѣхалъ попросить.

— По-своему? — переспросилъ Кошатниковъ не безъ удивленія и не съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Хоть оно не собственно меня касающее, а примите такъ, что все равно какъ будто для меня самого сдѣлаете ...

— Что такое за дѣло? — переспросилъ Кузьма-Иванычъ. — Коли возможно, такъ отчего же ...

— Паренёкъ тутъ есть у меня ... Правда, что въ родствѣ онъ со мной, только что ужъ такой парень, — на рѣдкость: и не по родству похвалить можно ...

— Такъ! — подтвердилъ Кузьма Иванычъ.

— Грамотный, умный, непьющій, ровно дѣвка красная — тихой да смирный ...

— Такъ! — опять согласился Кошатниковъ.

— А главная причина, Кузьма Иванычъ, очень ужъ сученъ ко всему, на-счетъ всякаго издѣлія ... И самъ выдумаетъ, и сдѣлаетъ, что̀ тебѣ угодно ... Кажется, до всякой машины дойдетъ и самъ машины выдумываетъ ...

— Такъ, такъ! ... Это хорошо! ... На что̀ этого лучше ... Это, значитъ, ужъ отъ Бога ему дано! ..

— Именно, что отъ Бога! ... Такъ вотъ я и хотѣлъ попросить васъ, Кузьма Иванычъ, такъ какъ вы добрый и благотворительный человѣкъ, — нельзя ли его на фабрику принять ... на эту? ..

— Отчего не принять ... Съ полнымъ удовольствіемъ! ... Мы всякой народъ принимаемъ, — и не этакихъ ... А этакого особливо, коли еще смирный и непьющій ... Ничего, присылай, возьмемъ ...

— Да онъ здѣсь, Кузьма Иванычъ ... Я его съ собой привезъ ... Посмотрите его сами и поразспросите его ...

— Такъ что̀ же? ... Давай его сюда ... Сейчасъ разсмотримъ его: къ какому дѣлу годится, туда и опредѣлимъ ...

— Желаніе бы его къ машинамъ ... Онъ бы тамъ все сейчасъ понялъ ...

— Ну, къ машинамъ, такъ къ машинамъ ... Коли по слесарной части знаетъ, такъ можно и къ

машинамъ ... Извѣстно, не въ механики же вѣдь его сажать ... А пускай перво подъ рукой у машиниста побудетъ, попригляднтся ... Ну, а тутъ и машинистомъ можно сдѣлать ... Гдѣ онъ? ... Давай его сюда ...

— Я его сейчасъ позову ...

— Позови ... Да постой-ка ... Эй, молодецъ! поди-ка добѣги: Дмитрія Тимоѳеича покличь сюда, ко мнѣ ... да тѣмъ часомъ вотъ и его парня приведи сюда ...

Писецъ вскочилъ и побѣжалъ.

— Надо же твоего парня и дилехтуру показать ... Еще есть ли мѣста-то у насъ при машинахъ ... Александра, ты не знаешь: всѣ мѣста-то заняты у насъ при машинахъ? ...

— Само-собой, заняты: развѣ можно машины безъ людей оставить ... Сколько нужно — всегда есть, только смѣнить можно котораго, если этотъ сручнѣе будетъ ...

— Смѣнить! Съ чего ты человѣка безъ вины обидишь? Надо вины дождаться ... А, значитъ, ужъ надо будетъ для старика взять его парня хошь такъ покамъ ... а тамъ видать будетъ, куда его опредѣлить ...

— Онъ и по столярной части знаетъ, и рѣзь всякую можетъ произвести — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ. — Опять же и пишетъ хорошо ... Его куда хочешь ткни: на всякое дѣло ...

— Ну, да ужъ не обижу для тебя, старика, — возьмемъ парня ... А тамъ ужъ по заслугамъ ... и жалованье положимъ ...

— Если онъ точно такой способный на все, такъ мало ли у насъ на фабрикѣ дѣла, — вмѣшался Александръ Кузьмичъ! — Безъ дѣла не просидитъ ... Можно настоящее жалованье положить ...

На лицѣ Кузьмы Иваныча мелькнуло неудовольствіе. Глаза его забѣгали.

— А я что же? ... Я и говорю: по заслугамъ ... Какъ себя покажетъ, таково и жалованье положимъ ... Вы, молодые, больно прытки: такъ бы вдругъ все и взялъ ... А ты понемножку ... Надо во всякомъ дѣлѣ съ осторожкой да съ оглядкой ...

— Ужъ на-счетъ услуги не безпокойтесь, Кузьма Иванычъ ... Ужъ знаю, что услужитъ ...

— Да ужъ сказалъ: для тебя сдѣлаю ... Не оставимъ парня ... Дай вотъ поглядѣть только: какая въ немъ сила?..

Въ контору вошелъ зять Кошатникова и директоръ фабрики, Дмитрій Тимоѳеичъ Звѣробоевъ, человѣкъ лѣтъ 45-ти, высокій, худощавый, съ блѣднымъ, до сихъ поръ красивымъ еще лицомъ. Онъ былъ человѣкъ очень молчаливый и замкнутый, держалъ себя всегда скромно и въ такой позѣ, точно прислушивался къ отдаваемому приказанію; голова его почти всегда была наклонена нѣсколько на бокъ и полу-закрытые глаза смотрѣли въ землю: но когда онъ изрѣдка — а особенно въ минуты досады и раздраженія — поднималъ ихъ, взглядъ его былъ сухъ и холоденъ, какъ желѣзо, и производилъ непріятное впечатлѣніе. Лѣтъ 15-ть назадъ его женитьба на старшей дочери Кузьмы Иваныча надѣлала большой переполохъ въ купеческомъ міркѣ.

Дмитрій Тимоѳеичъ въ то время былъ не больше, какъ простой, ничтожный приказчикъ на фабрикѣ Кузьмы Иваныча — правда, умный, услужливый, расторопный, но, повидимому, очень тихій и скромный, — умѣлъ заслужить особенное довѣріе и расположеніе хозяина, но тому и въ голову никогда не

приходило, чтобы онъ могъ когда-нибудь породниться съ нимъ. Какимъ образомъ, гдѣ и когда онъ успѣлъ сблизиться съ дочерью Кузьмы Иваныча, съ дѣвицей лѣтъ 25-ти, — это осталось тайной для всѣхъ; но однажды она явилась къ родителю, пала ему въ ноги, во всемъ призналась и просила прикрыть грѣхъ свой святымъ вѣнцомъ. Кузьма Иванычъ чуть не сошелъ съ-ума отъ ярости, приколотилъ дочь такъ, что она слегла въ постель, позвалъ потомъ будущаго зятя, далъ и ему хорошую таску и велѣлъ убираться прочь съ глазъ своихъ и вонъ изъ дома. Разсказываютъ, что Дмитрій Тимоѳеичъ со стоическимъ хладнокровіемъ перенесъ это законное возмездіе со стороны оскорбленнаго родителя, но не только не ушелъ изъ дома, но тутъ же, сейчасъ, спокойно изъяснилъ будущему тестю: „Напрасно изволите безпокоиться, тятенька. Лизавета Кузьминишна, окромя меня, ни за кого не пойдутъ, и все равно — не теперь, такъ послѣ — убѣгомъ уйдутъ, а повѣнчаются со мной ... А между прочимъ, если въ дѣвицахъ ихъ долго продержите, — одинъ конфузъ можете на всю фамилію пустить отъ этого самаго нашего несчастія ... А я человѣкъ бѣдный, чувствительный: какъ былъ вашъ вѣрный слуга, такъ и останусь, а по родству, — такъ наипаче служить буду изо всѣхъ силъ! ... И насчетъ приданаго, по бѣдности своей, всѣмъ останусь доволенъ, что̀ ни пожалуете ... Не какъ другой, стоющій человѣкъ: не стану прижимать да капиталу требовать, а чѣмъ осчастливите, тѣмъ и буду доволенъ! ... Ужъ лучше благословите, тятенька, по доброй волѣ, тихимъ родительскимъ сердцемъ, нечѣмъ ...“ — „Такъ ты, еще ничего не видя, ужъ и тятенькой меня звать ... и объ награжденіи ...

ахъ, ты! ... — заголосилъ Кузьма Ива́нычъ, съ пѣной у рта, снова накидываясь на будущаго зятя. — Я тебѣ дамъ — тятенька! ... Вотъ тебѣ тятенька!.. Вотъ тебѣ награжденіе! ... Вотъ я васъ урезоню обоихъ ...“ И этотъ натискъ Дмитрій Тимоѳеичъ перенесъ такъ же хладнокровно: вытолкнутый подзатыльниками за дверь, привелъ въ порядокъ прическу, лицо и платье, но уходить изъ дома не думалъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за свое обычное дѣло.

Кузьма Иванычъ пошумѣлъ, побѣсновался, но потомъ самъ разсудилъ: „все равно, — лучше же, чѣмъ срамъ да огласку пускать на всю фамилію ... Не одна она, — другія дочери есть ... Пускай! ... Однако же хошь капитала трогать не надо ... Онъ же парень умный, расторопный, а по родству — правда, что еще больше будетъ стараться ... Пускай! ... Все лучше, какъ самъ-то, чѣмъ убѣгомъ ... Развѣ ее усторожишь и самъ-дѣлѣ ... А только плутъ, большой руки плутъ! ... Съ нимъ держи ухо востро ...“

И желаніе Дмитрія Тимоѳеича исполнилось: родитель благословилъ ихъ бракъ по доброй волѣ, тихимъ родительскимъ сердцемъ ... Сдѣлавшись зятемъ Кузьмы Иваныча, членомъ его семьи, поселившись вмѣстѣ съ нимъ, онъ не измѣнилъ своего обращенія съ хозяиномъ: по-прежнему исправлялъ то дѣло, которое ему было поручено, — по-прежнему спрашивалъ приказаній, давалъ отчеты, вскакивалъ на ноги, когда тесть съ нимъ заговаривалъ, и садился въ его присутствіи не иначе, какъ съ его дозволенія. Кузьмѣ Иванычу нравилось, что зять оказывалъ ему такое подобострастное уваженіе, не забывался и помнилъ, что онъ ничего больше,

какъ ничтожный приказчикъ, взысканный только его особенными милостями. Онъ не вѣрилъ въ зятя, никогда не разставался съ мыслью, что это большой, тонкій плутъ, но, самъ того не чувствуя и не замѣчая, подпадалъ его вліянію. Увеличивая жалованье Дмитрія Тимоѳеича, расширяя предѣлы данной ему довѣренности, назначая его старшимъ приказчикомъ, поручая его управленію фабрику, Кузьма Иванычъ увѣрялъ самого себя, что дѣлаетъ все это только ради дочери и невольнаго родства съ нимъ. Въ глубинѣ души онъ даже любилъ зятя за его выдержку, настойчивость, ловкость и умѣнье вести дѣла: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы онъ самъ, даже безъ просьбы, объявилъ зятю и дочери, что выдѣлилъ на ея часть извѣстный капиталъ, который будетъ оставаться пока въ общемъ дѣлѣ, и такимъ образомъ сдѣлалъ Дмитрія Тимоѳеича какъ-бы пайщикомъ въ своихъ коммерческихъ оборотахъ. Съ годами, когда у Лизаветы Кузьминишны народилось много дѣтей, когда Дмитрій Тимоѳеичъ записался въ гильдію и — какъ разсказывали — имѣлъ уже личный порядочный, хотя и скрытый пока капиталъ, — отношенія между тестемъ и зятемъ нѣсколько измѣнились: Дмитрій Тимоѳеичъ сдѣлался спокойнѣе и увѣреннѣе въ себѣ, не такъ раболѣпствовалъ, какъ прежде, позволялъ себѣ даже возражать тестю или молча дѣлать по-своему, хотя наружно сохранялъ должное почтеніе къ хозяину-милліонеру; а Кузьма Иванычъ, продолжая разыгрывать роль повелителя, во многихъ дѣлахъ ничего не предпринималъ безъ совѣта зятя и даже нерѣдко уступалъ ему, хотя въ то же время безъ церемоніи бранился съ нимъ и высказывалъ оскоробительную подозрительность. И въ образѣ своей жизни, въ своей

домашней обстановкѣ Дмитрій Тимоѳеичъ уже не подчинялся слѣпо вкусамъ и взглядамъ тестя, особенно съ тѣхъ поръ, какъ поселился на новой фабрикѣ. Онъ старался подражать коммерсантамъ новѣйшаго фасона, а не купцамъ стараго закала: считалъ нужнымъ вести жизнь общественную, а не замкнутую, старался показаться человѣкомъ цивилизованнымъ и не только училъ дѣтей, но даже нанялъ къ нимъ гувернантку, какъ только они начали подрастать. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, много повліялъ Александръ Кузьмичъ, вкусившій, хотя и немного, отъ столичной жизни и плодовъ образованія: вліяніе это шло, разумѣется, болѣе черезъ жену — Лизавету Кузьминишну.

— Что вы, тятенька, изволили требовать меня? — спросилъ Дмитрій Тимоѳеичъ, входя въ контору.

— А вотъ что, милостивый государь ... Вотъ познакомься: благопріятель мой, старшина, хорошій человѣкъ, проситъ, чтобы его родственника, молодого парня ... расхваливаетъ очень его, говоритъ — по всякимъ художествамъ мастеръ ... чтобы взять его на фабрику ... Этотъ, что ли, парень-то твой? — спросилъ Кузьма Иванычъ, указывая пальцемъ на только-что вошедшаго Ѳедю.

— Онъ самый, — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Ну-ка, подойди сюда, молодецъ, поближе, — приказалъ Кузьма Иванычъ.

Ѳедя подошелъ.

— Сказывай правду: водку пьешь? ...

— Не пивалъ отъ роду, — бойко отвѣчалъ Ѳедя.

— Ну, научишься ...

— Нѣтъ, не научусь, — смѣло настаивалъ Ѳедя.

— Ну, а табачище куришь?

— Нѣтъ, не курю.

— И въ карты не играешь?

— Не умѣю ...

— Ну, молодецъ! ... Ровно красная дѣвка ... не пьетъ, не куритъ и въ карты не играетъ! ... Коли долго такъ продержишься, пожалуй, деньги наживешь ... Вотъ старикъ-отъ твой проситъ, чтобы на фабрику тебя взять ...

— Не оставьте. Примите, Кузьма Иванычъ ...

— Ну, а въ какое же ты дѣло желаешь поступить? ... Что ты умѣешь-то? ...

— Да куда опредѣлите ... И топоромъ могу, и по столярной части ... и рѣзьбу если угодно ... Самъ рисунки дѣлаю ...

— На словахъ-то ты боекъ, захватистъ ... А все надо посмотрѣть: каковъ на дѣлѣ ... Намъ на фабрику ткачи больше требуются ... Умѣешь ли? ...

— Да вѣдь у васъ машинная точа ... Слыхалъ я отъ людей: тутъ умѣнье небольшое нужно ... Привычка только нужна, сноровка ... Да нѣтъ, въ ткачи-то бы мнѣ не желательно ... А вотъ къ машинамъ, кабы ваша милость была ...

— Около машинъ топоромъ нечего дѣлать, — замѣтилъ Дмитрій Тимоѳеичъ. — Тутъ нужно, чтобы слесарь былъ, слесарную часть зналъ ...

— Были бы инструменты, а то слесарная часть не мудреная: все сдѣлать можно ... Я потому къ машинамъ прошусь, что у меня пристрастіе къ этому ... Я самъ кое-что выдумалъ, самъ и модели дѣлалъ ... Я какую угодну машину соображу: и разберу, и соберу опять ... Часы у Ѳедота Семеныча въ волости стояли ... я и тѣ разобралъ, починилъ и опять собралъ ... Идутъ теперь ...

— Это правда, точно — подтвердилъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Какія же ты машины выдумывалъ? — спросилъ Александръ Кузьмичъ.

— Разныя ... Насчетъ мельницъ, маслобоекъ и другія ...

— Да ты ужъ не въ механики ли просишься? — спросилъ Дмитрій Тимоѳеичъ. — Такъ вѣдь для этого, братъ, надо экзаменъ выдержать ... Паровая машина вѣдь не то, что часы ... Тутъ надо чертежъ понять, чтобы ею распоряжаться ... А ты видалъ ли когда и паровики-то? ...

— Хошь я, правда, что не видалъ, а чертежъ я понимаю ... По физикѣ знаю, хошь сейчасъ все разскажу и нарисую: какъ что дѣйствуетъ ...

— Какъ по физикѣ? — переспросилъ Александръ Кузьмичъ. — Развѣ ты физику знаешь? учился? ...

— Учиться не учился ... А физику я ю читалъ и понялъ ...

— Гдѣ же ты взялъ?

— Тутъ у нашего учителя ... Только-что я — не подумайте — я не въ главные механики прошусь ... А такъ бы желательно къ машинамъ поступить: въ подручные къ механику или какъ ужъ вамъ заблагоразсудится ...

— Механикомъ у насъ называется, кто всѣми машинами на фабрикѣ заправляетъ, а тѣ, что за машинами наблюдаютъ, починиваютъ, если нужно, смазываютъ, въ порядкѣ содержатъ — то машинисты, — объяснилъ Александръ Кузьмичъ.

— Вотъ меня хоть бы въ такіе-то сначала ...

— Есть ли у насъ мѣста-то? — спросилъ Кузьма Иванычъ зятя.

— Машинистовъ комплектъ полный: мѣстовъ

нѣтъ ... Да вѣдь надо же и посмотрѣть на него сначала ... Коли угодно взять, такъ рабочимъ его простымъ къ машинамъ ... Пускай сначала присмотрится и себя покажетъ ... А тамъ увидимъ, какой въ немъ толкъ ... У насъ вонъ и по столярной части — говоритъ, умѣетъ — дѣла довольно, найдется и для него ...

— Ну, да ужъ это твое дѣло: къ какому тамъ дѣлу его приставишь ...

— Ну, такъ ладно,—обратился онъ къ Ѳедѣ,— приму тебя, парень ... Смотри, работай честно и вѣрно, вотъ что ужъ тебя дилехтуръ заставитъ ... Къ чему приставитъ, то и дѣлай, старайся ... не лѣнись ...

— Ужъ я стараться буду, Кузьма Иванычъ ... Изо всѣхъ силъ буду стараться ... Какое же положеніе-то мнѣ будетъ? ... Жалованье-то какое положите? ...

— О, братъ! ... Ты, я вижу, изъ горячихъ да изъ бойкихъ! ... Ничего не видя, ужъ спрашиваетъ хозяина: какое ему будетъ положеніе? ... Еще работы-то своей не показалъ, а ужъ объ жалованьи хозяина допрашиваетъ ... Кабы не для старика, такъ я бы съ тобой и разговаривать-то не сталъ ... Ты не думаешь ли и самъ-дѣлѣ, что нуженъ больно съ хизикой-то своей? ... А коли принимаютъ, такъ и будь доволенъ ... Бога благодари! ... А жалованье какое положатъ, то и получай ... Слышалъ?... Ну, то-то, впередъ знай, какъ съ хозяиномъ разговаривать! ... Хизику-то ты читалъ, а этого не вычиталъ: какъ съ хозяиномъ разговаривать надо, такъ хошь бы людей поспрошалъ ...

— Извините его, Кузьма Иванычъ, — вступился Ѳедотъ Семенычъ. — Молодъ еще, неопытенъ! ...

Покорно благодарю, что принимаете: вы не обидите ...

— Вотъ еще! ... Эку дрянь мнѣ очень обижать нужно ... А знамо молодъ: оттого и внушаю ... Вижу, свѣта не видалъ, людей не понимаетъ ... Какъ быть деревня ... Ну, Богъ съ тобой, ступай! ... Научишься, вось, людей разбирать: къ кому съ чѣмъ подойти и какъ разговаривать ... Вотъ теперь къ г. дилехтуру обращайся ... Ступай ...

Ѳедя былъ сконфуженъ и смущенъ: онъ видѣлъ, что Кузьма Иванычъ разсердился, что онъ что-то такое сказалъ или сдѣлалъ неладное, но что̀ именно — не могъ сразу уяснить себѣ и опечаленный пошелъ къ дверямъ.

Ѳедотъ Семенычъ тоже былъ смущенъ и нѣсколько даже обиженъ и стоялъ передъ Кузьмой Иванычемъ, опустя глаза въ землю. Тотъ замѣтилъ это.

— Нельзя на нихъ безъ острастки, — обратился онъ къ Ѳедоту Семенычу, когда дверь за Ѳедею затворилась. — Я знаю ихъ, зазнаются, молокососы, особливо вотъ этакіе, которыхъ Богъ умомъ да талантомъ наградилъ! Мечтаютъ о себѣ и невѣсть что ... И чортъ ему не братъ ... А вотъ огорошишь его — онъ и пойметъ, притихнетъ! ...

— Онъ смирный парень, Кузьма Иванычъ ... Никогда поперегъ слова не скажетъ ... Такъ это онъ молвилъ, спроста ...

— Ну, впередъ наука ... Ты его возьми тамъ, Дмитрій Тимоѳеичъ, пристрой, какъ знаешь ... А жалованье положи на перво время рублевъ двѣнадцать въ мѣсяцъ ... Вонъ для старика ... А тамъ увидимъ ...

— А на-счетъ харчей какъ? ...

— Харчи, знамо, его ... Гдѣ же намъ возиться ...

— Слушаю, тятенька ...

На Александра Кузьмича послѣдняя сцена и послѣднія распоряженія отца, видимо, произвели непріятное впечатлѣніе, но онъ ничего не сказалъ и вышелъ вслѣдъ за зятемъ.

— Ну, прощай, старикъ ... Вотъ привелось и мнѣ для тебя сдѣлать, — говорилъ Кузьма Иванычъ, разставаясь съ Ѳедотомъ Семенычемъ. — Ужъ не кланяйся, не проси ... Не оставлю, не оставлю парня твоего, только бы старался да не избаловался здѣсь ... На фабрикѣ народъ всякой ... Наставляй его хорошенько ...

Ѳедотъ Семенычъ кланялся и благодарилъ, но вышелъ изъ конторы не вполнѣ довольный.

VIII.

Ѳедя остановился у крыльца конторы, въ ожиданіи Ѳедота Семеныча. Невеселыя думы толпились у него въ головѣ. Онъ невольно вспоминалъ и соображалъ все, что̀ прежде слышалъ о купцахъ и ихъ отношеніяхъ къ рабочимъ.

— Это еще хваленый ... Кузьма Иванычъ! ... Еще и пришелъ я къ нему съ дружкомъ, съ Ѳедотомъ Семенычемъ ... Ну, за что обидѣлъ, за что облаялъ? ... Неужто нельзя ужъ и объ жалованьи спросить? ... Какъ же рабочему человѣку не знать впередъ, сколько заработать можетъ? ... Вѣдь я же къ нему не Христа ради прошусь ... Я на него работать буду ... Ну, коли не съ нимъ рядиться надо было, такъ бы и сказать просто ... Зачѣмъ же кричать да лаяться-то? ... Иной разъ, пожалуй,

и не стерпишь, коли ни въ чемъ не виноватъ, а онъ кричать станетъ да ругаться.

Мимо него прошелъ Дмитрій Тимоѳеичъ, пытливо, пристально взглянулъ на него исподлобья, но, прежде чѣмъ Ѳедя, такъ же прямо на него смотрѣвшій, успѣлъ сообразить, что, можетъ быть, нужно снять шапку и поклониться, директоръ фабрики быстро повернулся и пошелъ прочь, ни слова ему не сказавши. Ѳедя вопросительно смотрѣлъ ему вслѣдъ и видѣлъ, какъ сновавшіе по фабричному двору работники, встрѣчаясь съ директоромъ, проворно снимали свои шапки и подобострастно ему кланялись. Вдругъ его кто-то окликнулъ, не назвавши по имени. Онъ оглянулся. На крыльцѣ стоялъ Александръ Кузьмичъ.

— Ты какъ будешь по имени? — спросилъ онъ его.

— Ѳедоръ.

— А прозвище, фамилья есть у тебя какая?

— Нѣтъ, фамиліи нѣтъ никакой ...

— Надо тебѣ прозванье взять какое-нибудь ... У насъ, на фабрикѣ, Ѳедоровъ много ... Ты изъ какой деревни?

— Изъ Чернушекъ.

— Ну, такъ вотъ и прозывайся: Чернушкинъ.

— А вы кто же будете? — спросилъ въ свою очередь Ѳедя.

— Я хозяйскій сынъ, Александра Кузьмичъ ... Тятенька говоритъ, что эта и фабрика, и имѣніе будутъ мои, онъ мнѣ ихъ послѣ себя предоставитъ ...

— Стало быть, вы теперь заправляете ей, когда безъ тятеньки ...

— И заправляю, и нѣтъ ... Присматриваю за всѣмъ, а директоромъ-то вотъ зять нашъ Дмитрій

Тимоѳеичъ ... Вотъ что прошелъ ... У насъ тятенька не любитъ никому воли давать: до всего самъ доходитъ ... Что же ты пропустилъ Дмитрія-то Тимоѳеича, не подошелъ къ нему, какъ онъ проходилъ мимо? ... Вѣдь тятенька велѣлъ тебѣ къ нему идти ...

— Да не знаю какъ ... Не сдогадался вдругъ-то ... Думалъ: не время ...

— Пойдемъ со мной на фабрику: я тебя къ нему сведу ...

— Покорно благодарю, Александра Кузьмичъ ... Пойдемъ ...

Они пошли.

— Тятенька велѣлъ тебѣ двѣнадцать рублей положить на первое время, на твоихъ харчахъ ... Ну, немного это, да ничего: потерпи ... Покажешь себя, да коли надобенъ будешь — прибавятъ скоро ...

— Маленько это ... Правда, что маленько ... Тоже прохарчишь сколько ...

— Да ничего, поступай ... Прибавятъ ... Ужъ говорю тебѣ, что прибавятъ! ... Они и все такъ: коли видятъ, что человѣкъ нужный, всегда норовятъ сначала нажать ...

Ѳедя съ удивленіемъ, вопросительно взглянулъ на хозяйскаго сына.

— Ты чего смотришь, удивляешься, что я такъ-то говорю? ... Я, братъ, люблю прямо, открыто ... не какъ они ...

— А за что же тятенька вашъ разсердился на меня, когда я про жалованье спросилъ? ... Неужто ужъ у васъ рабочему человѣку и рядиться нельзя, а получай, что̀ дадутъ? ...

— У насъ съ рабочими впередъ никогда не рядятся, а платятъ всѣмъ ровно, смотря по работѣ:

мѣсячнымъ — по-мѣсячно, а штучнымъ — отъ штуки, сколько кто выткалъ ... Плата назначается по цѣнѣ товара: коли упадетъ цѣна, ну, и плату убавятъ, а коли бойко товаръ съ рукъ идетъ и по хорошей цѣнѣ, тогда немножко и плату повысятъ ... А тятенька разсердился на тебя и за то, что ты о жалованьѣ впередъ спросилъ, а еще больше за то, что съ нимъ сталъ объ этомъ разговаривать: на это у насъ контора, приказчики да директоръ есть ... Онъ коли съ рабочимъ самъ да еще съ шуткой и ласково заговорилъ, такъ за великое счастье считать надо: стоять, молчать да кланяться, либо отвѣчать только, о чемъ спроситъ ... Онъ вѣдь у насъ большой командиръ на фабрикѣ, что твой губернаторъ въ губерніи ...

Александръ Кузьмичъ улыбнулся и продолжалъ:

— Онъ тебѣ этакое благодѣяніе дѣлаетъ: до себя тебя допустилъ, самъ съ тобой разговариваетъ, разспрашиваетъ, обѣщаетъ на фабрику принять, а ты еще вздумалъ о жалованіи его спрашивать, торговаться ... Вотъ онъ и огнѣвался ... Да еще счастливъ, что вовсе не прогналъ, велѣлъ принять ... Видно, еще старика твоего уважилъ: другого бы прогналъ ...

— А про него, про родителя вашего, слава идетъ, что милостивый, ласковый ...

— Да онъ милостивъ и ласковъ, когда ему надобно или когда самъ захочетъ и пока не разсердятъ ... Онъ тебя не обидитъ, только ужъ смотри ему въ глаза да угождай ... чего онъ хочетъ — угадывай! ... Ну, да что объ этомъ толковать ... Ты вотъ мнѣ лучше что̀ скажи: неужто ты и вправду одинъ всю физику прошелъ? ...

— Ужъ не знаю, всю-ли ... Наука, говорятъ,

эта большая ... А книжку, которую учитель давалъ, всю прочиталъ ...

— И все понялъ?

— Насчетъ вотъ машинъ все понялъ: тутъ чертежи приложены, и все объяснено ... А что ужъ очень мудрено, непонятно, — учителя спрашивалъ: онъ, спасибо, толковалъ ... Онъ и по механикѣ мнѣ много объяснялъ ...

— Да какъ же ты? ... Тутъ вѣдь нужно сначала ариѳметику, алгебру пройти, а ты вѣдь ихъ не знаешь, не учился ...

— Четыре-то правила онъ мнѣ въ одинъ вечеръ объяснилъ: я сразу понялъ, а тутъ самъ по книжкѣ добирался ... И ариѳметику знаю ... Вотъ алгебры не знаю ... Говорилъ мнѣ и объ ней Василій Якимычъ, и показывалъ немножко ... только немножко ... А такъ чтобы всю ... нѣтъ, ея не проходилъ, не знаю ... А надо непремѣнно бы и объ ней книжку достать да прочитать! ... Да все времени нѣтъ ... А точно, что надо бы ее узнать! ... Вотъ и въ физикѣ, и въ механикѣ я все больше на догадку бралъ, а такъ, чтобы доподлинно дойти и все растолковать и доказать, я не могу ... Понимать-то я все понимаю, и сдѣлать сдѣлаю, иное и начерчу, и объясню: какъ и почему; а вотъ иное только въ головѣ держу и самъ для себя ровно какъ понимаю, а разсказать не могу ... Вотъ по механической части ... когда что придумываю ... машину тамъ какую али что ... тамъ какое колесо пустить или шестерню, или рычагъ, или передачу: вижу, что хорошо будетъ и въ пользу пойдетъ ... сдѣлаю и выходитъ, а почему такъ, чтобы впередъ все, по математикѣ, обдумать, разсчитать — этого не могу ... Извѣстно, какъ бы съизмальства въ ученье отдали въ училище да все

бы по порядку пройти ... много бы лучше было ...

— Отчего же тебя не отдали?

— Извѣстно отчего мужицкихъ дѣтей въ училище не отдаютъ: то отъ глупости, отъ невѣжества, а больше отъ нужды ... Денегъ нѣтъ, учить не на что ...

— Да вотъ, кто отъ нужды не учится, оттого, что денегъ нѣтъ, а мнѣ не дали учиться оттого, что денегъ много ...

— Какъ, развѣ вы не учены? ...

— Учился съ грѣхомъ пополамъ, а доучиться-то тоже не дали ... Дома будто бы нуженъ ... дѣло дѣлать! ... А на дѣло ходи только да смотри ... а въ руки не даютъ ... Тоска смертная! ... А что это за учитель такой, про котораго ты говорилъ? ...

Ѳеда разсказалъ про Василія Якимыча подробно и съ энтузіазмомъ.

— Вотъ бы его сюда ... Школу бы при фабрикѣ открыть да жалованье хорошее дать ... Жилъ бы человѣкъ и самъ хорошо, и для людей бы пользу дѣлалъ! ... А то срамъ сказать: у насъ теперь двѣ фабрики ... На обѣихъ-то около тысячи человѣкъ однихъ дѣтей работаетъ, а ни на одной школы нѣтъ ...

— Что же вы не устроите? ...

— Да какъ я устрою? ... Разъ я заикнулся-было тятенькѣ насчетъ школы-то, такъ послѣ и самъ не радъ былъ ... Недѣли двѣ не говорилъ и не смотрѣлъ на меня ... Кажется, черезъ это, да еще черезъ другія мои слова и изъ училища-то взялъ меня ...

— Да что же такъ? Отчего?

— А оттого: говоритъ, ученье только портитъ

людей, разнаго вздора имъ въ головы набиваетъ, гордыми ихъ дѣлаетъ, либо пустозвонами, а отъ настоящаго дѣла, которое хлѣбъ даетъ — отбиваетъ ... А для простонародья грамота, говоритъ, совсѣмъ не годится и вовсе никуда ненадобна, потому, будто, въ школахъ мальчишки только балуются, разлѣниваются, изъ грамотныхъ всѣ пьяницы, бездѣльники и мошенники выходятъ ... Одинъ, говоритъ, развѣ на сто человѣкъ путный выйдетъ, такъ изъ-за одного не стоитъ школы заводить, да такой захочетъ и безъ школы читать-то да писать выучится ... у перваго дьячка ... Вотъ онъ что говоритъ! ... А къ тому еще и денегъ ему жалко на это изводить. Со школы-то въ карманъ себѣ ничего не выручишь, а только на нее же изъ кармана вынимай ...

— Ну, ужъ велики ли это и деньги для васъ, Александра Кузьмичъ ...

— Да кабы я-то былъ хозяинъ, я давно бы ужъ открылъ школу ... Сдалъ бы онъ фабрику мнѣ, я бы многое по другому повелъ ... У меня бы и рабочему народу много лучше было ... Да что дѣлать? воля-то не моя ... Меня не спросятъ да и скажу — не послушаютъ! ... Дмитрій Тимоѳеичъ тоже самъ подначальный человѣкъ, по тятенькиному долженъ дѣлать, да врядъ-ли бы онъ и самъ по себѣ сталъ по другому дѣлать ... У него тоже одно въ головѣ: какъ бы подешевле да посходнѣе что сдѣлать и побольше барыша выгадать, а о другихъ, сторонніхъ людяхъ, заботы мало ... Эхъ, кабы тятенька сдалъ мнѣ совсѣмъ теперь эту фабрику, я бы зналъ, что дѣлать! ...

— Подождите, Александа Кузьмичъ, придетъ и ваше время, будете и вы хозяиномъ ... Тогда

ужъ ... Видать по всему, что вы рѣдкостный человѣкъ и душа у васъ золотая ... Съ вашимъ капиталомъ да съ вашими мыслями вы много добра народу сдѣлаете ...

— Не знаю, сдѣлаю-ли ... Точно, что я добрый и открытый ... Вотъ понравился ты мнѣ, самъ не знаю почему, я тебѣ тотчасъ всю свою душу выложилъ ... И мысли у меня точно хорошія, хоть правду сказать, не самъ я ихъ выдумалъ, а были въ Питерѣ промежъ насъ люди: было чего послушать, чему поучиться ... Вотъ такіе же, какъ твой учитель, только, пожалуй, еще поученѣе его ... Много я отъ нихъ хорошаго наслушался! ... И правду сказать: болитъ у меня сердце смотрѣть на все, что у насъ дѣлается и какъ мы живемъ ... А все тоже думаю, что ничего мнѣ хорошаго сдѣлать не удастся ...

— Отчего же? ...

— А первое: оттого, что людей нѣтъ, никто не поддержитъ, не поможетъ, а одинъ въ полѣ не воинъ ... А второе: нѣту у меня характера, смѣлости нѣтъ ... Запуганъ, что-ли, я съ малолѣтства — не знаю, а только вотъ я до сихъ поръ, за двадцать слишкомъ лѣтъ, тятеньки боюсь ... И ничего мнѣ одному не затѣять: за людьми, на доброе, кажись, всюду пойду, а чтобы другихъ за собой вести или одному идти противъ всѣхъ, на-проломъ — нѣтъ, не знаю ... не сумѣю! ... А вѣдь въ нашемъ фабричномъ дѣлѣ, — иди за-одно со всѣми, — со своимъ братомъ фабрикантомъ, то-есть, а то бѣда: такой шумъ, гвалтъ поднимутъ, разорятъ, со свѣта сживутъ! ... У насъ всѣ одинъ по одному ... всѣ за-одно и одинакихъ порядковъ держатся ... Это бываетъ, что одинъ у другого хорошихъ мастеровъ

сманиваетъ ... А ужъ насчетъ рядового рабочаго у всѣхъ за-одно: и жалованье, и штрафы, и взыски, и всѣ другіе порядки, все на одномъ держится: какъ бы поменьше платить да подешевле работа обошлась ... Всѣ другъ за другомъ слѣдятъ, всѣ одинъ про другого все знаютъ ... И Боже сохрани, если бы кто выискался да новые порядки сталъ заводить, отъ которыхъ рабочимъ лучше, а хозяину хуже — всѣ встанутъ противъ него! ... Что хочешь дѣлай: пей, мотай, разоряйся какъ хочешь, никто не помѣшаетъ ... А если бы кто плату поднялъ или рабочихъ часовъ убавилъ, или другое что въ пользу рабочихъ выдумалъ ... ну, ужъ этого не простятъ! ... Правда, что эта наша фабрика въ сторонѣ, по близости другихъ нѣтъ: здѣсь бы еще легче что хорошенькое завести ... Да нѣтъ, не удастся!...

Александръ Кузьмичъ махнулъ рукой и печально понурилъ голову.

— Полноте, Александра Кузьмичъ, не прошла бы только ваша добрая воля да охота ... Мысли эти въ себѣ держите ... А придетъ ваше время — все сдѣлаете ...

— То-то, не прошла бы охота ... А она пройдетъ! ... Знаю, что пройдетъ! ... Я здѣсь со своими мыслями одинъ-одинехонекъ точно въ лѣсу, даромъ, что тысяча человѣкъ народу кругомъ ... Вотъ скоро два года, какъ меня изъ училища взяли ... И самъ чувствую, что я много ужъ перемѣнился и мысли эти все рѣже и рѣже въ голову приходятъ ... Да и съ кѣмъ здѣсь поговоришь, посовѣтуешься? ... Объ тятенькѣ и старшемъ братѣ и говорить нечего ... Зять съ сестрой въ другую сторону тоже смотрятъ ... Приказчики всѣ прощалыги: тятенькѣ да зятю потрафить норовятъ, да объ карманѣ своемъ думаютъ ...

И народъ кругомъ дикой, грубой, либо мазура прожженая ... Къ тычкамъ да ругательствамъ всѣ пріучены ... да кромѣ своего дѣла, и знать ничего не хотятъ и не поймутъ ничего ... Есть, правда, одна барышня, дѣтей у зятя — племянниковъ — учитъ, съ ней еще можно душу отвести, поговорить ... Ученая, начитанная ... и знаетъ, и читаетъ много! ... А все-таки женщина! ... Да и говорить-то съ ней надо съ оглядкой, чтобъ не подумали чего, а то какъ разъ ее-то изъ дома прогонятъ ни за что, ни про что ... Вотъ такъ одинъ - одинешенекъ и живешь ... не живешь, а киснешь! ... Такъ и чувствуешь, что день за днемъ все тебѣ постылѣетъ, и все хорошее въ тебѣ опускается, пропадаетъ ... Да вотъ еще того и жду, что женятъ на какой-нибудь толстухѣ богатой, а тутъ новая родня на тебя насядетъ ... Вотъ и всѣ твои замыслы хорошіе къ чорту! ...

— Какъ женятъ, Александра Кузьмичъ? ... У васъ, чай, не какъ въ мужицкомъ роду, да нынче и у насъ ужъ рѣдко неволятъ жениться-то, а у васъ, чай, и подавно: не захотите, такъ кто васъ женитъ? ...

— Да еще какъ женятъ-то! ... Велитъ тятенька, а то скажетъ: всякаго наслѣдства лишу, коли не послушаешься ... Вотъ и женишься, хоть и невѣста не больно по мысли будетъ! ... У насъ тятенька, коли ужъ что задумалъ да захотѣлъ, такъ сдѣлаетъ по-своему, какъ ему надо ... Никого не пожалѣетъ! ...

— Да доведись до меня, такъ я лучше бы ото всего отказался, чѣмъ далъ себя женить по-неволѣ ... Чтой-то, Александръ Кузьмичъ! ... Нынче вонъ и дѣвокъ-то, такъ не всякую по-неволѣ замужъ выдашь: и тѣ стали свои права узнавать да упираться ...

— Тебѣ хорошо говорить: ото всего бы отказался! ... Ты и получилъ-то бы не много, да и самъ на себя надѣешься: своими руками заработаешь, можетъ быть, еще больше ... А тутъ какихъ капиталовъ лишишься, да и на себя-то понадѣяться нельзя: что я безъ денегъ подѣлаю? Ни къ чему я не пріученъ, ничего не умѣю, ничего не знаю! ... Не въ приказчики же мнѣ идти, да никто не возьметъ, а и возьмутъ, такъ развѣ только насмѣхъ да на показъ, что вотъ, молъ, у меня Кошатникова сынъ въ приказчикахъ служитъ ... А тутъ все-таки думается, что какъ деньги въ рукахъ будутъ и воля своя, такъ и людямъ добро какое-нибудь сдѣлаешь ... Нѣтъ, въ нашемъ положеніи безъ денегъ никакъ нельзя: въ деньгахъ родился, въ деньгахъ и жить нужно, а безъ денегъ хуже послѣдняго человѣка сдѣлаешься ... Мы если и людьми кажемся и для людей что-нибудь дѣлаемъ, такъ не сами собой, а только черезъ свои деньги! ... Женятъ, братъ, женятъ! ... Найдетъ тятенька невѣсту подходящую и женитъ! ... Да я и упираться не буду, потому, по крайней мѣрѣ, послѣ того ужъ какое-нибудь отдѣльное дѣло дастъ, а, можетъ быть, и всю фабрику препоручитъ: у насъ женатому человѣку всегда больше вѣры дается, да и женины родные будутъ поддерживать, требовать, чтобы не все изъ отцовской руки зять смотрѣлъ, а и свое имѣлъ собственное ...

— Чудеса это вы мнѣ разсказываете! — раздумчиво проговорилъ Ѳедя ...

— Нѣтъ, не то чудеса, а вотъ чудо: встрѣтилъ я тебя въ первый разъ и точно меня что къ тебѣ потянуло, сразу всю свою душу тебѣ открылъ ... Даже самому удивительно! ... Не знаю вѣдь я

тебя совсѣмъ, а точно съ давнишнимъ пріятелемъ разговариваю ...

— На томъ благодарю васъ, Александра Кузьмичъ ... У меня у самаго къ вамъ сразу сердце легло ...

— Нѣтъ, ты мнѣ давеча понравился, что бойко, безъ униженья и поклоновъ, ты съ тятенькой разговаривалъ ... Признаться тебѣ сказать: любо мнѣ было и то, что онъ, вижу, сердится ... ужъ я знаю его! ... А ты точно и вниманія не обращаешь, говоришь свое да прямо въ глаза ему смотришь ... Онъ этого на смерть не любитъ! ... Я самъ его боюсь, а люблю, какъ онъ натыкается на людей, что его не боятся! ... Да и это вотъ еще меня больше потянуло къ тебѣ, что ты до всего самоучкой дошелъ: и машины выдумываешь, и физику всю самъ прошелъ, безъ училища ... И старикъ-отъ этотъ твой славный и какъ тебя расхваливалъ! ... А слушай, Ѳедоръ, я тебѣ скажу по секрету: у насъ механикъ плохой, чухна какой-то, наши давно толкуютъ, что нужно механика перемѣнить, и коли ты все хорошенько поймешь и съ машиной управляться выучишься ... увидятъ они это: тебя навѣрно сдѣлаютъ механикомъ ... Только ты молчи, ничего не говори и виду не показывай, что я тебѣ сказалъ ... Я видѣлъ, что и отецъ, и зять рады тебѣ, а жалованьемъ нажать на первое время все-таки хотятъ: вотъ мнѣ досадно и стало ... Я и пошелъ за тобой, чтобы тебя поддержать ... Да вотъ какъ разговорились! ...

Вся эта бесѣда между молодыми людьми, начавшаяся дорогой по фабричному двору къ главному корпусу, гдѣ находилась особенная контора и кабинетъ директора, продолжалась въ этомъ кабинетѣ, гдѣ они сидѣли въ ожиданіи прихода Дмитрія Тимоѳеича, занятаго на фабрикѣ. Эта небольшая ком-

натка, въ которую, кромѣ директора, имѣлъ право входа только Александръ Кузьмичъ, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, окна ея выходили на фабричный дворъ и были открыты. При послѣднихъ словахъ молодого Кошатникова снаружи у одного изъ оконъ послышался женскій голосъ, звавшій Дмитрія Тимоѳеича. Александръ Кузьмичъ быстро подбѣжалъ къ окну.

— Я пошла гулять съ дѣтьми ... Лизавета Кузьминишна велѣла зайти сказать Дмитрію Тимоѳеичу ... Его нѣтъ, что ли, тутъ? — спрашивалъ женскій голосъ.

— Нѣтъ ... А вамъ что же велѣно сказать? ... Да заходите сюда: онъ сейчасъ придетъ.

— Да вы думаете важное, что ли, что? ... Это и вы можете передать ему, оно и васъ касается: что обѣдать будутъ сегодня пораньше получасомъ, такъ чтобы не опаздывали — приходили ...

— Почему же такъ? ...

— Ну, ужъ этого я не знаю ... Кажется, дѣло въ воздушномъ пирогѣ, — опасаются, чтобы не сѣлъ или не перешелъ ... А впрочемъ — досконально не знаю ...

— Да все равно, вы заходите сюда ...

— Зачѣмъ?

— Потолкуемъ ... Я вамъ покажу, познакомлю съ однимъ человѣчкомъ.

— Съ какимъ? ...

— Ужъ съ хорошимъ ... Заходите ...

— Я съ дѣтьми ...

— Тѣмъ лучше ...

— Да! ... На случай подозрѣній и слѣдствія: не было ли предварительной стачки ... на рандеву ... и какъ оно состоялось? ... Хорошо, зайду ...

Послышался бойкій женскій смѣхъ. Александръ Кузьмичъ отошелъ отъ окна къ Ѳедѣ.

— Это та самая барышня, про которую я говорилъ тебѣ ... Она гувернантка, учительница у дѣтей Дмитрія Тимоѳеича, у моихъ племянниковъ. Я хочу тебѣ ее показать, познакомить васъ ... Она говоритъ, что ужасно простой народъ любитъ, и старается сближаться съ нимъ и изучать его ...

Ѳедя ни слова не сказалъ и конфузливо одернулъ на себѣ поддевку.

Въ комнату быстро вбѣжала дѣвушка лѣтъ за 20, высокая, худая, некрасивая, но съ очень добрыми, смѣло смотрящими глазами, съ бойкими, нѣсколько рѣзкими движеніями.

— Ну, здравствуйте, — говорила она, входя. — Я свидѣтелей оставила у подъѣзда: что съ ними таскаться, скучно!... Да я и сама на минутку ... Ну, что же?... Съ кѣмъ вы хотѣли меня познакомить?...

Она оглянула комнату и остановила глаза на Ѳедѣ.

— А вотъ съ нимъ, — отвѣчалъ Александръ Кузьмичъ, указывая на Ѳедора. — Самоучка механикъ, машины выдумываетъ ... Физику изучилъ самъ, безъ учителя ... Поступаетъ къ намъ на фабрику ...

Ѳедя покраснѣлъ и неловко, конфузливо поклонился.

— Здравствуйте, — проговорила барышня и порывистымъ движеніемъ, по-мужски, протянула ему руку. Ѳедя нерѣшительно, подалъ свою.

— Будьте знакомы ... Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь меня, — говорила гувернантка, не выпуская руку Ѳеди и крѣпко сжимая ее. — Не думайте, что я барышня ... Я такая же работница, какъ и

вы, также своими мозгами, своимъ трудомъ промышляю себѣ хлѣбъ насущный ... Мы съ вами не то, что вотъ эти господа. — Она указала на Александра Кузьмича и продолжала:

— Они вѣдь паразиты, чужеядные, живутъ чужимъ трудомъ ... У нихъ хоть и туго набиты мѣшки, хоть они и задыхаются отъ жира, а все-таки сила въ насъ, въ пролетаріяхъ, а не въ нихъ ... Вы знаете, что значитъ пролетарій, пролетаріатъ? ...

— Слыхалъ ...

— Ну, такъ вы согласны, что сила не въ деньгахъ, а въ рабочихъ рукахъ, не въ капиталѣ, а въ трудѣ? ... Къ сожалѣнію, эта мысль до сихъ поръ еще не проникла въ массу, и потому деньги и капиталъ до сихъ поръ господствуютъ и управляютъ; но для насъ-то съ вами, передовыхъ людей изъ рабочихъ, она должна быть понятна и должна поддерживать и ободрять насъ ... Вы согласны со мной? ...

— Объ этомъ надо говорить много и обстоятельно, — уклончиво отвѣтилъ Ѳедя.

Гувернантка усмѣхнулась.

— О, сейчасъ по отвѣту видно холодную, методическую, математическую голову! ... Я васъ сразу опредѣлила себѣ ... Но это, конечно, не значитъ, что вы со мной не согласны ... А поговорить обстоятельно я, конечно, очень желаю и когда-нибудь найдемъ время, только не теперь ... Я знаю, что вотъ даже Александръ Кузьмичъ, который по общественному положенію долженъ бы стоять въ оппозиціи къ намъ, держится моего мнѣнія ... За это ему честь и слава! ... А все-таки мы съ вами можемъ быть больше товарищи, чѣмъ съ нимъ, потому что мы труженики, а онъ — паразитъ, бѣлоручка! ... И

онъ тогда только сравняется съ нами, когда начнетъ свою службу народу, намъ, труженикамъ-рабочимъ, о которой онъ пока только мечтаетъ ... Однако мнѣ пора, господа ... Вы здѣсь будете жить на фабрикѣ?

— Да, здѣсь ...

— А какъ же васъ зовутъ?

— Ѳедоръ Чернушкинъ, — отвѣтилъ за него Александръ Кузьмичъ, — а ихъ — Алена Николавна.

— Да, именно: Алена, а не Елена ... Елена — барышня, а Алена — работница; я не хочу быть барышней! ... Если вамъ нужны будутъ книги, обращайтесь ко мнѣ ... У меня есть и Милль, и Бокль, и Дарвинъ ... Все, что̀ хотите ... А если читаете на иностранныхъ языкахъ, такъ есть Ренанъ, Марксъ, Лассаль, Контъ ... Есть и изъ новѣйшихъ ... по секрету! ... Дамъ и ихъ, только надо очень осторожно! ... Александръ Кузьмичъ, что̀ бы сказалъ вашъ тятенька, если бы узналъ и понялъ: какіе горючіе матеріалы, какіе ужасы хранятся въ его домѣ ... какія идеи въ головѣ воспитательницы его внучатъ! ...

Алена Николавна засмѣялась. Кошатниковъ улыбался.

— Ну, однако, прощайте, господа ... Меня мои птенцы ждутъ ... Еще, надѣюсь, найдемъ время сойтись и потолковать ... А толковать, я вижу, намъ много еще придется! ... Хоть Александръ Кузьмичъ и рекомендуетъ васъ, — обратилась она къ Ѳедѣ, — подавая ему руку, — но вѣдь онъ еще юноша, способный къ увлеченію: мнѣ нужно самой васъ позондировать и, можетъ быть, во многомъ поспорить и наставить на путь истинный ...

— Онъ разсказывалъ,—замѣтилъ Кошатниковъ,—

что у него пріятель — учитель въ ихнемъ селѣ, который развивалъ и вліялъ на него ... касался всѣхъ вопросовъ ... Какъ видно, тоже изъ передовыхъ ...

— Какъ зовутъ? — спросила гувернантка.

— Василій Якимычъ ...

— Нѣтъ, фамилія?

— Проскуровъ.

— Не слыхала ... Изъ семинаристовъ или изъ университетскихъ? ...

— Онъ былъ въ разныхъ училищахъ, — отвѣчалъ Ѳедя. — И въ университетѣ былъ, и въ доктора хотѣлъ идти ... И еще въ институтѣ ... И простымъ рабочимъ былъ: кулье таскалъ ...

— А-а ... Это интересно! ... Надо бы съ нимъ сойтись ...

— Вотъ впослѣдствіи, черезъ него, — сказалъ Александръ Кузьмичъ, указывая на Ѳедю.

— Непремѣнно, непремѣнно ... Чѣмъ больше людей, тѣмъ лучше! ... Мы здѣсь съ Александромъ Кузьмичемъ точно въ звѣринцѣ заперты ... Вотъ я полгода уже живу здѣсь, а еще только перваго настоящаго человѣка онъ мнѣ показываетъ — васъ! ... А то все или звѣри, или несчастные, полу-люди, которымъ не втолкуешь никакой человѣческой идеи ... А нужно, нужно дѣйствовать, втолковывать ... для ихъ же блага ... Людей, людей, нужно больше! ... Одна, да еще подъ такимъ надзоромъ, при такой обстановкѣ, какъ моя, ничего не сдѣлаешь, а дайте мнѣ товарищей, настоящихъ людей ... о, тогда много можно сдѣлать пользы! ... Можно и этихъ несчастныхъ превратить въ людей! ... Трудно, тяжело, — я это знаю, но возможно! Вотъ гдѣ нужна и мудрость змѣи, и кротость голубя! ... Служить народу, жить, работать для его блага, для его счастья,—

какая задача можетъ быть выше этой? ... И, со своей стороны, я готова на эту службу: это цѣль моей жизни, мое призваніе! ... Вы знаете, Александръ Кузьмичъ! ... Спасибо вамъ, что показали новаго товарища ... Давайте, давайте сюда и вашего учителя ... Однако, прощайте ... Если нужно будетъ какихъ книгъ, вотъ скажите Александру Кузьмичу, я черезъ него перешлю къ вамъ ...

При послѣднихъ словахъ отворилась дверь и въ ней показался Дмитрій Тимофеичъ. Онъ не могъ скрыть изумленія и неудовольствія при встрѣчѣ съ гувернанткой и даже невольно пріостановился у дверей. Алена Николавна нисколько не смутилась и, оборвавши свою рѣчь, быстро пошла къ нему на встрѣчу.

— Я зашла сюда по порученію Лизаветы Кузьминишны. Она просила сказать вамъ, чтобы пораньше приходили обѣдать ...

— Развѣ ей некого было, кромѣ васъ, послать съ этимъ? — спросилъ Дмитрій Тимофеичъ, искоса поглядывая на зятя и Ѳедю.

— Я шла гулять съ дѣтьми, она и просила зайти по дорогѣ ...

— Хорошо-съ ... А гдѣ же дѣти? ...

— Я ихъ оставила у крыльца ... Я забѣжала только на одну секунду ... Я сейчасъ иду къ нимъ ...

— Да-съ, пожалуйте ... Дѣтей не слѣдуетъ оставлять однихъ: къ тому вы приставлены ... за ними назирать! ...

— Да вѣдь Лиза же ихъ просила зайти, — вмѣшался Александръ Кузьмичъ.

— Слышу-съ я это ... Очень хорошо-съ, придемъ ... Я только на-счетъ дѣтей ... Сшалить могутъ какъ неблагородно безъ васъ: я только къ тому ...

— Такъ вѣдь я же и иду къ нимъ ... Странно, право! — проговорила Алена Николавна съ недовольнымъ видомъ и вышла.

— Тебѣ что надо здѣсь? — круто оборотился Дмитрій Тимофеичъ къ Ѳедѣ, проводивъ гувернантку глазами. — Зачѣмъ ты сюда залѣзъ? ...

— Это я его привелъ, чтобы подождалъ тебя, братецъ, — отвѣчалъ за Ѳедю Александръ Кузьмичъ. — Тятенька велѣлъ ему къ тебѣ идти ... Надо же ему сказать: куда ему вставать на работу и когда? ...

— Что же такъ очень скоро нужно? ... Могъ бы, кажется, и подождать ...

— Да онъ и ждалъ ...

— Что здѣсь, братецъ, за мѣсто ему ждать ... На лѣстницѣ бы могъ подождать али тамъ у крыльца, у конторы ...

— Ну, ужъ это я виноватъ: кликнулъ его сюда ... Захотѣлось поговорить съ нимъ, распросить его обо всемъ ... Къ чему же ты его, братецъ, приставишь теперь? ...

— Къ машинѣ тятенька говорилъ, и онъ просился ... Да тамъ теперь народъ въ полномъ комплектѣ ... Нечего ему дѣлать будетъ: не зря же ему шататься ... А покамъ мѣсто откроется, онъ по столярной части хвалился, что знаетъ, такъ пускай рамы пригоняетъ въ новую стройку ... А тамъ видать будетъ ... Столяръ же запилъ у насъ ... Пускай поработаетъ покамъ за него ... Вотъ! ...

— Мнѣ куда прикажете: все одно, — проговорилъ Ѳедя.

— Значитъ, въ мастерской ему и жить можно? ...

— Пускай живетъ: мѣста не жалко, только чтобы харчи свои ...

— А вѣдь столяръ-то у насъ, кажется, по-штучно работаетъ? ...

— Такъ что же, братецъ ... Съ тѣмъ такая ряда ... А этотъ мѣсячнымъ поступилъ, пускай помѣсячно и работаетъ ... Мы совѣсть его посмотримъ: сколько онъ сдѣлаетъ для хозяина-то ...

— Буду стараться, Дмитрій Тимофеичъ, сколь можно ... Не прогуляю! ...

— Ну, ужъ ладно ... Слыхали мы это довольно ... Ступай къ конторѣ, жди тамъ меня ... Когда зайду, распоряженіе сдѣлаю на-счетъ тебя ... А съ завтрева на работу встанешь ... Ступай.

Ѳедя поклонился и вышелъ на фабричный дворъ, совершенно отуманенный разнообразными впечатлѣніями дня: окрикъ милостиваго и благотворительнаго Кузьмы Иваныча, видимое, ничѣмъ не заслуженное нерасположеніе директора фабрики, неожиданная пріязнь, откровенность и покровительство хозяйскаго сына, знакомство и странныя рѣчи барышни-гувернантки, несбывшіеся разсчеты на немедленный хорошій заработокъ и большія надежды въ будущемъ, не оставлявшая его ни на минуту тоска о Паранѣ и желаніе поскорѣе ее видѣть, — и въ то же время сознаніе необходимости отложить это свиданіе до ближайшаго праздника, — все это дѣйствовало на душу юноши точно тяжелый кошмаръ, подъ тяжестью котораго онъ какъ будто потерялъ и волю, и свободу, и полное сознаніе. Онъ чувствовалъ, что сразу попалъ въ какую-то новую колею жизни, что какъ будто у него разорвалась связь со всѣмъ прошедшимъ, дорогимъ и милымъ, а будущее, которое уже невозвратно захватило его, казалось такимъ неяснымъ и туманнымъ, и страшнымъ ... Онъ былъ въ такомъ состояніи, что хотѣлъ бы убѣжать безъ оглядки съ

этой фабрики, куда такъ манили его радужныя надежды, но чувствовалъ, что не можетъ уже уйти, что какъ-бы прикованъ къ ней какими-то невидимыми цѣпями ... Страшная тоска и смущеніе напали на него, когда онъ шелъ по фабричному двору къ конторѣ, а непривычные для его слуха и глазъ шумъ, гамъ, суетня и движеніе фабричной жизни еще усиливали это смущеніе ... Недалеко отъ конторы онъ встрѣтилъ Ѳедота Семеныча, который поджидалъ его.

— Чтой-то съ тобой? ... Обидѣли, что ли, тебя али вовсе отказали? — спросилъ его старикъ, участливо вглядываясь въ него.

— Нѣту, никто не обидѣлъ ... Велѣли оставаться: принимаютъ ...

— А что же?

— Такъ это, съ непривычки, видно: больно здѣсь людно и шумно, и хлопотно ...

— Да, ужъ, братъ, не какъ у насъ въ деревнѣ ... Здѣсь что твой городъ! ... Да вонъ мнѣ и самому больно не по мысли иное что показалось ... Покамъ ждалъ, такъ ходилъ я, посматривалъ: новая фабрика, а ужъ около нея три кабака да два трактира ... Поговорилъ: жалуются рабочіе, что заработки малы, плохо хозяева платятъ, а въ кабаки то и дѣло народъ шныряетъ, въ трактирахъ пѣсни горланятъ, на гармоніи играютъ ... Что-жъ онъ изъ этихъ заработковъ малыхъ, послѣ этихъ трактировъ, домой-то принесетъ! ... Не поискать ли, Ѳедя, другого мѣста? ... Не погодить-ли? Не подумать ли?

— Нѣтъ ужъ, Ѳедотъ Семенычъ, что же, надо попытать перваго счастья! ... Что ходить да искать? ... Спасибо, дай Богъ вамъ здоровья и за эти хлопоты. Безъ васъ бы и того не было! ...

— Да нѣтъ, братъ, я не того ждалъ... Не по мысли мнѣ, не показался мнѣ сегодня Кузьма Иванычъ ...

— За то сынокъ у него ... душевный, золотой парень! ...

И Ѳедя разсказалъ о своей бесѣдѣ съ Александромъ Кузьмичемъ, о его ласкѣ, добротѣ и обѣщаніяхъ. Ѳедотъ Семенычъ очень этимъ заинтересовался и просилъ подробно разсказать обо всемъ, что и какъ говорили съ хозяйскимъ сыномъ. Ѳедя исполнилъ его желаніе, но почему-то вовсе умолчалъ о встрѣчѣ и знакомствѣ своемъ съ хозяйской гувернанткой.

— Ну, такъ оставайся инъ, Ѳедя ... Богъ милостивъ! ... Правда, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей! ... Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, твоя судьба и твое счастье здѣсь показаны ... Посылай поклоны ... Да на вотъ возьми на первое обзаведенье: денегъ-то, чай, въ умаленьи у тебя ...

— Полно, Ѳедотъ Семенычъ, мнѣ ужъ и совѣстно брать-то, право, — говорилъ Ѳедя, отстраняя рукою красненькую бумажку, которую подавалъ ему Ѳедотъ Семенычъ.

— Ничего, возьми ... ты не пропьешь, не прогуляешь, знаю, а припрячешь: на нужду когда и будетъ ... Можетъ, будешь и много получать, а все вспомнишь, что въ первой нуждѣ твоей моя копѣйка выручила, а мнѣ-то и любо, больше ничего и не нужно ... Твоя послуга не того бы стоила, да знаю, больше не возьмешь, такъ хошь этимъ утѣшь, — не откажись, возьми ...

Ѳедя благодарилъ старика и въ то же время думалъ о Паранѣ и радовался, что онъ придетъ къ ней не съ пустыми руками.

Съ грустнымъ, тяжелымъ чувствомъ провожалъ Ѳедя Ѳедота Семеныча и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, въ ту сторону, гдѣ жила и, можетъ быть, ждала его Параня ...

— Ѣхать бы давеча вмѣстѣ съ нимъ ... Выдумать предлогъ какой, отпроситься бы дня на два и зайти бы ... зайти въ Онучино ... Хоть бы взглянуть, хоть бы узнать! ...

Но Ѳедотъ Семенычъ давно скрылся. Ѳедя вздохнулъ и оглядѣлся кругомъ. На встрѣчу ему шелъ въ контору Дмитрій Тимофеичъ и, подходя, искоса и недружелюбно смотрѣлъ на Ѳедю. Тотъ въ свою очередь вопросительно смотрѣлъ на него.

— Все васъ поджидалъ. — сказалъ Ѳедя, когда директоръ поровнялся съ нимъ.

— А ты, дуралей, знай, что когда съ директоромъ встрѣчаешься, такъ шапку-то загодя снимай, да не смѣй безъ дѣла заговаривать ... А коли ты это съ важности да съ зазнайства шапки-то не ломишь, такъ убирайся къ чорту! ... Много этакой дряни у насъ и безъ тебя! ... Намъ смирныхъ нужно да уважительныхъ ... Слышалъ? ..

Дмитрій Тимофеичъ оглянулся и сурово посмотрѣлъ на Ѳедю.

— Извините ... Я не зналъ, — бормоталъ сконфуженный юноша, берясь за шапку.

— То-то, не зналъ! ... Такъ знай! ... Давеча прошелъ, — онъ точно и не видитъ ... И теперь — встрѣтился носъ къ носу, — шапочки не ломитъ да еще заговариваетъ, точно со своимъ братомъ ... Ужъ, кажется, даве далъ окликъ Кузьма Иванычъ: надо бы понять ... А онъ ровно и ни по чемъ ... Смотри, парень: намъ такихъ не надо! ... Будь смиренъ и почтителенъ! ... Стой тутъ, жди какъ кликну.

Дмитрій Тимофеичъ скрылся за дверью конторы, Ѳедя остановился у крыльца. Въ душѣ его кипѣла горькая обида и досада ... Онъ сдѣлалъ-было даже движеніе уйти совсѣмъ, но ... вспомнилъ Параню,— и остался.

Часть третья.

I.

Въ домѣ Ѳедота Семеныча дѣла шли по прежнему неладно: Кирилла почти не работалъ, часто пропадалъ куда-то изъ дома, нерѣдко возвращался пьяный, вообще былъ мраченъ, молчаливъ и озлобленъ; съ женой почти не говорилъ, отворачивался отъ нея, и на ея робкіе вопросы отвѣчалъ или бранью, или насмѣшкой. Послѣ извѣстнаго разговора съ матерью, когда онъ признался ей въ своей нелюбви къ женѣ и въ намѣреніи уйти изъ дома, онъ уклонялся и отъ бесѣды съ Ѳедосьею Осиповной, отъ ея ласкъ и материнскихъ нѣжныхъ заботъ: изъ нѣкоторыхъ намековъ старухи онъ замѣтилъ, что если она не знаетъ ничего опредѣленнаго объ его новыхъ отношеніяхъ и намѣреніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, что-то подозрѣваетъ, желаетъ выспросить его и повліять на него въ пользу жены. Кирилла замѣтилъ также, что старуха-мать стала снисходительнѣе и ласковѣе къ Аннѣ и даже раза два вступилась за нее, когда онъ къ ней придирался. Это сердило Кириллу и онъ сталъ избѣгать матери, что̀ очень ее огорчало и мучило. Она твердила Аннѣ, что надо непремѣнно поскорѣе сходить въ знахаркѣ, но нужно было это сдѣлать, разумѣется, такъ, чтобы не зналъ ни мужъ, ни Ѳедотъ Семенычъ. Въ ближайшее воскресенье вы-

пало такое благопріятное время: Ѳедотъ Семенычъ уѣхалъ дня на два по дѣламъ волости, а Кирилла, тотчасъ послѣ его отъѣзда, собрался уходить изъ дома, и на вопросъ матери: придетъ ли обѣдать? — отвѣчалъ, чтобы не ждали ни обѣдать, ни ужинать...

— Куда же ты это, Кирюшенька, пропадетъ на цѣлый день? — спросила-было мать.

— Да что я, малолѣтокъ, что ли, сказываться вамъ? — огрызнулся Кирилла. — Куда вздумается, туда и пойду ... Не съ вами ли сидѣть да бобы разводить? ... То-то любо, подумаешь! ...

И онъ ушелъ, хлопнувши за собой дверью.

И мать, и жена замѣтили, что онъ жирно намазалъ масломъ волосы на головѣ, долго расчесывалъ ихъ передъ зеркальцемъ, надѣвъ новую ситцевую рубашку, хорошую поддёвку и новые сапоги.

Онѣ переглянулись между собой, когда дверь за нимъ захлопнулась, и нѣкоторое время, молча грустно поглядывая одна на другую, прислушивались къ шагамъ Кирилла на мосту и по лѣсенкѣ крыльца.

— Опять, видно, къ своей пошелъ ... къ подлой, — вздохнувши, проговорила Анна, когда не стало слышно шаговъ мужа. — Ахъ, ты, Господи, Господи! ... Опять, поди, что-нибудь понесъ къ ней ... Давно ли овесъ обмолотили, ужъ весь, почитай, продалъ, а гдѣ денежки — не вижу ... Ахъ, горе наше, горе! ...

— Сходи, дурочка, къ гадалкѣ ... Сходи, говорю ... Вотъ теперь ни его, ни отца цѣлый день не будетъ, никто не хватится ... Сбѣгала бы тѣмъ часомъ сичасъ, — говорила Ѳедосья Осиповна.

— Да съ чѣмъ я, матушка, пойду? ... Къ гадалкѣ съ пустыми руками не пойдешь, а у меня мѣдной копѣйки нѣтъ ...

— Дамъ я тебѣ, дурочка, дамъ ... Двѣ двугривенныхъ дамъ, только сходи ... Погадаетъ, — только одну двугривенну дай, а скажетъ что въ пользу али снадобья дастъ, и другую отдай ... Цѣлковый-рупь обѣщай, коли попроситъ, только бы *дала* да пользу сдѣлала, — и рубля не пожалѣю, дамъ ... А то еще маслица да яичекъ захвати, — подашь, какъ придешь, чтобы ее поманить-то, чтобы гадала-то хорошенько ... Собирайся да поди, говорю ...

— Больно мнѣ страшно да и стыдно никакъ ... Гдѣ ее найдешь, какъ взойдешь, что скажешь? ... Срамотушка! ...

— То-то, дурочка ... А ты спроси меня какъ ... Порхачево знаешь? ... Иди прямо въ Порхачево, а придешь: спроси гадалку Арину,—укажутъ ... Станутъ спрашивать: почто нужно? Скажи: пропажа въ дому сдѣлалась ... Она и на пропажу раскладываетъ ... А къ ней придешь, поклонись пониже, да на поклонъ-то подай перво, что принесешь, да попроси погадать ... А станетъ пытать: о чемъ?.. Ну и скажи о судьбѣ своей и все свое горе открой, ничего не таи ... Съ ней таиться нечего ... Все равно ей карта все покажетъ: онѣ таки люди, имъ видно!.. Узнаетъ она, кто такая, такъ проси отворота, а не узнаетъ, не покажетъ карта: на себя приворота проси ...

— А не грѣшно, матушка? ...

— Кабы ты дѣвка была али на чужого человѣка приворота просила, то грѣхъ, и я бы тебя не посылала, а ты объ своемъ законѣ тужишь, мужа воротить хочешь ... Какой тутъ грѣхъ, дурочка!.. Развѣ бы я стала посылать тебя, коли бы грѣшно-то было? ... Чай, я сама крещеная: грѣха-то боюсь не

меньше тебя ... Ступай-ка, ступай скорѣй, безъ сумленія, покамъ время есть ...

— До Порхачева-то вѣдь, матушка, верстъ пятнадцать, что больше: туда да назадъ болѣ тридцати будетъ ... Пѣшая то я скоро ли сбѣгаю: ближе ночи не ворочусь ... А какъ онъ придетъ, а меня нѣтъ ...

— Такъ что же? И того лучше: лошадь-то дома ... Лошадь возьми, заложи да и поѣзжай ... Вотъ!.. И того лучше: на лошади съѣзди ... Дай карькѣ то овсеца, да и сама бы перекусила ...

— Ну, ужъ мнѣ и кусокъ-отъ въ горло нейдетъ ... Вотъ карькѣ развѣ овсеца дать и вправду покамъ, — отвѣчала Анна и стала поспѣшно собираться.

Опустя глаза, стараясь смотрѣть въ сторону, проѣзжала Анна черезъ свою деревню: она боялась, что кто нибудь изъ сосѣдокъ остановитъ ее, станетъ разспрашивать: куда поѣхала, и она не съумѣетъ отвѣтить такъ, чтобъ не возбудить подозрѣнія, не обратить особеннаго вниманія на свою поѣздку. Съ жгучимъ, тоскливымъ любопытствомъ, съ надеждою и невольнымъ страхомъ выѣзжала она въ Порхачево. У первой встрѣчной бабы Анна спросила: гдѣ живетъ у нихъ гадалка.

— Гадалка-то? ... Есть, есть такая, — отвѣчала баба. — Живетъ точно ... и гадаетъ ... Сказываютъ, отгадываетъ, точно ... Тебѣ погадать, что-ли?...

— Нечто ...

— Сказывали тебѣ, что-ли, про нее?...

— Нечто.

— Это, стало быть, тетку Арину тебѣ нужно, Арину Панкратьевну ... Такъ ли тебѣ сказывали, — ту?...

— Сказывали только, что въ Порхачевѣ, у васъ живетъ .., Гадаетъ, чу ...

— Ну, есть, есть ... Это она самая и есть ... Тетка Арина ... Больше никакой другой нѣтъ: одна она у насъ гадаетъ ... Бываетъ, сказываютъ, сходится больно хорошо ... Сама-то я не гадывала, не доваживалось, а отъ людей слыхала: одобряютъ, благодарятъ ... А у тебя что же, несчастьице, что ли, повстрѣчалось? ...

— Да ... Въ горницу лазили ... одежу унесли.

— Эко дѣло, матка ... Ну, такъ поѣзжай къ ней, къ теткѣ Аринѣ ... Къ ней прямо поѣзжай: она все тебѣ скажетъ ... А много одежи-то унесли? ..

— Да порядкомъ ...

— Ночью, видать? ..

— Да, ночью ...

— Какъ? Черезъ окно али какъ?

— Окно взломали, — нерѣшительно лгала Анна.

— А собакъ-то развѣ нѣтъ у васъ? .. Неужто не лаяли? .. Али не слыхали, заспали? ..

— Видно, заспали ...

— Эка, дѣвка ... Бываетъ, матка, бываетъ ... Вонъ намедни, не то у насъ, грѣшныхъ: церковь Божію въ Заболотьѣ обокрали, желѣзно окно — и то выворотили да влѣзли ... И сторожъ есть, и часы, говоритъ, выходилъ ночью, билъ, а не слыхалъ ... Много, чу, сказываютъ, унесли денегъ изъ сундука ... Такъ тебѣ къ Аринѣ Панкратьевнѣ, къ ней самой ... Она те все скажетъ ... Оченно ее благодарятъ ...

— Въ коемъ же дому она живетъ-то? ...

— А вотъ ея изба-то: на проулкѣ-то ... На самомъ на проулкѣ ... Вонъ видать ... Вотъ это

самый ея домъ и есть ... Къ нему прямо и поѣзжай ...

— Покорно благодарю ...

— Не на чемъ, чтой-то ... Вотъ, она самая тутъ и живетъ ... тетка Арина ... Къ ней прямо и поѣзжай ... Хоть у воротъ лошадь то покинь, а то у крыльца привяжи — все равно ... Какъ же ... гадаетъ, гадаетъ ... Ступай къ ней ...

Анна еще разъ поблагодарила словоохотливую бабу и поѣхала по ея указанію. Она остановилась у крыльца небольшой, но прочной и исправной избы.

Поднимаясь по лѣсенкѣ на крылечко, Анна чувствовала, что отъ волненія у нея захватывало дыханіе, дрожали руки и ноги. Въ сѣняхъ ее встрѣтила благообразная, степенная женщина, съ умными, проницательными глазами, одѣтая въ темное платье и повязанная чернымъ платкомъ.

— Милости просимъ, матушка ... Милости просимъ, пожалуй сюда, — привѣтливо говорила она, отворяя дверь въ избу и освѣщая темныя сѣни. Входи, небось ... Не сумнѣвайся, — продолжала она успокоительнымъ тономъ, замѣтя смущеніе Анны.

— Вижу: горе твое великое, несчастье твое тяжкое ... Садись-ка, отдохни ... Вотъ водицы испей, а послѣ и объ дѣлѣ твоемъ поговоримъ ... На-ка, испей ... Моя вода въ пользу тебѣ пойдетъ: съ молитвой, на зарѣ, изъ-за трехъ рѣкъ, съ четвертой черпана, съ молитвой и про тебя налита ... Пей на доброе здоровье ... Отъ этой воды и недугамъ бываетъ облегченіе, и вражій духъ ея не любитъ ... Отвѣдай-ка со крестомъ, съ молитвой ...

Анна перекрестилась и выпила.

— Вижу я: страхъ на тебя напалъ и сумятеніе ... Можетъ, сумнѣніе есть у тебя супротивъ меня, не

думай: все съ молитвой творю, для добра, не для худа ... Худа отъ меня добрымъ людямъ не живетъ, а бываетъ, сами люди худа себѣ наживаютъ, которые люди неблагодарные, облыжные, злоковарные, что придутъ — кланяются, помочи просятъ, слезьми обливаются, а сдѣлаешь имъ, — добра не помнятъ, да еще хулу и поношеніе изрыгаютъ ... Ты не такая: по глазамъ, по лику человѣка я вижу! ... Ну, только говори мнѣ всю правду: въ чемъ твое горе, ничего отъ меня не скрывай ... чтобы вся душа твоя на лицо была ...

— Все, матушка, разскажу, Арина Панкратьевна ... Такъ тебя звать-то? — говорила Анна.

— Я самая ...

— Вотъ прими перво гостинчикъ отъ моей бѣдности ... Не обезсудь ... Да помоги моему горю ...

— Ну, въ чемъ же твое горе-несчастье?.. Сказывай, — спрашивала Арина, спокойно принимая приношеніе Анны и откладывая его въ сторону. — Хоть и знаю я твое горе и безъ твоего сказу, да мнѣ душа твоя нужна чистая, открытая ... Сказывай ...

Анна со слезами разсказала о всѣхъ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, о нелюбви мужа и слухахъ относительно его связи со вдовою. Арина Панкратьевна очень ловкими вопросами поддерживала и направляла этотъ разсказъ.

— Ну, что же ты, чего же ты хочешь? О чемъ просить будешь меня? — спросила она, выслушавъ Анну.

— Погадай ты мнѣ, матушка, Арина Панкратьевна: не покажутъ ли карты мою злодѣйку, да нельзя ли какъ отворотить его отъ нея, чтобы не ходилъ

онъ къ ней, знаться бы пересталъ, а ко мнѣ бы всѣмъ сердцемъ поворотился ...

— Погадать — я погадаю, и что карта скажетъ,— ничего не потаю, все тебѣ открою ... Только вѣдь я не вольна въ картѣ: что хочетъ она, то и показываетъ; мое дѣло только карту понять да разсказать по ней ... Коли покажетъ карта твою злодѣйку— твое счастье, а нѣтъ — не жалуйся ... А только впередъ тебѣ скажу: наврядъ ли покажетъ ... Больно поздно ты пришла, много времени запустила, — огрязъ больно твой-то, заматерѣлъ: теперь если и дать что, не сразу его пройметъ, — можетъ, не одинъ разъ придется тебѣ побывать ко мнѣ да снадобья брать: отъ раза наврядъ ли поможетъ ... А вотъ погоди, — попытаемъ: что карта скажетъ ...

Арина Панкратьевна слазила въ голбецъ и вынесла оттуда завернутую въ тряпицу колоду картъ; но прежде, чѣмъ приступила къ гаданью, вышла и заперла двери изъ сѣней на крыльцо.

— Бѣда нынче народъ-то какой сталъ, — говорила она, возвращаясь и присаживаясь къ столу, — опасаться надо нынче и добро-то дѣлать людямъ ... Вотъ и карты въ голбецъ прячу, и запираюся ... Охо-хо-хо!... Ну, слушай, что тебѣ карта скажетъ ...

Арина Панкратьевна видѣла въ картахъ все то, что узнала уже отъ Анны, — и Анна слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ и принимала ея слова какъ откровеніе, какъ разоблаченіе невѣдомой для нея тайны. То и дѣло она вздыхала и кивала головой въ знакъ согласія или приговаривала: „такъ, такъ, матушка, истинно такъ! Правда это настоящая! Такова моя судьба горькая! — Все самую истинную правду карта показываетъ! ...“

— Да, есть у него кралечка-зазнобушка,—есть!.. Вотъ все коло него выходитъ, какъ ни кидаю, — говорила, между прочимъ, Арина Панкратьевна.

— А какая она, матушка, какая, — не видать? ...

— Изъ себя, надо быть, дородная, румяная; глаза юркіе, зазывистые; рѣчь бойкая, веселая ... И живетъ не такъ, чтобы очень далеко отъ васъ: недалеко — и неблизко же ... И смотри-ка ты: не онъ одинъ увивается около нея ... Есть и еще ... И тянутся они, борются: кто кого перешибетъ, — деньгами ... И несетъ онъ, твой-отъ, несетъ ей, тащитъ, — а-и много! ...

— Ужъ какъ не много! Почитай, вовсе домъ разорилъ, — соглашалась Анна со вздохомъ. — А узнаю я ее коли-нибудь, — увижу?..

— Узнаешь ... Въ долгихъ ли, — не могу сказать, не видно, а узнаешь безпремѣнно ... Отъ нѣкотораго человѣка узнаешь: вотъ около тебя человѣкъ стоитъ, — вотъ видишь? — Онъ тебѣ все и скажетъ ... А вотъ когда узнаешь, приходи ко мнѣ: тогда и подѣлать можно будетъ, — заключила Арина Панкратьевна, смѣшивая карты.

— А теперь развѣ нельзя? — робко и грустно спросила Анна. — Не оставь, матушка, помоги ... Вотъ прими за труды твои ... Не обезсудь.

Анна подала ей два двугривенныхъ.

— Жалко мнѣ тебя, бабочка, только труднаго ты дѣла отъ меня просишь: сказываю тебѣ, глубоко это въ него посажено, — не скоро выгонишь ... Теперь, коли ему дать, больно тяжко ему будетъ: пожалуй, и не снесетъ ...

— Ну, такъ нѣтъ, ему не надо, матушка ... Не надо! ... Ей бы какъ ... Нельзя ли? ...

— И безпремѣнно нужно ее отворотить ... Когда узнаешь ее, приходи тогда ... Можетъ, подѣлаемъ ...

— Матушка, Арина Панкратьевна, я рубля не пожалѣю ...

— Твое дѣло, милая душа, не рублевое ... Кабы за рубль-то этакія дѣла дѣлать, такъ не изъ чего и пачкаться, не изъ чего, при нонѣшнемъ народѣ, и себѣ заботу дѣлать ...

— Сколько же, матушка, прикажешь? ... Только бы силы хватило ... Кажется, ничего не пожалѣю ...

— Я цѣны никогда не уставляю: всякой по силѣ по своей благодаритъ ... А только-что одно скажу: для добрыхъ я добра, для скупыхъ — скупа ... Сама я училась у человѣчка: не даромъ и мнѣ это досталось ... Вотъ тоже добродѣтельный былъ человѣкъ, много людямъ добра дѣлалъ, отъ всякихъ болѣзней пользовалъ, — а не зря же: пройметъ кто его деньгами — сдѣлаетъ, на-чисто поможетъ, выпользуетъ ... Ну, а кто поскупится, благодарности своей не покажетъ въ полное его удовольствіе, — по тому и пользу получаетъ ... Милая душа, вѣдь нонѣ не прежнее время: и мы-то платимся! ... Ты какъ думаешь? ... Нынче вонъ и староста придетъ, — попотчуй, говоритъ: ты гадаешь, людей пользуешь, воровъ показываешь ... краденое находишь ... А нынче, говоритъ, это на-строго заказано, чтобы ни-ни, ни Боже мой, — эвтимъ не заниматься ... Угощай, говоритъ, а то донесу, — суду представлю! ... А тутъ съ тѣмъ же сотскій идетъ ... Волостные — и тѣ навѣдываются ... да пристрастки дѣлаютъ ... И всѣхъ угощай ... Да довольно тебѣ сказать: вонъ, простые ребята деревенскіе,

молокососы, — и тѣ становымъ стращаютъ ... и тѣ могарыча просятъ! ... Вотъ нынче какой народъ-отъ сталъ отчаянный да завистливый! ... Житьто не даютъ, добро-то дѣлать мѣшаютъ! ... Хоть совсѣмъ дѣло бросай и людей отъ себя отганивай ... Да и бросила бы, коли бы не сиротство мое да не нужно было семью кормить, а то — двѣ дочки у меня, а полосы нѣтъ, на сиротскомъ положеніи живу: надо прокормиться, обуться, одѣться ... Да и народа-то жалко, — безотбойно лѣзутъ, ревутъ, просятъ: у того лошадь свели, деньги, одёжу украли, — матушка, покажи; другому недужится, попортили добрые люди, — нельзя ли какъ снять, попользовать; а иной, — вотъ какъ и ты же, — съ горемъ со своимъ, съ большимъ, идетъ: то съ женой, то съ мужемъ не лады; то сведи, то разведи — просятъ ... Ну, какъ не помочь, коли знаешь да умѣешь? ... Думаешь себѣ: отказать, — и передъ Богомъ-то грѣшно! Вѣдь не съ кѣмъ, — со врагомъ борешься! ... Иные думаютъ, по глупости по своей, что мы со врагомъ-супостатомъ заодно, а я тебѣ скажу: нѣтъ врагу-то непріятнѣе меня, потому — я супротивъ него со крестомъ да молитвой ... Да и молитва молитвѣ розь: въ иной однѣ слова, а въ другой — другія; надо знать, которыя слова противъ котораго дѣйствуютъ ... Пожалуй, зря-то читай, которая не слѣдуетъ, — онъ не испугается; а ужъ противъ моей ему не устоять, — сдастся, потому — его отъ нея больнѣй огня жжетъ, сердце у него выжигаетъ! ... Такія есть слова тяжкія, что и саму-то трясетъ, какъ ихъ сказываешь! ... Ну, да ужъ нечего дѣлать: взялась людямъ служить, такъ поднимаешь это на себя, терпишь ... борешься съ нимъ, себя не жалѣешь! ..

Такъ-то, милая! ... Такъ было бы изъ-за чего все это терпѣть-то! ...

— Матушка, Арина Панкратьевна, ты меня не обезсудь: теперь-то нѣтъ со мной ничего ... А вотъ опять пріѣду къ тебѣ, такъ ужъ ничего не пожалѣю: послѣднюю одёженку испродамъ да приду къ твоей милости, поклонюся, — только не оставь, помоги ...

— Пріѣзжай, пріѣзжай ... Вотъ какъ узнаешь ее, такъ и пріѣзжай ...

— А узнаю я ее, матушка? ...

— Ужъ сказано тебѣ, что узнаешь: отъ котораго человѣка не думаешь, не гадаешь, отъ того все и узнаешь ...

— Такъ покорно тебя благодарю за неоставленіе твое ... И отойдетъ это все отъ него, отъ моего-то? Можно все раздѣлать съ той-то, подлой, чтобы не зналъ онъ ее, не ходилъ бы къ ней? ...

— Объ этомъ ужъ впередъ не загадывай, а молись Богу да на меня надѣйся ... Помни мои рѣчи: я не изъ тѣхъ, что слова на-вѣтеръ бросаютъ ... Каждое мое слово къ дѣлу идетъ ...

— Помню, помню, матушка ... Не забуду ... Покорно тебѣ благодарствую. Ровно легче мнѣ стало: такъ на душѣ будто полегчало ... И сама не знаю отчего: отъ рѣчей, что ли, отъ твоихъ? ...

— Какъ ты воды моей отвѣдала, такъ тебѣ и легче стало ... А слова мои сами-по-себѣ ...

— Вѣрно, вѣрно, матушка! ... Дай Богъ тебѣ здоровья и всякаго благополучія ... Прощай, Арина Панкратьевна ... Ужъ я теперь поѣду къ дому: тоже не близко мѣсто ... Прощай, родная ...

Анна ѣхала домой дѣйствительно успокоенная, полная надежды, что Арина Панкратьевна непре-

мѣнно возвратитъ ей мужа. Она думала о томъ, какъ бы только узнать ей поскорѣе разлучницу, и соображала, кто бы это могъ быть тотъ человѣкъ, который нежданно-негаданно откроетъ ей тайну Кириллы.

„Только бы ужъ ее-то узнать, а ужъ отворотуто я выпрошу у Арины Панкратьевны“, думала она дорогой. „Ужъ ничего не пожалѣю, а деньгами ее пройму: десять, такъ десять, — пятнадцать, такъ пятнадцать; шубу продамъ суконную, а ее ублаготворю, только бы сдѣлала ... Все равно, разоряетъ же онъ домъ на ту, а я, по-крайности, для добра же ... Шуба-то дѣло наживное, а какъ онъ вовсето уйдетъ изъ дома, то хуже будетъ ... Кто-жъ бы этотъ человѣчикъ былъ такой? ... Не спросила я, дура: молодъ или старъ? Мужикъ или баба? ... Да нѣтъ: человѣчикъ! сказала: стало—мужикъ ...“

Анна никакъ не ожидала, что случай приготовлялъ ей торжественное подтвержденіе знахарства Арины Панкратьевны, что она встрѣтитъ этого человѣчка еще дорогой и узнаетъ, кто ея разлучница, не доѣзжая еще до дома ...

II.

Ѳедя работалъ на фабрикѣ, въ столярной мастерской, и хотя надежда его попасть въ машинное отдѣленіе не осуществилась сразу, но онъ не былъ особенно недоволенъ своимъ положеніемъ. Онъ работалъ и жилъ одинъ, вдали отъ шума и многолюдства фабричнаго, что̀ вполнѣ совпадало съ его нравственнымъ настроеніемъ: стругая, долбя, склеивая, онъ думалъ постоянно о Паранѣ, и, за этими думами, скучная, однообразная работа кипѣла въ его рукахъ. Изрѣдка заходилъ взглянуть на его работу

Дмитрій Тимоѳеичъ, и хотя никогда не хвалилъ ничего, но не хулилъ и не бранился, а главное скоро уходилъ изъ мастерской, не забывая, впрочемъ, никогда проговорить: „поторапливаться, поспѣшать нужно ... копаешься! ...“ Ѳедя понималъ, что работой его доволенъ строптивый и нерасположенный къ нему за что-то директоръ, и если говоритъ эти послѣднія слова, такъ только для очистки совѣсти, а, можетъ быть, и съ цѣлью вызвать Ѳедю на возраженія, за которыя, конечно, бы ему досталось. По совѣту Александра Кузьмича, онъ старался заслужить если не расположеніе, то снисходительность со стороны директора, и потому или молчалъ на его слова, или скромно говорилъ: „постараюсь, Дмитрій Тимоѳеичъ!“ На что этотъ послѣдній всегда приговаривалъ:

— То-то, постараюсь! ... Старанья-то большого не видно: на словахъ вы только! По-штучно нанять, — жалованья бы не заработалъ! ...

Ѳедя очень хорошо понималъ, что его работа обходится гораздо дешевле, чѣмъ платили мастеру, который работалъ по-штучно, и однажды заикнулся-было:

— Позвольте по-штучно работать, Дмитрій Тимоѳеичъ?

Но тотъ сурово взглянулъ на него и прикрикнулъ:

— Пять разъ, что ли, съ тобой переряживаться: то по-мѣсячно просился, а теперь по-штучно? ...

Уходя, онъ сердито хлопнулъ дверью.

— За что не взлюбилъ меня Дмитрій Тимоѳеичъ? — спрашивалъ Ѳедя у Александра Кузьмича.

— Да не то, что не взлюбилъ, а онъ прокуратитъ надъ тобой, ломается, — отвѣчалъ тотъ. —

Не по мысли ему, что ты прямо къ тятенькѣ прошелъ мимо его, и онъ тебя самъ приказалъ взять ... Ну, да и то: хвалили тебя очень да и самъ видитъ, что ты не чета другимъ рабочимъ: и уменъ, и грамотенъ, и книги разныя читалъ: они этого на смерть не любятъ! ... Полагаютъ, что ты зазнайка, много о себѣ думаешь ... А для насъ, дескать, все равно, каковъ бы ты ни былъ: какъ другіе рабочіе, такъ и ты отъ насъ кормишься, жалованье получаешь ... Значитъ, ты меня уважай, а мнѣ тебя уважать не приходится! ... Къ тому же, вотъ ты порядковъто нашихъ не зналъ, въ шапкѣ передъ нимъ стоялъ, заговаривалъ точно съ равнымъ ... Я съ нимъ о тебѣ говорилъ, онъ такъ тебя и понимаетъ, что въ тебѣ форса много, уважительности нѣтъ никакой: посбить, говоритъ, надо спѣси съ него ... Намъ, говоритъ, рабочіе нужны, а не физика его! ... Ужъ лучше бы ты не говорилъ имъ, что физику знаешь: покоя она имъ не даетъ ... За нее больше тебя и пропекаетъ ... Извѣстно: невѣжество! ... Сами ничего не знаютъ, не понимаютъ, — еле пишетъ ... Вотъ и обижается, что простой рабочій умнѣе и больше его знаетъ ... Другое дѣло, какъ бы ты прямо въ механики или въ колеровщики поступилъ, да много зналъ, ну, это имъ нужно, тутъ бы они тебя уважали ... А то простой рабочій, да еще съ физикой и механикой! ... Какъ его не осадить? ... Непремѣнно надо осаживать, чтобы не зазнавался! ... Разбалованы мы больно ... У насъ вѣдь, братъ, просто: и зуботычину, и трясоволочку рабочій съѣстъ, — обижаться не смѣетъ ... Да не то хозяинъ или директоръ: приказчикъ надругается, — и то молчи, а то съ фабрики долой ... Ну, да наплевать! ... Не обращай на нихъ вниманія! ...

Главное: молчи, что̀ бы ни говорили, какъ бы ни ломались ... Придетъ время, — и за тобой будутъ ухаживать! ...

— Да вѣдь хорошо молчать, Александръ Кузьмичъ, пока терпится ... А какъ не стерпишь? ... Я вотъ смирный былъ завсегда, такъ меня и дома почитали ... А, кажется, тронь-ка меня, ударь, особливо безъ дѣла, да, кажется, ни за что не снести, кто бы тамъ ни былъ ...

— Вотъ онъ это по глазамъ у тебя видитъ ... Этого-то онъ и не любитъ! ... По ихному такъ: коли онъ деньги тебѣ платитъ, такъ онъ все надъ тобой дѣлать можетъ: нанялся — продался! ... А то ступай съ Богомъ: вовсе тебя не нужно, каковъ бы ты ни былъ ... Вотъ коли узнаютъ въ тебѣ этакой задоръ, ни за что тебя приказчикомъ не сдѣлаютъ: у насъ хоть воруй, мошенничай, да, главное дѣло, угождай, молчи и кланяйся ... Вотъ тогда, пожалуй, пойдешь въ люди! ... Ты знаешь ли: тамъ, на старой фабрикѣ, у насъ сосѣдъ есть, фабрикантъ, тоже богатый ... Такъ у него самый любимый приказчикъ жалованье большое получаетъ и довѣріемъ пользуется, хоть извѣстный плутяга. И хозяинъ знаетъ, что онъ его обворовываетъ ... А чѣмъ держится, какъ ты думаешь? ... Хозяинъ-то зашибается, а какъ очень переложитъ, такъ на него ярость находитъ: непремѣнно надо ему кого-нибудь бить и тиранить ... Вотъ вся семья къ нему этого приказчика и подсылаетъ, онъ надъ нимъ и ломается, ругаетъ, срамитъ, бьетъ его, за волосы деретъ, въ рожу плюетъ ... А тотъ не то обижаться, а точно за великую ласку себѣ принимаетъ: поучи, говоритъ, батюшка, Никандра Тихонычъ, отъ кого и науку принять, какъ не отъ васъ, сильныхъ людей,

кого и бить, коли не насъ дураковъ ... Вотъ какой подлецъ! ... И, говорятъ, ужъ большой капиталъ наворовалъ отъ хозяина ... Вотъ у насъ какіе люди въ ходъ идутъ! ...

Александръ Кузьмичъ часто забѣгалъ въ мастерскую къ Ѳедѣ и иногда засиживался въ бесѣдѣ съ нимъ, а иной разъ, когда разговоръ не вязался, онъ сидѣлъ молча и безцѣльно смотрѣлъ, какъ Ѳедя строгалъ доску, распиливалъ ее или связывалъ какую-нибудь раму.

— Неужто тебѣ, Ѳедоръ, не скучно за этой работой? — спросилъ онъ его однажды.

— Отчего скучно? За работой никогда не скучно, — отвѣчалъ тотъ. — Вотъ кабы безъ работы куда заперли, вотъ тутъ стосковался бы хуже, съ ума бы, кажется, сошелъ ...

— Да вѣдь работа работѣ рознь ... Тутъ все одно и то же: думать-то не о чемъ ...

— Какъ же не о чемъ: примѣриваешь, прилаживаешь, смотришь, чтобы и вѣрно, и чисто было ... Обо всемъ надо подумать ... А бываетъ, правда, что руки сами дѣлаютъ, а ты въ головѣ-то перебересь въ то время и Богъ знаетъ что, обо всемъ передумаешь ... Не видишь, какъ и время идетъ ...

— Я вотъ смотрю да дивлюсь на рабочихъ на фабрикѣ: стоитъ онъ у ткацкаго стана цѣлый день, машина за него точетъ, а онъ только смотритъ, гдѣ бы нитка не порвалась да путанка не вышла ... И все одно и то же ... Кажется, часъ постоять, — умеръ бы съ тоски ... А они ничего — веселы! ... И пускай бы жалованье хорошее получали, а то гроши какіе-то ... Бѣдность, ѣдятъ чортъ знаетъ что, въ лохмотьяхъ всѣ, а все ни по чемъ, — веселехеньки! ... А я вотъ и сытъ, и одѣтъ, и заботы

нѣтъ никакой, а брожу по фабрикѣ-то точно тѣнь: тамъ постою, посмотрю, въ другомъ мѣстѣ постою, въ контору зайду, смерть — тоска! ...

— Оттого, что безъ дѣла, работы нѣтъ по мысли. Вѣдь и за другими надзирать — тоже работа: извѣстно — поскучнѣе, чѣмъ самому дѣлать, а все-жъ-таки работа ... Вонъ у васъ десятники ходятъ, за ткачами смотрятъ, тоже дѣло дѣлаютъ, плату за него получаютъ и скуки тоже не знаютъ ... Надо, чтобы дѣло, которое дѣлаешь, въ прокъ шло, пользу приносило, — тогда не скучно ...

— Вотъ и я то же думаю: оттого мнѣ и не мило все, что я не самъ по себѣ, а изъ-за чужой воли хожу да смотрю ... Кабы выдумать себѣ такое дѣло, чтобы никто не мѣшалъ, не ввязывался, а самъ бы себѣ полный хозяинъ ... Вотъ бы хорошо! ... И затѣваемъ мы одно такое дѣльцо съ Аленой Николавной ... Хотимъ гдѣ-нибуь на деревнѣ, потихоньку отъ тятеньки, школу завести для ребятъ, а, пожалуй, и для взрослыхъ, — по праздникамъ ... Приходи, кто хочетъ, — учись! ... Какъ ты думаешь? ...

— А что же, это доброе дѣло ... Ужъ какъ бы было хорошо, если бы сдѣлали! ...

— Право. Тутъ по ближнимъ деревнямъ наши фабричные ребятишки живутъ на квартирахъ: стали бы бѣгать, учиться въ смѣны ... Нанялъ бы я большую избу и учителя ... А по воскресеньямъ воскресную бы школу сдѣлали для взрослыхъ; я бы самъ сталъ учить, а когда можно, — Алена Николавна. И ты не хочешь ли? ...

— Да я бы съ радостью ...

— И я такъ думаю, что если тятенька узнаетъ, браниться станетъ, я ужъ не послушаю ... не брошу

этого дѣла ... Да, можетъ, очень и браниться-то не будетъ, потому я на свои деньги сдѣлаю ... У меня есть положеніе отъ него, — триста рублей въ мѣсяцъ: на эти деньги можно школу содержать ... Пускай же Алена Николавна не смѣется, что я паразитъ, на чужой счетъ живу и все для себя, а для людей ничего не дѣлаю, — вотъ пускай же увидитъ, что и я могу дѣлать! ... Такъ ты будешь съ нами учить по воскресеньямъ? ...

— Съ моимъ полнымъ удовольствіемъ ...

— А учителемъ-то мы думаемъ твоего позвать учителя, переманить ... Я ему хорошее жалованье положу и квартиру найму на свой счетъ ...

— Ужъ не знаю, пойдетъ ли? ...

— А ты поговори съ нимъ ... Ты вотъ что, Ѳедоръ: въ это воскресенье, когда тятенька и Дмитрій Тимоѳеичъ съ сестрой лягутъ послѣ обѣда спать, мы сойдемся гдѣ-нибудь на совѣщаніе ... И Алена Николавна придетъ ... Мы и потолкуемъ ...

— Я въ это воскресенье-то хотѣлъ домой побывать, — проговорилъ Ѳедя и весь вспыхнулъ.

— Ну, поспѣешь еще сходить ... Въ то воскресенье сходишь ... А это дѣло такое, нужное ... Надо непремѣнно поскорѣе сообща перетолковать и согласиться ... Нѣтъ, ужъ ты этотъ разъ останься ...

— Да развѣ ты безъ меня не ...

— Нѣтъ, ужъ нѣтъ, чтобы и ты былъ непремѣнно ... Всѣ сообща ... По крайней мѣрѣ, доброе дѣло затѣваемъ, не что другое ... Нужно и насчетъ учителя столковаться, а послѣ ты съ нимъ и повидаешься, переговоришь ... Этого откладывать нельзя ... Я рѣшился поскорѣе ...

Тяжело было Ѳедѣ отказаться отъ мечты повидать въ ближайшее воскресенье Параню, но дѣло, затѣ-

ваемое Александромъ Кузьмичемъ, казалось ему очень важнымъ; при этомъ онъ вспомнилъ слова Василія Якимыча о себялюбіи, о равнодушіи къ общественной пользѣ, — и ему показалось совѣстно отказаться. Скрѣпя сердце, черезъ силу, онъ обѣщалъ остаться на это воскресенье на фабрикѣ.

Условились, чтобы Ѳедя пришелъ къ Александру Кузьмичу часу въ третьемъ пополудни. Ѳедя шелъ на совѣщаніе мрачный: хотя онъ остался и лишилъ себя удовольствія, о которомъ давно мечталъ, ради добраго дѣла, хотя онъ совершилъ, казалось ему, подвигъ самоотверженія, но внутренно онъ не былъ доволенъ собою, страшно тосковалъ весь день, думая о Паранѣ, и находилъ, что Александръ Кузьмичъ могъ бы обойтись на этотъ разъ и безъ него. Анализируя себя, онъ съ досадой задавалъ себѣ даже такой вопросъ: не потому ли я только остался, что хозяйскій сынъ мнѣ велѣлъ? ... Кабы другой кто просилъ для того же дѣла, пожалуй, не послушалъ бы, какъ бы нибудь отказался, отговорился! ... И что за совѣщаніе такое? ... Развѣ нельзя безъ него? Ну, надумали и сдѣлали ... Школу открыть, о чемъ тутъ совѣщаться! Коли деньги есть, нанялъ избу просторную да оповѣстилъ ребятишекъ: идите учиться, кто хочетъ, денегъ брать не будутъ: даромъ! ... Вотъ и все! ... Да былъ бы учитель хорошій! ... И зачѣмъ я имъ на это совѣщанье? ... Вотъ развѣ насчетъ Василья Якимыча? Такъ сказали бы, что ему передать, я бы пересказалъ ... А вотъ теперь: цѣлую недѣлю опять сиди, а тамъ Параня ... Богъ ее знаетъ, что съ ней тамъ дѣлается ... Хорошо, какъ дѣло изъ всего этого выйдетъ хорошее, доброе! ... А какъ такъ, — только одни разговоры? ...

Не безъ робости вошелъ Ѳедя въ ворота хозяйскаго дома и былъ радъ, что не встрѣтилъ никого на дворѣ, проходя къ крыльцу, черезъ которое долженъ былъ войти въ комнаты, занимаемыя Александромъ Кузьмичемъ. Будущему владѣльцу фабрики была отведена для его жительства чуть не цѣлая половина нижняго этажа. Во второмъ этажѣ жилъ Дмитрій Тимоѳеичъ; тамъ же помѣщался и Кузьма Иванычъ, когда пріѣзжалъ въ Старое село. Комнаты, которыя занималъ Александръ Кузьмичъ, хотя были тѣсно заставлены новомодной мебелью, выписанною изъ Москвы, казались совсѣмъ необитаемыми и смотрѣли какъ-то непривѣтливо, мрачно и скучно. Молодой хозяинъ дѣйствительно и не жилъ почти въ нихъ: цѣлый день онъ проводилъ или на фабрикѣ, или наверху, у сестры, а въ своемъ отдѣленіи только ночевалъ или уходилъ сюда, чтобы почитать, когда навертывалась книга, и покурить потихоньку, такъ какъ куреніе табаку въ домѣ Кузьмы Иваныча было воспрещено, и для Александра Кузьмича составляло удовольствіе запретное. Кузьма Иванычъ, хотя не былъ раскольникомъ, но держался старины, крестился большимъ, то-есть двуперстнымъ крестомъ и охотнѣе посѣщалъ единовѣрческую церковь, чѣмъ православную, хотя вообще не былъ особенно богомоленъ. Для спанья и для куренья Александръ Кузьмичъ выбралъ себѣ самую заднюю комнату, которая одна и была обитаема: чрезъ остальныя онъ только проходилъ, никогда почти не останавливаясь въ нихъ. Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, Александръ Кузьмичъ принималъ своихъ гостей въ одной изъ парадныхъ комнатъ. Ѳедю онъ замѣтилъ изъ окна, когда тотъ пробирался по двору, и встрѣтилъ его еще въ сѣняхъ.

— Иди, иди сюда, за мной, — сказалъ онъ ему.

Ѳедя былъ нѣсколько смущенъ роскошной обстановкой комнатъ, чрезъ которыя проходилъ вслѣдъ за хозяиномъ: онъ никогда еще не видалъ ничего подобнаго.

— Это вы куда же меня ведете? — спросилъ онъ вполголоса, проходя вторую комнату.

— Къ себѣ, къ себѣ ... Тутъ никого нѣтъ, кромѣ меня ... Это мои комнаты ...

— Всѣ ваши? ... Во всѣхъ одни живете? ...

— Да ... А что? ...

— Ничего ... Больно ужъ много ... Скучно, чай, однимъ-то? ... Сколько покоевъ, а одни ...

— Да я и не живу почти въ нихъ, занимаю только одну комнатку ... А такъ вотъ — отвели мнѣ это отдѣленіе: вотъ, говорятъ, твои комнаты ... Ну, мои и считаются ...

— Да куда съ эстолько одному ... Тоска возьметъ! ... Вотъ бы гдѣ школу-то завести: просторно бы, хоть сто человѣкъ вдругъ соберись — не тѣсно ...

— А вотъ все женить-то меня собираются, для того и комнатъ столько отвели ... Неравно, дескать, женимъ, такъ вотъ и квартира ему съ молодой женой.

Александръ Кузьмичъ обратился къ Ѳедѣ и какъ-то печально усмѣхнулся. Ѳедя промолчалъ.

Они вошли въ комнату, гдѣ уже сидѣлъ одинъ гость, — новое, незнакомое Ѳедѣ лицо.

— Вотъ онъ, Захаръ Яковличъ, механикъ-то нашъ, что я вамъ говорилъ, — сказалъ Александръ Кузьмичъ, указывая на Ѳедю.

Гость промычалъ что-то и, не вставая съ мѣста,

протянулъ Ѳедору руку. Ѳедя съ любопытствомъ оглядѣлъ его. Это былъ угрюмый, хмурый, съ длинными кудластыми волосами, смуглый, худощавый молодой человѣкъ, въ затасканномъ коротенькомъ пиджакѣ, который былъ надѣтъ прямо на красную шерстяную рубашку, выпущенную сверхъ брюкъ; на ногахъ у него были высокіе, до колѣнъ, грязные, нечищенные сапоги. Онъ сидѣлъ на креслѣ, сгорбившись и уткнувши подбородокъ въ ладонь лѣвой руки, которая упиралась локтемъ въ колѣно.

— Изъ барскихъ или изъ казенныхъ? — спросилъ онъ отрывисто, уставившись глазами въ Ѳедора и не перемѣняя позы, въ которой сидѣлъ.

— Какъ — изъ барскихъ? ... Нынче барскихъ нѣтъ, — отвѣчалъ Ѳедя, оглядываясь и выбирая мѣсто, гдѣ бы сѣсть или хоть стать въ сторонкѣ.

— Какъ нѣтъ? ... А временно-обязанные чьи же? ...

— Нѣтъ, мы на выкупѣ: собственники ...

— Собственники! — усмѣхнулся гость. — Ну, значитъ, господскіе: господину становому и господину исправнику обязаны служить и повиноваться ...

— Правда, правда! — сказалъ Александръ Кузьмичъ, усмѣхаясь. — Садись, Ѳедя ... Садись вотъ хоть сюда ... Что-жъ ты стоишь-то? ...

— А вы кто же будете? — спросилъ Ѳедя, неловко усаживаясь на мягкое эластическое кресло.

— Жеребячьей породы! ... Дьячковъ сынъ! — рѣзко отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Изъ какого же села? — добродушно спросилъ Ѳедя.

— Они студентъ ... университетскій ... Вотъ кто! — подсказалъ Александръ Кузьмичъ.

Въ это время послышались спѣшные шаги въ сосѣдней комнатѣ, — и хозяинъ бросился туда.

— Насилу, насилу вырвалась, — послышался женскій голосъ. Ну, ужъ племяннички у васъ, Александръ Кузьмичъ: и видно, что будущіе монополисты — эксплуататоры ... Ни на минуту свободы и отдыха не дадутъ: забавляй ихъ, занимай безпрестанно ... Да вѣдь требуютъ, приказываютъ ... Чортъ знаетъ что такое ... Насилу отдѣлалась ...

Съ этими словами въ комнату, гдѣ сидѣли Ѳедя и студентъ, вошла гувернантка Дмитрія Тимоѳеича, Алена Николавна, въ сопровожденіи хозяина.

— А, старый знакомый, здравствуйте! — сказала она, увидя Ѳедю, и протягивая ему руку. — Ну, какъ поживаете? ...

— Да ничего-съ, — отвѣчалъ Ѳедя, стоя передъ нею.

— А что же, прочитали, что я вамъ присылала съ Александромъ Кузьмичемъ? ...

— Прочиталъ.

— Что, батюшка, каково? ... А? ... Что вы скажете? ..

— Не знаю ужъ, какъ и сказать ... Неужели ужъ все это правда? ...

Алена Николавна засмѣялась.

— Ахъ, юноша! ... Спрашиваетъ: правда ли? ... Васъ, видно, еще жизнь мало учила или вы неспособны наблюдать, или вы ретроградъ? ... Да вы посмотрите вокругъ себя: что тутъ дѣлается?... Не только все правда, что вы тамъ прочитали, но это только капля того зла, той мерзости, среди которыхъ мы живемъ ... О, еще съ вами нужно много, много толковать! Я вамъ дамъ еще одну вещь, — прочитайте и подумайте ... Да подумайте хоро-

шенько, обсудите все! ... Нѣтъ, батюшка, тутъ нужно не такими вопросами задаваться: правда ли? ... А нужно дѣйствовать, нужно принимать мѣры рѣшительныя, энергическія ...

Разговаривая съ Ѳедей, Алена Николавна безпрестанно взглядывала на студента. Александръ Кузьмичъ, стоявшій около нея, въ ожиданіи когда она кончитъ разговоръ съ Ѳедей, замѣтилъ эти взгляды и прервалъ разговоръ, указывая на своего незнакомаго для нея гостя.

— Вотъ, Алена Николавна, — сказалъ онъ, — позвольте познакомить: студентъ изъ Петербурга ... Захаръ Яковличъ Промптовъ.

— А, землякъ! ... Здравствуйте ... Очень рада! ...

Алена Николавна протянула руку.

— Мое почтеніе, — проговорилъ Промптовъ, неуклюже привставъ съ кресла и какъ-то въ бокъ кланяясь; затѣмъ опять усѣлся въ прежней позѣ.

Алена Николавна помѣстилась около него.

— Медикъ? — спросила она его.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ естественникъ?

— Почему вы думаете? ...

Алена Николавна нѣсколько затруднилась отвѣтомъ.

— Такъ ... Куда же нынче идти, какъ не на естественный? ... Или по медицинѣ, или на естественный ...

— Не резонъ! — проговорилъ Промптовъ.

— Да конечно ... По крайней мѣрѣ, реальныя знанія, — не метафизика! ... Естественникъ всегда можетъ приложить свои знанія къ дѣлу, принести пользу ...

— Никакой .,. И знанія у насъ не такія, чтобы къ дѣлу прикладывать: зубримъ классификаціи да и шабашъ, а дай первую траву, что каждый мужикъ знаетъ, — безъ атласа не опредѣлимъ ... Такъ и во всемъ ... Все вздоръ! ... А вы что: изъ институтокъ? ...

— Нѣтъ, слава Богу, нѣтъ ... не институтка! — торопливо и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчала Алена Николавна. — Я кончила въ гимназіи ...

— Ну, это маленько получше. Тамъ уроки тверже учатъ ...

— Я послѣ того два года на лекціи ходила ...

— Это на педагогическіе курсы, что ли? ...

— Нѣтъ ... Тамъ узко, односторонне: я ходила на всѣ публичныя лекціи ...

— По клубамъ, значитъ ... Тамъ читаютъ хорошо, — проговорилъ Промптовъ какъ-то неопредѣленно: не то серьезно, не то съ насмѣшкой, поглаживая свою бороду снизу отъ шеи вверхъ и закрывая ею лицо.

Алена Николавна вспыхнула.

— Вы смѣетесь, что ли? ... Тамъ всѣ знаменитности читали ... Я всѣхъ ихъ слушала ...

— Зачѣмъ смѣяться ... Я не смѣюсь ...

— Я въ Петербургѣ во многихъ кружкахъ была ... Знаю всѣхъ ... Отчего нигдѣ васъ не встрѣчала? — спросила гувернантка тоже не безъ язвительности.

— Не приходилось, значитъ: до нашего не дошли ...

— Однако, Александръ Кузьмичъ, мы сошлись сюда для совѣщанія ... Надѣюсь, что мы здѣсь всѣ единомыслящи и можемъ говорить свободно? ...

— Само собой, Алена Николавна, — отвѣчалъ Кошатниковъ. — Я вамъ не успѣлъ сказать: Захаръ Яковличъ привезъ мнѣ письмо изъ Петербурга отъ такихъ людей ... которыхъ вы знаете ... Я вамъ разсказывалъ, какіе это люди! ... Они пишутъ, что это самый уважаемый человѣкъ, и просятъ меня во всемъ ему довѣряться, если только я самъ не перемѣнился ... А вы знаете, перемѣнился ли я ... Захаръ Яковличъ неожиданно пришелъ ко мнѣ, но я нарочно просилъ ихъ остаться: думалъ, что они могутъ хорошій совѣтъ дать намъ въ нашемъ дѣлѣ.

— Это вы, барышня, на мой счетъ, что ли, сумнѣваетесь? ... Не сумнѣвайтесь! — сказалъ Промптовъ.

— Я васъ только объ одномъ попрошу: не называть меня барышней, потому что я этого ненавижу ... Кажется, я на барышню непохожа! ... Вы, конечно, меня мало знаете ... Ну, такъ знайте, что я предана идеѣ, можетъ быть, больше, чѣмъ вы ... И вы напрасно меня оскорбляете ...

— Зачѣмъ оскорблять ... Оскорблять не полагается никого ... Вы не сердитесь! ... Сами вы первая меня заподозрили ... Это вамъ только отместка ...

— Ну, значитъ, миръ! — съ удовольствіемъ вскрикнула Алена Николавна, протягивая руку Промптову. — Я добрая и сердиться долго не умѣю! ... Однако, начнемъ-те, господа: я того и жду, что меня хватятся и будутъ искать или что дѣти разбудятъ Лизавету Кузьминишну. Вотъ вы бы пожили въ моей шкурѣ: совсѣмъ въ осадномъ положеніи живу и подъ надзоромъ полиціи... Свободнаго шага сдѣлать нельзя! ...

Послѣднія слова были съ заискивающею улыбкою обращены къ Промптову.

Тотъ великодушно промолчалъ.

—Ну-съ, Александръ Кузьмичъ, такъ приступайте,— обратилась она къ хозяину. Молодой Кошатниковъ сѣлъ поближе къ своимъ гостямъ, откашлялся и съ видимымъ смущеніемъ, конфузясь, началъ говорить, обращаясь преимущественно къ студенту:

— Вотъ видите ли, Захаръ Яковличъ, что мы надумали ... Какъ вы найдете? ... Желая послужить для общества ... и принести пользу ... Мы вотъ богаты, живемъ въ роскоши, имѣемъ большіе барыши все черезъ рабочихъ, а они бѣдствуютъ и необразованы ... Надумали мы открыть для нихъ школу ... я на свои собственныя средства, потому тятенька у меня противъ всѣхъ этихъ школъ, но только нужно сдѣлать такъ, чтобы ...

— Вы, я вижу, стѣсняетесь, Александръ Кузьмичъ, говорить про ваши семейныя отношенія, — перебила его гувернантка. — Позвольте я объясню, какъ человѣкъ посторонній ... Вотъ, видите, въ чемъ дѣло: здѣсь, въ семействѣ и на фабрикѣ, двѣ партіи: одна ретроградная и обскурантная, — это тятенька и его зять, у котораго я живу въ гувернанткахъ, съ ихъ сателитами, другая — прогрессивная и либеральная, къ которой принадлежимъ пока только мы трое: вотъ я, Александръ Кузьмичъ и онъ, Чернушкинъ ... Вы понимаете, что на сторонѣ первой капиталъ, власть и сила, употребляемыя исключительно съ эгоистической, эксплуататорской цѣлью ... А при этомъ, разумѣется, и крайнее невѣжество, и вражда къ просвѣщенію и развитію массы. Отецъ Александра Кузьмича и слышать не хочетъ объ устройствѣ школы для фабричныхъ, а вы понимаете, что она необходима прежде всего ... Вотъ мы и надумали, на личныя средства Александра Кузьмича и безъ вѣдома его отца, открыть въ одной изъ

сосѣднихъ деревень постоянную школу для дѣтей и воскресную для взрослыхъ рабочихъ ... Въ послѣдней мы будемъ учить всѣ трое, а въ постоянные учителя имѣемъ въ виду пригласить одного сельскаго учителя ... изъ очень развитыхъ и передового ... Съ нимъ усилится и наша партія ... Вотъ мы и собрались, чтобы потолковать, какъ это все оборудовать, намѣтить цѣль и программу ...

— Позвольте, — остановилъ Промптовъ. — Все это очень прекрасно и похвально, только въ сущности, я вижу, выйдетъ одинъ вздоръ ...

— Какъ вздоръ? Какъ вздоръ? ... Что вы такое говорите? — загорячилась Алена Николавна — Я никакъ не ожидала, чтобы вы ...

— Погодите же, — перервалъ ее Промптовъ. — Развѣ вы не знаете, что на открытіе школы нужно получить разрѣшеніе? ... А если откроете безъ разрѣшенія, то ее скоропостижно и прихлопнутъ, закроютъ ... Да, пожалуй, и васъ ко Іисусу потянутъ ...

— Вы забываете одно, что здѣсь глухая деревня ... что о существованіи школы власти узнаютъ развѣ черезъ годъ ... А годъ слишкомъ большой срокъ, чтобы научить грамотѣ сотни двѣ рабочихъ ... А это уже порядочная колонія первыхъ піонеровъ! ... Отъ нихъ черезъ годъ выучатся еще двѣсти человѣкъ ... Вотъ вамъ и почва: сѣйте тогда! ... Притомъ на первое время мы будемъ очень осторожны ... А потомъ, если бы и пришлось пострадать, такъ что же? ... Съ радостью! ... По крайней мѣрѣ за доброе дѣло ... А фундаментъ все-таки будетъ положенъ ...

— И ни почвы вы не приготовите, никакого фундамента не заложите, потому что почва-то никуда негодная, совсѣмъ непроизводительная ... Ее

нужно вывѣтрить предварительно, только не такими мѣрами ... Да не только годъ, мѣсяца не продержится ваша затѣя ... Первый ближайшій попъ донесетъ ... Сами мужики пойдутъ на васъ жаловаться ...

— Охъ, что вы такое говорите! — вскричала Алена Николавна. — Да вы отрицаете народъ, вы не вѣрите въ него ...

— Не вѣрю ...

— Какъ не вѣрите?

— Такъ и не вѣрю ... Народъ любитъ и идетъ только за тѣмъ, кто держитъ надъ нимъ палку и бьетъ его, а кто его любитъ и идетъ къ нему съ добромъ, того онъ самъ бьетъ ...

— Вы меня удивляете ... Я не слыхала никогда ничего подобнаго отъ людей, которые ...

— Мало ли вы чего не слыхали! ... На публичныхъ лекціяхъ объ этомъ не читаютъ ...

— Вы напрасно остроумничаете ... Я уже, кажется, вамъ говорила, что бывала во многихъ кружкáхъ и до сихъ поръ нахожусь въ сношеніяхъ ..

— Мало ли какіе есть кружки: въ иныхъ чай пьютъ и разговоры разговариваютъ, въ другихъ пиво дуютъ и дебатируютъ ... Толкъ-то одинъ и тотъ же ... Дѣло, барынька, нужно, а не разговоры ..

— Да я не вижу, баринъ, чтобы и вы какое-нибудь дѣло указывали! — вскричала Алена Николавна, уже совсѣмъ разсерженная. — Да развѣ школа — не дѣло? ... Вотъ въ вашихъ словахъ, такъ, кромѣ разговоровъ, я дѣйствительно ничего не вижу! ... Почва непроизводительна, никуда не годная, школа — вздоръ; нужны особенныя мѣры: тáкъ какія же? ... Скажите! ... Вѣдь, чтобы гово-

рить народу объ ассоціаціяхъ, о рабочихъ союзахъ и о прочемъ, нужно, я думаю, его подготовить, чтобы онъ могъ понимать, что ему говорятъ, а для этого нужно его учить или нѣтъ? ... Какъ вы думаете? ...

— Думаю, что съ этакими подготовителями и учителями онъ и черезъ двѣсти лѣтъ будетъ стоять на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ ...

— Да вы отрицаете даже прогрессъ ... Такъ выскажите же ваши принципы, вашъ profession de foi ... Мы говоримъ съ вами откровенно, нисколько не остерегаясь и не стѣсняясь ... Скажите же намъ, какія ваши идеи, принципы, цѣли и намѣренія ...

— Это ради чего же я вамъ буду докладывать? ... Это для празднословія-то? ... Если я буду вамъ говорить, такъ развѣ тогда, когда вы придете меня слушать и слушаться ... Когда вы рѣшитесь и обяжетесь дѣлать то, что вамъ укажутъ и прикажутъ ... Когда вы согласитесь войти въ организацію крѣпкую, строго-обдуманную, хорошо управляемую и могучую, гдѣ никакіе дебаты и празднословіе невозможны, а требуется одно дѣло для дѣйствительной, несомнѣнной, а не мечтательной общей пользы .. Когда вы выростете и окрѣпнете духомъ для такого дѣла, тогда самъ Промптовъ или другой, такой же, какъ онъ, найдетъ васъ и скажетъ вамъ это дѣло, пожалуй — объяснитъ и идеи, и принципы, и намѣренія ... Я вамъ скажу, что въ васъ есть задатки и вы до этого дойдете, но теперь еще рано ... А теперь пока устраивайте вашу школу: отъ нечего дѣлать и это дѣло! ...

Произнося этотъ монологъ, Промптовъ точно преобразился: онъ выпрямился, гордо поднялъ голову, глаза его смотрѣли сурово, строго, и горѣли огнемъ

фанатика, все лицо его выражало рѣшительную, непреклонную волю. Алена Николавна совсѣмъ притихла и смотрѣла на него чуть не со страхомъ и благоговѣніемъ: она вдругъ смирилась, почувствовавши силу, точно капризный конь въ рукахъ сильнаго и искуснаго наѣздника. Съ невольной робостью и уже прямо со страхомъ смотрѣлъ на него Александръ Кузьмичъ, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ Ѳедя. Промптовъ всталъ.

— Прощайте-ка, — сказалъ онъ, обращаясь къ Александру Кузьмичу. — Я вамъ, кажись, мѣшаю только ... Что-жъ отвѣтить: будутъ деньги или нѣтъ? ...

— Будутъ, будутъ, — отвѣчалъ поспѣшно Александръ Кизьмичъ.

— Ну, ладно ... Прощайте покамѣстъ. Вы на меня не сердитесь, — обратился онъ круто къ Аленѣ Николавнѣ, — я вижу въ васъ хорошаго человѣка, способнаго на настоящее дѣло ... И если я говорилъ грубо и сурово, такъ, во-первыхъ, у меня такая дурацкая манера, да и опротивѣли эти подлыя вѣжливости, а, во-вторыхъ, всѣ ваши затѣи и ваша борьба кажутся мнѣ ребячествомъ и шалостью ... А все-таки и школа, если вамъ удастся ее устроить, дѣло въ сущности хорошее, хоть и маленькое; для начала и оно не мѣшаетъ! ...

— Такъ вы совѣтуете открывать ее? — почти въ одинъ голосъ спросили Алена Николаевна и Александръ Кузьмичъ.

— Если хоть двухъ-трехъ лишнихъ чтецовъ выучите, и то заслуга ... Прощайте, господа ...

Промптовъ кивнулъ головой всѣмъ присутствующимъ и, не подавая никому руки, пошелъ вонъ изъ комнаты. Александръ Кузьмичъ пошелъ его провожать.

— Что вы про него думаете? — спросила Алена Николавна у Ѳеди, оставшись съ нимъ наединѣ.

— А Богъ его знаетъ, — отвѣчалъ Ѳедя неопредѣленно.

— Но въ немъ видна большая сила и воля ... Воля страшная! ... Этотъ человѣкъ на все пойдетъ.

— Мало онъ говорилъ-то, все больше загадками ...

Воротился Александръ Кузьмичъ, возбужденный и взволнованный.

— Вотъ человѣкъ-то! — говорилъ онъ. — Чортъ ему не братъ! ... Даже тяжело и страшно съ нимъ какъ-то ... Вотъ ужъ этотъ за какое дѣло возьмется, такъ видно, что сдѣлаетъ! ...

— А, должно быть, они что-то большое и серьезное затѣваютъ, — проговорила Алена Николавна.

— Да, да ... Онъ мнѣ и до васъ намекалъ ... И въ письмѣ пишутъ, только неясно ... А школу-то и уходя опять совѣтовалъ открыть ...

— Вы мнѣ послѣ разскажете подробно про него и про всѣхъ вашихъ петербургскихъ знакомыхъ, — просила Алена Николавна. — А теперь намъ надо же рѣшить поскорѣе про школу: того и жду, что меня будутъ искать.

Снова начались совѣщанія, результатомъ которыхъ было порученіе Ѳедѣ переговорить съ Василіемъ Якимычемъ, а между тѣмъ Александру Кузьмичу пріискать помѣщеніе для школы и квартиры учителя въ ближайшей деревнѣ. Алена Николавна, а также и Ѳедя должны были распространять между рабочими мысль о необходимости учиться самимъ и заставлять учиться дѣтей и подготовлять ихъ къ открытію, въ скоромъ времени, школы, противъ воли и желанія главнаго хозяина и директора фабрики.

Ѳедя ушелъ съ этого совѣщанія возбужденный,

съ отуманенной головой и недовольный. Масса неразрѣшенныхъ вопросовъ толпилась въ его головѣ; онъ чувствовалъ какую-то неудовлетворенность, какую-то досаду и на себя, и на окружающихъ, что-то было неясное, странное, точно умышленно-запутанное въ такомъ простомъ и хорошемъ дѣлѣ, какъ открытіе школы; онъ не умѣлъ объяснить себѣ въ чемъ именно, но чувствовалъ какую-то фальшь, притворство; точно всѣ они, участвовавшіе въ разговорѣ, играли комедію, а между тѣмъ онъ вѣрилъ въ искренность Александра Кузьмича, въ желаніе сдѣлать добро со стороны Алены Николавны. О добротѣ послѣдней онъ уже слышалъ отъ многихъ на фабрикѣ: она ласкала грязныхъ ребятишекъ, раздавала имъ свое бѣлье, лечила и давала денегъ на лекарства больнымъ. Больше всего смущалъ его Промптовъ: какъ можно высказывать такое презрѣніе къ народу, такое недовѣріе къ нему, и съ такимъ энтузіазмомъ предпринимать что-либо во имя общей пользы? Онъ сравнивалъ его съ Василіемъ Якимычемъ, находилъ между ними нѣкоторое сходство, но и большую разницу: въ учителѣ было тоже недовольство окружающимъ, раздраженіе и озлобленность, но не было и тѣни того спокойствія, самоувѣренности и энтузіазма. Въ стремленіяхъ и желаніяхъ Василія Якимыча была какая-то неопредѣленность, неясность; Промптовъ говорилъ загадками, что-то скрывалъ, но видно было, что у него была ясная и опредѣленная задача и цѣль. Василій Якимычъ старался доказать, объяснить, увлечь своими доводами и совѣтами, этотъ говорилъ мало, ничего не доказывалъ, но говорилъ такъ, какъ будто имѣлъ право требовать и приказывать ... Почему же? ... Кто ему далъ это право? ...

III.

Наконецъ, насталъ давно ожидаемый праздникъ, въ который Ѳедя надѣялся увидѣть Параню. Какъ только пошабашили на фабрикѣ, Ѳедя отправился въ путь, несмотря на то, что время шло уже къ вечеру; ускореннымъ шагомъ онъ надѣялся добѣжать до Онучина еще до ночи, застать Параню съ матерью неспящими, повидать ее хоть минуту, и, смотря по пріему и обстоятельствамъ, остаться ночевать у нихъ либо идти къ Василію Якимычу, съ тѣмъ, чтобы на другой день опять придти къ Паранѣ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Ѳедя подходилъ къ Онучину, но, къ его удовольствію, въ окнахъ избушекъ еще мелькали огоньки. И нетерпѣніе, и радость, и какая-то безпричинная тревога наполняли сердце Ѳеди: оно билось такъ сильно, точно хотѣло выскочить изъ груди. У него захватывало дыханіе. Юноша долженъ былъ останавливаться на минуту, чтобы перевести духъ. На улицѣ деревни было совсѣмъ безлюдно и тихо, лаяли только изъ подворотенъ собаки. Вотъ, наконецъ, и избушка Парани.

Окна ея изнутри были чѣмъ-то завѣшены, но черезъ занавѣски свѣтился огонекъ, хотя и нельзя было видѣть, что дѣлается въ избѣ. Но тамъ еще не спали. Слышались голоса, смѣхъ. Ѳедя остановился въ нерѣшимости: входить или нѣтъ въ избу. Вотъ мужской голосъ запѣлъ веселую, непристойную пѣсню; ее прерывалъ женскій хохотъ. Ѳедя весь задрожалъ: голосъ пѣвца показался ему знакомымъ. И неужели Параня слушаетъ эту пѣсню и хохочетъ вмѣстѣ съ матерью? А, кажется, слышался и ея смѣхъ: врядъ ли Ѳедя обманется и не узнаетъ ея

смѣха, — такого серебрянаго, такого, бывало, радостнаго для него ... Но вдругъ пѣсня оборвалась женскимъ визгомъ: это взвизгнула Параня, навѣрно она! ... И среди этого визга ... почудилось ли Ѳедѣ, или вправду ... какъ будто слышались поцѣлуи ... Что тамъ дѣлается? ... Холодный потъ выступилъ на лбу у Ѳедора. Онъ рванулся къ воротамъ, толкнулъ калитку, но она была заперта изнутри. Ѳедя вновь подошелъ къ окну съ намѣреніемъ постучаться и требовать, чтобы отперли ворота и впустили его, и поднялъ-было уже руку, но остановился; въ избѣ шла какъ-будто перебранка, слышался топотъ ногъ, какъ будто одинъ толкалъ другого, скрипнула дверь избы, огонь или потухъ, или его вынесли въ сѣни. Ѳедя замеръ въ нерѣшимости, въ ожиданіи, что будетъ дальше. Послышались голоса на дворѣ, шаги къ воротамъ, изъ подворотни мелькнулъ свѣтъ: Ѳедя сообразилъ, что провожаютъ гостя, что свѣча вынесена на мостъ, чтобы освѣтить дворъ. Онъ притаился за угломъ избы. Ночь была осенняя, темная: Ѳедя надѣялся, что его не разсмотрятъ, и стоялъ неподвижно, прислушиваясь. Щелкнула щеколда, отворилась калитка.

— Ну, ступай же, ступай, — говорила Дарья Тихоновна ласковымъ голосомъ. — Право, ну, спать пора ... Ну, что подъ праздникъ колобродишь до полуночи ... Ступай же, говорятъ ... Завтра лучше днемъ приходи ...

— Да, знамо, приду, — отвѣчалъ мужской голосъ, и въ немъ Ѳедя тотчасъ же узналъ голосъ Кириллы.

Вся кровь бросилась въ голову юноши.

— Вотъ сердце-то вѣщунъ! — мелькнуло у него въ головѣ. — Не даромъ тоска смертная была ...

Такъ вѣдь развѣ онъ къ ней? Вѣдь не къ ней! ... Къ матери, ко вдовѣ! ...

— Ты слушь-ка, повыдь-ка сюда, повыдь, — продолжалъ Кирилла, переступая подворотню.

— Ну, что еще? — спрашивала Дарья Тихоновна, выходя на улицу и притворяя за собой калитку.

— Я знаю вѣдь, подлая, отчего ты меня гонишь, — говорилъ Кирилла вполголоса.

— Да извѣстно отчего: завтра праздникъ ... Добрые люди давно спать ложатся ... Нѣтъ на тебя дня-то ...

— Нѣтъ, врешь, не оттого ... А изъ-за Параньки! ...

— Ну, извѣстное дѣло, хоть бы и изъ-за нея ... Дѣвкѣ спать хочется, а ты сидишь, да еще лѣзешь къ ней, заигрываешь ...

— Врешь, не хочется ей спать. Она сама рада ... А ты зачѣмъ сторожишь насъ, минутки не дашь посидѣть однимъ? ...

— Куда тебя одного пустить! Ты вонъ и при мнѣ-то силомъ цѣловать лѣзешь въ обнимку ... Развѣ это дѣло? ...

— Нѣтъ, не силомъ, а тебѣ завидно, что она сама ко мнѣ всей душой, вотъ что тебя мутитъ ...

— Такъ что ты, прокаженный, и къ маткѣ, и къ дочкѣ, что ли, хошь ходить ... Перекстись! ... Будетъ съ тебя грѣха-то и этого. Ты вѣдь женатый! ... Чортъ! ...

— Такъ что, что женатый? .. Не твое дѣло! ... Ты думаешь, я изъ-за тебя, что ли, хожу къ тебѣ чуть не ежедень да весь домъ перетаскалъ сюда ... Пр о тебя-то будетъ бы и шалеваго платка да штофа водки ... А тутъ дѣло такое пришло ко мнѣ,

смертное! ... Житья нѣтъ безъ нея ... Вотъ тебѣ, сказываю! ...

— Поди-ка, поди ... Вишь ты, что еще выдумалъ! ... Рыло-то намочилъ ... Пьяница! ... Забрало его, не помнитъ, что говоритъ! ...

— Нѣтъ, помнитъ онъ, знаетъ, что говоритъ ... А слушай, Дарья: смерть моя пришла ... Ни жить, ни быть безъ нея! ... Что хошь, спрашивай,—все отдамъ, весь домъ изведу, только ты мнѣ ее предоставь ... Ну, хоть не мѣшай ты мнѣ! ... Дай волю! ...

— Да что ты, бахвалъ, что ты о себѣ полагаешь? ... По твоему ли рылу Паранька? ... Да ты самъ-отъ продайся, и съ женой-то, и съ домомъ-то со всѣмъ, такъ ты пальца Паранькинова-то не стоишь ... Да и не полагай: и смотрѣть-то она на тебя не захочетъ ...

— Ну, ужъ это мое дѣло, захочетъ или нѣтъ ... А ты сама не бахвалься, а вотъ что думай: коли ты не уважишь меня, мы съ ней сбѣжимъ потихоньку ... Долго ли, коротко ли, а ужъ сманю я ее. Вотъ тебѣ сказываю! ... И духу нашего не услышишь ... А нѣтъ, разбоемъ пойду: силой выкраду, а ужъ будетъ моя! ... А ты лучше подушевно дѣлай, чтобы и тебѣ не голодать вѣкъ ... Я вотъ что надумалъ: испродамъ все, денегъ будетъ у меня достаточно ... И поѣдемъ всѣ вмѣстѣ втроемъ куда ни на есть, въ отдальную сторону жить ... Торговать станемъ, разбогатѣемъ ... Почитать тебя стану ...

— Убирайся ты и вправду ... Что ты, дуру, что ли, нашелъ? Испугать али обойти меня хочешь?.. Видала, братъ, я на своемъ вѣку много экихъ бахваловъ-то! ... Не испугаешь меня и на кривой-то не объѣдешь! ... Кабы у тебя тысячи въ карманѣ-

то были да вынялъ бы ты ихъ и мнѣ въ руки отдалъ ... ну, мы бы еще съ тобой поговорили ... А этакъ-то? ... Ступай-ка, проваливай! ... Вишь ты, онъ меня чѣмъ манитъ: уѣдемъ да торговать станемъ на два алтына, богатѣть будемъ ... Да ты сначала расторгуйся, да тутъ и пріѣзжай за нами купцомъ да въ каретѣ ... Вотъ мы съ тобой и поѣдемъ тогда! ... Вишь ты! ... Пошелъ! ...

Дарья Тихоновна хлопнула калиткой передъ носомъ Кириллы и защелкнула ее. Кирилла торгнулся-было въ нее, но одумался и ушелъ. Въ избѣ Дарьи Тихоновны между тѣмъ погасъ огонь и все затихло.

Ѳедя стоялъ нѣкоторое время точно одурѣлый. Холодный потъ капалъ съ его лба, руки и ноги дрожали, въ головѣ былъ какой-то туманъ. Онъ не могъ связать двухъ мыслей. Ему хотѣлось и плакать, и броситься вслѣдъ за Кириллой, чтобы избить или задушить его, хотѣлось поскорѣе войти въ домъ, чтобы видѣть Параню и съ перваго взгляда узнать, виновата ли она передъ нимъ, чтобы обругать Дарью Тихоновну, высказать ей все свое презрѣніе и негодованіе ... Но сначала онъ не могъ двинуться съ мѣста, не могъ ни на что рѣшиться, потомъ пошелъ-было вслѣдъ за Кириллой, но, отойдя нѣсколько шаговъ, снова воротился къ избѣ Парани и безсмысленно смотрѣлъ на темныя окна. Также полу-безсознательно, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ постучалъ въ окно. Отвѣта не было. Онъ постучалъ опять, съ большей силой. Кто-то съ воркотней подошелъ къ окну, и Ѳедя услышалъ голосъ Дарьи Тихоновны:

— Чего еще нужно? Ступай, говорятъ, домой ... Полуношникъ! ... Сказано: не пущу ... Чего галашишься? ... Деревню, что ли, хочешь взбала-

мутить? ... Хошь все стучись, не пущу ... и съ полатей не слѣзу ... Ишь ты, собака! ... Право, пёсъ! ...

Ѳедя понялъ, что эти слова относились къ Кириллѣ, и хотѣлъ-было откликнуться, сказать, что это не Кирилла, а онъ, но изъ сдавленнаго спазмою горла вылетѣлъ только неопредѣленный глухой звукъ; пересохшій языкъ не могъ вымолвить слова. Слезы душили его.

„Нѣтъ, лучше ужъ до завтра ...“ — подумалъ Ѳедя. „Теперь мнѣ ничего не сказать, да и онѣ спать легли ... А завтра посмотрю ... Можетъ, и его тамъ встрѣчу ... Богъ съ тобой, Параня, Богъ съ тобой! ...“

Юноша присѣлъ на заваленку у избы Дарьи Тихоновны, закрылъ лицо руками и тихо зарыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Въ деревнѣ уже всѣ огни погасли, все кругомъ спало, темная осенняя ночь безъ луны, безъ звѣздочки на небѣ, непроглядною тьмою покрыла землю, когда Ѳедя, не успокоенный, но нѣсколько облегченный слезами, поднялся на ноги и, почти ощупью, на-память, пошелъ по направленію къ селу. Онъ рѣшился идти къ учителю, разбудить его, если бы даже тотъ спалъ, и попросить ночлега. Село было ближе къ Онучину, чѣмъ Ступино, да онъ и боялся теперь, не повидавшись предварительно съ Параней, встрѣтиться съ Кириллой; кромѣ того, ему нужно было видѣть Василія Якимыча по извѣстному дѣлу. Онъ могъ сказать ему, что пришелъ прямо съ фабрики и потому запоздалъ, а завтра уйти пораньше подъ предлогомъ свиданія съ Ѳедотомъ Семенычемъ и сестрою и необходимости къ ночи воротиться на фабрику. Онъ желалъ скрыть отъ Васи-

лія Якимыча все, что сейчасъ видѣлъ и слышалъ, все, что выстрадалъ, и потому, подходя къ селу, старался успокоиться, удалить отъ себя мысль о Паранѣ и сосредоточиться на затѣваемомъ дѣлѣ и данномъ ему порученіи. Ѳедя зналъ, что Василій Якимычъ будетъ очень доволенъ, если увидитъ, что ученикъ его интересуется общественными дѣлами больше, чѣмъ своими личными.

— Да и чего я, въ самомъ дѣлѣ, очень ужъ такъ къ сердцу принялъ, — успокаивалъ себя Ѳедя: — вѣдь это Кирюшка хвасталъ, и Дарья Тихоновна нехорошія слова говорила, а Параня, можетъ-быть, тутъ ни при чемъ, ни душой, ни тѣломъ не виновата ... Такъ только мнѣ горько сдѣлалось, что я не съ тѣмъ шелъ, не того ждалъ: думалъ, — увидитъ, обрадуется ... А тутъ этотъ проклятый ... А зачѣмъ же она смѣялась на его пѣсню, это ея, ея смѣхъ я слышалъ ... Ужъ меня сердце не обманетъ! ... И онъ цѣловалъ ее ... Я это чувствовалъ! ... Хоть она и завизжала, да это что ... Кабы не захотѣла, не посмѣлъ бы онъ и подступиться ... Да и не сидѣла бы она съ ними, ушла бы! ... Развѣ мать велѣла? ... Отъ нея станется! ... А вѣдь при другихъ же она ей не велитъ быть ... Значитъ, сама захотѣла? ... Ахъ, Господи, что же это будетъ? Что мнѣ дѣлать теперь? ...

И снова, снова мысли Ѳеди, противъ его воли, возвращались къ Паранѣ. Онъ шелъ и терзался, вздыхалъ, сжималъ съ бѣшенствомъ кулаки, не разъ готовъ былъ вновь зарыдать и посылалъ проклятія Кириллѣ и матери Парани.

Но вотъ и волостное правленіе. Въ одномъ окошечкѣ его, въ нижнемъ этажѣ, свѣтился огонекъ. Это было окно квартиры учителя: значитъ, не спитъ

еще. Ѳедя вспомнилъ, что Василій Якимычъ любилъ засиживаться по ночамъ, читая книгу или просто ходя изъ угла въ уголъ съ папироскою въ рукѣ; завтра же праздникъ, слѣдовательно, ученья не будетъ, и Василью Якимычу можно спать хоть до обѣда. Ѳедя, сообразя это, остановился, чтобы собраться съ духомъ и притвориться спокойнымъ.

— Надо ему все разсказать: и про Александра Кузьмича, и про барышню, и про студента, и какіе у насъ разговоры, какіе замыслы ... Онъ обрадуется, что я попалъ къ такимъ людямъ и что меня не взлюбилъ директоръ, и что я не за-одно съ главнымъ хозяиномъ, не въ особенной милости у него, и понимаю, что это за человѣкъ, какъ онъ только себѣ желаетъ и не думаетъ о рабочихъ, презираетъ и притѣсняетъ ихъ ... Да, да, пускай же онъ не говоритъ, что я только для себя, что у меня въ головѣ одна нажива, да ... Объ ней, о Паранѣ, — я и виду не подамъ ... А будетъ спрашивать, скажу: не видѣлъ, ничего не знаю ... Что ему за дѣло до нея? ... Зачѣмъ ему знать? ...

Ѳедя подошелъ къ освѣщенному окну и заглянулъ въ него. Комната Василія Якимыча была наполнена густымъ табачнымъ дымомъ, сальная свѣча тускло мерцала въ этомъ дыму, стоя у изголовья постели, на которой навзничь лежалъ самъ хозяинъ. За спинкою кровати не было видно его самого, но видна была рука съ дымящейся папироской, которую Василій Якимычъ то-и-дѣло подносилъ ко рту, выпуская затѣмъ цѣлыя облака дыма.

„Видно, что-нибудь нехорошо у него, чѣмъ-нибудь разстроенъ!“ подумалъ Ѳедя. „Всегда онъ такъ, какъ что не по-немъ: либо бѣгаетъ взадъ да

впередъ, либо лежитъ навзничь да куритъ папироску за папироской“ ...

Ѳедя осторожно постучалъ въ окно. Василій Якимычъ порывисто вскочилъ, нервно осмотрѣлся, прислушался и подошелъ къ окну; застѣняя рукою свѣчу, онъ старался разглядѣть, кто былъ на улицѣ, у него подъ окномъ.

— Это я, я, Василій Якимычъ ... Ѳедя! ... Отоприте, пустите меня! ...

— Ѳедя! — съ удивленіемъ и какъ будто даже съ радостью вскрикнулъ учитель. — Поди на крыльцо, сейчасъ отопру.

— Другъ любезный! ... Какими это судьбами въ этакое время? ... Откуда ты? — спрашивалъ Василій Якимычъ, встрѣчая своего гостя.

— Прямо съ фабрики ... Нарочно къ вамъ, Василій Якимычъ, повидаться захотѣлось ... Тоже идти не близко: вышелъ вечеромъ, запоздалъ ... Ужъ не обезсудьте, не выгоньте, дайте переночевать ...

— Что ты, братецъ ... Да я тебѣ радёхонекъ... Только не случилось ли чего съ тобой: лицо-то у тебя что-то такое ... невеселое? ...

— Нѣтъ, ничего ... Съ устатку, должно быть: поспѣшалъ, шелъ очень скоро ... Вѣрно оттого ... А вотъ у васъ такъ, видно, что-нибудь не ладно ... Разстройство какое-нибудь ... непріятность ... Я къ вамъ примѣнился ... Да и изъ лица вижу перемѣну большую ...

Василій Якимычъ, дѣйствительно, имѣлъ такой видъ, точно пережилъ какую тяжкую болѣзнь: похудѣлъ, осунулся, лицо потемнѣло, глаза были желтые.

— Э, братъ, жить не даютъ нашему брату! —

вскричалъ онъ съ раздраженіемъ. — Хороша ли, сладка ли наша жизнь на пятнадцать рублей жалованья въ мѣсяцъ, съ работой съ утра до вечера? .. Такъ и то отнять хотятъ, и этого лишить надо человѣка ... Пускай издыхаетъ на улицѣ, какъ собака!.. Дѣлаешь дѣло свое честно, желаешь добра искренно, не жалѣешь себя для людей ... Зачѣмъ? Кто тебя проситъ? Развѣ это нужно? ... Умѣй стоять на вытяжку, руки держи по швамъ, молчи, не возражай, когда какой-нибудь идіотъ глупости тебѣ говоритъ и глупостей требуетъ, — вотъ что нужно! Вотъ въ чемъ должна быть твоя служба обществу, твой долгъ! ... Лучше ничего не дѣлай, лучше въ два года не выучивай дѣтей читать, лучше пьянствуй, играй въ карты, безпутничай, обирай съ дѣтей грибы и ворованныя яйца, какъ дѣлаютъ другіе, чѣмъ нарушать программу, учить дѣтей тому, что не показано, развивать ихъ головы, толковать о добрѣ и чести ... А главное дѣло: помни кто ты, какой ты червякъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ легко тебя раздавить, уничтожить, и потому трепещи, унижайся, не смѣй разсуждать и думать, а не то что возражать и разговаривать!.. Ну, скажи, Ѳедя, скажи по совѣсти, не боясь меня обидѣть: выучивались ли у меня сколько-нибудь толковыя дѣти читать и писать въ три-четыре мѣсяца? ...

— Да какъ же не выучивались: я самъ видѣлъ сколькихъ мальчиковъ ...

— Ну, дальше: любили ли мои дѣти школу, привязывались ли ко мнѣ, возбуждалась ли въ нихъ любознательность, лѣзли ли они ко мнѣ на перебой съ вопросами о томъ, о другомъ, о третьемъ, — съ такими вопросами, на которые учитель обязанъ, не имѣетъ права не отвѣтить, если онъ не пошлякъ, не

идіотъ и понимаетъ свои обязанности? ... Ну, скажи по совѣсти ...

— Да что говорить, Василій Якимычъ ... Это не то, что я ... каждый, мало-мальски толковый, неграмотный мужикъ скажетъ ... Сколько разъ мнѣ приводилось слышать: удивлялись только, какъ къ вамъ дѣти рвутся въ школу, какъ они васъ любятъ и какъ вамъ не надоѣстъ цѣлые дни возиться съ ними ...

— Такъ это все вѣрно, значитъ! ... Ну, а слыхалъ ли ты, чтобы я училъ дѣтей подлости, неуваженію къ ихъ бѣднымъ неграмотнымъ родителямъ, къ правдѣ, къ закону? ... Чтобы я внушалъ имъ духъ непокорности, самоувѣренности, зазнайства, чтобы я развращалъ ихъ дѣтскую душу невѣріемъ и кощунствомъ надъ тѣмъ, что для нихъ святыня? ... Ну, обвиняй меня въ этомъ, если можешь, если есть у тебя хоть какой-нибудь къ этому поводъ ... Не совѣстись, говори прямо ...

— Какъ же я буду васъ обвинять, Василій Якимычъ, коли этого никогда не было ... Кто же это можетъ сказать? ...

— Ну, вотъ видишь? ... А я все это дѣлалъ, во всемъ этомъ я обвиненъ! ... Я привязывалъ къ себѣ дѣтей для того, чтобы развращать ихъ, они плохо знаютъ священную исторію, которой не я ихъ. учу, потому, что я отвлекалъ ихъ вниманіе своими разсказами и объясненіями, не входившими въ программу, они были невнимательны, шаловливы и непослушны въ классѣ священника потому, что я ихъ такъ настраивалъ, они рѣдко ходятъ въ церковь не потому, что разбѣгаются на праздники по домамъ и что ихъ не посылаютъ въ церковь родители, которые и сами не ходятъ, а потому, что я внушилъ имъ духъ невѣрія и неуваженія

къ религіи ... Это ребятишкамъ-то, — десяти-одиннадцати лѣтъ! ... Они не умѣли показать ни страха, ни раболѣпства, ни благоговѣнія къ особѣ г. посѣтителя школы, а отвѣчали ему на всѣ его вопросы бойко, смѣло, весело, какъ и слѣдуетъ дѣтямъ ... Значитъ, учитель внушаетъ имъ неуваженіе къ начальству — и прочее, и прочее ... Господи, говорю, да вѣдь это дѣти, и притомъ дѣти деревенскія, мужицкія, развѣ они могутъ понимать, что такое школьное начальство, которое они видятъ разъ въ годъ, и развѣ они знаютъ, какъ нужно себя держать съ нимъ? „Должны понимать и знать ... И вотъ это настоящая ваша обязанность — внушить и растолковать имъ". — Да, наконецъ, говорю, это тоже не входитъ въ мою программу, какъ сельскаго учителя! ... За это окрикъ, дерзость: „*ты* начинаешь, кажется, грубить ... *ты* забываешься! ... Помни, съ кѣмъ говоришь! ..." Да, развѣ есть человѣческая возможность ни за что, ни про что оскорбленія выслушивать? ... Ну, и говорю: какъ же вы требуете вѣжливости отъ крестьянскихъ дѣтей, когда не знаете ее сами? — Поблѣднѣлъ, затрясся. „А-а, вотъ каковъ! ..." Ужъ тутъ ни *ты*, ни *вы* не сказалъ! ... „Хорошъ наставникъ! Хорошъ руководитель дѣтей! ..." И вотъ, братъ Ѳедя, велѣно убираться отсюда: послѣдніе дни въ школѣ, — черезъ недѣлю ужъ не засталъ бы меня здѣсь! .. И вѣдь главное-то, что обидно... Не то, что глупецъ и негодяй тебя не понялъ, оскорбилъ и лишаетъ куска хлѣба и любимаго, единственнаго дѣла, къ которому считалъ себя способнымъ ... Ну, тутъ можно еще и самого себя обвинить: зачѣмъ не гибокъ, не уступчивъ, не терпѣливъ? ... Что дѣлать: съ волками жить, по волчьи

и выть!.. Не убѣжишь за тридевять земель, когда пить-ѣсть нечего! ... А то, главное, досадно, что — какъ послѣ узналъ, — хоть бы и сподличалъ, и унизился, все бы равно было: у нашего попа женинаго брата изъ семинаріи за неспособность изъ реторики, что ли, исключили, — и мое мѣсто впередъ еще ему было обѣщано ... Вотъ что обидно и горько ...

— Не горюйте, Василій Якимычъ! — вскричалъ Ѳедя, — я къ вамъ съ добрыми вѣстями пришелъ ... Есть для васъ мѣсто, — много получше здѣшняго будетъ! ...

И Ѳедя торопливо разсказалъ Василію Якимычу о предложеніи молодого Кошатникова.

Лицо учителя мгновенно оживилось.

— Вотъ, братъ, это дѣйствительно радость для меня! ... Спасибо, Ѳедя! ... И въ самую критическую минуту! ... Да попасть въ школу порядочнаго частнаго человѣка — это моя давнишняя мечта!.. Дѣло не подневольное, устроенное не ради корысти или оффиціальности, но изъ чистаго побужденія сдѣлать добро ... Да тутъ душу положить можно!... Не то, что за такое жалованье, а меня только кормите да наготу чѣмъ-нибудь прикройте, — я и тутъ бы пошелъ ... Нѣтъ, еще, слава Богу, есть, видно, люди на Руси! ... И какъ ты счастливо попалъ, Ѳедя, въ хорошую колею, къ хорошему человѣку!.. Ну, разскажи же, разскажи мнѣ подробно, что это за человѣкъ, кто его окружаетъ, какъ ты живешь, что тамъ дѣлается, — все, все разскажи подробно ... Это что-то неожиданно-счастливое, желанное! ... Разсказывай ... Да погоди, согрѣемъ мы самоваръ,— давай на радостяхъ чай пить ... Или спать, можетъ, хочешь? — Такъ ложись на мою постель .. Я спать совсѣмъ не хочу ...

Но Ѳедя также не хотѣлъ спать. Пріятели обоюдными силами согрѣли самоваръ и усѣлись за него; удовольствіе Василія Якимыча облегчило и душу Ѳеди; онъ повеселѣлъ и подробно разсказывалъ о всемъ, что съ нимъ было на фабрикѣ, до послѣдняго совѣщанія включительно.

— Да, братъ Ѳедя, это, можетъ быть, жизнь!! .. Это не здѣшнее прозябаніе! .. Тамъ видна возможность борьбы, возможность прямого добра! ... И этотъ Промптовъ! ... Да, это загадка, но я ее, кажется, понимаю ... Что же? ... Во всякомъ дѣлѣ есть низшія дѣйствующія и высшія — регулирующія силы ... А въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ народнаго блага, онѣ равны по значенію, потому что одинаково необходимы и полезны ... Еще Богъ знаетъ, что выше: быть ли непосредственно чернорабочимъ, какъ я, или направлять чужую дѣятельность? Тутъ еще могутъ быть увлеченія, ошибки, деспотизмъ: а тамъ — непосредственное добро и самопожертвованіе ... И какъ я радъ, Ѳедя, за тебя, если бы ты зналъ! ... Теперь я попрошу у тебя извиненія въ моихъ прежнихъ словахъ и предположеніяхъ: нѣтъ, я вижу, ты не таковъ, ты не пойдешь по опасной дорогѣ ... Ты прямо примыкаешь къ честной сторонѣ и становишься въ оппозицію къ одной темной, невѣжественной, силѣ ... Значитъ, я могу съ гордостью сказать, что мое сѣмя упало въ тебѣ не на безплодную почву!.. Ну, а что же твоя любовь?.. Скажи-ка ты мнѣ ...

Разговора объ этомъ Ѳедя боялся больше всего; но вопросъ Проскурова засталъ его врасплохъ: онъ поблѣднѣлъ, опустилъ глаза, и лицо его вдругъ отуманилось. Напрасно онъ искалъ въ головѣ подходящаго отвѣта, который сразу устранилъ бы

дальнѣйшіе разспросы; онъ ничего не могъ придумать и молчалъ.

— Что, али что-нибудь недоброе узналъ? Ахъ, вотъ еще обрадуй: скажи, что эта дурь ... ну, право, дурь, Ѳедя ... свалилась съ тебя ... Ну, что же молчишь? Вѣдь мы съ тобой друзья! Съ кѣмъ другимъ, а со мной-то тебѣ грѣхъ и стыдно скрытничать ... Выкладывай скорѣе все, что есть на душѣ ... Въ эту минуту я сумѣю и выслушать, и понять тебя, — и, можетъ быть, добрый совѣтъ дать или утѣшить ...

— Вы смѣетесь надо мной ... Вы думаете, что это такъ только, — говорилъ Ѳедя, который и самъ почувствовалъ потребность высказаться, подѣлиться и чувствомъ своимъ, и горемъ. — Вы не знаете ея хорошенько и дурно думаете о ней, а она ... Это все мать! ... А мнѣ тяжело, когда вы смѣетесь или браните ее ...

— Значитъ, не прошло еще ... Ну, ну, говори, даю тебѣ слово, что ни смѣяться, ни бранить ее не стану ... Разсказывай все, коли хочешь, коли тебя это облегчитъ ... Выслушаю какъ друга ... А не хочешь говорить, — не надо, не сказывай! ... Мнѣ только жалко тебя: все кажется, что тебя обманываютъ и что ты, вмѣсто дѣла, на пустяки, на мерзость душу свою отдаешь ... Вотъ только почему спрашиваю, а то какъ хочешь ... Твое дѣло! ...

— Нѣтъ, я хочу сказать ... Мнѣ больше нѣкому, какъ вамъ ... Вы послушайте и посовѣтуйте мнѣ, только не смѣйтесь и не браните ее, зря ... Я вѣдь ... Все вѣдь я по-прежнему къ ней, какъ и былъ ... Нѣтъ, кажется, еще больше ...

Ѳедю опять душили слезы, — опять всѣ прежнія впечатлѣнія поднялись въ его душѣ.

— Да, ну, ну, разсказывай, — полно ужъ, горе-голова! ...

Несвязно, прерывисто, то блѣднѣя, то краснѣя, разсказывалъ Ѳедя всю исторію своей любви, но когда дошелъ до послѣднихъ событій, до случайно подслушаннаго имъ циническаго разговора Кириллы съ Дарьей Тихоновной, въ душѣ его, среди злобнаго раздраженія противъ этихъ двухъ лицъ, вдругъ поднялось чувство жалости къ Паранѣ, вмѣстѣ съ упрекомъ самому себѣ, что онъ въ ней усумнился, что онъ оскорбилъ ее напраснымъ подозрѣніемъ и даже высказалъ это подозрѣніе стороннему человѣку. Онъ поспѣшилъ предупредить какой-либо выводъ, какое-либо замѣчаніе со стороны Проскурова на-счетъ Парани.

— Да нѣтъ, нѣтъ, Василій Якимычъ, вы и не думайте, и не судите ее по этому ... Тутъ она ни въ чемъ не виновата: это все матка ея, да этотъ ... Кирюшка ... Она, Параня, не такая! ... Вѣрно вамъ говорю, не такая! ... А вы лучше надоумьте меня, посовѣтуйте: что мнѣ дѣлать? какъ быть? ... Уйду я на фабрику, видать мнѣ ихъ часто нельзя, а онъ тутъ ... этотъ Кирилла нашъ ... Онъ отчаянный, — онъ на все пойдетъ! ... Что тутъ сдѣлать? ... Вы говорили: какъ другу, разскажи мнѣ все ... Вотъ посовѣтуйте же мнѣ ... Я придумать ничего не могу, а что думаю, — все не дѣло ... А только-что мнѣ не сжить безъ нея ...

— Совѣтовать-то, братъ, тутъ мудрено, хоть я, правда, и самъ напросился ... Да я думалъ, надѣялся, что у тебя глаза открылись и что мнѣ придется только утѣшить тебя да помочь совсѣмъ эту обузу съ плечъ спихнуть ... Кабы ты стряхнулъ съ себя эту блажь, совсѣмъ бы ты былъ теперь чело-

вѣкъ настоящій ... и годился бы на всякое дѣло ... Ну, да нѣтъ, — видно, время еще не пришло! ... Такъ вотъ что: не будь же хоть бабой, поди къ нимъ да и скажи прямо, что ты видѣлъ и слышалъ ... И потребуй, что ли, тамъ, чтобы его не пускали, — чтобы или ты, или онъ ... Хоть, по крайней мѣрѣ, увидишь, что они объ тебѣ думаютъ ... Ужъ доведи, по крайности, дѣло до конца ...

— А ну какъ мать скажетъ мнѣ: убирайся! Тебя никто не спрашиваетъ въ наше дѣло мѣшаться! ... Я, молъ, и знать-то тебя не хочу ...

— Да денегъ-то ты несешь имъ?

— Да много-ли денегъ! ... Что это! ...

— Все-таки, значитъ, несешь ... И впередъ принести пообѣщаешь ... Ну, такъ не бойся, — не скажутъ! ... Вотъ кабы безъ денегъ пришелъ, — то другое дѣло: пожалуй, и прогнали бы ...

— Эхъ, Василій Якимычъ, вы все про это ... Да нѣтъ же, любитъ меня Параня, она обѣщалась ждать меня, ни за кого замужъ не идти, кромѣ меня ... Вонъ, и Николка говорилъ, что она все поминаетъ меня ... Я вѣдь два мѣсяца слишкомъ у нихъ не бывалъ, — ни вѣсти объ себѣ не посылалъ, ни денегъ ... Онѣ, можетъ, думаютъ, что я и совсѣмъ отъ нихъ отсталъ ... Нѣтъ, мнѣ бы какъ только Кирюшку отъ нихъ отлучить ...

— Такъ скажи про него женѣ и отцу ... Вотъ! ... Ужъ, братъ, тутъ, если бабѣ скажешь, — усторожитъ! ... А отецъ старшина, и матку-то Паранину припугнетъ, потому — она подарки отъ Кирилла принимаетъ, домъ ихъ разоряетъ ...

Ѳедя задумался и молчалъ. По лицу его видно было, что онъ разсѣянно слушалъ Василія Якимыча, и что если онъ высказывался и просилъ совѣта,

такъ только для того, чтобы говорить и думать вслухъ о своемъ недугѣ. Проскуровъ понялъ, что никакіе совѣты его тутъ неумѣстны, что Ѳедя поступитъ такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ и минутному побужденію ...

— Ты только вотъ что̀ помни, Ѳедя, — сказалъ онъ ему, — что тебѣ стыдно отдаваться совсѣмъ этой любовной блажи, что у человѣка есть дѣло и обязанности, которымъ онъ долженъ служить, какія бы тамъ у него ни были личныя заботы и печали ... А объ этомъ я больше съ тобой и говорить не хочу: мнѣ и противно, и досадно становится ... Ты не слюняй какой-нибудь и не баричъ-бѣлоручка! ... У тебя вотъ очень ужъ нервная впечатлительность развита, точно ты въ городѣ на романахъ выросъ ... Не забывай, что ты мужикъ, что романы тебѣ неприличны, что тебѣ надо работать и бороться, а не сахарничать ... Нашему брату жизнь-то мачиха: на каждомъ шагу одни встряски да подзатыльники ... Намъ нужно на все быть готовыми, все умѣть грудью встрѣтить, всего своими руками да мозгами добиваться! ... А онъ тутъ будетъ объ разлапушкѣ думать да сахары съ нею разводить ... Наплюй! — Вотъ весь тебѣ мой дружескій совѣтъ! ... Больше объ этомъ и говорить не будемъ ...

Василій Якимычъ ходилъ взадъ и впередъ по своей каморкѣ, пыхтя папироской. Ѳедя сидѣлъ у стола, подперши голову рукою, мрачный, печальный.

— Да, — говорилъ онъ сосредоточенно, — и я мужикъ, и Кирилла мужикъ, и оба мы живемъ и дѣлаемъ всякъ по-своему ... И у всякаго сердце свое! ... Я отъ работы не бѣгаю, дома не разоряю, зла никому не хочу и не сдѣлаю ... А ужъ

коли пала Параня мнѣ на сердце, такъ не отнять ея у меня Кириллѣ ... Не бывать этому! ... Ладно же, я знаю, что̀ я сдѣлаю! ...

Ѳедя поднялъ голову и смѣло тряхнулъ ею. Лицо его оживилось и повеселѣло: въ головѣ его вдругъ сложился планъ, который давалъ ему надежды, успокаивалъ его. Онъ всталъ.

— А вѣдь ужъ не рано, Василій Якимычъ ... сказалъ онъ. — Смотри, скоро утро ... Время, чай, соснуть и вамъ: я, можетъ мѣшаю вамъ ... Ложитесь, а я пойду вонъ въ школу да тамъ прилягу на лавкахъ ... Какъ разсвѣтетъ, такъ и уйду ... Попрощаемтесь теперь ... Я ужъ васъ завтра не потревожу ...

— Да куда же ты такъ рано-то? ... Что надумалъ еще? ...

— Вѣдь мнѣ нужно побывать и у своихъ, и на фабрику, хоть ночью, воротиться ...

— И туда? — спросилъ Проскуровъ, улыбаясь.

— И туда, Василій Якимычъ, не хочу лгать, туда прежде всего ... А что̀ надумалъ, — послѣ скажу, коли сдѣлается: теперь говорить не стану, и то вамъ надокучилъ ... Да вѣдь мы, чай, скоро и увидимся тамъ, на фабрикѣ ...

— Да, да, я скоро приду, вотъ только здѣсь совсѣмъ разсчитаюсь, и тотчасъ туда ... Такъ тамъ и скажи, что согласенъ и радъ! ... А вотъ, братъ, что: я-то спать вовсе не хочу, да и завтра у меня цѣлый день дѣлать нечего, — высплюсь ... А тебѣ такъ вотъ нужно отдохнуть и укрѣпиться: ложись-ка на мою кровать, а я свѣчку унесу въ классъ и буду тамъ ходить и курить: и тебѣ свѣтъ не мѣшаетъ, и мнѣ просторнѣе ... А завтра чѣмъ свѣтъ я и разбужу тебя ...

Ѳедя было уперся, но Василій Якимычъ настоялъ и уложилъ его на свое, не мягкое, впрочемъ, ложе.

Усталый, измученный и физически, и нравственно, Ѳедя скоро уснулъ, но Василію Якимычу, который остатокъ ночи промаршировалъ по школѣ и выкурилъ безсчетное количество папиросъ, не удалось разбудить пріятеля. Онъ вскочилъ на ноги, едва только стало свѣтать, наскоро попрощался съ учителемъ и ушелъ.

— Ну, братъ, совсѣмъ ты Ромео изъ Ступина! — сказалъ Проскуровъ, усмѣхаясь и провожая пріятеля.

IV.

Дарья Тихоновна и Параня проснулись поздно. Николка, по случаю праздника, находившійся дома, натаскалъ дровъ и опять залѣзъ на полати. Мать растопила печку и приготовлялась стряпать, а дочь только-что встала, лѣниво потягиваясь, сидѣла на лавкѣ и медленно расчесывала гребнемъ свою длинную косу.

— Матушка! — окликнула Параня.

— Что? ...

— Чай, поди, опять придетъ сегодня ...

— Кто? ...

— Ну, кому больше: знамо, Кирилла ...

— Какъ, чай, не придти ... Придетъ! ... Обѣщался! ...

— Мнѣ уйти изъ дома-то или нѣтъ? ...

Дарья Тихоновна отвѣчала не вдругъ, а подумавши и нерѣшительно:

— Какъ знаешь ... Перво, пожалуй, посиди ... А тутъ, коли станетъ дурить, да если мигну, такъ уйди ...

— А онъ ко мнѣ пристаетъ ... Отбою нѣтъ!— проговорила опять Параня послѣ нѣкотораго молчанія.

— А ты не приманивай ... не подпускай ... Оборви его хорошенько ...

— Да, пожалуй ... Пытала: хуже только! ...

— Ну, полно врать ... Захотѣла бы, отсталъ сразу ...

— Не таковскій парень! ... Неотвязный! ...

— Ты, дурочка, не думай ... Вѣдь онъ женатый! ...

— Такъ развѣ я не знаю ...

— А ты почемъ знаешь? ...

— Недавно узнала, сказали ...

— Да вѣдь и мнѣ-то недавно сказали ... И поди-жъ ты, сколь времени таился! ... Перво на базарѣ, въ трактирѣ, мы съ нимъ повстрѣчались ... Робятъ-то упросилъ, видно, не сказывать, что женатый, боялся, видать, что до домашнихъ дойдетъ, и изъ другой деревни сказался ... Такъ за холостого и шелъ ... Недавно, недавно я его уличила ...

— Что же онъ? ...

— Ничего, хохочетъ, смѣется! ... А тебѣ, говоритъ, что за дѣло, женатый я или холостой? ... Какъ, я говорю, что̀ за дѣло? ... Кабы я пережъ знала, что ты женатый, такъ, можетъ, я бы и въ избу-то тебя не пустила ... Для того, говоритъ, я холостымъ и хожу! ... Поди ты съ нимъ! ...

— Онъ веселый! ... Лихой! ...

— Лихъ-то онъ, лихъ ... Да боюсь ужъ я, какъ бы бѣды съ нимъ не нажить ...

— А что? ...

— А то, — отвѣчала Дарья Тихоновна и взглянула на полати.

— Николка! — окликнула она сына и подождала; но отвѣта не получила.

— Спитъ! Ничего ... не услышитъ! — сказала Параня, сразу понявши мать.

— Ты знаешь ли, чей онъ сынъ-отъ? — спросила Дарья Тихоновна вполголоса, подойдя близко къ дочери.

— Знаю: старшиновъ ... Да отецъ-отъ его отдѣлилъ ... Не то отдѣлилъ: все ему предоставилъ, — и домъ, и все! ...

— Онъ отбился у отца-то ... Вѣдь онъ, сказываютъ, деревню спалилъ ... въ острогѣ два года сидѣлъ ... Вѣдь онъ бѣдовый! .. Не знаю, какъ отдѣлаться-то отъ него ... Я уже давно вижу, что онъ къ тебѣ пристаетъ ... Думала, не вижу, что-ли? ... Вижу! ... А ты знаешь ли, что онъ вчера мнѣ загнулъ? ...

— Что? ...

— Отдай, говоритъ, мнѣ Параньку ... Я весь домъ, все имѣнье распродамъ ... Уѣдемъ, говоритъ, куда подальше да и будемъ жить ... А то, говоритъ, все равно сманю я ее ... Это тебя-то ... Сама убѣжитъ со мной ... Либо, говоритъ, силомъ выкраду! ... Отъ него все станется: онъ отчаянный! ... Вонъ глазищи-то какіе: ночь темная! ...

— Ты что же ему сказала?

— Ну, что̀ сказать-то: извѣстно — обругала! .. А ты вотъ зачѣмъ его приманивала-то? ... Видно, потачку давала, коли такія рѣчи говоритъ? ...

— Да чѣмъ я его приманивала? Ничѣмъ не приманивала ... Сама же велѣла, чтобы не уходила, какъ придетъ ...

— Такъ вѣдь, дура, я думала — холостой да богатый: больно ужъ онъ машистъ, такъ деньгами-то и швыряетъ ...

— Ну, такъ вѣдь и я тоже думала, что холостой ... А ты видала ли жену-то его? ...

— Нѣту, да что мнѣ за корысть? ...

— Вѣдь она Ѳедина сестра ...

— Знаю ... Только я ему и не заикалась про Ѳедора-то, точно и не слыхала про него никогда ...

— Гдѣ-то онъ, сердечный? ... Ни слуху, ни духу нѣтъ про него! ... Вотъ съ Николкой обѣщался побывать, да такъ и не пришелъ ...

— Да, вотъ, вѣрь имъ! — наставительно сказала Дарья Тихоновна. — Наобѣщаютъ съ три короба, а послѣ и нѣтъ ничего ...

— Ну, этому повѣрить можно! ... А, видно, что-нибудь нельзя никакъ ... На-ка, матушка, разбери мнѣ косы-то сзади ...

— Да что, ужъ очень любъ, что ли? ... Кажись, не тоскуешь по немъ? — спросила Дарья Тихоновна, исполняя просьбу дочери.

— Тосковать-то не тоскую, а все думается: больно ужъ онъ меня-то полюбилъ ... Такъ полюбилъ, такъ полюбилъ! ... Да ужъ больно смиренъ, поступчивъ ... Вей изъ него веревки ... Только въ глаза смотритъ! ... Этакой робкій парень, а душевный ... И говоритъ сладко: не какъ наши, оглашенные ...

— Да ничего вѣдь нѣтъ у него ... Бѣдный! ...

— Кабы не бѣденъ-то, такъ что бы! ... Лучше бы его не надо! ... Да обѣщалъ разбогатѣть ... Просилъ только годокъ подождать ...

Въ эту минуту двери избы отворились, и въ нихъ показался Ѳедоръ. Обѣ женщины вскрикнули отъ неожиданности. Параня съ распущенными еще по плечамъ волосами была особенно хороша, и Ѳедя

какъ вошелъ въ избу, такъ и остановился, точно окаменѣлый, любуясь на нее. Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ, не въ силахъ былъ промолвить слова, забылъ даже поздороваться. Параня, вскочившая было съ лавки на встрѣчу Ѳедѣ, остановилась, вспомнивши о своихъ распущенныхъ волосахъ, засмѣялась и съ лукавой улыбкой, кокетливо поглядывая на Ѳедю, схватила платокъ и начала торопливо повязывать имъ голову. Отъ этой улыбки, отъ вызывающихъ взглядовъ Парани, отъ всей ея красоты у Ѳеди потемнѣло въ глазахъ. Къ нему подошла Дарья Тихоновна.

— Вотъ легокъ на поминѣ-то, Ѳедоръ Герасимычъ, — привѣтливо говорила она, — только-что мы съ Параней тебя поминали ...

Голосъ Дарьи Тихоновны вывелъ Ѳедю изъ столбняка, заставивъ его опомниться и отвести глаза отъ Парани.

— Здравствуйте, Дарья Тихоновна, — отвѣчалъ онъ, чувствуя, что вся кровь прилила къ его лицу. Онъ застыдился, точно школьникъ, пойманный за непозволительной шалостью, и въ то же время вспомнилъ всѣ впечатлѣнія вчерашняго вечера, вновь почувствовалъ злобу и негодованіе противъ матери Параниной. Но онъ далъ себѣ слово до времени не подавать вида, что знаетъ о посѣщеніяхъ и намѣреніяхъ Кирилла.

— А я полагалъ, что вы не то, что вспоминать ... и думать-то обо мнѣ перестали, — продолжалъ Ѳедя съ улыбкой, — особливо вы, Парасковья Михайловна ... Здравствуйте ...

— Здравствуйте, — отвѣчала Параня, успѣвшая уже повязать платокъ и заглянуть въ висѣвшій на стѣнѣ верешокъ зеркала. — А вотъ и напрасно ...

Вонъ вы какъ насъ застали ... Не ждали никого эку рань, а все же про васъ поминали ...

— И какъ это можетъ быть, чтобы мы экихъ дорогихъ пріятелей своихъ забывали, какъ вы? ... Да развѣ это можетъ статься? — подхватила Дарья Тихоновна. — Садитесь-ка, гость дорогой. Ужъ не обезсудь, въ чемъ засталъ. Параня-то недавно встала, а я за стряпней ... Да не то, что забыть тебя, а дня не проходило, чтобы не поминали: гдѣ это нашъ другъ сердечный, куда это онъ закатился? ... И не вздумаетъ, и не вспомнитъ про насъ, сиротъ? ... Что это, родной, и самъ-дѣлѣ тебя давно не видно? ...

— Да все за дѣлами ... Никакъ невозможно было: то дома у батюшки работу управлялъ, а теперь вотъ на фабрику поступилъ ...

— На фабрику! — вскричали мать и дочь въ одинъ голосъ.

— Да, поступилъ ...

— Ну, вотъ какъ! ... Хорошо ли же пришлось? ... По какимъ дѣламъ-то? ...

— Да покамъ все слава Богу ... Дѣла мнѣ разныя тамъ будутъ: и по столярной части, и около машинъ! ...

— Значитъ, и жалованье хорошее получаете? ...

— Да жалованье, — это что! Сегодня одно, а завтра и вдвое дадутъ, смотря по дѣлу ... А то главное, что съ хозяйскимъ сыномъ очень ужъ мы подружились ... Такъ полюбилъ меня! ... И человѣкъ чудесный, добрый! ... И вся фабрика эта его будетъ: самъ-отъ старикъ нарочно ее для него и построилъ ... Богачи страшные!

— Что же, вамъ тутъ хорошо будетъ очень, Ѳедоръ Герасимычъ, коли хозяева васъ такъ полюбили ... Ужъ это на что лучше! ...

— Да, слава Богу! ... А гдѣ же Николаша-то вашъ? ...

— А вонъ спитъ на полаткахъ ... Да пора ему вставать ... Вотъ я сейчасъ его разбужу, — сказала Дарья Тихоновна.

— Зачѣмъ, Дарья Тихоновна? ... Не нужно! ... Пускай его спитъ: сегодня праздникъ! ... Я только къ тому, что здоровъ ли, молъ ... Меня сокрушало, что я точно позабылъ о немъ, а я не забылъ. Вотъ получите денежекъ ... я принесъ,—на его обученье ...

Ѳедя сталъ вынимать изъ кошелька приготовленную бумажку.

— Чтой-то, чтой-то, Ѳедоръ Герасимычъ,—встрепенулась Дарья Тихоновна. — Ужъ заботы твои велики о немъ, совѣстно даже ...

— Теперь время зимнее подходитъ, тоже одежу нужно ему справить: шубу, сапоги теплые ... Вотъ красненькую бумажку я покамъ принесъ ... Получите ...

— Ну, чтой-то, право, ну, совѣстно ... Себя ты не обижаешь ли, Ѳедянушка? — говорила Дарья Тихоновна, принимая деньги.

— Нѣту, не безпокойтесь! ... Теперь Богъ милостивъ! ... Деньги будутъ! ...

— Спасибо, родной, голубчикъ, спасибо ... Дай Богъ тебѣ здоровья! ... Не оставляешь ты сиротъ! ..

Ѳедя мелькомъ взглянулъ на Параню. Она сидѣла, опустя глаза въ землю.

— Мнѣ вѣдь вотъ нужно поторапливаться еще побывать къ сестрѣ да къ Ѳедоту Семенычу ... А къ ночи нужно на фабрику поспѣшать, — говорилъ Ѳедя. — Я къ вамъ на минутку только ...

— Чтой-то, чтой-то ... Побойся Бога! ... Нѣтъ, не пущу не поѣвши ... Вотъ печь растопилась. Яиченку сдѣлаю да блинковъ напеку ... Какъ можно, экой гость дорогой, сколько времени не бывалъ, да я его такъ отпущу, голоднаго! ... Чтой-то, не обижай! ... Водочки, знаю, не кушаешь ...

— Нѣтъ, еще, благодарить Бога, не пріучился ...

— А вотъ что: блины-то блинами, а я сейчасъ сбѣгаю, — у сусѣдки самоварчикъ промыслю, чайку у меня испей ... Да посиди, батюшка, не торопись. Поспѣешь еще ... Не пускай его, Паранька ... А я сейчасъ сбѣгаю ...

Дарья Тихоновна проворно юркнула изъ избы.

Ѳедя, оставшись одинъ, взглянулъ на Параню. Та смотрѣла на него свѣтлымъ, открытымъ взглядомъ и улыбалась тою улыбкой, которую Ѳедя никогда не могъ вспомнить безъ трепета, и теперь онъ чувствовалъ, какъ сердце колотилось у него въ груди. Такъ, молча, смотрѣли они другъ на друга нѣсколько мгновеній. Наконецъ, Ѳедя вдругъ всталъ и пересѣлъ рядомъ съ Параней

— Такъ какъ же, Параня, не забыла ты меня?

— Видно, не забыла, коли вспоминала ...

— И никого не полюбила другого, покамъ не видались?...

— Кого здѣсь полюбить-то?

— А кабы было кого, такъ полюбила бы, значитъ?...

— Не знаю ... А ты бы еще года на два запропалъ ...

— Такъ великъ-ли срокъ-то, по который ждать хотѣла меня?...

— А вотъ какъ бы забыла, такъ и ждать перестала ...

Ѳедя вдругъ схватилъ Параню за руку.

— Паранюшка, солнышко, скажи всю правду, не обманывай меня: никого ты не полюбила, ни съ кѣмъ не играла безъ меня? — спрашивалъ Ѳедя такимъ голосомъ, съ такимъ огнемъ въ глазахъ, что Параня подозрительно взглянула на него.

— Да нѣтъ же, полоумный, говорятъ тебѣ, — нѣтъ ...

— Скажи еще: и не цѣловалась ни съ кѣмъ?...

— Вотъ пристaлъ ... Да нѣту, нѣтъ!..

— А Кирюшка? — прошепталъ Ѳедя, и глаза его вспыхнули злобой.

Параня покраснѣла, но тотчасъ же оправилась.

— Вотъ еще выдумалъ, — сказала она со смѣхомъ. — Не его ли ужъ, думаешь, полюбила, не онъ ли тебѣ что нахвасталъ?... Пристаетъ онъ ко мнѣ, точно, надоѣлъ даже до смерти ... да мнѣ-то онъ ненадобенъ ... Хоть бы его и вовсе не было!... И матушкѣ-то онъ надокучилъ, не знаетъ, какъ отъ него отвязаться ...

— Сердечная ты моя! — вскричалъ Ѳедя, сжимая Параню въ объятіяхъ.

— Отстань ... Что ты ... Смотри: вотъ Николка проснется, — шептала Параня, — либо мамонька взойдетъ.

— Мнѣ теперь все равно!... Слушай же, Параня ... Коли точно ты никого не любишь, а обо мнѣ вспоминала, коли не забыла нашъ уговоръ, такъ вотъ что: приходи и ты на фабрику, гдѣ я живу, вставай на работу тамъ ... Дѣло немудреное и нетяжелое—около стана стоять ... А тебѣ деньги будутъ платить ... И видаться будемъ каждый день ... Мнѣ безъ тебя не житье! А вотъ еще немного, дай только справиться съ дѣлами, мѣсто мнѣ дадутъ

хорошее, тогда и повѣнчаемся ... Здѣсь жить тебѣ нечего. На одномъ стыду да на худой славѣ живешь, безъ дѣла безъ всякаго, Богъ знаетъ какъ ... А тамъ, по крайности, хоть небольшой, да свой кусокъ хлѣба заработаешь, своимъ честнымъ трудомъ,—не на подлыя подачки жить будешь ... Что же, Параня? Согласна? Пойдешь?...

— Чудной ты, право!... Ничего я не знаю, не умѣю ... Что и за фабрика-то не видывала, а ты меня работать зовешь туда ...

— Этого не бойся, не ты первая ... Тамъ и безъ тебя много приходятъ, что ничего не умѣютъ, а нанимаются, — выучиваются и денежки зарабатываютъ ...

— Да какъ я пойду? Меня и мамонька не пуститъ ...

— Такъ вотъ что: пускай и мать идетъ, и Николку возьмите, — всѣмъ работа будетъ ... И школа про Николку будетъ ... И жалованье дадутъ ему, и учить будутъ даромъ ... Вотъ на что лучше!...

— Не знаю ужъ ... Наврядъ-ли мамонька пойдетъ отъ своего дома ... А домъ-отъ какъ же, — бросить, что ли?...

— Да что вашъ домъ, чего онъ стоитъ? Заколотите его, оставьте до времени ... Не худо бы и матери твоей честнымъ трудомъ пожить, не до старости же этакъ ...

— Ну, ужъ не знаю, говори съ ней самъ, коли хочешь да не боишься, что она тебя шугнетъ ...

— Да я не боюсь и говорить съ ней буду, только ты-то ее не отговаривай ... А коли одну отпуститъ или съ Николкой, такъ иди, не отнѣкивайся ...

— Не разберу я тебя. Мудреное ты нечто затѣваешь ... Коли купецъ тебя любитъ, жалованье тебѣ хорошее даетъ, такъ на что же тебѣ, чтобы и я, и мы всѣ работали?... Неужто ты, какъ и женишься-то, такъ отъ хорошихъ достатковъ работать меня думаешь посылать?...

Ѳедя не успѣлъ отвѣтить Паранѣ. На мосту послышались шаги Дарьи Тихоновны. Онъ отошелъ отъ Парани и сѣлъ на прежнее мѣсто; но опытной „барынѣ“ достаточно было одного взгляда, чтобы догадаться, что Ѳедя не сидѣлъ неподвижно и молча, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Ну, вотъ и хорошо, что не пустила его, Параня ... Спасибо, что остался ... А то — какъ это можно ... Не поѣмши хотѣлъ уйти. Вотъ я сейчасъ и самоварчикъ наставлю, — тараторила Дарья Тихоновна, выгребая углей изъ печи для самовара.

Въ это время проснулся Николка и, протирая глаза, посмотрѣлъ съ полатей внизъ.

— А, пришелъ! — сказалъ онъ радостно, увидя Ѳедю.

— Здорово, Николаша! — отозвался Ѳедоръ.

Мальчикъ проворно слѣзъ и подошелъ къ гостю.

— Вотъ ждали, ждали, да и дождались, — говорилъ онъ, здороваясь съ гостемъ. — Думали, не придетъ-то!... Вотъ пришелъ!...

— Кто думалъ?...

— Кто?... Да вонъ мамка и Паранька...

— А кто же это, Николаша, ты тогда,—помнишь, говорилъ мнѣ, что къ вамъ вожеватый, съ гармоніей-то, часто безъ меня ходилъ?..

Дарья Тихоновна засуетилась и хотѣла-было предупредить отвѣтъ сына, но не успѣла.

— А Кирилло-то Ѳедотычъ, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Какъ Кирилла Ѳедотычъ? ... Да вѣдь это мой зять, на моей сестрѣ женатъ ... Развѣ онъ къ вамъ ходитъ, Дарья Тихоновна?... Я и не зналъ ...

— Какъ же, заходитъ когда, — отвѣчала она, старательно раздувая самоваръ.

— А я и не слыхивалъ отъ него. Хоть бы когда заикнулся!... Такъ неужто съ этого сплетку сложили: на деревнѣ бабы сестрѣ проходу не даютъ, всѣ смѣются, что Кирилла совсѣмъ домъ забросилъ, все ко вдовѣ шляется ... Неужто это про васъ?...

Дарья Тихоновна торопливо выслала изъ избы, подъ какимъ-то предлогомъ, Николку.

— Ужъ этого не знаю — про кого, — отвѣтила она, когда Николка ушелъ, — а только-что зятекъ твой надокучилъ. Не знаю, какъ отъ него и отдѣлаться ...

— А что же?...

— Да надоѣлъ. Лѣзетъ и во-время, и безъ время ... И бахвалистъ очень: придетъ, деньги кидаетъ зря ... Сначала холостымъ даже себя показывалъ ... Не люблю я этакихъ!... А поступить съ нимъ грубо боюсь ... Говорятъ, онъ отчаянный!... Съ нимъ бѣда!... Деревню, сказываютъ, свою спалилъ со зла ...

— А вотъ что, Дарья Тихоновна, вѣдь я вчера весь вашъ разговоръ за воротами съ Кириллой слышалъ ... Я вѣдь тутъ стоялъ у васъ подъ окнами, только-что въ потемкахъ-то вы меня не видали ... Я и стучался къ вамъ послѣ того, хотѣлъ-было зайти, какъ вы думали, что Кирилла стучится ...

Дарья Тихоновна совсѣмъ смутилась отъ неожиданности, заглянула безъ надобности въ печь, торо-

пливо схватила кочергу и стала мѣшать дрова; но она была не изъ тѣхъ, чтобы совсѣмъ стать въ тупикъ, скоро собралась съ духомъ и надѣялась вывернуться изъ затрудненія.

— Ну, такъ вотъ, Ѳедоръ Герасимычъ, — заговорила она, — коли самъ слышалъ, такъ нечего тебѣ и разсказывать ... Каковъ разбойникъ!... Ну, что съ нимъ подѣлаешь? Куда отъ него дѣнешься?... Живу я одна, сиротой, безъ мужика. Долго-ли этакому отпѣтому обидѣть насъ!... Ужъ, право, и не знаю, какъ бы его отъ насъ отвадить ... безъ грѣха да безъ бѣды какой ...

— А вотъ какъ, Дарья Тихоновна ... Отпустите вы Параню съ Николкой на фабрику, гдѣ я живу ... Тамъ много и женщинъ, и ребятишекъ работаетъ, — и ихъ наймутъ ... Ужъ коли нужно будетъ, я молодого хозяина о нихъ попрошу, онъ для меня все сдѣлаетъ ... А тутъ тѣмъ хорошо, что не только они оба деньги будутъ зарабатывать, а Николка и въ школу будетъ ходить ... Даже и Парасковья Михайловна, коли захочетъ, такъ живо грамотѣ выучится, потому у насъ тамъ и для большихъ школа откроется по праздникамъ ... Опять же и я могу ей пособить во всякое время ... Вотъ, подумайте ...

Дарья Тихоновна что-то соображала и отвѣчала не вдругъ.

— Да что же они оба тамъ дѣлать-то будутъ? Работа-то какая, и какое имъ жалованье пойдетъ?... Можетъ, не по силамъ и работу-то дадутъ, а жалованье малое будетъ? Я не хочу ихъ на муку-то пускать ...

— Муки никакой не будетъ и работа не такъ, чтобы тяжелая. Паранѣ у стана стоять да смотрѣть, какъ онъ точётъ машиной, а Николкѣ цѣвки сучить

дадутъ или что другое, — по годамъ его ... А жалованье обоимъ рублей десять въ мѣсяцъ положатъ на первое время, а тамъ прибавятъ ... Можетъ быть, даже и теперь больше положатъ ... Я ужъ постараюсь ...

— Да извѣстно, коли ты у хозяина при рукѣ, да постараешься, — такъ .. А какъ же я-то здѣсь одна останусь?... Я объ нихъ соскучусь, стоскуюсь совсѣмъ ... Да и Параня-то одна тамъ будетъ ... тоже непривычна она ... Какъ, Параня, пойдешь-ли?

Ѳедоръ напряженно глядѣлъ на Параню.

— Да я не знаю ... Почемъ я знаю?... Какъ ты скажешь: велишь идти, такъ пойду ...

— По-моему, коли жалованье будутъ давать хорошее да работой не уморятъ, такъ попытай, — сходи. Вѣдь не въ кабалу, и самъ-дѣлѣ ... Тяжело будетъ, такъ и уйдешь ... А тамъ людно, весело. Народу много ... всякаго ... Авось, не соскучишься ... А главная причина вотъ и онъ тамъ, Ѳедоръ Герасимычъ, не оставитъ васъ по знакомству и по пріятству своему ...

— Не то не оставлю, Дарья Тихоновна, а, кажется, — душу свою заложу за нихъ!

— Только какъ же, гдѣ же они жить-то тамъ будутъ? Тоже вѣдь и пить-ѣсть захотятъ ... Кто же про нихъ состряпаетъ?

— Это надо въ ближней деревнѣ квартиру нанять у какого мужичка, это ужъ я пріищу ...

— Нѣтъ, а я вотъ что думаю: не идти ли и мнѣ съ ними туда?...

— Это бы было всего лучше, Дарья Тихоновна,— вскричалъ съ восторгомъ Ѳедя. — Я только что хотѣлъ вамъ это сказать. И вы бы на фабрику посту-

пили вмѣстѣ съ Параней и тоже бы денежки заработывали ...

— Ну, пускай хоть на фабрикѣ-то работать я и старенька, а хоть они то на глазахъ у меня будутъ, обшиты, обуты, накормлены ... Они работать уйдутъ, а я все про нихъ припасу, не какъ чужіе люди, придутъ не къ пустому мѣсту ... Ну, а если и работка какая подвернется, я, слава Богу, не безрукая: что по силамъ, да время будетъ, — и поработаю. Вотъ развѣ какъ! ...

— И это чудесно, Дарья Тихоновна, — восторгался Ѳедя,—и вамъ работу найдемъ. Вы шить умѣете, тамъ народа много.

Ѳедя внутренно восхищался мыслью, что замыселъ его такъ удачно осуществлялся, что не только Параня, но даже мать ея будутъ честнымъ трудомъ зарабатывать деньги, что онъ будетъ видать Параню каждый день, выучитъ ее грамотѣ, а, можетъ быть, и дурная слава Дарьи Тихоновны замолкнетъ въ виду ея трудовой жизни, и такимъ образомъ для него облегчится возможность добиться согласія отца на бракъ съ Параней. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и чувствъ онъ все забылъ и простилъ Дарьѣ Тихоновнѣ, что лежало у него на душѣ противъ нея, онъ готовъ былъ даже любить ее, какъ мать Парани; но у Дарьи Тихоновны, такъ скоро согласившейся на предложеніе Ѳеди, были свои соображенія, о которыхъ онъ даже и не догадывался. Она думала о фабричномъ многолюдствѣ, о разныхъ молодыхъ неженатыхъ приказчикахъ, которые, конечно, не просмотрятъ красоту Парани, даже о самомъ молодомъ хозяйскомъ сынѣ ... Она вѣрила въ красоту своей дочери и въ ея счастливую звѣзду ... Она рѣшилась идти на фабрику, все видѣть самой собствен-

ными глазами и попытаться устроить судьбу дочери, а съ нею и свое спокойствіе и благополучіе на старость ... Ѳедя въ этихъ соображеніяхъ игралъ самую послѣднюю роль и былъ, такъ сказать, только въ запасѣ.

А Ѳедя, увлеченный своими надеждами, счастливый и довольный, не удержался и высказался предъ Дарьей Тихоновной нѣсколько преждевременно.

— Вѣдь я вамъ не чужой, — вскричалъ онъ, — вѣдь я вамъ все равно, что сынъ родной, Дарья Тихоновна! ... Сами, чай, вы замѣчали и догадывались, таиться теперь нечего ... Я ужъ сказалъ Паранѣ, скажу и вамъ: полюбилъ я ее, всѣмъ моимъ сердцемъ полюбилъ, только о ней одной и дума, и забота!.. Я знаю, вы за бѣднаго ее не выдадите, и она обѣщала мнѣ ждать, покамъ я справлюсь и деньги хорошія стану зарабатывать, тогда и сватовъ пришлю ... Теперь еще я получаю мало, да, Богъ милостивъ, скоро и вы мной не побрезгуете ...

— Вотъ оно что! — вскричала Дарья Тихоновна, представляясь совсѣмъ изумленной. — Ну, ошеломилъ ты меня! ... Ахъ, вы плуты, плуты вы этакіе!.. Да когда это вы столковались!.. Кажется, и съ глазъ-то никогда не сходили ... А вотъ что, другъ сердечный, Ѳедоръ Герасимычъ, изо всего видать, что ты хорошій человѣкъ и разсудительный,—даромъ, что молодъ ... Люблю я тебя и всѣ твои качества вижу и понимаю, а только что, правда это, за бѣднаго дочку не отдамъ ... Развѣ самоволомъ уйдетъ, безъ материнскаго благословенія, а по доброй волѣ — нѣтъ, не отдамъ. И умница ты моя, разумница, что ты надумалъ: вѣрно, вѣрно, батюшка, подожди, справляйся, вставай на ноги, чтобы жену не къ пустому мѣсту взять, и послѣ всю жизнь

не плакаться!... Дай-ка я расцѣлую тебя за это, сердечный ты мой, сынокъ названный!...

И Дарья Тихоновна цѣловала Ѳедю и шутливо грозила Паранѣ, приговаривая: — я тебѣ дамъ, вострый глазъ!... Ишь ты, какъ мать провела: столковались, сладились, а мать ничего и не знаетъ!...

— Ахъ, вытянется носъ у Кирюшки, — продолжала она со смѣхомъ, — какъ придетъ вось, анъ и изба у насъ заколочена, и хозяевъ никого нѣтъ!.. А еще того пуще, какъ провѣдаетъ, что и женишокъ у Парани припасенъ!... Въ обиду ее не дастъ ...

— А вы не говорите, Дарья Тихоновна, никому до времени о нашемъ дѣлѣ, а особливо ему — просилъ Ѳедя. — Вы сказывали ему что про меня или нѣтъ?

— Нѣтъ, и не заикалась ... Не подходилось ...

— Такъ и не надо, и не говорите, точно и не знаете меня совсѣмъ ...

— Зачѣмъ говорить, коли не велишь ... Что мнѣ за надобность ...

— Онъ вѣдь сегодня придетъ, такъ я и уйду отъ васъ пораньше, чтобы съ нимъ какъ не встрѣтиться ...

— Али и ты его боишься? — не утерпѣла Параня, чтобы не подразнить Ѳедю.

— Нѣтъ, не его боюсь, Параня, а себя, — отвѣчалъ Ѳедя нахмурясь, — не уцѣлѣетъ его голова, коли бы я увидѣлъ, какъ онъ къ тебѣ пристаетъ ... Вотъ чего я боюсь!...

Параня взглянула на вдругъ озлобившееся, сдѣлавшееся мрачнымъ лицо Ѳеди и молча опустила глаза.

— Кабы не обошлось у насъ такъ дѣло, — про-

должалъ Ѳедя, — да не порѣшили бы вы уйти со мной на фабрику, врядъ ли бы Кирилла побывалъ опять сюда, а побывалъ бы, такъ покаялся ...

Дарья Тихоновна многозначительно взглядывала на дочь при словахъ Ѳеди.

— И не связывайся ты, батюшка, Ѳедянушка, съ нимъ, — торопливо заговорила она, — Богъ съ нимъ, совсѣмъ!... Онъ безпутный, отчаянный. Ему все равно, а тебѣ себя берегчи надо! Намъ бы только на фабрику-то отъ него уйти, тамъ-то ужъ, авось, насъ не достанетъ и ничего не подѣлаетъ ... А ему бояться?! Чего ему бояться его? Онъ не мы, бабы ... Ну-ка, садись, откушай вотъ чайку, самоваръ-то поспѣлъ ... Заваривай, Параня, да подчуй богоданнаго-то своего, а я покамъ яиченку толкну да блинковъ напеку ... Вотъ онъ у насъ сытой и пойдетъ ...

Параня стала распоряжаться чаемъ, и Ѳедя съ любовью, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее. Но въ душѣ у него было неспокойно: чего-то онъ не договорилъ, чего-то не узналъ, какая-то неясная забота безпокоила его. Онъ самъ не умѣлъ отдать себѣ яснаго отчета, отчего происходила эта внутренняя тревога, это недовольство, и лицо его отуманилось, несмотря на то, что глаза его встрѣчали ласковый и лукавый взглядъ Парани. Онъ молчалъ и задумался.

— Ну, что еще? Кажись, ужъ теперь все хорошо, все по твоему? — спросила его Параня шутливо, — а у тебя ровно что еще на умѣ есть ...

— Есть, Параня ... Покамъ вы здѣсь будете, когда *тотъ* (Ѳедя не хотѣлъ назвать Кирилла по имени) ... когда тотъ приходить будетъ ... ты не сиди съ нимъ, тотчасъ уходи къ сусѣдямъ ... чтобы онъ

не думалъ ... чтобы не смѣлъ съ тобой ни заговаривать, ни заигрывать ... Будешь уходить, Параня? ...

Параня засмѣялась.

— Ахъ, парень, экой ты сумнительный ... съ тобой — бѣда! — заговорила-было она. Но Дарья Тихоновна перебила ее серьезнымъ тономъ.

— Не опасайся, Ѳедюша, не бойся! ... Не подпущу я близко! ... Какъ придетъ, такъ ее и вонъ изъ избы ... Пускай сидитъ съ одной со мной ... Надоѣстъ, небось, уйдетъ скоро ...

— Да что вы больно ужъ меня прятать-то хотите? — сказала Параня. — Не захочу, такъ и близко не подойдетъ ... и безъ прятокъ ... Я его ни капельки не боюсь ... Вотъ еще! ... Что вы ужъ очень съ мамонькой боитесь-то его? ... Экого страха онъ на васъ нагналъ! ... Пускай еще мамонька! ... А то ...

Параня не договорила и насмѣшливо засмѣялась: она не могла удержать въ себѣ желанія подразнить Ѳедю. Тотъ вспыхнулъ. Дарья Тихоновна хотѣла-было что-то сказать, но онъ перебилъ ее.

— Такъ, стало быть, Параня, ты по доброй волѣ и по своей охотѣ подпускала его приставать къ себѣ? ... Сама, видно, заигрывала? ... Не даромъ вчера смѣялась да визжала, сидя съ нимъ ...

— Завизжишь, какъ облапитъ да цѣловаться полѣзетъ ...

— И хвастаетъ, хвастаетъ, — вмѣшалась Дарья Тихоновна, — сама его боится, сама мнѣ жалобилась, что отбою отъ него нѣтъ, не знаетъ, что и дѣлать съ нимъ, ни на что не взираетъ, — лѣзетъ ... Такой безстыдникъ, такой срамной, что бѣда! ... Придетъ да сидитъ, водки съ собой принесетъ, закусокъ, —

изъ избы то никакимъ его коломъ не выворотишь ... Сидитъ, да и на поди ... Горланитъ пѣсни да побасенки разсказываетъ!.. Что ты съ нимъ подѣлаешь? ... Ужъ досидитъ до того, покамъ Паранька придетъ ... Такой охальникъ! ...

— Ну, такъ вотъ что, коли такъ, я не пойду домой, а подожду его здѣсь ... Пущай онъ при мнѣ придетъ! ... По крайности, Парасковья Михайловна увидитъ, боюсь ли я его ... Чай, меня-то не выгоните, Дарья Тихоновна, дадите посидѣть у васъ?

— Чтой-то, Ѳедянушка, да я рада тебѣ и Богъ вѣсть какъ: ты вѣдь не кто другой ... Только я боюсь, что вы встрѣтитесь, такъ здору бы какого большого не вышло промежъ васъ нехорошаго: ему то что, онъ ужъ потерянный, въ острогѣ сидѣлъ, ему все ни почемъ ... А тебѣ-то, сердечный мой ... Вонъ ты у купцовъ на знати и въ чести, опять же и не хотѣлъ ты, чтобы онъ зналъ про наши дѣла теперешнія ... про твое намѣренье ... Вотъ я чего только опасаюсь! ... Тебя-то мнѣ жалко, тебя-то берегу! ...

— Да я самъ то думалъ сначала, Дарья Тихоновна ... А теперь такъ разсудилъ, что мнѣ таиться нечего: я по чести, по совѣсти, жениться хочу на Паранѣ, я люблю ее ото всего сердца, и коли ужъ сказался теперь вамъ, и вы не противъ меня, а Параня будетъ ждать, какъ обѣщалася, такъ ужъ это дѣло, значитъ, сдѣлается ... Сказывать, да разсказывать про это не станемъ до времени, а и узнаютъ такъ не бѣда ... Я ужъ отъ Парани не отступлюсь, ни на кого ее не промѣняю и никому не уступлю ... А особливо не дамъ обижать да надругаться надъ ней ... Не бойтесь, Дарья Тихоновна,

я отважу его отъ васъ и безъ драки ... Онъ женатый, онъ не долженъ по чужимъ домамъ шляться!... У него жена хорошая, добрая!... Опять же она сестра мнѣ, родная ... Пускай же онъ видитъ, что я знаю, куда онъ отъ нея по цѣлымъ днямъ пропадаетъ ... Авось, чай, совѣсть-то есть въ немъ хоть маленькая!...

Дарья Тихоновна, видимо, была недовольна рѣшеніемъ Ѳеди, но не знала, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, и метала сердитые взгляды на Параню.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, Ѳедоръ Герасимычъ, — тараторила она, — какъ тебѣ лучше, такъ и дѣлай ... А на Паранькины лясы смотрѣть нечего. Что боишься ты его? ... Чего тебѣ его бояться?... Онъ скорѣе тебя испужается!... А только вотъ домашніе твои узнаютъ, такъ не подумали бы, что онъ на насъ деньги сорилъ али что другое ... Деньги-то онъ кидаетъ во всѣ стороны, богачемъ себя показываетъ ... Я даже еще сколько разъ его останавливала!... А только-что мы тутъ не причемъ ... На насъ бы чего не вывелъ ... Такъ не вели домашнимъ то, — пускай не слушаютъ его, не вѣрятъ ... Вотъ и блинки поспѣли: на-ка вотъ, — покушай на доброе здоровье ...

Дарья Тихоновна очень старательно и радушно угощала Ѳедю, но была въ тревожномъ и озабоченномъ состояніи духа. Нѣсколько разъ она возвращалась къ разговору о томъ: не лучше ли Ѳедѣ уйти на время, чтобы не встрѣчаться вовсе съ Кириллой; но Ѳедя уже не хотѣлъ и думать объ этомъ. Послѣ всѣхъ пережитыхъ сомнѣній и треволненій, послѣ того, какъ онъ открылся матери и рѣшился не скрывать о своей любви, въ случаѣ крайности,

даже передъ своими родными, онъ вдругъ успокоился, повеселѣлъ и чувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ возлѣ Парани, на которую уже смѣло и не таясь смотрѣлъ, какъ на свою невѣсту, будущую жену. Въ немъ снова воскресла полная вѣра въ Параню, и даже поддразниванье ея въ трусости онъ объяснялъ себѣ только желаніемъ Парани подольше не разставаться съ нимъ. Онъ пересталъ даже думать о всемъ прошедшемъ и хотѣлъ говорить только о будущемъ. Сидя противъ Парани, любуясь на нее, съ радостнымъ замираніемъ сердца встрѣчая ее взглядъ и улыбку, отвѣчая веселымъ смѣхомъ на ея шутку, онъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, забывалъ даже о присутствіи Дарьи Тихоновны, — и уйти теперь отъ нея, по доброй волѣ, казалось ему просто невозможнымъ.

„И совсѣмъ не пойду домой, весь день просижу вотъ такъ съ ней и отсюда прямо пойду на фабрику!...“ — мелькало у него въ головѣ.

О предстоящей встрѣчѣ съ Кириллой онъ не хотѣлъ даже и вспоминать: мысль о ней проносилась иногда чрезъ его душу, какъ легкое облачко, которое не оставляетъ даже и тѣни.

Параня тоже была весела, оживилась и, какъ казалось Ѳедѣ, съ любовью смотрѣла на него и говорила съ нимъ.

Ихъ бесѣдѣ никто не мѣшалъ и никто въ ней не участвовалъ: Николка, поѣвши блиновъ, убѣжалъ на улицу, а Дарья Тихоновна сначала была не въ духѣ, молчала, и, отъ времени до времени безпокойно взглядывая то въ окно, то на разговаривающихъ, хлопотала около печки, и прибиралась въ избѣ; потомъ и она какъ будто увлеклась настроеніемъ молодыхъ людей и, присаживаясь около нихъ

на лавку, съ довольной улыбкой прислушивалась къ ихъ болтовнѣ.

Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и на порогѣ показался Кирилла.

V.

Всѣ невольно вздрогнули при появленіи давно жданнаго, но забытаго гостя. Ѳедя поблѣднѣлъ, Параня вспыхнула, Дарья Тихоновна порывисто привстала-было съ лавки, но тотчасъ же опять сѣла, блѣдная и растерянная. Не лучше ихъ былъ и Кирилла: смѣло, молодцомъ, вошелъ онъ въ избушку и вдругъ точно остолбенѣлъ, когда увидѣлъ Ѳедю. Онъ забылъ даже затворить за собою дверь и стоялъ нѣсколько мгновеній неподвижно и молча, съ шапкой на головѣ и съ протянутой впередъ рукой, въ которой держалъ чѣмъ-то наполненный и завязанный узломъ цвѣтной платокъ. Всѣ молчали. Первая пришла въ себя и нарушила молчаніе Параня.

— Что ты, очумѣлъ, что ли, Кирилла Ѳедотычъ? — заговорила она, засмѣявшись. — Хоть бы двери-то затворилъ да шапку-то снялъ ... Здѣсь, чай, иконы Божіи, буки нѣтъ: чего испужался? ...

— Ничего не испужался, — мрачно пробормоталъ Кирилла, снялъ шапку и оборотился, чтобы затворить дверь.

— Здорово, Кирюша, — сказалъ Ѳедя. — Чай, удивился, что меня здѣсь встрѣтилъ: не чаялъ ...

Онъ пошелъ къ нему на встрѣчу и протянулъ руку.

— Не чаялъ и есть, — отвѣчалъ Кирилла, собравшись съ духомъ и стараясь казаться спокойнымъ. — Какъ ты это попалъ сюда? Дарьѣ Тихоновнѣ, Параня ...

Кирилла раскланивался съ хозяевами и протянулъ было руку съ узломъ, но вдругъ опять отдернулъ ее назадъ, осмотрѣлся и положилъ узелъ въ уголокъ на лавку.

— Никакъ, братецъ, не чаялъ, — продолжалъ онъ, опять обращаясь къ Ѳедѣ. — Смотрю: глазамъ не вѣрю, неужто онъ? Откуда взялся?.

Кирилла безъ зова усѣлся на лавку.

— Я здѣсь вѣдь ужъ давно знакомство веду, — отвѣчалъ Ѳедя. — Вотъ съ фабрики шелъ побывать къ вамъ, присталъ, да по дорогѣ и зашелъ отдохнуть ... А вотъ хозяева добрые сейчасъ и угощеніе поставили, не пускаютъ: напоили, накормили ...

— Такъ, — проговорилъ Кирилла какъ-то неопредѣленно, ни на кого не глядя.

— Не хошь ли и ты, Кирилла Ѳедотычъ, чайку-то? Я подогрѣю самоваръ-отъ?—подстала, наконецъ, къ разговору и Дарья Тихоновна. — А то, можетъ, блинковъ?.. Опары-то осталось: я сейчасъ напеку, коли хошь ... На шесткѣ огонь разведу ... Печку-то скутала ...

— Нѣтъ, не надо ... Благодаримъ покорно ... Развѣ тебѣ здѣсь по дорогѣ съ фабрики-то?—обратился онъ опять къ Ѳедѣ, быстро перебѣгая въ то же время глазами по лицамъ всѣхъ присутствующихъ.

— Не такъ чтобы совсѣмъ по дорогѣ ... да я, по знакомству, нарокомъ въ сторону свернулъ ... Отдохнуть-то отдохнуть, да и такъ побывать у нихъ захотѣлось ...

— Такъ, — протянулъ опять Кирилла, становясь все мрачнѣе и мрачнѣе. — Не слыхалъ я, что ты тутъ знаешься ... Никто не говорилъ ...

— Да, вотъ, не доводилось, — вмѣшалась Дарья

Тихоновна, — ни тебѣ про него, ни ему про тебя сказать ... Да, правда, мы его, Ѳедора-то Герасимыча, ужъ, поди, недѣль съ десять не видали ... Думали, и онъ объ насъ забылъ совсѣмъ ...

— Для чего забывать, Дарья Тихоновна, а случая не приводилось, да и дѣла не допускали, оттого и не бывалъ, — отвѣчалъ Ѳедя.—Что, всѣ ли здоровы наши? — обратился онъ къ Кириллѣ.

— Ничего, здоровы.

— Ѳедотъ Семенычъ дома?

— Нѣтъ, уѣхалъ ... Да ничего, ступай. Тамъ матушка и Анна, можетъ, и батюшка къ вечеру подъѣдетъ ...

— Да вотъ ужъ пойдемъ коли вмѣстѣ ... Ты какъ сюда: нарокомъ, али шелъ куда?..

— Нѣтъ, я такъ пошелъ разгуляться: туда да сюда, въ разныя мѣста ... Да вотъ и сюда зашелъ ...

— Такъ домой-то развѣ не скоро еще пойдешь?..

— Нѣтъ, я еще не скоро ...

— Ну, такъ и я посижу коли здѣсь ... Что идти-то? Ѳедота Семеныча нѣтъ, тебя тоже, Ѳедосья Осиповна не жалуетъ меня ... Нѣтъ, и я, коли, не пойду ...

— Анна дома ...

— Ну, что Анна ... Она мнѣ тоже рада не будетъ, какъ приду безъ Ѳедота Семеныча и безъ тебя ... Нѣтъ, не пойду!.. Хорошо, что встрѣтились. Узналъ, по крайности, что всѣ живы, здоровы ... А коли ты пойдешь домой, такъ пойдемъ тогда, пожалуй, и я схожу на минутку, сестру провѣдать ... Вѣдь сестра моя за нимъ замужемъ, — обратился Ѳедя къ Паранѣ.

Кирилла совсѣмъ насупился и молчалъ. Не начинали разговора и другіе.

— Ну, Кирилла Ѳедотычъ, — опять Параня прервала молчаніе,—ты сегодня не какъ вчера... Вчера смотри-ка-сь какой былъ... веселый... пѣсни пѣлъ, прибаутки сказывалъ. Мы съ мамонькой животики подвели... таково смѣшно сказывалъ!.. А сегодня нѣтъ... не такой!.. Ничто притуманился... Отчего ты сегодня экой?..

— День на день не придется, — мрачно отвѣчалъ Кирилла. — Не все зубы скалить... Сегодня ничто голова болитъ у меня...

— Такъ развѣ и вчера ты здѣсь былъ? — спросилъ Ѳедя съ непривычнымъ для него коварствомъ, отчего даже покраснѣлъ.

— Былъ, — не смотря на него, но твердо и рѣзко отвѣчалъ Кирилла.

— Да ты что же, въ самъ-дѣлѣ: ты не хошь ли поѣсть?.. Ты не церемонься, скажись, — я сейчасъ блиновъ напеку, — говорила Дарья Тихоновна, желая замять непріятный разговоръ. — А то чайку испей... я мигомъ вскипячу самоваръ-то... А чайку-то у меня есть еще маленько... Не церемонься, я говорю, а ты...

— Да ну, пожалуй... чайку изопью... А то вотъ что: вы самоваръ-то ставьте, а вонъ у меня тамъ въ узлѣ закуски разныя да водка сладкая... Вотъ погоди-ка я...

И Кирилла вдругъ рѣшительно и развязно всталъ, взялъ изъ угла узелъ и положилъ его на столъ, намѣреваясь развязывать.

— Что же это ты хочешь дѣлать? — остановила его Дарья Тихоновна,—въ гости пришелъ со своимъ угощеніемъ, — это не годится...

— Чего не годится ... Все равно, гдѣ ни на есть разопью же ... Сегодня смерть-тоска меня одолѣла: пошелъ, накупилъ всякихъ разныхъ разностей, раскучусь, молъ, гдѣ ни на есть, съ кѣмъ повстрѣчаюсь ... Вотъ у васъ и разопьемъ ...

— Ну, нѣтъ, Кирилла Ѳедотычъ ... Это не порядокъ, ты насъ не обижай ...

— Да какая же обида?.. Вотъ Параня гостинчиками тутъ позабавится: орѣшковъ пощелкаетъ, пряничковъ, конфетовъ отвѣдаетъ, тутъ всего есть... А мы водочки ...

И Кирилло поспѣшно развязывалъ узелъ и подвинулъ его въ сторону, гдѣ сидѣла Параня.

— Я не пью ... Ты вѣдь знаешь, — сухо проговорилъ Ѳедя.

— Ну, сладкая вѣдь!.. Сладкой-то выпьешь... это бабы и дѣвки пьютъ ... Дай-ка стаканчикъ, Дарья Тихоновна ... Вонъ Параня и та выпьетъ... Выпьешь, Параня?..

Ѳедя испуганно, въ упоръ взглянулъ на Параню.

— Напрасно ... Я пить не стану, — сказала Параня.

— Что такъ сегодня?.. А помнишь, ономнясь отвѣдывала ...

— Такъ что, что отвѣдывала?.. А сегодня не хочу ...

— Гм... что такъ это? — злобно усмѣхнулся Кирилла.—Можетъ, и ты, Дарья Тихоновна, сегодня въ постницы записалась? Тоже не станешь?..

— Не стану и есть, Кирилла Ѳедотычъ... Нечто у меня голова болитъ... Да и не ко времени, равно какъ и рано еще... Сейчасъ только чаю напились, блинковъ поѣли ...

— Ну, подождамши можно. Всего одинъ не вы-

пью... А мнѣ такъ самое время теперь... Дай же стаканчикъ-то?..

— Да и ты бы, Кирилла Ѳедотычъ, вотъ лучше чайку испилъ да блинковъ поѣлъ... Ну что пути? Охмѣлѣешь, пожалуй... Во хмѣлю-то ты не больно спокоенъ... Посиди ужъ у насъ лучше такъ смирнехонько да хорошохонько, вотъ чайку испей, побесѣдуй... А это ужъ все домой лучше отнеси али куда знаешь..

Дарья Тихоновна говорила это ласковымъ, медовымъ голосомъ и старалась заглянуть въ глаза Кириллы. Она чувствовала себя неловко, боялась какой-нибудь непріятной выходки со стороны Кириллы, и видимо не знала, какъ себя держать, какъ половчѣе повести дѣло, чтобы устранить ссору, шумъ и всякаго рода непріятность.

— Это, значитъ, отъ меня сегодня никакого угощенія не принимается?.. Непріятенъ, значитъ?.. А хозяева стали великатные!.. И гостинцы мои не требуются, домой велятъ нести... Гм... Ну, что же дѣлать?.. Одинъ буду угощаться... Что же, Дарья Тихоновна, не будетъ милости? И стаканчика не пожалуете?.. Для насъ, впрочемъ, все равно. Мы и такъ можемъ, изъ горлышка въ горлышко...

И Кирилла быстро опрокинулъ въ ротъ посудину съ водкой и жадно отпилъ изъ нея чуть не цѣлую половину.

— Вотъ это ладно будетъ... хорошо! — проговорилъ онъ, ставя со стукомъ полуштофъ на столъ, и весь красный, воспалившимися глазами поглядывая на хозяевъ. — Теперь поговоримъ, пожалуй, побесѣдуемъ... Ну, Лиса Патрикѣевна, то бишь — Дарья Тихоновна, отчего же вы вдругъ угощенья моего принимать не желаете?..

— Да не то не желаю, Кирилла Ѳедотычъ, — отыгрывалась Дарья Тихоновна, а къ намъ пожаловали, такъ нашего хлѣба-соли просимъ кушать, чѣмъ Богъ послалъ... Вотъ только въ чемъ...

— Видишь ты, какъ хвостомъ-то вильнула... Ловко, какже!.. Это ты передъ Ѳедей-то, что ли, себя показываешь?.. Такъ напрасно. Я пережъ думалъ, что онъ божій человѣкъ, простота, а коли ужъ мы здѣсь съ нимъ на одной половицѣ сошлись, такъ, значитъ, онъ только прикидывается тихонькимъ-то... А, выходитъ, по дѣламъ-то мы съ нимъ товарищи... Видите, она своего хлѣба-соли кушать подчуетъ... А когда же я съ пустыми руками сюда ходилъ къ тебѣ?.. Ну-ка, скажи...

— Такъ вѣдь это твоя добрая воля была... Мы, кажется, ничего не требовали... Иной разъ изъ-за совѣсти изъ-за одной угощенье твое принимаешь... А вотъ и не надо бы, коли самъ же теперь попрекаешь...

— Полно юлить!.. Не попрекалъ я, а отчего же ты вчера пила со мной, а сегодня не хочешь, отчего вчера, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, Параня принимала отъ меня всякое угощеніе: и пряники, и орѣхи ѣла, а сегодня вонъ и конфетовъ принесъ цѣлый узелъ, а, можетъ, тамъ и еще что есть... и не дотрогивается, и не смотритъ?.. Отчего такъ? Что вы отъ Ѳедюшки-то, что ли, больше, чѣмъ отъ меня ждете? ... Али ты въ женихи, что ли, его прочишь? ...

Кирилла злобно захохоталъ.

— Ну, вотъ, вѣдь я такъ и знала, — сказала Дарья Тихоновна,—какъ ты заложишь, такъ и пойдешь шумѣть... здорить!.. Что намъ, окромя тебя, и знаться, что ли, ни съ кѣмъ нельзя?.. Ты гость—

и онъ гость!.. Ты, смотри-ка, только пришелъ,—зашумѣлъ, задираешься, а онъ сидитъ, словечка тебѣ не сказалъ напротивъ... Ну, будемъ твое угощеніе ѣсть, ну, давай... Ѣшь, Параня, и ты... Ну, вотъ ѣдимъ... Ну, что же ты въ гору-то полѣзъ, парень?.. А-ахъ... экой неспокойный!.. Хочешь, не хочешь, можетъ, въ глотку-то кусокъ не идетъ, а коли ужъ онъ угощаетъ, такъ не смѣй отказаться... ѣшь!.. Дай-ка сюда водку-то, я приберу... Будетъ съ тебя... Испей вонъ лучше чайку...

— Погоди, не заговаривай... Не тронь водку, не тронь, говорятъ... Ѳедя, скажи ты мнѣ, по совѣсти, зачѣмъ ты сюда ходишь? Развѣ тебѣ мѣсто здѣсь?..

— Коли сижу здѣсь, такъ, стало, мѣсто, — отвѣчалъ Ѳедя, нахмурившись.—А коли хочешь узнать всю правду, зачѣмъ я сюда хожу, подемъ домой, я тебѣ дорогой откроюся...

— Нѣтъ, ты здѣсь скажи, сейчасъ... Здѣсь чиниться нечего: здѣсь дѣло на чистоту... Вишь, какой народъ. Вчера я былъ гость дорогой, лучше меня нѣту, а сегодня думаютъ: ты не выгоднѣй ли будешь!.. Такъ сказывай, да и давай торговаться, кто кого перешибетъ...

— Никому ты здѣсь не надобенъ,—вдругъ вмѣшалась молчавшая до тѣхъ поръ Параня. Лицо ея горѣло и глаза гнѣвно блестѣли. — Убирайся ты къ женѣ къ своей, а намъ экихъ нахаловъ да бахваловъ не требуется!.. Не думай ты о себѣ много, не похваляйся: видимъ тебя, понимаемъ довольно!.. Давно я мамонькѣ говорю, что въ шею бы тебя отселѣ нужно, охальника экого, а не то, что угощеніе отъ тебя принимать... Что ты, подкупить, что ли, думалъ меня пряниками-то твоими?.. Возьми проч

твои гостинцы подлые, не надо ихъ ... Неси, кто подешевле насъ стоитъ, а мы про тебя дороги!

Параня схватила узелъ и бросила его въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Кирилла. Онъ ударился о бутылку съ водкой и столкнулъ ее на полъ. Водка разлилась и гостинцы Кириллы разсыпались по полу избы. Онъ самъ, блѣдный, растерянный, злой вскочилъ на ноги, весь дрожалъ и смотрѣлъ на Параню изступленными глазами, конвульсивно сжимая кулаки.

Ѳедя смотрѣлъ на Параню съ изумленіемъ, но и съ восторгомъ: ему казалось, что онъ теперь любилъ ее еще больше прежняго и, по инстинктивному побужденію поднялся и сѣлъ около нея съ той стороны, откуда былъ ближе къ ней Кирилла.

Дарья Тихоновна совсѣмъ растерялась, охала, ахала, что-то бормотала и безсознательно поднимала и бросала опять на полъ разлетѣвшіяся по избѣ сласти.

— Такъ вотъ какъ? — проговорилъ, наконецъ, Кирилла хриплымъ, точно сдавленнымъ голосомъ.

— Вотъ какъ! — повторила за нимъ Параня, сверкая глазами.—Ты думалъ, боятся тебя здѣсь?... Мнѣ тебя бояться нечего!..

— Что же, вы любитесь, что ли, съ нимъ? — спросилъ Кирилла, указывая на Ѳедю.

— Не твое дѣло ...

— На что же ты ... на что ты ... тянула меня?.. — Голосъ Кириллы дрожалъ, въ немъ слышались слезы.

— Чѣмъ я тебя тянула?.. Ты самъ лѣзъ, приставалъ, я не знала, какъ отбиться отъ тебя, охальника ...

— Я изсохъ по тебѣ ... исчахнулъ ... Я бы все тебѣ отдалъ ... все!.. Тебѣ бы не такъ надо,

коли не любишь совсѣмъ ... не тянуть ... Я думалъ ...

Кирилла опустился на лавку, оперся локтями на столъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ или, вѣрнѣе, завылъ. Дарья Тихоновна, не зная, что̀ говорить и что̀ дѣлать, тоже заплакала или показывала видъ, что плачетъ.

— Ну, слушай, Кирилла, — заговорилъ Ѳедя, — не реви, я тебѣ скажу всю правду: Параня невѣста моя ... Я на ней жениться хочу ...

Кирилла вскочилъ, какъ ужаленный.

— Жениться хочешь?.. Невѣста?.. Ну, такъ не вѣрь ему, Параня: не дадутъ ему жениться на тебѣ ... Не такая имъ дѣвка нужна ... не изъ такой семьи!.. Не вѣрь ему и не слушай. Никогда ему не жениться на тебѣ ... Его проклянетъ отецъ, какъ только онъ заикнется о тебѣ ... Да и мой-то родитель, другъ и благодѣтель его, развѣ дастъ жениться на тебѣ?.. Да они и васъ-то съ маткой со свѣту сживутъ, изъ волости-то выгонятъ, какъ узнаютъ, что̀ ихъ любимое чадушко задумало ... Вотъ вы увидите!.. Еще, можетъ, вспомянешь и меня, Парасковья Михайловна .. Ну, коли инъ, счастливо оставаться, женихъ съ невѣстой ... Помни, Параня, изсрамила ты меня, обидѣла, вонъ прогнала, а я все-жъ тебя изъ глазъ не выпущу!.. А этотъ, святъ мужъ, про тебя не женихъ. Ты такъ и знай ... А тебѣ, Дарья Тихоновна, покорнѣйше благодаримъ на угощеньи, на ласковомъ привѣтѣ ... Помни!.. Еще увидимся, вось!..

Кирилла быстро повернулся, схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ избы.

— Ну, вотъ, чуяло мое сердце, что бѣда будетъ, коли онъ съ тобой здѣсь повстрѣчается! — гово-

рила Дарья Тихоновна. — И сунуло тебя тутъ вступаться да ругаться съ нимъ! — упрекнула она дочь. — Совсѣмъ-было я его умаслила, такъ нѣтъ вотъ ... Снялась отругиваться ... Ну, что съ пьянаго спрашивать?..

— Такъ что же? Онъ будетъ надругаться надъ нами, а намъ слушать да кланяться? — отвѣчала Параня. — Потакни-ка ему, онъ и не то бы заговорилъ ... Да онъ и не спьяна это, а сначала опѣшилъ, какъ Ѳедю увидалъ, а тутъ нарочно и выпилъ ... для куражу ... Вотъ что!.. Не боюсь я его ... Наплевать!..

— Да вотъ, не боишься, а погоди-ка ... Кто его знаетъ, что̀ у него на умѣ?.. Можетъ, такого наплететъ, что и самъ-дѣлѣ Ѳедина-то родня объ насъ и невѣсть что подумаютъ ... Закажутъ ему не то, что жениться на тебѣ, а и знаться-то съ нами ...

— Не бойтесь, Дарья Тихоновна, — возразилъ Ѳедя. — Коли Параня любить меня не перестанетъ, я никого не послушаю и никто меня съ ней не разведетъ ... А уйдете вы на фабрику, да будетъ тамъ Параня вмѣстѣ съ вами деньги зарабатывать честнымъ трудомъ, и батюшка дастъ мнѣ свое благословенье ... А о Ѳедотѣ Семенычѣ я и не думаю: Онъ мнѣ больше повѣритъ, чѣмъ Кириллѣ ... и батюшку еще за меня попроситъ ... Старикъ меня знаетъ и любитъ!.. Да и Кириллу, еще погодите, я, можетъ быть, урезоню: поудержится много-то болтать ... У меня есть на него страхъ ... Теперь авось сегодня къ вамъ не воротится ... Я пойду теперь въ Ступино повидаться съ сестрой, а назадъ ужо, къ вечеру, ворочаться буду на фабрику, опять къ вамъ забѣгу ... Покамѣ̀ прощайте ... Вотъ, Дарья Тихоновна, вы Параню браните, зачѣмъ

она Кирюшкѣ отвѣчала, а мнѣ она за это ... такъ, кажется, еще любѣй стала ... И что у меня ни было на душѣ противъ нея, какое сомнѣніе,—послѣ этого все точно рукой сняло ... Не браните вы ея, Дарья Тихоновна, за это!.. Прости меня, Паранюшка, что иной разъ я думалъ про тебя ... сомнѣвался въ тебѣ ... Теперь я тебя узналъ послѣ этого случая, и кто бы что ни говорилъ про тебя, ничему не повѣрю ... всякому ротъ запечатаю!.. Прости меня... любая моя!.. Солнышко мое ясное!..

Ѳедя остановился. Онъ стоялъ передъ Параней, смотрѣлъ на нее восторженными глазами и не зналъ, не находилъ такихъ ласковыхъ словъ, которыми бы, въ присутствіи матери, могъ высказать ей всю силу любви своей. Параня раскраснѣлась и стыдливо потупилась, слушая его.

— Да ну, ну... поцѣлуйтесь ужъ, что ли, поцѣлуйтесь на прощаньи-то, — проговорила Дарья Тихоновна, любовно усмѣхаясь. — При мнѣ можно: я никому не скажу ...

Но Параня закрыла лицо руками и отшатнулась въ сторону.

— Не надо ... не хочу ... не стану, — говорила она. — Не смѣй, Ѳедя, трогать теперь, а то осержусь!..

— Да не буду, не буду... не бойся ... золото мое! — успокоилъ ее Ѳедя, на котораго предложеніе Дарьи Тихоновны почему-то тоже непріятно подѣйствовало. — Откройся только да погляди ... взгляни разокъ ... Я уйду сейчасъ ... До увиданья ... Параня!..

— Да ну, уходи, что-ли, — проговорила Параня, улыбаясь, и, отведя отъ лица руки, такъ взглянула на Ѳедю, что у того отъ радости захватило дыханіе.

Онъ невольно, точно кѣмъ подтолкнутый сзади, рванулся-было къ Паранѣ и протянулъ руки, чтобы обнять ее, но тотчасъ же спохватился, удержался и вслѣдствіе этого такъ смѣшно и неуклюже поклонился и повернулся, чтобы уйти, что насмѣшилъ и Параню, и Дарью Тихоновну. Онѣ провожали его веселымъ и добрымъ смѣхомъ, который не разсердилъ и не обидѣлъ Ѳедю: онъ самъ усмѣхнулся, оглянувшись на нихъ, и вышелъ изъ избы совсѣмъ счастливый.

— До увиданья ... Къ вечеру ждите! — проговорилъ онъ, затворяя за собою дверь.

VI.

Выскочивши изъ избы Дарьи Тихоновны, Кирилла не зналъ, что ему дѣлать, куда идти. Страшная злоба, ревность и досада душили его; онъ чувствовалъ потребность отмстить и Паранѣ, и Ѳедору, и старался сосредоточиться на мысли: что бы сдѣлать такое, чтобъ сразу повредить имъ, поссорить и разлучить.

„Сказать его отцу!..“—думалъ Кирилла. „Разсказать, какая такая барыня Дарья Тихоновна, къ которой ихъ тихоня шляется, растолковать, на чьей дочкѣ жениться онъ хочетъ ... да и какова сама эта доченька-то ... Пускай же знаютъ, что хваленый ихъ не лучше насъ, грѣшныхъ!.. Они думаютъ, онъ на фабрикѣ, денежки зарабатываетъ для дома, а онъ вонъ гдѣ сидитъ, гдѣ деньги-то соритъ ... Туда безъ денегъ не ходи, знаемъ мы тоже Дарью-то Тихоновну довольно!.. Коли соглашается дочку отдать, такъ, значитъ, погремѣлъ у нея подъ носомъ денежками ... На сухую-то ложку ея не сманишь

тоже!.. Давно знакомство ведетъ... значитъ, давно и деньги даетъ... А гдѣ бралъ?.. Видать, что у насъ же изъ дому таскалъ... Правду матушка-то говоритъ... Вотъ тѣ и честной, и непьющій, примѣрный!.. Надо и моему-то родителю разсказать, пускай знаетъ!.. Поди еще, не давалъ ли ему награды... О-о, проклятый потихоня, не даромъ завсегда у меня кипѣло супротивъ него... Подхалима подлый!.. Пожалуй, вѣдь не повѣрятъ... Нѣтъ, хорошо бы ихъ обоихъ, стариковъ-то, привести, покамъ онъ сидитъ тамъ у нихъ, чтобы на мѣстѣ накрыть... Ужъ не бывать же этому. Такъ ли, сякъ ли, а разстрою я васъ... Погодите!.. Про меня узнаютъ? Скажетъ?.. Наплевать, мнѣ—все равно!.. Съ меня не что возьмутъ, а не доставаться, такъ пускай не достается никому... Не мнѣ, такъ и не ему!.. Да отъ меня еще не уйдетъ!.. Посмотримъ еще... Ужъ пропадай моя голова, а я по-своему сдѣлаю!.. Кабы не любила она меня вовсе, не стала бы сидѣть около меня да глазами заигрывать, да хихикать, не стала бы подзадоривать... Кабы не женатъ я былъ, она на Ѳедянку-то бы и не взглянула возлѣ меня... Она дѣвка веселая: ей лихача нужно, а не экого тюрю, какъ Ѳедька... А эти штуки-то, что гостинцы-то раскидала при немъ, ему на показъ, что вотъ, молъ, мы каковы благородны... Ну, это еще на-двое судить можно!.. Извѣстно, коли замужъ за него хочетъ, за жениха считаетъ, такъ мои рѣчи несносны показались... А коли развести ихъ да походить хорошенько, такъ другой разговоръ пойдетъ... Нѣтъ, не Ѳедькѣ со мной тягаться... Погоди, тюря невареная, я тебя утѣшу! Не видать тебѣ Параньки, какъ ушей своихъ!.. Тебя со смиренствомъ твоимъ да съ родительскимъ почтеніемъ

приберутъ къ рукамъ, воротятъ съ фабрики-то, въ деревню опять возьмутъ, да силой женятъ, вотъ и будешь сидѣть!.. А со мной не что подѣлаютъ... Я самъ себѣ начало, самъ себѣ голова ... Погоди!..

Такъ думая и передумывая, злясь, волнуясь и угрожая, Кирилла шелъ скорыми шагами, безсознательно направляясь къ дому. Онъ былъ совсѣмъ погруженъ въ самого себя, не смотрѣлъ по сторонамъ, бормоталъ иногда отрывочныя фразы изъ того, что думалъ, сжималъ кулаки, грозился и шелъ впередъ, не замѣчая того, что сзади его, въ нѣкоторомъ разстояніи, давно уже тихо ѣхала телѣга. Въ телѣгѣ сидѣла женщина и задерживала порывавшуюся лошадь, не сводя испуганныхъ глазъ съ шагавшаго впереди Кирилла. Она могла бы проѣхать мимо, и онъ, по всей вѣроятности, не обратилъ бы даже вниманія, но сидѣвшая въ телѣгѣ женщина была — Анна. Возвращаясь изъ Пархачева отъ знахарки, она вдругъ, совершенно неожиданно, къ ужасу своему узнала въ идущемъ впереди мужикѣ своего мужа. Анна оторопѣла, задержала лошадь, заставила ее идти шагомъ и съ замираніемъ сердца слѣдила за мужемъ. Испугъ ея смѣшался съ недоумѣніемъ, когда она разглядѣла странныя движенія мужа. Пьянъ?—была первая мысль ея; но онъ шелъ твердо, не останавливаясь, не пошаты- ваясь.—Что дѣлать? — раздумывала Анна, — ѣхать ли впередъ, или остановиться совсѣмъ и дать ему пройти? ... Ѣхать — узнаетъ, остановитъ, станетъ допрашивать, гдѣ была? Что скажешь? ... Остановиться, дать уйти впередъ, такъ онъ къ дому идетъ, все равно узнаетъ, что меня нѣтъ и лошади нѣтъ; тоже будетъ пытать, какъ пріѣду ... Что сказать-то мнѣ, батюшки мои, какъ вдругъ оглянется да увидитъ? ... Сказать развѣ,

что къ своимъ, въ Чернушки, ѣздила, матушка отпускала? Такъ дорога-то не та, не оттуда ... Сказать ... сказать развѣ ...

Но Анна ничего не могла придумать, ни на что рѣшиться, какъ вдругъ Кирилла остановился и присѣлъ на краю дороги, чтобы закурить папироскѵ. Анна натянула возжи, лошадь остановилась, и бѣдная баба точно замерла съ прижатыми къ груди руками, съ неподвижно устремленными на Кирилла испуганными глазами; сердце у нея точно перестало биться, и холодный потъ выступилъ на лбу. Кирилла, раскуривая папироску, случайно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стояла лошадь, и тоже сначала не вѣрилъ глазамъ своимъ ... Да, лошадь—его собственная и баба сидитъ въ телѣгѣ, — его жена! ... Что за чудо такое? Привидѣлась, что ли? ... Сидитъ и смотритъ на него, глазъ не спускаетъ! ... Да, жена и есть, Анна! ... Она это сидитъ! ... Откуда взялась? ...

— Анна! — вскричалъ Кирилла чуть не съ ужасомъ. — Ты это? ...

— Я, Кирилла Ѳедотычъ — отвѣчалъ робкій женинъ голосъ. Этотъ голосъ привелъ Кирилла въ себя.

— Да откуда тебя чортъ взялъ? — спросилъ онъ, подходя къ телѣгѣ. — Куда ты ѣздила?

Анна не отвѣчала.

— Тебя спрашиваютъ ... Али оглохла? Куда ѣздила? ...

— Матушка посылала, — отозвалась Анна нерѣшительно и робко.

— Куда?

Анна опять молчала.

— Да что ты, дьяволъ, онѣмѣла, что ли? Куда, я говорю, матушка посылала? ...

— Да тутъ ... къ знакомкѣ ... къ своей ... къ одной ...

— Къ какой знакомкѣ? ... Да что ты и вправду? ... Съ ума спятила, что ли, такъ, кажись, не съ чего ... Али тебя лѣшій обошелъ, память отшибло? ... Сказывай сейчасъ, гдѣ была? ... Ужъ не за мной ли досматривать ѣздила? ... Слышишь, сейчасъ сказывай, а то всю морду твою поганую сворочу на сторону ... Ишь ты, рыло твое поганое, паскудная харя! ... На человѣка-то непохожа! ... Навязалась на шею жерновъ, окаянная! ... Слышишь, спрашиваю, гдѣ была? ...

— Ты перво скажи, гдѣ ты-то былъ? Гдѣ ты-то шляешься отъ жены? — вскричала вдругъ Анна, забывшая страхъ и чувствуя только нанесенное ей мужемъ оскорбленіе.—Вотъ перво ты скажи, гдѣ ты-то водишься отъ живой жены? ... Гдѣ ты-то былъ? ...

— Гдѣ былъ? — отвѣчалъ Кирилла, сверкая на жену глазами. — Знать хочешь? ... У полюбовницы своей былъ! ... У насъ одна вмѣстѣ съ твоимъ братомъ Ѳедюшкой! ... Спроси у него ... Вотъ гдѣ я былъ! ... Ну, слышала? ... А ты гдѣ же была?

— А я у полюбовника ...

— Ахъ, ты, мурло! ... Кому ты нужна? ... Тоже! — И Кирилла ударилъ жену. Воротившаяся къ нему злоба требовала жертвы, а она была подъ рукой. — Говори сейчасъ ...

— Да вотъ хошь убей ... не скажу, — отвѣчала Анна, рыдая. — Убей ужъ заодно, легче будетъ ...

— Э, да чорта мнѣ нужно, стану я допытывать тебя ... Велика мнѣ надобность ... Полѣзай вонъ изъ телѣги! ...

— Зачѣмъ я полѣзу? ...

— Пошла, говорятъ, покамъ цѣла ...

— Да на что я полѣзу изъ телѣги? ...

— Э, дьяволъ! — вскричалъ Кирилла и потащилъ жену за воротъ. — Задушу ...

— Ой, батюшки! ... Пусти душу на покаяніе! ... Погоди, сама вылѣзу ... Господи! ... Конецъ, что ли, мой пришелъ послѣдній? ... Дай хошь перекреститься ... Богу покаяться ...

Съ рыданіями, дрожа всѣмъ тѣломъ и въ самомъ дѣлѣ думая, что мужъ хочетъ ее убить, не вылѣзла, а скорѣе вывалилась бѣдная Анна изъ телѣги; но не успѣла она подняться на ноги, какъ Кирилла вскочилъ въ телѣгу и погналъ лошадь. Анна осталась одна среди дороги. Испуганная, избитая, оскорбленная она долго не могла придти въ себя и понять, что̀ съ нею случилось. Безумно смотрѣла она вслѣдъ удаляющемуся мужу, который хлесталъ и погонялъ и безъ того усталую лошадь; потомъ сѣла тутъ же на дорогѣ и горько-горько заплакала. Она сидѣла, закрывши лицо руками и покачиваясь изъ стороны въ сторону; рыданія надрывали ей грудь, разрѣшаясь воплями и причитаньемъ. Подавленная своимъ горемъ, оплакивая свою горькую участь, Анна не замѣтила, какъ подошелъ къ ней братъ, Ѳедя, и изумленный остановился передъ нею.

— Что ты, Анна, что ты? О чемъ ревешь? Какъ ты попала сюда? Что еще надѣлалось?—спрашивалъ ее Ѳедя съ участіемъ.

— Ахъ, батюшка, Ѳединька, — заголосила Анна, узнавши, наконецъ, брата.—Откуда ты взялся? Ровно съ неба свалился ... Видно, Господь тебя послалъ ко мнѣ ... Батюшка, родимый мой, Ѳедянушка!

— Да разскажи путемъ: что такое послучалось?... Какъ ты здѣсь-то, середи дороги? ...

Съ рыданіями, прерывающимся голосомъ, несвязно и безпорядочно, разсказала Анна брату все, что̀ произошло. Изо всего ея разсказа Ѳедя понялъ только, что Кирилла прибилъ сестру, выкинулъ изъ телѣги и самъ ускакалъ.

— Да за что же онъ тебя прибилъ-то? — допытывался Ѳедя.

— Не знаю, Ѳединька, ничего не знаю, ровно во снѣ все это ...

— А куда же поѣхалъ-то?

— Вонъ туда,—въ эту сторону ... Не знаю куда ...

— Ну, такъ, значитъ, къ дому ... Перестань, Аннушка ... не реви ... Вставай, да пойдемъ лучше домой ... Я вѣдь къ вамъ шелъ ... Вставай ...

Ѳедя помогалъ сестрѣ подняться на ноги. Она все еще всхлипывала и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ пойдемъ ... На ходу-то лучше ... Переплачешься, такъ разскажи мнѣ все порядкомъ, я никакъ въ толкъ не возьму ...

— Нѣтъ, Ѳединька, нѣтъ, ты мнѣ перво скажи, кто такая у васъ съ нимъ одна полюбовница есть ... Онъ самъ мнѣ сказалъ: спроси, говоритъ, у Ѳедьки,— у насъ съ нимъ одна ... Неужто и ты къ этой вдовѣ ходишь? ... Скажи мнѣ, батюшка ... скажи, родимый ... Назови ты мнѣ ее по имени ... На тебя, значитъ, и указывала Арина Панкратьевна ... Скажи, хорошій ... Назови мнѣ ее ... Вотъ я тебѣ въ ножки поклонюсь ...

Анна бросилась въ ноги брату ...

— Да полно, Аннушка, полно ... Что̀ ты? ... Съ ума ты сошла, что ли?

Ѳедя старался поднять сестру.

— Мнѣ только бы имя-то ея узнать да гдѣ проживаетъ ... Больше ничего не надо ... Не встану, отъ ногъ у тебя не встану,—въ пыли, въ праху валяться буду, покамъ не скажешь, кто моя злодѣйка ... та вдова клятая ...

— Да пойдемъ, пойдемъ ... Перестань ... Я все тебѣ разскажу и растолкую, — и ее назову, только опомнися, встань ты да пойдемъ ... Я съ тѣмъ и шелъ, чтобы все тебѣ разсказать ...

Анна быстро поднялась.

— Ну, вотъ, батюшка, вотъ не вѣрь, — говорила она. — А мнѣ это слово сказано: „встрѣтится тебѣ человѣчекъ, нежданно-негаданно, на путидорогѣ, и все тебѣ откроетъ ...“ Вотъ не вѣрь гадалкамъ опосля того ... Ну, разсказывай ты мнѣ, разсказывай, облегчи ты мою душу ... Я и ревѣть не стану ... Вотъ и слезъ нѣту, ровно ничего и не было ...

Анна ждала объясненій Ѳеди точно какого-нибудь откровенія, которое должно спасти ее, измѣнить къ лучшему всю ея судьбу; она смотрѣла на него съ какимъ-то трепетомъ и надеждою, вся превратилась въ слухъ, боясь проронить хоть одно слово, одинъ звукъ.

— Онъ тебѣ сказалъ, что у насъ одна съ нимъ полюбовница? ... — переспросилъ Ѳедя.

— Сказывалъ, Ѳедянушка, сказывалъ ... Такъ и сказалъ.

— А ты ему и повѣрила? ...

— Повѣрила—не повѣрила, а такъ это мнѣ его слово на сердце пало, такъ точно стрѣлой пронзило ... Вотъ, молъ, и узнаю же я ее ... Такъ и подумала! ... Ѳедя мнѣ всю правду скажетъ ...

— Сказать я тебѣ скажу, только ты до времени

ничего никому не говори, ни нашимъ, ни Ѳедоту Семенычу ...

— Не велишь, такъ зачѣмъ я стану говорить ... Не стану, Ѳедянушка, не стану ...

— Нѣтъ у меня никакой полюбовницы, а невѣста есть, — точно ...

— Какъ невѣста? ... Неужто же ты на экой ... да на вдовѣ жениться хочешь? ... Чтой-то, Ѳедя? ...

— А ты погоди ... Не на вдовѣ, а на ея дочкѣ ... Это дѣвушка честная, хорошая, даромъ что у такой матери выросла ... А ужъ красавица, Аннушка, такая ... Кажется, изойди бѣлый-свѣтъ — не найдешь такой, лицомъ ли, ростомъ ли, повадкой своей! ... А глаза — такъ, кажется ... что захочетъ, то глазами-то и скажетъ. Взглянетъ — все сердце всколыхнетъ, духъ займется! ... Не то, что говорятъ, ровно тысячей рублей подаритъ, а ничего не надо, — отъ свѣта вольнаго откажешься, только бы смотрѣла она на тебя этими глазами своими! ... Ахъ, Аннушка, какъ люблю я ее, какъ люблю — сказать тебѣ не могу! ... Нѣтъ того на свѣтѣ ...

— А матка-то, матка-то, Ѳедянушка, молода еще, видно? ... Тоже рожей-то, видно, смазлива? ... Не стара еще она-то? ... Сама-то какая? ...

Ѳедя, который въ первый разъ еще свободно говорилъ съ близкимъ человѣкомъ о любви своей и о любимой женщинѣ, такъ увлекся этимъ разсказомъ, воспоминаніемъ о Паранѣ и своими личными ощущеніями, что едва понялъ вопросъ Анны и разсѣянно отвѣчалъ ей.

— Да, она еще ничего ... молода ... нестара ...

— А все ужъ чай, ей подъ сорокъ, коли дочь — невѣста? ...

— Будетъ, я думаю ...

— Ишь, ты, подлая! ... А какъ зовутъ-то ее, Ѳедянушка ... матку-то? ...

— Дарья Тихоновна.

— А изъ какой же деревни-то будутъ онѣ, Ѳедя? ... Гдѣ живутъ-то? ...

— Въ Онучинѣ ,..

— Вотъ гдѣ! — почти вскрикнула Анна, радуясь, что получила теперь всѣ нужныя ей свѣдѣнія. — Ишь, ты, подлая душа! ... Сорокъ лѣтъ, — бабій вѣкъ, говорятъ, а она ... Видишь ты! ... Такъ онучинская, — вотъ откуда! ... Ну, Кирилла Ѳедотычъ, нѣтъ у тебя стыда! Не нашелъ ты получше-то ... Съ кѣмъ связался, на кого жену промѣнялъ: на вдову дѣтную, старую ... На кого ты домъ зоришь? ... Не даромъ люди смѣются! ... Ужъ, стало, баба никуда негодная, непутная, коли у нея дочь — невѣста, а она гуляетъ, любовниковъ заводитъ ... Такъ ты тамъ-то и повстрѣчался съ нимъ, Ѳединька? ...

— Да, сегодня въ первый разъ ... До этого и не зналъ ничего ...

— Такъ неужто ты, Ѳедя, и самъ-дѣлѣ на ея дочкѣ жениться хочешь? ... Чтой-то, родной мой? ... Да батюшка-то и слушать не захочетъ, — и благословенья тебѣ не дастъ ... Экая тещенька будетъ! ... Да и Ѳедотъ Семенычъ что скажетъ ... И по мнѣ— такъ ... Нѣтъ, батюшка, Ѳединька, чтой-то ты это надумалъ? ... Неужто ужъ такъ-таки лучше ея въ самъ-дѣлѣ нѣтъ? ...

— По мнѣ—нѣтъ, Аннушка ... И вотъ я тебѣ что скажу ... Параня моя до того мнѣ мила и дорога, что хоть бы пришлось батюшкѣ наперекоръ сдѣлать, съ Ѳедотомъ Семенычемъ поссориться ... а я все-жъ-таки женюсь на ней ... Придетъ время, — такъ и

родителю скажу ... По мнѣ, дочь за мать не отвѣтчица, и не всякая дочь по матери идетъ ... Она не виновата, какая бы ни была у нея мать, была бы сама хороша, а за родителей съ нея спрашивать нечего ... По мнѣ, еще это къ чести ея, что у такой матери, на такомъ виду, да сберегла себя, — хорошая да честная осталась! ... И мать, значитъ, не вдосталь пропала, коли дочь въ порядкѣ выростила, худому ее не учила, а оберегала ...

— Да уберегла ли, Ѳединька? Полно, батюшка, молодъ вѣдь еще ты,—всего не досмотришь ... Гдѣ тебѣ до всего дойти ... Онѣ, видать, ловкія, обойдутъ и не тебя ...

Ѳедя вдругъ съ силой схватилъ сестру за руку. Анна взглянула на него и испугалась. Онъ страшно измѣнился въ лицѣ, дрожалъ и тяжело дышалъ, точно задыхался.

— Не смѣй ... не смѣй! — проговорилъ онъ, съ усиліемъ переводя духъ. — Ты ея не знаешь ... Не такая она! ... Зачѣмъ же ты? ... Никогда не смѣй говорить этого! ... Я ее знаю ... Ты поглядѣла бы, какъ она твоего Кирилла отдѣлала. Онъ началъ-было къ ней подлипать ... Выгнала изъ избы-то ... Оттого онъ и злой-то такой ... Видно, и тебя-то прибилъ съ этого, не зналъ ужъ на комъ злость сорвать ...

— Какъ, Ѳедюша, ты говоришь: онъ и къ ней подлипалъ? ... Къ твоей-то? ... Господи, батюшка, да ужъ онъ не къ ней ли и бѣгалъ-то? ... Не съ ней ли онъ, полно, Ѳедя?

Аннушка точно съ умысломъ мучила брата. Ея слова точно острымъ ножомъ рѣзали его по̀ сердцу.

— Твой Кирилла живъ бы не ушелъ отъ моихъ рукъ, кабы это такъ было, — отвѣчалъ Ѳедя

мрачно. — Она невиновата, что онъ безпутный, охальникъ, — что совѣсти въ немъ нѣтъ ... Кабы она его сегодня на моихъ глазахъ такъ не прогнала, Богъ-вѣсть, что̀ бы еще у насъ съ нимъ было ... Нѣтъ, нѣтъ, про нее не думай, а онъ ... Ты присматривай за нимъ и Ѳедоту Семенычу скажи моимъ именемъ, коли я самъ его не увижу да сказать не удосужусь, что онъ ... подлый твой Кирюшка! ... самый подлый человѣкъ! ... Я самъ слышалъ, какъ онъ подкупалъ мать, чтобы она продала ему дочь, стращалъ, похвалялся силой увезти ... Вотъ онъ какой! ...

— Батюшки! ... батюшки! — завопила опять Анна, всплеснувши руками. — Куда мнѣ отъ него дѣться? Куда головушку отъ стыда-горя спрятать? ... Что̀ мнѣ дѣлать-то? Какъ мнѣ быть-то?

— Вотъ что́, Аннушка ... Я ужъ Кирилла, можетъ разведу съ Дарьей Тихоновной,—онѣ скоро совсѣмъ изъ Онучина уйдутъ ... А чтобы онъ не пьянствовалъ, дома не зорилъ и тебя не обижалъ, чтобы хоть немножко его поусмирить, надобно тебѣ непремѣнно все разсказать Ѳедоту Семенычу и батюшкѣ. Такъ и разскажи все, какъ есть, что̀ я сказывалъ и что̀ сама знаешь ...

— Ѳединька, да онъ убьетъ меня ... Посмотрѣлъ бы ты даве, вѣдь я думала,—конецъ мой пришелъ ... А на него же и смотрѣть-то страсть брала ...

— Погоди же, постой ... Для того-то ты батюшкѣ все и разскажи, чтобы онъ зналъ, какъ тебя мужъ мучитъ и тиранитъ и какова тебѣ жизнь замужемъ, — и чтобы тебѣ въ случаѣ, если Кирилла не образумится, можно было уйти къ отцу ... Я тебѣ и прежде говорилъ, и теперь опять скажу, нельзя съ такимъ мужемъ жить на этакомъ сраму, на такой обидѣ, какъ ты живешь ... Ты не собака, чтобы

онъ тебя билъ, а тебѣ у него руки лизать ... Благодарить Бога, еще у васъ дѣтей нѣтъ ... Ну, и уйди отъ него, Богъ съ нимъ ... Все равно, онъ не живетъ же съ тобой, какъ слѣдуетъ съ женой ... А коли опомнится да придетъ, — будетъ звать ... Ну, тогда увидишь: коли по силамъ тебѣ будетъ забыть старое да жалко тебѣ его, такъ и воротишься ... Теперь къ Дарьѣ Тихоновнѣ ему ходить будетъ нельзя, да къ этому — и Ѳедотъ Семенычъ его посовѣститъ, и ты уйдешь къ батюшкѣ, такъ, пожалуй, и поневолѣ притихнетъ, образумится ...

— Ѳединька, что я тебѣ скажу ...

— Ну, что?

— Не погодить ли говорить-то, особливо тѣ уйдутъ изъ деревни? ... Можетъ, и такъ дѣло справится ... Ты вотъ вѣдь не вѣришь ... А я нашла человѣчка, обѣщается поворотить его ко мнѣ, только-что надо денегъ достать, заплатить ... Ужъ шубу думаю заложить, а заплачу, ничего не пожалѣю ...

— Да за что же платить-то?

— А она подѣлаетъ ... Либо отворота отъ той, либо ко мнѣ привороту дастъ ...

— Ну, Анна, не вѣрю я этимъ пустякамъ, такъ нечего мнѣ объ этомъ и говорить ... А тебѣ не надо бы этого вздора и слушать, и деньги на это изводить ... Ты не дура, слава Богу, ты только съ горя всему рада повѣрить, за все схватиться ... Нѣтъ, дѣлай, какъ я тебѣ говорю, непремѣнно разскажи все и Ѳедоту Семенычу, и батюшкѣ ... И для меня добро сдѣлаешь, все равно твой мужъ похвалялся, что про меня имъ разскажетъ, такъ, по крайности, пускай они отъ тебя настоящее узнаютъ ... Ты скажи только, что хошь я непремѣнно женюсь на Паранѣ, да не скоро еще, когда хорошее жалованье

буду получать на фабрикѣ ... И попроси батюшку, чтобы онъ меня не разбивалъ и не вздумалъ мѣшать али отговаривать. Во всемъ я сынъ ему покорный, во всемъ послушаюсь — только не въ этомъ ... Такъ и скажи ... Мѣсяца черезъ два я, можетъ, и самъ побываю у батюшки, коли можно будетъ. Вотъ о праздникахъ, вось, о святкахъ ... А до тѣхъ поръ, если захочетъ повидаться, не выберетъ ли времячко— самъ бы побывалъ ко мнѣ, на фабрику ... Я ему самъ все разскажу ... Вотъ жалко, Ѳедота Семеныча дома нѣтъ ... сказывалъ твой-то ...

— Да, да, на два дни уѣхалъ въ волость ...

— То-то горе мое ... Ну-да воротится, такъ ты тотчасъ ему скажи, что, молъ, приходилъ нарокомъ Ѳедоръ повидаться и все разсказать, да не засталъ и въ великую, молъ, милость просилъ, чтобы какъ можно побывалъ онъ у меня, что, молъ, по гробъ жизни онъ этой милости не забудетъ, если пріѣдешь ... да поскорѣе ... А на фабрикѣ, скажи, мнѣ жить очень хорошо, и хозяйскій сынъ, онъ знаетъ, очень меня полюбилъ, все равно, что другъ сталъ ... Я со старикомъ и о себѣ, и о тебѣ поговорю, а онъ пріѣдетъ, я знаю, какъ только ты ему скажешь ...

Они подходили къ Ступину.

— Что же, ужъ мнѣ заходить ли къ вамъ въ домъ-отъ? ... Старика нѣтъ, Ѳедосья Осиповна меня не любитъ, съ тобой все переговорилъ, а тамъ еще, пожалуй, твоего встрѣчу, — не вышло бы еще у васъ съ нимъ чего ...

Ѳедя остановился въ нерѣшимости.

— Прощай-ка лучше ... Да мнѣ ужъ и пора ... Тоже до фабрики далеко.

Но Анна ухватила его за руку.

— Нѣтъ, нѣту, родименькой, Ѳединька, доведи ты меня, проводи, ради Христа ... Я и въ домъ-то взойти побоюсь теперь ... Ты хошь меня до матушки-то проводи, она ныньче ничего, много милостивѣй ко мнѣ стала ... Она вѣдь сама и къ гадалкѣ-то меня посылала, и лошадь велѣла взять ... Коли дома Кирилла Ѳедотычъ, такъ хоть я приду-то при тебѣ, не такъ боязно ... Ну, а тамъ, ужъ что Богъ сдѣлаетъ ... А нѣтъ его, такъ ты посиди со мной, дай мнѣ душеньку-то отвести, посмотрѣть да поговорить съ тобой ... Можетъ, надумаешь и матушкѣ что скажешь ... Право ... Она теперь боится, что Кирилла-то хочетъ уйти вовсе изъ дома, такъ гораздо лучше стала, почитай за-одно со мной, рука за руку ... Онъ теперь и съ матушкой-то не ладитъ, и съ ней-то мало что говоритъ ... Нѣтъ, Ѳединька, зайди, Христа-ради, зайди, прошу я тебя ... Да и его, чай, поди нѣтъ ... Станетъ-ли онъ дома сидѣть, особливо сегодня, въ праздникъ ... Бросилъ, чай, лошадь, изругалъ матушку, что дала мнѣ ее, да и опять ушелъ гулять ...

Ѳедоръ не могъ отказать сестрѣ и пошелъ съ нею.

Въ избѣ они застали одну Ѳедосью Осиповну въ сильномъ смущеніи. Она почти обрадовалась приходу Анны и разсказала, что сидѣла подъ окномъ, поджидая ея возвращенія отъ гадалки, какъ вдругъ увидѣла въ телѣгѣ скачущаго мимо дома Кирилла. Лошадь была вся въ мылѣ, а онъ еще дергалъ и хлесталъ ее.

— У меня такъ сердце и упало, — разсказывала старуха. — Ждала тебя, а вижу онъ скачетъ одинъ и мимо ... Что, молъ, за чудо такое, не повстрѣчалось-ли чего, не сдѣлалось-ли? ... Я было высу-

нулась въ окошко, окликнуть его, такъ не знаю, слышалъ-ли, али нарочно виду не далъ, что слышитъ ... Даже и на избу-то не смотритъ ... Какъ вы повстрѣчались-то съ нимъ? ...

Анна все подробно разсказала старухѣ о своей неожиданной встрѣчѣ съ мужемъ.

— Куда же онъ, батюшки, куда же это онъ поскакалъ-то? — спрашивала Ѳедосья Осиповна со слезами на глазахъ.

— Такъ онъ, значитъ, въ эту сторону проѣхалъ? — спросилъ Ѳедя, показывая направленіе.

— Да, да, вотъ сюда, прямикомъ черезъ всю деревню.

— Ну, такъ я знаю куда онъ поѣхалъ — проговорилъ Ѳедя.

— Куда? Куда? — спросили въ одинъ голосъ мать и жена.

— Въ Чернушки, надо быть ...

— Почто ему туда? — съ сомнѣніемъ и недоумѣніемъ замѣтила Ѳедосья Осиповна. — Близко-ли до Чернушекъ, а лошадь вся и безъ того въ мылѣ, устала, да и дѣлать ему тамъ нечего ...

— А вотъ посмотрите, что туда ... Къ нашему батюшкѣ ...

— Не охочъ онъ былъ туда ѣздить-то никогда,— возразила старуха такимъ тономъ, въ которомъ противъ ея воли слышалось нерасположеніе къ семьѣ Ѳеди. — Съ чего же ему вдругъ теперь надумалось? ... Нѣтъ, не можетъ быть ... Не поѣдетъ онъ туда ...

Ѳедя не сталъ спорить, но обратился къ сестрѣ:

— Вотъ что, Аннушка, ступай ты теперь же, коли въ силахъ, а нѣтъ, такъ отдохнувши, или завтра чѣмъ свѣтъ, ступай къ батюшкѣ и разскажи

ты ему все, что̀ я тебѣ говорилъ ... Пустите ее, Ѳедосья Осиповна.

— Да чтой-то, батюшки мои, что за тайности-секретности у васъ? — возразила старуха. — Зачѣмъ вдругъ всѣмъ Чернушки понадобились? ... И Кирюша, чу, туда ускакалъ и ей туда же бѣжать надобно ... Да что такое? ... Скажите хочь что-нибудь ...

— Никакихъ секретностей нѣтъ, Ѳедосья Осиповна ... Пускай Анна вамъ все разскажетъ, а только, если сходитъ она, такъ и для нея, и для васъ лучше будетъ ...

— Али гадалка что указала? — проговорила Ѳедосья Осиповна. — Ты ему разблаговѣстила, что-ли, все, братцу-то?

— Не вѣритъ онъ, матушка, гадалкамъ-то, — отвѣчала Анна, — а она мнѣ все такъ точно сказала: встрѣтишь, говоритъ, человѣка нежданно-негадано, и онъ все тебѣ разскажетъ ... И я теперь все узнала! ... Отъ него же узнала, отъ Ѳединьки! ... Онъ встрѣтился, все разсказалъ ... Прежде насъ онъ все зналъ ... Горе мое, матушка, стыдобушка! ... Все такъ точно!

Анна заплакала.

— Да что, дурочка, что? Ты мнѣ разскажи скорѣе ... Можно, чай, матери-то сказать?

Послѣдній вопросъ былъ обращенъ съ нѣкоторымъ упрекомъ къ Ѳедѣ.

— Она вамъ все разскажетъ, Ѳедосья Осиповна,— отвѣчалъ Ѳедя, — только вы отпустите ее поскорѣе съ Чернушки, а ты сходи, Аннушка ... Пожалуйста яходи ...

— Да я хоть сейчасъ, Ѳединька, вотъ только бы матушка ...

— Да коли нужно, такъ сходи ... Что же ...

— Такъ счастливо оставаться, Ѳедосья Осиповна ... Прощай, Аннушка ... Я пойду ...

— Чтой-то больно скоро? — проговорила Ѳедосья Осиповна, больше ради церемоніи. Она сгорала отъ нетерпѣнія услышать разсказъ Анны. — Правда, мужиковъ-то никого дома нѣтъ ... Да хошь бы закусилъ, что-ли, поѣлъ бы чего ...

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю ... Не хочу ничего ... Мнѣ время идти на фабрику ... Я вѣдь и шелъ на минутку, только вотъ сестру повидать, да дорогой встрѣтились, — все переговорили ... Прощенья просимъ, Ѳедосья Осиповна ... Прощай, Аннушка.

Старуха болѣе не задерживала гостя и даже была недовольна, что Анна пошла проводить брата за ворота въ то время, какъ ее снѣдало женское и материнское любопытство.

Ѳедоръ не хотѣлъ присутствовать при разсказахъ Анны, боясь какихъ-нибудь обидныхъ замѣчаній относительно Парани со стороны Ѳедосьи Осиповны, да и торопился воротиться въ Онучино, куда манили его Паранины глазки и надежда уговорить Дарью Тихоновну сегодня же уйти на фабрику. Онъ зналъ, что мужицкіе сборы, даже и женскіе, непродолжительны, а идти всю дорогу вмѣстѣ съ Параней, не разставаться съ ней и тамъ, на фабрикѣ, принявшись за работу, знать, что она тутъ, близко, почти на глазахъ, — какое бы это было счастье! —

Простившись за воротами съ сестрой, онъ быстро зашагалъ по дорогѣ въ Онучино, а Анна торопливо воротилась къ Ѳедосьѣ Осиповнѣ, нетерпѣніе которой вполнѣ понимала и сама желала удовлетворить его поскорѣе: разсказывать новости, даже непріят-

ныя и печальныя, говорить о своемъ горѣ, для крестьянки всегда, если не удовольствіе, то большое утѣшеніе.

VII.

Ѳедя не ошибся въ своей догадкѣ: Кирилла, дѣйствительно, промчался въ Чернушки. Во время разговора съ женой, при встрѣчѣ съ нею на дорогѣ, въ головѣ Кириллы мелькнула мысль немедленно ѣхать къ Герасиму Дмитричу, разсказать ему о намѣреніи Ѳедора жениться на Паранѣ и подбить старика тотчасъ же ѣхать въ Онучино, чтобы накрыть Ѳедю на мѣстѣ. Недолго думая, онъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, — вытолкнулъ изъ телѣги жену и поѣхалъ. Дорога ему шла прямо черезъ Ступино, и онъ, чтобы избѣжать разспросовъ и объясненій съ матерью, проскакалъ мимо своего дома, показывая видъ, что не замѣтилъ Ѳедосьи Осиповны и не слыхалъ ея оклика.

До Чернушекъ было добрыхъ десять верстъ; усталая лошадь, непривычная къ скорой ѣздѣ, выбилась изъ силъ и начала безпрестанно заявлять желаніе идти шагомъ или по крайней мѣрѣ легонькой рысцой; но Кирилла нещадно погонялъ ее, посылая въ то же время проклятія женѣ, которая осмѣлилась куда-то ѣздить на ней. Страсть бушевала въ душѣ Кирилла, онъ не могъ ни о чемъ хорошенько думать, не уяснялъ себѣ своего настоящаго положенія, былъ полонъ однимъ чувствомъ ненависти и мести къ Ѳедѣ, которое и торопился скорѣе удовлетворить.

Появленіе его на взмыленной, усиленно вздымавшей боками лошади у воротъ дома Герасима Дмитрича напугало старика. Отъ-нечего дѣлать, ради праздника, онъ сидѣлъ со старшимъ сыномъ на

завалинкѣ своей избы, и первая мысль, которая пришла ему въ голову при видѣ измученной лошади и встревоженнаго лица Кириллы, была та, что въ семьѣ случилось какое-нибудь большое несчастіе. Онъ торопливо поднялся на ноги и быстро подошелъ къ телѣгѣ прежде, чѣмъ Кирилла успѣлъ выскочить изъ нея.

— Что̀ подѣлалось, Кирилла Ѳедотычъ? ... Что̀ такое? ... Все-ли здорово? — закидалъ онъ зятя торопливыми тревожными вопросами, даже забывши предварительно поздороваться съ нимъ. — Анна жива-ли? ... Али Ѳедотъ Семенычъ? ... Молви скорѣе ... Не томи ...

— Всѣ здоровы ... кланяются, — отвѣчалъ Кирилла, выскакивая изъ телѣги и чувствуя нѣкоторую неловкость. — Здорово живешь, батюшка ... Свату Ивану Герасимычу ...

— Что же ты это? — удивленно спрашивалъ старикъ, наскоро здороваясь съ зятемъ. — Напугалъ меня до̀ смерти, и самъ-отъ такой ... никакой ... и лошадь-то въ мылѣ ... Даже и теперь колѣнки трясутся! ... Да ты сказывай правду, не таись, можетъ, что подѣлалось, да не хочешь вдругъ испугать ...

— Дѣльцо-то есть одно ... Пойдемъ, батюшка, въ избу, — говорилъ Кирилла, оглядываясь по сторонамъ.

Отъ сосѣднихъ избъ медленнымъ шагомъ подходили къ нимъ мужики, очевидно тоже заинтересованные неожиданнымъ появленіемъ Кириллы.

— Пойдемте въ избу ... Это дѣло такое ... А вонъ чужіе люди подходятъ, — повторилъ Кирилла вполголоса.

— Пойдемъ, пойдемъ, — заторопился Гера-

симъ Дмитричъ, вновь чувствуя сильное безпокойство. — Иванъ, введи лошадь-то во дворъ ...

— Да, пожалуй, не тронь ея тутъ, сватъ Иванъ ... Я вѣдь недолго ... Постоитъ и такъ ... Пойдемъ лучше съ нами ...

Всѣ озабоченные, встревоженные, пошли въ избу.

— Вотъ что, батюшка, пойдемъ перво въ свѣтелку, что-ли, или куда ... чтобы безъ бабъ ... намъ однимъ чтобы переговорить, — замѣтилъ Кирилла, останавливаясь на мосту.

Эта таинственность окончательно смутила старика, встревожила даже и всегда спокойнаго, невозмутимаго Ивана.

— Знамо, въ-свѣтелку ... А коли кто есть, — выгонимъ ... И запереться даже можно, — проговорилъ онъ озабоченно.

— Пойдемъ, пойдемъ ... — твердилъ Герасимъ Дмитричъ, дрожащими руками отворяя дверь въ свѣтелку ... — А вы сидите тамъ, не ходите сюда, никого не надо ... — обратился онъ къ бабамъ, выскочившимъ-было въ сѣни навстрѣчу гостю.

Кирилла мимоходомъ только поздоровался съ ними. Бабы въ нодоумѣніи попятились назадъ въ избу и не сразу затворили за собою двери, съ жаднымъ любопытствомъ посматривая на Кирилла.

— Ну, чего рты-то разинули? ... Затворяйтесь! — проворчалъ на нихъ Иванъ.

— Что же такое, Кирилла Ѳедотычъ? ... Сказывай скорѣе ... Совсѣмъ даже сердце упало! ...— торопилъ Герасимъ Дмитричъ, войдя въ свѣтелку и усаживаясь около зятя.

— Да ты что же такъ ужъ очень, батюшка? — успокоивалъ его Кирилла. — Не пугайся очень-то ... Конечно, что тебѣ это услышать будетъ не въ

удовольствіе, а все же еще дѣло поправить можно ...

— Да что̀ такое? ... Говори скорѣе, — чуть не взмолился Герасимъ Дмитричъ.

— Ты говори сразу ... не сумнѣвайся, — повторилъ за нимъ и Иванъ.

— Да что сумнѣваться ... Знамо, сразу нужно сказать, зачѣмъ ѣхалъ, торопился, — отвѣчалъ Кирилла. — Ѳедя вашъ забаловался очень ... Вотъ что ...

— Какъ Ѳедя забаловался? ... Что ты? ... Въ чемъ забаловался? ... Господи, помилуй! — проговорилъ старикъ.

— А такъ, связался съ одной бабенкой гулящей, со вдовой, да еще на ея дочкѣ жениться хочетъ ...

— Да что ты? ... Какъ узналъ? ... Онъ на фабрикѣ живетъ ... Тамъ развѣ ...

— Нѣтъ, не на фабрикѣ, а въ Онучинѣ ... Слыхали Онучину деревню, отъ насъ верстъ за пять ... Вотъ гдѣ ... Онъ и теперь тамъ, у этой самой вдовы ... И къ намъ не приходилъ, а весь день тамъ, можетъ еще со вчерашняго дня ... Хотите поѣзжайте, сами увидите, еще захватите его тамъ ... И ужъ онъ, выходитъ, давно съ ними возжается, сначала съ маткой, а теперь съ дочкой ... И жениться на ней хочетъ ... Ужъ въявь объявляются женихомъ съ невѣстой ... Знамо, и деньжонки туда таскалъ, какія были ... Вонъ, батюшка, родитель мой, его тоже не оставлялъ, награждалъ, я знаю, — и эти деньги туда же на нихъ, видать, извелъ ... А онѣ такія, этимъ живутъ ... И не его тамъ оберутъ до ниточки ... Пропадетъ парень задаромъ ... Жалко! ...

— Вотъ онъ отчего, видно, и жениться-то не хотѣлъ, въ люди-то, на-сторону, просился! — замѣтилъ Иванъ.

— Такъ, само собой, для этого самаго ... Отсюда ему нескладно бѣгать-то туда, а съ фабрики-то ушелъ ... кто его видитъ! ... Напрасно вы пустили его тогда, — говорилъ Кирилла.

Герасимъ Дмитричъ сидѣлъ, печально и задумчиво опустивши голову. Ему обидно и горько было слышать такую новость объ его любимомъ сынѣ, которымъ онъ внутренно гордился, въ котораго безусловно вѣрилъ и для котораго ожидалъ другой, лучшей судьбы. Его огорчила эта новость еще больше потому, что ее сообщалъ Кирилла. Герасимъ Дмитричъ былъ дурного мнѣнія о своемъ зятѣ и не разъ упрекалъ себя, что отдалъ за него дочь.

Ему казалось непохоже на правду все то, что разсказывалъ Кирилла. Ему просто не хотѣлось вѣрить, казалось невѣроятнымъ, чтобы умный, скромный, разсудительный Ѳедя былъ способенъ и на такія знакомства, и на такія связи.

— Полно, да правда-ли это? — проговорилъ онъ, не смотря на зятя. — Не сплетки-ли однѣ? ... Отъ кого ты узналъ-то?

— Чего отъ кого, коли своими глазами видѣлъ, своими ушами слышалъ; самъ онъ мнѣ сказалъ, что жениться хочетъ на этой дѣвкѣ. ...

— Да какъ же такъ, гдѣ-жъ ты его видѣлъ?

— Да тамъ же и видѣлъ, вотъ какіе-нибудь два часа назадъ, у этой самой гулящей вдовки и съ невѣстой рядомъ. ... Сидятъ, чай пьютъ, блины ѣдятъ ... Праздничнымъ дѣломъ, я разгуляться ходилъ къ пріятелю къ одному въ это самое Онучино, а онъ мнѣ и говоритъ: а твой, говоритъ, зятёкъ

здѣсь, Ѳедоръ Герасимычъ, — гостится, говоритъ, у нашей „барыни“ ... „барыней“ ее прозываютъ ... у Дарьи Тихоновны ... Я даже не повѣрилъ ему, обругалъ его, а онъ божится: да онъ, говоритъ, давно съ ней живетъ, а не вѣришь, сходи, говоритъ, посмотри самъ ... А я, признаться, какъ еще холостой былъ, такъ знавалъ ее ... такъ самая что ни на есть охальная, гулящая, сволочь-баба! ... Погоди-жъ, думаю, я самъ схожу, посмотрю ... Вхожу невзначай, такъ и есть, сидитъ нашъ молодецъ тамъ ... По одну руку мать, по другую — дочка, онъ въ серединкѣ ... Здравствуй, молъ, какъ такъ, какими судьбами тебя Богъ сюда занесъ? ... А смотрю, у нихъ ужъ и сладкая водка на столѣ, и закуски разныя ... Я и сталъ-было его стыдить ... Какъ взъѣдятся на меня бабы, — вонъ гнать; я было на нихъ, срамить ихъ сталъ ... Батюшки мои, поднялся нашъ Ѳедя, дрожитъ весь. Не смѣй, кричитъ, про нихъ худого слова сказать! ... Это, говоритъ, моя невѣста нареченная! ... указываетъ на дѣвку ... А другая-то, говорю, какая же тебѣ родня-то придется? ... Смѣюсь ... Ну, ужъ тутъ бѣда что было, чуть не убили меня ... Дѣвка-то кидаться стала всѣмъ, что подъ руку попалось, мать съ кулаками лѣзетъ, Ѳедянка ... Ну, думаю себѣ, парень, попалъ ты, завязъ! ... Выскочилъ отъ нихъ да сейчасъ на лошадь, да къ вамъ ... Что же, думаю, какъ ни какъ, свои люди, — родня, и парня жалко, пропадетъ за-даромъ ... Самъ изъ этихъ когтей не выцарапается ... Надо отцу, брату сказать ... Вотъ нарочно и прискакалъ къ вамъ! ... Заложите лошадь, поѣзжайте поскорѣе, тамъ еще застанете, чай, раньше ночи не уйдетъ ... Я бы на своей съ радостью довезъ, да долго протащится.

устала очень ... Гналъ я ужъ ее очень шибко ...

— Что, Иванъ, что дѣлать-то? — смущенно и печально спросилъ старикъ.

— А что дѣлать? ... Взять его съ фабрики, да женить здѣсь, покамъ не избаловался вовсе, — вотъ и все ...

— Да нѣтъ ... А теперь-то ѣхать или нѣтъ?

— По моему, чего тутъ ѣздить, лошадь гонять? ... Мало ли онъ чего надуритъ, не наѣздишься за нимъ ...

— А, можетъ, неправда, — обмолвился Герасимъ Дмитричъ.

— Неправда! — вскричалъ Кирилла. — Ну, такъ ужъ поѣдемъ, батюшка, я тебя хошь на своей довезу ... Это мнѣ даже обидно слышать, я по родству, жалѣючи парня, нарочно прискакалъ, а ты не вѣришь мнѣ ... Что же я, выдумку выдумалъ, что ли? Да что мнѣ за надобность? ... Кабы не жалѣючи васъ да его ... какъ по родству ... такъ что бы мнѣ? Наплевать! Я бы и не почесался! ... Нѣтъ, а ужъ теперь, коли ты сказалъ это слово, такъ ужъ поѣдемъ ... Вели ему, сватъ Иванъ, ѣхать ... Пускай же онъ самъ, своими глазами посмотритъ, а мнѣ чтобы въ лгунахъ-обманщикахъ не быть ... Нѣтъ ужъ, коли такъ, поѣдемъ же, батюшка, безпремѣнно, сею же минутою ...

— Поѣдемъ, я съѣзжу ... Ты меня довези на своей, а оттуда, назадъ, я пѣшкомъ дойду ...

— Поѣдемъ и на моей ... все одно мнѣ въ оборотъ ѣхать ... Хошь и устала, а ничего, добѣжитъ ... Только скорѣе собирайся, чтобы захватить его ...

— Да что мнѣ собираться-то, взялъ шапку да и готовъ ...

Черезъ нѣсколько минутъ тесть съ зятемъ выѣхали въ одной телѣгѣ изъ Чернушекъ, возбудивши живое любопытство не только въ домашнихъ, но и во всей деревнѣ. Это любопытство осталось неудовлетвореннымъ; хотя и осаждали вопросами молчаливаго Ивана, но добиться отъ него ничего не могли.

— Дѣло одно вышло ... не касающее! — отвѣчалъ онъ одно и то же всѣмъ любопытствующимъ.

Герасимъ Дмитричъ ѣхалъ молча и насупившись: онъ былъ очень огорченъ и сконфуженъ. Зато безъ конца говорилъ Кирилла все на одну и ту же тему, о дурной славѣ Дарьи Тихоновны и ея дочери, о томъ, какая бы погибель была для Ѳеди, еслибъ онъ не узналъ во время о грозившей бѣдѣ и по родству не предупредилъ его отца.

„Больно ужъ ты, парень, что-то хлопочешь да заботишься о Ѳедькѣ ...“ — подозрительно думалъ про себя, хотя и не высказывалъ, Герасимъ Дмитричъ, слушая краснобайство зятя.—„Да вотъ, погоди, самъ до всего дойду, все увижу! ... Эхъ, Ѳедянка, Ѳедянка, неужто ужъ ты такъ повихнулся и самъ-дѣлѣ? ... Вотъ чего не чаялъ! ... Лучше бы мнѣ не сдаваться тогда на твои слова, не отпускать бы тебя ... Либо женить бы сначала“ ...

Съ половины дороги Кирилла сталъ безпокоиться, что время спозднилося и, погоняя лошадь, высказывалъ опасеніе, что они, пожалуй, пріѣдутъ въ Онучино поздно и не застанутъ Ѳедора у Дарьи; особенно онъ настаивалъ на томъ, чтобы не заѣзжать въ свой домъ и не останавливаться у него, такъ какъ женщины любопытны, будутъ доспрашиваться да допытываться, куда да зачѣмъ да почему? И все имъ разскажи подробно и обстоятельно, пойдутъ суды

да пересуды, а время уйдетъ ... Если же теперь Ѳедю не застать, то будетъ, пожалуй, запираться, что былъ у Дарьи, и его же, Кириллу, лгуномъ сдѣлаетъ ... А послѣ самокруткой и женится ... Ѳедота же Семеныча дома нѣтъ, а съ Анной Герасимъ Дмитричъ лучше повидается, какъ назадъ пойдетъ.

Старикъ не возражалъ и не соглашался съ разсужденіями и доводами Кириллы, но слушалъ ихъ молча.

Не доѣзжая версты полторы до Ступина, оба они увидѣли идущую къ нимъ навстрѣчу женщину и съ одинаковымъ изумленіемъ узнали въ ней Анну.

— Куда это она идетъ? — спросилъ Герасимъ Дмитричъ.

— Кто ее знаетъ ... не знаю, — отвѣчалъ Кирилла, насупившись. — „Не жаловаться ли ужъ на меня собралась къ родителю?“ — мелькнуло у него въ головѣ. — „Вотъ не во время встрѣтилась!“

Анна, съ своей стороны, тоже еще издали узнала свою лошадь и сѣдоковъ въ телѣгѣ и торопилась къ нимъ на встрѣчу.

„Чудное дѣло, зачѣмъ это онъ батюшку везетъ“,— думала она. — „Смотри что-нибудь затѣваетъ, либо супротивъ меня, либо насчетъ Ѳедянки. Да ужъ погоди же, коли такъ, все батюшкѣ разскажу, пускай разсудитъ ... Теперь и Ѳедосья Осиповна меня поддержитъ, мы съ ней теперь за-одно ... Поди-ка какъ ревѣла, на плечо ко мнѣ припала, какъ я все-то ей разсказала ... Сама даже посылать стала, поди, говоритъ, съ отцомъ посовѣтуй“ ...

Съ такими мыслями встрѣтились родные. Кирилла долженъ былъ, хоть и по-неволѣ, остановить лошадь. Сердито и молча смотрѣлъ онъ на жену. Она избѣгала его взгляда.

— Здорово, Аннушка ... Куда это ты? — спрашивалъ Герасимъ Дмитричъ у подходящей дочери.

— Я къ тебѣ-было, батюшка ... Да вотъ хорошо,— встрѣтились ... А ты къ намъ, что-ли? ...

— Нѣтъ, было не къ вамъ ... Мы вотъ съ Кирилломъ Ѳедотычемъ твоимъ въ одно мѣсто ѣхали ... Да оттуда я зайду и къ вамъ ... Полѣзай въ телѣгу-то, подвеземъ къ дому, а дорогой потолкуемъ ...

— Дойдетъ и пѣша ... Тутъ недалеко, а лошадь-то устала ... Намъ вѣдь еще ѣхать придется, — проговорилъ Кирилла и хлестнулъ лошадь, торопясь поскорѣе отдѣлаться отъ жены.

— Постой, постой маненько, — остановилъ его Герасимъ Дмитричъ. — Экой, братецъ, ты какой!.. Дай хоть словечко-то перемолвить съ дочкой ...

Кирилла съ досадой остановилъ лошадь. Старикъ повернулся къ Аннѣ, которая съ опечаленнымъ, смущеннымъ видомъ осталась сзади телѣги.

— Да ты что-же къ намъ собралась-то? — спрашивалъ Герасимъ Дмитричъ. — Такъ, погоститься, али нарокомъ, по дѣлу по какому? ...

— По большому дѣлу, батюшка, по нужному!— отвѣчала она со слезами въ голосѣ. — Очень мнѣ до тебя надобность есть, большая! ...

— Такъ пусти ее въ телѣгу-то, — сказалъ Герасимъ Дмитричъ Кириллу. — Ужъ, Господи, помилуй, не какая тяга ... Подвеземъ ее къ дому-то хоть шажкомъ, недалеко тутъ, а она скажетъ покамъ, что̀ за надобность такая ...

— Время только даромъ проведемъ, батюшка,— бормоталъ Кирилла, — тамъ, пожалуй, не застанемъ, а она еще пытать будетъ, куда ѣдемъ ... А надобность ея какая? Пустякъ, чай, какой-нибудь ... Опослѣ скажетъ ... Поѣдемъ лучше поскорѣе ...

И Кирилла началъ хлестать бѣдную лошадь, но та, обрадовавшись минутной остановкѣ, неохотно шла даже и шагомъ и на удары Кирилла, на сердитое подергиванье возжами отвѣчала только тѣмъ, что встряхивала головой, а рысью не бѣжала, такъ что Анна не отставала отъ телѣги и шла вслѣдъ за нею.

— Да все одно, не побѣжитъ ужъ она, видно, скорѣе-то, опѣшѣла, — проговорилъ Герасимъ Дмитричъ и, уже не спрашивая Кириллы, потѣснился въ телѣгѣ и сказалъ дочери:

— Садись, Анна ... Полѣзай скорѣй въ телѣгу...

— Какъ не побѣжитъ ... Пойдетъ! — возражалъ Кирилла, злобно дергая возжи и показывая видъ, что не слышитъ послѣднихъ словъ тестя.

Анна между тѣмъ бѣжала съ боку, примѣриваясь какъ бы поставить ногу на конецъ оси и влѣзть въ телѣгу. Инстинктивно поняла она, что мужъ желаетъ уѣхать отъ нея, и по тому же инстинкту не хотѣла, даже боялась отпустить ихъ, не узнавши, въ чемъ дѣло.

— Да остановись же, братецъ! ... Чтой-то!... Еще, пожалуй, подъ колесо попадетъ, — сказалъ Герасимъ Дмитричъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ и даже самъ ухватился за возжи.

— Ну, такъ не говори же, что я солгалъ, коли не застанемъ ... Самъ на себя пеняй! — сердито отозвался Кирилла, бросая возжи и искоса злобно взглядывая на жену, которая успѣла-таки въ это время ввалиться въ телѣгу.

— Да куда вы больно торопитесь? — спросила она, усаживаясь въ ногахъ у отца, лицомъ къ нему и къ мужу, который отворотился и смотрѣлъ въ сторону.

— На что тебѣ меня-то? ... Какое такое большое дѣло, говоришь? — вмѣсто отвѣта, спросилъ ее Герасимъ Дмитричъ.

Анна замѣтила, какъ Кирилла передернуло отъ этого вопроса.

— Ахъ, батюшка родимый, — отвѣчала она, — дѣло мое такое ... не здѣсь, въ телѣгѣ, на дому, затворившись да въ слезахъ нужно его сказать! ...

— Вотъ нынче порядки какіе пошли, — раздражительно проговорилъ Кирилла, — жена съ какими-то дѣлами ходитъ, а мужъ ничего не знаетъ!... Даве встрѣтилъ, невѣдомо куда ѣздила, лошадь измучила, не сказывается куда, а теперь, тайкомъ отъ мужа, опять къ отцу побѣжала ... Нечего сказать, хороши порядки! ...

— Что ужъ намъ съ тобой, Кирилла Ѳедотычъ, о порядкахъ говорить, — такъ же раздражительно возразила Анна, — развѣ мы съ тобой, какъ слѣдуетъ мужу съ женой, живемъ, въ одномъ совѣтѣ да въ любви? ...

— А какъ же еще жить-то? ... Что ты жаловаться, что ли, на меня къ отцу-то побѣжала, что даве выругалъ да толкнулъ, что не сказываешься, куда ѣздила, лошадь совсѣмъ измучила? ... Вона, еле ноги передвигаетъ! ... Такъ жалуйся, а мнѣ никто не закажетъ тебя за дѣло поучить! ... Вишь ты, она будетъ тайкомъ отъ мужа, невѣдомо куда, ѣздить, да не сказываться, а мнѣ глазами хлопать да кланяться: катайся, молъ, женушка, гуляй въ свою волю ... Нѣтъ еще, погодишь! ...

— Полно, Кирилла Ѳедотычъ, не грѣши ... Гдѣ ужъ мнѣ гулять ... Не пристало мнѣ! ... Гулять ли, нѣтъ ли, видно, ужъ тебѣ одному, а мнѣ только слезами обливаться да Богу молиться! ... А, пра-

вда бы, можетъ, лучше, что мужъ въ одну сторону, а жена въ другую, по крайности, другъ дружкѣ мѣшать бы не стали ... Не спрашивать бы другъ о дружкѣ и не навѣдываться, а такъ, ровно чужіе ... Можетъ, этакъ-то бы, по-твоему, на что бы лучше! ... Можетъ, еще посмотрю, такъ и сдѣлаю. Лучше уйти отъ грѣха, чѣмъ на погибель и саму себя, и мужа подводить ... какъ даве ... Да вотъ еще покамъ вмѣстѣ-то живемъ, такъ Богъ поневолѣ, и не хочешь, да сводитъ ... Вотъ даве ни ты, ни я не чаяли, а Богъ снесъ насъ, встрѣтились; ты со своего дѣла ворочался, думалъ, что и я съ другого такого же, тоже со своего ... А я, можетъ, по твоему же дѣлу ѣздила, только не скажу по какому, потому не время, послѣ, можетъ, признаюся, покорюся во всемъ ...

— Вотъ видишь ты! ... Вотъ и слушай, что она говоритъ! ... Не возьми зло! ...

Кирилла былъ внутренно доволенъ, что попалось подъ руку обстоятельство, которое какъ-бы оправдывало его поведеніе относительно жены. Онъ умышленно напиралъ на таинственную поѣздку Анны. Но и та поняла его мысль.

— Полно-ка, Кирилла Ѳедотычъ, не за то ты меня билъ и срамилъ, что я ѣздила, все тебѣ равно, и не спросилъ бы; развѣ бы только лошади пожалѣлъ, что взяла, такъ я не безъ спроса, мнѣ матушка велѣла ... А за то ты меня билъ и срамилъ, что не въ часъ встрѣтилась, не въ добрый твой часъ подъ руку тебѣ попалась ... Вотъ какъ лучше признайся! ...

— Плети, плети передъ отцомъ-то ... Заговаривай зубы-то! ... Мнѣ не заговоришь, я все равно спрошу, потихоньку отъ меня, невѣдомо куда ѣздить

женѣ не позволю ... И побить тебя за это всегда побью! ... Вотъ при отцѣ твоемъ говорю! ...

— Коли за это одно будешь бить, Кирилла Ѳедотычъ, такъ я не пожалуюсь, да и бить-то тебѣ, пожалуй, не придется, не подыщешься вдругорядь ...

— Ну-ка, будетъ ужъ, вонъ деревня-то близехонько, вылѣзай, дойдешь и пѣшкомъ! ... А мы съ батюшкой-тестемъ теперь поѣдемъ ... Ужо воротится, будетъ время, нажалобишься на меня, сколько душѣ угодно ... Вылѣзай ...

Кирилла остановилъ лошадь.

— Да куда же вы это, батюшка, ѣдете? — опять спросила Анна, заглядывая въ глаза отцу, который во время ихъ перебранки ѣхалъ молча, опустя внизъ голову и ни на кого не смотря.

— Такъ вѣдь ты про свое дѣло не сказываешь, — хотѣлъ отыграться Кирилла, — ну, и мы до времени не скажемъ ... Вылѣзай же, говорятъ, скорѣе ... Некогда намъ ...

— А ты зайди, батюшка, лучше теперя на часокъ, право, мнѣ больно нужно тебѣ сказать ...

— Да коли все объ этомъ же, дочка, такъ успѣемъ и послѣ наговориться ... Промежъ васъ судить мнѣ хоть и не больно по мысли, и польза, не знаю, будетъ ли, да все равно и не теперь можно, опослѣ ... Сразу васъ не разсудишь ... А теперь, правда, что я по дѣлу ...

— Да кабы мое-то дѣло было, батюшка, одно, такъ я бы и говорить не стала ... Правда, что насъ сразу не разсудишь ... Да ужъ и что я ... Пускай, Богъ все видитъ! ... Мнѣ Ѳедя наказывалъ безпремѣнно тебя повидать ...

Кирилла вздрогнулъ. Герасимъ Дмитричъ оживился.

— Какъ, Ѳедя? ... Развѣ ты его видѣла?

— Какъ же, видѣла ... Недавно онъ только ушелъ отъ насъ ... Меня попросилъ къ тебѣ сбѣгать, а самъ на фабрику пошелъ, — время, говоритъ, идти, тоже не близко ... А больно нужно, батюшка, зайди въ избу! ...

— Ну, коли Ѳедоръ ... такъ нужно зайти ... Зайду, — рѣшилъ Герасимъ Дмитричъ такимъ тономъ, на который возражать было напрасно.

Кирилла позеленѣлъ и съ такой ненавистью и злобой посмотрѣлъ на жену, что та, случайно встрѣтившись съ его глазами, невольно вздрогнула и отворотилась.

Молча подъѣхали къ дому.

— Такъ не поѣдешь? — спросилъ Кирилла, обращаясь къ старику.

— Нѣтъ, вотъ перво узнаю, что̀ онъ Аннѣ наказывалъ ... А тутъ, можетъ, тотчасъ и поѣдемъ, — отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ, вылѣзая изъ телѣги.

— Тогда нечего даромъ и лошадь мучить,— проговорилъ Кирилла грубо, — я и лошадь отложу ... Пеняй самъ на себя, коли все дѣло погубишь ...

— Нельзя же, Кирилла Ѳедотычъ, — оправдывался Герасимъ Дмитричъ. — Можетъ, и самъ-дѣлѣ что нужное ... объ немъ же ...

— Да мнѣ все равно, наплевать! И я, дуракъ, ввязался ... Пропади вы пропадомъ всѣ-то ... Очень мнѣ нужно! ...

Изъ избы выходила на-встрѣчу гостю и сыну Ѳедосья Осиповна, увидѣвшая ихъ въ окно. Кирилла сердито, съ ругательствами, ввелъ лошадь на дворъ, хотѣлъ-было отложить ее и уйти изъ дома, но передумалъ. Его сильно интересовало узнать, что̀ будетъ разсказывать Анна, или, по крайней мѣрѣ, какія

будутъ послѣдствія этого разсказа. Онъ предчувствовалъ, что при этомъ разоблачится многое изъ его похожденій, и сначала не хотѣлъ-было показываться въ избу, но любопытство, надежда какъ-нибудь вывернуться и повредить Ѳедѣ взяли верхъ.

— А тамъ, чортъ ихъ дери! ... Что мнѣ этотъ старый хрычъ! ... Если что̀ много будетъ разговаривать, такъ я изъ избы выпихну: я тутъ хозяинъ-то, никто! ...

Съ самонадѣяннымъ, нахальнымъ видомъ вошелъ онъ въ избу. Тамъ сидѣла одна Ѳедосья Осиповна, пригорюнясь, подперши голову рукою.

— А гдѣ же батюшка-тесть? — бойко спросилъ Кирилла у матери.

— Въ свѣтелкѣ съ Анной ...

— Такъ и я пойду туда къ нимъ ...

Кирилла сдѣлалъ-было движеніе къ дверямъ.

— Не ходи ... Заперлись они тамъ, одни ...

— Что еще за тайности такія? ...

— Посовѣтовать имъ надо промежъ себя ... Просились: я пустила въ горницу ...

— Такъ вѣдь, чай, не отъ мужа секреты-то эти? Пускай ты, а я, я думаю, мужъ тоже ... Я пойду, постучусь ...

И, не слушая возраженія матери, онъ пошелъ и сталъ стучаться въ запертую изнутри дверь горницы.

— Это я ... Отопри, Анна, — приказывалъ онъ спокойнымъ, но повелительнымъ голосомъ.

— Погоди, Кирилла Ѳедотычъ, — отозвался оттуда Герасимъ Дмитричъ. — Мы вотъ только съ Анной переговоримъ ...

— Да что же я-то? ... Чужой, что ли? ... Не мужъ? ... Въ дому не хозяинъ? ...

— Дѣло не до тебя ... Наше дѣло, семейное ...

Про Ѳедянку ... Не обезсудь! ... Погоди маненько! — твердо отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ.

— Чудеса, ей-Богу, нонѣ пошли ... Хозяина изъ дома вонъ гонятъ! — сказалъ Кирилла, отходя отъ дверей, и, ругаясь, воротился въ избу.

— Ахъ, Кирюшенька, Кирюшенка! — говорила Ѳедосья Осиповна, печально смотря на сына и качая головою.

— Ну, что еще? — огрызнулся онъ на мать. — Ты чего? ...

— Ничего я, батюшка ... Боюсь, не сгубилъ бы ты себя остатки ... Все я знаю ... Опомнись, батюшка! ... Одумайся, оглянись на истиннаго Бога! ...

— Эхъ, отстань, матушка ... Надоѣли вы мнѣ всѣ до смерти! ... Была хошь одна засуха — жена, а теперь и ты, я вижу, ей въ руку запѣла ... Говорю: одно осталось, изъ дома бѣжать безъ оглядки! ... Ну, чего оглянись на истиннаго Бога? Ну, что̀ я дѣлаю? Отчего мнѣ погибать? ... Погибель-то моя одна, — вонъ она здѣсь заперлась отъ мужа! ... Ну, что ты все-то знаешь?

— Все знаю, батюшка ...

— Ну, говори: что̀ тебѣ еще наплели? ... Ѳедька, чу, былъ тутъ ... Ты нонче и его слушаешь, коли что̀ на меня плететъ? ... Ну, говори, что̀ ты знаешь? ...

— А какъ же, Кирюшенька, вдова-то? ...

— Ну, такъ что, что вдова?...

— И дочка у нея ...

— Ну, и дочка есть ... А еще-то что же?

— Такъ неужто, Кирюшенька, это можно? Отъ живой жены ты весь домъ къ нимъ перетаскалъ, да еще и ...

— Ну, что же еще-то? Говори ...

— Да ужъ правда, что и говорить-то,—языкъ не ворочается ... Кажется, и не повѣрилъ бы, кабы не самъ ты повѣстки давалъ! ...

— Какія еще повѣстки? ...

— А уйти-то вовсе изъ дома! ... Испродать вѣдь ты все хотѣлъ да уйти, ихъ съ собой взять... Вотъ меня-то не хотѣлъ брать съ собой ... Съ дочкой-то бы жилъ, а старая полюбовница замѣсто матери бы у тебя была ... Вотъ вѣдь ты что затѣвалъ! ... Такъ развѣ легко это матери слышать? ...

— Вотъ что. Ты слушай кого хочешь и сколько хочешь! ... Мнѣ все одно, — слушай больше! ... А я тебѣ скажу: не житье мнѣ здѣсь съ вами, вотъ что! ... Всѣ вы на меня опрокинулись ... Мало отца, жена и тебя противъ меня подбила ... И своего отца вонъ привела ... Всѣмъ я вамъ поперекъ горла всталъ, и выходитъ, что мнѣ дома не жизнь, а каторга! ... По неволѣ вонъ изъ дома смотришь ... Еще и совсѣмъ уйду, убѣгу — вотъ дайте срокъ! ...

— Да чѣмъ мы, Кирюшенька, чѣмъ мы тебѣ согрубили? Что не по твоему сдѣлали!? ... Ужъ про меня-то, кажется, грѣхъ тебѣ сказать,—я ли тебя не любила, я ли душу за тебя не закладывала? Когда я поперекъ тебѣ слово молвила? Кому бы я за тебя глаза не выцарапала? ... Ну-ка, сердечный другъ, родное мое дитятко, ну-ка — подумай! ...

— Да, была ты мать ... На тебя только еще и надежда у меня была ... А теперь ты что говорить стала? Я домъ разорилъ, весь къ любовницамъ перетаскалъ ... Я мать съ дочкой увезти хочу ... Я съ дѣвкой отъ живой жены убѣжать думаю, а на

этой самой дѣвкѣ Ѳедька жениться хочетъ .... ужъ женихомъ нареченнымъ объявляется! ... Вотъ это ты знаешь ли? Это тебѣ сказывали ли?

— Какъ такъ, Кирюшенька?

— То-то, какъ? ... Ты вотъ всему вѣришь, что подлая женушка съ братцомъ про меня плетутъ, а про себя, небось, они тебѣ не разсказываютъ ... А я, можетъ быть, и ходилъ-то, и гостился, ну и дарилъ когда, безъ этого съ ними нельзя, можетъ все изъ-за того только, чтобы, по родству, все дознать да допросить, да помѣшать парню погинуть напрасно ... Думалъ, тоже вѣдь шуринъ, женинъ братъ, моего родного батюшки любимчикъ ... Думалось, вотъ, молъ, и парня спасу, да и вамъ всѣмъ носъ утру,—вотъ, молъ, вашъ любимецъ, потихоня, святъ-мужъ, коего вы мнѣ въ примѣръ-то ставили ... Вотъ онъ какой, смотрите! ... Не одни мы, грѣшные! ... Думалъ все-таки хошь въ совѣсть возьмутъ немножко да спасибо скажутъ, а они меня же виноватымъ дѣлаютъ ... Такъ не горько мнѣ это, не противно, можно мнѣ дома жить, на сторону не смотрѣть? ...

Ѳедосья Осиповна совсѣмъ растерялась. Она почувствовала себя кругомъ виноватою передъ сыномъ, въ душѣ ея закипѣлъ съ новою силою гнѣвъ и ненависть къ Аннѣ и Ѳедѣ, она смотрѣла и слушала сына съ благоговѣніемъ, со страхомъ, что онъ разсердится и отвернется оть нея навсегда.

— Кирюшенька! Кирюшенька! ... Сердечный мой! — лепетала она, обливаясь слезами. — Ахъ, они подлые! ... Ахъ, они окаянные! ... Чувствовало мое сердце, что все это однѣ сплётки, все одна неправда ... Батюшка, Кирюшенька, прости ты меня дуру старую! ... Сынокъ ты мой золотой,

родной ты мой! ... Да я ихъ ... да я ихъ, кажется! ... Прости ты меня, прости, Кирюшенька ... Не гнѣвайся ты на меня, дуру старую ...

Ѳедосья Осиповна навзрыдъ плакала.

— Да ну, отстань, матушка ... Богъ съ тобой, не реви! ... А на нихъ на всѣхъ мнѣ ровно наплевать ... Чортъ съ ними! ... Пускай, что хотятъ, то и мелютъ ... Досадно только показалось, что для нихъ же старался, а они ... А пуще всего эта дурища, уродъ этотъ, плакса, сплетница, женушка моя, мнѣ вдосталь опротивѣла! ... Да вотъ больше того обидно, что и ты-то имъ повѣрила ...

— Батюшка, батюшка ... Кирюшенька! — рыдала Ѳедосья Осиповна, кидаясь на шею къ сыну. — Никогда больше ... ни въ жизнь имъ не повѣрю ... Подлые! ... Проклятые! ... Смутники окаянные! ... Никогда ... ни въ жизнь! ... Золото мое! ... Сердечный мой! ...

— Ну, ладно, матушка ... Ладно ... Перестань же ... Не все одно толковать! ...

Кирилла освободился отъ объятій матери и усаживалъ ее на лавку. Онъ такъ вошелъ въ свою роль, что даже лицо его приняло выраженіе оскорбленнаго достоинства, точно и въ самомъ дѣлѣ онъ пострадалъ за правду отъ людской неблагодарности.

Въ это время въ избу вошли Герасимъ Дмитричъ и Анна. Старикъ былъ видимо разстроенъ и опечаленъ, но старался казаться спокойнымъ; Анна шла вслѣдъ за нимъ, низко опустивши на лицо платокъ, которымъ повязана была ея голова и стараясь скрыть слѣды слезъ, которыя только-что отерла концомъ того же платка. Робко, точно виноватая, пробиралась она за спиною отца, въ темный уголъ избы и боязливо взглядывала на мужа и свекровь. Начавши

говорить съ отцомъ о Ѳедѣ, она незамѣтно увлеклась собственнымъ своимъ горемъ и, въ первый еще разъ въ жизни, раскрыла передъ отцомъ всѣ подробности своего печальнаго положенія въ семьѣ, разсказала о всѣхъ похожденіяхъ мужа, о тѣхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, которыя она переносила и отъ него, и отъ свекрови. Ѳедосью Осиповну, впрочемъ, она оправдывала и вполнѣ извиняла, а за послѣднее время даже была благодарна ей. Герасимъ Дмитричъ еще прежде многое подозрѣвалъ, о многомъ догадывался, но никакъ не ожидалъ, чтобы жизнь дочери была такъ тяжела и разладъ ея съ мужемъ дошелъ до такихъ размѣровъ. Уже со времени дѣла, по которому судился Кирилла, Герасимъ Дмитричъ потерялъ къ нему всякое довѣріе и считалъ его дурнымъ человѣкомъ; изъ разсказовъ Ѳеди онъ зналъ, что и свекровь не ладитъ съ его дочерью, жалѣлъ о ней, упрекалъ не столько себя, сколько судьбу въ неудачномъ бракѣ Анны, но смотрѣлъ на Анну, какъ на отрѣзанный ломоть, на ея судьбу, какъ на дѣло рѣшенное, въ которое ему вмѣшиваться не приходится и которое теперь уже въ рукахъ Божіихъ. Мало ли на свѣтѣ народа терпитъ,—у всякаго своя судьба, свое счастье! ... Онъ предвидѣлъ и не удивился бы, если бы услышалъ отъ дочери, что Кирилла пьянствуетъ, бездѣльничаетъ, мотаетъ, бьетъ и обижаетъ жену, особливо подъ пьяную руку, даже распутничаетъ; но разсказъ о любовныхъ похожденіяхъ Кириллы со вдовою и ея дочерью, объ его намѣреніи обобрать и распродать весь домъ, все хозяйство, чтобы убѣжать съ дочерью любовницы и жить съ нею безъ брака — совсѣмъ ошеломилъ старика. Это было такъ ново, такъ чудовищно, такъ непохоже на все то, что онъ до

сихъ поръ видѣлъ въ крестьянской жизни, что Герасимъ Дмитричъ только вздыхалъ, пожималъ плечами да крестился, слушая дочь. А тутъ рядомъ другая новость, что его сынъ, его любимецъ, скромный и разумный Ѳедя, хочетъ непремѣнно жениться, даже безъ его согласія и благословенія, на той самой дѣвкѣ, съ которою хотѣлъ уйти въ бѣги зять ... Герасимъ Дмитричъ совсѣмъ, какъ говорится, опѣшилъ, растерялся, ничего не могъ сообразить хорошенько и не столько съ горемъ, сколько съ недоумѣніемъ и ужасомъ, смотрѣлъ на плачущую передъ нимъ дочь ...

— Что же это такое, Анна? ... Что за времена настали? ... Какъ тутъ жить? Что дѣлать? ... Я и ума не приложу ... Ѳедянку, пускай, скрутить не долго ... Взять его домой да женить тотчасъ же ...

— Не женится онъ, батюшка, на другой ... ни за что ... И не думай! ... Изъ дома убѣжитъ! ...

— Убѣжитъ! ... Господи, помилуй! ... Этакой парень, смирный! ... Гдѣ ему убѣжать ... Онъ не Кирюшка твой! ... А что вотъ съ этимъ дѣлать? ... Съ твоимъ-то? ... Какъ его-то унять? ...

— Да ему только того и хочется, чтобы ты Ѳедю-то отъ нея ... отъ той ... увелъ ... разлучилъ бы ихъ ... Онъ опять и почнетъ ее сманивать, да и сманитъ ... Убѣгутъ! ...

— Да что же дѣлать-то? ... Я и не придумаю ... Этакихъ дѣловъ въ примѣрѣ-то николи не бывало, да и народъ нынче другой пошелъ! ... Въ прежнее время задурилъ парень, повихнулся ... ну, взялъ его, выпоролъ и разъ, и два да и женилъ ... Вотъ, онъ и живетъ, остепенится, опа-

мятуется! ... Не даромъ пословица: женится — перемѣнится ... Да этихъ и слуховъ-то не бывало, прежде, чтобы жениться безъ родительскаго благословенія, либо отъ живой жены ... да съ другой въ убѣгъ уйти! ... А поди-ка, нынче ... Ну, да и какъ его выпорешь ... хоть бы Ѳедьку? ... Грубости отъ него никогда никакой ... ни пьетъ, ни мотаетъ ... работаетъ за двоихъ ... какъ его выстегаешь? За что? Да и рука-то на него не поднимется! ...

— Ты, батюшка, повидайся съ нимъ. Онъ, Богъ знаетъ, какъ просилъ, чтобы повидались съ нимъ и ты, и Ѳедотъ Семенычъ ... Тогда поговорите сообща, все обдумаете ... Только ты его, Ѳедю, бранью да руганью али сердитымъ сердцемъ не бери .. Смотри-ка, онъ какой умный да великатный? ... Его такъ, ласковымъ словомъ лучше ...

— Да развѣ я не знаю ...

— А вотъ ужъ про моего, такъ я вотъ что надумала ... Подожду еще что будетъ, опять къ гадалкѣ схожу ... а ужъ коли отъ нея пользы не получу, я жить на экомъ сраму не стану, я къ тебѣ приду жить ... Ты прими меня, батюшка ...

— Знамо, приму ... Только какъ же ты отъ мужа уйдешь? ... Какъ же ты жить будешь, — ни вдова, ни дѣвка? ... Тоже ровно не слыхано и не привидано этихъ дѣловъ? ...

— Что же мнѣ дѣлать-то, батюшка? ... Чего мнѣ ждать-то? ... Чтобы люди ужъ въ лицо смѣялись да пальцами показывали ... али чтобы онъ меня совсѣмъ прикончилъ ... А онъ не въ добрый часъ и то сдѣлаетъ, какъ-нибудь подвернешься! ... Ты бы посмотрѣлъ, какой у него глазъ-то на меня, страсть — ужасъ взглянуть! ...

Не взлюбилъ онъ меня до смерти ... ровно лютаго ворога...

Анна навзрыдъ плакала.

— Ну что же ... нечего дѣлать! ... Приходи, приходи! ... Не реви ... Я, знамо, радъ тебѣ... Вотъ свата-то нѣтъ, ровно нарочно,—съ нимъ бы поговорить, посудить! ... А я теперь коли поѣду съ твоимъ туда, — Ѳедьку не застану, хоть тѣхъ посмотрю ...

— Поѣзжай, съѣзди, батюшка ... Съѣзди, посмотри ... мнѣ разскажешь!—обрадовалась Анна.— Только ты съ Ѳедей смотри, полегче, коли застанешь тамъ! ... Съѣзди, родимый! ...

— Съѣзжу, съѣзжу ... И съ твоимъ-то дорогой попробую, поговорю ...

Послѣ этого рѣшенія они и вышли въ избу.

— Ну что же, Кирилла Ѳедотычъ, поѣдемъ, куда правились, — сказалъ Герасимъ Дмитричъ, притворно спокойнымъ голосомъ, останавливаясь среди избы и не присаживаясь. — Я готовъ ... Съ дочкой все переговорили ... Поѣдемъ ...

— Чего ужъ теперь ѣхать ... Не почто ... Ночь на дворѣ! — отвѣчалъ холодно Кирилла, несмотря на Герасима Дмитрича. — Не поѣду я ...

— Куда еще ему ѣхать ... Будетъ ужъ съ него, довольно! ... Отблагодарили за хлопоты! ... Спасибо! — не утерпѣла и вмѣшалась Ѳедосья Осиповна, раздражительно и враждебно.

Анна встрепенулась отъ этого тона свекрови и напряженно стала вглядываться въ нее. Она тотчасъ же поняла, что у нея произошло примиреніе съ сыномъ и что Анна потеряла союзницу.

— Ну, такъ какъ же быть-то? ... А я надумалъ идти, — продолжалъ тѣмъ же искусственно

спокойнымъ голосомъ Герасимъ Дмитричъ. — Видно, одному придется ... Ну, пойду одинъ,—тамъ коли переночую ... А завтра опять зайду, можетъ, сватушка къ тому времю воротится ... Прощайте коли, сватьюшка ... зятекъ любезный! ...

— Батюшка, и я съ тобой пойду, — провожу тебя! — сказала вдругъ Анна.

— Не вѣду, какъ сказать тебѣ — нерѣшительно отозвался Герасимъ Дмитричъ, взглядывая на Кирилла и Ѳедосью Осиповну.

— Ты куда еще? ... Тебѣ что нужно? ... Съ какой такой стати? — грубо и сердито вскрикнулъ на нее Кирилла. — Оставайся дома! ...

— Нѣтъ, Кирилла Ѳедотычъ, я пойду съ батюшкой, — рѣшительно отвѣтила Анна. — Не въ бѣги вѣдь и не съ чужимъ человѣкомъ ... съ родителемъ пойду! ... Изъ дому ничего не унесу! .. А завтра воротимся ... Пойдемъ, батюшка ...

— Ну, коли инъ, пойдемъ и самъ-дѣлѣ ... Мнѣ охотнѣй съ тобой-то ... Прощенья просимъ, прощайте, Христа ради ...

Не дождавшись отвѣта на поклонъ хозяевъ, старикъ повернулся и пошелъ къ дверямъ, которыя уже отворяла передъ нимъ Анна, спѣшившая уйти изъ избы отъ глазъ мужа и свекрови. Кирилла, понявшій намекъ Анны о побѣгѣ, не нашелся сразу что сказать и только злобно сверкнулъ на нее глазами.

— Вотъ такъ жена! — говорила за-то вслѣдъ уходящимъ Ѳедосья Осиповна. — И батюшка хорошъ! Хорошему учитъ дочку,—никого не спросилась, свилась — собралась! ... Будетъ мужъ любить экую жену! ...

Далѣе уже слѣдовала брань раздраженной ста-

рухи, которой, впрочемъ, не слыхали Герасимъ Дмитричъ и Анна, поспѣшно затворивши за собою дверь избы.

— Да пускай ее идетъ! — остановилъ мать Кирилла. — Лучше, глаза мои не видятъ! ... Хошь бы сквозь землю провалилась! ... Совсѣмъ бы не ворочалась! ...

Кирилла видѣлъ, что не можетъ остановить Анну, но въ душѣ очень безпокоился за послѣдствія встрѣчи жены съ Дарьей Тихоновной и Параней. Къ сердцу у него подступила тоска и злоба; онъ схватился руками за волосы и, стиснувши зубы, оперся локтями о столъ. Ѳедосья Осиповна подошла-было съ ласками, но онъ грубо оттолкнулъ ее.

А Герасимъ Дмитричъ съ Анной спѣшно шли, вдоль деревни, среди опускающихся сумерекъ.

— Ладно ли сдѣлала, что пошла? — лаконически спросилъ ее Герасимъ Дмитричъ, уже не мало отойдя отъ дома.

— Батюшка, да страхъ меня, ужасть взяла теперь дома-то одной съ ними остаться, — отвѣчала Анна. — Развѣ ты не видалъ, какіе они оба, — и матушка-свекровь, и муженекъ-отъ? ... Глазами-то бы съѣли меня! ...

Она не призналась, что, кромѣ этого страха, ее гнало изъ дома и непреодолимо влекло въ Онучино, нестерпимое, жгучее любопытство ... Тамъ враги ея, ея ненавистная разлучница, тамъ невѣста Ѳеди ... Она узнаетъ, увидитъ ихъ! ... Анна шла такъ скоро, что Герасимъ Дмитричъ едва поспѣвалъ за нею.

Часть четвертая.

I.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда Герасимъ Дмитричъ съ Анной пришли въ Онучино. Въ первой же крайней избѣ спросили они: гдѣ домъ Дарьи Тихоновны?— Имъ растолковали.

„Вотъ гдѣ это гнѣздо-то проклятое! Вотъ гдѣ живетъ моя злодѣйка!"—думала Анна, подходя къ избушкѣ „барыни". — „Вотъ сейчасъ увижу тебя! ... Разгляжу ужъ, разгляжу, чѣмъ ты приманила, чѣмъ приворожила его? ... Батюшки, да вѣдь двѣ ихъ! ... Которая же, которая взаправду — злодѣйка-то моя настоящая, разлучница? ... Противъ которой мнѣ отворота брать? ... Авось, сердце скажется, авось вѣсть подастъ ..."

Злобное чувство ненависти и ревности смѣшивалось въ душѣ Анны съ любопытствомъ и съ какимъ-то страхомъ. У нея замирало сердце, захватывало дыханіе, вся она дрожала. Она не могла промолвить ни одного слова, когда Герасимъ Дмитричъ, поравнявшись съ переулкомъ, пріостановился и проговорилъ, указывая впередъ:

— Сказали, — третья изба за проулкомъ ... Вонъ эта, стало быть ...

Они подошли къ самой избѣ. Изъ маленькихъ

окошечекъ ея падали на улицу лучи свѣта. Въ то время, какъ Герасимъ Дмитричъ пріостановился на минуту, оглядываясь, не встрѣтится-ли кто-нибудь, чтобы навѣрно узнать, точно-ли эта изба Дарьи Тихоновны, Анна стремительно бросилась къ освѣщенному изнутри окну и прильнула къ нему лицомъ.

— Здѣсь, здѣсь ... Она самая, — проговорила Анна, вдругъ отскакивая отъ окна, задыхаясь и невольно хватаясь за сердце. — Видѣла, видѣла!.. Здѣсь онъ ... Ѳедя!... И онѣ обѣ ... Ай, батюшки мои! ... Моченьки моей нѣтъ ... сердечушко! ...

Не сознавая хорошенько, что дѣлаетъ, Анна схватила отца за рукавъ и потащила къ окну.

— Вона! ... вона! — говорила она сдавленнымъ голосомъ.

Герасимъ Дмитричъ также заглянулъ въ окно. На столѣ, недалеко отъ окна, горѣла свѣчка и освѣщала всю внутренность небольшой избушки. У того же стола, на лавкѣ, сидѣлъ Ѳедя, съ радостнымъ, сіяющимъ отъ счастья лицомъ, и съ веселой улыбкой смотрѣлъ на двухъ женщинъ, которыя ходили взадъ и впередъ по избѣ, что-то снимали съ полатей, что-то ставили на полки, собирали и связывали въ узлы.

Лица женщинъ, вслѣдствіе ихъ постояннаго движенія, трудно было разсмотрѣть, да Герасимъ Дмитричъ и не интересовался ими,—онъ не могъ оторвать глазъ отъ сына, и старческое сердце его тоже ускоренно билось. Сначала закипѣло-было въ немъ гнѣвъ и досада на сына, но радостное свѣтлое лицо, какого онъ давно не видалъ у задумчиваго и грустнаго обыкновено Ѳеди, вызвало невольную улыбку и на угрюмое лицо старика; онъ чувствовалъ, что

сердце его смягчается. Но Герасимъ Дмитричъ поспѣшилъ насильно прогнать это мягкое чувство.

„Нѣтъ, не здѣсь тебѣ мѣсто! ... Ужъ коли не на фабрикѣ, такъ лучше бы домой побывалъ, къ отцу ... Видать, что забаловался! ...“ — подумалъ онъ снова, насупившись, и сердито постучалъ въ подоконницу. Онъ видѣлъ, какъ Ѳедя вздрогнулъ и подбѣжалъ къ окну. У Анны при этомъ неожиданномъ стукѣ чуть не подкосились ноги. Безсознательно схватилась она за руку отца.

— Кто тутъ? — спросилъ Ѳедоръ, отворяя окно и просовывая въ него голову.

— Здорово, сынокъ ... Признаёшь ли? — отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ внушительно.

— Батюшка! — вскричалъ Ѳедя.

— Онъ самый! ... Прежде дѣтки къ отцу на поклонъ приходили, а нынѣ приходится отцу за сыномъ ходить да разыскивать ... Еще почтешь-ли за отца-то? ...

— Что это, батюшка ... Зачѣмъ этакія слова? Пожалуйте, зайдите ... Я сейчасъ выйду ...

Ѳедя смутился и, откинувшись отъ окна въ избу, проговорилъ скороговоркой, обращаясь къ женщинамъ, которыя стояли сзади его:

— Батюшка пришелъ ... Кирюшка подослалъ! Ничего! ... Я позову его сюда ... Ничего! ..

Съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ избы.

— Свѣту-то что не взяли? ... Посвѣтить бы надо, — говорила ему вслѣдъ Дарья Тихоновна, тоже видимо смущенная, и, торопливо схвативши свѣчку, вышла вслѣдъ за Ѳедей на мостъ.

— Здравствуй, батюшка ... Вотъ больно я радъ, что ты пришелъ, — говорилъ Ѳедя неровнымъ голосомъ, порывисто бросаясь обнимать отца.

— Радъ? — усмѣхнулся Герасимъ Дмитричъ, не отталкивая сына, но и не отвѣчая на его объятія. — Кабы радъ былъ, такъ ровно бы надо домой побывать къ отцу-то, а не въ чужихъ людяхъ его встрѣчать ...

— Здравствуй, Ѳедянушка, — проговорила Анна.

— Ай, да и сестра пришла ... Здравствуй, Аннушка ... Вотъ и слава Богу ... и ты пришла ... Батюшка, пожалуй, взойди въ избу ... Что же на улицѣ-то? ..

— Да куда же ты это меня зовешь? Къ кому? ... Сродственниковъ, что-ли, какихъ разыскалъ? Такъ, кажись, у насъ здѣсь никогда не бывало? ...

— Пожалуй, батюшка, взойди, прошу я тебя ... Ну что, вѣдь ужъ тебѣ все извѣстно,—коли Аннушка тутъ, значитъ, она все тебѣ разсказала ... Будь милостивъ, взойди, пожалуй ... Вонъ хозяйка свѣтъ вынесла, со свѣтомъ ждетъ тебя ...

— Пойдемъ, батюшка, пойдемъ, — подталкивала старика и Анна, замиравшая отъ нетерпѣнія и любопытства. — Ну, что и впрямь на улицѣ стоять ... Въ избѣ все лучше,—все увидимъ ... и переговоримъ, коли что ...

— Да я не знаю, какъ идти-то къ незнакомымъ людямъ? .. Рады ли будутъ? .. Чтобы послѣ не спокаяться — либо тебѣ, либо мнѣ ...

Въ это время у калитки, со свѣчкою въ рукѣ, показалась Дарья Тихоновна, которая успѣла придти въ себя, собралась съ духомъ и рѣшилась идти на встрѣчу Герасиму Дмитричу. О приходѣ Анны она еще не знала.

— Милости просимъ, пожалуйте, — говорила она медовымъ голосомъ, — не обезсудьте только,

что застали въ такой часъ, — въ путь-дорогу собираемся ...

— Это вотъ хозяйка, Дарья Тихоновна, — говорилъ Ѳедя, опять смущаясь.

— Здорово живете, — отозвался сухо Герасимъ Дмитричъ. — Не обезсудьте насъ, что въ такую пору ... въ ночную ... Да вотъ сына разыскивали ..

— Пожалуйте, пожалуйте ... милости просимъ ... За всякъ часъ рады экому дорогому гостю, — говорила Дарья Тихоновна, идя впередъ со свѣчкой. Потише тутъ, не оступитесь ... Вонъ у насъ половница въ мосту-то прогнила, да и приступокъ-отъ не годится ... Что дѣлать, не обезсудьте — въ сиротствѣ живемъ ... въ бѣдности ...

Анна шла сзади Герасима Дмитрича и не спускала глазъ съ Дарьи Тихоновны, жадно всматриваясь въ нее, ловя каждое ея движеніе, каждое ея слово.

„Вотъ оно, такъ точно, какъ сказывала тетка Арина,"—думала Анна,—„и бѣлая, румяная, и глаза зазывистые, и рѣчь бойкая ... Вишь ты, вишь ты, какъ размазываетъ ... Рѣчь-то сладкая какая! ... Словами-то ровно сахаромъ али медомъ кормитъ ... Подумаешь,—праведная душа! .. Ой, змѣя подколодная! .. Сорокъ лѣтъ бабѣ, а смотри-ка ты, смотри-ка,—морщинки нѣтъ на рожѣ, и сама бѣлая, ровно кипѣнь, и рука-то, вонъ рука-то, подсвѣчникъ держитъ, бѣлая, бѣлая, ровно и не мужицкаго рода ... Ну да, въ сиротствѣ вы живете, въ бѣдности! ... Какъ же! ... Да! .. Нѣтъ, не такая бы ты была, кабы не этимъ промышляла, а поломала бы на работѣ спину-то широкую, бока-то свои толстые ...

„Что половица-то провалилась, что приступокъ-то сгнилъ, что избенка на боку? .. Эка невидаль! ..

Развѣ тебѣ то нужно? Обиходъ да порядокъ?.. Ты и такъ сыта, и въ экихъ хоромахъ весело живешь, ежедень пиры сводишь, распутная!... Вонъ изба-то хоть на боку, а волосья-то мазаны, волосъ къ волосу, платье-то экое у меня только два раза въ годъ, на большіе праздники ... Шаль-то не эту ли мой-отъ подарилъ?... Вишь ты, — распустила ... Видать,— не купленное, дареное ... Нѣтъ, мы въ Христовъ день къ обѣднѣ развѣ экіе платки-то надѣваемъ ...“

Вошли въ избу.

— Пожалуйте, пожалуйте, Герасимъ Митричъ ... милости просимъ ... Не обезсудьте, въ избѣ-то не обрядно у меня: въ дорогу собираемся ... Садитесь вотъ ... Прошу, мил ...

Говоря эти слова, Дарья Тихоновна шла со свѣчкою къ столу и, поставивши ее, торопливо отодвинула столъ и обратилась-было, чтобы вновь привѣтствовать гостя и посадить его на большое и почетное мѣсто подъ образами, но увидѣла вдругъ рядомъ со старикомъ какую-то незнакомую женщину — и остановилась, не договоря фразы ... Глаза соперницъ встрѣтились. Дарья Тихоновна тотчасъ же почувствовала во взглядѣ Анны вражду и недоброжелательство ...

Въ избѣ вдругъ произошло минутное неловкое молчаніе; всѣ дѣйствующія лица нѣсколько мгновеній оставались неподвижными. Въ серединѣ избы стояли: Герасимъ Дмитричъ рядомъ съ Анной и противъ нихъ недоумѣвающая, удивленная и даже немного испуганная, Дарья Тихоновна. Сзади отца Ѳедя заботливо и напряженно вглядывался въ противоположный уголъ, гдѣ въ тѣни стояла Параня, съ очевиднымъ любопытствомъ разсматривавшая вновь пришедшихъ. Неожиданное общее молчаніе отвлекло

вниманіе Ѳеди отъ Парани; онъ перевелъ глаза на мать ея, на Анну и тотчасъ вспомнилъ, что Дарья Тихоновна не знала о приходѣ сестры вмѣстѣ съ отцомъ и что она не знаетъ еще, съ кѣмъ теперь встрѣтилась.

— Это сестра моя, Дарья Тихоновна, Аннушка,— поспѣшилъ сказать Ѳедя и чуть-чуть не прибавилъ: Кириллова жена! — но удержался, — тѣмъ болѣе, что хозяйка, очевидно, и безъ его словъ сразу сообразила это.

Лицо Дарьи Тихоновны передернулось, брови было сдвинулись и въ глазахъ мелькнулъ недобрый огонекъ, но все это мгновенно исчезло: опять появилась прежняя привѣтливая улыбка, прежній ласковый, заискивающій взглядъ.

— Ну, вотъ ... милости просимъ, — заговорила она. — Рады дорогимъ гостямъ ... Пожалуйте вотъ садитесь сюда, повыше ... Покорно просимъ ... Чѣмъ подчивать то дорогихъ гостей? ... Вотъ въ часъ какой пожаловали: ничего у меня нѣтъ ... да и въ путь-то мы собираемся ... Развѣ самоварчикъ наставить? ... Я сейчасъ промыслю, коли ..

— Не надо, не надо ... Ничего не надо, — остановилъ ее Герасимъ Дмитричъ. — Мы не съ тѣмъ ... Мы вотъ на-счетъ сына ... Его повидать хотѣлось ...

— Коли вамъ что нужно съ сынкомъ поговорить, такъ мы, пожалуй, изъ избы повыйдемъ, поговорите ... Ничего, выйдемъ, на мосту посидимъ! ...

— Да нѣтъ ... ничего такого ... что же! — отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ, растерявшійся отъ неожиданнаго предложенія Дарьи Тихоновны. — А вы куда же отъѣзжаете? ..

— Да вотъ на фабрику собрались ... Работки тамъ хотимъ поискать ... Вотъ Ѳедоръ Герасимычъ обѣщаетъ помочь ... на-счетъ чтобы опредѣлить къ мѣсту, потому у него тамъ знакомство ... Трудно очень жить, Герасимъ Дмитричъ, по сиротству нашему ... Не съ чего взять, не на чемъ заработать ... Вонъ и надумала: со всей семьей хочу на фабрику идти ... И сынишку малаго, и того беру ... Вонъ и дочку тоже ... Не знаю ужъ, что будетъ, а обѣщаетъ Ѳедоръ Герасимычъ къ мѣсту пристроить: всѣмъ, говоритъ, работа будетъ ...

— А это дочка твоя? — спросилъ Герасимъ Дмитричъ, исподлобья взглядывая и кивая головой на Параню, которая смирно сидѣла въ томъ углу, гдѣ застали ее гости, входя въ избу.

— Нечтò ... дочка! ... Параня, подойди сюда да поклонись Герасиму Дмитричу.

Параня немножко зарумянилась, но бойко встала, смѣло подошла къ столу и молча поклонилась.

У Ѳеди судорожно сжалось и забилось сердце. Онъ быстро пробѣжалъ глазами по лицамъ Парани, отца и сестры. Лицо отца было холодно и серьёзно, въ глазахъ Анны выражалось изумленіе и какъ-будто даже испугъ. Ѳедя понялъ, что красота Парани поразила сестру.

— Здравствуй, здравствуй, дѣвица красная ... Здравствуй, — отвѣчалъ Герасимъ Дмитричъ на поклонъ Параши. — Какъ звать-то тебя? ..

— Парасковьей ...

— Такъ ... А сколько годковъ-то? ..

— Девятнадцать — двадцатый ...

— Что же долго засидѣлась? ... Замужъ пора ... Экая красавица! Жениховъ, чай, безотбойно? ..

— Много ихъ было, да, видно, еще судьба не

пришла ... Я не нужу! — отвѣчала Дарья Тихоновна.

— Разборчива, значитъ! — проговорилъ Герасимъ Дмитричъ. Въ словахъ его, несмотря на ласковую ихъ форму, слышалась холодность и недоброжелательство, которыя старикъ напрасно старался скрыть. То же выражало и его серьезное, сумрачное лицо.

Параня смѣло встрѣчала холодные взгляды Герасима Дмитрича и недружелюбные Анны, улыбнулась при словахъ старика объ ея красотѣ и женихахъ, но нисколько не смутилась; молча отошла она и сѣла на свое прежнее мѣсто. Анна провожала ее уже совсѣмъ злобнымъ взглядомъ.

„Ишь ты, соколена!“ — думала она. „Видать, что по матушкѣ дочка пошла ... Ни стыда, ни совѣсти! ... Хоть бы маненечко буркалы-то свои опустила, а то такъ и смотритъ, такъ и выставляется: на-те, молъ, глядите, какова я есть красота писаная ... Да, какъ имъ вдвоемъ съ матушкой не обойти человѣка: не то Кирюшку, всякаго съ пути собьютъ! ... Вонъ ужъ на что Ѳедя, а и тотъ ... Эта еще хуже матки-то! ... Матка что ... съ ней бы погулялъ да и бросилъ ... А вотъ кто настоящая-то“ ...

Между тѣмъ въ избѣ опять наступило молчаніе. Разговоръ не вязался. Всѣ чувствовали себя въ неловкомъ положеніи, особенно Герасимъ Дмитричъ. Онъ шелъ съ намѣреніемъ остановить, вразумить сына, даже побраниться, взыскать съ него и во всякомъ случаѣ прекратить непріятное знакомство, запретить ему даже и думать о такомъ бракѣ, а вмѣсто того онъ сидитъ въ гостяхъ у этихъ самыхъ враговъ своихъ, въ этомъ непотребномъ домѣ, куда заманили

Ѳедю, и не только сидитъ, но еще безъ брани, даже ласково разговариваетъ съ матерью, хвалитъ красоту дочери ...

„Обошли, и меня-то обошли!“ — думаетъ Герасимъ Дмитричъ, сердится и хмурится. — „Чѣмъ бы оборвать, обругать ихъ всѣхъ сразу — и за Кирилла, и за сына, а Ѳедюшку шугнуть, велѣть сейчасъ изъ этого омута вонъ идти и не знаться, и не заглядывать сюда ... я ... ну-ка что! ... А все Анна: полегче да поласковѣй ... Его ласковыми рѣчами лучше проймешь! ... Нѣтъ, видно, надо покруче повернутъ! ... Чтой-то за срамъ! ... Неужто ужъ изъ-за одной рожи смазливой давать Ѳедькѣ губить себя, родниться съ этакой семейкой, на смѣхъ да на срамъ людямъ? ... А на этихъ безпутныхъ смотрѣть нечего ... При нихъ и начну: пускай слушаютъ ... Лучше еще! ...“

— Ну, такъ какъ же, сынокъ любезный, — вдругъ заговорилъ Герасимъ Дмитричъ, обращаясь къ Ѳедѣ, — какъ же это такъ: двѣ недѣли ты на фабрикѣ прожилъ, вышелъ день праздничный, слободный, такъ чѣмъ бы тебѣ домой прибѣжать къ отцу-старику да разсказать ему все какъ и что, какъ ты тамъ живешь, какое жалованье получаешь и все такое прочее, ты вдругъ цѣлый день въ чужомъ дому сидишь, съ чужими людьми водишься ... чужую крышу кроешь, когда своя непокрыта стоитъ...А? ... Какъ же это такъ? ... Это, братъ, какой же такой порядокъ ты заводишь? ... А? ...

— Извини, батюшка, не гнѣвайся, — отвѣчалъ Ѳедя. — Вѣдь до тебя отъ фабрики больше тридцати верстъ будетъ: мнѣ бы взадъ да впередъ днемъ не поворотить ... А тутъ мнѣ еще надо было къ учителю въ село побывать: отъ хозяевъ наказъ былъ ...

— Да что ты мнѣ розсказни-то разсказываешь ... Ты здѣся съ ранняго утра вонъ до сяковой поры, до поздней ночи сидишь ... Кабы захотѣлъ, кабы объ домѣ гребтелось, такъ переночевалъ бы въ селѣ-то, а утречкомъ и добѣжалъ бы до насъ, а изъ дома-то, по нуждѣ бы, и лошадь тебѣ заложили, подвезли бы тебя ... Что ты мнѣ говоришь? ... А какой тебѣ слѣдъ здѣсь сидѣть? ... Коли ты не на фабрикѣ, пошелъ разгуляться, такъ, знамо, одна дорога тебѣ: либо къ сестрѣ, къ Ѳедоту Семенычу, либо къ отцу родному ... Вотъ тебѣ мѣсто, а не по чужимъ людямъ, незнаемымъ, шляться ... Не къ невѣдомо какимъ бабамъ въ бесѣду идти ...

Анна испуганно взглянула на начинавшаго горячиться старика и робко толкнула его локтемъ.

Ѳедя поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Развѣ, батюшка, сестра Анна ничего тебѣ не сказывала? ... Я нарокомъ къ тебѣ ее посылалъ ...

— Да что мнѣ Анна? ... Она сказывала мнѣ, да я этого и слушать-то не хочу ... Мало ли какая дурь тебѣ въ голову войдетъ ... Дурь-то изъ вашей братьи выбивать нужно ...

— Это, батюшка, не дурь во мнѣ, — рѣзко возразилъ Ѳедя. — Дурь-то вонъ въ Кириллѣ сидитъ: ее точно что, можетъ, нужно выбивать ... А мое дѣло чистое, святое... совѣстное дѣло ... Не на вѣтеръ, не на время, а на всю жизнь! ... Было бы тебѣ извѣстно, батюшка ... Не знаю, какъ тебѣ Анна мои слова передала ... Такъ вотъ я теперь тебѣ самъ, при всѣхъ, говорю: изъ моей души, что въ ней есть, никакимъ битьемъ, никакой силой, не выбьешь ... Мое намѣренье крѣпкое ...

— Ѳедянка! — грозно прикрикнулъ на него Герасимъ Дмитричъ

— Слушай, батюшка ... Я всегда былъ тебѣ сынъ вѣрный, покорный, такимъ и останусь ... По гробъ жизни твой слуга вѣрный буду во всемъ ... Что хочешь приказывай, — все сдѣлаю ... А въ этомъ дѣлѣ ... не гнѣвайся и не нудь ты меня ... никого я не послушаю, потому надъ своимъ сердцемъ самъ я не властенъ и ни у кого этой власти надъ нимъ нѣтъ ... Дашь ты мнѣ свое благословеніе, — со слезами приму, въ ногахъ валяться буду, его выпрашивать ... А не смилуешься, откажешь, на твоей душѣ грѣхъ останется ... А я все-таки свое сдѣлаю, свою судьбу возьму ...

— Ну, коли тебѣ родительское благословенье недорого, такъ и другую управу найдемъ ... Изволь, коли, домой идти, живи дома ... На своихъ глазахъ тебя держать буду ... Живи у меня на глазахъ ... въ моемъ домѣ ... при дѣлѣ, а не таскайся, какъ песъ, по чужимъ дворамъ ... Вотъ что! ... Уходи съ фабрики ... Теперь же иди со мной! ...

— Нѣтъ, батюшка, ты этого не сдѣлаешь: не таковъ ты, отецъ, не таковъ, родитель ... А коли сдѣлаешь, такъ развѣ связаннаго, да за замкомъ будешь держать ... И ни пользы, ни радости тебѣ отъ этого не будетъ, развѣ только вовсе изведешь сына родного ...

— Ничего, не изведешься ... пустое! ... Нѣтъ, это кровь въ тебѣ ходитъ, горячка одна ... Какъ взять тебя да выстегать хорошенько, чтобы поутихъ, да женить, на комъ я знаю, — на дѣвкѣ стоющей, такъ лучше дѣло будетъ: выйдешь мужикъ настоящій, тихой, смирный, — и самъ послѣ благодарить будешь ...

— Полно, батюшка, не говори ты этихъ рѣчей ... У тебя образецъ-то на глазахъ ... хорошъ-ли? ... Вонъ Кириллу-то и стегали, и женили ... на что ужъ

лучше: на твоей родной дочери, на Аннѣ ... Да что вышло? ... Присмирѣлъ ли? Благодаритъ ли онъ тебя съ Ѳедотомъ Семенычемъ, али Анну-то осчастливили, что ли? ... Нѣтъ, батюшка, не приведется тебѣ ни сѣчь меня, ни женить по-неволѣ ... Сѣчь не за что, да и рука у тебя не поднимется ... А невѣста у меня одна, — вотъ она ... Параня ... Развѣ есть ... не то — лучше ... а хоть другая такая? ... По мнѣ, нѣту ни краше, ни лучше ея ... Либо на ней женюсь, либо ... ужъ не знаю, что тогда будетъ ... Вотъ, батюшка, я тебѣ теперь все сказалъ, всю свою душу открылъ ... А ты не гнѣвайся, а лучше будь родитель, какъ всегда былъ, — добрый, радѣльный: дай ты мнѣ свое согласіе и благословеніе. Прошу я тебя ...

Ѳедя низко поклонился отцу и стоялъ передъ нимъ, ожидая отвѣта. Напоминаніе о Кириллѣ и судьбѣ Анны въ словахъ Ѳеди было очень неумѣстно: оно оскорбило Герасима Дмитрича, вызвало въ его памяти разсказы дочери о похожденіяхъ зятя въ этомъ самомъ домѣ, съ этими самыми женщинами, на одной изъ которыхъ Ѳедя хочетъ жениться, а другую — признать своей второй матерью. Лицо Герасима Дмитрича, противъ ожиданія Ѳеди, сдѣлалось еще мрачнѣе и сердитѣе.

— Хошь бы ты здѣсь-то, въ этомъ мѣстѣ при этихъ ... — отвѣчалъ старикъ, указывая рукою въ сторону хозяевъ, — не поминалъ бы о Кириллѣ ... Сестру-то бы тоже пожалѣлъ: тутъ же вѣдь она сидитъ ... Вона! ... Ну-ка, подумай: съ какими людьми ты знаешься, на комъ ты жениться хочешь, да еще благословенья моего просишь? ... Не сталъ бы я этого при нихъ говорить, Богъ бы съ ними ... да самъ ты меня навелъ ... Вспомни-ка: зачѣмъ

онъ сюда ходилъ? ... Изъ-за чего его привѣчали? ... Для кого онъ домъ свой зорилъ, жену билъ и тиранилъ? ... Такъ такую-то ты роденьку завести хочешь? ...

— Да что же это вы насъ такъ срамите и обижаете въ нашемъ же дому? — вмѣшалась Дарья Тихоновна плаксивымъ голосомъ. — Неужто, что мы сироты, такъ насъ всячески безчестить можно, вступиться за насъ некому? ... Напрасно вы такъ меня понимаете ... Я Ѳедора Герасимыча свататься не заманивала, да еще и полнаго своего согласія не дала ... Я не нуждаюсь въ немъ ... Богъ съ вами совсѣмъ! ... И изъ-за чего такого я Кирилла Ѳедотыча привѣчала? ... Привѣчать я всякаго привѣчаю, по сиротству и по своему характеру ласковому, привѣтному... Не онъ одинъ къ намъ ходитъ: есть, слава Богу, добрые люди, не гнушаются нашей бѣдностью ... А чѣмъ я виновата, что онъ непутный человѣкъ, жену не любитъ, изъ дома тащитъ, гуляетъ, пьянствуетъ ... Я еще его сколь разъ останавливала, совѣстила, что деньги зря мотаетъ ... Напрасно вы такъ сиротъ обижаете, не зная, по чужому оговору ...

Дарья Тихоновна заплакала.

— А шалевый-то платокъ не дарилъ, скажешь, не дарилъ? — накинулась вдругъ на нее молчавшая до сихъ поръ Анна, въ глазахъ которой загорѣлась злоба и ненависть. — А угощенья не носилъ? ... А деньгами-то сколько передавалъ? ... Полно, все знаемъ! ... Не прикидывайся! ... Некуда ему больше таскать, какъ къ вамъ, аспидамъ ... Аспиды, аспиды! ... Кровь вы мою высосали! ... Мужа отняли, домъ разорили! ...

— Да что же это такое? Господи, помилуй! ...

Пришли ко мнѣ въ домъ надругаться? ... Ѳедоръ Герасимычъ, да на что же это похоже? Гдѣ это видано? Неужто ужъ? ...

— Такъ неправда? Неправда, что ли? — перебила ее Анна. — Не такая ты, что ли ... и съ дочкой-то со своей? ... Такая, такая! рас ... Ой, батюшки! ...

Ѳедя съ такой силой схватилъ Анну за плечо, что она вскрикнула отъ боли. Братъ стоялъ передъ ней блѣдный какъ полотно и весь дрожалъ; глаза его горѣли, лицо было страшно. Анна взглянула на него, — и испугалась до того, что у нея сдавило горло и языкъ пересталъ двигаться.

— Я тебѣ сказалъ ... сказалъ: никогда не смѣй! — говорилъ Ѳедоръ едва слышнымъ, сиплымъ голосомъ. — Не смѣй про Параню: она хорошая ... честная! ... Ты хошь и сестра мнѣ ... а за это я вонъ выброшу! ... Откажусь! ... Отъ всѣхъ откажусь изъ-за нея! ... Не дамъ обижать ее ... не дамъ! ... Ты еще сестра ... любимая! ... Я все для тебя! ... Я тебя просилъ, а ты ... поссорить насъ хочешь ...

Голосъ Ѳеди оборвался: онъ робкимъ взглядомъ искалъ Параню, боясь встрѣтить ея обиженное лицо, услышать отъ нея какое-нибудь страшное для себя слово.

— Съ горя, Ѳединька, съ горя моего, съ большого, — оправдывалась Анна. — Простите вы меня, Христа-ради ... Не сердитесь вы изъ-за меня на Ѳединьку: ужъ какъ онъ любитъ, какъ любитъ ... А я ... извѣстно ... я горькая, самая горькая: у всѣхъ на смѣху, на сраму! ... Съ меня что взыскивать? ... Что съ меня взять? ... Нѣтъ, нѣтъ, Ѳедя хвалилъ васъ, какъ хвалилъ! ... Онъ никому

слова не дастъ худого сказать про васъ ... А мнѣ, извѣстно, горько ... Горько мнѣ изъ-за мужа своего, изъ-за безстыжаго! ... Не слушайте меня, ради-Христа ... Не примайте моихъ словъ ни во что!...

— Богъ съ вами! — продолжала Дарья Тихоновна въ прежнемъ тонѣ. — Насъ, я говорю, сиротъ, обидѣть всякому легко ... Да не то, что привѣчать да заманивать его, Кирилла Ѳедотыча, а не знала, какъ отдѣлаться, какъ развязаться съ нимъ ... Не рада была, что и знакомство съ нимъ завела ... Спросите-ка при Ѳедорѣ Герасимычѣ, какъ его сегодня, — добромъ ли, мы съ дочерью изъ дома проводили? ... Куда пошло его угощенье, его сласти-закуски, водка сладкая, что принесъ съ собй? ... Да и въ знать-то онъ съ нами вошелъ обманнымъ манеромъ: холостымъ себя объявлялъ, показывалъ ...

— Холостымъ! — вскрикнула Анна, всплеснувши руками.

— Недавно, недавно ... и то отъ стороннихъ людей узнали, что онъ женатый-то, — подтвердила Дарья Тихоновна. — Кабы впередъ знать да вѣдать, что онъ этакой угаръ-молодецъ, что отъ живой жены холостымъ объявляется, такъ давнымъ бы давно я его спровадила ... Не дала бы ему про себя, про свою дочь худую славу пускать ... Мы люди хошь бѣдные, а тоже сами себя оберегаемъ, живемъ тихо, смирно, никого не трогаемъ ...

— А вотъ теперь, батюшка, — поддержалъ Ѳедоръ, — Дарья Тихоновна съ обоими дѣтьми на фабрику хочетъ ѣхать, въ работу тамъ наниматься, чтобы ото всѣхъ этихъ поклеповъ уйти, чтобы всѣ эти сплетни кончились: всякой увидитъ тогда, что своимъ трудомъ онѣ живутъ, — своими руками хлѣбъ себѣ промышляютъ ...

— Мнѣ, сынокъ, все одно: какія онѣ, куда идутъ, что дѣлать хотятъ ... Сватовъ я къ нимъ посылать не стану ... И не съ Кириллой судить, разбирать ихъ я пришелъ: мнѣ до одного тебя дѣло ... И вотъ тебѣ мой приказъ: какъ воротишься на фабрику, получи съ хозяевъ разсчетъ за время, что прожилъ, — и приходи домой ... Не желаю я, чтобы ты въ чужихъ людяхъ жилъ: живи дома, у меня на глазахъ ... Не надо мнѣ твоихъ большихъ заработковъ, и дома про тебя работы довольно найдется ... Слышалъ? Вотъ больше ничего ...

— Этого, батюшка, никакъ невозможно ... Паспортъ у меня плакатный на годъ взятъ, съ твоего позволенья ... Какъ тебѣ угодно, а я домой не приду теперь ...

— Да что ты, съ ума спятилъ, что ли? ... Какъ ты не придешь, коли я, родитель, тебѣ приказываю? ... Не придетъ онъ! ... Да какъ у тебя языкъ-отъ повернулся молвить этакое слово? ... Чтобы черезъ два дня дома быть! А то велю связать да привести ... Слышишь? ...

— Нѣтъ, батюшка, по доброй волѣ не приду ... и не жди! ... Развѣ и самъ-дѣлѣ связать велишь да домой связаннаго притащишь. — Ну, тогда другое дѣло: твоя власть ... Ничѣмъ я ни передъ тобой, ни передъ людьми не виновать, — не пью, не гуляю, деньги, что заработаю, тебѣ же отдавать буду ... Ну, а ты срами сына, тащи его связаннымъ, коли на то твоя родительская воля: пускай люди видятъ, пускай думаютъ, что я въ мошенники али въ воры, что ли, какіе попалъ, что самъ отецъ велѣлъ сына связаннаго домой тащить ... А доброй волей я не приду ...

— Вотъ такъ сынъ тихій, да покорный! ... Какъ поговаривать сталъ противъ отца ... Далъ порадоваться на себя ... нечего сказать ... Спасибо, сынокъ, спасибо за послушанье твое, за почтенье къ родителю!... Да неужто ты вправду думаешь, что я захочу ихъ въ родню взять, что я дамъ тебѣ благословенье жениться на дѣвкѣ незнаемой? ... Али ты ужъ больно уменъ сталъ и благословенье родительское ни во что не почитаешь? И безъ него окрутиться думаешь? ... А коли я тебѣ, Ѳедоръ, вотъ при невѣстѣ твоей и при матери ея прямо скажу, что не будетъ тебѣ моего позволенья жениться на ней ни теперь, ни послѣ? ...

— Не говори, родимый батюшка, не говори этого слова ... Богомъ тебя прошу ... Земно тебѣ кланяюсь ...

Ѳедоръ поклонился отцу въ ноги и остался передъ нимъ на колѣняхъ.

— Не мѣшай ты моему счастью ... Погибель моя будетъ въ томъ, коли этого не сбудется ... Посмотри ты на нее, батюшка, посмотри хорошенько, поговори съ ней: вѣдь нѣту другихъ этакихъ ...

— Что мнѣ смотрѣть, что говорить: не я выбиралъ ее про тебя, ты меня не спрашивалъ и не зналъ я ее вовсе ... Нынче вы умнѣе отцовъ стали, сами себѣ невѣстъ ищете и находите, никого не спрашиваете! ... Безъ родительскаго благословенья, вонъ, самокруткой женитесь ... Я думалъ, что мой сынъ не какъ другіе нонѣшніе молодые ребята, думалъ: изъ воли родительской, изъ родительскаго почтенія не выйдетъ ... А ты, видать, за ними же идешь, по одной дорожкѣ ... Во всѣхъ нонѣ одинъ духъ! ... Ты меня слушаться не хочешь, что я приказываю, — не уважаешь, такъ нечего тебѣ и на

колѣнкахъ передо мной стоять, не о чемъ просить меня, и мнѣ хлопотать, видно, не о чемъ ... Живи, какъ знаешь, дѣлай, что хочешь ... Незачѣмъ тебѣ моего позволенія просить, незачѣмъ мнѣ свое согласіе давать ... Вы выходите нонѣ отцовъ-то умнѣе, сами все лучше ихъ знаете ... Пойдемъ, Анна ... Нечего намъ здѣсь больше дѣлать ...

Герасимъ Дмитричъ торопливо, ни на кого не смотря, поднялся съ мѣста и сталъ выбираться изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ.

Ѳедоръ всталъ съ колѣнъ съ недовольнымъ, разстроеннымъ лицомъ.

— Я тебѣ, батюшка, во всю жизнь ничего напротивъ не сдѣлалъ, — сказалъ онъ, — всякое почтеніе оказывалъ, былъ всегда твоимъ слугой и останусь по конецъ твоей жизни ... А въ этомъ дѣлѣ ... правда, что это мое дѣло, ничье больше, потому судьба моя ... Вся твоя воля, какъ тебѣ угодно ...

Герасимъ Дмитричъ ни съ кѣмъ не простился и шелъ къ дверямъ, не говоря ни слова и не оглядываясь.

— Ты хоть бы простился съ нимъ, батюшка ... съ Ѳедей-то, — шепнула Анна, идя вслѣдъ за отцомъ.

Но старикъ ничего не отвѣчалъ и сталъ отворять дверь. Анна на-скоро обняла брата, торопясь за отцомъ.

— Батюшка, да куда же ты теперь? — спрашивалъ Ѳедя, но также не получилъ отвѣта.

Онъ вышелъ изъ избы вслѣдъ за отцомъ и сестрой.

— Прощай же, батюшка, по крайности ... Я, кажется, ни въ чемъ тебѣ не согрубилъ, а что же

мнѣ дѣлать, коли все сердце мое тутъ ... Не гнѣвайся, простись, по крайности, — говорилъ Ѳедя уже на улицѣ.

— Батюшка, ну, что же ты, и самъ-дѣлѣ? ... Онъ же вѣдь, смотри-ка, какъ ... на колѣнкахъ ползалъ, — уговаривала старика съ своей стороны Анна.

Герасимъ Дмитричъ остановился.

— Прощай, — сказалъ онъ подошедшему сыну. — Жалко мнѣ тебя ... На рожу на одну польстился ... Не такую бы тебѣ надо ... Ну, по крайности не кори отца, коли послѣ спокаешься ... Нѣтъ тебѣ моего совѣта, а не послушаешь, дѣлай, какъ знаешь ... По нашимъ мѣстамъ, и разговорка-то эта одна, что промежъ насъ была, у невѣсты въ дому, при ней и при матери, такъ срамотушка: кажется бы, невѣстѣ-то нужно было со стыда сгорѣть, а матери насъ всѣхъ и съ тобой-то вмѣстѣ по шеямъ выгнать ... Да нынче весь свѣтъ вверхъ ногами перевернулся ... Либо ужъ онѣ-то вовсе безстыжія ... Ну, да что говорить ... Теперь тебѣ хошь колъ на головѣ теши ... Можетъ, Богъ дастъ, самъ всмотришься, все увидишь ... Эхъ, Ѳедя, Ѳедя ... Не чаялъ этого ... Старъ я, видно, слабъ сталъ ... Не такъ бы надо мнѣ! ... Прощай ... Оставайся съ Богомъ ...

Анна бросилась на шею къ брату.

— Ѳединька, а онѣ вѣрно уѣдутъ отсель? — спрашивала Анна, расцѣловавшись и попрощавшись съ братомъ.

— Уѣдутъ, уѣдутъ ...

— Обѣ?

— Обѣ ...

— На эту ... на фабрику? ...

— Да, да ...

– А далеко это, Ѳединька? ...

— Отъ васъ больше тридцати верстъ ...

— Ахъ ... дай-ка, Господи! — проговорила съ глубокимъ вздохомъ Анна, отвѣчая на собственную невысказанную мысль.

— Батюшка, не сумнѣвайся ты обо мнѣ, — говорилъ Ѳедя, идя около отца, — каковъ я былъ, таковъ и есть ... Не гнѣвайся ты на меня, а въ этомъ я не воленъ самъ въ себѣ ...

— Ну, и ступай, ступай къ нимъ ... Не мы тебѣ нужны, — онѣ! ... Сиди съ ними ... Что ужъ тутъ говорить много ... Нечего: все видать! ...

Старикъ сердито поправилъ шапку на головѣ и быстро зашагалъ впередъ.

— Прощай, батюшка, — говорилъ Ѳедя, останавливаясь. — Поклонитесь Ѳедоту Семенычу ... Попросите, не побываетъ ли ко мнѣ, на фабрику ... не сдѣлаетъ ли такую милость ...

— Попрошу, попрошу, Ѳединька ... Пріѣдетъ онъ, къ тебѣ — отвѣчала Анна.

— Увезешь ты ихъ, батюшка, — продолжала она шопотомъ, обнимая брата, — можетъ, и онъ остепенится маленько, мой-отъ, бѣгать-то будетъ не къ кому ... А ужъ я всячески, всячески буду просить — припадать и къ батюшкѣ, и къ Ѳедоту Семенычу насчетъ тебя ... чтобы не трогали тебя ... Красива она, больно красива, злодѣйка! ... И любовь твоя къ ней великая! ... Только смотри, Ѳединька, смотри, батюшка, не обманули бы онѣ тебя ... Не сердись, родименькой! ... Я для тебя только ... жалѣя тебя ... А, можетъ, и лучше твоей судьбы не будетъ: не узнано это! ... Какъ сказать! ...

— Анна! — сердито вскрикнулъ далеко уже отошедшій Герасимъ Дмитричъ.

— Иду, иду ... Прощай, сердечный ... Буду просить, буду припадать всячески ... Прощай ...

И Анна побѣжала догонять отца.

II.

Когда дверь за Герасимомъ Дмитричемъ затворилась и Дарья Тихоновна осталась въ избѣ одна съ дочерью, она вопросительно посмотрѣла на Параню, какъ-бы вызывая ее высказать, что та думала и чувствовала по поводу всего происшедшаго; но Параня сидѣла молча, задумавшись, съ серьезнымъ лицомъ, и холодно, безотвѣтно встрѣтила взглядъ матери.

— Что носъ-отъ опустила, задумалась? — спросила ее Дарья Тихоновна.

— Ничего ... Такъ ... — отвѣчала Параня съ легкимъ вздохомъ.

— Да какъ ничего? ... Развѣ я не вижу? ... Скажи ...

— Чего говорить-то? ... Всѣ-то насъ срамятъ, всѣ надругаются ... Ровно и за людей не считаютъ ...

— Да кабы я знала, что не больно тебѣ дорогъ Ѳедянка, шугнула бы я этихъ гостей по-свойски ... Только изъ того и стерпѣла, что тебя пожалѣла. Думаю себѣ, съ отцомъ вовсе поссориться, ужъ и съ нимъ разойтись придется ... Какой ужъ женихъ, коли отца съ сестрой невѣстина мать изъ дома вонъ выгнала ...

— А теперь, по крайности, хошь насъ изругали да безъ поклона, безъ привѣта, ровно изъ кабака какого, ушли отъ насъ! — раздражительно, съ горькой усмѣшкой, проговорила Параня.

— Такъ что же было дѣлать? ... Ругаться съ ними сняться, что ли, да вонъ гнать въ шею женихова-то отца? ...

— Еще Богъ знаетъ: либо будетъ женихомъ-то, либо нѣтъ ...

— Такъ вѣдь кто тебя знаетъ. Къ тебѣ въ душу-то не влѣзешь. а ты мнѣ ничего не сказывала ...

— Да сказывать-то нечего ...

— Я думала, что онъ и невѣсть какъ дорогъ да милъ тебѣ ...

— Развѣ въ томъ, милъ али нѣтъ? ... Хошь и милъ, да коли своего ничего нѣтъ и не будетъ, а родитель его вонъ какъ насъ понимаетъ, такъ и ты не отдашь, да и я не пойду за него ...

— Такъ вѣдь ... ахъ, батюшки! ... И я-то про то же! — съ видимымъ удовольствіемъ согласилась Дарья Тихоновна. — Не привязана ты къ нему и самъ-дѣлѣ ... Подождемъ, поглядимъ, что изъ него будетъ ... Можетъ, и самъ-дѣлѣ купцы его облагодѣтельствуютъ, человѣкомъ сдѣлаютъ, на дорогу выведутъ, — и богатъ будетъ ... А, можетъ, онъ только хвастаетъ, да такъ на томъ, что есть, и останется ... Тогда экихъ-то много, и получше его найдется! ...

— Больно онъ парень-то хорошій ... Смотри-ка, какъ любитъ меня ... Души не чаетъ ... во мнѣ! ...

— Еще бы онъ тебя не любилъ ... Гдѣ онъ экую-то другую найдетъ? ... Ну, а коли любитъ, такъ пускай и старается, промышляетъ ... устраиваетъ самъ себя ... чтобы было чѣмъ жену, семью, прокормить и одѣть ... Чу, идетъ ...

Вошелъ Ѳедя. Лицо его было озабочено: онъ

безпокоился о томъ, какое впечатлѣніе произвело на Параню посѣщеніе отца и его объясненіе съ ними.

— Не обезсудьте, Дарья Тихоновна ... Не сердись и ты, Паранюшка, на моего старика ... Это все Кирилла его сбудоражилъ. Я такъ и думалъ, что онъ, проклятый, пойдетъ и навретъ ему ... Такъ и вышло ...

— Ну, что дѣлать-то, Ѳедоръ Герасимычъ! — отвѣчала Дарья Тихоновна. — Я, по своему сиротству, привыкла ужъ обиды-то отъ людей принимать. Ласково-то мало кто скажетъ, а обидѣть-то всегда много охотниковъ находилось ... Богъ съ ними! ... Что ужъ про насъ думать! ... Нѣтъ, а вотъ мы съ Параней про тебя разговаривали, о тебѣ тужили ...

— Что же про меня тужить-то, Дарья Тихоновна? ... Кажется, все слава Богу ...

— А вотъ родитель-то на тебя гнѣвенъ ... Непріятно ему, что ты съ нами знакомство даже ведешь ... А о чемъ другомъ ужъ и говорить нечего ... Ужъ ѣхать ли намъ, полно, на фабрику-то? ...

— Отчего же не ѣхать, Дарья Тихоновна? — испуганно спросилъ Ѳедя.

— Да вѣдь мы собрались въ надеждѣ на тебя, а какъ ты завезешь насъ туда да покинешь? ... Не то — по доброй волѣ, я того не думаю! ... А какъ и въ самъ-дѣлѣ родитель домой тебя вытребуетъ? ...

— Этого быть не можетъ, Дарья Тихоновна ... По доброй волѣ я не пойду до года, пока паспортъ выйдетъ, а силой онъ меня не потребуетъ, срамить меня не захочетъ, — не такой онъ человѣкъ.

— Да все-таки и ссориться вамъ изъ-за насъ съ

родителемъ ровно какъ не приходится ... Какъ никакъ, а все у него въ рукахъ, все онъ въ дому голова и хозяинъ ... Хорошо, какъ если на фабрикѣ тамъ деньги будешь большія получать ... Ну, такъ можешь тогда и самъ по себѣ жить ... А какъ все такъ-то, на этакомъ-то жалованьи, какъ теперь получаешь, да придется, пожалуй, тебѣ въ домъ воротиться ... я тебѣ впередъ говорю: я Параню къ вамъ въ домъ не отдамъ, да она и сама не пойдетъ ... Вонъ вѣдь родитель-то твой какъ нами гнушается ... Никогда, говоритъ, за родню не сочту ... Такъ какая же пріятность Паранѣ въ такой домъ идти, хошь бы какъ она тебя ни любила?..

— Дарья Тихоновна!.. Параня!.. Все передѣлается, все по другому будетъ, только вы не передумывайте на фабрику ѣхать ... не отмѣняйте этого ... Я на себя надѣюсь ... Изо всѣхъ силъ стараться буду, добьюсь чего-нибудь!.. А на-счетъ родителя вы не безпокойтесь; онъ и теперь сказалъ мнѣ, уходя: дѣлай какъ хочешь ... А вотъ побываетъ у меня Ѳедотъ Семенычъ, поговорю я съ нимъ, покажу ему Параню ... Онъ и родителя моего уговоритъ, и батюшка другой будетъ ... А къ себѣ въ деревню, къ батюшкѣ въ домъ, я Параню не поведу ... Я самъ не хочу въ деревнѣ жить ... Вы только не передумывайте, а ты, Паранюшка, подожди только, — все будетъ хорошо ... Вотъ бы мнѣ только въ машинное отдѣленіе попасть, тамъ тотчасъ мнѣ жалованья прибавятъ!.. А тамъ, можетъ, и въ механики попаду ... Мнѣ бы только Паранюшка была со мной да любила меня, да не гребтѣлось бы о ней: что она, да какъ, а я еще одну штучку тамъ обдумываю для фабрики, — очень будетъ выгодно для хозяевъ... Все обдумаю, скажу

имъ, сами увидятъ, какая для нихъ польза: не оставятъ и меня наградятъ... Погодите, погодите только ... Все будетъ хорошо ... Я вѣдь эти двѣ недѣли ровно шальной ходилъ, ни о чемъ и думать не могъ, окромѣ Парани ... Никакія машины мнѣ въ голову не шли, только одна ты, Параня, и стояла въ глазахъ ... А на сердцѣ тоска по тебѣ, тоска смертная ... Руки работаютъ: пилятъ, тешутъ, а передъ глазами ты стоишь, ровно живая, а сердце ноетъ, ноетъ ... Вотъ такъ и жилъ двѣ недѣли-то, не знаю, — какъ и прожилъ!.. А вѣдь будешь ты у меня на глазахъ, не будетъ у меня этой тоски по тебѣ, я не такъ и за дѣло примусь ... И выдумки у меня пойдутъ одна лучше другой!.. Мнѣ и теперь много въ голову приходило, только думать-то я пристально никакъ не могъ ...

— Ахъ, ты, милый ты, милый, сердечный парень! — говорила съ ласковой улыбкой Дарья Тихоновна. — Уменъ ты, уменъ, а молодо еще,—зелено!.. Все это, батюшка, буки, когда-то будутъ ... А ты смотри и насъ на букахъ не оставь ... Вѣдь хошь и говоришь, что десять рублей въ мѣсяцъ жалованья дадутъ Паранѣ съ Николкой, да вѣдь это на своихъ харчахъ, да за квартиру еще заплати ... А харчи нынче дорогіе, а насъ трое: пить ѣсть, одѣться нужно: пожалуй, и не станетъ ... А какъ и тебѣ-то насъ поддержать будетъ нечѣмъ?.. Тутъ какъ быть?..

— Не безпокойтесь, Дарья Тихоновна, надѣйтесь на меня!.. Ужъ только поѣдемте ...

— Да хорошо, хорошо, ужъ только по надеждѣ на тебя и ѣду, отъ своего дома отстаю ...

— А ты что, Паранюшка, задумалась, ничего не скажешь?.. Сомнѣваешься ты во мнѣ, не надѣешь-

ся, не вѣришь? — спрашивалъ Ѳедя. — Скажи что-нибудь ...

— Что говорить-то?.. Хошь вѣрь, хошь не вѣрь, все одно ужъ ... Ждать надо, что будетъ ...

— А тебѣ бы вотъ что, Ѳедя, лучше стараться,— замѣтила Дарья Тихоновна,— въ приказчики бы какъ попасть къ купцамъ-то! Вотъ, я слыхала, выгодно, сказываютъ, въ приказчикахъ у купцовъ жить ...

— Да, вотъ бы и я тогда приказчица была! — засмѣялась Параня.

— Изъ приказчиковъ-то вонъ иные въ купцы выходятъ ... капиталы наживаютъ!.. Свои каменные дома, лавки имѣютъ!.. Я вонъ въ городу была: сколько мнѣ такихъ показывали ...

— Да, пожила бы купчихой-то въ своемъ каменномъ дому! — воскликнула Параня съ увлеченіемъ.

Ѳедя нахмурился и собирался что-то возразить, но въ это время послышался грохотъ подъѣзжавшей къ избѣ телѣги и вслѣдъ затѣмъ въ избу вбѣжалъ Николка.

— Пріѣхали! И баушка Лампея сейчасъ придетъ! — вскричалъ Николка, вбѣгая.

Его посылали за подводой, которую Ѳедя велѣлъ нанять, чтобы довезти до фабрики Параню съ матерью, и за дальней родственницей Дарьи Тихоновны, крестьянкой той же деревни, баушкой Лампеей, надзору которой рѣшили поручить домъ въ отсутствіи хозяевъ.

— Что ты больно долго ходилъ, Николка? — спросила Дарья Тихоновна.— Поди, чай, всѣхъ пріятелевъ обѣжалъ: прощался, что уѣзжаешь?

— Да я только къ Тишкѣ да къ Гришуткѣ за-

бѣжалъ, пока дядя Евграфъ лошадь закладывалъ, а больше съ нимъ провозился: насилу уговорилъ ѣхать-то ... Что, говоритъ, вамъ приспичило ночью?.. Меньше рубля, говоритъ, не возьму!.. Насилу уговорилъ за три четвертака,— только что, говоритъ, непремѣнно, чтобы тамъ на косушку ему дать, сверхъ ряды ... Я думалъ, думалъ, да и велѣлъ закладывать ... Ужъ и домой не пошелъ вамъ сказывать ... Какъ хочешь, Ѳедоръ Герасимычъ, а дешевле его никто не возьметъ ... потому ночное дѣло ...

— Дорого, дорого!.. Какъ это можно этакія деньги! — вскричала Дарья Тихоновна.— Вѣдь тебѣ велѣли, пострѣлу, только поискать да прицѣниться, а ты ужъ и нанялъ, и привелъ ...

— Да вѣдь какъ же ... Я думалъ лучше ... Смотри-ка: ночь на дворѣ ... Лягутъ спать, такъ тутъ и толковъ не добьешься ... А ужъ я знаю, что дешевле дяди Евграфа никто не повезетъ, потому онъ и къ лошади не жальливъ, доматываетъ ее въ конецъ ... да и выпить-то любитъ: я его косушкой-то и поманилъ ...

— А пуще всего самому-то тебѣ ѣхать до смерти хочется ... вотъ что!—замѣтила Дарья Тихоновна.— А ты бы то подумалъ сначала, что этакія деньги большія просятъ ... Можетъ, Ѳедору-то Герасимычу и дорого покажется ... Не по мысли будетъ ...

— Нѣтъ, нѣтъ, недорого ... Спасибо, Николаша, что нанялъ и привелъ ... Молодецъ за это!.. Спасибо!..

— Я старался-было ... какъ лучше ...

— Спасибо, спасибо!.. Умникъ, молодецъ!.. Ну, собирайтесь же, Дарья Тихоновна, да поѣдемъ... Параня, собирайся ...

— Экъ, тебѣ ужъ не терпится: увезти-то насъ хочется поскорѣе! — засмѣялась Параня. — Смотри, придется ли еще намъ по мысли у тебя на фабрикѣ-то...

— По мнѣ, Параня, гдѣ ты, тамъ и хорошо... А безъ тебя вездѣ плохо ... Не знаю, какъ ты! — не безъ упрека отвѣтилъ Ѳедя.

— Вотъ только баушка-то Лампея скоро ли, а то мы совсѣмъ готовы, — отозвалась Дарья Тихоновна. — Да къ сусѣдямъ надо бы сходить: попрощаться да попросить, чтобы приглянули за избенкой-то... Больно ужъ ты скоро насъ свилъ, собралъ...

— Такъ сходите, Дарья Тихоновна, поскорѣе... Только бы подвода-то подождала, а то поспѣемъ еще... до утра-то доѣдемъ, хоть и шагомъ повезетъ: ночь нынче долгая...

— Ну, такъ я сбѣгаю пока, а ты, Параня, прибирай остатки...

Дарья Тихоновна ушла. Ѳедя выслалъ изъ избы и Николку, подъ предлогомъ попросить подвозчика, чтобы подождалъ минутку.

Оставшись одинъ съ Параней, Ѳедя бросился къ ней.

— Параня, солнышко мое, — говорилъ онъ, обнимая ее, — скажи ты мнѣ, рада ли ты, что ѣдешь со мной, что мы будемъ каждый день видаться?.. Можетъ, жить вмѣстѣ будемъ?..

Онъ старался поцѣловать ее въ губы, но Параня отвернула лицо и выскользнула изъ рукъ Ѳеди.

— Вишь, ты какой нынче сталъ, на фабрикѣ-то пожилъ: бойкій!.. Не какъ прежде!.. Ровно наши ребята лѣзешь...

— Я думалъ, ты любишь меня, — проговорилъ

Ѳедя упавшимъ голосомъ. Глаза его потухли и сдѣлались печальны, руки опустились.

— Такъ почто же этакъ-то? охальничать-то?.. Ровно, вотъ, Кирилла, — тоже ...

— Развѣ я... развѣ я... про тебя... все равно, что Кирилла? — проговорилъ Ѳедя прерывающимся голосомъ. — Кабы любила ты меня... не сказала бы этого... не сдѣлала бы такъ...

Онъ былъ блѣденъ. Въ голосѣ его слышались слезы.

— Что отецъ-отъ твой говорилъ и сестра-то?.. Развѣ лестно слушать этакія рѣчи?..

— Такъ чѣмъ же я-то виноватъ?.. Развѣ черезъ меня?.. Развѣ я давалъ имъ говорить?.. Послушался я, что-ли, отца?.. Никого, Параня, не послушаюсь, никто меня не остановитъ ... коли ты любишь меня ... На это не смотри, не слушай!.. Коли бы ты нужды не боялась, хоть сейчасъ обвѣнчаемся ...

— Спасибо!.. Я къ твоей роднѣ не пойду на поклонъ ... подъ начало ... на срамъ да на ругань!..

— Не пойдемъ мы къ нимъ, Параня: на фабрикѣ жить будемъ... Недолго и нужду потерпѣть придется: можетъ быть, скоро на другое дѣло переведутъ и жалованья прибавятъ ...

— То подожди, пока богатъ буду, то теперь въ нужду иди, да, можетъ, и совсѣмъ въ ней останься!.. Либо прибавятъ, либо нѣтъ!.. Да еще сколь и прибавятъ-то?..

— Такъ развѣ ты изъ-за того только, Параня, пойдешь за меня, что я богатъ буду?

— Вотъ и рѣчи свои по другому повелъ!.. Я, кажись, съ тобой не торговалася, самъ просилъ по-

дождать, пока дѣла поправятся, пока денегъ будешь много промышлять... И матушкѣ такъ сказалъ.

— Да я и не отрекаюсь отъ своихъ словъ, Параня... Только зачѣмъ же ты такъ-то со мной?.. Зачѣмъ ты съ Кирюшкой-то меня равняешь?.. Меня вѣдь тянетъ къ тебѣ: взглянешь ты на меня, около сядешь,—и то радость мнѣ большая ... А ужъ поцѣловать-то ... кажется, и радости-то другой нѣтъ такой ... Отчего же тебя-то не тянетъ ко мнѣ?.. Ну, пускай, даве, при матери, по ея приказу, не хотѣла ... я самъ не хотѣлъ ... А теперь-то что?.. Мы одни, никого нѣтъ ... а ты отъ меня отворотилась, оттолкнула, точно не милъ, противенъ я тебѣ ... точно чужой я тебѣ совсѣмъ ... Кабы любила, развѣ бы?..

— А зачѣмъ силой лѣзешь?.. На смерть не люблю!.. Не приставай никогда: мнѣ и безъ тебя надоѣли приставальщики-то ...

— Такъ развѣ я пристаю?.. Развѣ я силой, Параня?.. Я думалъ, что ты сама ... Думалъ, что у меня на сердцѣ, то и у тебя ... Ну, Паранюшка, солнышко мое!.. Ну, коли любишь, подойди сама... подойди сама ко мнѣ ...

— Когда вздумаю, тогда и подойду...

— Такъ, видно, не милъ я тебѣ? — вскричалъ Ѳедя. — Ну, вздумай же теперь ... Паранюшка ... ну, подойди же теперь, коли любишь!..

— А ты кричи шибче, знай... Того и смотри чужи люди войдутъ, вонъ по мосту нектò шагаетъ...

Въ избу вошла старуха въ сопровожденіи Николки. Параня быстро, многозначительно взглянула на Ѳедю. Тотъ уныло опустилъ голову: у него было очень нехорошо на душѣ; онъ смутно чувствовалъ, что въ словахъ Парани была какая-то не-

искренность и, во всякомъ случаѣ, не выражалось того безпредѣльнаго, глубокаго, охватывающаго чувства къ нему, какое онъ испытывалъ къ ней. Такія минуты сомнѣнія бывали и прежде, но онѣ проходили при первомъ ласковомъ словѣ или даже взглядѣ Парани; онѣ скоро прошли и теперь при мысли, что Параня обижена его отцомъ и не можетъ сразу забыть эту обиду.

— Здравствуй, баушка Лампея, — привѣтствовала Параня вошедшую старуху.

— Здорово живете!.. Здравствуй, Паранька, — отвѣчала старуха. — А это чей такой молодецъ-отъ? — продолжала она, оглядывая Ѳедю.

— Знакомый нашъ... изъ Чернушекъ деревни...

— А-а, знакомчикъ! — протянула Лампея. — Ну-у... Молодой еще!.. Молодъ!.. Вишь ты!.. Видать, не женатый...

— Нѣту, холостой, — спокойно отвѣчала Параня.

Но Ѳедю сильно покоробило отъ замѣчанія старухи. Ему показалось, что въ словахъ ея былъ намекъ на предполагаемыя ею отношенія его не къ Паранѣ, а къ самой Дарьѣ Тихоновнѣ.

— Слыхала я Чернушки-то деревню, — продолжала старуха, обращаясь уже прямо къ Ѳедѣ, — только николи не бывала, да, кажись, и не знаю тамоди никого... Не близко же вѣдь она... Издалека ходишь гоститься-то, молодецъ!.. Какъ тебя звать-то?..

— Ѳедоромъ, — неохотно, почти грубо отвѣчалъ онъ.

— А изъ чьихъ будешь?.. По отцѣ-то какъ?..

— Герасимовъ... Да что тебѣ, баушка?.. Ты насъ не знаешь...

— Не знаю и есть... Не знаю Герасима, — простодушно сказала Лампея. — А только-что не ближно мѣсто — Чернушки... Издалека, молъ, ходишь гулять-то!..

Ѳедѣ ужасно хотѣлось огрызнуться на старуху, но онъ промолчалъ, вспомнивъ, что она считается родственницей Дарьи Тихоновны, а слѣдовательно и Парани.

— Онъ не гулять пришелъ, а по дѣлу, баушка, — отвѣчала Параня, которая какъ будто тоже поняла намеки старухи, — и не изъ Чернушки онъ пришелъ, а съ фабрики...

— Да, да, слышала я: сказывалъ Николка, да я не повѣрила... На фабрику-ту собираетесь всѣ...

— Да, баушка, собрались ужъ, вонъ и подвода стоитъ... Сейчасъ поѣдемъ, матушка только къ сусѣдямъ побѣжала попрощаться да тебя поджидала ...

— Да что матка-то съ ума, что-ли, спятила?.. Съ чего-й-то это на фабрику сдумала ... отъ своего дома?.. И не посовѣтовала... ничего... такъ, на-ка, вдругъ!.. Да что ей тамъ,—золоты горы, что-ли, насулили?.. Али, думаетъ, людно тамъ, такъ и ... али про тебя жениха, думаетъ, сыщетъ?.. А ужъ давно, дѣвка, пора, засидѣлась и ты ...

— Нѣтъ, баушка, жить нечѣмъ здѣсь, промыслить не на чемъ, въ работу идемъ наймоваться ...

— Слышала я это. И Николка, пострѣленокъ, тоже разсказываетъ мнѣ, забѣгалъ ... Ну, да я его не послушала; что, молъ, мальченокъ смыслитъ ... что сказали, то и болтаетъ!.. А ты-то — то же ... Полно-ка!.. Какія вы работницы съ маткой ... Отстань-ка!.. Жили-жили на-легкѣ... ровно птицы ... жизнь была у васъ самая легкая, гулящая ..

да вдругъ, на-ка вотъ, работы захотѣли!.. Эка дѣвка, подумаешь, хитра: старуху провести хочетъ!.. Сказывай правду ужъ... коли знаешь...

— Да я, баушка, правду истинную тебѣ говорю... Вѣрно, что легкая-то жизнь надоѣла, опостылѣла, больно ужъ слава-то хороша по ней идетъ. Вотъ матушка и надумала ... Здѣсь-то нечѣмъ промыслить, а на фабрикѣ работы сколь угодно, и денежки платятъ хорошія ... Жить можно ...

— Ай, дѣвка, врешь, ни въ жизнь не повѣрю!.. Это чтобы матка твоя въ чужи люди въ работу пошла... Врешь, не пойдетъ: не на тѣхъ харчахъ она вѣкъ прожила, чтобы ей спину гнуть да руки мозолить... коли вотъ экіе молодцы еще въ гости ходятъ!.. Не заработать ей съ-эстоль, сколь они, дружки-знакомчики, натаскаютъ... и куска сладкаго, и одёжи нарядной ...

Параня вспыхнула. Ѳедя поблѣднѣлъ и задрожалъ при послѣднихъ словахъ старухи.

— Никто намъ ничего не таскаетъ, — проговорила Параня неровнымъ голосомъ и робко, стыдливо взглянула искоса на Ѳедю.

— А я, баушка, не таковскій, что ты думаешь, — сказалъ Ѳедя, поймавшій взглядъ Парани и замѣтившій ея смущеніе, — я не знакомчикъ, а женихъ Паранинъ.

— Женихъ! — вскрикнула старуха недовѣрчиво и съ удивленіемъ.

— Да, баушка, женихъ!.. И ѣдутъ онѣ на фабрику точно работать, а не за чѣмъ другимъ: Параня съ Николкой будутъ на фабрику ходить, а Дарья Тихоновна на квартирѣ станетъ жить, чтобы около нихъ обихаживать...

— Женихъ! — твердила старуха недовѣрчиво.—

Да что мы не слыхали, чтобы сватовъ-то ѣы присылалъ?.. Ужъ знали бы, кажись: въ одной деревнѣ живемъ... Да и въ родствѣ тоже считаемся. Кажись бы, надо сказать маткѣ-то... Нынче хошь со старыми-то, видно, не совѣтуютъ, не слушаютъ ихъ, а все бы, кажись, сказала, что дѣло у васъ наладилось ...

— Я, баушка, безъ сватовъ, самъ сватался, да и сказать-то тебѣ было некогда, потому сегодня только мы объявилися ...

— Какъ безъ сватовъ? Какъ безъ сватовъ сватался?.. Что ты меня, ровно дуру, морочишь?.. Гдѣ это видано—слыхано!.. Да что ты, — сирота, что-ли, безродный? Ни отца, ни матери, ни сродственниковъ, — нѣтъ никого?.. Хошь какая-нибудь родня да есть же?.. Парень ты молодой! Смотри-ка, борода-то еще не опушилась,—да самъ ты пойдешь свататься!.. Да кто тебя слушаться-то, говорить-то кто съ тобой будетъ?.. Али безродный какой, вправду?..

— Нѣтъ, не безродный: и отецъ у меня есть, слава Богу, живъ, здравствуетъ, и братъ старшій женатый, и другіе сродственники есть... А я все-жъ-таки самъ сватался, безъ всякихъ сватовъ ...

— Ну, ужъ развѣ только что Дарья ... Легкій она человѣкъ у насъ, такъ слушать тебя стала, а въ другомъ мѣстѣ тебѣ и рѣчей-то этихъ выговорить не дали бы: пришли, молъ, постарше да поумнѣе!.. Да нѣтъ, врешь... не повѣрю!.. Что ты, развѣ воровски отъ отца-то жениться хочешь?.. Да богатъ больно, ну, такъ, можетъ, Дарья польстилась: не хотѣла она ни за что за бѣднаго-то отдавать... А коли богатъ, такъ на что же имъ на фабрику въ работу-то идти?..

— Нѣтъ, я, баушка, небогатъ... А на фабрику онѣ съ моего же совѣта идутъ, что тамъ можно промыслить лучше и честнымъ трудомъ ... А здѣсь жить, только на сраму да на этакой славѣ, что и ты вотъ говоришь... Вотъ зачѣмъ онѣ на фабрику идутъ!

— Ну, ужъ, братъ, молодецъ, путаешь ты меня, да не спутаешь же, не удастся!.. Ты, видно, баушку-то Лампею еще не знаешь ... Что говоришь? Бѣденъ ты, безъ сватовъ сватаешься, а она, Дарья, отдаетъ за тебя Параньку да еще работать на фабрику посылаетъ съ твоего совѣта, да и сама за тѣмъ же ѣдетъ, свою избу покидаетъ ... Ну, ты шутки-то эти шути съ кѣмъ другимъ, а не со мной... я дурой-то и не про тебя, такъ не бывала ... Ишь ты какой прокуратъ!.. Откуда взялся экой?.. Видала я много вашей братьи этакихъ!..

— Да не сердись, баушка ... Не шучу я, не смѣюсь. Вотъ спроси Параню,—и она тебѣ скажетъ, что правду я тебѣ говорю ...

— Да Паранька-то, пожалуй, тоже зубы-то поточить надъ старухой рада ... Только что развѣ меня знаетъ, не посмѣетъ. Я сама оборву, изругаю... Ну, Паранька, скажи: вправду женихъ это твой?..

— Вправду, баушка, — отвѣчала Параня, подумавши, но не такъ рѣшительно и скоро, какъ бы того желалъ Ѳедя.

— Смотри, Паранька, не смѣй зубоскалить надо мной: знашь, не люблю ... Мать придетъ да скажетъ настоящее, — изругаю вѣдь, разсержуся ...

— Да что же, баушка ... Я правду говорю ... Вправду онъ сватался, я обѣщала ждать, пока побогатѣетъ ...

— Такъ такъ бы ты, дура, и говорила ... А

то—женихъ, сватался, говоритъ ... Какой же онъ женихъ!.. А такъ, стало быть, — одна рѣзговорка только промежъ васъ была ... Ну, мало ли что парень съ дѣвкой промежъ себя болтаютъ ... А то—женихъ!.. Это, значитъ, — когда еще что будетъ, вилами на водѣ писано ... Этакихъ-то жениховъ у тебя, чай, много ...

— Много, Параня? — спросилъ Ѳедя, нахмурившись, и упорно, не сводя глазъ, смотрѣлъ на Параню.

— Извѣстно, такихъ, какъ баушка говоритъ, много, — вывернулась Параня.

— Нѣтъ, а такихъ, какъ я? — настаивалъ встревоженный Ѳедя.

— Ну, опять сначала, что ли, мы станемъ съ тобой все переговаривать ... Экой ты парень какой ... тошной! ... Право, тошной! ...

— Затоскуешь, Параня, какъ на все посмотришь да все это переслушаешь! — со вздохомъ проговорилъ Ѳедя.

Баушка Лампея собиралась еще что-то сказать, но въ это время вошла въ избу Дарья Тихоновна въ сопровожденіи подводчика, дяди Евграфа, и Николая; а вслѣдъ за ними ввалилась въ избу цѣлая толпа сосѣдокъ, пришедшихъ поглазѣть на отъѣзжающихъ и ихъ сборы въ дорогу. Баушкѣ Лампеѣ не удалось разспросить хорошенько обо всемъ Дарью Тихоновну. Въ избѣ началась суетня, вытаскиваніе узловъ на подводу и такой говоръ и перестрѣлка вопросовъ, отвѣтовъ, замѣчаній, желаній и совѣтовъ, что Дарья Тихоновна успѣла только попросить баушку, чтобы та, по родству, не оставила, взглядывала бы на ея избу. Но и въ этомъ отношеніи всѣ сосѣдки въ одинъ голосъ успокоивали и

обнадеживали отъѣзжающую хозяйку, ручаясь, что не пропадетъ ни одинъ порохъ, ни одна соломинка съ крыши, что онѣ за всѣмъ присмотрятъ и все уберегутъ.

— А ты бы окна-то заколотила бы, — подавала вслѣдъ затѣмъ совѣтъ свой одна изъ сосѣдокъ.

— Безпремѣнно нужно заколотить, — соглашалась другая, — для всякаго случая

— Какъ можно не заколотимши: не ровѣнъ часъ ... Отъ лихого человѣка не убережешься! — поддерживала мысль третья.

Но оказалось, что Дарья Тихоновна просила уже объ этомъ дядю Ивана, и тотъ обѣщалъ безпремѣнно, и что старый тесишко для этого предмета имѣется уже въ виду.

— Ты бы и ворота-то велѣла бы заколотить, — начинались снова совѣты.

— Нѣтъ, ворота почто заколачивать ... Они снутри запоромъ задвинуты ... А вотъ калитку безпремѣнно нужно заколотить ...

— Нынче, матушка, и черезъ крышу пролѣзутъ ... Народецъ-отъ вонъ какой сталъ!

— Пожалуй, полѣзай: на дворѣ-то не что возьмешь, а вотъ, чтобы у дверей избяныхъ запоръ былъ хорошій ...

— Пробои чтобы здоровые и замокъ тяжелый, — чтобы слыхать было, коли недобрый человѣкъ вздумаетъ ...

— Да мнѣ бы, матушки, только бы не подпалилъ, храни Богъ, злодѣй какой: вотъ чего опасно ... А то взять-то у меня нечего: одни битые горшки да ухваты развѣ останутся, и то вотъ баушка, что получше, къ себѣ спрячетъ, а одёжу всю я съ собой забрала, — отвѣчала Дарья Тихоновна.

— Дай-ка я узелъ-то вынесу, — старались и въ этомъ помочь сосѣдки.

— Да ничего, вотъ Параня съ Николкой ... Вонъ и Ѳедоръ Герасимычъ подсобляетъ: поспѣемъ ...

— Дай, дай, говорятъ, дай — я вынесу! — И сосѣдка почти вырываетъ изъ рукъ хозяйки узелъ съ одежей и несетъ къ телѣгѣ, а хозяйка, не вполнѣ довѣряющая безкорыстію услужливой сосѣдки, идетъ вслѣдъ за нею и за узломъ, съ пустыми руками, или посылаетъ Параню.

— А ты помни мое слово, — говорила суетящейся Дарьѣ Тихоновнѣ баушка Лампея, — досадила ты мнѣ до смерти, и зла я на тебя, ровно собака ... Какъ такъ — свилась, собралась, ни словечка не сказавши, не посовѣтовала ... ничего! ... И что̀ за причина такая? ... Ничего не знаю ... Вѣкъ тебѣ этого не забуду!

— Полно, не сердись, тётушка: право, некогда было ... Сама не знаю, какъ собралась ... Опосля все разскажу ...

—Ладно, ладно! ... Нѣтъ, ты кабы почитала-то меня ... А еще родней считается. — Небось, нужда пришла, такъ къ кому? Къ баушкѣ ... Баушка, попостереги, посмотри! ... Неужто на этихъ сутолокъто понадѣяться можно, даромъ обѣщаютъ? ... Надѣйся: ни одна и не взглянетъ, развѣ плашка понадобится, такъ изъ твоего же забора заборникъ вытащитъ ...

Наконецъ, всѣ узлы были вытащены и уложены на подводу, Дарья Тихоновна и Параня перецѣловались со всѣми сосѣдками, вновь выслушали множество пожеланій и совѣтовъ, вышли на улицу и усѣлись сверхъ своего скарба на телѣгу; прилѣпился

кое-какъ съ боку хозяинъ подводы, и возъ двинулся. Ѳедя съ Николкой пошли около него пѣшкомъ.

— Прощайте! ... Счастливо вамъ тамъ! — вскрикнули имъ вслѣдъ доброжелательныя сосѣдки и разбрелись по домамъ.

III.

Около полуночи Ѳедя со своими спутницами добрался до деревни, находившейся противъ самаго Стараго-Села, по другую сторону раздѣлявшей ихъ рѣчки. Съ открытія фабрики всѣ почти крестьяне этой деревни стали отдавать свои избы подъ квартиры фабричнымъ рабочимъ, которые, впрочемъ, приходили сюда только спать, а прочее время проводили или на фабрикѣ, или въ трактирахъ и кабакахъ. Послѣдніе какъ изъ земли выросли вмѣстѣ съ превращеніемъ Стараго-Села изъ помѣщичьей усадьбы въ фабричное заведеніе. Рабочіе терпѣли большой недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ; питались однимъ чернымъ хлѣбомъ въ сухомятку, но зато горячіе напитки: чай и водку, имѣли всегда въ изобиліи и употребляли на нихъ половину своего заработка. Мало кто изъ рабочихъ нанималъ квартиру съ варевомъ отъ хозяевъ, большинство же довольствовалось только правомъ ночлега и храненія небольшого скарба, захваченнаго изъ дома, да развѣ изрѣдка разогрѣвало въ хозяйской печи принесенныя изъ дома, послѣ праздника, щи безъ говядины, съ забѣлой. Хозяева обыкновенно жили въ одной избѣ со своими квартирантами.

Ѳедя разсчитывалъ пріютить Дарью Тихоновну съ семьей къ одному крестьянину, у котораго было двѣ избы, который самъ работалъ на фабрикѣ и одну изъ своихъ избъ отдавалъ исключительно подъ

квартиру для фабричныхъ. Ѳедя надѣялся, что, можетъ быть, хозяинъ уступитъ ему вовсе одну избу: тогда онъ мечталъ поселиться вмѣстѣ съ Дарьей Тихоновной и жить у нея какъ-бы на хлѣбахъ.

Когда, по указанію Ѳеди, извозчикъ поворотилъ лошадь въ порядокъ деревенскихъ домовъ, стоявшихъ по высокому берегу рѣчки, вся фабрика вдругъ обрисовалась среди окружающаго мрака своими многочисленными, блестящими отъ внутренняго освѣщенія огнями. Въ ночной тишинѣ ясно доносился съ того берега ревъ, шумъ и стукъ машинъ и станковъ фабричныхъ. Огненный столбъ искръ высоко стоялъ въ небѣ надъ фабричной трубой. Это неожиданное и невиданное зрѣлище до такой степени поразило Параню, Николку и ихъ мать, что они въ одинъ голосъ всѣ вскрикнули; въ крикѣ этомъ слышался не только восторгъ, но даже испугъ.

— Вотъ она, фабрика-то, какая! — проговорила Параня, не отводя глазъ отъ нея.

— Да-а ... — протянула Дарья Тихоновна.

— Вотъ такъ хорошо-о-о! ... Хорошо! — кричалъ Николка, чуть не прыгая отъ восторга.

— Что, Параня, понравилось? — спрашивалъ Ѳедя.

— Какъ не понравиться: чего ужъ лучше? Ровно во снѣ снится, а не на яву ...

— А вотъ поприсмотришься, да объ эту пору придется, пожалуй, вставать да на свою смѣну идти, такъ и глядѣть не захочешь ...

— Въ какую смѣну?

— А какъ же? ... Тутъ черезъ каждые шесть часовъ смѣна: одни отстояли свои шесть часовъ, домой идутъ, а на ихъ мѣсто другіе становятся — опять же на шесть часовъ ... Вотъ сегодня воскре-

сенье, работа съ шести часовъ началась, — вотъ до полуночи первая смѣна, а съ полуночи до шести утра — другая, а тутъ опять до полуденъ тѣ, что эту первую смѣну стояли: такъ и идутъ одна смѣна за другой ... Вонъ ужъ пошли, — видать, скоро полночь будетъ.

Ѳедя указалъ на человѣческія фигуры, двигавшіяся въ полутьмѣ, вдоль домовъ, къ нимъ навстрѣчу.

— Вотъ это вторая смѣна идетъ ... Скоро и свистокъ будетъ ...

— Какой свистокъ?

— А какъ время смѣнѣ, такъ и пускаютъ паръ въ трубку: онъ и свиститъ такъ громко — за пять верстъ услышишь ... Вотъ слушайте ... Скоро засвиститъ ... Мнѣ сказывали, что гдѣ много фабрикъ по сосѣдству, такъ купцы этими свистками другъ передъ другомъ бахвалятся: который громче свиститъ да дальше слышно ...

Въ той избѣ, куда направлялся Ѳедя, свѣтился огонёкъ.

— Вотъ хорошо, въ самый разъ пріѣхали, — сказалъ Ѳедя, — хоть стучаться не придется, и здѣсь, видно, на фабрику собираются.

Велѣвши подождать себя, онъ скрылся за незапертою калиткою, чтобы переговорить съ хозяевами. Переговоры эти, впрочемъ, были непродолжительны; скоро отворились ворота, и путники въѣхали во дворъ. Въ эту минуту послышался давно-ожидаемый свистокъ, отъ котораго женщины взвизгнули съ веселымъ смѣхомъ.

— Экъ васъ нелегкая! ... Не слыхивали, дьяволы! — проговорилъ выходившій со двора рабочій и при этомъ ради шутки сказалъ такую фа-

бричную остроту, что женщины мгновенно примолкли, а Ѳедя весь вспыхнулъ.

Со двора вошли въ большую избу, которая была полна народомъ. Многіе лежали въ повалку на полу и на лавкахъ, другіе обувались, иные, совсѣмъ одѣтые, готовы были выдти вонъ. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти. Изба едва освѣщалась керосиновой лампой безъ стекла, которая дымила и сильно воняла. При этомъ освѣщеніи встрепанныя, всклокоченныя головы спящихъ, выставлявшіяся изъ-подъ полушубковъ и кафтановъ, которыми были прикрыты туловища, мрачныя, заспанныя, недовольныя и блѣдныя лица собиравшихся на работу, тяжелый храпъ и стоны безпокойно спящихъ, отрывистыя рѣчи, сопровождаемыя ругательствами проснувшихся, — производили на свѣжаго человѣка подавляющее впечатлѣніе. Дарья Тихоновна съ Параней и Николкой робко остановились у дверей и съ недоумѣніемъ и испугомъ осматривались.

— Сегодня ужъ здѣсь переночуете какъ-нибудь, — тономъ оправдывающагося говорилъ Ѳедя, — а завтра ужъ я съ хозяиномъ переговорю: въ ту избу попросимся, гдѣ онъ живетъ съ семьей, тамъ просторнѣе будетъ ... Самого-то нѣтъ теперь — на фабрикѣ, а вонъ хозяйка безъ него ... не знаетъ ... не соглашается ...

Ѳедя указалъ на полу-дремлющую женщину, которая сидѣла, облокотясь на столъ.

— Да гдѣ же мы ляжемъ-то? И сѣсть-то негдѣ, кажись ... не то лечь ... Опять же узлы у насъ, — съ упрекомъ, но вполголоса возражала Дарья Тихоновна.

Ѳедя подошелъ къ хозяйкѣ.

— Хозяюшка, гдѣ же бы нашимъ лечь-то? Мѣста-то нѣтъ ...

— Будетъ мѣста, будетъ про всѣхъ, — лѣниво отвѣчала она. — Вотъ отвалитъ смѣна, мѣстовъ много опростается ... Подождите ... Это вѣдь вотъ сегодня послѣ праздника сгрудилось много: двѣ смѣны сошлись ... А то мало ли мѣста: изба большая ... Про всѣхъ мѣста будетъ ...

Дѣйствительно, когда всѣ очередные ушли на работу, оказалось нѣсколько свободныхъ мѣстъ на полу и даже на лавкахъ, но надо было ложиться врознь, рядомъ съ чужими людьми, и разсовать по разнымъ мѣстамъ пожитки. Дарья Тихоновна и Параня находили это неудобнымъ и, по совѣту Ѳеди, предпочли лечь спать въ телѣгѣ, въ которой ѣхали, тѣмъ болѣе, что провожатый ихъ, дядя Евграфъ, хотѣлъ остаться до утра, чтобы побывать въ фабричномъ трактирѣ или, по крайней мѣрѣ, въ кабакѣ.

— А мы съ Николкой здѣсь гдѣ-нибудь приткнемся, — говорилъ Ѳедя. — Да, правда, я и спать-то не хочу, а вотъ подожду хозяина да васъ сторожить буду ... Вновѣ-то, чай, робко вамъ межъ чужими людьми ...

Ѳедя заглядывалъ въ глаза Паранѣ, но она смотрѣла на него холодно и серьёзно: веселое настроеніе, которое произвелъ на нее наружный видъ фабрики, давно уже прошло и смѣнилось чувствомъ какого-то страха и недовольства. Она молча послѣдовала за матерью опять на дворъ, молча влѣзла въ телѣгу, отрывисто, односложно отвѣчала на всѣ вопросы Ѳеди о томъ, ловко ли, хорошо ли ей лежать, и ни слова не промолвила въ отвѣтъ на его увѣренія, что завтра все устроится, что онъ отыщетъ имъ удобное и просторное помѣщеніе. Параня, видимо, была недовольна и сердилась. Ѳедя былъ глубоко огорченъ и винилъ себя въ непредусмотри-

тельности, такъ какъ самъ настоялъ, чтобы Дарья Тихоновна съ семьей ѣхала немедленно, и рисовалъ имъ жизнь фабричную въ розовыхъ краскахъ; ему и въ голову не приходило задать себѣ вопросъ: да съ чего же, по какому праву явилась вдругъ эта требовательность въ Паранѣ, которая выросла и жила въ бѣдности и пріѣхала сюда работать и жить такъ же, какъ и всѣ остальные рабочіе? А тѣмъ болѣе онъ не могъ представить себѣ тѣ смутныя надежды, тѣ неясныя мечты, которыя наполняли душу Парани и заставили ее согласиться идти на фабрику и которыя имѣли такую опредѣленную и реальную форму въ мысляхъ Дарьи Тихоновны.

Уложивши Николку въ избѣ, Ѳедя вышелъ на мостъ и сѣлъ тамъ, въ ожиданіи возвращенія съ фабрики хозяина. Тотъ, наконецъ, пришелъ. Ѳедя объяснилъ ему, что привезъ на фабрику цѣлое родственное ему семейство и желалъ бы нанять у него отдѣльную малую избу. Мужикъ тотчасъ же изъявилъ согласіе, но заломилъ такую цѣну, которая была уже вовсе не по силамъ Ѳеди; впрочемъ, послѣ взаимныхъ уступокъ и надбавокъ, кое-какъ столковались.

На разсвѣтѣ Ѳедя попрощался съ Дарьей Тихоновной и Параней и ушелъ на фабрику, взявши съ собою Николку для того, чтобы тотъ зналъ дорогу и могъ проводить потомъ къ нему мать и сестру.

Ѳедя надѣялся, что Александръ Кузьмичъ утромъ забѣжитъ къ нему, въ мастерскую, чтобы разспросить объ учителѣ, и не ошибся: молодой Кошатниковъ явился очень рано, — тотчасъ какъ проснулся и напился чаю.

— Ну, что, Ѳедоръ, согласился онъ или нѣтъ? — спросилъ онъ озабоченно.

Ѳедя разсказалъ.

— Ну, вотъ и чудесно! ... А и мы вчера кое-что сдѣлали ... Во-первыхъ, квартиру для школы я отыскалъ ... Отличная, большая изба съ перегородкой ... и недалеко отъ фабрики, и кругомъ по деревнямъ наши рабочіе живутъ ... Столы и доску я ужъ заказалъ ... Алена Николавна ѣздила вчера въ городъ: отпросилась будто бы за покупками для себя, сказала: обувь тамъ, что ли, нужна, башмаки, — а сама, вмѣсто того, накупила бумаги, карандашей, аспидныхъ досокъ ... Хотѣла купить учебниковъ, но, представь, нашъ городъ каковъ — азбукъ, простыхъ азбукъ не могла отыскать, а не только ужъ какихъ-нибудь другихъ книгъ или пособій ... Этакое невѣжество! ... Впрочемъ, она написала, скоро вышлютъ ... Я далъ денегъ, чтобы и ландкарты у насъ были по стѣнамъ, и большіе счеты ... Знаешь, этакіе стоячіе, чтобы считать ихъ учить ... Я хочу, чтобы все было, какъ слѣдуетъ школѣ ... Вотъ и твой учитель, если что скажетъ, что нужно, — я все выпишу, ничего не пожалѣю ... И знаешь, ужъ мы вчера — и я, и Алена Николавна — успѣли переговорить кое съ кѣмъ изъ рабочихъ и мужиковъ на-счетъ училища ... Они очень рады: добре бы, говорятъ, обучилъ нашихъ робятъ грамотѣ, — на что бы лучше! ... Стали бы, говорятъ, вѣкъ поминать да благодарить! ... Такъ что это дѣло у насъ, значитъ, пойдетъ ... Я очень радъ и доволенъ! ... Только вотъ на-счетъ того, что можно большимъ выучиться, учась только по праздникамъ, — этому не вѣрятъ, смѣются ... Ну, да увидятъ — повѣрятъ, только бы начать да въ школу заманить ... Черезъ недѣльку, думаю, откроемъ ... Вотъ какъ, Ѳедоръ! ..

— Ну, это все хорошо, — сказалъ Ѳедя. — А я къ вамъ для начала двухъ учениковъ привезъ, — ученика и ученицу ...

— Какъ такъ? ...

— Такъ ... Я не открывался еще вамъ, Александръ Кузьмичъ, а вѣдь у меня невѣста есть: только я жениться буду на ней, вотъ когда мнѣ мѣсто у васъ на фабрикѣ или гдѣ повыгоднѣе выйдетъ ... потому — она дѣвушка бѣдная, да и у меня-то мало, такъ мы такъ и порѣшили ... Вотъ ее-то я и привезъ, вмѣстѣ съ ея братомъ, мальчикомъ, сюда, чтобы на фабрику ихъ, въ работу, помѣстить ... Братишка-то ужъ въ школѣ былъ у Василья Якимыча и почитываетъ ... Вотъ онъ и здѣсь будетъ въ училище ходить ... А невѣста-то моя въ воскресную школу: она еще ничего не знаетъ ... Вотъ пускай Алена Николавна съ нея и начнетъ ... Я попрошу ...

— Да и просить нечего, — она сама радёхонька будетъ ... Она теперь только о томъ и заботится, чтобы въ воскресную школу ходили ... Такъ вотъ ты какъ, Чернушкинъ, — у тебя ужъ и невѣста есть! Что же, хорошенькая? ...

— А вотъ увидите! ... По мнѣ, на свѣтѣ-то, кажется, нѣтъ лучше ея ...

— Очень любишь?

— Гм ... Не то — люблю, а, кажется, голову, душу-то самую за нее отдамъ! ... Ото всего откажусь, на край свѣта изъ-за нея пойду ...

— Что же, тебѣ отецъ этакую выбралъ? ...

— Нѣтъ, самъ я ...

— Экой ты счастливецъ какой! ... Вотъ бы мнѣ этакую найти, полюбить бы этакъ да тятенька бы жениться позволилъ ... А у насъ и не думай

самъ выбирать, а дожидайся, когда тятенька найдетъ да жениться прикажетъ ...

— А вотъ что, Александръ Кузьмичъ, вы мнѣ посовѣтуйте, какъ имъ половчѣе сдѣлать, — къ кому идти, чтобы ихъ на фабрику-то не отказали, приняли, да и жалованьемъ не очень бы обидѣли ... Они хоть ничего еще не знаютъ оба, да вѣдь скоро научатся, а будутъ работать, стараться станутъ.

— А это нужно къ Петру Архипову, къ главному приказчику: ему поручено рабочихъ-то рядовыхъ нанимать ... Извѣстно, онъ скажется Дмитрію Тимофеичу, только тотъ никогда не отмѣнитъ, кого онъ наймете ... А ехиденъ же, прижимистъ и тотъ, особливо теперь, у насъ народа на фабрикѣ достаточно, а все идутъ — просятся ... Да новые же, ничего не знаютъ, не умѣютъ: прижметъ цѣной непремѣнно! ... Еще, пожалуй, и вовсе не возьметъ! ... Народа-то очень много просится ... Вотъ что! ...

Ѳедя встревожился.

— Какъ же быть-то, Александръ Кузьмичъ? ... Я-было на васъ надѣялся: я вѣдь всю семью вовсе сюда перевезъ, и мать съ ними пріѣхала ... Теперь, если ихъ не примутъ, не знаю, какъ и быть ... Нельзя ли какъ? ... Помогите ... Васъ все-таки, чай, послушаетъ ...

— Да, правда, онъ ко мнѣ подбивается, лебезитъ, въ глаза смотритъ: думаетъ, видно, себѣ, что долго ли, коротко ли, а буду же настоящимъ хозяиномъ ... Пожалуй, я ему скажу, только не знаю, какъ это сдѣлать ...

— Не оставь, родной, сердечный Александръ Кузьмичъ ... Вонъ, онѣ идутъ ко мнѣ всѣ ... и съ матерью ... Я велѣлъ придти сюда ...

Ѳедя указалъ рукою въ окно, мимо котораго прошла Дарья Тихоновна съ дѣтьми.

Александръ Кузьмичъ съ любопытствомъ заглянулъ въ окно, но не успѣлъ разсмотрѣть проходящихъ.

— Сказать-то я скажу ему, — успокоивалъ онъ Ѳедю. — Надо такъ сдѣлать: пускай онѣ идутъ къ нему, а я точно не нарочно ...

Въ это время въ мастерскую отворилась дверь, и на порогѣ, вслѣдъ за Николкой, показалась Параня. Александръ Кузьмичъ не кончилъ своей рѣчи и весь вспыхнулъ: красота Парани сразу поразила его. Ѳедя не замѣтилъ этого впечатлѣнія, потому что шелъ на-встрѣчу пришедшимъ и самъ пристально смотрѣлъ на Параню. Ему не понравилось, что и она, и мать вырядились совсѣмъ по-праздничному, — чуть ли не въ лучшія свои платья.

— Это вотъ хозяйскій сынъ, Александръ Кузьмичъ, — предупредилъ онъ вошедшихъ.

Ѳедя замѣтилъ, какъ Дарья Тихоновна и Параня встрепенулись при его словахъ, — съ какимъ жаднымъ любопытствомъ устремили глаза на Александра Кузьмича. Лицо Дарьи Тихоновны приняло вдругъ подобострастное выраженіе, — Паранино, напротивъ, оживилось лукавой улыбкой, а глаза заискрились изъ-подъ полуопущенныхъ стыдливо рѣсницъ. Ѳедя съ безсознательной болью въ сердцѣ вспомнилъ ту Параню, которую онъ видѣлъ въ началѣ знакомства, въ хороводѣ, на деревенскомъ праздникѣ. Обѣ — и мать, и дочь — степенно и почтительно поклонились Александру Кузьмичу и остановились неподвижно у дверей. Дарья Тихоновна смотрѣла на хозяйскаго сына съ улыбкой умиленія, — Параня не поднимала глазъ и, казалось, стыдливо глядѣла въ землю, но

она видѣла и подробно разсматривала Александра Кузьмича. Послѣдній былъ сильно смущенъ и не зналъ, какъ держать себя.

— Не оставьте вы насъ, сиротъ, своими милостями, — проговорила Дарья Тихоновна медовымъ голосомъ, — и, какъ показалось Ѳедѣ, совсѣмъ не кстати.

— Я ужъ просилъ объ васъ Александра Кузьмича, — замѣтилъ онъ. — Народа, говоритъ, очень много просится на фабрику: многимъ отказываютъ,— не берутъ ...

— Ужъ моихъ-то, батюшка, Александръ Кузьмичъ, прикажите принять ... Вотъ дочка моя, Параня, а это — сынокъ ... Ихъ-то только примите ... А я-то ужъ стара, — я и не прошуся ... Будьте отецъ родной! ... Какъ Богъ, такъ и вы! — заговорила опять Дарья Тихоновна. Обнадежилъ онъ насъ, Ѳедоръ Герасимычъ: всѣмъ домомъ поднялась, пріѣхала ... Не оставьте! ... Будемъ для васъ стараться! ...

— Да я вѣдь не ... не распоряжаюсь, — вѣдь я ... — смущенно отвѣчалъ Александръ Кузьмичъ, стараясь не смотрѣть на Параню и невольно взглядывая на нее. — Батюшка еще тутъ и зять ... Да вѣдь это ... главному приказчику препоручено: рабочихъ наймовать ... Петръ Архиповъ ... Вы къ нему ...

— Да коли вы прикажете, хозяйскій сынокъ, такъ развѣ они могутъ ослушаться васъ? ...

— Да я ... я скажу ему ... Вы теперь ступайте къ нему ... Спросите тамъ на фабрикѣ: главный приказчикъ, Петръ Архиповъ ... Что онъ вамъ скажетъ? ... А вы не уходите, постойте тамъ: я сейчасъ же приду, слѣдомъ за вами ...

— Очень вамъ благодарны, батюшка Александръ Кузьмичъ ... Ужъ не оставьте насъ, сиротъ, а мы это должны понимать и чувствовать всѣ ваши милости, что не оставляете сиротъ, не гнушаетесь, при всемъ вашемъ великомъ богатствѣ ... Вотъ доченька-то моя больше всего меня сокрушаетъ, Паранюшка ... Ее-то бы какъ-нибудь хотѣлось пристроить къ хорошенькому дѣльцу, чтобы не больно тяжело, да и жалованьицемъ-то не обидѣли ... Дѣвочка она молодая, — нигдѣ не бывала, ничего не знаетъ, у матери подъ крылышкомъ жила, а здѣсь, вижу, людно, народъ бойкій, смѣлый, — не обидѣли бы какъ ... Вотъ о чемъ больше хлопочу! ... Ну, сынишка — этотъ какъ-нибудь: ему все равно, да онъ и шустрый ... Ему только посмотрѣть да примѣниться, — онъ все пойметъ, все сдѣлаетъ ... Ну, а и побьютъ, такъ ничего: не во зло прибьютъ, а ему же въ науку! ... А вотъ дочку-то ужъ не оставьте, батюшка, господинъ хозяинъ ... чтобы не обидѣли-то ее какъ, не огорчили бы огорченьемъ какимъ, не суноснымъ ... Я вотъ какъ вашу милость прошу: матери не стыдно, — я въ ножки поклонюся ... Не оставьте вы мою доченьку, Александра Кузьмичъ! ...

И Дарья Тихоновна, прежде чѣмъ ее успѣли остановить, дѣйствительно, бросилась въ ноги молодому человѣку. Кошатниковъ совсѣмъ смѣшался и, бормоча какія-то несвязныя рѣчи, старался поднять Дарью Тихоновну. Ѳедя, какъ говорится, былъ самъ не свой: его коробило отъ униженныхъ рѣчей Дарьи Тихоновны, — онъ сердился, волновался и не зналъ, какъ бы остановить ее, а при послѣдней неожиданной выходкѣ ея его бросило въ жаръ, ему стало и стыдно, и обидно, — и за себя, и за Параню; и вдругъ какой-то страхъ, какое-то невольное рев-

нивое чувство къ Александру Кузьмичу заговорило въ его душѣ; онъ быстро взглянулъ на Параню: та стояла опустя глаза, — лицо ея горѣло, она была тоже, очевидно, смущена и пристыжена назойливыми просьбами и земнымъ поклономъ матери. Смущеніе Парани нѣсколько успокоило Ѳедю за нее, но усилило его негодованіе противъ матери, — и въ то же время онъ почувствовалъ безпричинное недоброжелательное чувство къ Александру Кузьмичу. „Все оттого, что богатъ, — оттого и поклоны эти, и униженіе!“ ... мелькнуло у него въ головѣ.

— Встань ... Напрасно ... Зачѣмъ это? ... Встаньте! ... что это! ... Я и такъ все сдѣлаю ... постараюсь ... все сдѣлаю, что возможно, — говорилъ между тѣмъ Александръ Кузьмичъ, обращаясь къ Дарьѣ Тихоновнѣ и невольно поглядывая на Параню.

— Ахъ, вы, батюшка мой, красавецъ, благодѣтель! ... Оченно вами благодарна, оченно благодарна! — говорила Дарья Тихоновна, поднимаясь на ноги и вытирая слезившіеся глаза. — За сиротъ и васъ Господь не оставитъ, невидимо наградитъ ... Я ужъ и считать буду, что вотъ заступа крѣпкая за мою Параню ... Какъ что, такъ и къ вамъ ... А такъ теперь на фабрику приказываете намъ идти? ...

— Да, да, на фабрику ступайте ... къ Петру Архипову. Онъ тамъ теперь ...

— Слушаю-съ ... Только какъ бы намъ пройти-то туда? ... Впервые мы здѣсь: ничего не знаемъ, куда и идти-то ... У васъ ужъ очень много всего понастроено: кажется, и заплутаешься ... Развѣ не можно ли тебѣ, Ѳедоръ Герасимычъ, проводить насъ, дорогу-то указать? ...

— Нѣтъ, ему нельзя, — отвѣчалъ за Ѳедю Але-

ксандръ Кузьмичъ,—того смотри придетъ директоръ, а его нѣтъ за работой ... Непріятность можетъ выдти ... Да я вотъ сейчасъ иду на фабрику, такъ вы идите за мной ... А подойдемъ — я покажу ...

— Ну, это ужъ на что лучше, коли милость ваша будетъ ... коли не затруднительно вамъ, не гнусно съ нами идти ... Да вы извольте идти, а мы издальки за вами, только бы изъ глазъ не выпустить ... Близко-то не подойдемъ, тоже понимаемъ, чувствуемъ сами себя ... Экой батюшка милостивый! ... Экой ангелъ! ... Счастливы твои родители, что этакого сынка выростили! ...

Послѣднія слова Дарья Тихоновна произносила, вполголоса, какъ бы про себя, но такъ, что ихъ слышалъ Александръ Кузьмичъ. Онъ торопливо уходилъ изъ мастерской, ни слова не сказавши Ѳедѣ, даже какъ будто стараясь не встрѣтиться съ нимъ глазами. Вслѣдъ за нимъ вышли и всѣ остальные, не сказавъ Ѳедѣ ни слова, точно забыли даже объ его существованіи.

„А вѣдь онъ оттого такъ захлопоталъ, что Параня очень красива!“ — ревниво подумалъ Ѳедя, оставшись одинъ, и сердце его болѣзненно сжалось. „Зачѣмъ я? ... Лучше бы ихъ не возить сюда вовсе ... Да неужто же, Господи? ... Нѣтъ вѣдь это мать только ... Параня ничего ... Она и слова не сказала и не взглянула на него ... И Александръ Кузьмичъ ... Хоть извѣстно — балованный, богатый ... Да нѣтъ, онъ не изъ такихъ! ... Вѣдь я же самъ просилъ его за нихъ: можетъ, онъ просто оттого, что невѣста моя ... Для меня же!“

Но какъ ни старался Ѳедя успокоить себя, сердце у него ныло, и работа валилась изъ рукъ. Онъ то и дѣло безпокойно поглядывалъ въ окно, ожидая, что

кто-нибудь, хоть Николка, прибѣжитъ сказать о результатахъ переговоровъ съ Петромъ Архипычемъ.

Между тѣмъ Александръ Кузьмичъ, идя на нѣсколько шаговъ впереди Дарьи Тихоновны и ея дѣтей, безпрестанно оглядывался назадъ какъ-бы для того, чтобы убѣдиться, что они не отстали, но въ дѣйствительности желая взглянуть на Параню, и каждый разъ глаза его встрѣчались съ глазами Парани, и каждый разъ онъ быстро отворачивался, чувствуя, какъ кровь бросалась ему въ лицо. Параня своимъ женскимъ чутьемъ сразу отгадала, какое впечатлѣніе произвела на молодого и богатаго купчика; это льстило ея самолюбію, и, въ отсутствіи жениха, она не считала нужнымъ накидывать на себя стыдливость и застѣнчивость. Она смѣло ловила взгляды Кошатникова и встрѣчала ихъ съ лукавой, довольной улыбкой.

У одного изъ входовъ на фабрику Александръ Кузьмичъ остановился, подозвалъ къ себѣ спутниковъ, велѣлъ имъ тутъ стоять и ждать, а самъ отправился въ отдѣленіе, куда сносился изготовленный и срѣзанный со становъ товаръ и гдѣ царствовалъ обыкновенно Петръ Архипычъ. Онъ засталъ его на мѣстѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ за шестьдесятъ, высокій, худой, юркій и подвижный не по годамъ, съ серебряными кудрями, съ тощей сѣдой бородкой и съ рысьимъ взглядомъ изъ-подъ черныхъ еще бровей, въ длинномъ до пятъ сюртукѣ, въ застегнутомъ наглухо жилетѣ, поверхъ котораго лежала широкая бисерная цѣпочка часовъ. Петръ Архипычъ пользовался большимъ довѣріемъ Кузьмы Иваныча и былъ переведенъ на новую фабрику въ качествѣ главнаго приказчика по просьбѣ самого Дмитрія Тимофеича. Послѣдній лучше самого Кузьмы Иваныча понималъ ха-

рактеръ своего вѣрнаго слуги и зналъ, что онъ отлично съ нимъ уживется, что Петръ Архипычъ сумѣетъ примѣниться ко всякому положенію и лучше всякаго другого пойметъ, какъ ему нужно будетъ держать себя для своей личной пользы и для пользы своихъ довѣрителей. Съ другой стороны, такой выборъ долженъ былъ бы успокоить и Кузьму Иваныча въ томъ отношеніи, что зять не боится окружать себя людьми, преданными и близкими главному хозяину. Согласившись съ удовольствіемъ на такое назначеніе, и руководясь своимъ принципомъ взаимнаго и перекрестнаго надзора, Кузьма Иванычъ поручилъ въ тихомолку Петру Архипову наблюдать за всѣмъ на фабрикѣ и въ конторѣ и обо всемъ подробно и секретно доносить; здѣсь разумѣлся главнымъ образомъ надзоръ за зятемъ, хотя имя его и не было прямо названо. Петръ Архипычъ отлично понялъ своего хозяина и доносилъ обо всемъ очень аккуратно, но никогда не былъ виновникомъ ни малѣйшаго неудовольствія между тестемъ и зятемъ, потому что понималъ о чемъ можно и слѣдуетъ говорить и о чемъ выгоднѣе молчать. Вслѣдствіе этого онъ жилъ въ большомъ ладу съ Дмитріемъ Тимофеичемъ и не терялъ кредита у стараго хозяина. Онъ зналъ и намѣреніе Кузьмы Иваныча передать фабрику въ распоряженіе Александра Кузьмича въ скоромъ времени послѣ его женитьбы, зналъ, что старикъ-хозяинъ занятъ и пріискиваніемъ подходящей невѣсты, а потому старался всячески сохранить за собою и благорасположеніе будущаго владѣльца фабрики.

Съ выраженіемъ преданности и готовности встрѣтилъ онъ Александра Кузьмича, который разыгрывалъ роль человѣка, пришедшаго безъ всякой задней

мысли и разговаривалъ съ приказчикомъ нѣсколько времени о дѣлахъ фабричныхъ, разсматривалъ товаръ, спрашивалъ о ходѣ работъ и какъ-бы мимоходомъ коснулся общаго количества рабочихъ, требованія на нихъ и предложенія услугъ. Оказалось, что рабочихъ вдоволь и что прибавлять придется развѣ только по времени, ближе къ ярмаркѣ, и то, если требованіе на товаръ поднимется. Разговаривая такимъ образомъ, Александръ Кузьмичъ вышелъ съ провожавшимъ его приказчикомъ на лѣстницу и тутъ только промолвилъ:

— Ахъ, да, какъ я шелъ сюда, такъ видѣлъ тутъ у крыльца; ждали тебя женщины да мальчикъ, на фабрику просятся, — сказалъ Александръ Кузьмичъ.

— Ну, ихъ съ Богомъ ... Не надо ихъ! ... Довольно! ... Слѣдовало бы, по настоящему, и старымъ цѣны сбавить, потому народа очень много просится ... Вотъ хочу Дмитрію Тимофеичу предложеніе это сдѣлать ...

— Ну, вотъ, Архипычъ, еще сбавлять; кажется, ужъ и безъ того небольшія жалованья ... много меньше, чѣмъ на той фабрикѣ ...

— Такъ вѣдь какъ же ... Александръ Кузьмичъ? ... Что вы, батюшка! ... То и давай Богъ, чтобы какъ подешевле, то и для хозяина пріятнѣе ... Какъ же можно! ... На той фабрикѣ ужъ по неволѣ дороже платимъ, потому народъ все школеный, набалованный ... Фабрикъ кругомъ много, цѣны знаютъ, мѣстовъ много: не тутъ, такъ тамъ ... А здѣсь, помилуйте! ... Здѣсь что? Одна наша фабрика на тридцать верстъ кругомъ, и отъ народа отбою нѣтъ, — только, батюшка, возьми Христа-ради! ... Здѣсь какъ возможно платить противъ тѣхъ

мѣстъ? Никакого разсчета нѣтъ ... Я такъ полагаю: 20 процентовъ можно цѣны сбавить — и то народу завсегда достаточно будетъ ... потому въ работѣ нуждаются ... Окромя взять не съ чего ...

— Вонъ онѣ стоятъ; поговори да прими ихъ, — сказалъ Александръ Кузьмичъ, выходя на крыльцо и указывая на Дарью Тихоновну съ дѣтьми. — Бѣдныя, должно быть, прими, пожалуйста ... Я тебя прошу ... И въ цѣнѣ не обижай ...

Петръ Архипычъ, успѣвшій разсмотрѣть Параню, быстро и проницательно взглянулъ на Александра Кузьмича, который отъ этого взгляда смѣшался.

— Да коли хозяинъ приказываетъ, такъ наше дѣло ... что же? ... Слушаться нужно, — проговорилъ приказчикъ.

— Нѣтъ, я не то, что ... А такъ что жалко: бѣдныя ... просятся ... издалека пріѣхали!

— Издалека пріѣхали? — повторилъ Петръ Архипычъ и опять быстро, вскользь взглянулъ на молодого человѣка.

— Эй, вы, подойдите-ка сюда поближе! ...

Дарья Тихоновна съ дѣтьми подошла.

— Откуда будете?

— Изъ Онучина ... деревни Онучина ...

— Не близко ...

— Далеко, батюшка ... Нарокомъ пріѣхали ... Всѣмъ домомъ переправилась сюда ... Вотъ бы дочку да сынка на фабрику бы не будетъ ли милости, — заговорила Дарья Тихоновна, но приказчикъ перебилъ ее:

— Дочка твоя? ...

— Дочка, сударь .. Сироты мы ... Вдова я ... Безъ земли живемъ, сиротами ...

— Красавица у тебя, дочка, красавица! ...

— Ну, батюшка ... Покорно васъ благодарю, что похвалили ... А мнѣ свое дѣтище ни хаять, ни хвалить не приходится ...

— Такъ на фабрику желательны? ...

— Да ужъ не оставьте ... Вотъ и васъ просимъ ... и молодому хозяину кланялись ...

— А прежде живали ли на фабрикахъ-то? ...

— Нѣту, сударь, не приваживалось ... Впервой! ...

— Гм ... Такъ, значитъ, ничего не знаютъ ни дочка, ни сынишка ... Учить ихъ, стало,надо будетъ ...

— Будутъ стараться ... Поймутъ скоро ... Заслужатъ вашей милости; на томъ надѣюсь ...

— Это хозяину надо заслуживать — не мнѣ ... Я самъ вѣрный рабъ ... По мнѣ бы, такъ вамъ ни мѣста, ни работы нѣтъ, да вотъ хозяинъ приказываетъ, Александра Кузьмичъ, такъ долженъ слушаться; надо васъ какъ-нибудь пристроить ...

— Покорно благодарю, батюшка Александра Кузьмичъ, — проговорила Дарья Тихоновна.

— Только вотъ что, дѣвушка красная ... Какъ тебя звать-то?

— Параня.

— Паранюшка ... Тяжеленько тебѣ съ непривычки, на фабрикѣ-то покажется ... А ты вонъ какая: бѣлая, румяная ... Изведешься, пожалуй ... А тебѣ бы вотъ въ услуженье лучше идти, въ домъ ... Я вонъ слыхалъ, Александра Кузьмичъ, сестрица ваша, Лизавета Кузьминишна, въ прислугѣ горничной нуждаются ... Вотъ бы! ... На что лучше? ... И руки у нея, смотри-ка, какія бѣлыя, и изъ себя красавица ... Право! ... А на фабрикѣ что? ... На фабрикѣ ты не думай, дѣвица, хорошаго мало получишь! ... Ну, пускай, по приказу Александра Кузьмича, жа-

лованье тебѣ побольше противъ людей положимъ: надо бы тебѣ рубля четыре на мѣсяцъ положить, какъ ты, по новости, ничего еще не знаешь ... Болѣше нельзя бы ... Ну, да коли хозяева приказываютъ, можно и пять, и шесть положить ... А вѣдь ужъ больше-то теперь никакъ нельзя, развѣ что по времени прибавятъ, когда понаучишься ... Такъ вѣдь харчи свои, квартиру нанимай да во всякую погоду и днемъ, и ночью, иди ужъ, плетись на свою смѣну ... Да шесть-то часовъ отстой-ка на ногахъ около станка ... Не понравится! ... А тамъ, въ горничныхъ-то, пускай хоть жалованье и не большое — рубля на три, да зато ты завсегда въ теплѣ, въ чистотѣ, ѣшь — пей сладко, работа легкая и спи въ свое время,—вся ночь твоя ... А главная причина, коли хозяевамъ угодишь, такъ у нашихъ купцовъ, не какъ въ господскихъ домахъ, услугу человѣка видятъ и цѣнятъ, награждаютъ всячески: и обуютъ, и одѣнутъ, своей копѣечки не изведешь! ... Вотъ я бы совѣтовалъ проситься въ домъ; это за счастье даже великое нужно почитать, и почитаютъ, — къ купцамъ-то въ услуженіе попасть ... Желаешь ли?

Петръ Архипычъ, по своимъ, быстро мелькнувшимъ въ его головѣ, соображеніямъ, надѣялся угодить Александру Кузьмичу такимъ предложеніемъ и, наблюдая незамѣтно за его лицомъ во время своихъ словъ, убѣдился, что не ошибся. Александръ Кузьмичъ, дѣйствительно, обрадовался при первой мысли, что эта красавица будетъ жить у нихъ въ домѣ горничною, ежеминутно у него на глазахъ; онъ забылъ въ эту минуту даже и о томъ, что Параня — невѣста Ѳеди. Онъ смотрѣлъ на нее и, съ замираніемъ сердца, ожидалъ, что отвѣтитъ Параня на до-

воды и вопросъ Петра Архипыча; онъ чувствовалъ, что безмѣрно бы обрадовался, еслибъ Параня изъявила согласіе. Но Параня молчала.

— Что же молчишь? ... Говорю тебѣ: иныя прочія за великое бы счастье почитали ... Али не желаешь? — повторилъ свой вопросъ Петръ Архипычъ.

— Да вѣдь не знаю какъ сказать-то? — отвѣчала Параня. — Маленькой я въ услуженіи-то жила у барыни; все позабыла ужъ ... Пожалуй, не услужишь, не угодишь ...

— Тамъ тебѣ будетъ хорошо, — проговорилъ неровнымъ голосомъ Александръ Кузьмичъ.—Сестра у меня добрая ... Тамъ, правда, что тебѣ лучше будетъ и покойнѣе, нечѣмъ на фабрикѣ ...

Александръ Кузьмичъ раскраснѣлся, обращаясь къ Паранѣ. Она взглянула на него мелькомъ, исподлобья и едва замѣтно, лукаво улыбнулась, но тотчасъ же опустила глаза и приняла серьезный видъ.

— Опять же я не сама по себѣ ... Съ маменькой живу; не знаю, какъ скажетъ — уклончиво отвѣчала Параня.

— Ну, ужъ въ этомъ дѣлѣ, какъ хочешь, — отозвалась Дарья Тихоновна, — сама не маленькая, сама про себя разсудить можешь ... Извѣстно, коли вонъ и самъ господинъ хозяинъ обнадеживаютъ, что хорошо тебѣ будетъ у нихъ жить, значитъ всякую тебѣ милость окажутъ ... А по тебѣ и насъ, сиротъ, не оставятъ ... Какъ сама знаешь. Мое дѣло наставленье всякое сдѣлать, какъ жить по хорошему, а въ счастьѣ твоемъ я мѣшать не намѣрена, коли Господь тебѣ это мѣстечко на счастье посылаетъ ... Какъ тебѣ лучше, такъ и дѣлай, такой и отвѣтъ давай! ... Извѣстно, что, можетъ быть, одежки у нея

нѣтъ такой, чтобы въ горницахъ служить, потому въ деревнѣ мы живемъ, по-деревенски и одѣваемся ...

— Да это пустяки! — возразилъ Александръ Кузьмичъ съ увлеченіемъ, — Сестра ее одѣнетъ, надаетъ платьевъ, у нея много ...

— Ну, вотъ слышишь, Параня ... что изволятъ говорить ... Прямо сказать, что милостивцы: видно по всему, — говорила Дарья Тихоновна, въ которой предложеніе Петра Архипыча возбудило разныя пріятныя надежды.

— Но Параня вдругъ наклонилась къ уху матери и, закрываясь рукою отъ окружающихъ, шепнула ей:

— Надо бы Ѳедѣ перво сказать ... Ровно какъ нехорошо, не переговоривши-то съ нимъ ...

Эти слова дочери не понравились Дарьѣ Тихоновнѣ, но, не обнаруживая своего неудовольствія, она сказала вслухъ, обращаясь преимущественно къ Александру Кузьмичу:

— Робѣетъ, сумнѣвается, услужитъ-ли ... Проситъ времечко подумать, переговорить ...

— Да не то подумать, — замѣтилъ Петръ Архипычъ, — а еще надо сначала узнать, возьметъ-ли Лизавета-то Кузьминишна ... Вѣдь это я такъ только, къ слову, а вѣдь еще Богъ знаетъ: можетъ имъ и не нужно, а можетъ — и не понравится ... Али что ... Вѣдь это какъ за нихъ сказать можно! ... А вы-то промежъ себя подумать да переговорить ... Э-э! ... Еще какъ успѣете ... Вашей-то братьи сколько угодно ... Я говорю: за счастіе почитаютъ ... да тамъ-то берутъ съ выборомъ ... Вотъ что! ...

— Такъ развѣ я, сударь, не понимаю? — оправдывалась Дарья Тихоновна. — Я все это довольно понимаю и чувствую, а она-то вотъ, по мо-

лодому своему разсудку, и робѣетъ ... ничего не знаетъ вѣдь еще — не видала ... А то какъ намъ не желать? Я обѣими руками благословлю, только-бы услужить умѣла ..

— Вы пока меня на фабрику-то примите, — бойко сказала съ своей стороны Параня, — а тамъ видно будетъ ...

— Ну, нѣтъ, она у тебя не робкаго десятка дѣвка, я вижу, — замѣтилъ Петръ Архипычъ. — Такъ тебя и будетъ Лизавета-то Кузьминишна дожидаться! Теперь есть мѣсто, а завтра, можетъ, и займутъ ... Ну, да ладно. Ступайте въ контору, дожидайтесь тамъ меня ... Запишу васъ тамъ, а съ завтрева и на работу поставлю ... Вонъ ступайте въ ту сторону, спросите тамъ, гдѣ молъ, контора ... Покажутъ! ...

Когда онѣ отошли, Петръ Архипычъ съ улыбкой обратился къ Александру Кузьмичу, провожавшему глазами Параню.

— Гдѣ этакую разыскали? ... Дѣвка на первый сортъ! ... Вишь ты нашъ, Александръ Кузьмичъ, ловкачъ какой! ... Сколько жалованья-то положить прикажете? ... Больно-то много сразу нельзя; въ глаза бросится ...

— Да хоть шесть-то рублей ... Я вѣдь сейчасъ только ихъ увидѣлъ ... Совсѣмъ и не зналъ прежде ... Право, не зналъ ... Ты не подумай чего ...

Въ эту минуту Александръ Кузьмичъ вспомнилъ, что Параня — невѣста Ѳеди, и ему стало вдругъ почему-то совѣстно передъ самимъ собой при намекахъ Петра Архипыча.

— Ты, пожалуйста, ничего не думай такого ... Я ихъ совсѣмъ не знаю! — повторилъ онъ. — Просто изъ жалости одной ...

— Да слышу, слышу ... Слушаю-съ, — отвѣчалъ приказчикъ. А все бы лучше, — такъ я самъ про себя полагаю, — въ домъ ее какъ-нибудь пристроить, нечѣмъ на фабрику, для жалости-то собственно ... Потому народъ-то здѣсь обожженый, ребята-то фабричные, а она вонъ какая ... Отбою ей не будетъ отъ нихъ ...

— Она при матери жить будетъ ... Да и женихъ у нея здѣсь есть, — проговорилъ Александръ Кузьмичъ.

— Женихъ! — протянулъ Петръ Архипычъ.— Женихъ есть ... Ну, то дѣло десятое ... Да и для жениха-то бы согласнѣе ее отъ фабрики-то подальше ... Ну, да ихъ дѣло — и то сказать ... А коли что и впередъ нужно будетъ, Александръ Кузьмичъ, такъ только дохните, батюшка ... Съ душевной радостью! ... Слуга вашъ по гробъ жизни! ... Пойду я теперь, Александръ Кузьмичъ ... Чай, штукъ нанесли ... Не нуженъ я вамъ больше? ...

— Нѣтъ, нѣтъ ... Я самъ иду сейчасъ, — разсѣянно отвѣчалъ Александръ Кузьмичъ, уходя.

Петръ Архипычъ улыбнулся за его спиною.

„Ахъ, ты молодо-зелено!“ — подумалъ онъ. „Увидѣлъ дѣвку-то и растаялъ ... Тоже притвориться хочется, а не умѣетъ ... И захотѣлъ меня провести! ... А далъ бы Кузьма Иванычъ за этотъ предметъ дорого! ... Любитъ, грѣховникъ!“ ...

IV.

Въ то время, какъ Дарья Тихоновна съ дѣтьми стояла въ конторѣ среди небольшой толпы рабочихъ, окружавшей Петра Архипыча, сообщавшаго писарю, что нужно было записать, а тотъ вносилъ въ книгу, въ контору вошелъ Кузьма Иванычъ

Кто-то въ толпѣ вполголоса сказалъ: „самъ!“ Произошло общее движеніе, толпа зашевелилась и повернулась лицомъ къ хозяину, писаря повскакали со своихъ мѣстъ, даже Петръ Архипычъ подобострастно вытянулся — и всѣ, кто тутъ ни былъ, низко поклонились. Увлекаясь общимъ примѣромъ, поклонилась и Дарья Тихонова, и Параня. Кузьма Иванычъ, проходя мимо и едва отвѣчая на поклоны, безучастно смотрѣлъ на толпу, но, замѣтивъ Параню, остановилъ на ней пристальный взглядъ и какъ будто даже замедлилъ шаги.

Усѣвшись за большой столъ, стоявшій поперекъ конторы, онъ мотнулъ головой своявшимъ на вытяжку, въ ожиданіи его приказаній, писцамъ.

— Пиши, пиши, — проговорилъ онъ повелительно.

Писцы усѣлись. Толпа повернулась лицомъ къ книгѣ, въ которую вписывалось что-то о ней, невѣдомое для нея. Дарья Тихоновна, показывая головою въ сторону Кузьмы Иваныча, шопотомъ спросила своего сосѣда:

— Кто это будетъ? ...

— Вотъ, не знаетъ!.. Самъ, Кузьма Иванычъ ...

У Дарьи Тихоновны замерло даже сердце при мысли, что она въ двухъ шагахъ отъ такого могущества и что она, по невѣдѣнію своему, не поклонилась, кажется, ему такъ низко, какъ бы слѣдовало. Робко, осторожно, полуоборотила она голову, чтобы украдкою взглянуть на знаменитаго милліонщика. То же самое сдѣлала и Параня, слышавшая вопросъ матери и полученный ею отвѣтъ; и обѣ онѣ вмѣстѣ замѣтили, что Кузьма Иванычъ, сидя на своемъ мѣстѣ, пристально смотрѣлъ именно на нихъ. Обѣ онѣ быстро отворотились, обѣ потупились.

Въ эту минуту Петръ Архипычъ вполголоса, изъ уваженія къ присутствію хозяина, подозвалъ ихъ подойти поближе къ конторкѣ.

— Ну, сказывайтесь же: какъ зовутъ, — говорилъ онъ.

— Меня ... — заговорила-было Дарья Тихоновна.

— Не тебя, ты не поступаешь вѣдь, а дочку и сынишка ... Запишутъ да книжки имъ выдадутъ. У насъ книжки заведены ...

— Дочку ... Параней ... Парасковьей, а сынишка — Николай ...

— Какъ по отчеству, изъ какой деревни, какой волости, сказывай! — замѣтилъ писецъ.

— Архипычъ! — вскрикнулъ хозяинъ.

Приказчикъ встрепенулся и подбѣжалъ къ нему. Толпа повернула голову вслѣдъ за нимъ; оборотилась-было и Дарья Тихоновна, но писецъ хотя тихо, но строго велѣлъ ей скорѣе отвѣчать на вопросъ. Зато Параня могла свободно и вволю разсматривать своего будущаго главнаго хозяина, родителя Александра Кузьмича. И она услышала такой разговоръ между Кузьмой Иванычемъ и его приказчикомъ.

— Что за бабы? — спросилъ хозяинъ.

— На фабрику просятся: вонъ та дѣвка съ братомъ мальчишкой ... А та будетъ имъ мать ... Мать такъ только пришла; она не поступаетъ ...

— Что же, берешь? ...

— Думаю взять ... Пускай ихъ ... Али не прикажете? ...

— Откуда онѣ, изъ какой деревни? ...

— Да онѣ дальнія, не здѣшнія ... Мать-то вдова, совсѣмъ сюда переѣхала, здѣсь жить будутъ, коли возьмемъ ... Просятся очень ...

— Бывали на фабрикахъ-то али нѣтъ? ...

– Нѣтъ, вновѣ ... Я было не хотѣлъ брать, да Александръ Кузьмичъ очень просили ... — Послѣднія слова Петръ Архиповъ проговорилъ шопотомъ, и Параня ихъ не разслушала. Съ первыхъ же словъ хозяина, когда она поняла, что разговоръ касается ея, Параня потупилась, не поднимала глазъ, но слушала очень внимательно.

— Кто? — переспросилъ Кузьма Иванычъ.

— Александра Кузьмичъ, — повторилъ также тихо Архипычъ.

— А ему что?

— Значитъ, антиресуются ... Очень просили. Сироты, говорятъ, бѣдность большая ... Я было-докладывалъ, что надобности въ народѣ у насъ не имѣется,--съ излишкомъ даже ... Опять же и вновѣ, неопытны ... Нѣтъ, говорятъ, пожалуйста, прими,— стараться будутъ! ... Слушаю, говорю, приму ... А то какъ прикажете ...

— Ишь ты, Сашка! ... Женить пора! — проговорилъ про себя Кузьма Иванычъ. — А не знаешь, давно онъ съ ними знается? — спросилъ онъ вполголоса, такъ что Параня опять не слыхала.

— Говорятъ, будто сегодня только встрѣтили .. Женихъ будто бы есть у нея.

— Послѣди ...

— Слушаю ... Такъ принять? ...

— Ну, вотъ еще! ... Само собой! ... А красавица, волкъ ее зарѣжь! ... Ты послѣди ...

— Слушаю-съ ...

Глаза Петра Архипыча впивались въ лицо хозяина и, казалось, читали въ его душѣ.

— Я было-совѣтовалъ лучше въ горничныя къ Елизаветѣ Кузьминишнѣ ... Слышно, нуждаются, — говорилъ онъ тихо.

— Не замай ... Послѣ, можетъ ... Пускай теперь на фабрикѣ побудетъ ...

— Эй, тетка, подь-ка сюда, — вдругъ вскрикнулъ Кузьма Иванычъ Дарьѣ Тихоновнѣ и махнулъ ей къ себѣ рукою.

— А ты, поди, пока отпускай другихъ, — приказалъ онъ Петру Архипычу. — Тотъ тотчасъ же понялъ, отошелъ и сосредоточилъ на себѣ вниманіе всѣхъ остальныхъ рабочихъ и писарей.

Дарья Тихоновна вздрогнула и робкимъ шагомъ пошла къ столу, гдѣ сидѣлъ хозяинъ.

— И съ дѣвкой, и съ дѣвкой подойди, — приказалъ Кузьма Иванычъ.

Параня подошла вслѣдъ за матерью и стала сзади ея.

— Это дочка твоя, что-ли? — спросилъ Дарью Тихоновну Кошатниковъ.

— Точно такъ, батюшка Кузьма Иванычъ, ваше ... ваша милость, дочка-съ, — отвѣчала она, кланяясь уже теперь по-настоящему, чуть не до земли.

— Ты на фабрику ее хочешь отдать? ...

— Коли милость ваша будетъ, не оставьте ... Будьте ...

— Да что она прячется за тебя? ... На фабрику просится, а отъ хозяина хоронится ...

— По глупости по деревенской, по робости! .. Не смѣетъ она вашей милости ... Никогда не видывала... Робко ей ... Не смѣетъ .... — Дарья Тихоновна отодвинулась такъ, чтобы дочь была видна хозяину.

— Чего не смѣть? ... Меня бояться нечего — не укушу! ... Меня люди не боятся, а любить — любятъ и благодарятъ! ... Красавица у тебя дѣвка ... красавица! ... Что же тебѣ за охота на фабрику-то ее отдавать? ...

— Нужда, батюшка, Кузьма Иванычъ, ваша милость,—сиротство, бѣдность, прокормиться нечѣмъ! ... Вотъ еще сынишка у меня, и о томъ прошу ...

— А не боишься, что избалуется? ... Балуются вѣдь дѣвки на фабрикѣ-то! ...

— Зачѣмъ баловаться! ... Я не велю! ... Завсегда около меня и сама я тутъ буду ... Да и не такая она у меня ... А и то сказать, батюшка,— захочетъ, такъ и безъ фабрики избалуется, а не захочетъ, такъ и на фабрикѣ себя сохранитъ ...

— Ничего вѣдь ты не умѣешь? а? — спросилъ Кузьма Иванычъ, пожирая глазами Параню и стараясь придать своему голосу ласковое выраженіе.

— Учиться буду, — отвѣчала Параня, не поднимая глазъ.

— Учиться будешь да съ меня же за ученье деньги брать? ... А? ...

Кузьма Иванычъ добродушно смѣялся.

— Выучусь да пойму, такъ все и заработаю вамъ, — отвѣчала Параня, ободренная ласковымъ и шутливымъ тономъ милліонщика.

— Э, да ты умная ... А сколько тебѣ жалованья-то обѣщалъ Архипычъ?

— Не знаю я, сколько положитъ ...

— Архипычъ! — позвалъ Кузьма Иванычъ приказчика, который между тѣмъ успѣлъ отпустить остальныхъ рабочихъ. — Сколько ты ей жалованья-то положилъ?

— Да еще не знаю; сколько прикажете ... По мнѣ бы, рубля три, много четыре; довольно бы на первое время ...

— Ужъ больно мало ... Батюшка, — заныла-было Дарья Тихоновна.

— Мало! ... Нѣтъ, не мало, а больше четы-

рехъ никакъ нельзя ... Такъ, Архипычъ, и книжку выдай ... А вотъ увидишь,—будетъ стараться, не станетъ баловать, съ ребятами фабричными играть ... Ну, тогда сверхъ жалованья по шести рублей еще выдавай на мѣсяцъ ...

— Ахъ, ты, батюшка, благодѣтель, отецъ милостивый! — вскричала Дарья Тихоновна, низко кланяясь. — Не оставь ты насъ сиротъ, милостивецъ ...

— Для сиротства вашего и дѣлаю, да вижу,— дѣвка умна, отвѣчать умѣетъ ... Ну, смотри же, дѣвка! Не будешь съ ребятами баловать? ...

— Что мнѣ за надобность! ...

— Ну вотъ, такъ и дѣлай ... Я вотъ теперь отъѣзжаю на ту фабрику, недѣли на три, а ужъ и безъ меня Архипычъ присмотритъ за тобой, все мнѣ скажетъ ... Выдай ей, Архипычъ, теперь впередъ за мѣсяцъ ... А ворочусь да скажетъ, что слова не держишь, съ ребятами играешь али что — и съ фабрики долой сгоню ... Распутныхъ я на смерть не люблю и не держу ... Слышишь?

— Слышу ...

— Ну, то-то же, смотри ... Ну, ступайте пока съ Богомъ ...

— Батюшка, Кузьма Иванычъ, велики ваши милости,—говорила Дарья Тихоновна. — Ужъ и мальчишку-то не оставьте, отецъ родной, прикажите принять ...

— Да, и мальчишку взять, и мальчишку ...

Дарья Тихоновна разсыпалась въ благодарностяхъ. Петръ Архипычъ отдалъ Паранѣ шесть рублей. Параня взяла ихъ съ какимъ-то недоумѣніемъ и не догадалась даже поблагодарить.

— Поклонись, дурочка, поклонись ... Побла-

годаря его милость ... — подсказывала Дарья Тихоновна, поталкивая дочь, и та поклонилась, но не промолвила ни слова.

Мать вышла изъ конторы въ самомъ восторженномъ состояніи духа, дочь, напротивъ, была задумчива и молчалива. Она старалась объяснить себѣ причину такого неожиданнаго покровительства: смутное чувство подсказывало ей, что главную роль играла въ этомъ случаѣ ея красота, но старый купецъ, хоть и не сводилъ съ нея глазъ, и ласковое слово сказалъ, и пошутилъ, а кончилъ тѣмъ, что велѣлъ ей работать прилежнѣе, вести себя скромнѣе, надзирать за ней приказалъ и внушалъ ей объ этомъ такъ строго и повелительно ... А, можетъ, просто оттого, что добрый человѣкъ, видитъ, — сироты, пожалѣлъ? ... Да и чего ему стоитъ, велики ли эти деньги для него? ...

Для болѣе опытной Дарьи Тихоновны вопросъ этотъ разрѣшался гораздо короче и проще: она сразу объяснила въ умѣ своемъ настоящее значеніе купеческой добродѣтели, но не сочла нужнымъ говорить объ этомъ дочери, а, напротивъ, распространялась предъ нею въ похвалахъ и благодарностяхъ къ неожиданному благодѣтелю.

— Вотъ ругаютъ богатыхъ, а они не въ примѣръ лучше нашего брата, — внушала она дочери. — Богатый скорѣй тебя пожалѣетъ и нужду твою къ сердцу приметъ, и поможетъ тебѣ, нечѣмъ свой братъ. Свой братъ что? ... Только завистуютъ да смотрятъ, какъ бы съ тебя же сорвать али поживиться отъ тебя, а нечего взять, такъ норовятъ подвести подо что-нибудь, да какъ бы во вредъ человѣку что сдѣлать! ... Какъ можно ... богатые не въ примѣръ лучше: смотри-ка, родитель ли, сынокъ

ли, такъ и рвутся, какъ бы пособить человѣку-то да добро тебѣ сдѣлать! ... Да и что имъ? ... Имъ ничего отъ тебя не нужно, всего у нихъ своего довольно, не въ чѣмъ имъ тебѣ завидовать, а за добродѣтель, знаютъ, ихъ Господь не оставитъ, вотъ и помогаютъ во спасеніе своей душѣ! ...

Но во время этихъ рѣчей голова Дарьи Тихоновны работала надъ другимъ вопросомъ: кто же выгоднѣе и надежнѣе, кого надо больше и крѣпче держаться: старика ли, сына ли, или Ѳедянки? Послѣдній, впрочемъ, скоро ушелъ въ ея думахъ на самый задній планъ: ссориться съ нимъ не изъ-за чего, гнать отъ себя и подавно, почемъ знать: можетъ и пригодится? ... А все же не надо, чтобы и мѣшалъ! ... Не надо изъ рукъ его выпускать, да не разсчетъ очень обнадеживать ... Видно по всему, парень онъ хоть умный и горячій, да простодушный: за носъ его водить можно! ... А вотъ: сынокъ, или родитель? ... Старикъ-отъ всѣхъ ихъ будетъ посерьезнѣе, и все у него въ рукахъ ... только что они, старые черти крѣпки: себѣ на умѣ! ... Небось, не сразу раскошелится: эко отвалилъ, подумаешь, шесть рублей, да еще дозоръ нарядилъ ... Тотъ бы, извѣстно, молодой, ничего не пожалѣлъ: возьми что хочешь, да въ рукахъ-то нѣтъ ничего, воли-то своей-то нѣтъ ... Ну, да ужъ, братъ, старый чортъ, и я не таковская мать, а Параня моя не этого стоитъ! ... Не затѣмъ я ее берегла, наблюдала! ... А либо замужъ за богатаго выдай, либо приданое дай настоящее, и меня, и ее на всю жизнь въ спокоѣ сдѣлай! ... Ишь ты куда занеслась, ничего еще не видя! — остановила Дарья Тихоновна полетъ своей фантазіи и улыбнулась. „Ну, да вѣдь и то сказать: не даромъ же я и на свѣтѣ жила, не даромъ дурой не почитаютъ.

Мнѣ немного нужно, я человѣка-то по глазамъ вижу, особливо въ этомъ дѣлѣ ... Нѣтъ бы — онъ и близко-то къ себѣ не подпустилъ бы, и не подумалъ бы о нашей нуждѣ, кабы Параня не приглянулась ... Нѣтъ вѣдь ужъ меня на кривой-то не объѣдешь: вижу, что у него въ глазахъ-то, у дьявола, какъ на нее зенки-то таращилъ! ... А значитъ, ужъ тутъ на этой фабрикѣ судьба Паранькина, да и моя тоже, не даромъ — не думано, не гадано, попали сюда, — чего и не снилось, то на-яву привидѣлось! ...“

Онѣ шли изъ конторы опять въ мастерскую къ Ѳедѣ, чтобы сообщить ему о результатахъ своихъ похожденій.

— Сказывать ли намъ, Паранька, Ѳедору о шести-то рубляхъ? — спросила вдругъ Дарья Тихоновна.

— А что?

— Да по мнѣ, не говорить бы ... Лучше! ...

— А почто же молчать-то? — допрашивала Параня.

— Кто его знаетъ ... Больно онъ никакъ ... сумнителенъ, что-ли! ... Какъ ему взглянется! ... Благороденъ больно, скажетъ пожалуй: выклянчивали да выпрашивали ... Развѣ ужъ прямо сказать, что десять, молъ, рублей на мѣсяцъ положилъ приказчикъ этотъ? ...

— Такъ вѣдь онъ въ книжку посмотритъ: тамой, чай, писано, что по четыре рубля ...

— И то правда! ... Да и то думаю: сказать ему, пожалуй, обнадѣется, что вотъ, дескать, сколь много получать будутъ, проживутъ-де и безъ меня — думать не станетъ про насъ ... А велики-ли эти деньги здѣсь на покупныхъ-то харчахъ? ... Только-только развѣ прокормиться ... Да вѣдь и

кто его знаетъ, Кузьму-то Иваныча: этотъ мѣсяцъ далъ, а на тотъ, можетъ, и отмѣнитъ — вѣдь не ряда! ... а онъ, Ѳедянка, будетъ думать, за что нехорошее отмѣнилъ купецъ ... Что его только въ сумнѣніе вводить? ... Право, по мнѣ, лучше бы не сказывать ... Я бы и Николкѣ заказала, чтобы молчалъ про эти деньги ... Вѣдь что̀ эти деньги? ... Такъ, ровно Богъ послалъ, точно съ неба на нашу бѣдность свалились: вотъ понравилось купцу, что ты потрафила ему, въ отвѣтъ хорошо сказала, ну, и далъ ... А вѣдь, пожалуй, опять чѣмъ не потрафишь или этотъ старый, Архипычъ-то, наплететъ что на тебя, вотъ и отмѣнитъ ... и живи тогда на четыре рубля ... Право, лучше будетъ не говорить ... Ужъ ты слушай меня,—я тебѣ къ худу къ твоему не посовѣтую! ...

— Да, пожалуй, не скажемъ ... Мнѣ все одно ... Я, правда, что не знаю, какъ ему и растолковать-то, за что эти деньги намъ положили ...

— Ну, то-то и есть ... Само собой! ...

И Дарья Тихоновна на-строго запретила Николкѣ разсказывать кому-либо, а тѣмъ болѣе Ѳедѣ, о дополнительной мѣсячной платѣ.

— Вотъ ты давеча тоже, — продолжала мать, — говоришь: надо посовѣтовать съ нимъ, на-счетъ въ горничныя тебя звали ... На что бы, по мнѣ, очень-то его баловать, — все спрашиваться да докладываться ему? ... Этакъ избалуешь его, пожалуй, захочетъ: во всемъ по его дудкѣ пляши ... Пока, онъ парень пословный, а избалуешь его, ему и командровать тобой захочется ...

— То дѣло другое, матушка. Поѣхали мы на фабрику съ его зову, думали жить вмѣстѣ, работу онъ мнѣ одну показывалъ, а я бы вдругъ не посо-

вѣтовалась да въ чужой домъ ушла и совсѣмъ не на то дѣло ... Обидно бы ему показалось, осердился бы, пожалуй, и ... А я вѣдь ему обѣщалась ждать ... И женихомъ онъ себя моимъ почитаетъ ... Ровно какъ не хорошо бы не сказаться-то: такъ мнѣ подумалось ...

— Да вотъ ты обѣщалась, да и слова своего держишься, а, смотри, онъ-то свое обѣщаніе исполнилъ-ли: разбогатѣть-то хотѣлъ ... Жди-пожди его, да долго-ли? ... А, можетъ, тебѣ тутъ такая судьба выйдетъ, что и много лучше его ...

— Ну, да пока что будетъ ... А что же онъ ... онъ парень добрый, хорошій, по мысли мнѣ! ... Что мнѣ его обижать! ...

— Да такъ-то такъ, только и не поддавайся ужъ ему очень-то ... Пускай же онъ за тобой ходитъ, а тебѣ за нимъ ходить не изъ чего ... Особливо же послѣ того, какъ его родные надъ нами надругалися ... Что мы, такъ послѣднія, что ли, на бѣломъ свѣтѣ, хуже насъ нѣтъ? Хвастаетъ, что отца не послушаетъ, самъ богатъ сдѣлается, а вѣдь еще Богъ знаетъ какъ ... Не на срамъ, на смѣхъ, да на побои тебѣ идти къ нему въ домъ и самъ-дѣлѣ ... Они объ себѣ много полагаютъ, а мы объ себѣ: ты, вотъ, куда ни покажешься, кто тебя ни увидитъ, всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: красавица писаная! ... Да и разумомъ-то насъ, славу Богу, Господь не обидѣлъ ... Что бѣдны-то? ... Ну такъ вѣдь—у Бога всего много, неизвѣстно еще, что впередъ будетъ.

Параня слушала мать молча. Многое въ ея словахъ задѣвало ее за живое, льстило ея самолюбію, возбуждало увѣренность въ себѣ и самонадѣянность; многое, хотя смутно и неясно, но отвѣчало ея собственнымъ тайнымъ мечтамъ и неопредѣленнымъ

ожиданіямъ. Она не могла и не умѣла провѣрять и анализировать свои чувства и душевныя движенія, но сознавала, что Ѳедя не до такой степени дорогъ ей, чтобы она не могла съ нимъ разстаться, чтобы всѣ мечты, думы и желанія ея сосредоточивались на немъ одномъ. Восторженная любовь Ѳеди, его честная, прямая натура вліяли на Параню, и, ей казалось, она любила его, но она знала и себѣ цѣну, гордилась своей красотой, какъ купецъ гордится большимъ капиталомъ, а постоянныя практическія соображенія и внушенія матери вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что она вокругъ себя видѣла, успѣли уже достаточно очерствить и развратить ее. Мать никогда не имѣла, повидимому, на нее непосредственнаго и прямого вліянія, не насиловала ея воли, давала ей во всемъ полную свободу, часто во многомъ онѣ расходились и даже ссорились, но какъ-то такъ выходило, что въ важныхъ случаяхъ жизни дѣйствовали за-одно. Ѳедя пытливо и тревожно всматривался въ лицо своей невѣсты, когда она вмѣстѣ съ матерью вошла къ нему въ мастерскую, но онъ ничего не могъ прочесть на немъ: Параня была совершенно спокойна; за то Дарья Тихоновна сіяла отъ удовольствія.

— Ну, что, приняли? — спрашивалъ Ѳедя, переводя глаза на мать.

— Слава Богу, слава Болу, благодарить дружку твоему Александру Кузьмичу: приняли! — отвѣчала Дарья Тихоновна. — Ужъ этакой ангелъ ... истинный ангелъ! ... Кабы не онъ, и разговаривать бы съ нами не стали. Пришлось бы людей смѣшить, назадъ домой ѣхать ... Какъ ужъ просилъ онъ за насъ, какъ хлопоталъ! ...

— А много ли же жалованья-то положили? ...

— Да Паранькѣ четыре рубля, а Николкѣ два сорокъ ...

— Только?

— Только ... Вотъ ты думалъ десять-то дадутъ обоимъ. Всего шесть сорокъ ... Да и то благодарить Александру Кузьмичу, безъ него бы и вовсе не взяли ...

— Мало это очень ... Я знаю, у нихъ новенькимъ давали по шести рублей, а мальчишкамъ по четыре ...

— Знамо — мало! ... Чѣмъ тутъ жить? Ужъ и не знаю какъ ... За квартиру заплати, харчи, одежа, обувь ... Трудненько будетъ! ... Пообнадѣялись мы на тебя, Ѳедоръ Герасимычъ. Надо бы перво такъ побывать, все разузнать, а ужъ тутъ бы и перебираться вовсе ...

— Ну, что дѣлать-то ... Какъ-нибудь побьемся сначала, послѣ, можетъ, прибавятъ, какъ попривыкнете къ работѣ ... По крайности хоть на мѣстѣ. Дома-то и этого бы не промыслили ... Только какъ же это, Александръ Кузьмичъ, не могъ побольше-то схлопотать. Платятъ же вѣдь другимъ? ... Экой вѣдь какой! ...

Но въ душѣ Ѳедя былъ доволенъ, что для Парани не сдѣлали исключенія: значитъ, онъ напрасно приревновалъ молодого хозяина ...

— Да ничего, проживемъ, Богъ милостивъ! — успокоивалъ онъ, — первый мѣсяцъ только побиться ... Паранюшка постарается, живо все поймета, привыкнетъ. Переведутъ къ широкому миткалю — и жалованья прибавятъ, Николаша тоже ...

— Мнѣ и теперь получше дѣло-то подчуютъ, — сказала Параня, — и покойнѣй, и выгоднѣй много ...

Хотя сейчасъ иди ... Очень зовутъ ... Я вотъ только отложила посовѣтовать съ тобой ...

— Что такое?

— Въ горницы зовутъ, въ услуженіе, къ хозяевамъ? ... И жалованье сулятъ хорошее, и подарки, и работа легче ...

— Кто это тебя зоветъ? — спросилъ Ѳедя, мѣняясь въ лицѣ.

— Да и этотъ приказчикъ старый; и твой-отъ ... молодой хозяинъ, Александра Кузьмичъ ... Обѣщаютъ, что много будетъ лучше, чѣмъ на фабрикѣ ...

— Ну, ужъ нѣтъ, Параня, это тебѣ не мѣсто! — вскричалъ Ѳедя, блѣднѣя и чувствуя вновь приступъ ревности.

— Отчего не мѣсто, коли спокойно и выгодно? ... Сиди въ теплѣ, по стужѣ ночью не бѣгай за версту, ночи не работай ... не какъ на фабрикѣ твоей ...

— Нѣтъ, Параня, и не думай, и не говори этого ... Коли съ моего совѣта хочешь дѣлать, такъ я не посовѣтую и не пущу тебя туда ... Первое, что намъ съ тобой видаться тамъ нельзя будетъ, а другое: не хочу я, чтобы ты холопкой была ... Тутъ ты хоть маленькое жалованье берешь, да сама себѣ хозяйка: отбыла свои часы, да и знать ничего не знаешь ... А тамъ цѣлый день на посылушкахъ, да на послугѣ чужимъ людямъ, надругаются, наломаются тамъ надъ тобой ... Да ты и сама не ужилась бы ...

— Отчего не ужиться? Хозяйка, говорятъ, добрая ...

— Да хоть бы какая ни была ... нѣтъ, нѣтъ, не пущу! ... И не говори! ... Коли любишь

меня, коли считаешь женихомъ, и не думай объ этомъ ... И съ чего это Александръ Кузьмичъ выдумалъ? ... Что онъ полагаетъ? ...

Ѳедя вспыхнулъ.

— Вотъ ты какой! ... Ничего не видя, ужъ командуешь надо мной: не ходи, не думай, не смѣй! ... А, можетъ, мнѣ на фабрикѣ-то не покажется, работа не по силѣ будетъ ... Можетъ, мнѣ тамъ много прибыльнѣй будетъ: и покойнѣе, и подарки ... и маменьку не оставятъ? ... Буду сама хороша, такъ за что надо мной ломаться да ругаться будутъ? ... Ты же самъ говорилъ, что хозяева добрые, любятъ тебя ... По тебѣ и мнѣ будетъ хорошо ... А повидаться ... Не за десять верстъ жить будемъ, всегда повидаться можно! ... Ты съ чего же ломаешься-то: не пущу, да не думай!? ... Коли совѣтовать, такъ ты совѣтуй съ резона, а не то, что такъ съ маху! Не ходи да не пущу — и шабашъ! ...

— Не командую я, Параня, и не наобумъ говорю, а прошу тебя, коли любишь,—и резонъ у меня есть ... Ты посмотри-ка: пойдетъ ли изъ деревни, отъ отца-матери, хоть какая путная дѣвушка въ услуженіе къ господамъ али къ купцамъ? ... Ни одна не пойдетъ! ... А какія идутъ? Либо ужъ сироты круглыя, бездомныя, которымъ дѣться некуда, промыслить не на чемъ, либо которыя дворянскими холопками родились и къ другому дѣлу не привычны, или ... просто сказать тебѣ: балованныя, безпутныя ... Вотъ такія только и вертятся, треплются, бѣгаютъ изъ мѣста въ мѣсто: тамъ пожила, не понравилось, въ другое мѣсто перебѣжала ... Такъ онѣ по деревнямъ у насъ и слывутъ шлюхами да дворянками ... Ни одинъ парень въ деревнѣ эта-

кую дворянку замужъ не возьметъ ... потому слава ужъ про нихъ очень хороша идетъ ... Вотъ спроси Дарью Тихоновну, и она тебѣ скажетъ, что я правду говорю ... Такъ на что же тебѣ на этакую славу идти? ... Мнѣ ты дорога. Я не хочу, чтобы про тебя не то что кто нехорошее сказалъ, а и подумать не смѣлъ! ... Вотъ скажите, Дарья Тихоновна, по совѣсти: правду я говорю, или нѣтъ? ...

— Да вѣдь какъ сказать, Ѳедоръ Герасимычъ? ... Коли на людскія сказки смотрѣть, такъ — правда, да вѣдь люди часто зря обижаютъ ... Все по человѣку глядя: какъ самъ себя человѣкъ соблюдаетъ ... А чаще того бываетъ и такъ, что ни въ чемъ человѣкъ не причиненъ, а недобрые люди про него худую славу несутъ ... По мнѣ, на чужія наговорки смотрѣть нечего, а гдѣ бы человѣкъ ни жилъ, на какое бы дѣло ни попалъ, нужно самому о себѣ ...

— Да вѣдь сами же вы мнѣ разсказывали, — перебилъ разгорячившійся Ѳедя, — отчего взяли Параню изъ услуженія, когда она подростать стала, — что боялись, какъ-бы ее дворня съ пути не сбила, не испортила ... Пускай теперь Параня и возрастнѣй, и умнѣе стала, не дастъ себя съ пути сбить. И себя, и меня пожалѣетъ ... А отъ обиды-то не уйдетъ ... Ужъ тѣмъ ее обидятъ, что всякій приказчикъ, всякій лакей ... а, пожалуй, и другой кто ... смотрѣть будутъ какъ на такую, что ... Да, кромѣ этого ... зазорно, ну, просто зазорно, а особливо безъ нужды, по доброй волѣ, въ холопки идти! ... Ужъ какъ ни верти, а все служанка въ дому, холопка, послѣдній человѣкъ: ни своего угла, ни своего куска, ни своей воли нѣтъ ... Во всемъ человѣкъ подневольный. Дѣлай, что велятъ, иди, куда посылаютъ, всякую самую грязную работу справляй,

нѣтъ у тебя ни часу, ни минутки своей; самъ о себѣ не думай, а смотри хозяевамъ въ глаза, да отгадывай, что имъ отъ тебя требуется, ровно собака ученая, а то и послуга твоя ни во что ... Да нѣтъ, нѣтъ, Дарья Тихоновна, не совѣтуйте вы, не пускайте, отговаривайте Параню! ... Нейдетъ ей, нейдетъ туда идти! ... А коли не послушаешь, Параня, пойдешь,—такъ и буду знать, что не любишь ты меня, отказаться отъ меня хочешь ...

— Да вѣдь я и не принуждаю ея, Ѳедоръ Герасимычъ, — говорила „барыня", — и не совѣтую такъ, чтобы ужъ непремѣнно шла ... А только что чѣмъ же мы жить-то будемъ ... Хорошо, прибавятъ ... ну, мѣсяцъ какъ-нибудь пробьемся, — а не прибавятъ? .. Чѣмъ же тутъ жить? ... Двадцать копѣекъ въ сутки на троихъ ... Подумай-ка самъ ... много-ли? ... Да тутъ и не прокормишься! ... На тебя тоже надѣяться нечего: не велико и твое жалованье, да и то, пожалуй, родитель твой все забирать будетъ ... Вотъ вѣдь о чемъ думаемъ, сердечный другъ ...

— Объ этомъ не думайте, Дарья Тихоновна. За первый мѣсяцъ я все свое жалованье вамъ отдамъ и послѣ буду половину отдавать. Мнѣ самому ничего не надо, только меня прокормите, а батюшкѣ нужда въ деньгахъ развѣ къ веснѣ будетъ, до тѣхъ поръ онъ не потребуетъ ...

— А ну, потребуетъ?

— Ну, какъ онъ хочетъ, а коли вамъ нужда будетъ, откажу ему ...

— Такъ онъ тебя домой возьметъ ...

— До году не возьметъ, а годъ много времени. Ни я, ни Параня на этомъ жалованьѣ не останемся ... Да все-равно, вотъ вамъ обѣимъ мое послѣднее слово: коли любитъ меня Параня, всю жизнь свою

за васъ положу и бѣдствовать вамъ не дамъ, а не послушаетъ меня Параня, уйдетъ къ купцамъ въ домъ, значитъ, не любитъ меня, не надѣется, на купеческія подачки идетъ ... Тогда я все-равно вамъ не слуга, и дѣлать мнѣ здѣсь нечего. Я, кажется, и съ фабрики-то убѣгу! ... Вотъ знайте! ...

Мать съ дочерью переглянулись и не возражали.

— Такъ пойдешь, Параня, али нѣтъ въ домъ, въ услуженіе? — спросилъ Ѳедя.

— Ай, парень, какой ты! — сказала Параня. — Я думала, ты пословный, а въ тебѣ вонъ какой духъ-отъ: дай хоть поогляднться да одуматься ...

— Не о чемъ тутъ думать, Параня ... Во всемъ я пословенъ тебѣ, что, велишь, — все сдѣлаю! ... А тутъ тебѣ сказать нужно, а не мнѣ: коли любишь да жалѣешь меня, такъ не пойдешь ... Говори теперь ...

— Да ну, отступись ... Извѣстно, не пойду, коли тебѣ ужъ такъ ...

— Ну, вотъ, Паранюшка, спасибо! ... Вотъ теперь ты меня успокоила: точно камень отъ груди отвалился ... И не думай ты, и не говори никогда объ этомъ ... Не мучь и меня ... Можетъ, и блажь мнѣ въ голову пришла, а вѣрнѣй, что дѣло. Знаю я, съ чего тебя въ горницы звали ... Не ждалъ я этого отъ ... Ну, да будетъ! ... И не говори, и не напоминай мнѣ объ этомъ больше никогда! ...

Чтобы устранить отъ себя даже мысль объ этой новой тучѣ, которая набѣжала-было на душу Ѳеди, онъ началъ разспрашивать о всѣхъ подробностяхъ найма на фабрику. Вскорѣ затѣмъ послышался обыденный свистокъ, и Ѳедя, успокоенный и веселый, пошелъ обѣдать на новую квартиру Дарьи Тихоновны.

V.

Къ вечеру того же дня въ мастерскую къ Ѳедѣ вошелъ Александръ Кузьмичъ. Въ первый разъ еще, при видѣ его, у Ѳеди явилось какое-то непріязненное чувство: онъ взглянулъ на него холодно и, ни слова не говоря, продолжалъ работу. Александръ Кузьмичъ тоже вдругъ почувствовалъ себя какъ-то неловко и хотя пришелъ возбужденный и торопился разсказать Ѳедѣ новость, но, встрѣтя его холодный взглядъ, смутился, нерѣшительно подошелъ къ верстаку, за которымъ работалъ Ѳедя, и нѣкоторое время молча и разсѣянно смотрѣлъ на его работу.

— А я было-пришелъ къ тебѣ сказать, — заговорилъ онъ, наконецъ, когда молчаніе стало тяготить обоихъ, — сказать, что тятенька уѣхалъ на старую фабрику ... Ты знаешь ли? ...

— Нѣтъ, не слыхалъ, — отвѣчалъ Ѳедя. — Что же такъ? ...

— Получилъ письмо: вызываютъ ... Дѣла, пишутъ, хорошія ... А оттуда въ Москву поѣдетъ ...

— Надолго, значитъ? ...

— Да недѣли три проѣздитъ, что больше ... Это для насъ хорошо: безъ него все ловчѣе ... свободнѣе ... Я на-счетъ школы-то говорю ...

Ѳедя ничего не сказалъ.

— Теперь бы вотъ только твой учитель пріѣхалъ: сейчасъ и откроемъ, — продолжалъ Александръ Кузьмичъ, исподлобья, нерѣшительно взглядывая на Ѳедю. Молчаніе послѣдняго очень его смущало.

— А мнѣ сегодня досталось отъ тятеньки ... изъ-за тебя, — проговорилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Изъ-за меня? — переспросилъ Ѳедя, вскидывая удивленные глаза. — За что же?...

— Да не то, что изъ-за тебя ... А вотъ этотъ подлецъ Архипычъ насплетничалъ ... Ужъ я впередъ зналъ, что насплетничаетъ: вотъ что я за невѣсту-то твою хлопоталъ, просилъ, чтобы принялъ да побольше жалованья положилъ ей ... Онъ все, подлецъ, тятенькѣ перевелъ ... Тотъ на меня и накинулся ... да за обѣдомъ, при всѣхъ и при Аленѣ Николавнѣ ... Да вѣдь что говоритъ? ... У тебя, говоритъ, только и заботы, что за дѣвчонками бѣгать, а объ дѣлѣ не думаешь ... И съ чего ты взялъ, говоритъ, изъ-за твоихъ ... ей-Богу, при всѣхъ такъ и брякнулъ! ... Съ чего ты взялъ, что я тебѣ позволю, говоритъ, цѣну у меня на рабочихъ портить? ... Ничего не стоющей дѣвчонкѣ велитъ давать такую цѣну, что въ пору хорошему рабочему дать! ... И пошелъ, и пошелъ! ... Точалъ, точалъ ... Да нѣтъ, говоритъ, пора тебя женить. Вотъ въ Москву поѣду, объ невѣстѣ тебѣ полажусь ... Будетъ тебѣ баклуши бить! — Вотъ, я говорилъ, Чернушкинъ, что женитъ онъ меня, — вотъ такъ и выходитъ! ... Теперь того и жди, что вдругъ въ Москву выпишетъ ...

— А вы еще, Александръ Кузьмичъ, звали Параню въ домъ, въ горничныя, — съ упрекомъ замѣтилъ Ѳедя.

Кошатниковъ вспыхнулъ.

— Да это не я ... Это Архипычъ ... Я полагалъ только, что ей бы тамъ покойнѣе и выгоднѣе было ...

— Покойнѣе и выгоднѣе съ женихомъ развести ... холопкой своей сдѣлать ... А можетъ, и еще что̀ думали? ...

Ѳедя оставилъ работу и горящими глазами въ упоръ смотрѣлъ на Александра Кузьмича. Тотъ сконфузился.

— Да, право же, это Архипычъ, — не я ...

— Съ чего Архипычу хлопотать о ней? ... Развѣ ему не все равно? ... Онъ для васъ же, значитъ: увидѣлъ, что она вамъ ... А вы думали, что она— деревенская дѣвка, бѣдная, а вы богаты ... что ее деньгами сманить можно! ... Неужто вы это думали и забыли, наплевали на то, что она моя невѣста, что она мнѣ дороже всего? ... Вѣдь я же вамъ признавался, какъ люблю ее ... Я на васъ какъ на брата родного надѣялся ...

— Да, право же, Ѳедоръ ... что ты? ... Я ничего не думалъ, а хотѣлъ только ... какъ бы ей лучше сдѣлать ... Развѣ же на фабрикѣ-то, ты думаешь, ей будетъ хорошо, что ли? ...

— Да хошь бы какъ плохо ни было, а все-таки она—вольный человѣкъ ... не холопка, не служанка горничная ... и всегда на глазахъ и у меня, и у матери, — каждый день я ее вижу ... Нѣтъ, Александръ Кузьмичъ, коли у васъ ничего не было на умѣ, такъ прости меня, что погорячился и о васъ не хорошо подумалъ, — да вѣдь вы богаты, балованы: поневолѣ это подумаешь! ... А отчего вамъ того не вздумалось, что зазорно честной дѣвушкѣ отъ матери, отъ жениха по чужимъ домамъ жить, да еще холопкой служить? ... Развѣ служанка — вольный человѣкъ? Развѣ не помыкаютъ ими у васъ, не срамятъ, не ругаютъ, не ломаются надъ ними, а онѣ не смотрятъ вамъ въ глаза, не угождаютъ, словно крѣпостныя? ... Да и она же — ничего не знаетъ, не умѣетъ и служить-то. Зачѣмъ же она вамъ понадобилась? ... Стало-быть, у васъ было что и на

умѣ нехорошее на-счетъ ея? ... Вотъ вы, говорите, бѣдняковъ рабочихъ жалѣете, добро имъ хотите дѣлать, — учить ихъ, а того не подумали, что у меня Параню отнять хуже, чѣмъ съ нищаго суму снять ... Лучше голову снесите, нечѣмъ ...

— Да полно же ты, Чернушкинъ, что и въ самомъ дѣлѣ? ... Говорятъ тебѣ: ничего у меня такого въ головѣ не было ... А такъ я только ... Кто тебя зналъ, что ты этакой? ... Извѣстно, красавица она у тебя ... да я больше и смотрѣть-то на нее не стану ... и слова никогда съ ней не скажу ...

— Да, да, голубчикъ Александръ Кузьмичъ, и не глядите, и не говорите съ ней, точно и знать ее не знаете: всего мнѣ это лучше, всего дороже! ... Не за нее я боюсь, а у нея мать такая ... балованная, деньги любитъ ... Она не сбила бы ее, боюсь ... Я привезъ ихъ сюда, на васъ надѣялся ... и въ голову мнѣ не пришло, что вы на нее засмотритесь ... А какъ теперь только показалось мнѣ это, да раздумался ... все сердце у меня переболѣло ... Вы богаты ... мать, пожалуй, польстится ... Неужто же меня смертно обидитъ тотъ, на кого я больше всѣхъ надѣялся? ...

— Нѣтъ, братъ, напрасно ... Не безпокойся: я не такой ... Не то, что тебя, — я никого обидѣть не желаю ... Брось это, не думай: не надо мнѣ ... Любитесь вы съ нею ... Богъ съ вами! ... Что ты! ... Честью тебѣ говорю: ни смотрѣть, ни говорить не стану, пока не женишься на ней! ... Довольно тебѣ этого? ... Правда, братъ, точно ... Вотъ покаюсь я тебѣ ... засмотрѣлся я давеча на нее. Ужъ очень она красива! ... А только вотъ тебѣ рука моя: ничего больше такого не будетъ ...

Да что же ты не женишься на ней? ... Женился бы, что ли, скорѣе ...

— Нельзя ... Оба мы чуть не нищіе ... Пока жалованья хорошаго не буду получать, не женюсь ...

— Коли только въ деньгахъ дѣло, такъ возьми у меня сколько тебѣ нужно ... Сколько есть у меня — дамъ съ удовольствіемъ ...

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю ... Не надо!... Не возьму я! ...

— Отчего, отчего? ... Я вѣдь отъ души ... Ты не подумай что-нибудь ... Съ полнымъ моимъ удовольствіемъ! ... Возьми, пожалуйста, не сумнѣвайся ... Не обижай меня! ... Сколько у меня есть — всѣ возьми, а мало ... послѣ получу, опять дамъ ... Чернушкинъ, я тебя прошу: ты не думай обо мнѣ этакъ ... Я не такой! ...

— Да спасибо вамъ, Александръ Кузьмичъ ... Я очень понимаю и чувствую, и благодаренъ вамъ ... Теперь и не сумнѣваюсь ... вижу: добрый вы, хорошій человѣкъ ... Всегда я о васъ такъ и думалъ, и понималъ, а только что такъ деньги брать безъ работы, мнѣ не слѣдъ ... не приходится ...

— Да почему, коли я съ удовольствіемъ? ...

— Да, первое, вамъ теперь деньги на другое нужны, на хорошее дѣло, а второе — какъ я скажу, откуда эти деньги у меня? Подачку получилъ, Христа-ради дали? ... Да мнѣ и не то нужно, чтобы деньги показать, что ли, что онѣ есть у меня,— али нарядовъ невѣстѣ накупить и свадьбу сыграть ... Нѣтъ, мнѣ нужно, чтобы видѣли, что я и впередъ заработать могу, что у меня дѣло въ рукахъ хорошее, что за мной жена нуждаться да бѣдствовать не будетъ ... Вотъ я ошибку большую сдѣлалъ, что

въ столяры помѣсячно поступилъ къ вамъ, — по-штучно бы я вдвое денегъ заработалъ ... Вотъ нельзя ли бы какъ съ того мѣсяца на штучную работу мнѣ перейти, — или, коли ужъ нельзя къ Дмитрію Тимофеичу съ этимъ подойти, такъ хошь бы онъ позволилъ, послѣ шабаша, по ночамъ работать по-штучно? ... Онъ видитъ теперь, что̀ я въ рабочій день сработать могу, я столько бы справлялъ, а по вечерамъ ... ну, и ночи бы прихватилъ когда ... сверхъ того, заработалъ бы себѣ что-нибудь ...

— Такъ что же, это можно! ... Я сегодня же ему объ этомъ скажу ... Я думаю, онъ даже съ удовольствіемъ согласится на это, потому—для него же лучше: работа скорѣй пойдетъ ... Непремѣнно сегодня же, вотъ сейчасъ за чаемъ, и переговорю съ нимъ ...

— Переговорите, Александръ Кузьмичъ, попытайте ... Я торговаться не стану ... Сколько самъ положитъ съ рамы, тѣмъ и доволенъ буду: вѣдь ужъ очень-то, чай, не обидитъ же ...

— Ну, само-собой ... Извѣстно, ужъ настоящей цѣны не дастъ: ему нельзя не нажать человѣка ... ну, а все-таки хошь подходяще ... Непремѣнно, непремѣнно! ...

Послѣ этого разговора молодые люди разстались снова друзьями. Ѳедя вполнѣ успокоился, а Александръ Кузьмичъ ушелъ съ чувствомъ очищенной совѣсти и самыхъ честныхъ добрыхъ намѣреній ... Онъ торопился къ вечернему семейному чаю, въ которомъ всегда участвовалъ Дмитрій Тимофеичъ. Онъ хотѣлъ говорить съ нимъ о Ѳедѣ. Увлекаясь доброжелательствомъ къ Ѳедѣ и пользуясь отсутствіемъ родителя, онъ надѣялся устроить что-нибудь для своего друга повыгоднѣе разрѣшенія на ночную

штучную работу. Онъ сознавалъ себя виноватымъ передъ Ѳедей въ нечистыхъ помыслахъ и намѣреніяхъ относительно его невѣсты, на которую при первой встрѣчѣ смотрѣлъ, какъ на одну изъ фабричныхъ работницъ и о которой онъ ходилъ хлопотать вовсе не ради того только, что она — невѣста его пріятеля. Теперь, давши слово Ѳедѣ выкинуть изъ души всѣ эти помыслы, подъ вліяніемъ его словъ, признавая себя даже болѣе виновнымъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, онъ чувствовалъ потребность услужить обиженному другу и единомышленнику, сдѣлать для него что-нибудь такое, что бы доказало ему его пріязнь и готовность содѣйствовать его счастью.

Александръ Кузьмичъ вошелъ въ большую, хорошо освѣщенную комнату, гдѣ около круглаго стола собралась уже вся семья. Сестра его Лизавета Кузьминишна, — высокая, тучная, съ добрымъ, но лѣнивымъ оплывшимъ лицомъ, съ маленькими безцвѣтными глазами, сидѣла въ мягкомъ креслѣ и разливала чай. Около нея, съ одной стороны, на низенькомъ столикѣ помѣщался огромный томпаковый самоваръ, съ другой — на стулѣ сахарница, передъ нею, на кругломъ столѣ, — подносъ съ чашками. Очевидно, все было приспособлено, чтобы трудъ наливанія чая, который Лизавета Кузьминишна оставила за собою, не особенно обременялъ ее, но и онъ утомлялъ разжирѣвшую хозяйку: она никогда не кончала этой операціи и, наливши нѣсколько чашекъ, подъ конецъ всегда сдавала ее кому-нибудь другому. Рядомъ съ хозяйкой, съ одной стороны, помѣщался Дмитрій Тимофеичъ, а съ другой — Алена Николавна, которая должна была принимать и передавать налитыя чашки сидящимъ съ нею рядомъ дѣтямъ.

наблюдать за ними и вообще помогать хозяйкѣ. Ею обыкновенно замѣняла себя Лизавета Кузьминишна у самовара, когда чувствовала усталость. При этомъ, когда хозяйка была въ хорошемъ расположеніи духа и въ миру съ гувернанткой, то она обыкновенно говорила: „поди-ка сядь за меня, Алена Николавна: смерть моя — устала ... Похозяйствуйка, мать моя, привыкай, — тебѣ это въ пользу: молода, неравно замужъ выйдешь, — пригодится! ...“ А когда отношенія бывали непріязненныя или Лизавета Кузьминишна была за что-нибудь ею недовольна, то, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ, оханій и внушительныхъ на нее взглядовъ, она вела такую рѣчь: „гувернантачка, нечего сказать! ... Хошь бы ужъ не то, что ... а хошь бы совѣсти-то немножко взяли, подумали бы: не устала ли хозяйка-то, день-то деньской ... Я думаю, можно бы спросить: не прикажете ли, молъ, за ваше мѣсто сѣсть ... подсобить?... Кажется, не велико дѣло, не много съ васъ спрашиваютъ, не замучили на работѣ ... не какъ въ другихъ домахъ! ...“

Остальные стулья около чайнаго стола занимали обыкновенно Александръ Кузьмичъ, кто-нибудь изъ начальствующихъ на фабрикѣ лицъ, которыхъ Дмитрій Тимофеичъ считалъ нужнымъ поощрить или приласкать приглашеніемъ къ чайному столу.

Впрочемъ, когда въ Старомъ Селѣ находился Кузьма Иванычъ и выходилъ изъ своихъ комнатъ къ вечернему чаю зятя, тогда никто изъ постороннихъ лицъ не приглашался безъ его желанія и приказанія, и Лизавета Кузьминишна не только не передавала гувернанткѣ своего мѣста, но находила силы вставать и подавать родителю каждую чашку чаю. И Кузьма Иванычъ, очевидно, любилъ эту церемонію, потому что

садился всегда подальше отъ дочери, несмотря на убѣдительную каждый разъ просьбу зятя занять его обычное мѣсто, и никогда не просилъ дочь налить себѣ опорожненную чашку, но ждалъ, чтобы дочь сама подошла и взяла ее съ вопросомъ: не прикажете ли, тятенька, еще? ... Лизавета Кузьминишна знала, что нарушеніе этого порядка могло бы поссорить ее съ отцомъ, и потому напряженно слѣдила за нимъ во время чаепитія и забывала свою лѣнь и усталость.

Когда Александръ Кузьмичъ вошелъ въ чайную, зять уже былъ тамъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него сидѣлъ съ чашкою чая Петръ Архипычъ.

Молодого человѣка покоробило отъ присутствія этого гостя: онъ вспомнилъ, что изъ-за него получилъ сегодня непріятность отъ отца.

Петръ Архипычъ, какъ ни въ чемъ не бывало, привсталъ съ подобострастной заискивающей улыбкой, низко поклонился молодому хозяину и стоялъ, провожая его глазами и выжидая, когда тотъ займетъ мѣсто, чтобы не сѣсть прежде его. Александръ Кузьмичъ едва отвѣтилъ на поклонъ, сѣлъ около маленькаго племянника и отворотился отъ Архипыча.

— Садись, садись, — сказалъ ему между тѣмъ Дмитрій Тимофеичъ.

— Ужъ сейчасъ вижу, что гнѣваться изволите на меня, Александръ Кузьмичъ, — заговорилъ Архипычъ, — мнѣ только что все разсказали Дмитрій Тимофеичъ ... А я, ей-Богу, ни въ чемъ не виноватъ! ... Вы не извольте на меня напрасно гнѣваться! ...

— Знаю я, знаю тебя! ... Разсказывай! — отвѣчалъ Кошатниковъ. — Тебѣ, какъ же, нельзя

было не насплетничать тятенькѣ ... И что ты тамъ наговорилъ ему, чортъ тебя знаетъ ...

— А, ей-Богу же, ничего! ... Вотъ вамъ, истинный Богъ, ничего! ... Ну, разсудите вы по божески ... Какъ мнѣ было быть, что дѣлать, что отвѣтить? ... Пришли въ контору тятенька какъ разъ въ этотъ самый секундъ, что книжку дѣвкѣ выдавать ...

— Да, ну ладно, хорошо ... будетъ ужъ! ...

— Да нѣтъ, вы позвольте же мнѣ передъ вами оправиться ... Какъ же я могу? ... Я васъ тоже за хозяина почитаю ... Извѣстно, Кузьма Иванычъ у насъ самый главный, а какъ же я могу не почесть, коли мнѣ приказываютъ: вы ли, али Лизавета Кузьминишна, али Дмитрій Тимофеичъ? ... Вы всѣ наши хозяева! ... Все ваше добро! ... Вамъ служимъ! ... Вами живемъ! ... Вашъ хлѣбъ ѣдимъ! ... Какъ я могу ослушаться? ...

— Да совсѣмъ я тебѣ ничего не приказывалъ насчетъ жалованья ... говорилъ только, нельзя ли взять ...

— Такъ я-то что же, Александра Кузьмичъ, помилуйте ... Будьте вы довольно великодушны: позвольте сказать ... Какъ тятенька стали съ меня взыскивать, зачѣмъ ничего незнающую беру да шесть рублей жалованья назначаю ... Ну, я — человѣкъ подначальный ... каюсь, сробѣлъ! ... Говорю, — по Александру Кузьмичу принимаю ... Вотъ только и сказалъ! ... И истинно вамъ докладываю: не скажи я этого, пожалуй бы, и вовсе не приказали принять ... Пришлось бы дѣвкѣ отказать вовсе ... Ну, а какъ узнали они, что вамъ этого угодно, такъ хоть и погнѣвались, и жалованья приказали убавить, а взять все-таки дозволили ... Ну,

какъ же мнѣ было сказать? ... Извольте сами разсудить ... Нѣтъ, вы не гнѣвайтесь на меня ... Окажите ваше великодушіе ... Дозвольте ужъ эту вину мою невольную заслужить передъ вами ... Тысячу разовъ заслужу! ... А что — истинно сробѣлъ, не зналъ, что доложить тятенькѣ ... ну, и обмолвился на васъ ... Въ этомъ ужъ простите! ... А не изъ-за чего другого вѣдь и жалованье хотѣлось положить ей побольше, чтобы вамъ угодить ... Да вотъ разъ какой вышелъ ... Простите великодушно ... Александра Кузьмичъ! ... Ужъ мнѣ это очень даже обидно и прискорбно, что гнѣваетесь вы на меня ... Испытайте другой разъ мою службу ... А я тысячу разовъ, до конца гроба, готовъ служить вамъ ...

— Да что тебѣ въ этой дѣвкѣ? — спросила Лизавета Кузьминишна, успѣвшая уже сдать бразды правленія за чайнымъ столомъ Аленѣ Николавнѣ. — Давеча, проводивши тятеньку, убѣжалъ и не разсказалъ ничего ... Какая эта? ... Что за дѣвка такая? ... Изъ-за чего ты-то хлопоталъ? ...

— Да ни изъ-за чего больше, — отвѣчалъ Кошатниковъ, конфузясь, — что невѣста она одного тутъ парня ... люблю я его ... Вотъ и все!

— Какого это парня? ...

— Да тутъ столяромъ у насъ, на фабрикѣ живетъ ...

— Это, Ѳедора Чернушкина? — спросилъ Дмитрій Тимофеичъ.

Архипычъ насторожилъ уши.

— Да, его ... Она, бѣдная, сирота ... хочется съ женихомъ вмѣстѣ жить, мнѣ жалко стало ихъ ... Вотъ и все! ...

— Очень ужъ вы, братецъ, чувствительны, — съ едва замѣтной насмѣшливостью проговорилъ Дмитрій Тимофеичъ.

— Истинно, ужъ ангельское сердце у Александра Кузьмича, — подтвердилъ Архипычъ. — Самый добродѣтельный хозяинъ будутъ ... Богъ приведетъ! ... Только народъ-то они, рабочіе, не совѣстный, не чувствительный ... Не понимаютъ этого!...

— Есть всякіе! ... Иные понимаютъ! — раздражительно замѣтилъ Кошатниковъ. — А по моему, братецъ, наша обязанность хозяйская помогать рабочимъ, особенно тѣмъ, которые стараются, работаютъ честно и вѣрно ...

— Имъ и помогаютъ, братецъ, не оставляютъ!... Чуть кто себя покажетъ, впередъ въ нуждѣ даемъ, жалованья прибавляемъ ... и другія прочія милости дѣлаемъ ... Вѣдь кабы притѣсняли да обижали, жить бы не стали: никто не привязанъ, живутъ по доброй своей волѣ ...

— Да ужъ это надо по-божески сказать: если у нашихъ хозяевъ не житье, такъ пускай поищутъ другого, гдѣ лучше! — умиленно произнесъ Архипычъ.

— А вотъ я васъ попрошу за Чернушкина: ужъ, кажется, совѣстливо работаетъ ... Вы либо жалованье ему прибавьте, либо на штучную работу его переведите ...

— Ничего я въ немъ особеннаго такого старанія не вижу ... Работаетъ такъ себѣ ... съ прохладкой, — возразилъ Дмитрій Тимофеичъ.

— Ну, ужъ, братецъ, это даже неблагородно, — загорячился Александръ Кузьмичъ. — Какъ же вы говорите ... съ прохладкой ... когда онъ въ двѣ недѣли за шесть-то рублей наработалъ вамъ столько, что вы поштучно втрое бы заплатили! ...

— Не знаю, какъ это вы такъ считаете ... ужъ

очень много! ... Еще бы онъ на первыхъ порахъ лѣниться сталъ ... А что съ перваго мѣсяца да ему жалованья прибавлять ... это ужъ нигдѣ не водится! ...

— Ну, такъ переведите его на штучную работу ...

— Это для чего же? ...

— Для насъ все равно, а онъ можетъ заработать больше ...

— Нѣтъ, братецъ Александра, это для насъ не все равно: работаетъ онъ по-мѣсячно, ему торопиться нѣтъ надобности, онъ и дѣлаетъ аккуратно, пригоняетъ какъ слѣдуетъ, а плати ему отъ штуки, онъ будетъ дѣлать кое-какъ, лишь бы счетомъ вышло больше, — чтобы денегъ больше заработать ... Какой же тутъ разсчетъ для хозяина? ... А коли вы говорите, что онъ старается, такъ онъ и поштучно больше не заработаетъ, если совѣстливый человѣкъ, значитъ и для него нѣтъ никакого разсчета ...

— Да ужъ это его дѣло, его личный разсчетъ, — вмѣшалась вдругъ Алена Николавна. — Вы принимаете работу, можете требовать, чтобы она была сдѣлана чисто, аккуратно ... Это ваше право ... Но онъ по своей волѣ, для личнаго интереса, можетъ увеличить количество рабочихъ часовъ ... Тутъ, мнѣ кажется, взаимная выгода, самое правильное отношеніе труда и рабочей силы къ капиталу ... Рабочій затрачиваетъ на трудъ столько своихъ силъ, сколько хочетъ и сколько можетъ, но за-то и капиталъ ...

— Да что вы, мать моя, — вдругъ остановила ее Лизавета Кузьминишна, — въ умѣ ли? Никто ея не спрашиваетъ, а она въ мужской разговоръ врѣ-

залась! ... И я — такъ молчу да слушаю только, а она ... на́-те-тка ... Право, не въ разумѣ! ...

— Да что же такое, Лизавета Кузьминишна? ...

— Какъ что̀, сударыня? ... Непристойно: вотъ что! ... Тебя никто не спрашиваетъ, а ты въ хозяйскій разговоръ мѣшаешься, да еще промежъ мужчинъ ... Пущай бы по наукѣ что ... ну, ужъ такъ бы и быть, что ученостью вы забрались, да и то надо полагать: гувернаночкѣ-то не больно пристойно приставать, коли никто не спрашиваетъ ... А то, — говорятъ хозяева промежъ собой, на-счетъ фабричнаго рабочаго, — ну, какой слѣдъ тебѣ мѣшаться? ...

— Да я совсѣмъ не на-счетъ рабочаго ... Я думала общій вопросъ ... Это тоже наука: политическая экономія ... Я хотѣла убѣдить Дмитрія Тимофеича ...

— Убѣдить! ... Ну, гдѣ ужъ вамъ его убѣждать ... Ахъ, мать моя! ... Ахъ, Алена Николавна! ... Неужто ужъ всѣ вы такія, ученыя-то? ... Вѣдь что скажетъ! ... Хозяина научить хотѣла! ... Добрый вы человѣкъ и къ дѣтскому ученью старательна ... а ужъ за это не похвалю ... Нѣтъ, не хорошо! ...

— Ужъ нельзя и слова сказать, — пробормотала Алена Николавна, надувшись.

— Отчего не сказать-съ? очень можно! — замѣтилъ Дмитрій Тимофеичъ, — только всякое слово нужно говорить съ опаской ... которое слѣдующее нужно говорить, а неслѣдующее лучше про себя оставить, я такъ полагаю-съ! ... По вашей части, въ наукахъ вашихъ, мы, кажется, вамъ ни въ чемъ не препятствуемъ и не мѣшаемся ... и насчетъ вашего продовольствія и обращенія, кажется, довольно деликатны, не можете ни на что пожаловаться ...

А ужъ по нашей-то части, на-счетъ фабричнаго дѣла, ровно какъ и вправду намъ ближе вашего все извѣстно ... Для чего же намъ эти ваши убѣжденія? ... Совершенно напрасно-съ! ...

— Извините, пожалуйста ... Я больше никогда не буду высказывать своего мнѣнія, — проговорила Алена Николавна.

— Потому и не стоитъ-съ ... люди мы необразованные, неученые, даже мнѣніевъ этихъ понять не можемъ ...

— Нѣтъ, Дмитрій Тимофеичъ, — сказалъ Кошатниковъ раздражительно, — вы даже очень хорошо все это понимаете, потому, мало ли у насъ рабочихъ на поштучной платѣ ... И прежній столяръ тоже отъ штуки получалъ ... А вы вотъ только за что-то Чернушкина не взлюбили и притѣсняете его ...

— Что же мнѣ, братецъ, его любить али не любить? ... Это для меня даже обидно слышать, что стану я рабочаго притѣснять: довольно низко для меня ... Коли мнѣ всѣхъ рабочихъ любить, такъ это и сердца не станетъ ... Для меня все одно, что Чернушкинъ, что Бѣлянкинъ какой-нибудь ... что одинъ рабочій, что другой ... Удивительно даже, какъ вы это, братецъ, говорите ...

— Такъ отчего же вы для него ничего не хотите сдѣлать? ...

— Да что же мнѣ за обязанность для него дѣлать? ... Тятенькѣ угодно было его въ столяры взять, я и взялъ, приказали двѣнадцать рублей жалованья положить, — онъ и получаетъ ... Какое же ему притѣсненіе? ... Право, даже разговаривать объ этомъ сужетѣ непріятно ... Живетъ человѣкъ третью недѣлю, а ужъ объ немъ разговоры какіе ...

— Дмитрій Тимофеичъ, да вы не сердитесь ...

Послушайте меня, вотъ вѣдь я почему прошу: и онъ, и невѣста у него, оба они бѣдные, и положили они между собой тогда обвѣнчаться, когда онъ будетъ денегъ побольше зарабатывать или мѣсто получитъ хорошее ... Такъ вотъ онъ и проситъ: позвольте ему хоть по ночамъ по-штучно работать ... Ужъ теперь видно, сколько онъ можетъ въ сутки сработать, такъ — что̀ сверхъ этого будетъ сдѣлано, за то по-штучно ему платите по уговору ... Или еще лучше: ужъ это я васъ прошу, для меня сдѣлайте: переведите вы его въ машинисты ... Тамъ, по крайней мѣрѣ, жалованье двадцать и двадцать-пять рублей ... Да это бы и для насъ полезно было: онъ вонъ говорилъ мнѣ, что если бы ему дали хорошенько къ машинѣ и къ фабрикѣ присмотрѣться, онъ, можетъ быть, такую бы штуку придумалъ и устроилъ, что у насъ половину работы не паромъ, а водой изъ рѣки можно бы справлять ... Это, братецъ, разсчетъ! ... А у насъ рѣка-то такъ даромъ течетъ, только и есть, что воду въ ней фабрика портитъ ...

— Ужъ очень вы ему вѣрите: нахвастаетъ онъ вамъ, навретъ, а вы такъ принимаете, что ужъ точно онъ и не вѣсть какой механикъ ... А онъ просто мальчишка-бахвалъ! ... Больше ничего! ...

Петръ Архипычъ, очень внимательно прислушивавшійся къ разговору и дѣлавшій въ головѣ свои соображенія, на послѣднія слова директора одобрительно улыбнулся и, отворотясь отъ Александра Кузьмича, старался показать Дмитрію Тимофеичу своимъ лицомъ и взглядомъ полное свое согласіе.

— Ну, да, положимъ, вы такъ о немъ думаете, а я по другому, — настаивалъ молодой человѣкъ, — ну, сдѣлайте же хоть для меня ... Попробуйте: пе-

реведите его къ машинѣ ... Вѣдь, вонъ, Зайцевъ пьетъ, сами имъ недовольны, и механикъ жалуется: штрафуете его ... Переведите вотъ на его мѣсто ...

— Не смѣю я, братецъ, безъ тятеньки ... Какъ я могу? ... Кабы еще тятенька не сами его принимали ... ну, то другое дѣло, а то почемъ я знаю ихныя мысли на-счетъ его? ... Вотъ коли вамъ угодно: когда тятенька возвратятся, попросите ихъ сами, прикажутъ, ну, тогда и разговора никакого не будетъ: сейчасъ сдѣлаемъ ...

— Само собой! — подтвердилъ вполголоса Петръ Архипычъ.

— Тогда онъ и прожектъ свой пускай тятенькѣ представитъ ... Можетъ быть, они и механикомъ его прямо сдѣлаютъ ... А безъ него я, братецъ, никакъ не могу! ... Какъ вамъ угодно! ...

Дмитрій Тимофеичъ кончилъ чай и всталъ, чтобы опять идти на фабрику. Петръ Архипычъ вскочилъ вслѣдъ за нимъ, и, низко поклонившись хозяйкѣ и хозяйскому сыну, вышелъ вмѣстѣ съ директоромъ.

— Ахъ, Сашенька, Сашенька, охота тебѣ за всякаго вступаться да хлопотать, — говорила Лизавета Кузьминишна, зѣвая и собираясь также уходить изъ чайной. — Нѣтъ у тебя своей заботы-то, такъ ровно старица Софья обо всемъ мірѣ сохнешь ... Полно, батюшка, не стоитъ тебѣ безпокоить-то себя изъ-за нихъ: правда, что Архипычъ ни скажетъ, самый неблагодарный, нечувствительный народъ! ...

Алену Николавну передергивало отъ словъ хозяйки, но она удержалась, не сказала ни слова, и ограничилась только презрительной улыбкой въ ея сторону и вызывающимъ ободрительнымъ взглядомъ Александру Кузьмичу.

— Нѣтъ, сестрица Лизавета, и ты, и Архипычъ — врете, — горячо возразилъ онъ, — они и чувствительнѣе, и благодарнѣй, и благороднѣе насъ! ... Тебѣ хорошо эти слова говорить, когда ты и сыта, и одѣта, ни о чемъ не заботишься, живешь въ довольствѣ и въ роскоши, да ничего не видишь и не знаешь: какъ люди бѣдствуютъ и нуждаются въ самомъ необходимомъ ... А я всегда буду о нихъ заботиться: это долгъ, это обязанность каждаго честнаго, добросовѣстнаго хозяина ...

— Ну, ну, ладно, ладно! Вотъ погоди, женишься, да дѣло въ руки возьмешь, тогда другое заговоришь: какъ своя-то семья да забота на спину навалятся, забудешь чужую крышу крыть прежде своей, и слова эти забудешь, откажешься, что и не говаривалъ ... Вели-ка, Алена Николавна, прибирать да веди дѣтей ... А я пойду полежу до ужина ...

— Дайте руку, — порывисто, вполголоса, проговорила Алена Николавна, быстро подходя къ Александру, когда Лизавета Кузьминишна ушла и беря его за руку такъ, чтобы не видали дѣти. — Жму вамъ ее отъ чистаго сердца: вы не будете паразитомъ, вы развиваетесь! ... Еще побольше воли, характера, настойчивости, — и вы будете дѣятелемъ! ... Я считаю васъ настоящимъ товарищемъ! ... Слышите? Этимъ много сказано! ... А что Чернушкина они не любятъ и ничего для него не дѣлаютъ, я очень рада. Надо, чтобы онъ на нихъ не надѣялся и крѣпче примыкалъ къ намъ ... Зачѣмъ это онъ жениться хочетъ: что еще за вздоръ?! ...

— Какъ вздоръ? — переспросилъ удивленный Александръ Кузьмичъ.

— Очень ясно! Разумѣется вздоръ! ... Это его можетъ даже погубить въ нашемъ смыслѣ ... Тотъ,

кто хочетъ служить до самопожертвованія, ничѣмъ не долженъ себя связывать: бракъ — хомутъ, ярмо ... А онъ еще женится, кажется, по любви... Плохо! Онъ не надеженъ! ... Скажите ему это отъ меня! ... Миндальности тутъ не у мѣста! ...

— А меня тоже хотятъ женить ...

— Вы — другое дѣло ... Вы не по любви: васъ это не свяжетъ, а еще развяжетъ руки ... Для дѣла это будетъ даже полезно, если женитесь безъ любви и на богатой ... Однако, прощайте ... Пора ...

Алена Николаѣна опять порывисто пожала руку Александра и увела дѣтей изъ комнаты. Александръ Кузьмичъ остался въ комнатѣ одинъ и долго сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ: онъ былъ польщенъ похвалами Алены Николавны и озадаченъ ея словами о женитьбѣ Ѳеди ... Параня, противъ его воли, то и дѣло приходила ему на умъ и какъ живая стояла передъ нимъ, то лукаво улыбающаяся и заигрывающая своими жгучими глазами, какою онъ ее видѣлъ утромъ, то веселая, довольная и счастливая жена Ѳеди, то какъ будто опечаленная разлукою съ нимъ, но не убитая горемъ и внимательно выслушивающая ласковыя рѣчи, которыми Александръ Кузьмичъ утѣшалъ ее, то ...

— А вѣдь это подло, — сказалъ онъ самъ себѣ, быстро вскакивая съ мѣста. — И зачѣмъ я далъ ему слово? ... А ужъ далъ, такъ надо держать; нечего и думать, пока ...

Александръ Кузьмичъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты на улицу и, не зная, что̀ съ собою дѣлать, крупными шагами пошелъ на фабрику. Проходя по фабричному двору, онъ сдѣлалъ крюкъ, чтобы заглянуть въ окна мастерской, гдѣ работалъ Ѳедя; но въ ней было темно, и двери заперты снаружи: Алек-

сандръ Кузьмичъ понялъ, что Ѳедя ушелъ къ своей невѣстѣ ... Ему сдѣлалось вдругъ грустно и тяжело на душѣ; онъ не въ силахъ былъ идти на фабрику и безцѣльно бродилъ по улицѣ вплоть до самаго ужина.

Часть пятая.

I.

Въ селѣ, гдѣ Василій Якимычъ былъ учителемъ школы, собирался волостной сходъ. Мужики, въ ожиданіи, пока волостной писарь „управится съ дѣлами“ и кликнетъ ихъ на-верхъ, въ правленіе, наполняли сборную избу, толпились у крыльца, на самомъ крыльцѣ и въ корридорѣ, раздѣлявшемъ нижній этажъ волостного дома. Василій Якимычъ получилъ уже окончательный разсчетъ, расплатился съ долгами, попрощался съ дѣтьми и намѣревался сегодня же отправиться на фабрику, такъ какъ ему было объявлено, что на слѣдующій день квартиру его долженъ занять новый учитель. Несмотря на то, что онъ оставлялъ свое мѣсто съ надеждою и почти увѣренностью получить лучшее, Василій Якимычъ былъ въ недовольномъ, желчномъ расположеніи духа. Разставанье со школой, въ которой онъ училъ около трехъ лѣтъ, съ мѣстомъ и людьми, къ которымъ успѣлъ привыкнуть, само-по-себѣ грустное, дало ему много тяжелыхъ впечатлѣній, во многомъ разочаровало его. Ему казалось, что онъ отдавалъ школьному дѣлу всю свою душу, все свое сердце; онъ былъ увѣренъ, что трудъ его, какъ учителя, приноситъ пользу не только дѣтямъ, которыхъ онъ училъ, но и всему обществу, что онъ

имѣетъ значеніе общественной дѣятельности, и потому ожидалъ бо̀льшаго къ себѣ сочувствія, — по крайней мѣрѣ, хоть со стороны тѣхъ крестьянъ, дѣти которыхъ были у него учениками; но ни одинъ отецъ, ни одна мать не пришли проститься съ нимъ, сказать ему „спасибо“, пожелать счастья въ будущемъ. Три дня назадъ всѣ ученики его уже знали, что онъ уходитъ отъ нихъ: слѣдовательно, должны были знать и родители, но никто не счелъ нужнымъ придти къ нему и выразить сожалѣніе, что школа лишается такого учителя. Дѣти, правда, показали ему и любовь, и привязанность, но выразили ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, по-дѣтски: кричали въ одинъ голосъ, что жалѣютъ его, что имъ другого не надо, лѣзли къ нему всей толпой, но тутъ же подняли драку и толкотню, шумъ и хохотъ, а на другой день больше половины школьниковъ вовсе не явилось, пришедшіе же собрались, очевидно, не для ученья и учителя, а потому, что дома дѣлать нечего, — а въ школѣ, кучей, веселѣе баловаться: никто даже и книжекъ не принесъ съ собой, — всѣ были увѣрены, что отставной учитель учить не будетъ: что̀ ему за неволя!

Василій Якимычъ, приготовляясь нанять подводу до фабрики, заглянулъ въ свой кошелекъ и нашелъ въ немъ только два рубля да нѣсколько мелочи — вотъ всѣ денежныя средства, съ которыми отпускала его школа послѣ трехлѣтнихъ трудовъ, а прочій скарбъ его заключался въ двухъ узлахъ да маленькомъ мѣдномъ самоварѣ.

„И одинокъ, и бѣденъ, и никому не нуженъ“,— мрачно думалъ Василій Якимычъ, шагая въ послѣднюю ночь по школьной комнатѣ.

Напрасно прождавши заявленія съ чьей-нибудь

стороны сожалѣнія и сочувствія къ себѣ, онъ сначала хотѣлъ-было уѣхать изъ села, ни съ кѣмъ не простившись, но собравшійся сходъ измѣнилъ его намѣреніе: онъ почувствовалъ потребность высказаться, услышать, что̀ будетъ говорить ему міръ.

Онъ вышелъ въ сборную. Она была полна народомъ: мужики сидѣли по скамьямъ и на полу, стояли и среди избы. Иные сидѣли понуро, опустя голову, другіе, казалось, дремали; большинство громко, даже съ крикомъ, разговаривало; слышались ругательства; въ воздухѣ стояло густое облако табачнаго дыма.

Замѣтившіе появленіе Василія Якимыча прекратили разговоръ и вопросительно смотрѣли на него, ожидая, что̀ онъ скажетъ, но ничего не спрашивая.

— Я къ вамъ, господа міряне — сказалъ Василій Якимычъ. — Пришелъ попрощаться съ вами, поблагодарить за хлѣбъ, за соль ...

— Отъѣзжаешь, значитъ, вовсе отъ насъ? — спросилъ кто-то.

— Кто такой это, паре? — спросилъ другой.

— Не вѣдашь развѣ? — учитель нашъ, — сказали ему.

— Да, отъѣзжаю совсѣмъ, — отвѣчалъ Василій Якимычъ. — Три года прожилъ въ вашей волости учителемъ,—человѣкъ, чай, тридцать ребятъ вашихъ вполнѣ грамотѣ обучилъ: и читать, и писать умѣютъ, и въ ариѳметикѣ, считать то-есть, порядкомъ маракуютъ ... Обучилъ бы и больше, и еще чему-нибудь, кабы не брали раньше изъ школы, давали бы ребятамъ подольше учиться. Кажется, старался: авось, хоть не вы, такъ дѣти ваши добромъ помянутъ.

— Ты старался! Нечего сказать: стараніе твое

было большое ... Робята на тебя не жаловались ... Одобряютъ тебя! Что же, мы ничего ... Мы тобой довольны! — заговорили мужики съ разныхъ сторонъ.

— Вотъ только, если бы, парень, ты, на крылосу чтобы, въ церкови пѣли, обучилъ ... Ахъ, чудесно бы! Вотъ этого въ тебѣ нѣтъ говорилъ мужикъ, большой любитель церковнаго благочинія.

— Ну, ужъ чего нѣтъ, — на томъ не взыщите, а что могъ, умѣлъ и зналъ, — такъ училъ всему, старался, кажется.

— Да мы ничего ... Мы что же?.. Мы тебя не рекаемся. Живи себѣ ... Ты на что же уѣзжать-то хочешь?.. Куда? Съ чего прощаешься-то?.. Можетъ, гдѣ, въ другомъ мѣстѣ, складнѣе тебѣ будетъ, на-счетъ жалованья, али харчей?.. Какое положенье-то тебѣ у насъ отъ волости шло?

— Пятнадцать рублей я получалъ.

— Ну, вотъ, спрашиваетъ, ровно не знаетъ. О запрошломъ году ему три рубля накинули: пережъ двѣнадцать получалъ.

— Ну, да, пятнадцать!.. Такъ что же, парень? Тебѣ положеніе какъ есть ... слѣдующее ... Пятнадцать рублей на мѣсяцъ ... Что-жъ?.. Жить можно ... Чего тебѣ еще?.. Ну, а послужишь обществу ... опосля не оставимъ, — може, еще прикинемъ рубль-то какой, али два. А ты постарайся, послужи ...

— Да я совсѣмъ не изъ-за того ухожу, что жалованья мало ... Правда, что немного разгуляешься на пятнадцать рублей, на своихъ харчахъ... да мнѣ немного и нужно ... Я, братцы, не для жалованья у васъ жилъ и дѣтей вашихъ училъ ...

Прибавки просить у васъ я не думалъ, и въ прошломъ году вы мнѣ прибавили не по моей просьбѣ, а самъ волостной старшина отъ себя предложилъ вамъ увеличить мое жалованье ... Я не объ этомъ хлопоталъ, а мнѣ хотѣлось пользу сдѣлать и вашимъ дѣтямъ, и вамъ: я ихъ училъ не только одной грамотѣ, а старался, чтобы изъ нихъ вышли люди честные, трудолюбивые, чтобы они уважали свое мужицкое званіе, понимали бы, что они не только люди — такіе же, какъ и всѣ другіе, — но что въ мужикѣ вся сила ... что на немъ все держится ... что если всѣ мужики будутъ грамотные, а при этомъ честны и трудолюбивы, да узнаютъ свои права, тогда ... никто ихъ не обидитъ, не будетъ ни бѣдности, ни пьянства ... ни того униженія ... тогда все измѣнится, настанетъ другая жизнь, придутъ другіе, хорошіе порядки ...

— Ну, братъ, ты это точно что, — перебилъ Василія Якимыча среднихъ лѣтъ бахвалистый мужикъ, — она, грамота, знамо въ пользу, кому если она далась. Говорить нечего: пользительна ... А только-что на одной грамотѣ, безъ капитала, далеко не уѣдешь ... Вотъ если капиталъ имѣешь, да грамотный человѣкъ, — вотъ оно тогда точно что ... А нищаго съ сумой хоть какой грамотѣ обучи ... пущай хоть всѣ звѣзды на небѣ сосчитаетъ, а все онъ нищимъ пойдетъ съ сумой. Вотъ богатому человѣку — тому грамота прибавляетъ, а бѣдный что съ ней подѣлаетъ?—такъ она, ни къ чему ... одно званіе, что грамотный ... Вотъ ты и грамотный, и ученый, — да что толку-то? Велики ли капиталы-то наживаешь?..

Среди мужиковъ послышался сдержанный смѣхъ, тотчасъ же, впрочемъ, заглушенный и остановленный

неяснымъ, отрывистымъ ропотомъ: нашлись разсудительные люди, осуждавшіе этотъ неумѣстный смѣхъ, несогласные съ доводами оратора-мужика, заинтересовавшіеся словами Василія Якимыча.

— Нѣтъ, ты это не дѣло, Прокофій Иванычъ,— говорили эти послѣдніе,—ты его не сминай ... Онъ учитель, свою линію гонитъ, онъ къ добру говоритъ ... къ нашему, значитъ, благополучію ... Ты помолчи, Прокофій Иванычъ, ты опосля ... А ты говори ... говори знай свое, не взирай! — убѣждали они Василія Якимыча.

— Да мнѣ говорить-то, братцы, больше нечего, Вотъ развѣ ему только въ отвѣтъ сказать: оттого ты, почтенный, грамоту считаешь нужною для однихъ богатыхъ людей, что сами вы — люди темные, ничего не знаете; привыкли, что богатые васъ въ рукахъ держатъ, распоряжаются вами, ѣздятъ на васъ, какъ на скотахъ; привыкли думать, что только и есть одна благодать на свѣтѣ—богатство, деньги ... и что грамота, дескать, только на то и нужна, чтобы къ деньгамъ деньги наживать ... въ счетѣ не ошибиться, не просчитать самому, и не дать себя обсчитать другому!.. Вотъ ты на меня указалъ, а другіе, умники нашлись, и насмѣялись надъ тѣмъ, что я грамотенъ и ученъ—да бѣденъ, ... А я вотъ тебѣ что про себя скажу: правда, я бѣденъ — бѣднѣе, можетъ, васъ всѣхъ,—а кланяться богатому не стану, командовать ему надъ собой не позволю, а коли онъ еще богатъ да подлецъ, такъ я ему это прямо въ глаза скажу ... И какъ живетъ богатый— мнѣ дѣла нѣтъ, хоть онъ пропади совсѣмъ — для меня все равно, а вотъ вы—бѣдняки, нищіе, сѣрые мужики, а я вамъ служилъ и желалъ добра, и опять служить буду,—не вамъ, такъ другимъ, такимъ же,

какъ вы ... И не стыдно мнѣ нисколько ни бѣднымъ быть, ни служить вамъ, а богатому служить я не хочу, за низость для себя считаю ... А ты бы скорѣе къ богатому пошелъ служить, чѣмъ бѣдному, — а отчего такъ? Какъ ты думаешь? Оттого, другъ, что я грамотный, а ты человѣкъ темный ... Ну-ка, посмотри: какъ вы живете?.. Другъ противъ друга, — все врознь ... какъ бы одному отъ другого поживиться, одному другого надуть!.. Какъ бы только тебѣ хорошо было, а на другого наплевать! А коли кто чуть сталъ богатѣть между вами, такъ сейчасъ и норовитъ всѣмъ ужъ остальнымъ на шею сѣсть да покрѣпче всѣхъ въ руки забрать, міроѣдомъ дѣлается, — сосетъ изъ бѣдныхъ-то людей въ одно свое брюхо!.. Что?.. Неправда, что ли?

— Нѣтъ, правда!.. Это правда!.. Это такъ точно!.. Истинную онъ говоритъ! — послышались кругомъ голоса.—Мы ужъ промежъ себя что? Какъ живемъ? Надо правду говорить: какъ бы какъ одинъ подъ другого!.. А не то, что по-божески бы, по-душевно: въ одну руку тянуть, за-одно!.. Нѣтъ, этого нѣтъ промежъ насъ!..

— А все оттого, что темные вы люди. А будь-ка вы грамотны, такъ узнали бы, что надо не врозь идти, а помогать другъ другу, стоять за-одно, что каждаго изъ васъ легко въ руки взять, а всѣхъ-то вмѣстѣ по-мудренѣе, что за-одно вы много бы больше и сработали, и денегъ выручили, узнали бы, что не въ деньгахъ сила, а въ вашемъ трудѣ, что обижаютъ, притѣсняютъ васъ потому только, что вы ни правъ своихъ, ни силы своей не знаете ... Да мало ли бы вы что узнали!..

— А вѣдь это онъ все къ дѣлу говоритъ, ребята, — замѣтилъ одинъ.

— И по писанію, какъ въ писаніи!..

— Знамо, по писанію ... Вонъ онъ и по новымъ книжкамъ, по гражданскимъ, учитъ, а все оно ... къ одному, значитъ, поворачиваетъ ...

— Ты на что же отъ насъ уходить-то хочешь?.. Мы тобой довольны остаемся ... Обиды отъ насъ ты, кажись, тоже не видалъ?.. Прибавки ты не просишь ... Съ чего же ты это?

— Да я ухожу, братцы, не по доброй волѣ: меня выгнали ...

— Кто тебя выгналъ?.. Что ты?.. Слышь: мы ничего ... Желаемъ тебя ... Остаемся довольны ... Ты для нашихъ робятъ старателенъ ... Что же?.. Ты вотъ ихъ и обучаешь въ грамоту, и для насъ желателенъ ... Намъ не надо другого ...

— Ну вотъ, спасибо вамъ, господа міряне: мнѣ больше ничего и не нужно, чтобы вы меня добромъ помянули, да не велѣли вашимъ ребятишкамъ забывать того, чему я ихъ училъ ... А выгнали меня за то, что я будто бы порчу вашихъ дѣтей, учу ихъ не дѣлу ...

— Да кто, кто выгналъ-то?.. Неужто Ѳедотъ Семенычъ?

— Нѣтъ, нѣтъ ... Мое начальство ... школьное ... Видно, кто-нибудь порадѣлъ ... обнесли меня передъ начальствомъ ... Другого на мое мѣсто назначили: отца Матвѣя свояка ... а мнѣ велѣно вонъ убираться ...

— То-то я, братцы, слышалъ отъ писаря: на учителя, чу, надбавка будетъ на тотъ годъ ... въ жалованье ... Вотъ оно что значитъ! — сообщилъ одинъ изъ крестьянъ.

— А мы не согласны ... Вотъ!.. Мы для своихъ робятъ тебя желаемъ!.. Давай, господа міряне, приговоръ о немъ сдѣлаемъ ...

— Приговоръ!.. Приговоръ и нужно!.. Безпремѣнно! — загалдѣла толпа. Пойдемъ къ писарю ... Велимъ писать ... Онъ вонъ и прибавки не хочетъ. На томъ остается доволенъ ... А тотъ съ чего это еще надбавку проситъ?.. Незнаемый человѣкъ ... а надбавку ... Мало что отца Матвѣя своякъ ... А мы не желаемъ!.. Плевать!.. Приговоръ ... приговоръ!.. Пойдемъ приговоръ писать!..

Толпа шарахнулась-было къ дверямъ, но ее остановилъ пожилой мужикъ.

— Погодите-ка ... Слышь: начальство его смѣнило ... Чего-жъ ты съ приговоромъ-то полѣзешь?.. Чумные!.. Развѣ можно ... коли ежели начальство ...

— Начальство!.. Такъ что начальство?.. А мы желательны его, потому начальству неправильно про него ... Вѣдь деньги-то мы ему платимъ за своихъ робятъ ... Ну, значитъ, и желаемъ ...

— Да чудные ... Деньги, знамо, мы платимъ ... И за все платимъ ... Да развѣ можно супротивъ начальства?.. Теперь бы исправникъ сотскаго смѣнилъ, али, ближе сказать, посредникъ старосту съ мѣста ссадилъ, а ты бы на своемъ стоять, да приговоръ писать: не желаю другого, этого желаю ... Кто же это васъ слушать-то станетъ?.. Пиши, пожалуй ... Ты приговоръ напишешь, а тебѣ другого посадятъ. Вотъ только и будетъ!.. Да писарь и писать-то не станетъ, и Ѳедотъ Семенычъ не велитъ ... Бунтоваться, что ли, пойдете изъ-за учителя-то?.. Чумные, право, ну!..

— А что вѣдь и дѣло, ребята ... Супротивъ начальства какъ же теперь?..

— А что такое ... Какое такое начальство? Мы не знаемъ ... Ничего не будетъ ...

— Передерутъ всѣхъ: вотъ только и будетъ!.. Тогда и начальство тебѣ покажутъ: узнаешь какое!.. Полно, ребята, и не затѣвай пустяковъ ...

— Да и не нужно, братцы, — сказалъ Василій Якимычъ,—совсѣмъ безполезно... Очень вамъ благодаренъ за ваше намѣреніе, только все равно: я не останусь у васъ ... Да мнѣ и не позволятъ остаться, хотя бы вы и приговоръ составили ... Прощайте, господа міряне ... Спасибо вамъ на добромъ словѣ ...

— Прощай, братъ ... Ну, что дѣлать-то?.. Начальство, такъ ужъ ничего не подѣлаешь!.. Какъ же ты теперь?.. Куда?..

— Да авось, Богъ милостивъ, не пропаду ... Найду себѣ кусокъ хлѣба ...

— Да знамо ... только теперь ужъ тебѣ нужно въ дальнія мѣста какія, коли начальство супротивъ тебя ...

— Куда ужъ судьба приведетъ ... не знаю ... Прощайте ...

Василій Якимычъ вышелъ въ сѣни и вся толпа изъ сборной послѣдовала за нимъ. Въ это время къ крыльцу волостного дома подъѣхалъ Ѳедотъ Семенычъ. Увидя въ сѣняхъ учителя, онъ подозвалъ его къ себѣ.

— Еще не уѣхалъ, — сказалъ онъ, подавая руку. — А я ужъ боялся: не застану тебя ...

— Совсѣмъ ужъ собрался и ѣхать бы надо — отвѣчалъ Проскуровъ, да вотъ только подводчика своего жду ... Послѣ схода поѣдемъ ...

— А мы, Ѳедотъ Семенычъ, желательны его при себѣ оставить! — выступилъ изъ толпы одинъ мужикъ. — Не надо бы его отпущать-то, потому онъ для насъ и для робятъ нашихъ больно согласенъ...

— Мы приговоръ желаемъ на-счетъ его ... Приговоръ, что желательны, — заговорили въ толпѣ нѣсколько голосовъ, — желательны, чтобы безпремѣнно его ... А больше никого ... Потому онъ для насъ въ пользу ... Почто обижать человѣка? .. Онъ старателенъ для насъ ... И отъ насъ доволенъ ... Вотъ !.. А прибавки на учителя мы не желаемъ ... Почто еще прибавку? .. И безъ того не въ сносъ!.. Приговоръ желаемъ, Ѳедотъ Семенычъ!.. Вотъ!..

— Да я бы самъ, ребята, хотѣлъ, чтобы онъ остался у насъ,— отвѣчалъ старшина.— Онъ парень тихой, не пьющій, а ужъ какъ для ребятъ-то старался, самъ я видѣлъ: здѣсь училище-то у меня на глазахъ... Да какъ же его оставишь, коли начальство не желаетъ? .. Начальство для того поставлено: оно лучше знаетъ ...

— А мы попросимъ за него ... Похлопочемъ ...

— Я ужъ благодарилъ мірянъ, — сказалъ Проскуровъ, и толковалъ имъ, что мнѣ нельзя остаться здѣсь ни въ какомъ случаѣ.

— Ну, вотъ слышите ... Что же дѣлать ... Жалко его, да дѣлать-то нечего ...

— Ну, такъ ужъ и прибавлять же другому учителю мы не согласны ... Не вѣдомо какой еще будетъ, а ужъ, ничего не видя, прибавку проситъ ...

— Объ этомъ мы вотъ на сходѣ потолкуемъ, братцы, не здѣсь,—возразилъ Ѳедотъ Семенычъ.— Пойдемъ-ка, я зайду къ тебѣ на минутку, Василій Якимычъ,— обратился онъ къ Проскурову,— попрощаться съ тобой порядкомъ да потолковать ...

— Пойдемъ, Ѳедотъ Семенычъ... Очень радъ...

— А вы, ребята, собирайтесь на верхъ, въ правленіе. Я тотчасъ приду ...

Проскуровъ и старшина вошли въ училище, а толпа шарахнулась на лѣстницу.

— Ну, какъ же ты, куда теперь, Василій Якимычъ? — спросилъ Ѳедотъ Семенычъ, когда они усѣлись въ каморкѣ учителя.

— Гдѣ-нибудь да надо искать дѣла, — уклончиво отвѣчалъ Проскуровъ.

— Обидѣли, братъ, тебя ... Понапрасну обидѣли... Ну, что дѣлать!.. Перво я хотѣлъ тебя въ волостные писаря звать, да раздумался: и самъ-то я скоро изъ старшинъ уйду, да и, Богъ знаетъ, посреднику ты потрафишь-ли ... Опять же и исправникъ, и становой: все начальство!.. Всѣмъ угодить надо, а ты молодъ еще, горячъ ...

— Да нѣтъ, спасибо, Ѳедотъ Семенычъ. Я въ писаря не пойду ... Это не по мнѣ ...

— Я то и думалъ, что не по тебѣ ... Да и то разсудилъ, что ужъ теперь тебя изъ учителей все равно, что выгнали, и у всѣхъ ты, значитъ, господъ будешь въ сумнѣніи, потому они всѣ на человѣка смотрятъ одинъ по одному: одному согрубилъ или не потрафилъ, ужъ и другіе отъ тебя того же ждутъ ... Одинъ сказалъ: пьяница, али человѣкъ ненадежный, али тамъ что другое ... всѣ ему и вѣрятъ: такъ ужъ ты и останешься у всѣхъ въ подозрѣніи ...

— Это я знаю ...

— Ну, то-то и есть ... Ужъ тебѣ, значитъ — хоть бы въ учителя — опять здѣсь никуда не попасть ... Вотъ вѣдь горе-то! ... А я что про тебя думалъ: не попытаться ли тебѣ къ купцамъ на фабрикахъ, въ конторщики? ... Ты человѣкъ письменный, ученый ... Можетъ, возьмутъ? ... Либо дѣтей малыхъ у нихъ учить: тоже, бываетъ, нуждаются ...

А? Попытался бы! ... Вотъ послѣ схода я поѣду къ Ѳедянкѣ, къ дружку-то твоему, на фабрику ... Не хочешь ли подвезу кстати? ... И за подводу тебѣ не платить, и съ Ѳедей повидаешься ... А, можетъ, что и выйдетъ ...

— А вы что же, Ѳедю провѣдать ѣдете? — спросилъ Проскуровъ, не рѣшаясь сказать, что и онъ собирался ѣхать туда же, только съ другой цѣлью.

— Да вотъ и про Ѳедю-то мнѣ съ тобой хотѣлось потолковать ... Прибѣгалъ ко мнѣ его отецъ, — сватъ вѣдь, онъ мнѣ приходится ... прибѣгалъ совѣтовать на счетъ Ѳеди ... И невѣстка-то моя, Ѳедина сестра, сказываетъ, что и онъ-то самъ, Ѳедя, очень ужъ проситъ побывать къ нему ... Такъ вотъ и думаю съѣздить ... Ты ничего не слыхалъ о Ѳедѣ-то нашемъ?

— Особеннаго ничего не слыхалъ ...

— Спотыкнулся, братъ, нашъ Ѳедя, спотыкнулся: жениться задумалъ противъ родительской воли, да невѣсту-то, сказываютъ, больно ужъ плоху выбралъ ...

— Знаю я про эту любовь, Ѳедотъ Семенычъ: отъ него самого, слышалъ ... Вы что же хотите дѣлать? ...

— Да чего тутъ дѣлать? ... Тутъ дѣлать нечего, кромѣ что̀ постыдить, да посовѣстить: не образумится ли самъ ... Отцу, чу, на-отрѣзъ сказалъ, что не то, что кого-нибудь, а и его не послушаетъ: женится на ней ... Велѣлъ-было отецъ домой идти — и въ этомъ не послушался ... Значитъ, ужъ очень его закружили тамъ! ... Вотъ я и думалъ: не поможешь ли и ты образумить его — по вашему съ нимъ дружеству ... А, между прочимъ, и объ мѣстѣ-то бы про себя похлопоталъ ... Право! ... Поѣдемъ-ка ...

— А что же, поѣдемте, Ѳедотъ Семенычъ, мнѣ все равно ... Багажа со мной не много, я не потѣсню васъ: все уложится и самимъ мѣста будетъ ... Поѣдемте ...

— Ну, вотъ и чудесно! ... Такъ откажи подводѣ-то твоей. Скажи, что со мной ѣдешь ...

Часа черезъ два послѣ этого разговора Ѳедотъ Семенычъ съ Проскуровымъ ѣхали уже въ Старое-Село.

II.

Ѳедотъ Семенычъ съ Проскуровымъ пріѣхали въ Старое-Село въ гулящій день. Всѣ окрестныя деревни праздновали престолу своей приходской церкви. Работа на фабрикѣ въ этотъ день прекращалась. Въ первый годъ открытія фабрики Кузьма Иванычъ хотѣлъ-было обойти этотъ праздникъ, какъ не указанный въ святцахъ кружкомъ съ крестомъ по срединѣ его, и не хотѣлъ останавливать фабрики; но народъ въ этомъ отношеніи ему не уступилъ. Напрасно шипѣлъ паровикъ, напрасно раздавались свистки, напрасно угрожали штрафами, — мѣстные рабочіе на фабрику не шли, а, смотря на нихъ, ушли съ нея и тѣ, которые принадлежали къ другому приходу и для которыхъ этотъ праздникъ необязателенъ. Съ тѣхъ поръ вошло въ обычай праздновать мѣстному престолу и на фабрикѣ.

Осень уже смѣнялась зимою. На скованную крѣпкими утренниками землю выпалъ молодой снѣжокъ, устанавливалась давно желанная, въ этотъ годъ запоздавшая, санная дорога. Она усиливала веселое, праздничное настроеніе деревенскаго, гуляющаго люда. Весь народъ былъ на улицѣ и особенно толпился около трактира и кабаковъ. Пѣсня, смѣхъ, говоръ и гармонія слышались со всѣхъ сторонъ. Время

было послѣ-обѣденное, веселье въ полномъ разгарѣ. Всѣ, кого ни встрѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ, подъѣзжая къ фабрикѣ, были поголовно или пьяны, или на-веселѣ: мужики, бабы, дѣвки, даже подростки, почти дѣти; всѣ горланили, шумѣли, точно старались перекричать другъ друга. Молодые ребята изъ мѣстныхъ жителей катали по первопуткѣ фабричныхъ дѣвокъ, раскраснѣвшихся отъ мороза и водки и цѣлымъ десяткомъ ввалившихся въ розвальни. Дѣвки визжали, хохотали, толкались, вываливались изъ саней и кидались на нихъ чуть не внизъ головой, а ребята посмѣивались, отпускали своеобразныя остроты, щипали дѣвокъ, или гагайкали и нахлестывали выбившуюся изъ силъ лошаденку. Трактиръ, большое двухъ-этажное зданіе, какъ видно, былъ наполненъ народомъ черезъ край: на крыльцѣ, на лѣстницѣ и около него толпился народъ; непрерывная волна народа лѣзла вверхъ по лѣстницѣ, сталкиваясь съ другою, спускавшеюся внизъ: дверь почти не успѣвала затворяться и оттуда, изнутри трактира, несся оглушительный шумъ, крикъ, визгъ, говоръ, пѣсни и рѣзкій брякъ посуды. Отдѣльныя кучки рабочихъ мужчинъ и женщинъ прохаживались и распѣвали фабричныя, часто непристойныя пѣсни, приплясывая, притопывая, выкидывая разныя колѣна: кто во что̀ горазд̀ъ. Мужчины въ цвѣтныхъ рубашкахъ, въ поддевкахъ на распашку, съ картузами на затылкахъ безъ церемоніи обнимали и цѣловали женщинъ, а тѣ, въ свою очередь, передъ ними приплясывали, кривлялись и размахивали цвѣтными платками. Въ одной кучкѣ пѣли:

Корпусъ длинный, двухъ-этажный.
На верху свистокъ отважный,
Свистокъ взвоетъ, зареветъ,
Народъ на фабрику пойдетъ.

Старосельскіе ткачи
Носятъ плюсовы рубахи,
Безъ подметокъ сапоги:
Старосельски-то ткачи.

Толпа мальчишекъ подростковъ, съ какимъ-то особеннымъ бахвальствомъ, пѣла:

Гдѣ ни пройдемъ, ни проѣдемъ,
Вездѣ ворами зовутъ.
Мы не воры, не разбойнички
Мы лихіе рыболовщички:
Ловимъ рыбу по сухіемъ берегамъ:
По амбарамъ, по клѣтямъ,
По шкатулкамъ, сундукамъ
Да по каменнымъ домамъ.

Въ другой толпѣ описывалась и прославлялась фабрика:

Какъ во Староемъ Селѣ,
На господской на землѣ,
Въ преогромномъ томъ врагу
Кузьма выстроилъ трубу.
Тутъ стоитъ труба высока,
Корпусъ длинный съ полверсты.
Во стѣнахъ связи толсты.
Тутъ пируютъ мужики;
День и ночь они пируютъ,
Во котлахъ вода кипитъ,
Колесо паромъ вертитъ.
Отъ того ли колеса
Проведены чудеса:
Не разсмотришь въ три часа.
Корпусъ длинный, двухъ-этажный,
На верху свистокъ отважный.
Свистокъ взвоетъ, зареветъ,
Народъ на фабрику пойдетъ.

Среди этого движенія, разгула, шума и гама Ѳедотъ Семенычъ ѣхалъ, насупившись, опустя голову, съ недовольнымъ лицомъ. Василій Якимычъ, напротивъ, чувствовалъ себя веселымъ, довольнымъ и чуть не съ восторгомъ любовался народнымъ разгуломъ. Когда они переѣхали черезъ рѣку и повер-

нули къ фабрикѣ, народу стало встрѣчаться все меньше и меньше: гулянье осталось сзади ихъ, и шумъ сталъ затихать. Василій Якимычъ повернулся, смотрѣлъ назадъ и прислушивался; старикъ поднялъ голову и взглянулъ на спутника.

— Экое безобразіе! экой срамъ! — проговорилъ онъ. — Ровно, съ цѣпи сорвались, всѣ, ровно, какъ оглашенные! ... Тьфу! ...

Ѳедотъ Семенычъ плюнулъ.

— Что это вы, Ѳедотъ Семенычъ! — возразилъ Проскуровъ. — А я такъ смотрѣлъ да радовался: вотъ, думалось мнѣ, что значитъ фабрика, свободный, ничѣмъ не стѣсненный народъ, готовый заработокъ, лишній грошъ въ карманѣ! ... Вонъ какъ разгулялся рабочій народъ! ... Всѣ веселы, беззаботны, ни одного лица хмураго нѣтъ ... Всѣ: отъ мала до велика! ... Никого знать не хотятъ, ни о комъ не думаютъ ... У всѣхъ душа на распашку! ...

Ѳедотъ Семенычъ сердито посмотрѣлъ на Проскурова.

— Ну, я думалъ, что ты ... умнѣе по крайности ...

— Что такъ, дѣдушка ... За что же глупымъ-то ты меня счелъ?

— Да развѣ это веселье? ... Это развратъ ... пьянство ... распутство одно, вотъ что! ... Развѣ ты думаешь, оттого шумятъ, что у нихъ на душѣ весело, на сердцѣ спокойно? ... Какъ же! ... Водка въ нихъ бурлитъ одна, вотъ что! ... Запри-ка кабаки, не давай водки: что̀ изъ нихъ будетъ? ... Говоришь: лишній грошъ въ карманѣ! ... Нашелъ лишній грошъ ... да! ... Не то лишній, ничего у нихъ нѣтъ за душой! ... Одинъ изъ десятка

развѣ что̀ домой принесетъ; все здѣсь останется и къ тому же хозяину въ карманъ пойдетъ, все здѣсь пропьютъ, проѣдятъ да прогуляютъ ... Это голь да горе, да распутство гуляетъ, а не то что готовый заработокъ да лишній грошъ! ... Вотъ, что̀ деньжонокъ вчера получилъ — сегодня спуститъ, а завтра еще не проспится, либо опохмѣлиться захочется, на фабрику-то не попадетъ, да подъ штрафъ себя подведетъ ... А ужъ, братъ, купецъ свое возьметъ, не думай: не помилуетъ, штрафы-то у нихъ такіе, что за прогульный-то день недѣлей не заработаешь ... Вотъ тебѣ и всѣ заработки! ... А, окромѣ того, развратъ-то этотъ, бахвальство, дѣвки-то распутныя, ребятишки пьяные ... что, хорошо это по твоему? ... Слышалъ, али нѣтъ, о чемъ пѣсни-то поютъ? ... Вѣдь не даромъ? ... Что же, и этому радо̀ваться, что ли, нужно? ... Что народъ-то свободный, узды-то, палки-то на него нѣтъ? ... Что съ десяти годовъ и водку пьетъ, и никому не уважаетъ, и распутство всякое знаетъ, и бахвалится еще этимъ? ... Этому, что ли, ты радовался-то, смотря на все это безобразіе? ...

Василій Якимычъ внутренно согласился, что старикъ во многомъ правъ; понялъ, что и онъ самъ увлекся народнымъ весельемъ потому только, что у него у самого было весело на душѣ отъ надежды получить на фабрикѣ хорошее мѣсто: при другомъ настроеніи онъ, вѣроятно, и самъ иначе посмотрѣлъ бы на этотъ разгулъ и сдѣлалъ бы выводы, близкіе къ разсужденіямъ старика; но ему не хотѣлось въ этомъ признаться.

— Само собой, Ѳедотъ Семенычъ, — возразилъ онъ, — я не пьянству и не распутству радуюсь, а тому, что есть у мужика возможность заработать на

фабрикѣ больше, чѣмъ сидя дома, а какъ онъ употребитъ этотъ заработокъ, — это другой вопросъ. Извѣстно, если бы мужикъ у насъ былъ грамотный да не такой бѣдный, такъ онъ не только не далъ бы мальчишкѣ своему пьянствовать, но и самъ бы не сталъ пить ... не сталъ бы пропивать заработка, а сберегалъ бы ...

— И то не правда: вонъ у меня сынъ и грамотный, и не въ бѣдности выросъ, а вышелъ бездѣльникъ ... бездѣльникомъ такъ и останется ... и пьяницей ...

— Одинъ вашъ сынъ не примѣръ ...

— Да и не одинъ: и другихъ знаю грамотныхъ, — тотъ проворовался, тотъ спился съ кругу, другой въ мошенничествѣ попался ... Да вотъ, коротко тебѣ сказать: сколько я писарей перемѣнилъ, а ни одного путнаго найти не могъ! Либо плутъ, либо пьяница, либо на обѣ руки удача ... Нѣтъ, это пьянство и безпутство не оттого.

— А отчего же по-вашему? ...

— А такъ думаю, что не отъ воли ли этой самой ... Жилъ мужикъ прежде, ровно малый ребенокъ, подъ началомъ да подъ палкой ... А вотъ теперь пораспустили поводья ... Онъ и забралъ форсу, ровно саврасъ безъ узды ...

— Полно, Ѳедотъ Семенычъ ... Какой форсъ, какая особливая воля у нашего мужика? ... Только вѣдь и барыша-то всего, что на барщину не гоняютъ ... А кому онъ не подначаленъ, кто его не обидитъ, коли захочетъ, кто съ него не беретъ сколько вздумается? ... Самъ ты лучше меня это знаешь ... И міръ у него — начальство, и писарь — начальство, и староста, и ты — начальство, не говоря ужъ о чиновникахъ ... И всякаго

онъ боится, и всякаго слушаетъ — и въ дѣлѣ, и не въ дѣлѣ ... И до сихъ поръ хорошенько не знаетъ, что̀ его, что̀ чужое, что̀ слѣдуетъ отдать, чего нѣтъ ... Пошевелиться, подумать-то не смѣетъ самъ ни о чемъ, а ищетъ глазами, кто бы распорядился имъ да приказъ отдалъ ... Видалъ я, вонъ какъ онъ повинности свои платитъ: не знаетъ хорошенько, сколько съ него слѣдуетъ, сколько съ него взяли, сколько за нимъ остается, дадутъ квитокъ,— такъ ладно, не дадутъ, — и такъ уйдетъ ... А покричи-ка на него, припугни хорошенько, ото всего отступится, только бы свою-то шкуру унести ... А отчего все это? ... Оттого что не грамотенъ, ничего не знаетъ, вступиться за себя не умѣетъ ...

— Ну, такъ ужъ и фабрика же твоя хваленая богатства ему не дастъ, и отъ пьянства не отучитъ, а только еще больше избалуетъ да къ распутству пріучитъ ... И ничего хорошаго отъ этихъ фабрикъ для нашего народа не будетъ: отъ земли онъ отобьется, богатства не наживетъ, а всякой мерзости научится съ малолѣтства съ самаго ... Вонъ какихъ принимаютъ — совсѣмъ сосунчиковъ: чего онъ здѣсь насмотрится, что̀ хорошаго перейметъ, какой человѣкъ изъ него выйдетъ?.. Дома-то мужикъ сидитъ хоть и въ нуждѣ, и въ бѣдности, да въ своемъ мѣстѣ, въ своей семьѣ: мужъ при женѣ, жена при мужѣ, какъ и слѣдуетъ, за молодымъ парнемъ старшіе присмотрятъ, за дѣвкой мать али бабка ... Да и міра всякой опасится, отъ міра стыдно бываетъ, какъ что̀ не хорошо, да не ладно дѣлаетъ ... А здѣсь что, на фабрикѣ?.. Кому̀ кто нуженъ? Кто за кого вступится, остановитъ, или поможетъ?.. Всякому только до себя ... За одно-то только пьютъ да гуляютъ! ... Вотъ ужъ въ этомъ другъ отъ друга отстать нельзя, по-

тому кампанство большое, людно, весело, да и сподручно: въ долгъ вѣрятъ, знаютъ, что у фабричнаго человѣка жалованье недѣльное, либо мѣсячное... Вотъ онъ, твой готовый-то заработокъ — первымъ долгомъ въ кабакъ али въ трактиръ и уйдетъ! ... А какъ живутъ-то: ни сытъ, ни голоденъ, хлѣбъ въ сухомятку ѣдятъ, безъ варева, только и радости, что чаемъ брюхо парятъ да табачищемъ либо водкой дурманятъ себя ... Съ этого здоровъ не будешь ... И смотри-ка, много ли краснорожихъ-то да толстыхъ, у всѣхъ бока подвело, всѣ ровно въ болѣзни какой, и большіе, и малые! ... Нѣтъ, не въ путь, и не въ корысть намъ эти фабрики: не разбогатѣетъ отъ нихъ мужикъ и не поправится, а только вдосталь испортится! ...

— Тебя послушать, Ѳедотъ Семенычъ, такъ хоть указа ждать, чтобы всѣ фабрики закрывали ... А на чемъ же бы мужику заработать безъ фабрики-то, особливо въ вашихъ мѣстахъ? ... Земли у мужика мало, да и та плохая, не прокормитъ; въ иной семьѣ лишнія руки — дѣвать ихъ некуда, работы нѣтъ про нихъ: чѣмъ-же кормиться-то? ... Чѣмъ подати платить? ... А подати нынче, самъ знаешь, какія ... Иной бы молодой парень или дѣвка, сидя дома, зимой, такъ бы, безъ дѣла прошатались, даромъ бы хлѣбъ ѣли, а теперь они на фабрикѣ и сами прокормятся, и домой къ лѣту что-нибудь заработаютъ, а лѣтомъ опять готовы на полевую работу... Вотъ и выгода! ...

— Ну, ужъ, братъ, кто на фабрикѣ пожилъ, къ этой безпутной фабричной жизни привыкъ, тотъ плохой работникъ на полѣ ... Нѣтъ, его и къ чаю тянетъ, и спина не гнется, и руки не тѣ, да и моды онъ всякія узналъ: въ ситцевыхъ рубахахъ да въ

платьяхъ, въ сапогахъ да въ башмакахъ выучился ходить ... Нѣтъ, его на поле-то развѣ палкой гнать, а доброй волей онъ не пойдетъ, не понравится! ... Да и онъ домой-то придетъ съ фабрики, скажетъ: усталъ, измаялся, отдохнуть надобно, а страхъ-то и послушаніе ужъ потерялъ, никого домашнихъ-то въ грошъ не ставитъ: онъ — фабричный человѣкъ, бойкій, въ картузѣ, въ сапогахъ, а тѣ домашніе — мужики сѣрые, станетъ ли онъ ихъ почитать — слушать? ... Нѣтъ, ужъ фабричный на землю и смотрѣть не станетъ: его отъ нея воротитъ, а земля-матушка тому въ руки дается, про того родитъ, кто ее любитъ, на нее надѣется, отъ нея кормиться хочетъ ... Да вотъ я тебѣ что̀ скажу: пускай въ нашихъ мѣстахъ эта фабрика вновѣ, народъ еще въ ней силы не узналъ, а я бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этихъ фабрикъ много, и онѣ тамъ издавна, такъ совсѣмъ тамъ мужики забросили землю-то: либо вовсе впустѣ лежитъ, либо кое-какъ всковырена, ровно нехотя, отъ бездѣлья ... Ну, знамо, и не родитъ ничего ... Вотъ весь тамъ народъ фабричный, а этакой бѣдности да голодовки я нигдѣ и не видывалъ, даромъ всѣ въ суконныхъ поддевкахъ да въ ситцевыхъ платьяхъ ходятъ и самовары въ каждомъ домѣ позавели ... А ужъ на-счетъ порядковъ-то и говорить нечего: испроворовался, испьянствовался, распустился народъ вовсе ... Ни стыда, ни совѣсти! ... Не приведи Господи, чтобы и въ нашемъ краю такъ сталося, а будетъ то и у насъ, коли много фабрикъ пооткрывается ... Вотъ она что фабрика-то значитъ! ... Походи-ка за землей-то хорошенько: какая-бы она ни была плохая, она тебя прокормитъ и худому не научитъ, а фабрика только одѣнетъ тебя, за-то голоднымъ оставитъ и

безпутнымъ сдѣлаетъ! ... Отъ этихъ фабрикъ только однимъ купцамъ хорошо: имъ онѣ въ пользу, — и самъ онъ толстѣетъ, и карманъ у него пухнетъ, а для народа? ... Нѣтъ, не радуюсь я этимъ корпусамъ каменнымъ и трубамъ высокимъ: остатки онѣ изъ мужика всѣ вымотаютъ и вмѣстѣ съ дымомъ на вѣтеръ пустятъ! ... Ты говоришь: мужика вездѣ обижаютъ, обсчитываютъ, а здѣсь ты думаешь что? Объ немъ что ли хлопочутъ, для него стараются, не обижаютъ и не обсчитываютъ, что ли? ... Всего, братъ, довольно и здѣсь, еще больше, чѣмъ дома, въ деревнѣ, а ужъ на-счетъ начальства-то да всякой строгости ... онъ въ деревнѣ-то того и не видывалъ: здѣсь ужъ и вовсе никакого разговора не слушаютъ! ... Въ одномъ свобода полная: отстоялъ свои часы, иди, куда знаешь, пей, сколько душа приметъ: кабаки-то да трактиры отъ хозяина же сданы, онъ за нихъ аренду получаетъ ... Нѣтъ, пускай бы ужъ эти фабрики хоть въ городахъ, что ли, строили: тамъ народъ бойчѣе, развязнѣе, себя въ обиду не дастъ, а въ деревню бы, къ сѣрому мужику, ихъ не надобно ... Мужику отъ земли питаться указано: пускай-бы отъ нея да отъ своего промысла, кто что умѣетъ, и кормился ... Лучше бы было ...

Проскуровъ, слушавшій Ѳедота Семеныча съ улыбкой, собирался что-то возразить ему, но остановился. На встрѣчу имъ съ фабричнаго двора выѣхали легонькія бѣговыя санки, въ которыя былъ заложенъ сѣрый раскормленный жеребецъ, съ крутой жирной шеей, съ толстыми ногами. Ожирѣвшій красавецъ конь фыркалъ, озирался изъ-подъ длинной густой чолки, порывался бѣжать, но, чувствуя туго натянутыя возжи, кругло и высоко вскидывалъ передними ногами. Въ саняхъ сидѣли Александръ

Кузьмичъ, который самъ правилъ лошадью, и Алена Николавна. Ѳедотъ Семенычъ тотчасъ узналъ хозяйскаго сына и сообщилъ о предстоящей встрѣчѣ Проскурову.

— Вотъ этотъ самый, дружокъ-отъ и благодѣтель Ѳединъ, — сказалъ онъ. — А кто это съ нимъ — не знаю. Видать, кататься поѣхали. Ты смотри, держи правѣе, дай имъ дорогу, — приказалъ онъ своему кучеру.

— Экой конь богатый ... Настоящій купеческій! — проговорилъ этотъ послѣдній, обращаясь къ своимъ сѣдокамъ. — Ишь ты, ногами-то, ногами-то что дѣлаетъ ... Вотъ такъ корменъ! ... Аи, корменъ! ...

Когда сани поровнялись, Ѳедотъ Семенычъ молча поклонился.

— Кто это? — спросила Алена Николавна.

— Ахъ, да это ... Это ... Чернушкина старикъ ... Старшина! — торопливо отвѣчалъ Александръ Кузьмичъ, осаживая свою лошадь и окликнулъ Ѳедота Семеныча, имя котораго онъ забылъ.

— Вы къ кому? — спросилъ онъ оборачиваясь. Тятеньки нѣтъ: онъ на старой фабрикѣ, и Дмитрія Тимоѳеича нѣтъ, — въ гости уѣхалъ.

— Нѣтъ, мы къ Оедору, къ своему ...

— Его нѣтъ на фабрикѣ: онъ въ деревнѣ ... Онъ теперь не живетъ въ мастерской ...

— А гдѣ же? — невольно спросилъ Ѳедотъ Семенычъ — Я и не зналъ.

— Поѣзжайте за мной: я покажу. Заворачивайте ... Не стойтъ никакъ мой-то ... рвется ... Поѣзжайте за мной ...

Ѳедотъ Семенычъ приказалъ заворачивать.

— Не поспѣешь, сударь, за вами ... Вона ка-

кой у васъ! ... рысакъ должно быть? — гововорилъ оскляблясь извозчикъ Ѳедота Семеныча.

— Ничего, я потихоньку поѣду ... Буду поджидать васъ, чтобы не отставали, — отвѣтилъ Александръ Кузьмичъ, но, польщенный похвалою лошади, не могъ удержаться, чтобы не показать ея бѣгъ.

— Да, это рысакъ! .. Хорошо бѣжитъ! — сказалъ онъ, далъ лошади свободу, и слегка тронулъ ее возжами. Она понеслась, какъ вихрь, и мгновенно оставила назади волостную пару.

— Да, вотъ угонись за нимъ! — говорилъ извозчикъ, нахлестывая своихъ лошадей. — Ни въ въ жизнь не догонишь! ... Купеческа лошадь ... она сытая! ... Опять же — рысакъ! ...

Но Александръ Кузьмичъ, промчавшись до моста, оглянулся назадъ, поворотилъ свою лошадь и шагомъ поѣхалъ на встрѣчу ямской парѣ. Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что показалъ рѣзвую и красивую побѣжку своей лошади, которою самъ правилъ, доволенъ тѣмъ радостнымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на Алену Николавну быстрая ѣзда; онъ былъ счастливъ чувствомъ свободы, независимости и какъ-бы полной самостоятельности, которое онъ испытывалъ въ настоящую минуту, благодаря отсутствію отца, зятя и сестры. Пользуясь этимъ отсутствіемъ, онъ пригласилъ съ собою Алену Николавну прокатиться и кстати осмотрѣть школу. Молодые люди были вполнѣ покойны и беззаботно веселы. Алена Николавна забыла свои серьезныя задачи, оставила напускную озабоченность, сосредоточенность и суровость, она весело болтала и хохотала; Александръ Кузьмичъ больше, чѣмъ когда-нибудь, чувствовалъ себя человѣкомъ, мужчиной и достойнымъ товарищемъ ученой барышни.

— Зайдемте и мы, Алена Николавна, къ Ѳедору, — предложилъ Александръ Кузьмичъ, — познакомьтесь и посмотрите на его невѣсту ... Вамъ же нужно поговорить съ ней на-счетъ воскресной школы ...

— Такъ что же, зайдемте: я съ удовольствіемъ ... Куда хотите! ...

— Поговорите съ ней ... И потомъ скажите мнѣ ваше мнѣніе о ней ...

— А что же? ...

— Такъ, мнѣ хочется знать ваше мнѣніе ...

— Я замѣчаю, что эта особа васъ очень интересуетъ ... А? ...

Алена Николавна засмѣялась. Александръ Кузьмичъ вспыхнулъ и смутился.

— Нѣтъ, нисколько, — оправдывался онъ. — Я только ... для Ѳедора ... Годится ли она ему въ жены? ... Вы же сами говорили ... Помните? ...

— Хорошо, хорошо, — смѣялась Алена Николавна, — я ее позондирую ... Надо посмотрѣть, не удобнѣе ли она для кого другого ... Хорошо, посмотрю ...

— Ну, вотъ вы какія ... Алена Николавна ... Я такъ ... просто ... Мнѣ что же? ... Я вѣдь не стану же жениться на ней ...

— Да гдѣ вамъ жениться: вы богачъ, а она крестьянская дѣвка, бѣдная! ... Вамъ нужно богатую невѣсту ... съ капиталомъ! ...

— Да совсѣмъ я не про то ... Вотъ вы все придираетесь ... Она Чернушкина невѣста: онъ безъ памяти въ нее влюбленъ ... Онъ непремѣнно хочетъ жениться на ней ... А вотъ, какъ она къ нему? ... Я на-счетъ нашего дѣла ... Помните: вы говорили, что женитьба можетъ его отвлечь ...

Что онъ весь отдастся женѣ, ни о чемъ больше думать не будетъ ... А если она мало его любитъ? ...

— Такъ не лучше ли, чтобы васъ полюбила? .. А? ... Такъ, что ли? ...

Алена Николавна опять засмѣялась.

— Да полноте, право ... Ну, что вы это, — отыгрывался Александръ Кузьмичъ. — Что вы какая сегодня? ... Я объ дѣлѣ, а вы все смѣетесь, шутите ...

— Совсѣмъ не шучу: я серьезно ... Не даромъ вы такъ расписывали мнѣ ея красоту ... Ну, я въ этомъ отношеніи ужъ не судья ... А вотъ насчетъ нравственной, интеллектуальной стороны, извольте, постараюсь для васъ: изслѣдую и сообщу ... Но вѣдь вы, чай, однихъ похвалъ и восторговъ будете ждать отъ меня? ... По вашему мнѣнію вѣдь, при наружной смазливости должны быть и всякія высокія душевныя качества? ...

— Нѣтъ, Алена Николавна, съ вами сегодня невозможно объ этомъ говорить ...

— О чемъ: объ этомъ?

— А о дѣлѣ ... Вы надо мною сегодня смѣетесь ... шутите ... насмѣхаетесь ...

— Такъ развѣ неправда, что вы никогда не обратите вниманія на женщину, какъ бы она ни была умна и развита, если у нея нѣтъ смазливой вывѣски? ... Развѣ вы сумѣете оцѣнить, или полюбить такую женщину? ... Ну-те-ка — отвѣтьте ... Я теперь серьезно васъ спрашиваю? ..

Въ тонѣ Алены Николавны прозвучала какая-то новая, неслыханная прежде Александромъ Кузьмичемъ нота. Онъ чувствовалъ, что Алена Николаевна повернула къ нему свое лицо, смотритъ на него въ

упоръ и ищетъ его взгляда. Ему сдѣлалось неловко, онъ старался спрятать отъ гувернантки свои глаза, растерялся и не зналъ что отвѣтить ... Къ его счастію, въ это время они почти съѣхались съ лошадьми Ѳедота Семеныча: онъ долженъ былъ объѣхать ихъ, чтобы снова поворотить лошадь назадъ.

— Богатый конёкъ у васъ, — проговорилъ въ это время Ѳедотъ Семенычъ.

— Да, ничего, — отвѣчалъ Александръ Кузьмичъ, стараясь ѣхать рядомъ съ санями старика. — Съ аттестатомъ! ... Съ бѣговъ въ Москвѣ купленъ ... Застоялся только очень ... Давно на проѣздкѣ не былъ ... А вы, что же, нарочно повидаться съ Ѳедоромъ пріѣхали? ...

— Да, провѣдать ... Просилъ побывать ... Какъ онъ тутъ поживаетъ у васъ, Александръ Кузьмичъ, хорошо ли работаетъ, не балуется ли? ...

— Ничего, хорошо ... Онъ не такой, не избалуется ...

— Отчего это онъ на деревнѣ-то сталъ жить, а не на фабрикѣ? ... Вѣдь, кажись, ему позволено было въ мастерской находиться? ...

— Да вѣдь тамъ, въ деревнѣ, онъ съ невѣстой живетъ: ему лучше тамъ, удобнѣе, невѣстина мать про него и стряпаетъ, а тутъ, гдѣ же — на фабрикѣ ... На одномъ хлѣбѣ жилъ, безъ приварка ...

— Такъ, стало быть, ужъ и вамъ извѣстно это самое ...

— Что такое? ...

— А намѣренье его ... на-счетъ женитьбы? ..

— Какъ же ... Онъ мнѣ сказалъ ...

— Вотъ какъ! ... Стало быть, ужъ у него это дѣло рѣшенное? ...

— Да! ... Развѣ вы не знали? Развѣ онъ вамъ не сказывалъ?

— Вѣсть-то эту онъ мнѣ подалъ ... А отъ самого-то его еще ничего не слыхалъ ...

— Мнѣ онъ признался тотчасъ же, какъ невѣста его сюда пріѣхала ... Вотъ мы и теперь, вмѣстѣ съ вами, хотимъ заѣхать къ нему тоже, побывать ...

— Милостивый вы господинъ ... Дай Богъ вамъ здоровья: не оставляете его ... За великое счастье онъ это долженъ почитать ...

— Какое же тутъ счастье особенное? ... Я-то его, правда, что люблю, да пользы-то ему отъ этого мало: воля-то не моя ... Вотъ жалованье-то ему все еще малое идетъ ... Все еще не у машинъ, а въ столярной работаетъ ...

— Ну, что же дѣлать: не все вдругъ ... Пускай подождетъ ... Коли хозяева будутъ имъ довольны, не оставятъ: до всего дойдетъ ...

— Скажите, пожалуйста, вы вѣдь, кажется, волостной старшина? — спросила Алена Николавна.

— Точно такъ, сударыня ... Извините, не знаю какъ величать васъ, — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Это все равно ... А скажите ...

— Осмѣлюсь спросить: сестричка али сродственницы какія вамъ будутъ? — обратился Ѳедотъ Семенычъ къ Александру Кузьмичу, считая неудобнымъ вести разговоръ съ лицомъ неизвѣстнымъ.

— Нѣтъ, я учительница въ домѣ его зятя,—отвѣчала сама Алена Николавна, — занимаюсь съ дѣтьми, учу племянниковъ и племянницъ Александра Кузьмича ...

Лицо Ѳедота Семеныча невольно выразило недоумѣніе, но Алена Николавна не обратила на это никакого вниманія и продолжала:

— Я васъ хотѣла спросить ... У васъ при волости вѣдь есть школа?

— Какъ же-съ, сударыня ... Это ужъ теперь положеніе такое: при каждой волости училище полагается ...

— Да, это я знаю ... А въ вашемъ вѣдь училищѣ былъ учителемъ Проскуровъ? ...

Василій Якимычъ сдѣлалъ невольное движеніе.

— Точно такъ, — въ нашей ...

— Отличный человѣкъ, прекрасный учитель, котораго, какъ и слѣдовало у насъ ожидать, уволили, — по-просту сказать: прогнали съ мѣста! ... Скажите, пожалуйста, гдѣ онъ теперь? ... Не знаете ли? ...

— Какъ не знать ... знаю! — медленно, съ улыбкой отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Гдѣ же онъ? — повторила свой вопросъ нетерпѣливая Алена Николавна.

— Да не далечко отселѣ ... Вотъ онъ! — проговорилъ съ той же улыбкой Ѳедотъ Семенычъ, указывая на Проскурова, который снялъ фуражку и собирался объявить о себѣ.

— Какъ, это вы? — вскричали въ одинъ голосъ Кошатниковъ и Алена Николавна.

— Я самый, — отвѣчалъ Проскуровъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Погодите, погодите ... Остановитесь, — приказывала Алена Николавна и выскочила изъ саней прежде, чѣмъ лошади успѣли остановиться.

— Я хочу, непремѣнно хочу первая пожать вамъ руку! — говорила она, подбѣгая къ санямъ старшины съ той стороны, гдѣ сидѣлъ Проскуровъ, и протягивая ему руку.—Вы честный труженикъ! ... Вы благородный, высокій дѣятель! ... Мы заочно уважали васъ и ожидали съ нетерпѣніемъ ...

Василій Якимычъ совсѣмъ растерялся отъ такихъ

неожиданныхъ заявленій сочувствія: онъ былъ взволнованъ, умиленъ и тронутъ почти до слезъ. Перегнувшись всѣмъ корпусомъ изъ саней, онъ съ чувствомъ сжималъ и потрясалъ протянутую ему женскую руку.

— Вы къ намъ? ... Конечно, къ намъ! ... Мы васъ ждали! ... Мы васъ не отпустимъ! ... Здѣсь вы найдете много дѣла ... Вы необходимы здѣсь! — говорила Алена Николавна, стоя около саней и не выпуская руки Проскурова. Ѳедотъ Семенычъ и его извозчикъ съ удивленіемъ смотрѣли на эту сцену.

— Александръ Кузьмичъ ... Вотъ это — Александръ Кузьмичъ, который ... вы знаете! — продолжала Алена Николавна. — Александръ Кузьмичъ, что же вы ничего не говорите? ... Что вы не привѣтствуете дорогого гостя? ...

— Да я самъ очень радъ ... Здравствуйте ... Я бы тоже желалъ пожать руку, но мнѣ лошадь нельзя оставить ... Вотъ когда къ Ѳедору пріѣдемъ ... Вотъ обрадуется онъ ... Алена Николавна, пожалуйте, садитесь ... Поѣдемте поскорѣе ...

— Да, поѣдемте ... Теперь я вполнѣ, вполнѣ довольна! ... Насъ прибываетъ ... Теперь наше дѣло пойдетъ, — говорила Алена Николавна, усаживаясь въ сани, подлѣ Кошатникова.—Поѣзжайте же, Александръ Кузьмичъ ...

— А онъ притаился и не сказываетъ мнѣ, что вы его ждали ... что ужъ онъ перевѣдался съ вами, — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ. — Зачѣмъ же ты таился-то отъ меня, Василій Якимычъ? — спросилъ онъ, когда лошади опять двинулись и Кошатниковъ поѣхалъ впередъ.

— Я еще и самъ ничего не зналъ на-вѣрное ... Не зналъ, какъ меня примутъ здѣсь ...

— Да на какое же дѣло-то тебя сюда зовутъ?...

— Послѣ, послѣ, Ѳедотъ Семенычъ ... Пускай они сами вамъ все разскажутъ ...

— Ну, только чудная мнѣ эта барышня!... Не знала вѣдь тебя, а какъ обрадовалась, ровно брату родному!... Смотри-ка, и теперь все ѣдетъ да на тебя оглядывается ... Что ей въ тебѣ?...

— Да вотъ, подивитесь, Ѳедотъ Семенычъ: совсѣмъ мы другъ другу чужіе, никогда не встрѣчались, не знались и не разговаривали,—а какъ обрадовались одинъ другому?... Какъ старые друзья!... Не подумайте и того, что это изъ-за выгоды какой-нибудь, изъ-за личнаго интереса ... Нѣтъ, мы ничего не можемъ сдѣлать другъ для друга, да если бы и могли, такъ на это мы не обращаемъ никакого вниманія, не придаемъ этому никакой цѣны ... не то насъ соединяетъ и связываетъ ... А, знаете, что?... Вы, старые люди, можетъ быть, даже не поймете или не повѣрите: насъ соединяетъ и роднитъ между собою не личный, а чужой интересъ,—любовь къ народу, желаніе принести ему пользу, готовность пожертвовать даже собою для его блага ... Вотъ этотъ сѣрый невѣжественный мужикъ, который даетъ себя обижать и притѣснять, который насъ не знаетъ и не понимаетъ, но котораго мы любимъ,—вотъ кто насъ сближаетъ между собою!... Признайтесь, Ѳедотъ Семенычъ: вамъ дико, странно слышать это отъ меня?... Вы вѣдь думаете, чай, что я изъ хвастовства говорю, — хочу передъ вами показать себя, похвастаться?... Ну, признайтесь ...

— Да чѣмъ тутъ хвастаться?... Хвастаться-то тутъ нечѣмъ ... Ну, коли ты жалостливъ, хочешь помочь бѣдному человѣку, — добрая, значитъ, у тебя душа, а сдѣлаешь добро — Богъ тебя за это са-

мого не оставитъ ... Что объ этомъ говорить, — мало ли на свѣтѣ добрыхъ людей ... Дѣлаютъ добро и молчатъ, не станутъ про него разсказывать, — ужъ это не милостыня, коли расхвастана да ославлена, — милостыня творится втайнѣ ... Нѣтъ, не про то я думаю ... Тебѣ, знамо, повѣрить можно, что ты мужика полюбилъ и добра ему желаешь, хоть самъ и не мужикъ — да ты съ нимъ жилъ, служилъ ему, кормился отъ него, жалованье получалъ ... Ну, узналъ его и понялъ ... И самъ ты бѣдный человѣкъ, — знаешь, какова нужда на свѣтѣ живетъ ... А вотъ съ чего барышня-то? ... Мужика-то она, я думаю, изъ окошка только видѣла, въ избу-то къ нему развѣ по особливому случаю какому заходила— а, можетъ, и не бывала никогда, — разговоровъ съ нимъ тоже, чай, не важивала. Гдѣ ей мужицкую жизнь, мужицкое горе, нужду, заботу узнать? ... И за что ей любить мужика, думать и хлопотать о немъ? ... Ни ему до нея, ни ей до него никакого дѣла, никакого касательства нѣтъ ... Съ чего она будетъ и любить, и жалѣть, и хлопотать за мужика? ... Учитъ купецкихъ дѣтей, завсегда при нихъ, живетъ въ этакихъ палатахъ, на рысакахъ катается, а объ мужикѣ будто думаетъ! ... Да и какую она помочь можетъ ему оказать? ... Не такъ ли, полно, сутолочится только? ...

— Я такъ и зналъ, что мы другъ друга не поймемъ. Вы вотъ, хорошіе старые люди думаете, что все добро, что можно сдѣлать,—это милостыню подать, деньгами въ нуждѣ поддержать, и что заботиться можно больше всего только о своемъ близкомъ человѣкѣ, съ которымъ вмѣстѣ живешь, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣшь, горе и радость дѣлишь ... А мы любимъ не тѣхъ только, съ кѣмъ живемъ, кого знаемъ, а всѣхъ, весь

народъ, — хотимъ помогать не одному Ивану да Петру, что съ голода сегодня умираютъ, а всѣмъ несчастнымъ, угнетеннымъ, обиженнымъ, страдающимъ отъ невѣжества и притѣсненій; желаемъ уничтожить зло въ корнѣ, просвѣтить народъ, облагородить, возвысить ... По вашему, нѣтъ выше подвига, какъ если богатый человѣкъ раздастъ имѣніе нищимъ, а въ нашихъ глазахъ этотъ подвигъ выѣденнаго яйца не стоитъ и никакой пользы не принесетъ, хоть бы богачъ не то — по рублю или по полтинѣ, а по сту рублей на брата раздѣлилъ ... А вотъ, если онъ все свое состояніе употребитъ на устройство школъ, на какое-нибудь предпріятіе, которое улучшило бы бытъ рабочихъ, — однимъ словомъ, на какое-нибудь дѣло народное, общеполезное не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, — вотъ это будетъ подвигъ! ... По-вашему, только власть имѣющій можетъ измѣнять негодные порядки, бороться съ злоупотребленіями, улучшать бытъ, и только отъ богатаго можно ожидать дѣйствительной помощи, а по нашему ... Да, впрочемъ, что я говорю? ... Къ чему? ... Вотъ увлекся! ... Вы вѣдь никогда не согласитесь со мной и къ намъ не пристанете ...

— Да, братъ, занесся ты и самъ не знаешь куда ... Горячки въ тебѣ много ... и сердце широкое ... только размахъ-то, кажись, не по силѣ,—смотри, перекувырнешься ... людей насмѣшишь! ... Не чаялъ я въ тебѣ этакой прыти! ... И говоришь хорошо, складно. Не даромъ Ѳедянка души въ тебѣ не чаетъ; видно, и ему въ голову ты все это вложилъ ... Будетъ ли путь-то изъ того? ... А мнѣ ужъ, само-собой, приставать къ вамъ и не по годамъ ... да и не по разсудку моему ... Учены мы мало, а выросли на терпѣньи да на послушаньи ...

А въ васъ другой духъ, въ молодежи! ... Давно это вижу! ... Очень вы много на себя надѣетесь, большія дѣла обѣщаете... Что-то отъ васъ будетъ? ...

Разговоръ на этомъ прекратился, такъ какъ подъѣзжали къ избѣ, у которой остановился уже Александръ Кузьмичъ, и гдѣ жила Дарья Тихоновна. Ѳедя успѣлъ уже выскочить навстрѣчу своимъ гостямъ.

III.

Гости застали Ѳедю въ дурномъ расположеніи духа. Фабричный праздникъ принесъ ему не радость и веселье, а тяжелое раздумье и много тревожныхъ, непріятныхъ впечатлѣній. Ѳедя ожидалъ этого дня, какъ такого, который онъ можетъ провести, на свободѣ, весь, около Парани, тихо и уединенно; совсѣмъ не таковы были мечты и ожиданія Парани и Дарьи Тихоновны. И той и другой успѣли порядкомъ надоѣсть монотонность и однообразіе фабричной жизни. Пока Параня и Николка были на фабрикѣ, Дарьѣ Тихоновнѣ приходилось проводить время совершенно одной, почти безъ всякаго дѣла; знакомыхъ и пріятелей она не успѣла еще завести, да и всѣ, кого она видѣла вокругъ себя, были хмурые, озабоченные, недовольные, усталые и главное — бѣдные. Пробовала-было она ходить на фабрику подъ предлогомъ — провожать и встрѣчать Параню, но тамъ никто не обращалъ на нее вниманія, несмотря на цвѣтные платки, которыми она повязывалась, и на вызывающіе взгляды; а одинъ разъ молодой суетливый приказчикъ, которому она попалась на дорогѣ, даже обругалъ ее, — а отъ приказчиковъ-то именно она и ожидала совсѣмъ другого обращенія. Правда, молодые фабричные ребята, съ перваго же дня запримѣтившіе Параню, начали преслѣдовать ее.

приставать и тѣ, которые выходили изъ фабрики въ одну смѣну съ нею, провожали ее до дому и даже заходили въ избу, но Дарья Тихоновна встрѣчала и выпроваживала ихъ неласково. Она сразу видѣла, что это была все такая голь и бѣдность, которая сама рада бы была поживиться насчетъ ближняго и сорвать что-нибудь съ перваго встрѣчнаго, а не то, что оказать помощь и покровительство бѣдной вдовѣ; относительно же Парани у нея были извѣстныя надежды, которыя заставляли ее дѣлать дочери внушенія о томъ, что она должна держать себя какъ можно осторожнѣе, скромнѣе, неприступнѣе и ни съ кѣмъ не сближаться. Въ этомъ отношеніи ее поддерживалъ и Ѳедя, который говорилъ Паранѣ то же самое, хотя и совершенно изъ другихъ побужденій.

Параня слушала всѣ эти наставленія молча, иногда съ улыбкой, но они ей очень надоѣдали. Въ ея хорошенькой головкѣ были свои соображенія, — она сама знала, какъ ей нужно было держать себя. На первыхъ же порахъ съ ней случился на фабрикѣ казусъ, который обратилъ на нее общее вниманіе и поставилъ ее въ нѣсколько особое положеніе отъ другихъ работницъ. На фабрикѣ существовало обыкновеніе, — послѣ каждой смѣны, передъ уходомъ домой, для предупрежденія воровства, осматривать всѣхъ рабочихъ, у которыхъ на рукахъ бумажная пряжа. Осмотру этому подвергались какъ мужчины, такъ и женщины; производился онъ приказчиками, которые, охраняя интересы хозяина, нисколько не стѣснялись стыдливостью прекраснаго пола, особенно падкаго на початки, мотки пряжи и тому подобную бумажную дрянь, которую онѣ покушались иногда уносить, по словамъ приказчиковъ, подъ головными платками, въ чулкахъ, подъ рубахой. Привычныя

къ этому осмотру, фабричныя женщины обыкновенно только посмѣивались, а иногда визжали и ругались, и операція эта рѣдко кого возмущала, — напротивъ, служила источникомъ разныхъ остротъ, прибаутокъ и сопровождалась веселымъ хохотомъ. Параня, ни кѣмъ не предупрежденная, съ перваго раза была поражена безцеремонностью производимаго обыска и, когда дошла до нея очередь, рѣшительно воспротивилась ему; но, къ общему удовольствію и смѣху всѣхъ окружающихъ, охранитель хозяйскаго интереса не хотѣлъ отказаться отъ своего права и старался исполнить свою обязанность съ наибольшею тщательностью. Оскорбленная Параня, недолго думая, ударила обидчика по щекѣ, оттолкнула его и бросилась бѣжать вонъ изъ палаты; поднялся шумъ, говоръ, — кто-то поднялъ на полу два мотка пряжи, будто-бы выкинутыхъ Параней во время обыска; съ этими мотками въ рукахъ обиженный приказчикъ догналъ Параню на лѣстницѣ и потащилъ на судъ къ Петру Архипычу. Петръ Архипычъ выслушалъ жалобу и обвиненіе приказчика, выслушалъ и Параню, которая расплакалась, клялась и божилась, что не брала ни одной нитки, и, оправдываясь въ своемъ буйствѣ, объяснила старику, главному приказчику, какъ могла, то, что ее вынудило на сопротивленіе и драку.

— Да, тебя бы такъ и пропустить, а ты бы хозяйское добро стала воровать, — защищался приказчикъ. — Вишь ты, какая выискалась, — благородная...

— Ничего я не воровала, ничего!... Врешь ты, безсовѣстный!

— Безсовѣстный ... А это что? ... Откуда мотки-то взялись? ... Вотъ оно, поличное... Не въ карманѣ же я ихъ носилъ, изъ тебя же вытащилъ ...

Что? ... Вишь ты! ... Да еще она же и драться ... Шкура! ... Много васъ этакихъ ... драться-то давать вамъ ... Право, шкура! ...

— Не шкура я ... Самъ ты подлецъ! ...

— Не хорошо, дѣвушка, не хорошо! — прекратилъ этотъ споръ Петръ Архипычъ, сразу понявшій настоящую суть дѣла, но не желавшій показать этого Паранѣ.—Никогда впередъ этого не дѣлай ... Молчи, не перебивай меня ... Говорить нечего. Улика на лицо, поличное принесъ, на свидѣтелей ссылается ... Слѣдовало бы тебя за это оштрафовать, а, пожалуй, и съ фабрики согнать, да на первый разъ тебѣ прощается ... по глупости твоей! ... Да нѣтъ, ты слушай, не перебивай меня. Не воровала, говоришь, а все-таки приказчика ударила ... Какъ же ты это смѣла? ... Ужъ очень ты выходишь бойка ... Ну-ка, съ перваго же дня, благослови Богъ, — и буянитъ! ... Приказчикъ тебѣ — не своя сестра. Онъ отъ хозяина поставленъ, свое дѣло наблюдаетъ, не одну тебя,—всѣхъ обыскиваетъ... Безъ этого нельзя! ... Подумай-ка,—если не надзирать за вами да если каждая изъ васъ по два только мотка утащитъ, такъ какой хозяину ущербъ ... А дай-ка вамъ волю, такъ вы цѣлыми штуками таскать будете ... Безъ этого, милая, нельзя, безъ досмотру! ... Ну, а если онъ тебя обидѣлъ, такъ ты пришла бы, пожаловалась, — мы бы разобрали, не велѣли обижать ... А ты, нука, сама расправляться ... буянить! ... Нѣтъ, смотри, впередъ этакъ нельзя, у насъ на-счетъ этого строго, Боже сохрани! ... Ну, ужъ на первый разъ такъ и быть, я это дѣло покрою, ровно ничего и не было ... И его попрошу, чтобы простилъ тебя, не обижался бы ... приказчика ... А только впередъ у меня смотри, не дѣлай этого! ... Ну, ступай съ Богомъ ...

— Да не дамся я себя этакъ обыскивать и впередъ: вотъ я вамъ прямо сказываю ... Я не воровка какая! Да и этакъ развѣ можно? ... Я лучше и на фабрику не пойду совсѣмъ, такъ и самому хозяину скажу, а ужъ этакъ ... всякому ... срамиться не дамся ...

— А какъ же другія-то? ... Что же, для тебя другой законъ, что-ли, заводить? ... Вишь ты! — вмѣшался обиженный приказчикъ.

— А мнѣ наплевать, какъ другія ... А я не хочу! ... А, право, коли вы, Петръ Архипычъ, не вступитесь, не закажете ему этакъ дѣлать, пошлю матушку къ самому ... Неужто онъ этакъ велитъ!? ..

— Къ хозяину еще! ... Къ самому! ... Вишь ты, какая! ... Станетъ съ тобой хозяинъ разговаривать ... со сволочью! ... съ воровкой! — говорилъ досмотрщикъ, недовольный снисходительностью Петра Архипыча.

— Ты, можетъ, самъ воръ-то и сволочь, а не я! — отбранивалась Параня. — Да, и пойду къ хозяину, и пойду! ... Онъ добрый! ... Небось, не дастъ тебѣ надругаться! Я еще не таковская! ...

— Постой ты, молчи! — нахмуривши брови, сердито остановилъ Петръ Архипычъ своего исполнительнаго чиновника, который началъ-было возражать что-то Паранѣ. — Ты, я вижу, дѣвушка хоть и бойкая, а честная и стыдливая ... Опять же вновѣ, и порядковъ нашихъ фабричныхъ не знаешь ... Оттого я тебя и жалѣю. А съ другой бы и разговаривать не сталъ, а велѣлъ бы прямо съ фабрики согнать ... Хозяинъ нашъ, точно, добрый, добрѣй его на свѣтѣ нѣтъ ... И охальства онъ, точно, не любитъ и не позволитъ ... Но только тебѣ дойти

до него, минуя меня, не придется, — онъ, вѣрно, что и разговаривать съ тобой не будетъ ... потому у насъ на это порядокъ. Какъ вы всѣ къ хозяину полѣзете, такъ онъ никакого покоя себѣ не увидитъ! ... Ты вотъ думаешь, что онъ тогда милостиво съ тобой поговорилъ, такъ и другой разъ станетъ? ... Да онъ бы и тогда-то званія не взялъ и взглянуть-то на васъ съ маткой, кабы не я его попросилъ за васъ ... Что сказала! Къ хозяину пойду! ... Хозяинъ! ... Хозяинъ-то развѣ шутка? ... Нашъ братъ, что-ли, онъ, ты думаешь? ... Хозяинъ-то, дурочка, вѣдь милліонами ворочаетъ, вѣдь у него вашего брата на двухъ-то фабрикахъ тысячи-четыре, вѣдь къ нему большіе чиновные господа за счастье считаютъ подойти да поговорить, а вы вѣдь червяки передъ нимъ пресмыкающіе,—онъ васъ кормитъ, поитъ, онъ и ногой раздавить можетъ ... Вотъ что значитъ хозяинъ-отъ! ... И мы-то, его слуги старые, вѣрные, близкіе, вотъ хоть бы я, и то подходимъ къ нему со страхомъ и трепетомъ, говоримъ и слушаемъ со всякимъ раболѣпіемъ, а вы, простые рабочіе, и за глаза-то должны о немъ говорить со всякой осторожностью да съ почтеніемъ. Вотъ что, дурочка! ... А обижать тебя и я не позволю ... Я для того и поставленъ отъ хозяина, чтобы васъ нанимать и разсчитывать, взыскивать и защищать васъ ... И вотъ, коли ты мнѣ жалуешься и, по глупости своей, въ обиду себѣ этотъ досмотръ ставишь, такъ вотъ и прикажу,—и не будутъ тебя больше трогать ... Вотъ слышишь, Потрускинъ: не приказываю тебѣ никогда ея такъ доглядывать ... Вели руки показать, вели платокъ съ головы снять для порядку, только для виду одного, и пропускай ... А больше чтобы ни-ни ... Слышишь?..

— Слушаю, Петръ Архипычъ ... А только-что ужъ я больше за нее отвѣчать не могу, если она что утащитъ ...

— Ничего я не утащу! — промолвила Параня.

— Ну, ты, дуракъ! ... Ты слушай, что я тебѣ говорю, — остановилъ приказчика Петръ Архипычъ.— Коли я что приказываю, такъ слушай! ... Я знаю, что она ничего не утащитъ ... Она дѣвочка еще молодая, непривычная, опять же у нея женихъ есть ... я знаю ... Съ ней не годится такъ, какъ съ другими ... Вѣдь я васъ знаю, дураковъ, чертей! ... Разсудку въ васъ на грошъ нѣтъ ... Да, увидѣли вотъ, смазлива ... Ну, и не смѣй трогать въ другой разъ, сказано тебѣ! ... Въ рукахъ нѣтъ ли чего, — посмотри, узелъ несетъ, — вели развязать, показать, а больше того не смѣй пальцемъ тронуть ее ... Слышишь?

— Слышу, Петръ Архипычъ .., Мнѣ все равно, какъ прикажете ...

— Ну, довольна ты теперь? — обратился главный приказчикъ къ Паранѣ.

— Что же ... Я очень довольна ... Покорно благодарствуйте ...

— Ну, такъ вотъ и ступай съ Богомъ ... И маткѣ своей, и жениху своему разскажи, какъ я съ тобой разсудилъ ... Ступай же ...

Этотъ случай огласился на фабрикѣ между рабочими и повелъ къ разнымъ толкамъ и предположеніямъ. Всѣ замѣтили и то льготное положеніе, въ которое стала Параня на фабрикѣ послѣ этого случая. Приказчики, очевидно, смотрѣли на нее вообще сквозь пальцы, не взыскивали за работу, не ругались съ нею, старались какъ будто обходить и не замѣчать ея, либо заискивающе улыбались ей

Все это возбуждало зависть и недоброжелательство къ Паранѣ, и, вмѣстѣ съ недоступностью ея для фабричныхъ ловеласовъ, оставило ее и Дарью Тихоновну совершенно одинокими среди фабричнаго многолюдства.

Ѳедя былъ очень доволенъ такимъ положеніемъ, но Дарья Тихоновна и Параня скучали. Онѣ обѣ ожидали съ нетерпѣніемъ фабричнаго праздника, о которомъ и въ деревнѣ, и на фабрикѣ уже нѣсколько дней шли разговоры. Всѣ заботились о томъ, чтобы приготовить денегъ на гулянье, вспоминали, какъ весело прошелъ праздникъ въ прошломъ году, какая у кого была шаль, сколько платьевъ перемѣнила такая-то въ продолженіи гулянки, сколько кто выпилъ, кто кого поколотилъ, разсчитывали, какіе запасы водки и чаю дѣлаются въ кабакахъ и трактирѣ. Дарья Тихоновна съ Параней обдумали, въ какихъ онѣ платьяхъ будутъ показываться на гуляньѣ ... Одежей Дарья Тихоновна всегда щеголяла и сарафановъ никогда не носила, — въ этомъ отношеніи фабричныя привычки были ей не въ новость, и фабричное щегольство ея не пугало. Она надѣялась даже произвести собою нѣкоторое впечатлѣніе. И вотъ, какъ только гулянка дошла до разгара, какъ хохотъ, говоръ, пѣсни и музыка гармоніи, бубновъ и мѣдныхъ тарелокъ стали доходить до ихъ слуха, а на улицѣ, мимо оконъ, задвигались веселыя толпы народа, Дарья Тихоновна и Параня стали торопливо собираться на гулянку. Ѳедя съ большею бы охотою просидѣлъ дома, съ глазу на глазъ съ Параней, но онъ не рѣшился даже высказать этого желанія и присоединился къ нимъ.

Сначала они гуляли втроемъ тихо и спокойно, — никто ихъ не трогалъ, никто и не обращалъ осо-

беннаго вниманія. Ѳедя былъ очень доволенъ, но Дарья Тихоновна не безъ грусти высказалась:

— Вотъ и видно, что въ чужомъ мѣстѣ живемъ,— никто-то тебя не знаетъ, не подойдетъ, не заговоритъ, не поподчуетъ... Ровно оглашенные какіе ходимъ! ...

— А и не хуже это, Дарья Тихоновна, — возразилъ Ѳедя.

— Чего ужъ тутъ хорошаго? ... Не знаю! — проговорила съ досадою Параня.

— Да давно ли еще на фабрикѣ-то ... Некогда еще знакомства-то свести, — продолжалъ Ѳедя. — Да и съ кѣмъ тутъ знаться-то? ... Вонъ народъ-то какой фабричный ... И дѣвка, и баба, и парень— всѣ пьяные! ... Ломаются да ругаются ... Вонъ идутъ, — хороши ли? ...

Ѳедя указалъ на подходившую имъ навстрѣчу толпу мужчинъ и женщинъ. Всѣ они были пьяны, на испитыхъ блѣдныхъ лицахъ горѣлъ багровый неестественный румянецъ, глаза были воспалены, шапки сдвинуты на затылокъ, платки на головахъ женщинъ въ безпорядкѣ, у многихъ торчали изъ-подъ платковъ пряди растрепанныхъ волосъ. Вся эта компанія только-что вывалилась изъ трактира. Всѣ въ одно время горланили, обнимались другъ съ другомъ, цѣловались, пошатываясь на ногахъ, ругались на воздухъ самыми отборными выраженіями, желая перещеголять другъ друга въ изобрѣтательности, запѣвали пѣсни самаго циническаго содержанія, при чемъ женщины захлебывались отъ удовольствія, взвизгивали, приплясывали, махали платками и били въ ладоши. Одна дѣвка пѣла:

Онъ за то его любилъ,
Сюртукъ, брюки подарилъ,
Что сестру къ нему водилъ.

У другой въ рукахъ былъ штофъ водки и стаканъ, который она, прикрикивая и приплясывая, поднимала отъ времени до времени надъ головой, стучала ими другъ о друга, наливала водки и подносила то тому, то другой, не забывая и себя. Каждый выпитый стаканъ сопровождался какой-нибудь неблагопристойностью, которая возбуждала общій восторгъ и хохотъ.

Ѳедя совѣтовалъ уйти отъ этой толпы подальше въ сторонку или воротиться назадъ, но Дарья Тихоновна и Параня остановились и засмотрѣлись на эту вакханалію, первая не безъ внутренняго сочувствія, вторая — съ любопытствомъ и улыбкой.

— Право, пойдемте ... Чтой-то ... Не хорошо, — уговаривалъ Ѳедя, когда толпа подходила ужъ очень близко, но его не слушали.

Вдругъ нѣкоторыя женщины изъ толпы замѣтили Параню, и она въ нихъ узнала своихъ сосѣдокъ по палатѣ, въ которой она работала.

— Паранька, — вскричала одна.

— Паранька ... да! ... наша, — подтвердила другая. — Что-жъ ты, дьяволъ, угости! ... Съ тебя спрыски нужно ... Тебѣ хорошо! ...

Пошатываясь она подошла къ Паранѣ. Вся толпа приблизилась вслѣдъ за нею и остановилась.

— Рада бы угостить, да нечѣмъ,—ничего еще не зажила, не заработала, — бойко отвѣчала Параня.

— Врешь, подлая! ... У тебя, чай, денегъ-то больше нашего ... Твоя работа легкая, барышная,— тебѣ сполагоря! ...

Женщина нахально захохотала.

— Какая моя работа? Такая же, что и твоя, только жалованье-то мое меньше, потому я вновѣ ...

— Да что тебѣ это жалованье? ... Наплевать ...

Развѣ ты за ту работу жалованье берешь? ... Знаю я твою работу! ... И мы ее любимъ, да про насъ купцовъ-то богатыхъ нѣтъ ... Вотъ твоя работа какая. — Она сдѣлала жестъ, который вызвалъ гомерическій хохотъ въ пьяной толпѣ.

— Что ты, подлая тварь, — вступилась Дарья Тихоновна, обидѣвшись, — она при матери, при мнѣ живетъ, она дѣвушка честная! ...

Она схватила дочь за руку и поспѣшила уйти прочь отъ толпы. Ѳедя, блѣдный, какъ полотно, сжимая кулаки и озираясь назадъ сверкающими глазами, точно дикій звѣрь, ожидающій нападенія и готовый броситься на врага, медленно шелъ вслѣдъ за невѣстой.

— Ишь ты, невидаль, — дѣвка! ... Я сама была дѣвка ... И тоже не безъ матери родилась! — кричала имъ вслѣдъ пьяная баба. — Про меня только что ни купца, ни приказчика не выгорѣло ... А твоя, видишь ты, купецкій товаръ! ... А подлая-то не я ... а ты да дочка твоя ... купецкая! ...

Ѳедя, который слышалъ эти слова, бросился-было назадъ, но хохочущая толпа, доведенная до восторга послѣдней выходкой, двинулась впередъ и увлекла съ собою ругавшуюся женщину, загородивъ ее отъ Ѳеди, движенія котораго никто и не замѣтилъ. Онъ остановился, опустилъ голову и руки и, не поднимая глазъ, ничего не говоря, послѣдовалъ какъ шальной за Дарьей Тихоновной и Параней, которыя тоже молчали, тоже упали духомъ, также не смотрѣли на Ѳедю и, уже не интересуясь болѣе гулянкой, опустя голову, пошли домой.

— Экой народъ здѣсь каторжный, батюшки! ... Клятой какой-то, безстыжій! — говорила Дарья Тихоновна, когда вошла къ себѣ въ избу.

— Я вамъ говорилъ,—не слушали, — отозвался Ѳедя, взглядывая на Параню.

— Охота была и ѣхать сюда ... Только и есть, что одинъ срамъ да ругательства ... А хорошаго-то еще ничего не видно, — сказала Параня капризнымъ, раздражительнымъ тономъ. — Сидѣть бы въ Онучинѣ,—гораздо лучше. По крайности никто не обижалъ! ...

— И здѣсь, Параня, никто бы не обидѣлъ, кабы сидѣли дома, — съ упрекомъ замѣтилъ Ѳедя, у котораго до сихъ поръ еще стояли въ ушахъ слова женщины и заставляли его нервно вздрагивать.

— Да что же мы, въ тюрьму, что-ли, сюда попали ... что изъ дома нельзя выдти? — раздражительно отозвалась Параня. — Да, правда, что не лучше тюрьмы! ... Что ужъ это за жизнь? ... Двѣнадцать часовъ на фабрикѣ труби ... Домой придешь, — взаперти сиди, а на улицу вышла, такъ того жди, либо осрамятъ тебя, либо обругаютъ ни за что! ...

Ѳедя робко и нерѣшительно подсѣлъ къ Паранѣ.

— Послушай, — заговорилъ онъ, послѣ нѣкотораго колебанія. — Нельзя такъ ... чтобы кто смѣлъ это говорить ... хоть и въ пьяномъ видѣ ... Несносно мнѣ это слышать! ... И съ чего только люди взяли? ... Все сердце во мнѣ горитъ! ... Глаза застилаетъ! ... Повѣнчаемся, Параня, поскорѣй ... Теперь же, до Филипповокъ ...

— А тутъ что будетъ? — спросила Параня холодно, не оборачиваясь къ Ѳедѣ.

— Какъ что будетъ? ... Жена моя будешь ... Всѣмъ ротъ закроемъ. Никто не посмѣетъ подумать, не то слово сказать ...

— Чѣмъ-же это ты ротъ-то людямъ зажмешь? ...

На ту же фабрику ходить буду, та же жизнь-то будетъ ... Никому не закажешь и говорить что вздумается ...

— Да я убью ...

— Всѣхъ не перебьешь ... А за перваго на каторгу сошлютъ ...

— Такъ не ходи на фабрику ... Не надо! ...

— А чѣмъ же жить-то будемъ? ... На двѣнадцать-то рублей не больно разгуляешься ... Да какіе еще двѣнадцать ... Оброкъ спросятъ, подушны, въ домъ потребуютъ, — себя-то одного не прокормишь, не то, что меня съ матушкой ...

— Живутъ же, Параня, люди ... и меньше еще меня получаютъ, — робко проговорилъ Ѳедя.

— Да, вотъ оно что! ... Вотъ что заговорилъ! ... Такъ ты за этимъ, что ли, сюда насъ заманилъ, чтобы волей-неволей, отъ стыда, отъ срама да отъ ругательствъ я за тебя, за бѣднаго, замужъ вышла ... на нужду да на горе? ...

— Параня, — вскричалъ Ѳедя съ болью въ сердцѣ. — Да ты говоришь со мной, точно я тебѣ врагъ заклятый ... точно не то, что ты любишь меня, по охотѣ идешь, а ровно по-неволѣ, по принужденью ... или только потому, что богатства отъ меня ждешь ... изъ-за денегъ! ... Времечко только вѣдь потерпѣть, не долго ... Не останусь я съ этой добычей; больше буду получать ... Все, что ни добуду, все про тебя ... И матушку, и брата твоего никогда не оставлю ... Коли любишь ты меня, такъ неужто не въ силу тебѣ мѣсяцъ-другой али полгода въ нуждѣ-то перебиться? ...

— Полгода! ... А какъ всю жизнь? ... Отъ кого у тебя расписка дана, что черезъ полгода другое будетъ, а не то же самое, что теперь, не та же

нужда? ... Ты вотъ и въ приказчики не хочешь идти,—дурь въ тебѣ какая-то ... На машины свои надѣешься ... А, можетъ, и не нужны никому твои машины-то? ... Теперь-то даже ты вонъ какъ козыряешь,—этого не хочу да другое не подходяще ... Выдумалъ что! Чего люди добиваются, за счастье считаютъ,—въ приказчики попасть, — для него это зазорно ... Какъ ты и вѣкъ-отъ свой этакой будешь, такъ каково женѣ-то будетъ черезъ тебя? ... Ты бы вотъ о чемъ подумалъ! ... Мнѣ тоже своя голова дорога! ... Замужъ-то одинова выдти. А тутъ что будетъ?

Ѳедя собирался что-то возразить, но Дарья Тихоновна, смотрѣвшая въ окно, вдругъ вскрикнула:

— Глядите-ка, кто-то подъѣхалъ къ воротамъ ... Лошадь-то какая! ... Ай, да никакъ молодой хозяинъ? ... Онъ и есть! ... И съ барыней съ какой-то! ...

И Параня, и Ѳедя бросились къ окнамъ. Параня вспыхнула. Ѳедя поблѣднѣлъ, нахмурился, но вышелъ изъ избы навстрѣчу гостямъ.

IV.

— Здравствуйте, Чернушкинъ, — говорила Алена Николавна, протягивая руку Ѳедѣ, когда онъ вышелъ за ворота. — Вотъ я къ вамъ въ гости пріѣхала вмѣстѣ съ Александромъ Кузьмичемъ. Желала навѣстить васъ и познакомиться съ вашей невѣстой ...

— Милости просимъ ... Пожалуйте, — отвѣчалъ Ѳедя какъ-то разсѣянно и не вполнѣ привѣтливо.

— А ты посмотри, Ѳедоръ, кто еще къ тебѣ ѣдетъ, — говорилъ Александръ Кузьмичъ заискивающимъ голосомъ, точно оправдываясь въ какой винѣ. Передъ этимъ онъ только-что замѣтилъ въ окнѣ ли-

чико Парани и самъ весь вспыхнулъ. Онъ указалъ Ѳедѣ на приближающуюся по улицѣ пару лошадей.

— Батюшки, — вскрикнулъ радостно Ѳедя, — да вѣдь это Ѳедотъ Семенычъ съ Василіемъ Якимычемъ.

— Мы ихъ встрѣтили передъ фабрикой ... И дорогу къ тебѣ сюда мы имъ указали ... Они на фабрику ѣхали, думали, ты еще тамъ живешь, въ мастерской ...

Ѳедя побѣжалъ навстрѣчу подъѣзжающимъ, забывши даже, что слѣдовало бы сначала проводить или, по-крайней мѣрѣ, показать дорогу въ избу Аленѣ Николавнѣ и принять лошадь изъ рукъ Александра Кузьмича. Впрочемъ, на послѣднюю услугу явилось много охотниковъ изъ случившихся на улицѣ мужиковъ, которые съ низкими, подобострастными поклонами окружили тотчасъ же сани хозяйскаго сына и его лошадь. Александръ Кузьмичъ поручилъ двоимъ, болѣе, по его мнѣнію, благонадежнымъ, взять лошадь подъ уздцы и подержать ее, пока онъ зайдетъ въ избу. Всѣ бросились исполнять просьбу, и кому не удалось схватиться за удила лошади, старались показать свое усердіе къ хозяину, по крайней мѣрѣ, хоть тѣмъ, что трепали лошадь по шеѣ, по спинѣ, оправляли на ней, вполнѣ исправную, сбрую, полами и рукавами своихъ кафтановъ обтирали ея тучные бока и смахивали снѣгъ, приставшій къ передку саней. Жеребецъ фыркалъ, недовѣрчиво поводилъ глазами и настораживалъ уши.

— Вы не машитесь около него, пожалуйста, — уговаривалъ Александръ Кузьмичъ. — Не пугайте его ...

— Зачѣмъ махаться, Александра Кузьмичъ, — отвѣчали мужики. — Мы тихо ... ласковымъ ма-

неромъ ... Вотъ такъ! ... Го-го! ... Милый! ... Сс! ... Что? ... Что? ... О-о-о! ...

Встревоженный передъ тѣмъ и мрачно настроенный, Ѳедя былъ безмѣрно радъ и какъ-будто даже успокоился отъ пріѣзда Ѳедота Семеныча и учителя. Они являлись къ нему, точно неожиданные защитники и покровители въ тяжелую минуту его жизни. Радостно обнималъ онъ то того, то другого.

— Здравствуй, здравствуй, Ѳедюша ... Здорово! — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ на его привѣтствія. — Даромъ, весело живешь, а, видать, обрадовался же и намъ ... Да что же ты проклажаешься съ нами? ... Мы свои люди ... Вонъ Александръ-то Кузьмичъ съ барыней стоятъ одни, ждутъ тебя ... Поди же, поди ... Примай ихъ ... Они тоже къ тебѣ пріѣхали въ гости ...

Ѳедя, какъ послушный ребенокъ, бросился къ Кошатникову.

— Александръ Кузьмичъ ... Алена Николавна извините ... Пожалуйте ... Милости просимъ ... Никакъ не ждалъ я ... Ѳедотъ Семенычъ и Василій Якимычъ, всѣ вдругъ ... Вотъ Василій-то Якимычъ ... учитель! — говорилъ Ѳедя.

— Мы ужъ познакомились. Я ужъ пожала ему руку ... Съ удовольствіемъ пожму и еще разъ, — отвѣчала Алена Николавна, направляясь навстрѣчу Проскурову.

— Позвольте и мнѣ ... Очень радъ ... Мы васъ ждали съ нетерпѣніемъ, у насъ все готово, недоставало только васъ, — говорилъ и Александръ Кузьмичъ, пожимая руку Проскурова.

— Здравствуйте! — обратился онъ къ Ѳедоту Семенычу.

— Очень вамъ благодаренъ, Александра Кузь-

мичъ, что вы не оставляете моего Ѳедю ... Много я наслышанъ о вашихъ милостяхъ къ нему, — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ, кланяясь.

— Какія милости? ... Что вы! ... Ничего я не успѣлъ еще для него сдѣлать, — возражалъ Кошатниковъ конфузливо. — Алена Николавна, вотъ познакомьтесь. Это почтенный старикъ, третье трехлѣтіе волостнымъ старшиной, честный, благородный человѣкъ, стоитъ за своихъ мужичковъ горой ... Всѣ его любятъ и уважаютъ ...

— И мой благодѣтель и покровитель! — примолвилъ съ своей стороны Ѳедя.

— Очень пріятно, — нѣсколько кисло отвѣчала Алена Николавна. — Я не сомнѣваюсь въ вашихъ достоинствахъ и готова уважать васъ, но, извините меня. Вы благодарите Александра Кузьмича за какія-то милости, а, по-моему, истинный гражданинъ не долженъ ни пользоваться, ни надѣяться на чьи-нибудь милости ... Милостей не должно быть, — онѣ унижаютъ и оскорбляютъ того, кто ихъ принимаетъ, и показываютъ душевную низость въ томъ, кто ихъ хочетъ дѣлать и считаетъ себя въ правѣ дѣлать ... Люди всѣ равны и имѣютъ одинакія права ... Можетъ происходить взаимный обмѣнъ услугъ, но о милостяхъ и покровительствѣ не можетъ быть и рѣчи ...

Ѳедотъ Семенычъ съ недоумѣніемъ, молча, смотрѣлъ на Алену Николавну. Она это замѣтила и продолжала:

— Вамъ, конечно, дико слушать такія рѣчи; вы выросли и состарѣлись на другихъ понятіяхъ ... Но васъ мнѣ отрекомендовали, какъ отличнаго человѣка ... Я хочу, чтобы и вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло ... Чтобы зналъ и г. Проскуровъ, что я съ

нимъ единомысляща ... А что онъ такъ же думаетъ, въ этомъ я вполнѣ увѣрена ... Однако, что же, господа, мы вѣдь на улицѣ дебатируемъ ... Пойдемте же въ избу ... Что же вы, хозяинъ, не зовете насъ? ...

— Пожалуйте ... Я васъ ждалъ, — отвѣчалъ Ѳедя.

— Да, да, Чернушкинъ, — говорила Алена Николавна, идя впереди другихъ, вслѣдъ за Ѳедей, — мои слова и къ вамъ относятся ... Въ нашемъ лексиконѣ не должно быть такихъ словъ, какъ „благодѣтель“, „покровитель“ и „милости“ ... А вы ихъ употребляете. Это не хорошо! ... Надѣюсь, что это по привычкѣ только и что настоящія убѣжденія у васъ совсѣмъ другія ... А въ противномъ случаѣ вы намъ не товарищъ ...

— Ѳедотъ Семенычъ — мой дѣйствительный другъ и благодѣтель ... Всегда скажу и въ глаза, и за глаза, — упрямо настаивалъ Ѳедя. — Я не изъ лести, Алена Николавна, не изъ подлости! ... Да онъ и не такой человѣкъ, онъ — старикъ, а съ молодымъ парнемъ будетъ разговаривать, какъ со своимъ братомъ ... и всякое добро старается сдѣлать ... Такихъ людей на свѣтѣ мало! ...

Отворенныя въ избу двери помѣшали Аленѣ Николавнѣ возразить. У порога гостей встрѣтила, какъ хозяйка, Дарья Тихоновна. Сзади ея стояла Параня. Алена Николавна прямо подошла къ ней и заговорила первая, прежде чѣмъ успѣли войти въ избу остальные гости и Ѳедя.

— Безъ сомнѣнія, вы невѣста Чернушкина ... Познакомимтесь ... Я — другъ его ... то-есть хочу быть его другомъ, если только онъ ... Впрочемъ, вы этого не поймете ... Вѣроятно, вы слышали

отъ него обо мнѣ? Я гувернантка ... учительница дѣтей Дмитрія Тимофеича ... Меня зовутъ Алена Николавна ... Вѣроятно, слышали обо мнѣ? ... А васъ вѣдь зовутъ Параня? Да? ...

— Такъ точно-съ ...

— Ну, вотъ видите: я знаю ... Здравствуйте же ...

Но Алена Николавна напрасно протягивала Паранѣ руку. Та не знала, что съ нею дѣлать, и, смущенная, озадаченная, только улыбалась и кланялась.

— Ахъ, да, я и забыла, у васъ свои привычки, — спохватилась Алена Николавна. — Ну, поцѣлуемтесь ... О, какая вы красавица! ... Я понимаю, что могли вскружить голову Чернушкину ... Но не злоупотребляйте этимъ. Помните, что у него есть другія обязанности, кромѣ любви и заботы о васъ! ... Ну, объ этомъ мы еще послѣ поговоримъ ... Я хочу съ вами сблизиться ...

Между тѣмъ Дарья Тихоновна, такъ безцеремонно обойденная и оставленная безъ всякаго привѣтствія и вниманія незнакомой барыней, съ которой она не знала еще, какъ и держать себя, разсыпалась въ любезностяхъ передъ остальными гостями и особенно передъ Александромъ Кузьмичемъ; но она скоро почувствовала, что и остальные гости пришли не къ ней и мало ею интересовались. У нея стало настолько такта и соображенія, чтобы тотчасъ же стушеваться подъ предлогомъ хозяйственныхъ хлопотъ объ угощеніи дорогихъ гостей, оставивъ хозяевами въ избѣ дочь и Ѳедю. Она сдѣлала это тѣмъ охотнѣе, что чувствовала невольную неловкость и даже какой-то безпричинный страхъ передъ Ѳедотомъ Семенычемъ, даже, встрѣчая его, не могла за-

ставить себя взглянуть ему прямо въ глаза, и сознавала, что ласковыми рѣчами она не подкупила бы его.

Усадивъ мужчинъ, Ѳедя обратился къ Паранѣ, съ которой все еще продолжала разговаривать Алена Николавна.

— Ужъ познакомились, — сказалъ онъ, подходя къ нимъ. — Просила бы, Параня, садиться.

— Пожалуйте, садитесь ... Покорно просимъ,— говорила Параня, разсѣянно слушавшая свою собесѣдницу и на половину не понимая, что и къ чему та говоритъ. Ей хотѣлось взглянуть на остальныхъ гостей, на Александра Кузьмича, который ее интересовалъ, и на Ѳедота Семеныча, котораго она никогда не видала и который, она знала, пріѣхалъ для того, чтобы говорить съ Ѳедей о ней.

— Алена Николавна, пожалуйста, присядьте! — повторилъ Ѳедя просьбу Парани.

— Сядемте, сядемте, — отвѣчала Алена Николавна. — Я знаю, по-русскому обычаю нужно непремѣнно сначала усѣсться, чтобы разговоры вести. Ну, пойдемъ, Параня, сядемъ вмѣстѣ и потолкуемъ объ ученьи ... Я ужъ успѣла не только познакомиться съ вашей невѣстой, но и упрекнуть ее и васъ, вмѣстѣ съ ней, за то, что она до сихъ поръ грамотѣ не знаетъ ... А это бы, кажется, первая обязанность влюбленнаго—развивать или, по крайней мѣрѣ, хоть выучить ее грамотѣ ...

— Некогда было, Алена Николавна ... Знаете сами, она на фабрикѣ, я — въ мастерской ... когда же? ... Параня, поди поклонись Ѳедоту Семенычу ... Вотъ они ...

— Здравствуй, милая, здравствуй, — отвѣчалъ ласково Ѳедотъ Семенычъ.

— А вы еще развѣ до сихъ поръ не знали его невѣсты?— вмѣшалась Алена Николавна.

— Нѣтъ, еще впервой вижу, — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ, любуясь на Параню, которая стыдливо стояла передъ нимъ съ опущенными скромно глазами, съ раскраснѣвшимися щеками. Онъ, конечно, не могъ догадаться, что Параня застыдилась не передъ нимъ, а потому, что рядомъ съ нимъ сидѣлъ Александръ Кузьмичъ.

— Ну, это, мнѣ, по крайней мѣрѣ, нравится, что Чернушкинъ хоть самъ себѣ невѣсту выбралъ, а не ждалъ, чтобы ему навязали ее родители или благодѣтели ... хоть этой добродѣтели въ немъ нѣтъ, а то былъ бы совсѣмъ благонамѣренный юноша ... Красавица, красавица! ... И умненькая, кажется ... Жаль вотъ только, что неграмотная ... Ну, да мы это скоро поправимъ. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что желаетъ учиться ...

— А вотъ это твой старый знакомый ... Василій-то Якимычъ ... Узнала, чай, Параня? — спросилъ Ѳедя.

— Какъ не узнать ... Узнала, — отвѣчала она. — Здравствуйте.

— Здравствуй, Параня ... Помнишь, какъ ты меня отдѣлала за то, что я твоего братишку не хотѣлъ изъ школы выпустить? — говорилъ, улыбаясь, Проскуровъ. — Помнишь? ...

— Нужда наша не позволяла тогда, — отвѣчала Параня, покраснѣвъ еще болѣе.

— А кстати, гдѣ же онъ, мой ученикъ? ...

— Гуляетъ ... Съ утра на гулянкѣ, — отвѣчала Параня, отходя и садясь около Алены Николавны.

— Въ книжку, чай, и не заглядываетъ никогда? ...

— Нѣтъ, когда читаетъ. Заставляемъ ...

— Вотъ какъ. Заставляете! ... Ну, это хорошо! ... Да вѣдь, чай, Ѳедоръ больше заставляетъ, а не ты? ...

— Когда и я! ... Что же, не все ему баловаться ... Коли время позволяетъ, пускай и почитаетъ ... Отчего же? ... И я велю! ...

— Ну, значитъ, и ты измѣнила свои взгляды на грамотность! ... Это хорошо! ... Тогда и самой, конечно, слѣдуетъ обучиться грамотѣ ...

— Да вотъ что, господа, — заговорила Алена Николаевна. — Почтеннаго старца, судя по отзывамъ о немъ, намъ стѣсняться нечего,—онъ насъ не выдастъ ... Намъ можно и при немъ поговорить о нашемъ дѣлѣ, благо мы всѣ здѣсь и Проскуровъ пріѣхалъ ... А, впрочемъ, мы это сейчасъ обмозгуемъ ... Вы какъ ... Ѳедотъ Семенычъ, кажется? ...

— Такъ точно-съ ...

— Вы какъ, Ѳедотъ Семенычъ, на-счетъ школъ для народа? ...

— То-есть какъ это на-счетъ школъ? ... Что вы изволите спрашивать-то? ... Въ какомъ родѣ? ...

— А то-есть слѣдуетъ учить народъ грамотѣ или нѣтъ? ...

— Кабы не слѣдовало, такъ и училищъ бы не заводили ... А, напротивъ того, у насъ стараются сколь возможно больше школъ заводить ...

— Значитъ, вы не принадлежите вашими убѣжденіями къ людямъ вашего поколѣнія, которые думаютъ, что ученье, образованіе развращаетъ народъ? ...

— Какое ученье, какое образованье! ... Вотъ какъ этакое, что мы сегодня на фабричной гулянкѣ видѣли, такъ тутъ хорошаго мало ... А каждый

фабричный думаетъ, что онъ много образованнѣе простого сѣраго мужика ...

— Да нѣтъ, я собственно на-счетъ народныхъ школъ ... Вы не думаете, что грамотность портитъ народъ, пріучаетъ его къ вольнодумству, къ самомнѣнію ... къ неповиновенію, что ли? ...

— Я на своемъ вѣку всего много видалъ. Видалъ грамотныхъ и хорошихъ людей, видалъ и такихъ, что хуже не надо ... Дѣло не въ грамотѣ, дѣло въ человѣкѣ,—и ножъ въ хорошихъ рукахъ на пользу идетъ, а дай его разбойнику въ руки, онъ имъ человѣка зарѣжетъ ... То и грамота ... Умному она въ пользу, а дурака умнымъ не сдѣлаетъ ...

— Да нѣтъ, вы все говорите односторонне, а я желала бы знать ваше мнѣніе въ общемъ смыслѣ, что лучше, — учить ли народъ, или оставить его въ томъ невѣжествѣ, въ которомъ онъ находится? ...

— Да ужъ это не мной выдумано и до насъ сказано, что ученье — свѣтъ, а неученье — тьма ... Да что вы меня, сударыня, пытаете? ... Я старикъ, старикъ старый ... Думаю самъ про себя ... Вы люди ученые, а я мужикъ простой, темный, хоть и грамотный маленько ... Развѣ вамъ можно со мной считаться? ... Что вамъ въ моихъ мысляхъ? ... Слышу я, что вамъ нужно о чемъ-то поговорить промежъ себя по секрету: велите, такъ выйду, — разговаривайте, а при мнѣ будете говорить, такъ я въ ваше дѣло не впутаюсь и въ доказчики на васъ не пойду ... Вы вѣдь, чай, не противъ закона что замышляете? ...

— Да вѣдь законъ закону рознь ... Вы, пожалуй, и это, что мы задумываемъ, сочтете противозаконнымъ ... Пожалуй, у насъ и за такое дѣло можно пострадать.

Ѳедотъ Семенычъ вопросительно взглянулъ на Ѳедю. Тотъ не выдержалъ.

— Нѣтъ, Ѳедотъ Семенычъ, — сказалъ онъ, — ничего тутъ нѣтъ такого и завсегда бы я вамъ это открылъ, не побоялся бы ... Все въ томъ, что Александръ Кузьмичъ, потихоньку отъ тятеньки своего, школу открываетъ, для фабричныхъ, потому Кузьма Иванычъ противъ всякаго ученья ... Вотъ и Василія Якимыча приглашаютъ въ эту школу учителемъ ... Больше ничего и нѣтъ ...

— Такъ что же, сударыня, вы сумнѣвались говорить-то при мнѣ? — обратился Ѳедотъ Семенычъ къ Аленѣ Николавнѣ. — Ничего тутъ нѣтъ, окромѣ хорошаго, и противъ закона ничего нѣтъ ... Это доброе дѣло Александръ Кузьмичъ задумалъ! ...

— Но однако ... все-жъ-таки ... нѣкоторымъ образомъ тутъ подрывается авторитетъ родительской власти,— иронически произнесла Алена Николавна, — сынъ идетъ противъ отцовской воли! ...

— Да кабы онъ на худое шелъ, такъ такъ, а то вѣдь онъ на доброе ... Никто его за это не осудитъ, коли если только ... Извини ты меня, Александра Кузьмичъ ... Если денежки не будешь потихоньку отъ родителя брать ...

— Нѣтъ, я на свои, на собственное жалованье,— поспѣшно отвѣчалъ Кошатниковъ.

— А вотъ, по нашему мнѣнію, для добраго, общеполезнаго дѣла не стыдно было бы даже и потихоньку взять денегъ у такого эгоиста, эксплуататора и самодура, какъ родитель Александра Кузьмича ... А вы какъ думаете? — говорила неугомонная Алена Николавна.

— Ну, ужъ на-счетъ этого не знаю, какъ вамъ сказать ... Это ваше разсужденіе! — про-

молвилъ нахмурившись Ѳедотъ Семенычъ и опустилъ глаза.

— Такъ вотъ, Василій Якимычъ, милости просимъ, — обратился къ Проскурову Кошатниковъ. — У меня все готово ... Какія будутъ ваши условія?... Я ничего не пожалѣю, сколько могу ... Коли сойдемся, такъ вотъ поѣдемте: и квартира вамъ готова, и сторожъ нанятъ, онъ и прислуживать вамъ будетъ ...

— Между нами условій никакихъ быть не можетъ, — отвѣчалъ Василій Якимычъ. — Сколько заплатите, то и ладно, лишь бы мнѣ сытымъ да одѣтымъ быть, вотъ и все ... Объ этомъ и толковать нечего ... Я здѣсь совсѣмъ ... Ѳедя меня позвалъ отъ вашего имени, — я и пріѣхалъ вовсе ...

— Браво! ... Вотъ это люди! — восторженно вскричала Алена Николавна ... Вотъ, Ѳедотъ Семенычъ, вотъ какихъ людей мы ищемъ, вотъ какихъ, надѣемся, образуетъ школа и ученье! ... Людей, которые идутъ на дѣло не изъ-за рублей, а изъ любви къ нему, изъ желанія сдѣлать пользу! ... Вотъ, заикнись только Василій Якимычъ о рубляхъ, заговори только о жалованьи, начни торговаться, я потеряла бы къ нему половину уваженія, а теперь я вновь хочу пожать его благородную руку ...

— Вы преувеличиваете ... Что же я сдѣлалъ такого? — конфузливо говорилъ Василій Якимычъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте ... Не преувеличиваю я, а говорю искренно ...

— Вотъ видите, — продолжала она, обращаясь къ Ѳедоту Семенычу, — мы можемъ деньги взять потихоньку для общаго дѣла, что называется, по-вашему: украсть! И мы же всегда готовы для общей пользы пожертвовать всѣми своими интересами, даже самими собой .. Вы, хорошій человѣкъ стараго

поколѣнія, способны презирать за это насъ, молодежь? ... Ну-те-ка, скажите, по совѣсти ...

Ѳедотъ Семенычъ взглянулъ на Алену Николавну и улыбнулся.

— Добрыя вы, я вижу, только горяченьки, сказалъ онъ. — А украсть все-таки не украдете ...

— Нѣтъ, украду ... со спокойной совѣстью украду, — горячилась Алена Николавна, — но это не будетъ воровство въ моихъ глазахъ ... Онъ обворовываетъ, обираетъ народъ, живетъ его трудомъ, его кровью и его тяжелыми заработками, набиваетъ свой карманъ, слѣдовательно, взявши у него для общаго дѣла, для общей пользы, я только возвращу отнятое насильно тому, кому оно принадлежитъ по праву ... Вы вѣдь уважаете людей, которые владѣютъ огромнымъ богатствомъ? ... Признайтесь, — уважаете вотъ, напримѣръ, его отца? ...

Алена Николавна указала на Александра Кузьмича.

— Признайтесь, вѣдь въ вашихъ глазахъ его отецъ чуть не великій человѣкъ, предъ которымъ всѣ должны преклоняться, благоговѣть и унижаться?.. Такъ вѣдь?.. Не правда ли?..

— Что же? Правда!.. У насъ Кузьму Иваныча всѣ почитаютъ!.. Да онъ и стоитъ того, — сколько народа отъ него кормится!.. Опять же онъ человѣкъ добрый, благотворительный; вонъ мосты строитъ, которые большіе, не подъ силу мужикамъ; по карнымъ, почитай, никогда у него отказу нѣтъ,—всегда помогаетъ... И такъ милостыню подаетъ, вотъ когда поминки, али что... Тысячи народа къ нему издалека собираются, на лошадяхъ пріѣзжаютъ за подаяніемъ, значитъ хорошо одѣляетъ, — за пустымъ мѣстомъ не поѣхали бы!.. И къ мужику не прижи-

мистъ, всегда льготу дастъ, если мужикъ безъ грубости, повинится и милости попроситъ. — Это ужъ я знаю, по своимъ дѣламъ и по разговорамъ его... Какъ его не почитать?.. Всякій его уважитъ, потому для всего общества человѣкъ полезный. Всегда скажу!.. И не изъ того говорю, что сынокъ его здѣсь, а и не будь его, то же бы сказалъ!..

— О, я такъ и думала!.. А я вотъ тоже при Александрѣ Кузьмичѣ скажу, что въ моихъ глазахъ его отецъ не больше, какъ эксплуататоръ, грабитель, который безъ стыда и безъ совѣсти обираетъ народъ, жирѣетъ и богатѣетъ на-счетъ другихъ да еще грошовыми подачками заставляетъ этотъ же обобранный имъ народъ считать себя своимъ благодѣтелемъ... Вотъ какъ я понимаю вашего Кузьму Иваныча и всѣхъ ему подобныхъ!.. И, повѣрьте, не я одна, а вмѣстѣ со мною и вся передовая, развитая молодежь!..

— Про другихъ не знаю, а что отъ васъ слышу, такъ довольно мнѣ это удивительно, особенно какъ сказали вы, что ихнихъ внучатъ учите, стало быть, въ ихъ домѣ живете, ихную хлѣбъ-соль ѣдите, да, поди еще, и жалованье не малое получаете...

Алена Николавна искусственно и преувеличенно расхохоталась.

— О, если бы вы даже этого и не высказали, я знала, что вы это думаете!.. Какъ, въ самомъ дѣлѣ? Жить въ домѣ, получать жалованье и о хозяинѣ своемъ такъ думать?! Да въ этомъ-то и вся сила, этимъ-то наше поколѣніе и непохоже на ваше, этому-то вотъ, вмѣстѣ съ грамотой, мы и хотимъ обучить нашъ бѣдный, загнанный, невѣжественный народъ, чтобы онъ не думалъ, что богатый купецъ, нанявши его въ работники и платя ему жалованье

оказываетъ ему милость и благодѣяніе, а понималъ бы, что купецъ при этомъ обираетъ его и отдаетъ только малую частицу того, что̀ ему слѣдуетъ!.. Вы разсудите только. Кто производитъ весь этотъ товаръ, съ котораго купецъ наживаетъ барыши? Вѣдь рабочій? Такъ? ... Отчего же онъ изъ своего барыша отдаетъ рабочему только какую-нибудь копѣйку съ рубля, а остальное беретъ себѣ? ... По какому праву? ... Онъ нанимаетъ рабочаго за сто рублей, а тотъ ему сработаетъ на тысячу ... Зачѣмъ же онъ беретъ всѣ эти деньги себѣ, а не дѣлится съ рабочими? ... Развѣ это не грабежъ? ... Да еще мало этого,—онъ старается и эту-то ничтожную плату уменьшить ... Какъ бы еще подешевле платить ... И вотъ рабочіе въ нищетѣ, въ лишеніяхъ, а онъ строитъ дворцы, роскошествуетъ, не знаетъ, что̀ дѣлать со своими деньгами ... И этакихъ людей вы называете благодѣтелями народа, людьми, полезными обществу!... Вы умный и честный старикъ, — всѣ это говорятъ и я сама вижу, — а потому такъ откровенно и высказываюсь передъ вами ... Вы подумайте о моихъ словахъ! ...

Теперь Ѳедотъ Семенычъ въ свою очередь улыбнулся, но скромно и сдержанно.

— Ужъ вы такъ, кажись, сударыня, полагаете, — сказалъ онъ добродушно, — что мы вовсе ничего не думаемъ ... А, можетъ, все это давно ужъ передумано ... Не отъ первой отъ васъ слышу я эти рѣчи. Говорятъ ихъ и мужички, которые бахвалистые, слыхалъ ихъ и отъ господъ, кои свои достатки поразстроили и завистуютъ на купеческое богатство ... У народа нашего русскаго, простого, — зависти нѣтъ,—онъ Бога благодаритъ и за малое! ... Все ужъ это переговорено и пересужено ... И объ

этомъ, если тòлкомъ говорить, надо много и долго ... А вотъ вы мнѣ что молвите. Вотъ вы хотите, чтобы весь народъ думалъ такъ, по-вашему, тому обучать его хотите и втолковывать ... Ну, а будетъ ли лучше-то, какъ ежели онъ перейметъ все это съ вашихъ словъ? Какъ полагаете? ...

— Безъ сомнѣнія, лучше! ...

— А чѣмъ же? ... Что тутъ народъ подѣлаетъ? ...

— Мало ли что! ... Онъ будетъ дѣлать стачки, отказываться отъ работы, подъ угрозой остановки фабрикъ можетъ вынудить возвышеніе платы, уменьшеніе рабочихъ часовъ, даже участіе въ прибыляхъ ...

— Не одолѣть бѣднымъ людямъ богатаго ... Не угрозятъ ему тѣмъ, что фабрика станетъ,—переборетъ онъ ихъ ... На мѣсто бунтовщиковъ тотчасъ другіе охотники найдутся ... А и разорятъ они купца, — положимъ такъ, станетъ фабрика, совсѣмъ закроется. Кому какой отъ того барышъ? Только лишняго заработка себя лишатъ ... А тамъ судъ да взыскъ съ бунтовщиковъ, — и вовсе значитъ себя разорятъ ... Не люблю я фабрикъ, не по мысли они мнѣ, потому народъ портятъ, отъ земли отбиваютъ ... Ну, да народъ пока рвется на нихъ,— видятъ, лишній рубль можно заработать ... На купцовъ не жалуются, а еще хвалятъ, благодарятъ и кланяются, что работу даютъ ... Остаются довольны ... На что же вы хотите учить его своей-то наукѣ, коли она вовсе и не нужна ему? ... А ну, — какъ онъ такъ вашу науку пойметъ, что коли насъ грабятъ, такъ стало и намъ грабить можно да разбоемъ пойдутъ на богатыхъ-то купцовъ? ... Развѣ не можетъ статься? ...

— Это было бы, можетъ быть, лучше всего, — воскликнула Алена Николавна.

— Ну, ужъ, сударыня, извини ты меня ... Это, выходитъ, языкъ безъ костей, — все скажетъ! ... Вѣдь разбойникъ-то человѣкъ безсудный; онъ не станетъ разбирать, не однихъ купцовъ, а, пожалуй, и тебя задѣнетъ, и другого, третьяго оберетъ, кои ни въ чемъ не виноваты и не причинны ... На кого ни взглянетъ, на всякаго позавиствуетъ, что̀ ни увидитъ, все ему подавай, все ему мало ... Да объ этомъ и подумать-то такъ ... не приведи Господи! ... И говорить-то страшно! ... А не то, что — лучше всего! ... Нѣтъ, ужъ это ты, по женскому своему разуму, перемахнула слишкомъ ... Безъ всякаго разсудка сказала! Извини ты меня! ... Не обидься! ...

— Ну, дѣдушка, ничего, — я не обидчива! — отвѣчала Алена Николавна со снисходительной улыбкой. — Не бойся, не разсержусь ... Гдѣ же тебѣ и понять настоящій смыслъ моихъ словъ ... Мнѣ, конечно, не слѣдовало бы и заговаривать съ тобою объ этихъ вопросахъ ... Они очень чужды вашему міровоззрѣнію, вашимъ привычкамъ,—я понимала это впередъ ... Помните, сказано: въ мѣха старыя нельзя вливать вина новаго! ... Но я увлеклась общими похвалами о васъ нашихъ, тѣмъ довѣріемъ, которое они вамъ оказываютъ ... Я, впрочемъ, увѣрена и теперь, что вы не доносчикъ какой-нибудь! ... Во всякомъ случаѣ вы здѣсь между друзьями, которые, замѣтьте, всѣ думаютъ одинаково со мною ... Вѣдь, вы, конечно, доносить на насъ не будете? ...

— Доносить! — усмѣхнулся Ѳедотъ Семенычъ. — О чемъ доносить-то? ... Развѣ отъ вашихъ разго-

воровъ что̀ станется? ... Правда, что вѣкъ прожилъ, — дуракомъ не считали, а ужъ если я вашихъ словъ ъ толкъ не возьму и къ сердцу не примаю, а такъ думаю, что съ вѣтру вы это говорите, такъ кто васъ слушать-то будетъ? ... Подите, поговорите, попробуйте! ... Доносить! ... Смѣшная вы, сударыня ... Право! ... Да вотъ Ѳедюша-то изъ вашихъ, говорите, и тоже рабочій на фабрикѣ, а спросите-ка его, согласенъ ли, чтобы рабочіе на него разбоемъ пошли, ограбили бы его и фабрику бы его разнесли? ... Чудная, сударыня ... право, чудная! ... Желаемъ, говоритъ, этого! ... Лучше бы всего было! ...

Ѳедотъ Семенычъ добродушно смѣялся.

— Вы, Ѳедотъ Семенычъ, не совсѣмъ такъ приняли слова Алены Николавны, — замѣтилъ Проскуровъ; — она про разбой не говорила, это вы сами сказали ... Она говорила почти то же самое, о чемъ и мы давеча дорогой съ вами толковали, слова только другія подошлись ...

— Какъ то же самое? Что ты! ... И украсть, говоритъ, хорошо! И ограбить можно—и слѣдуетъ! ... Коли я бѣденъ, а ты богатъ: ну, значитъ, ты грабитель, ограбилъ меня, а я долженъ тебя грабить ... Вотъ вѣдь она чему учить-то хочетъ! . . Какъ же это не разбой? ...

Ѳедотъ Семенычъ усмѣхался.

— Ну, довольно, довольно, дѣдушка, — перебила его Алена Николавна. — Положимъ, я не совсѣмъ то говорила, да оставимъ это, напрасно только опять поднимать объ этомъ разговоръ, а намъ время бы, Александръ Кузьмичъ, ѣхать ... Въ школѣ вѣдь хотѣли побывать ... Вотъ кстати возьмемте съ собою Проскурова и водворимъ его на новосельи ...

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ... Поѣдемте, — отозвался Александръ Кузьмичъ. — Это отлично! ... Только негдѣ намъ посадить-то васъ ... Нельзя ли бы лошадь промыслить? — обратился онъ къ Ѳедѣ.

— Да пускай мой ямщикъ отвезетъ, — сказалъ Ѳедотъ Семенычъ. — Развѣ что̀ далеко? ...

— Нѣтъ, близехонько, всего съ версту отсюда ...

— Ну, такъ чего же тутъ ... Скажи ему, Ѳедя, чтобы довезъ ... Радъ я, Василій Якимычъ, что ты на хорошее мѣсто попалъ ... Дай Богъ тебѣ обжиться здѣсь ... Только не учи, братъ, ребятъ этому, что̀ вотъ сударыня говорила ... Ребята малыя, — они, пожалуй, какъ-разъ переймутъ, это не мы, дураки старые ... Вонъ ужъ, слышалъ, и безъ науки-то вашей, сами-по-себѣ, какія они пѣсни здѣсь переняли ...

— Въ одномъ, дѣдушка, не сомнѣвайся, — подстала Алена Николавна, — наши ученики, если только не забудутъ нашихъ наставленій, будутъ людьми честными, подлости никакой не сдѣлаютъ, но и унижаться не станутъ, а сами за себя постоятъ! ... Ну, прощайте же, дайте вашу руку, разстанемся друзьями! ... Мы хоть и не сходимся съ вами въ убѣжденіяхъ, но, я вижу, вы честный старикъ! ...

Алена Николавна крѣпко сжала и сильно потрясла руку Ѳедота Семеныча.

— Ну, Параня, такъ будешь ходить въ нашу школу по воскресеньямъ? ... Я сама буду тебя учить, — обратилась она къ Паранѣ.

— Коли время позволитъ, такъ отчего же? — отвѣчала Параня.

— Ну, ка́къ времени не найти ... Мы надѣемся,

что ты и другихъ своихъ товарокъ будешь зазывать, а Чернушкинъ — рабочихъ ... Ты и не замѣтишь, какъ выучишься, мы вѣдь не по-старому будемъ учить, — у насъ черезъ два-три мѣсяца и читать, и писать будешь умѣть ...

— Добре бы это, — подстала молчавшая до сихъ поръ Дарья Тихоновна. — Покорно васъ благодаримъ за вашу ласку ... Какъ ей не ходить, будетъ безпремѣнно ходить ... А что же, у насъ, вонъ, самоварчикъ поспѣлъ ... Чайку бы, удостоили, откушали ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣкогда ... Въ другой разъ, когда заѣдемъ ...

— Да что же это, — я сейчасъ бы вѣдь ... Вотъ и они съ дорожки-то откушали бы ...

Дарья Тихоновна указала на Проскурова, но тотъ тоже отказался. Александръ Кузьмичъ молчалъ; онъ съ удовольствіемъ бы посидѣлъ еще здѣсь, гдѣ была Параня, но боялся это обнаружить. Онъ плохо даже слышалъ, о чемъ говорили и спорили вокругъ него, онъ заботился во все время только о томъ, чтобы незамѣтно для Ѳеди взглядывать на Параню. Онъ хотѣлъ-было предложить, чтобы и Ѳедя, и Ѳедотъ Семенычъ ѣхали вмѣстѣ съ нимъ, подъ предлогомъ осмотра школы, и взяли бы съ собою Параню, но не рѣшился сказать и уѣхалъ разстроенный и недовольный. А между тѣмъ Ѳедя ревниво наблюдалъ за нимъ и за Параней, замѣтилъ ихъ робкіе взгляды, ихъ смущеніе, — и молча страдалъ ...

V.

Ѳедотъ Семенычъ съ Ѳедей вышли проводить гостей, но послѣ ихъ отъѣзда старикъ не пошелъ въ избу и остановилъ Ѳедю на улицѣ.

— Ну, вотъ просилъ, я пріѣхалъ, — сказалъ онъ. — Почто же звалъ? Говори здѣсь ... Тамъ, можетъ, при бабахъ, нескладно будетъ намъ разговаривать ... Анна мнѣ все разсказала, и старикъ твой жаловался на тебя ... Ты его слушать не хочешь ... На что же я-то тебѣ? ... Меня, чай, и подавно не послушаешь? ... Ну, говори ... Потолкуемъ ...

Ѳедя забылъ о намѣреніи своемъ просить содѣйствія Ѳедота Семеныча къ убѣжденію отца — согласиться на его женитьбу; въ настоящую минуту онъ видѣлъ въ немъ только друга, который разрѣшитъ его сомнѣнія, устранитъ мучительную тревогу, которая наполняла его душу.

— Видѣли вы ее? — спросилъ Ѳедя.

— Кого это? ... Невѣсту-то твою нареченную, что ли?

— Да, Параню.

— Какъ же не видѣть, самъ знаешь, что видѣлъ ...

— Ну, ка́къ она вамъ показалась? ...

— Ка́къ? ... Дѣвка, какъ дѣвка ... Пригожа, смазлива, а тамъ ... кто ее знаетъ, сразу развѣ покажется ...

— Я на ней безпремѣнно женюсь, Ѳедотъ Семенычъ, не сжить мнѣ безъ нея ...

— Ты вѣдь ужъ и отцу то же сказалъ ... Никого слушать не хочешь ...

— Про нее это все напрасно ... Она ни въ чемъ не виновата, она хорошая, честная! ... Развѣ она вамъ не показалась чѣмъ? ...

— Да много ли я ее видѣлъ? ... И рѣчей отъ нея, почитай, никакихъ не слыхалъ ...

— Поговорите вы съ ней, Ѳедотъ Семенычъ,

попытайте вы ее. Для меня, батюшка, родимый! ...

— Да насчетъ чего попытать-то? ... Что подуривать, что ли, она стала, замѣчаешь? ... Обманываетъ, что ли, тебя? ...

— Ой, нѣтъ, нѣтъ ... Грѣхъ это сказать ... А мучитъ меня, неспокоенъ я сталъ, мѣсто здѣсь, фабрика, не хорошее ... Народъ такой ... бѣдовый! ... А жениться скоро нельзя ... Будемъ ждать да ждать, а какъ кто ее сманитъ отъ меня, какъ надоѣстъ ей ждать-то? ... Куда я дѣнусь? ... Я пропаду тогда ... Измучился я совсѣмъ! ... Посовѣтуйте мнѣ, Ѳедотъ Семенычъ, помогите ... Я на васъ, какъ на отца ... Вы умный, вы меня любите, я знаю! Тяжело мнѣ, такъ тяжело! ...

— Да въ чемъ помочь-то тебѣ, дурашка? .. А совѣтъ мой тебѣ одинъ будетъ: брось ты ихъ, уйди отсель, вовсе съ фабрики уйди, куда подальше ... А то пропадешь, пожалуй ...

— Какъ, отъ нея-то уйти? ... Отъ Парани? ... Нѣтъ, Ѳедотъ Семенычъ, нѣтъ! ... Пускай ужъ лучше пропаду, а мнѣ отъ нея по доброй волѣ не уйти ... И не уйду, и ее изъ глазъ не выпущу, сторожить стану, никому не отдамъ! ... Я, кажется, ножъ всажу всякому, кто подойдетъ-то только къ ней близко! ... Себя не пожалѣю, а ей либо за мной быть, либо ...

— Стой-ка, стой ... Вотъ что, Ѳедоръ, мнѣ непристойно и слушать-то такія рѣчи ... Я тебя не затѣмъ на фабрику представилъ и не того отъ тебя ждалъ. Я думалъ, ты дѣло дѣлать хочешь, работать ... А это, выходитъ, безпутство! ... Слышу — жениться хочетъ, полюбилъ дѣвку и она его тоже ... Говорятъ, мать ея такая-сякая ...

Ну, думаю, бываетъ, что дочь и не по матери выходитъ, а, значитъ, ужъ судьба его такая ?.. Не всегда и родители потрафляютъ, — бываетъ, ошибаются, это дѣло отъ Бога, кому какая судьба! ... Думаю себѣ, зоветъ, поѣду, посмотрю, коли ужъ не больно зазорно, — попрошу отца, чтобы оченьто не тѣснилъ его ... Что дѣлать-то? ... Самъ не дуракъ, видитъ! ... А теперь съ твоихъ словъ выходитъ, что либо дѣвка эта вовсе безпутная, либо съ тебѣ блажь какая ходитъ ... Говоришь невѣдомо что, тоскуешь, ножомъ похваляешься, — и къ свадьбѣ дѣло не подвигается, и сторожить ее хочешь ... Нѣтъ, видать, что тебя закружили, одурили совсѣмъ ... Я тебѣ тутъ не помощникъ и не совѣтчикъ! ... Да, признаться сказать, и все мнѣ тутъ не по мысли, и дружество это, и съ учителемъ тайности, и разговоры всѣ эти ... и учительша эта блажная! ... Нѣтъ, Ѳедя, нехорошо, нехорошо, не того я ждалъ! ... Правду отецъ говорилъ, что надо бы тебя отсюда хоть силой взять ... Пожалуй, что лучше будетъ, самъ будешь послѣ благодарить, хоть перво и посердишься ...

— Нѣтъ, Ѳедотъ Семенычъ, хоть этого-то вы батюшкѣ не совѣтуйте, — пускай не дѣлаетъ, пути не будетъ ... Нѣтъ, вы попросите лучше батюшку, чтобы онъ ни о чемъ не думалъ, не тѣснилъ бы меня, а далъ бы мнѣ волю. Я самъ по себѣ лучше, а будете силой разводить съ Параней, — хуже сдѣлаю ... На мое счастье и безъ того завистуютъ, такъ пускай ужъ хошь домашніе-то горя не прибавляютъ ...

— Кто это тебѣ завистуетъ? ... Экое счастье твое, подумаешь! — насмѣшливо сказалъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Вы не смѣйтесь, Ѳедотъ Семенычъ ... Я вижу ... и все понимаю! ... Сердце — вѣщунъ! ... Недаромъ здѣсь, на фабрикѣ, Параня хуже стала ... Тамъ, въ деревнѣ, я Кириллы боялся, а здѣсь приходится, видно, еще больше опасаться ... Правда это, что бѣдные на богатство завидуютъ, а ужъ богатые-то рады все отнять у бѣдняка, — не то, что послѣднюю суму снять, а что и въ душѣ-то у него, въ сердцѣ, и то вытащить, — и то, дескать, ему лишнее, мнѣ надобно ... И неужто вправду они какія милости дѣлаютъ людямъ? ... Нѣтъ! Кто имъ ненуженъ, ничего тотъ съ нихъ не получитъ, и если даютъ что, такъ или потому, что самимъ нужно взять съ того человѣка, или добиваются, чтобы имъ кланялись, хвалили, прославляли ... Совѣсти, жалости у нихъ нѣтъ къ людямъ! ...

— Ну, Ѳедя, убилъ же ты бобра, выбралъ же самъ себѣ суженую, коли ужъ теперь, ничего не видя, еще до женитьбы, она до такихъ думъ да до этакихъ рѣчей тебя довела ... На себя ты не похожъ ...

— Нѣтъ, это не она довела, Ѳедотъ Семенычъ ... Это такъ только къ слову пришлось, а какъ пожилъ я здѣсь, посмотрѣлъ на всѣ порядки, такъ точно увидѣлъ и по себѣ, и по другимъ, что все на томъ держится, какъ бы бѣднаго человѣка получше нажать да побольше изъ него вытянуть! ... А хуже всего то, что и за человѣка-то бѣдняка не считаютъ! .. И въ деревнѣ это видно было, да не такъ, какъ здѣсь ... И хоть вамъ и не по мысли было, что Алена Николавна говорила, а, пожалуй, что много и правды есть въ ея рѣчахъ ... Василій Якимычъ еще прежде мнѣ много похожаго разсказывалъ, а теперь и самъ вижу ... И правда, все

это оттого, что народъ у насъ добрый и неграмотный ... Думаетъ, что всему такъ и слѣдуетъ быть, — все терпитъ, что съ нимъ ни дѣлаютъ! ...

— Ну, Ѳедоръ, — прервалъ его Ѳедотъ Семенычъ, — угостилъ ты меня сегодня ... Спасибо! ... Наслушался я много хорошаго со всѣхъ сторонъ; денёчекъ сегодня мнѣ выпалъ, — нѣчего сказать ... Было зачѣмъ вызывать меня, мою старость тревожить! ... Спасибо, утѣшилъ! ... Прощай, братъ! ... Вонъ мои лошади возвращаются, я домой поѣду ... Мнѣ здѣсь дѣлать больше нечего ... Прощай ...

Ѳедя спохватился.

— Ѳедотъ Семенычъ, да за что же вы прогнѣвались на меня? ... Я вѣдь вамъ, какъ отцу, что̀ на душѣ, — все говорю ... Тяжело мнѣ было, не стерпѣлось, вотъ и сказалъ, что̀ на умѣ было не съ сегодняшняго дня ... Въ другой бы разъ, можетъ, остерегся, промолчалъ бы, самъ въ себѣ передумалъ, а сегодня проговорился ... Вы не гнѣвайтесь на меня, ради-Христа ...

— Что̀ мнѣ гнѣваться? ... За что̀? ... Да и что̀ съ моего сердца будетъ? ... У всякаго свой царь въ головѣ, всякій по-своему думаетъ ... А только и похвалить нельзя, и радоваться нѣчему! ... Давно, братъ, ужъ я вижу, что все какъ-то идетъ не въ порядкѣ ... Старшіе спились съ круга, всякую правду и судъ, и совѣсть, на одну водку мѣняютъ, безъ нея шагу не ступятъ! ... А молодые ... Одни безпутничаютъ, шалберятъ ... Никого знать, ничего путемъ дѣлать не хотятъ, къ чему-то рвутся, чего-то ждутъ, на наши слова смѣются ... А другіе, которые поумнѣе, на кого надежда, — тѣ вонъ какія рѣчи говорятъ, какія думы думаютъ! ... Вонъ васъ компанія какая: учитель бѣднякъ, купец-

кій сынъ богатый, ты — мужикъ простой да еще барыня ученая ... А всѣ вы за-одно, и всѣ одно думаете ... И своимъ думамъ народъ учить хотите ... О тебѣ я полагалъ, что нѣтъ тебя смирнѣе, добрѣе и покорнѣе, что ни до чего тебѣ нѣтъ дѣла, кромѣ своей работы, и что разумъ у тебя твердый и душа христіанская ... А теперь вижу, что и въ тебѣ не нашъ старый духъ, а новый какой-то .. Можетъ, такъ и надо, не знаю я, вы умнѣе, ученѣе... А только страшно мнѣ и непріятно! ... Жалко тебя и досадно на тебя! ... Вижу, что ничего мнѣ противъ васъ не сказать: забьете вы меня словами, а моихъ рѣчей даже и слушать не будете либо хошь и выслушаете изъ совѣсти, такъ не повѣрите ... И ты хошь промолчишь, чтобы не согрубить, не обидѣть старика, а сдѣлаешь все по-своему ... И — знаешь что, Ѳедя? — никогда я такъ не думалъ, что я старъ и никуда негоденъ, какъ сегодня, особливо при твоихъ рѣчахъ ... Слава Богу, что скоро уйду изъ старшинъ и что хату себѣ сиротскую выстроилъ, уйду и запруся въ ней ото всѣхъ ... Да, не годимся мы, старики, про васъ, — управляйтесь сами! ... Только одно тебѣ скажу, любя тебя: береги свою голову, пожалѣй себя! ... Ну, прощай, Ѳедя; не сержусь, братъ, я, — не бойся! ... Только что ... нѣтъ, не гожусь я больше! ... Думалъ вѣдь я про себя, что уменъ, что все вижу и понимаю, всѣхъ въ рукахъ держу и пользу міру дѣлаю, а выходитъ, — никуда я не гожусь. Сына вырастилъ ... самъ знаешь, каковъ ... и въ тебѣ не умѣлъ досмотрѣть и понять, что̀ дѣлается ... и любилъ тебя совсѣмъ не за то, что̀ есть въ тебѣ ... Думалъ, что ты то же, что̀ и мы, — только погра-

мотнѣе, поученѣе ... Мы и не то перетерпѣли и пережили, да у насъ и похожаго на ваши думы въ головахъ не было ... Ну, прощай же, Ѳедя! ... Люблю я тебя ... Во всякой нуждѣ приходи, ровно къ отцу или къ брату, а теперь дѣлать мнѣ нѣчего ...

— Да хоть зайдите, Ѳедотъ Семенычъ, чайку покушайте ... а то я буду думать, что огорчилъ васъ, прогнѣвилъ ... Мучиться буду ...

— Нѣтъ, нѣтъ ... Слышишь, ничего! ... А такъ мнѣ самому ровно какъ горько, тяжко стало ...

— Да и передъ домашними-то моими неловко мнѣ будетъ ... Ну, какъ имъ сказать, что вы не захотѣли зайти, уѣхали, отъ чашки чаю отказались? ... Подумаютъ, гнушаетесь ... Хоть для меня зайдите ... Тамъ вѣдь ждутъ ...

— Ну, изволь, для этого зайду, пожалуй, на минутку ... только не говори со мной ни о чемъ объ этакомъ ... А помни одно мое слово, береги свою голову! ... Дорогая она, не того стоитъ! ...

Въ избѣ, за чаемъ, Ѳедотъ Семенычъ очень ласково разговаривалъ съ Параней, шутилъ, смѣялся, сказалъ даже нѣсколько словъ съ Дарьей Тихоновной, но ни однимъ словомъ не коснулся женитьбы Ѳеди и вообще его отношеній къ невѣстѣ. Уѣзжая, онъ обнялъ Ѳедю, расцѣловалъ и, садясь въ сани, шепнулъ ему на ухо:

— Еще прошу, ради Христа, оберегай ты себя ...

— Я васъ провожу маненько, Ѳедотъ Семенычъ, — говорилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, зачѣмъ? ... Знаешь, лишніе проводы ... Оставайся съ Богомъ! ... Прощай! ... Все ужъ переговорили вѣдь ...

— Да вы хоть мнѣ скажите, что̀ Аннушка?

Какъ Кирилла? — спрашивалъ Ѳедя, идя рядомъ съ двинувшимися санями и придерживаясь за нихъ.

— Все, братъ, то же ... Все одно ... Ничего нѣтъ ни новаго, ни хорошаго ... Эхъ, лучше бы не поминалъ! ...

Ѳедотъ Семенычъ съ отчаяньемъ махнулъ рукой.

— Прощай, Ѳедя ... Прощай! — прибавилъ онъ такимъ тономъ, который какъ-бы просилъ оставить его одного съ самимъ собой.

— Прощайте, Ѳедотъ Семенычъ ... Поклонитесь батюшкѣ ... Скажите, чтобы не думалъ, не сомнѣвался обо мнѣ ... не боялся бы ничего ... Не трогалъ бы меня, — упрашивалъ Ѳедя, но быстро двинувшіяся лошади оторвали его руку отъ саней и онъ долженъ былъ остановиться, не разслышавши отвѣта Ѳедота Семеныча. Онъ видѣлъ только, какъ старикъ обернулся, дружелюбно кивнулъ ему головой и перекрестилъ его на воздухѣ.

Глубоко тронутый этимъ послѣднимъ выраженіемъ любви старика, съ тоской на сердцѣ, съ мрачными, нерадостными думами, медленно возвращался Ѳедя къ своей избѣ. Въ первый разъ еще онъ не рвался къ Парашѣ, ему хотѣлось остаться одному и какъ-бы разобраться въ наплывѣ разнообразныхъ мыслей и ощущеній дня. Онъ миновалъ свой домъ, прошелъ черезъ всю деревню въ ту сторону, куда уѣхалъ Александръ Кузьмичъ, подальше отъ праздничнаго шума. Онъ вышелъ за околицу и въ поле.

„Неужто, въ самомъ дѣлѣ, Александръ Кузьмичъ ухаживаетъ за Параней и та ему отвѣчаетъ? ...“—думалъ онъ на свободѣ. — „Вѣдь онъ клялся мнѣ, обѣщалъ, что этого не будетъ ... Зачѣмъ же эти осторожные взгляды? Зачѣмъ Параня

улыбалась на нихъ? ... А пьяная баба? ... Съ чего это она сказала? ... Вѣдь не такъ же, зря, она выдумала? ... И Параня совсѣмъ не та стала, какая-то степенная стала, не какъ прежде, не улыбается, не хохочетъ, точно все о чемъ думаетъ и мной все недовольна, на бѣдность, на нужду, на скуку жалуется, и ни ласки, ни привѣта, ни шутки отъ нея не вижу, а о свадьбѣ какъ она давеча сказала! ... И зардѣлась она вся, какъ онъ давеча подъѣхалъ ... И онъ точно самъ не свой ... Вотъ она, купеческая-то совѣсть! ... Онъ хоть и лучше другихъ, а все же купецъ, богатый, балованный ... У нихъ все на деньги, — что захотѣлъ, сейчасъ купилъ, переманилъ ... Думаетъ и отъ меня деньгами отдѣлаться ... Что, дескать, ему ... Я потѣшусь, а онъ женится послѣ! ... Развѣ онъ мое горе, мою муку понимаетъ? ... Вотъ будь я голоденъ, неодѣтъ, въ рубищѣ, обижай, бей меня кто-нибудь другой, на его глазахъ, онъ пожалѣетъ, потому — добрый, поможетъ, пожалуй, даже вступится, коли посмѣетъ, это ему ничего не стоитъ! ... А тутъ надо отъ самого себя отказаться ... Самого себя переломить, изъ-за совѣсти, изъ-за жалости къ другому — самому себѣ горе сдѣлать или хоть радости, забавы, себя лишить ... Нѣтъ, ему этого не сдѣлать, не станетъ его на это! ... Да если бы и въ томъ дѣлѣ, если бы онъ зналъ, что ему дѣйствительно большая бѣда можетъ быть, развѣ бы онъ пошелъ на это? ... Передъ Аленой Николавной ему стыдно, хочется себя показать, да скучно, дѣлать нечего ... ну, и на отца досадно, что воли никакой не даетъ, — вотъ изъ чего все! ... А сдѣлайся-ка онъ самъ полнымъ хозяиномъ, дай ему всѣ капиталы въ руки ... ну, можетъ быть,

подобрѣе бы другихъ былъ ... а съ нами за-одно не пошелъ бы ... Нѣтъ, не пошелъ бы! ... И Алена Николавна? ... Эта изъ-за чего? ... Жалованье большое получаетъ, живетъ въ полное свое удовольствіе? ... Что ей до народа и самъ-дѣлъ? ... Развѣ она была въ этой шкурѣ, знаетъ что-нибудь? ... Такъ, по наслышкѣ да изъ задора ... Около такихъ людей водилась, наслушалась, въ книжкахъ начиталась ... За что ей любить и жалѣть мужика, коли съ богатыми купцами водится? ...“

Размышленія Ѳеди вдругъ были прерваны вылетѣвшимъ къ нему навстрѣчу изъ-за перелѣска рысакомъ Александра Кузьмича. Конь былъ пущенъ во всю свою рысь и несся точно на крыльяхъ, какъ видно, къ полному удовольствію сѣдоковъ, веселый говоръ которыхъ смутно слышался Ѳедѣ. Не по мысли была ему эта встрѣча въ настоящую минуту. Онъ невольно остановился и осмотрѣлся по сторонамъ, какъ-бы ища мѣста, куда бы спрятаться; но кругомъ него было чистое поле. Ѳедя повернулся и пошелъ назадъ; онъ надѣялся, что, авось, его не остановятъ и проѣдутъ мимо; но меньше чѣмъ черезъ минуту рысакъ былъ возлѣ Ѳеди и, осаженный во-время, поровнялся съ нимъ и пошелъ шагомъ фыркая, покачивая головой и прядя ушами.

— Какъ бѣжитъ! ... Прелесть! — сказалъ Александръ Кузьмичъ, обращаясь къ Ѳедѣ.

— Да, — угрюмо и стараясь не смотрѣть на него, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ ты попалъ сюда? Вотъ нежданная встрѣча! — опять промолвилъ Кошатниковъ.

— Такъ ... шелъ ...

— А я очень рада, что мы встрѣтились, — заговорила Алена Николавна, — по крайней мѣрѣ,

переговоримъ теперь же ... Ну, Проскурова мы вселили и устроили ... Онъ остался всѣмъ очень доволенъ ... Да ему, впрочемъ, ничего и не нужно, кромѣ дѣла ... Да, это, дѣйствительно, человѣкъ хорошій, отъ него можно много ждать! ... Я съ нимъ поговорила! ... Чернушкинъ, да что вы какой мрачный? ...

— Нѣтъ ... Я ничего, — отвѣчалъ Ѳедя, стараясь казаться спокойнымъ.

— Какъ ничего? ... Развѣ я не вижу ...

— Да, да ... Есть что-то, — подтвердилъ и Кошатниковъ.

— Ничего нѣтъ, — упрямо и сухо отвѣчалъ Ѳедя.

— Гдѣ же вашъ старикъ? ...

— Онъ уѣхалъ.

— Уѣхалъ? ... Такъ скоро? ... Куда же онъ поѣхалъ? — безпокойно спросила Алена Николавна.

— Домой уѣхалъ.

— Да вы не поссорились ли съ нимъ изъ-за чего-нибудь?

— Не изъ-за чего мнѣ съ нимъ ссориться, я его люблю и уважаю, какъ отца родного ... пожалуй, еще больше ... Я отъ него все выслушаю, что̀ бы онъ ни сказалъ, и никогда не обижусь и не огрублю ...

— Ну, такъ съ невѣстой повздорили, что ли?— насмѣшливо спросила Алена Николавна, — вы вѣдь чувствительный юноша ... Влюбленный! ...

Александръ Кузьмичъ при этомъ вопросѣ быстро отвернулся и сталъ внимательно разсматривать сбоку походку лошади. Ѳедю передернуло, но онъ старался сдержать себя.

— И съ невѣстой мнѣ не изъ-за чего вздорить, — сухо отвѣчалъ онъ.

— Ну, однако, Чернушкинъ, скажите мнѣ, пожалуйста ... Меня очень безпокоитъ ... Я давеча увлеклась и черезъ-чуръ, кажется, высказалась при вашемъ старикѣ ... Вполнѣ ли вы увѣрены въ его честности? ... Хоть Проскуровъ и успокаиваетъ меня, но все-таки вашъ старикъ ретроградъ и обскурантъ, въ этомъ вы меня не разувѣрите ... А вотъ скажите, по крайней-мѣрѣ, вполнѣ ли вы увѣрены, что онъ не донесетъ? ...

— Ѳедотъ Семенычъ станетъ доносить! — возразилъ Ѳедя. — Такихъ людей не много на свѣтѣ, какъ онъ! ... Онъ ничего не боится и все дѣлаетъ прямо. Если бы онъ сбирался доносить, онъ прямо бы вамъ это сказалъ ... Да и о чемъ доносить? ... Что̀ поговорили, такъ отъ разговоровъ немного сдѣлается ...

— Ну да вѣдь кто какъ смотритъ. Въ словахъ выражается идея, обнаруживается міровоззрѣніе, по нимъ можно судить о намѣреніяхъ и цѣляхъ ... Конечно, вѣроятнѣе всего, что онъ ничего не могъ понять ... и я очень этому рада ... По крайней мѣрѣ, не сумѣетъ пересказать, что̀ слышалъ ...

— Напрасно вы думаете, все онъ понимаетъ и видитъ дальше другого ... Но только доносить о каждомъ пустомъ разговорѣ не станетъ, не такой онъ человѣкъ! ...

— Но мнѣ странно, Чернушкинъ, мнѣ кажется, вы-то сами не понимаете, что въ словахъ иногда вся суть дѣла, что за слова преслѣдуютъ больше всего ... потому-что за словами всегда слѣдуетъ дѣло, съ которымъ управиться потруднѣе ... Неужели вы этого не понимаете? ...

— Разговоровъ-то я много слышалъ, только дѣла еще не видалъ никакого ...

— Надо же было сначала организоваться, обдумать, собрать силы, а теперь начнется и дѣло ... Вотъ школа уже есть ... Потомъ станемъ вліять на рабочихъ ... О-о, Чернушкинъ! Да вы мнѣ становитесь подозрительны ... Или вы вовсе никогда намъ не сочувствовали и только притворялись, въ разсчетѣ въ самомъ дѣлѣ на купеческія милости, о которыхъ говорилъ давеча вашъ старикъ, или вы теперь, когда начинается дѣло, испугались, хотите отлынивать, даже измѣнить намъ? ... Такъ помните, что эта измѣна для васъ будетъ самая гнусная ... Помните, что на нашемъ знамени стоитъ: народъ, служеніе ему, все для народа ... А вы сами изъ народа и первый собираетесь убѣжать изъ-подъ этого знамени ... Это позорно, Чернушкинъ, гнусно! ...

Ѳедя вспыхнулъ. Глаза его загорѣлись.

— Полноте, Алена Николавна. Я мужикъ ... мужикомъ родился, мужикомъ и останусь! ... Мнѣ отъ своего брата убѣжать нельзя, я завсегда съ нимъ и тѣломъ, и душой ... И горе, и нужду его я знаю ... Стану я говорить съ нимъ, онъ меня и слушать будетъ, и пойметъ, и повѣритъ! ... Наміру, коли сказали всѣмъ стоять за одно, такъ всѣ и стоятъ, потому одному больно—всѣмъ отзывается ... Какая тутъ можетъ быть отъ меня измѣна, не откажусь же я самъ отъ себя! ... И коли до дѣла дойдетъ, не испугаюсь и не побѣгу! ... А вотъ, что вы-то съ Александромъ Кузьмичемъ дѣлать можете? ... Васъ-то слушать будутъ ли? ... Повѣрятъ ли, что вамъ есть какая забота о бѣдномъ народѣ, когда вы живете въ каменныхъ купеческихъ палатахъ, катаетесь на рысакахъ, рядитесь вонъ какъ ... Кто повѣритъ, что вы мужицкое горе знаете и помочь ему хотите? ... Да и сумѣете ли, если и въ самъ-дѣлѣ

захотите? ... Вотъ вы-то, оба, не испугайтесь и не сбѣгите скорѣй меня ...

— Ну, Чернушкинъ, если все это искренно, что̀ вы сказали, я нисколько не сержусь на васъ ... Напротивъ, очень рада, что вы, наконецъ, высказались, и уважаю васъ, хотя вы говорили и грубо, и обидно ... Придетъ время, я вамъ докажу себя! ... Дайте руку ...

— Онъ сегодня ужасно раздраженный какой-то,— сказалъ Александръ Кузьмичъ съ ласковой улыбкой.

— Будешь раздраженъ, Александръ Кузьмичъ,— сказалъ Ѳедя, метнувъ на него вызывающій, многозначительный взглядъ, — когда ... Эхъ, да поѣзжайте вы впередъ, ради Создателя! ... Что вамъ ко мнѣ приставать ... И безъ того тошно! ...

Ѳедя остановился и отвернулся въ сторону. Кошатниковъ тронулъ лошадь.

— Чудно̀й онъ сегодня! — замѣтилъ онъ, уѣзжая.

— Дѣйствительно, онъ долженъ смотрѣть на насъ съ презрѣніемъ на этомъ тысячномъ жеребцѣ, въ этой обстановкѣ, — промолвила Алена Николавна.— Толкуемъ про трудъ, про горе рабочаго, а сами катаемся на рысакѣ ... Это, дѣйствительно, большая ошибка! ... Я этого никогда себѣ не прощу! ...

Алена Николавна возвращалась домой разстроенная.

Ѳедя, придя домой, ни слова не сказалъ о встрѣчѣ и весь остатокъ дня былъ скученъ и неразговорчивъ. Параня не рѣшилась или не хотѣла его разспрашивать о причинѣ такого расположенія духа.

VI.

Поѣздка Алены Николавны вдвоемъ съ Александромъ Кузьмичемъ сдѣлалась извѣстною Лиза-

ветѣ Кузьминишнѣ и, получивши характеръ случайно-открытой скрываемой тайны, дала поводъ къ разнымъ соображеніямъ, комментаріямъ и выводамъ. Припомнилось, что въ послѣднее время молодой Кошатниковъ былъ особенно скученъ и задумчивъ, что его нерѣдко заставали въ бесѣдѣ съ гувернанткой съ глазу на глазъ въ присутствіи однихъ только ничего не понимающихъ дѣтей; было принято въ соображеніе и то обстоятельство, что Алена Николавна часто вмѣшивалась въ разговоръ и принимала сторону Александра Кузьмича, что и послѣдній не только защищалъ иногда гувернантку передъ ея хозяевами, въ случаѣ ихъ неудовольствія, но и указывалъ на ея доброту, нетребовательность, усердіе въ обученіи дѣтей, на ея ученость, словомъ, — такъ расхваливалъ, ее, какъ и не слѣдовало бы вовсе молодому человѣку, не имѣющему никакихъ особенныхъ видовъ на дѣвицу.

„Какъ это я раньше-то не догадалась? Какъ это мнѣ раньше-то въ голову не пришло?“ задавала себѣ вопросъ Лизавета Кузьминишна. — „Да нѣтъ, я замѣчала, и прежде замѣчала ихъ содружество, только кто же могъ это вообразить себѣ? ... Изъ себя ничего въ ней нѣтъ этакого; ни кожи, ни рожи, ни бѣлизны, ни запаса, ни пріятности никакой особливой ... Ни наряду этакого, чтобы замѣтнаго, а напротивъ даже того, — всегда въ неглиже; и юбокъ-то, такъ, кажется, одну только юбку надѣваетъ, и то не крахмаленную! ... Развѣ что разговоромъ своимъ, языкомъ взяла? ... На языкъ бойка, точно, дай только волю! ... Ну, да что, кажется, для этакого мужчины, какъ Александра, что̀ значитъ одинъ женскій разговоръ, особливо же по наукѣ: Этимъ не завлечешь ... И опять это,—Кошатни-

кова сынъ и губернанка! ... И представить-то этого себѣ, кажется, невозможно! ... А бываетъ, все бываетъ, все случиться можетъ. Сидитъ да сидитъ одинъ, хоть бы и Александра, женскаго пола только и есть, что я да прислуга ... Ну, правда, цѣлая фабрика тоже ... Да это все не то, надоѣстъ! ... Для компаніи-то нѣтъ никого изъ женскаго пола: Вонъ онъ тоже все насчетъ наукъ да насчетъ книжекъ любитъ поговорить ... Вотъ и заговорила она его ... безпремѣнно, что заговорила, больше и быть не отчего: нечѣмъ ей взять! ... Да кабы только этакъ-то, такъ наплевать, куда бы не шло. Ну, далъ денегъ, поѣзжай съ Богомъ, матушка, сама виновата, не съ кого взыскивать, не докажешь! ... Ну, извѣстно, непріятно, хлопоты, разговоры, срамъ, да все-таки еще ничего! ... А вотъ бѣда, онъ совѣстливъ, Александра, какъ онъ да задумаетъ жениться на ней? Вотъ это — такъ бѣда будетъ настоящая! ... Да тутъ тятенька, кажется ... И Боже сохрани, что будетъ! ... А бывали, и такіе случаи бывали, что и милліонщики на низкихъ, самыхъ бѣдныхъ женятся ... Да вотъ недалеко ходить — Харитона Галактіоныча сынъ ... Что подѣлаешь, взялъ да женился на станового дочери ... А капиталы тоже ... немного развѣ послабѣе тятеньки будетъ ... Отецъ-то ужъ послѣ и бѣсился, и запивалъ съ горя ... и послѣ свадьбы срамилъ молодыхъ-то всячески, по всѣмъ визитамъ возилъ съ музыкой, сами въ коляскѣ ѣдутъ, а впереди на тройкѣ въ телѣгѣ мужиковъ куча пьяныхъ въ сковороды да въ заслоны, въ кастрюли бьютъ, пѣсни срамныя поютъ ... Да вѣдь пожалуй, тогда что хочешь дѣлай, не развѣнчаешь! ... Живутъ теперь, какъ быть надо, мужъ съ женой! ... Нѣтъ, мнѣ надобно безпремѣнно

сначала самой съ ней переговорить, постращать ее, попугать ... А ужъ не возьметъ мой страхъ, тогда и съ Дмитріемъ Тимоѳеичемъ поговорить ... Да я, какъ заговорю съ ней, такъ и узнаю всю подноготную, что̀ у нихъ тамъ, такъ ли только, одно ея поведеніе ... али она надѣется отъ него? ... Можетъ быть, вѣдь чего добраго, и обѣщаніе ужъ вытребовала отъ него — жениться на ней ... Она бойкая, а онъ слабый человѣкъ, добрый, чувствительный! ... Долго ли? ...“

Лизавета Кузьминишна, какъ въ туманѣ, припомнила подробности собственнаго брака, только на свое мѣсто ставила брата, а на мѣсто Дмитрія Тимоѳеича — гувернантку. Она велѣла послать къ себѣ въ спальню Алену Николавну одну, безъ дѣтей, и заперлась съ нею, приказавши предварительно осмотрѣть, нѣтъ ли кого лишнихъ въ сосѣднихъ комнатахъ.

— Что за секретъ такой, Лизавета Кузьминишна? — бойко, съ улыбкою, спросила Алена Николавна, видя эти таинственныя приготовленія.

Лизавета Кузьминишна, разсчитывавшая смутить гувернантку однимъ уже своимъ многозначительнымъ пытливымъ взглядомъ, а затѣмъ намѣреніемъ объясниться съ нею наединѣ, при закрытыхъ дверяхъ, была сама поражена смѣлостью Алены Николавны.

— Ахъ, какъ ты, мать моя, бойка! ... какъ бойка! ... Такъ я надивиться не могу! — говорила Лизавета Кузьминишна.—Да другая бы, кажется, на вашемъ мѣстѣ, смотрѣть-то не знала бы куда отъ стыда — совѣсти ... А эта? ... Еще усмѣхается! ... Да стыдъ-отъ есть въ васъ какой-нибудь, коли ужъ нѣтъ ни страха, ни совѣсти? ...

Лизавета Кузьминишна многозначительно ужимала

губы, таращила свои лѣнивые заплывшіе жиромъ глаза и старалась вообще придать своему лицу строгое, внушительное выраженіе.

— Да что это вы мнѣ за замѣчанія дѣлаете? Что за вопросы задаете? ... Съ какой это стати? ...

— А вотъ съ какой, губернаночка прекрасная ... Я разскажу, все узнаешь, не безпокойся! ... О праздникѣ я уѣзжала въ гости, на чьихъ рукахъ у меня дѣти оставались? ... Есть у меня для нихъ губернанка, али нѣтъ? ... Платимъ мы вамъ за это жалованья, али нѣтъ? ... Для чего, позволь спросить, мы васъ нанимаемъ, поимъ, кормимъ, подарки дѣлаемъ? ... Вотъ отвѣть-ка ты мнѣ на все это ...

— Какія вы глупости спрашиваете ... Тутъ и отвѣчать-то не о чемъ ... Да для чего вы прямо не говорите, зачѣмъ эти обходы? ... Говорили бы ужъ прямо, я сейчасъ догадалась, къ чему вы рѣчь ведете ... Вамъ, вѣроятно, донесли, что я уѣзжала прокатиться на какой-нибудь часъ времени, — такъ вѣдь я и няньку, и всѣхъ дѣвушекъ просила присмотрѣть безъ меня за дѣтьми ... И что же, развѣ что-нибудь случилось? ... Дѣти здоровы, никто не ушибся ...

— Да не въ томъ только, сударыня ... Этотъ-то разъ — разомъ, что безъ хозяйки, изъ дому, отъ дѣтей, уѣхала кататься ... Это ужъ тоже хорошо, не оправишься тѣмъ, что на няньку оставила. Мнѣ что̀ нянька, коли у меня губернанка про дѣтей нанята, коли они ей на руки сданы ... Это ужъ само собой! ... А главное-то дѣло, съ кѣмъ кататься-то изволила и не часъ, а можетъ три часа? ... А? ... Съ кѣмъ? ...

— Съ кѣмъ? ... Съ Александромъ Кузьми-

чемъ! ... Точно вы не знаете — спрашиваете, вѣдь знаете ...

— Знаю-то я, знаю ... И все очень хорошо знаю! ... Только развѣ пристало вамъ, губернанкѣ, безъ хозяйки, потихоньку, съ холостымъ мужчиной да еще съ хозяйкинымъ братомъ, вдвоемъ, невѣдомо гдѣ, часа по три пропадать ... А? ... Пристало это вамъ? ... Не зазорно? ... Ну-ка, вотъ теперь про это самое вы со мной и поговорите, и подержите мнѣ отвѣтъ? ... Бойка-то очень ... Ну-ка? ... Я послушаю ...

— Да что же тутъ такого зазорнаго? ... Это вѣдь только въ дикихъ нравахъ здѣшняго темнаго царства считается зазорнымъ, если дѣвушка съ мужчиной останутся одни, вдвоемъ, и будутъ разговаривать между собою ... А я это считаю ... ровно ни за что ... Мнѣ и разсуждать-то объ этомъ смѣшно, а не только оправдываться! ...

— Да вы гдѣ живете, въ чьемъ дому, въ своемъ, что ли? ... Какъ вы здѣсь живете-то у насъ, по найму, али сама себѣ хозяйкой? ... И коли я вамъ говорю, хозяйка ваша, что по здѣшнимъ мѣстамъ, та дѣвушка путная, которая глаза стыдится на мужчину-то поднять, а которая сама забѣгаетъ да заговариваетъ да норовитъ какъ бы съ холостымъ человѣкомъ въ компаніи время провести ... такая безо всякаго поведенія считается ... Такъ что же вы мнѣ говорите? ... Какое мнѣ дѣло до вашихъ-то понятіевъ? ... Вы мои соблюдайте, что̀ мнѣ нужно, а не свои! ... Какая вамъ пара, какая компанія братъ Александра? ... Что онъ вамъ — сродственникъ, что-ли, близкой, чтобы съ нимъ въ саночкахъ-то раскатываться, вдвоемъ, безъ кучера? ... Али въ женихи, что-ли, закрутить его собираетесь? ...

Алена Николавна засмѣялась.

— Да, въ женихи, въ женихи его прочу! ... Милліоны его хочу захватить, купчихой Кошатниковой сдѣлаться! ...

— Да чему ты, мать моя, смѣешься-то? — спрашивала Лизавета Кузьминишна, недоумѣвая и сердясь. — Я не на-смѣхъ говорю, не шутки шучу ... Я ей выговариваю, а она смѣется! ... Безстыжа ужъ очень ... Смѣется! ... Невѣдомо чему! ...

— Да какъ же не смѣяться, коли вы мнѣ смѣшны ...

— Какъ смѣшна!? .. Какъ, я смѣшна? ... Я, хозяйка, смѣшна? ... Да ты полоумная, что ли? ... Вѣдь я тебя прогоню, захочу — куска хлѣба лишу ...

— Вотъ она, буржуазная-то жилка, сейчасъ одна угроза: куска хлѣба лишу! ... Да, знаю, жалко вамъ каждаго куска хлѣба, который вы не сами сжираете! ... О, вы, паразиты, паразиты презрѣнные! ... Да, желала бы я имѣть ваши милліоны, чтобы показать, что нужно съ ними дѣлать ... Не хочу я вашего куска хлѣба, и даже прогнать вамъ меня не удастся: не доставлю я вамъ этого удовольствія! ... Я сама ухожу отъ васъ ...

— Какъ уходите? ... Какъ? ... Куда? ...

— А вамъ что за дѣло? Куда хочу, туда и уйду ... Меня никто остановить не можетъ!.. Къ мужикамъ пойду, черный хлѣбъ буду ѣсть съ ними, ихъ дѣтей учить стану, сарафанъ надѣну, за мужицкую работу примусь!.. А на ваше чужеядное богатство, на ваше жранье, на вашу дурацкую роскошь плюю и презираю ее!.. Поняли?.. Нѣтъ, конечно!.. Тѣмъ лучше!.. Надоѣли вы мнѣ до смерти!.. Ищите себѣ другую гувернантку ... Я ухожу ...

Алена Николавна пошла къ двери и стала отпирать ее.

Лизавета Кузьминишна смотрѣла на нее вслѣдъ, выпуча глаза. Она была не столько разсержена, сколько поражена, даже испугана.

— Не сумасшедшая ли она?—мелькало у нея въ головѣ. —Право, сумасшедшая ... Чтой-то она такое наговорила-то?.. Батюшки мои, и не перескажешь!.. Вотъ обернется вдругъ да бить станетъ!.. Закричать развѣ?..

Но Алена Николавна ушла, не оглянувшись даже назадъ. Нѣсколько успокоившись, Лизавета Кузьминишна послала за мужемъ, велѣла звать его сейчасъ же, по нужному, а Алена Николавна накинула салопъ и пошла на фабрику разыскивать Александра Кузьмича. На дорогѣ она встрѣтилась съ Дмитріемъ Тимоѳеичемъ.

— Это вы куда? — спросилъ онъ ее, остановившись.

— А вамъ что за дѣло? — рѣзко отвѣчала Алена Николавна.

— Какъ же, однако-съ... какимъ это родомъ вы говорите?.. Что мнѣ за дѣло?..

— Очень просто, иду, куда мнѣ нужно...

— Позвольте, однако же, какъ же такъ ... А дѣти при комъ же остались, коли ежели вы гувернантка?..

— Ахъ, надоѣли ... Я отказалась... Сказала уже вашей женѣ, что не хочу болѣе быть гувернанткой и ухожу отъ васъ!.. Приготовьте мнѣ деньги, сколько съ васъ слѣдуетъ, за прогульные часы можете вычесть ... Спросите тамъ Лизавету Кузьминишну, она вамъ все разскажетъ, а мнѣ противно и разговаривать-то съ вами!..

Алена Николавна ушла, оставивъ и Дмитрія Тимоѳеича почти въ такомъ же недоумѣніи, въ какомъ ждала его Лизавета Кузьминишна.

Алена Николавна отыскала Александра Кузьмича на фабрикѣ и отвела его въ сторону.

— Знаете, что я сдѣлала,—сказала она ему безъ всякихъ предисловій, — я сейчасъ отказалась отъ моей должности у вашего зятя и ухожу отъ васъ.

Александръ Кузьмичъ выразилъ изумленіе.

— Ничего нѣтъ тутъ удивительнаго. Развѣ я могла оставаться долго въ этой затхлой атмосферѣ?.. Я давно задыхалась въ ней ... Но ускорило мою рѣшимость одно обстоятельство. Помните слова Чернушкина о томъ, что народъ намъ не повѣритъ и слушать не станетъ, потому-что мы живемъ въ каменныхъ палатахъ, не дѣлимъ съ нимъ его нужды и горя, хорошенько не знаемъ его ... Это была правда, горькая правда; она поразила меня, какъ упрекъ совѣсти, и я тогда же рѣшилась идти въ народъ, жить съ нимъ одной жизнью ... Я воспользовалась первымъ же столкновеніемъ съ ожирѣвшей дурой, вашей сестрой ... извините!.. которая вздумала-было дѣлать мнѣ выговоры, наставленія и гнусныя инсинуаціи по поводу нашей съ вами поѣздки тогда, на праздникѣ ... Я не стала съ нею объясняться, впрочемъ, кое-что высказала ей, чего она, кажется, не поняла даже, и отказалась ... Ну, вотъ теперь въ чемъ дѣло: гдѣ мнѣ поселиться?.. Я хочу остаться здѣсь, чтобы продолжать наше дѣло ... Вотъ что, пойдемте къ Чернушкину, я хочу попроситься, нельзя ли мнѣ поселиться съ его невѣстой ... Это было бы чудесно!.. Ну, а если нельзя, въ такомъ случаѣ, на первое время, я поселюсь въ нашей школѣ, вмѣстѣ съ Проскуровымъ...

Это ничего ... Я безъ предразсудковъ ... Мы уживемся съ нимъ. Да это будетъ даже еще и лучше, и удобнѣе, пожалуй... Ну, да это увидимъ!.. Пойдемте же сейчасъ къ Чернушкину...

Александръ Кузьмичъ безпрекословно повиновался и пошелъ съ Аленою Николавною, но онъ былъ изумленъ и озадаченъ ея неожиданною выходкою.

— Какъ же вы такъ вдругъ рѣшились, Алена Николавна? — спрашивалъ онъ ее дорогою. — Я просто въ себя придти не могу ...

— Да что же тутъ удивительнаго?.. Не думаете ли вы, что я могла бы, по-вашему, цѣлую жизнь переносить это лишеніе свободы, это униженіе, эту жизнь среди людей не только неразвитыхъ, но пошлыхъ и подлыхъ, молча выслушивать ихъ дурацкія разсужденія, ихъ гнусныя эксплуататорскія тенденціи, позволять имъ даже дѣлать наставленія и внушенія?.. Нѣтъ, я на это неспособна!..

— Да нѣтъ, я про то, что какъ же вы будете жить теперь безъ жалованья ... безъ всякихъ средствъ?..

— А какъ живутъ тысячи, милліоны тѣхъ тружениковъ, ради которыхъ мы хотимъ дѣйствовать?.. Что вы за галиматью говорите!.. Хотите служить народу и спрашиваете, какъ я буду жить ... безъ какихъ-то средствъ?.. А какъ живетъ народъ?.. Какъ живетъ Проскуровъ и множество ему подобныхъ развитыхъ людей?.. Онъ будетъ учить мальчиковъ, я буду помогать ему, а впослѣдствіи устрою въ школѣ отдѣленіе для дѣвочекъ ... Вы платите ему жалованье, платите и мнѣ ... Да, наконецъ, вы имѣете эти средства, я смотрю на васъ, какъ на нашего кассира... При вашей зависимости отъ отца,

вообще при вашемъ положеніи, вы ничѣмъ пока и не можете служить нашему общему дѣлу, какъ этими средствами ... Разумѣется, мнѣ лично отъ васъ ничего не нужно, деньги нужны для дѣла ... Или въ васъ ужъ заговорила купеческая жилка? Вамъ стало жалко вашихъ рублей?.. Такъ вы скажите впередъ, теперь же, сейчасъ ... и убирайтесь изъ нашего общества... Я скажу объ этомъ Проскурову и Чернушкину, напишу Промптову и мы условимся, что намъ дѣлать ... А про васъ будемъ знать, по крайней мѣрѣ, что вы трусъ или измѣнникъ ...

— Что вы, Алена Николавна, зачѣмъ вы такъ меня обижаете?.. Вы знаете, что мнѣ ничего не жалко ... Я съ радостью отдаю все, что получаю ... Но если этого будетъ мало?.. А главное вотъ что, я не успѣлъ вамъ сказать ... Сегодня зять получилъ письмо отъ отца, въ которомъ онъ сообщаетъ, что имѣетъ въ виду мнѣ невѣсту очень богатую, что онъ уже началъ переговоры и что если онъ пришлетъ телеграмму, такъ я бы тотчасъ же выѣзжалъ къ нему въ Москву ... Я не хочу ѣхать ... Я не хочу такъ жениться по приказу ... Я не поѣду, а онъ тогда, пожалуй, не велитъ мнѣ ничего выдавать ...

— А, по-моему, вы должны непремѣнно ѣхать и жениться, чтобы имѣть свои собственныя средства, чтобы поскорѣе взять фабрику въ свои руки ... Что за важность, что васъ женятъ тамъ на какой-нибудь тетёхѣ, что она вамъ будетъ не по вкусу ... Еще лучше!.. Тутъ не миндальничанье ваше нужно, а важно то, что вы тогда можете свободно служить дѣлу, принести много пользы ... Я увѣрена, что и Промптовъ вамъ то же скажетъ ...

— Но вѣдь я человѣкъ же ...

— Все-равно, васъ женятъ не на той, такъ на другой, не сегодня, такъ завтра ...

Они подходили къ столярной мастерской.

— Да вотъ поговоримъ еще съ Чернушкинымъ, — сказала Алена Николавна, — я увѣрена, что и онъ такъ же посмотритъ на вашу женитьбу ...

— Нѣтъ, онъ такъ не посмотритъ: онъ самъ себѣ выбралъ невѣсту, онъ женится по любви!..

— Ахъ, да ... Я и забыла!.. Это, пожалуй, правда ... Въ этомъ случаѣ онъ не можетъ подать безпристрастнаго мнѣнія ... Но я вамъ скажу, эти нѣжности въ немъ мнѣ противны ... Онѣ дѣлаютъ его подозрительнымъ въ моихъ глазахъ... Я боюсь, что онъ не будетъ годиться для нашего дѣла, что онъ не можетъ быть вполнѣ солидаренъ съ нами... Жалко, что Промптовъ мало обратилъ на него вниманія, интересно бы его мнѣніе ... Но я думаю, что онъ согласился бы со мною ... Впрочемъ, если буду жить съ Параней ... мы еще увидимъ!..

Въ мастерской Ѳедя былъ одинъ. Алена Николавна, не теряя времени, разсказала ему, что отошла отъ хозяевъ, рѣшилась идти въ народъ и жить такою же жизнью, какъ крестьяне.

— Я давно объ этомъ думала,—говорила она,— это было давнишнее мое намѣреніе... Я сама всегда вполнѣ сознавала, что народъ можетъ вѣрить только людямъ своей среды, испытавшимъ всю ту нужду, горе и тяжелый трудъ, который выпалъ на его долю ... Въ прошедшій разъ вы поторопились, Чернушкинъ, дѣлать вашъ приговоръ обо мнѣ, о жизни въ каменныхъ палатахъ, въ роскоши и т. п. Полагаю, вы должны теперь признать во мнѣ искреннюю готовность идти въ борьбу, глубокое убѣжденіе въ

идеѣ, способность и право быть настоящимъ дѣятелемъ ... Что же вы не воодушевляетесь, не протягиваете мнѣ руки?.. Вамъ больше, чѣмъ всякому другому, слѣдуетъ сочувствовать моей рѣшимости... Теперь ужъ никто не назоветъ меня барышней, теперь я вполнѣ ваша ... простая мужичка!.. Ну, что же вы скажете?..

— Трудно вамъ будетъ, Алена Николавна, съ непривычки... Вотъ развѣ учительницей будете въ школѣ ... и Александръ Кузьмичъ будетъ поддерживать, а то ...

— Что вы за свинство говорите, Чернушкинъ!.. Что за поддержка?.. Кто осмѣлится мнѣ ее предлагать?.. Отъ кого я соглашусь ее взять?.. Какъ въѣлась эта мерзость въ русскихъ людей, это вѣчное ожиданіе подачекъ, помощи со стороны, что даже лучшіе изъ нихъ не могутъ разстаться съ этимъ ... рабскимъ понятіемъ ... Вамъ стыдно, стыдно, Чернушкинъ, думать и говорить подобныя вещи!..

— Нѣтъ, вѣдь я только насчетъ того, что съ непривычки вамъ трудно и тяжело было бы ... еслибъ во всю крестьянскую работу ... во всю нужду!.. Родиться, вырости нужно въ ней, чтобы свыкнуться, переносить!.. Вонъ Параня ... Ужъ, кажется, въ крестьянствѣ и родилась, и выросла, да не на томъ положеніи, не на такой работѣ жила весь вѣкъ, такъ даже и здѣсь, на фабрикѣ, работа, кажется, полегче деревенской, а ей тяжела, скучаетъ, жалуется ... А еще для нея льготы тамъ дѣлаютъ разныя, слышу я ... Александръ Кузьмичъ, что ли, приказалъ ...

Ѳедя какъ-то особенно холодно и непріязненно взглянулъ при этихъ словахъ на Кошатникова, но

тотчасъ же отвелъ глаза и старался казаться спокойнымъ.

Кошатниковъ вспыхнулъ.

— Я ничего не приказывалъ, — поспѣшно проговорилъ Александръ Кузьмичъ.—Я ничего даже и не знаю объ этомъ ...

— Ну, такъ, стало быть, приказчики сами отъ себя ... Стараются подслужиться ...

Ѳедя говорилъ это, повидимому, покойно, но голосъ его былъ неровенъ и обличалъ внутреннее волненіе.

— Ну, а я докажу вамъ, что не боюсь никакого труда, никакихъ лишеній, — возразила Алёна Николавна. — Вы увидите, Чернушкинъ, что̀ значитъ убѣжденіе ... увлеченіе идеей!.. А вотъ вы кстати упомянули о Паранѣ ... Я хочу поселиться съ вами, то-есть съ нею, съ Параней ... Я затѣмъ и пришла къ вамъ, чтобы переговорить объ этомъ ... Какъ вы на это посмотрите?.. Я полагаю, что мое вліяніе было бы полезно для вашей Парани ... Ужъ о томъ и говорить нечего, что я обучу ее грамотѣ, но, можетъ быть, достигну и того, что она пойметъ наши цѣли и будетъ намъ содѣйствовать ... Вамъ этого не сдѣлать, вы слишкомъ влюблены!.. У васъ не то въ головѣ и на сердцѣ!.. Вѣроятно, и разговоры съ ней больше сладкіе, миндальные!.. Ну, а подъ моимъ вліяніемъ, въ моихъ рукахъ, она во всякомъ случаѣ была бы намъ полезна. Вѣдь она постоянно на фабрикѣ, среди рабочихъ ... Это очень важно!.. Вы понимаете?..

Ѳедя встревожился. Въ послѣднее время онъ сдѣлался недовѣрчивъ и подозрителенъ. Въ головѣ его мелькнула мысль, не Александръ ли Кузьмичъ это подстраиваетъ, чтобы имѣть предлогъ часто хо-

дить къ Паранѣ, прикрываясь необходимостью видѣться съ Аленой Николавной.

— Конечно, если бы я не боялся, — отвѣчалъ онъ нерѣшительно, — если-бъ я былъ увѣренъ, что вы можете имѣть на нее доброе вліяніе ... научите ее грамотѣ ... заставите уважать трудъ ... не гнушаться бѣдностью и не соблазняться богатствомъ ... я былъ бы очень радъ и благодаренъ!.. Она все можетъ понять!.. Но я боюсь ...

— О, въ такомъ случаѣ, я обязана поселиться съ нею ... И я тамъ поселюсь ... Я надѣюсь на себя ... Я сумѣю ей все объяснить ... Ну, мы, можетъ быть, не поладимъ съ матерью, но на это нечего обращать вниманія ... Да мы и это еще увидимъ ... Не бойтесь, Чернушкинъ, я вамъ разовью ее ... Я сдѣлаю изъ нея вамъ настоящаго друга и товарища, а не только красивую самку!.. Это будетъ первая моя работа, первый дѣйствительно практическій шагъ во имя нашей идеи!.. Если я достигну цѣли, она будетъ намъ безмѣрно полезна, я знаю, съ этимъ согласился бы и Промптовъ!.. Но о чемъ же вы еще задумались?.. Что вы хмуритесь?.. Отчего колеблетесь?.. Говорите прямо и откровенно ... Насчетъ денежныхъ средствъ, что ли?.. На счетъ разныхъ тамъ условій?.. Не бойтесь, у насъ будетъ все общее, по крайней мѣрѣ, все, что̀ я имѣю, будетъ находиться въ ихъ распоряженіи ... Объ этомъ думать нечего ...

— Нѣтъ, не о томъ, — сказалъ Ѳедя съ усиліемъ. — Пожалуй, вы смѣйтесь надо мной, сколько хотите, но скажу вамъ прямо: мнѣ Параня дороже всего на свѣтѣ!.. Я безъ памяти люблю ее!.. И если вы думаете отнять ее, разлучить со мной ... разстроить насъ ... такъ лучше и не ... Я вамъ

впередъ говорю, я себя не пожалѣю, но ужъ и ...

Говоря это, Ѳедя волновался все больше и больше, голосъ у него обрывался, захватывало дыханіе, глаза горѣли ...

— Да что вы, сумасшедшій?.. Любитесь вы сколько хотите, кому нужно?.. Только бы эта любовь отъ дѣла васъ не отрывала, не мѣшала бы вамъ ... Для этого-то я и хочу ею заняться, развить ее, направить, какъ намъ нужно... Съ чего вы это выдумали, что есть мнѣ охота и время заниматься съ вашими любовями?.. Плевать я на нихъ хотѣла!.. Мнѣ нужны вы, какъ дѣятель ... и изъ вашего предмета я хочу сдѣлать тоже помощницу, а не помѣху намъ ... Вотъ и все, кажется, ясно!..

— Но коли со всѣхъ сторонъ я слышу, что Параню считаютъ ... купеческой любовницей!.. если я самъ замѣчаю, что вонъ Александръ Кузьмичъ потихоньку отъ меня поглядываетъ на нее нехорошо, а самъ обѣщалъ, что никогда этого не будетъ ... Коли я знаю, что она за богатствомъ гонится, а онъ богатъ ... я бѣденъ ... Что же?.. Терпѣть мнѣ это нужно?.. Или смотрѣть сквозь пальцы, не обижаться, радоваться, можетъ быть?.. Развѣ это не та же обида, не то же притѣсненіе бѣдному отъ богатаго?.. Коли есть деньги, такъ сманить ими, сбить дѣвку, ничего, что ли, хорошо? Не подлость это?.. А коли я ее люблю безъ ума, больше души, такъ мнѣ что же?.. Не горевать, не злиться, молчать али отступного просить?.. Богатый заплатитъ съ радостью!.. Ему что!.. А ты — бѣднякъ, животное, ты будь доволенъ, что тебя милуютъ, награждаютъ, а не вовсе уничтожаютъ, какъ гадину какую!.. Такъ, что ли?..

— Ахъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло! — вскричала Алена Николавна съ насмѣшливой улыбкой. — Значитъ, я не ошиблась, Александръ Кузьмичъ?

— Да, это совершенно напрасно, Чернушкинъ, — оправдывался Кошатниковъ. — Этого совсѣмъ ничего нѣтъ!.. Я тебѣ обѣщалъ и послѣ того даже одного слова съ нею не сказалъ ... А что тамъ почему говорятъ, я ничего не знаю ... Это сплетни!.. Ты напрасно обо мнѣ такъ думаешь, я не только не хочу отбивать ... я желаю тебѣ счастья отъ всей души!.. Я давно замѣчаю, что ты сердишься ... сталъ совсѣмъ другой со мною ... Я не могъ понять, отчего это?.. Если я и взглядывалъ на нее ... ты замѣтилъ ... такъ что же? Я все-таки никакихъ намѣреній подлыхъ не имѣлъ ...

— Такъ я теперь понимаю, почему вамъ и жениться-то не хочется, откуда у васъ явилось дерзкое намѣреніе и смѣлость тятенькиной волѣ сопротивляться,—продолжала насмѣхаться безпощадная Алена Николавна ... Ну, батюшка, если у васъ въ головѣ одни амуры да любовныя похожденія, такъ отъ васъ нечего ждать толку!.. Зачѣмъ же вы въ дѣятели-то лѣзете, зачѣмъ передового человѣка изъ себя корчить?.. Идите ужъ по тятенькиной дорожкѣ, будьте пошлякомъ, набивайте карманъ, гнетите, притѣсняйте, обирайте ... наслаждайтесь чужими страданіями, топчите людей!.. Ужъ и не суйтесь въ среду людей, у которыхъ одна цѣль, одинъ интересъ — общее благо, которые во имя своихъ принциповъ, во имя идеи готовы на все!.. Зачѣмъ же вы притворяетесь, зачѣмъ рисуетесь передъ нами своимъ сочувствіемъ къ нашимъ идеямъ?.

— Алена Николавна, да что же это такое?.. За что же вы меня обижаете?... Я не притво-

ряюсь ... я, дѣйствительно, искренно преданъ!.. Я самъ готовъ на все!.. Не оскорбляйте меня!.. Если я не хочу жениться по-неволѣ, такъ не потому ... что вы говорите ... а потому, что я считаю это унизительнымъ ... Съ этимъ и Чернушкинъ согласенъ!.. Мы еще прежде объ этомъ съ нимъ говорили ... Спросите его!..

— Мнѣ нечего спрашивать, я вижу очень хорошо, насколько и Чернушкинъ еще не освободился отъ старыхъ предразсудковъ ... Но если вамъ говорятъ, что вашъ бракъ долженъ быть не больше, какъ фикція ... что онъ не только не долженъ васъ ничѣмъ стѣснять, но развяжетъ вамъ руки, дастъ самостоятельность ... если, наконецъ, онъ нуженъ для дѣла; если вамъ говорятъ, что, женясь по-неволѣ, вы совершаете гражданскій подвигъ, пріобрѣтаете возможность содѣйствовать великому дѣлу ... Это униженіе по вашему? ... Если это униженіе, въ такомъ случаѣ унизительно и всякое самопожертвованіе, всякое отрѣшеніе отъ личныхъ интересовъ во имя идеи и общаго дѣла ... Въ такомъ случаѣ унизительно и то, что я отказываюсь отъ удобствъ жизни въ вашемъ домѣ и иду переносить всякаго рода лишенія!.. Почемъ вы знаете, можетъ быть, вы самой мнѣ нравитесь, какъ мужчина ... Но это не мѣшаетъ мнѣ говорить вамъ, что польза дѣла требуетъ, чтобы вы женились на богатой ...

Александръ Кузьмичъ и Чернушкинъ опустили глаза. Алена Николавна насильственно засмѣялась.

— Не бойтесь, не бойтесь, это не признаніе въ любви ... Я неспособна на такія нѣжности! ... Однако, довольно, господа ... Подадимъ другъ другу руки и скорѣе къ дѣлу . Ссориться намъ

не приходится, а пустяками заниматься тѣмъ больше... Чернушкинъ, помиритесь съ Кошатниковымъ.., Я ему намылила голову, но ручаюсь вамъ за него. онъ оставитъ вашу невѣсту въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что я сама буду жить съ ней ... и не позволю ему ловеласничать ... Но и вы, прошу, помните, что у насъ есть задачи посерьёзнѣе вашихъ личныхъ сердечныхъ ощущеній ... Мы докажемъ Промптову что можемъ сдѣлать больше, чѣмъ онъ думаетъ!.. Ну, подайте же, господа, руки ... Миръ!..

— Ты не думай этого, Чернушкинъ ... Право напрасно, — говорилъ Александръ Кузьмичъ, протягивая руку Ѳедѣ.

— Очень ужъ тутъ говорили нехорошо ... А вы переглядываетесь ... Да и она-то ... Эхъ, все это мать ея!.. Я ничего, Александръ Кузьмичъ ... Мнѣ только горько, обидно было!..

И Ѳедя подалъ свою руку.

— Ну, вотъ и чудесно! — вскричала Алена Николавна. — А, честное слово, господа, я могу быть отличнымъ организаторомъ!.. Такъ скажите же вашимъ, Чернушкинъ, я сегодня же переѣду къ нимъ ... Скажите имъ, что Александръ Кузьмичъ просилъ васъ пристроить меня у нихъ на время, впредь до пріисканія другого мѣста ... Ну, а тамъ ужъ мое дѣло!.. А насчетъ платы, чтобы не сомнѣвались, сколько я буду имъ стоить, сколько скажутъ, столько и заплачу ... Ну, пойдемте Александръ Кузьмичъ ... Вы проводите меня до дому, пускай ваши злятся и думаютъ, что я хочу васъ женить на себѣ ... Это меня очень забавляетъ!.. До свиданія, Чернушкинъ ... Наймите и пришлите мнѣ подводу послѣ обѣда, пожалуйста, попроще, самыя простыя розвальни ... Я хочу уѣхать отъ

этихъ ... буржуа ... какъ слѣдуетъ мнѣ, совсѣмъ по-мужицки!..

Когда Ѳедя сообщилъ своимъ домашнимъ о новой жилицѣ, Дарья Тихоновна очень-было возстала, но имя и желаніе Александра Кузьмича, а также обѣщаніе безусловной оплаты всѣхъ расходовъ и настойчивость Ѳеди заставили ее согласиться.

Къ вечеру Алена Николавна переѣхала къ нимъ, и сразу завоевала расположеніе и матери, и дочери, подаривши каждой по хорошему платью изъ своего гардероба.

Часть шестая.

I.

Школа, открытая молодымъ Кошатниковымъ, пошла весьма успѣшно. Дѣти посѣщали ее охотно и въ большомъ числѣ. Не малую приманку представляло то, что каждому вновь поступающему ученику и ученицѣ выдавались, смотря по нуждѣ, валеные сапоги, шапки, платки, а нѣкоторымъ даже полушубки. Рѣшено было, чтобы дѣвочки учились вмѣстѣ и одновременно съ мальчиками, и родители не видѣли въ этомъ ничего предосудительнаго, несмотря на то, что въ числѣ школьниковъ были порядочные подростки. Ученье шло почти цѣлый день, съ утра до вечера, черезъ каждые два часа Проскуровъ и Алена Николавна смѣняли другъ друга и занимались съ дѣтьми поочередно. Успѣхъ школы чрезвычайно воодушевлялъ способныхъ къ увлеченію и восторженности наставниковъ. Оба они были просто счастливы, очень подружились между собою и первое время отдавались своему дѣлу такъ, какъ-будто никакого другого и на свѣтѣ нѣтъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали они ближайшаго праздника, въ который предполагали открыть воскресный классъ для взрослыхъ. И здѣсь удача превзошла даже ожиданія. Въ назначенный день наплывъ рабочихъ былъ такъ великъ, что обширная

школьная изба не могла помѣстить за-разъ всѣхъ жаждавшихъ премудрости; между ними, впрочемъ, надо правду сказать, было не мало и такихъ, которые шли изъ любопытства, изъ желанія угодить молодому хозяину и изъ смутной надежды получить отъ его щедротъ, если не валеные сапоги, такъ хоть, по-крайности, на-чай. Юные педогоги, разумѣется, не предполагали даже возможности подобныхъ побужденій и видѣли въ этомъ наплывѣ народа несомнѣнное доказательство жажды знанія въ массѣ. Александръ Кузьмичъ, пріѣхавшій въ школу съ ранняго утра, хотѣлъ тоже участвовать, какъ преподаватель, въ воскресномъ урокѣ; но открытіе воскреснаго класса и первый урокъ въ немъ Алена Николавна отвоевала себѣ, доказывая, что она первая подала мысль о школѣ, — и преимущественно воскресной, — и что она по праву должна открыть ее. Противъ этого никто не сталъ и возражать.

Въ сопровожденіи Кошатникова и Проскурова, Алена Николавна вышла къ собравшейся передъ школою толпѣ и произнесла къ ней длинную, восторженную рѣчь, въ которой привѣтствовала народъ съ начинающимся пробужденіемъ послѣ тысячелѣтняго сна, объясняла, какой свѣточъ вносятъ въ мракъ окружающей жизни знаніе и наука, какой залогъ скораго освобожденія отъ всѣхъ настоящихъ золъ и бѣдствій представляетъ собою школа и грамотность; внушила, однако, что грамотность не есть цѣль, а только орудіе для иныхъ высшихъ цѣлей, и тутъ же обрисовала эти цѣли, — коснулась экономическаго положенія рабочихъ и того, которое должно бы быть и возможно въ будущемъ, и все это заключала указаніемъ на добрыя намѣренія Александра Кузьмича.

— Онъ,—говорила она,—хочетъ возвысить плату,

уменьшить число рабочихъ часовъ, допустить васъ къ участію въ прибыляхъ ...

— Покорнѣйше благодаримъ, батюшка, Александра Кузьмичъ ... Дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать! — загудѣла толпа.

— Мы оченно согласны служить вашей милости, какъ родителю твоему служимъ, такъ и тебѣ ... Ото всей души ...

— А это точно, что надбавочку сдѣлать надо! ... Обидненько платите, въ другихъ мѣстахъ, слышно, больше ...

— Да штрапы, штрапы, ты съ насъ сними, Александра Кузьмичъ! ... Это первымъ долгомъ, оченно они насъ донимаютъ, штрапы эти ... Не будь имъ ладно! ...

— Да и приказчиковъ поуйми, Александра Кузьмичъ, тѣснятъ, страсть какъ тѣснятъ, насчитываютъ ... Прижимки всякія дѣлаютъ! ...

— Моему Сенькѣ надбавь, Александра Кузьмичъ. Ну, что, мальченко живетъ — сорокъ копѣекъ въ недѣлю? ... Не прокормишься ...

— А моя-то Катька? ... Да самъ я, братцы, три рубля въ мѣсяцъ живу ... мужикъ! Можно ли то сдумать? ...

Алена Николавна едва могла остановить заявленія расходившейся толпы, насилу могла сосредоточить опять на себѣ ея вниманіе и заставить слушать себя ...

Вся краснѣя отъ волненія и сіяющая отъ внутренняго довольства, она, заключивъ свой спичъ приглашеніемъ учиться, пошла въ школу.

— Какъ вы отлично говорили! — сказалъ съ восторгомъ искренно увлеченный Александръ Кузьмичъ.

— Спасибо! — отвѣчала она, съ чувствомъ по-

жимая его руку. — Я бы еще имъ многое сказала, но удержалась на первый разъ ...

— И то не переложили ли? — вопроситель но замѣтилъ Проскуровъ.

— Да-а, были мѣстечки, были очень забористыя!... Я тоже подумалъ! — согласился Кошатниковъ.

— Нельзя-съ, нельзя... Безъ этого нельзя. Надо было имъ намекнуть, что тутъ не одно ученье грамотѣ ... Надо было возбудить ихъ мозги ... И, кажется, я достигла цѣли ... Пускай пережовываютъ и думаютъ ... Мы должны дѣйствовать осторожно, но рѣшительно ... Другого такого случая, пожалуй, не скоро дождешься; надо было дать массѣ нервный толчокъ, — и я его дала ... Можетъ быть, они половины не поняли, но это ничего, пускай подумаютъ! ...

— Но какъ говоритъ-то, Василій Якимычъ, Алена Николавна? ... Замѣчательно! — обратился Кошатниковъ къ Проскурову.

— Да, ораторъ, ораторъ вполнѣ! ...

— Да, во мнѣ это есть, — съ самодовольной улыбкой соглашалась Алена Николавна. — Это замѣтили въ Петербургѣ, въ кружкахъ, гдѣ я всегда брала слово. Меня любили слушать и хвалили ... Я часто убѣждала и тамъ! ... Но, однако, милые товарищи, пора за дѣло ...

Алена Николавна начала урокъ.

Въ толпѣ, передъ которою ораторствовала Алена Николавна, стоялъ Кирилла; въ числѣ первыхъ онъ протерся и въ самую школу. Никто изъ рабочихъ еще не зналъ его. Онъ только наканунѣ пришелъ на фабрику, переночевалъ въ деревнѣ, собирая справки о Паранѣ и Чернушкинѣ, и вслѣдъ за другими присоединился къ толпѣ, стоявшей около вновь

открытой школы. Рѣчь Алены Николавны заинтересовала его. Какъ человѣкъ бывалый, онъ сразу понялъ и осмыслилъ ее по-своему, а участіе въ дѣлѣ хозяйскаго сына заставило его мгновенно сообразить, что было бы очень выгодно познакомиться и обратить на себя вниманіе Алены Николавны. Послѣ отъѣзда Дарьи Тихоновны и Парани, Кирилла скоро узналъ, куда онѣ скрылись. Первое время сильно бѣсновался, пьянствовалъ, ничего не хотѣлъ дѣлать, ругалъ и билъ жену безъ всякаго повода, а какъ только отецъ вышелъ изъ старшинъ, — совсѣмъ ушелъ изъ дома. Онъ явился сюда не только съ цѣлью розыскать и вновь преслѣдовать Параню, но и наняться въ рабочіе на фабрику, съ тѣмъ, чтобы потомъ добиваться мѣста приказчика. Посредство Алены Николавны, казалось ему, могло бы помочь ему даже и въ этомъ отношеніи. Онъ рѣшился какъ-нибудь заговорить съ учительницей.

„Надо книжку у нея попросить почитать,“—мелькнуло у него въ головѣ.—„Про которыя она книжки говорила ... Такую бы! ...“

Онъ протискался впередъ и терпѣливо стоялъ и слушалъ, какъ Алена Николавна объясняла буквы.

— Какъ вы легко учите ... Совсѣмъ не какъ насъ учили. У васъ легко понимать грамотѣ, — проговорилъ онъ, когда Алена Николавна подошла близко къ нему.

— А вы развѣ грамотный? — спросила она.

— Сколько угодно, и читать, и писать ...

— Что же вы здѣсь слушаете?

— Да оченно мнѣ любопытно, какимъ манеромъ вы обучаете ... Такъ зашелъ съ прочими, да и заслушался ... Чудесный этотъ манеръ у васъ! ... Наши старинные учителя такъ не умѣютъ, насъ все

учили азъ да буки, буки да азъ — ба! ... Скоро ли поймешь? По вашему — много легче! ...

— Вы здѣшній рабочій? — поинтересовалась Алена Николавна.

— Нѣтъ, еще только наниматься пришелъ ... Вотъ завтра въ контору пойду ... Да сказываютъ— не очень принимаютъ, а я бы и по письменной части могъ ...

Алена Николавна хотѣла-было отойти, чтобы продолжать урокъ.

— Да я вотъ слушалъ, какъ вы говорили тамъ на улицѣ, — остановилъ онъ ее. — Все вы правду говорили, я все понялъ ... Другіе прочіе, пожалуй, что и не вникли въ ваши слова, а я все даже понялъ ... Именно, что злодѣи, и все отъ нашего невѣжества!... Вотъ бы вы мнѣ книжку дали почитать, что говорили ...

— Ахъ, очень рада: — встрепенулась Алена Николавна. — Съ удовольствіемъ! ... Сегодня я до вечера здѣсь пробуду на урокѣ, мнѣ некогда ... А вы приходите вечеромъ ко мнѣ. Я живу въ деревнѣ Прислонихѣ, въ избѣ Авдѣя; спросите тамъ только Алену Николаеву, меня такъ зовутъ ... А то Дарью Тихоновну, изъ Онучина, мы вмѣстѣ живемъ ... Вотъ, приходите и потолкуемъ ... А то вотъ что: подождите меня здѣсь, — я кончу свой урокъ и, пока другіе будутъ учить, — сбѣгаю домой перекусить, — вотъ вмѣстѣ со мной и пойдемъ ... Я и книжку вамъ дамъ ...

У Кирилла при имени Дарьи Тихоновны даже въ глазахъ зарябило, и онъ едва въ силахъ былъ выговорить:

— Это ужъ на что лучше ... Я подожду здѣсь ... Не оставьте ... Очень желательно почитать, любитель я большой ...

— Хорошо, хорошо! ...

Алена Николавна продолжала свой урокъ. Кирилла сидѣлъ, но не слушалъ уже ее, а думалъ о Паранѣ.

— Вотъ она, судьба-то! ... Искалъ, разузнавалъ, разспрашивалъ, а вотъ гдѣ не чаялъ, тутъ и получилъ ... Нѣтъ, Параня, видно, тебѣ не уйти отъ меня ...

Задумавшись, Кирилла не замѣтилъ, какъ въ школу вошелъ и протискался черезъ толпу Ѳедя; но голосъ его, когда онъ заговорилъ съ Аленой Николавной, заставилъ Кириллу вздрогнуть и придти въ себя. Мелькомъ взглянувши въ ту сторону, гдѣ стоялъ Ѳедя, онъ торопливо и какъ-бы невольно отворотился, стараясь остаться незамѣтнымъ.

— Что это вы опоздали? — спрашивала Алена Николавна, протягивая Ѳедѣ руку.

— Да я нарочно не торопился ... Что же вѣдь васъ здѣсь трое; думаю, поспѣю еще, до меня не скоро чередъ дойдетъ ... Да еще и нуженъ ли буду сегодня? ...

— Кромѣ этого, вамъ слѣдовало бы быть на открытіи ... У насъ все отлично сошло, я привѣтствовала нашихъ учениковъ рѣчью ... Говорятъ, хорошо сказала! ... Напрасно вы не пришли ...

— Ну, что же дѣлать ... Жалко! ... Василій Якимычъ тамъ, что ли? ...

Онъ указалъ на перегородку.

— Да, тамъ, съ Александромъ Кузьмичемъ ...

Ѳедя хотѣлъ идти туда.

— Погодите, погодите, — остановила его Алена Николавна. — Я представляла уже нашимъ ученикамъ себя, Проскурова и Кошатникова; надо, чтобы они знали и васъ ...

Ѳедя, чувствовавшій себя во все время рѣчи Алены Николавны предметомъ общаго вниманія, сму-

тился, стоялъ опустя голову, переминался и поспѣшилъ уйти за перегородку, какъ только учительница кончила.

„Больно ужъ много она говоритъ ... Дѣла еще нѣтъ, а она все сказываетъ ... Народъ всякій вѣдь тутъ“, — думалось Ѳедѣ.

Онъ вошелъ за перегородку встревоженный.

— Сколь много народа подобрано у васъ всякаго, разнаго ... И все, значитъ, для нашей науки! ... Значитъ, съ качествами ... знающіе ... по этой части! — замѣтилъ одинъ рабочій съ глуповатымъ лицомъ, считая нужнымъ что-нибудь сказать и съ своей стороны. Алена Николавна не успѣла еще отвѣтить ему, какъ къ ней обратился съ прямымъ уже вопросомъ другой.

— А что, будетъ намъ поддержка какая ни на есть ... въ случаѣ чего? ...

— Какая поддержка? ... Въ какомъ случаѣ? — живо переспросила Алена Николавна.

— А насчетъ всякой нужды? ... Если нужда какая пристигнетъ ... Денежекъ попросить али что? ... Можно, чай, къ Александру-то Кузьмичу? ...

— Тутъ дѣло идетъ не о личной нуждѣ каждаго, а объ общемъ дѣлѣ ... чтобы всѣмъ было хорошо, — съ замѣтнымъ неудовольствіемъ отозвалась Алена Николавна. — Я вамъ, кажется, объясняла давеча въ своей рѣчи ... Впрочемъ, теперь, господа, не время разговаривать, мы отвлекаемся отъ урока ... Я буду продолжать ...

Кирилла, боясь новой встрѣчи съ Ѳедоромъ, потихоньку выбрался изъ школы; онъ рѣшился дожидаться Алены Николавны на улицѣ. Вслѣдъ за нимъ вышли еще двое изъ соскучившихся учениковъ.

— Ну, что? — спросилъ одинъ другого.

· Да что, парень ... Бойка больно эта дѣвка, за всѣхъ одна отвѣчаетъ! ... Тѣхъ всѣхъ смяла, не могутъ, значитъ, противъ нея! . . Вонъ Акександра Кузьмичъ, хозяйскій сынъ, и тому не уважаетъ ...

— Значитъ, учена больше ... Къ этому ...

— Нѣтъ, а я все думаю, братецъ ты мой, что за чудо за такое, съ чего это все взялось? ... И на какую статью они дѣло это самое наворачиваютъ? ... Ну, пущай училище ... Что же? ... Оно ничего! ... Кому требуется, оно въ пользу! А вотъ насчетъ жалованья-то прибавки и насчетъ всего прочаго? ... Любимъ, говоритъ, стараемся для васъ! ... Всей душой, что угодно! ... Ну, пущай дѣвка-то эта, ей все равно, не свое, чужого не жалко ... А вотъ Александра-то? ... Чудное дѣло, съ чего тотъ-то? ... Стоитъ, слушаетъ. Стало, промежъ нихъ заодно ... Только-что разговоръ этотъ отъ нея идетъ, что бойчѣе она ихъ ... въ рѣчахъ! ... Такъ думаю, что у нихъ съ отцомъ, съ Кузьмой Иванычемъ, да и съ зятемъ-то, стало быть, не лады. Воли ему никакой не даютъ, къ дѣлу не припускаютъ! ... Вотъ онъ рабочихъ всѣхъ и хочетъ на свою руку переманить, чтобы на тѣхъ не взирали, а на него бы надѣялись! ... Переманиваетъ, значитъ, за себя! ... Не хочетъ ли ужъ свое заведеніе, такъ я полагаю? ...

— Такъ вѣдь это надо бы ему водки выставить ... Безъ водки что же тутъ будетъ? ... Ничего не подѣлаетъ! ... А вѣдь ничего даже ... И званія не было никакого, насчетъ угощенія хошь бы ... И не обѣщалъ, что, молъ, угощу васъ, робята, постарайтеся для меня ... Ничего этого! ...

— Правда, что ... Чудно, провалиться, чудно! ... Ничего даже и не удумаешь ...

— Э, да ну ихъ! ... Подемъ въ трактиръ .. Не цѣлы же сутки здѣся проклажаться ...

— Подемъ и есть ...

Кирилла остановилъ ихъ вопросомъ:

— А что, братцы, хочу я васъ спросить, эта дѣвка-то въ полюбовницахъ, что ли, у хозяйскаго-то сына? ...

— А ты что же? Вновѣ, что ли, здѣся? ...

— Да я только-что пришелъ наймоваться ...

— Отколь будете? ...

— Дальній я, верстъ за двадцать за пять ...

— Кто ихъ знаетъ! ... Болтаютъ, будто купцы-то ее изъ дома прогнали, что запримѣтили промежъ нихъ ... А и то сказать, кто-жъ ихъ душу вѣдаетъ ..

— Да съ лица-то она не больно способна ... На фабрикѣ-то, чай, много народу, получше ея найдутся? ...

— Да какъ не найтись; вонъ, люди и то болтаютъ, что будто она сводитъ Александра-то съ дѣвкой съ одной ... Ну, та красива! ... Будто затѣмъ и на деревнѣ живетъ она у этой самой дѣвки ... И то можетъ статься ... Кто ихъ знаетъ! ... Ты что теперича? ... Подемъ съ нами въ трактиръ, что ли ... Можетъ, угостишь, по новости для знакомства-ради? ...

— Нѣтъ, некогда теперь, дѣло есть ... А вдругорядь повстрѣчаемся, съ нашимъ удовольствіемъ! ... Отчего же! ... Очень можно! .,. Будьте знакомы ...

Новый слухъ о Паранѣ, былъ ли онъ сплетня или правда, доставилъ Кириллѣ чувство злобной радости.

„Ага, Ѳедька,"—думалъ онъ, — „увезъ ты ее отъ

меня, да, видно, и самому не достанется! ... Извѣстно, коли купеческій сынъ обихаживаетъ, такъ станетъ ли она на тебя смотрѣть? ... Вотъ это ладно! ... Ужъ коли не мнѣ, такъ, по крайности, и не тебѣ!..."

Съ этими злорадными думами онъ дождался, наконецъ, Алены Николавны. Скорымъ шагомъ сосредоточенно пошла она по направленію Прислонихи. На ней былъ простой крестьянскій полушубокъ, голова повязана большимъ платкомъ. Наружнымъ видомъ она ничѣмъ не отличалась отъ крестьянской бабы. Кирилла догналъ ее.

— Я все васъ поджидалъ, — сказалъ онъ, — книжку-то дать обѣщали ... Не оставьте ...

— А-а, да ... Пойдемте, пойдемте ... Вотъ кстати и потолкуемъ дорогой.

Между ними живо завязался горячій разговоръ, въ которомъ Кирилла сумѣлъ показать себя передъ Аленой Николавной съ самой выгодной стороны. Лукавый отъ природы, онъ сразу понялъ, что нужно учительницѣ. Прикинулся мрачнымъ, озлобленнымъ, недовольнымъ, готовымъ на все ...

Алена Николавна была въ восторгѣ, что нашла еще новаго и такого энергическаго дѣятеля.

— Я не ожидала, не думала, что вы такъ много понимаете, что у васъ такія идеи ... Вамъ надо только еще прочитать кое-что, — и вы будете совсѣмъ готовы! ... Я вамъ дамъ нѣсколько такихъ книжекъ, вы будете читать неграмотнымъ вслухъ, а грамотнымъ раздавать ... Я надѣюсь, что съ вами у насъ дѣло пойдетъ рѣшительнѣе и быстрѣе ... Чернушкинъ какъ-то ужъ черезъ-чуръ остороженъ, трусливъ. Иной разъ онъ просто бѣситъ меня и заставляетъ думать, что не вполнѣ преданъ нашему дѣлу ...

— А вы Чернушкину-то не очень довѣряйте ... Я его знаю довольно, онъ прикидывается тихоней, а самъ только и высматриваетъ, гдѣ ему повыгоднѣй! ... Да онъ совсѣмъ и не такой человѣкъ, какъ вы думаете ... Какъ разъ продастъ! ...

— Да вы почему же его знаете?

— Какъ же мнѣ не знать его, — усмѣхнулся Кирилла и объяснилъ Аленѣ Николавнѣ свое родство съ Ѳедей.

— Такъ это вашъ отецъ волостной старшина, старикъ? ... Какъ его зовутъ? ... Забыла ...

— Ѳедотъ Семенычъ ... Какъ же, мой отецъ! ...

— Ну, батюшка, я понимаю, что у такого отсталаго старика сынъ долженъ быть съ вашимъ направленіемъ ...

— Да, а въ Ѳедорѣ онъ души не слышитъ ... Они и думаютъ за-одно! ... Этотъ самый Ѳедоръ меня и съ отцомъ-то поссорилъ, насплетничалъ ему ... на-счетъ всего этого ... Ну, тотъ и на дыбы! ... Я вѣдь и Параню знаю, и мать ея: и съ ними онъ меня поссорилъ, наговорилъ, навралъ на меня Богъ знаетъ что ... Не знаю, какъ теперь вотъ встрѣтиться ... Нѣтъ, вы этому Ѳедору не вѣрьте, онъ за грошъ и купитъ, и продастъ человѣка ...

— Спасибо, что предупредили, это надо принять къ свѣдѣнію ... Но, однако, какъ же? ... Неужели мы всѣ такъ ошибались въ немъ? ... Правда, онъ мнѣ всегда былъ нѣсколько подозрителенъ своей замкнутостью, молчаливостью, какой-то излишней осторожностью ... Но, случалось, онъ увлекался, высказывался ... Мы видѣли, что онъ солидаренъ съ нами ... Наконецъ, онъ знаетъ вполнѣ всѣ наши намѣренія и цѣли, присутствовалъ постоянно на нашихъ совѣщаніяхъ, знаетъ нашу пере-

писку, читалъ всѣ книжки ... Случалось, въ подробностяхъ онъ спорилъ со мною, не соглашался, высказывалъ отсталыя идеи ... Ну, я это объясняла его неподготовленностью, недостаткомъ развитія ... Но въ общемъ, въ главномъ, въ основномъ, онъ совершенно совпадалъ съ нами ... Въ немъ нѣтъ этой энергіи, этой рѣшимости, какъ вотъ во мнѣ, напримѣръ ... или, вотъ, въ васъ ... Но я объясняла это его характеромъ, темпераментомъ, даже этой его глупой страстью къ Парашѣ ... Но я никакъ не думала, чтобы онъ ... Послушайте, однако, какъ же объяснить эту его давнишнюю дружбу съ Проскуровымъ? ... Проскуровъ въ него безусловно вѣритъ ...

— Да вѣдь я ничего не говорю насчетъ этого ... Можетъ, въ этомъ онъ и точно вѣренъ будетъ ... А только такъ-то, какъ довольно онъ мнѣ извѣстенъ, ненадежный онъ человѣкъ, подхалима, тихоня, наговорщикъ ... У отца моего деньги выманивалъ, подличалъ передъ нимъ! ... Вотъ я насчетъ чего! ... А вѣдь въ этомъ дѣлѣ, можетъ, онъ и вправду ... Я не знаю ...

— Нѣтъ, нѣтъ ... Ошиблась я, могъ ошибиться и Проскуровъ ... Нужно предупредить всѣхъ, нужно за нимъ наблюдать хорошенько ...

— Присматривать-то вы присматривайте за нимъ, это не хуже ... А всѣмъ-то говорить я бы не велѣлъ, потому онъ хитрый. Кто-нибудь не остережется, видъ только ему покажетъ, онъ сейчасъ догадается, притаится, особливо какъ узнаетъ, что я здѣсь ... А лучше помолчите. Вы будете присматривать да и я ... Ужъ у меня-то онъ изъ глазъ не вывернется, я его на свѣжую воду выведу! ... Мы вѣдь съ нимъ пріятели старинные. Вотъ, погодите-

ка, что онъ будетъ вамъ про меня разсказывать, и ровно какъ и правду, только не съ того конца, какой я пьяница и распутникъ, и что въ острогѣ я сидѣлъ, и что подозрѣнье на меня пало, будто я деревню и свой отцовскій домъ спалилъ ... А вотъ этого не скажетъ, съ чего это все со мной сталося, какъ отецъ по рукамъ, по ногамъ меня связалъ, всякую волю отнялъ, дышать не давалъ и билъ изъ своихъ рукъ, и сѣкъ на міру, да по неволѣ, насильно женилъ ... А по моему характеру, коли меня вяжутъ, воли, свободы мнѣ не даютъ, я на проломъ пойду, на все полѣзу, хоть съ ножомъ! ... Вотъ этого онъ не скажетъ! ... Не разскажетъ, какъ и домъ мой онъ безъ меня разорилъ, пока я въ острогѣ сидѣлъ, какъ у отца деньги выманивалъ, какъ мать мою они съ сестрой, съ супружницей моей, совсѣмъ смяли и въ уголъ забили ... И все черезъ подлость, черезъ подхалимство передъ моимъ старымъ дуракомъ-отцомъ Съ тѣмъ, что хочешь дѣлай, да только слушай его, по его указкѣ и говори, и думай да кланяйся передъ нимъ! ... Ну, а я не таковъ, по мнѣ дороже всего своя воля, свой царь въ головѣ! ... И кланяться я не стану! ... Не то, что на своей одной шкурѣ принялъ, а видалъ довольно, какъ онъ, родитель, мужиковъ поролъ за всякую малость, какъ загонялъ ихъ, что рта передъ нимъ разинуть не смѣли, какъ изъ-подъ его руки волостные писаря ихъ жали и обирали, какъ онъ всякому начальству и богатымъ купцамъ руку держалъ противъ своего брата ... За это, что ли, я буду кланяться? ... Нѣтъ, я вотъ пьяница, распутный, воръ, деревню спалилъ, а я за своего брата, какъ за самого себя, въ огонь и въ воду полѣзу! ... Вотъ я какой человѣкъ! ...

— Послушайте, если вы поступите сюда, на фабрику, и будете дѣйствовать по моимъ указаніямъ, вы можете очень помочь намъ и принести громадную пользу нашему дѣлу ... Я вижу, что вы можете пріобрѣсти вліяніе на рабочихъ ...

— Нѣтъ, вотъ что, Алена Николавна, кабы мнѣ какъ въ приказчики или въ какіе довѣренные попасть къ купцамъ, вотъ бы я вамъ тогда показалъ себя! ... Ужъ услужилъ бы! ... Потому я и купцу бы глаза отводилъ, и народъ бы мнѣ вѣрилъ больше, не какъ рядовому рабочему ... Я не изъ-за жалованья! ... Мнѣ жалованье все равно, какое бы ни положили, хоть самое малое, а мнѣ бы какъ туда, въ центру-то въ самую попасть ... Я бы ихъ утѣшилъ! ... А то простой рабочій, что онъ подѣлаетъ? Человѣкъ подначальный, цѣлый день на работѣ, присмотръ за нимъ, да и не послушаютъ его, если въ случаѣ чего ... А вотъ приказчикъ, отъ хозяина поставленъ да начнетъ говорить за рабочихъ! ... То совсѣмъ другой видъ! ...

— Это правда! ... Я поговорю съ Александромъ Кузьмичемъ и васъ съ нимъ познакомлю ...

Они вошли въ деревню. На улицѣ, по случаю праздника, было много народа. Алена Николавна дружелюбно со всѣми раскланивалась, а встрѣчнымъ подавала руку и обмѣнивалась привѣтствіями, стараясь поддѣлаться подъ крестьянскій говоръ и разыграть изъ себя настоящую мужичку. Мужики добродушно, но не безъ лукавства, улыбались, разговаривая съ нею. Нѣкоторыхъ она мимоходомъ упрекала, что не пришли въ школу сегодня, и похвастала, что всѣ, кто былъ, знаютъ уже половину азбуки и выучились складывать простыя слова. Деревенскіе ребятишки окружили и провожали ее; она ихъ обнимала, цѣло-

вала, съ иныхъ ради шутки срывала шапки и кидала въ снѣгъ, ее толкали и теребили ...

— Пустите, пустите ... Некогда, некогда, — говорила она, отбиваясь отъ дѣтей. — Опять надо бѣжать въ школу ... Только перекушу, заморю червяка, попарю маленько варевцомъ брюхо, и опять бѣжать ...

Она была очень довольна и счастлива.

— Я чувствую себя здѣсь совершенно крестьянской дѣвкой ... членомъ народной семьи! ... И посмотрите, какъ меня любятъ! — похвастала она Кириллѣ.

— А вотъ и моя изба, — указала она.

У Кирилла замерло сердце. Сейчасъ онъ увидитъ Параню и Дарью Тихоновну ...

II.

Наканунѣ вечеромъ, когда Параня, отстоявши свою смѣну, собиралась уходить съ фабрики домой, ее какъ-бы случайно встрѣтилъ Петръ Архипычъ и отозвалъ въ сторону.

— Скажи-ка ты мнѣ, красавица, что ты, въ сорочкѣ, что ли, родилась? — спросилъ онъ ее ласково, шутливымъ тономъ.

— Какъ въ сорочкѣ? — переспросила Параня.

— Да такъ! ... Очень ужъ ты счастлива! ... Ну-ка, подумай: пишетъ ко мнѣ Кузьма Иванычъ, отписываетъ приказы объ разныхъ дѣлахъ ... и тутъ же о тебѣ вспомнилъ! ... Спрашиваетъ, отпиши, хорошо ли работаетъ Параня, старается ли, не дуритъ ли, съ ребятами не балуется ли? ... Нѣтъ, ты подумай, чего ты стоишь вся-то, а этакой человѣкъ ... высокій, можно сказать, человѣкъ, надо всѣми превозвышанный, вдругъ о тебѣ вспомнилъ

интересуется! ... Какъ же это не счастье-то твое особливое? ... Правда, что онъ у насъ благодѣтель извѣстный, и ужъ если начнетъ бѣдному человѣку помогать, такъ помогаетъ до конца ... Но все-жетаки ... этакая персона ... милліонщикъ! ... Все на свѣтѣ ему открыто! ... И вдругъ, при всѣхъ своихъ дѣлахъ и заботахъ, объ тебѣ, нестоющей дѣвочкѣ, вспомнилъ, спрашиваетъ! ... Чувствуешь ли ты это? Понимаешь ли, какія это милости? ... Взоръ-отъ этотъ одинъ, вниманіе-то отъ этакого ... могущественнаго, можно сказать ... персона? ...

Параня стояла и слушала молча. На губахъ ея играла невольная улыбка.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь? ... А? ... Не чувствуешь ты, что ли, этого благодѣянія? ...

— Какъ не чувствовать ... Очень останемся благодарны ... завсегда! ...

— То-то ... Ну, такъ что же мнѣ отписывать-то ему на-счетъ тебя? ... Одобрять али нѣтъ? ... Какъ полагаешь? ... А? ...

Въ голосѣ Петра Архипыча слышалась почти родительская ласка и нѣжность.

— Отписывайте, какъ лучше ... За что вамъ меня хулить-то? ... Я, кажется, ничего, ни въ чемъ не причинна ... Работаю, стараюсь, какъ можно! ...

— А съ робятами-то балуешься али нѣтъ? ...

— Большая мнѣ охота со здѣшними робятами вязаться! ... Не желаю я ... Никто не скажетъ! ...

— Что же, одного жениха довольно, съ нимъ, что ли, съ однимъ любишься? ...

— Не знаю, къ чему вы говорите-то это ...

— Врешь, знаешь! ... Развѣ Ѳедоръ-то Чернушкинъ не вмѣстѣ съ вами живетъ? ... Вѣдь вмѣстѣ? ...

— Такъ что съ того, что вмѣстѣ живетъ? ...

— Такъ, скажешь, съ нимъ у васъ ничего и нѣтъ? ..

— Чему быть-то? ... Онъ замужъ меня сватаетъ ... женихомъ считается ...

— Такъ, небось, такъ ты за него и пойдешь? ...

— Пойду, коли денегъ будетъ промышлять довольное число ...

— А не будетъ? ...

— Ну, ужъ тогда не знаю ... Мамонька, пожалуй, не отдастъ тогда ...

— Вотъ бы мнѣ нужно матку-то твою повидать ...

— Почто? ...

— Поговорить бы съ ней ... Прислала бы ты ее ко мнѣ ... Хоть теперь вотъ ...

— Пожалуй, пришлю ... Да о чемъ вамъ говорить-то нужно съ ней? ...

— О чемъ? ... Больно ты любопытна ... Извѣстно, о тебѣ. Вотъ разспрошу ее, такъ ли же ты дома-то, какъ на фабрикѣ да накажу ей, чтобы досматривала за тобой хорошенько ... не давала бы баловаться-то! ... А то я тебѣ дамъ передъ Кузьмой Иванычемъ аттестатъ хорошій, онъ тебѣ, можетъ, велитъ какое награжденіе сдѣлать, а послѣ, пожалуй, что̀ и окажется, такъ какими я глазами-то на него буду тогда глядѣть? ... Скажетъ: ты врешь, старый чортъ, душой кривишь! ... Ну, а я къ этому не привыкъ, я служу вѣрой и правдой ... Чтобы все по истинной совѣсти было! ...

— Насчетъ меня не бойтеся, ничего не окажется ...

— Ну, смотри, дѣвка ...

Петръ Архипычъ погрозилъ пальцемъ.

— А насчетъ Александра-то Кузьмича? А? — сказалъ онъ внушительно.

Параня вспыхнула.

— Что насчетъ его? ...

— Да не знаю что ... Я ничего не знаю, а только слухъ пошелъ ...

— Мало ли что наплетутъ, всего не переслушаешь! ... Этакъ и невѣсть что скажутъ, когда ничего и нѣтъ ...

— Да ладно, ладно, коли нѣтъ ничего, не надо, чтобы и было, а то, Боже тебя сохрани, бѣды наживешь! ... Большая бѣда вамъ всѣмъ изъ-за этого будетъ! ... Кузьма Иванычъ, кажется, всѣхъ васъ со свѣта сживетъ, коли что узнаетъ. Онъ насчетъ Александра Кузьмича очень наблюдаетъ, чтобы никакой мерзости этой не было! ... А какъ же губернанка-то наша къ вамъ попала? ... Развѣ не Александръ Кузьмичъ ее къ вамъ прислалъ? ...

— Я не знаю, кто прислалъ ... А она по знакомству съ Ѳедоромъ у насъ живетъ. Онъ маменьку просилъ, чтобы пустила, что ей жить негдѣ ... Да и не то, что просилъ, а такъ, что „пу„скай, говоритъ, „живетъ у насъ лучше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, все-таки платитъ намъ, для насъ жить посходнѣе“ ...

— Что же она живетъ? ... Что дѣлаетъ-то?

— Да что дѣлаетъ? ... Что ей сдумается. Вонъ деревенскихъ грамотѣ обучаетъ ... Когда въ книжку читаетъ да записываетъ ничто ... Что ей дѣлать-то? ...

— А Александръ-то Кузьмичъ у васъ часто бываетъ? ...

— Ни одинова не бывалъ опослѣ праздника ...

— А не врешь ты? Правду говоришь? ...

— Да ну-ка, чтой-то, Петръ Архипычъ, съ чего мнѣ врать-то? ...

— Ну, смотри же, насчетъ Александра Кузьмича всю блажь изъ головы выкинь ... Я тебѣ отъ всей доброй души говорю!... Чтобы ни разговоровъ, ни переглядокъ никакихъ, и вмѣстѣ чтобы вамъ не быть. Онъ подошелъ, а ты прочь отходи, онъ заговорилъ, а ты: да, да нѣтъ! ... да и къ своему дѣлу! ... Ну, ступай, ужъ я о тебѣ, такъ и быть, отпишу хорошо, жди гостинца! ... А матку пришли ко мнѣ ... Да какой разговоръ промежъ насъ теперь былъ, чтобы мы только и знали, никому ни слова не говори, ни Чернушкину, никому, развѣ маткѣ ... Потому Кузьма Иванычъ на смерть не любитъ, коли про его добродѣтель разсказываютъ да хвастаются ... Возненавидитъ того человѣка и ничего ужъ тогда отъ него не жди! ... Ну, ступай съ Богомъ! ... Я ужъ тебя опишу въ лучшемъ видѣ, будешь старика помнить да благодарить! ...

Параня и безъ наставленія сама сообразила, что нужно послать родительницу къ приказчику такимъ образомъ, чтобы объ этомъ не знали ни Ѳедя, ни Алена Николавна. Она такъ и сдѣлала, разсказавши предварительно матери, наединѣ, весь разговоръ свой съ главнымъ приказчикомъ. Очень тронута была Дарья Тихоновна вниманіемъ благодѣтельнаго милліонера; съ тайной, невысказанной, но видимо радостной мыслью поцѣловала дочь и съ легкимъ сердцемъ пошла къ Петру Архипычу.

— Вотъ что, стар....—заговорилъ приказчикъ,—хотѣлъ-было назвать тебя старухой, что дочь возрастная, да взглянулъ и поперхнулся; сама ты баба, что калачъ бѣлый ... Не то старуха, а хоть сейчасъ съ любымъ парнемъ молодымъ подъ вѣнецъ веди! ...

Дарья Тихоновна осталась очень довольна вступительной шуткой вліятельнаго приказчика и, самодовольно осклабляясь, скромно отвѣтила:

— Ужъ и то старуха стала, батюшка Петръ Архипычъ! ... Не такой бы мнѣ надо быть, кабы не горе да не нужда наша сиротская ...

— Ну, не все горевать! ... У Бога не безъ милости, можетъ, и про тебя еще у него радость припасена! ... Вотъ ужъ благодѣтеля Богъ и послалъ вамъ, какого и не чаяли! ... Про нашего Кузьму-то Иваныча я говорю ...

— Да, дай Богъ здоровья, поддержали, не оставили насъ на первыхъ порахъ, завсегда благодарю! ... Конечно, что̀ для нихъ эти шесть рублей, можетъ,— ровно какъ ничего, а, при нашей бѣдности, дорого они стоятъ, по здѣшней дороготнѣ! ... Какъ бы мы тутъ стали жить на четыре-то цѣлковыхъ, безъ этой поддержки, ужъ и не придумаю ... Завсегда, завсегда поминаю и благодарю, ужъ истинно благодѣтели! ...

— Ну, а вотъ онъ, видишь ты ... сказывала, чай, дочка? ... и тамъ объ васъ думаетъ и заботится ...

— Сказывала, сударь, она одной мнѣ сказывала ... Всплакнула даже я отъ радости, что объ насъ, низкихъ людяхъ, этакіе, вправду, милліонщики, что которые, можетъ быть, самые первые, назираютъ и безпокоятся! ... Именно, что не стòимъ мы этого! ...

— Да вѣдь я дочкѣ твоей всего-то не сказалъ ... Обо всемъ-то я съ ней и говорить не сталъ, потому, думаю, ну, что̀ говорить съ ней, съ дѣвочкой ... Какъ ни-какъ, а все еще она полнымъ умомъ не собралась! ... Вотъ и велѣлъ тебя при-

слать ... Вѣдь онъ что объ васъ удумалъ! ... Ты съ ума сойдешь отъ радости, какъ я тебѣ все-то скажу! ... Онъ вѣдь хочетъ васъ обѣихъ, и тебя, и дочь, къ себѣ въ домъ взять, на ту фабрику! ... Чтобы ты жила у него въ ключахъ, въ родѣ какъ ключница али экономка, а дочь при тебѣ за помощницу! ... Одной-то тебѣ, пожалуй, не управиться, потому дѣло большое ... Ну, а съ дочкой-то тебѣ и сподручно ... Ты вѣдь, сказываютъ, изъ дворовыхъ, при господахъ прежде жила, въ дѣвкахъ? ...

— Точно такъ, сударь ...

— Ну, такъ вотъ тебѣ какая благодать! ... Радуйся да Бога благодари! ...

— Истинно, Петръ Архипычъ, что даже въ память не могу вдругъ придти, такое вы мнѣ сказали ...

— Я тебѣ говорилъ! ... Только вотъ что, съ однимъ уговоромъ, чтобы свадьбу Паранину съ этимъ Чернушкинымъ отмѣнить ...

— Что же такъ, сударь? ..

— А по тому самому, что замужнюю Кузьма Иванычъ въ эту послугу не возьметъ ... Да онъ замужнюю прислугу въ домъ и вовсе не беретъ, не любитъ, потому, говоритъ, она къ мужу бѣгать будетъ, и о дѣлѣ своемъ ужъ у нея такой заботы не будетъ ... А взять тебя одну опять же нескладно: будешь объ дочери думать, въ гости къ ней проситься, либо она къ тебѣ пріѣзжать ... Да ужъ и вѣры такой имѣть нельзя, все будетъ думаться, что къ замужней дочери въ домъ хозяйское добро тащишь ...

— Мы не съ этимъ согласны идти, чтобы тащить ... Боже избави! ... А чтобы служить ото всей души, со всей вѣрностью ...

— Да вѣдь это всѣ такъ говорятъ ... Но

только объ этомъ и толковать нечего, одну тебя, безъ дочери, онъ не возьметъ, и съ дочерью замужней али помолвленной тоже ... Да и чего ты будешь думать тутъ о какомъ ни на есть Чернушкинѣ при этакомъ счастьи вашемъ? ... Сумѣете угодить, такъ Кузьма Иванычъ, можетъ, по времени, вздумаетъ, приданое твоей Паранькѣ дастъ да за такого выдастъ,—не Чернушкину чета!... Изъ его-то рукъ всякій за счастье сочтетъ невѣсту взять! ... Неужто ты не понимаешь этого и не чувствуешь, какія милости тебѣ хотятъ дѣлать? ...

— Какъ мнѣ не понять, батюшка Петръ Архипычъ! ... Довольно все понимаю и чувствую ... всѣ великія къ намъ милости Кузьмы Иваныча! ... Кажется, ужъ чего больше! ... Но только вотъ въ этомъ я очень оробѣла, Петръ Архипычъ. А ну, какъ моя дочка, по дѣвичьей своей глупости, не согласится отказаться отъ жениха-то? ... Вѣдь ужъ промежъ нихъ все налажено, такъ ужъ они вѣдь и ведутся, какъ женихъ съ невѣстой, только вотъ и ждали, чтобы маленько онъ пооперился ... насчетъ денежекъ! ... Что жалованья, молъ, прибавятъ али къ дѣльцу другому переведутъ ... Поприбыльнѣе ...

— Ничего ему не будетъ, ни жалованья прибавки, ни дѣла другого ... А дилехтуръ его не любитъ, такъ, пожалуй, и вовсе съ фабрики-то сгонятъ ... Ты объ дѣлѣ-то, о счастьѣ-то своемъ думай да говори, что тебѣ ровно съ неба валится, его-то не потеряй, а пустяковъ-то этихъ нечего перебирать! ... Паранька мнѣ сама сказала, что, коли, говоритъ, поправки у него въ дѣлахъ не будетъ, такъ ты ее не выдашь за него ...

— Да я-то, сударь, не выдамъ, это точно, что не выдамъ, да она-бы сама не ушла, безъ спросу

моего, она-то у меня характерна ... Вотъ въ чемъ!... Да и этотъ молодецъ, Ѳедянка-то! ... И отъ этого, пожалуй, не отобьешься, тотъ изъ-за Парани на ножъ полѣзетъ! ...

— Съ этимъ-то мы управимся ... Этого не бойся ... Захотимъ, такъ завтра же не то на фабрикѣ, и близко-то фабрики его не будетъ ...

— Нѣтъ, такъ зачѣмъ же обижать парня? Богъ съ нимъ, пускай живетъ! ... Нѣтъ, вы этого не дѣлайте, а то и съ Параней-то ни за что не сладишь, Скажетъ, жениха моего напрасно обижаютъ, а мы къ нимъ служить пойдемъ! ... Не пойдетъ тогда ни за что ...

— Ну, такъ какъ же быть-то? ...

— А это надо подумать да пообождать ... Опять же это дѣло такое, Петръ Архипычъ, не минутное, вѣковое, на всю жизнь! ... Тутъ надо подумать да и подумать ... да и потолковать много!... И не разъ, и не два! ... Я такъ полагаю! ... Это вѣдь не то, что въ горничныя, въ услуженіе али на фабрику наняться: по мысли, такъ живи, а нѣтъ, такъ и на другое мѣсто уйти можно ... Это дѣльце-то маленько помудренѣе, Петръ Архипычъ!...

— Такъ что же? ... Ты будешь думать да передумывать, а Кузьмѣ-то Иванычу ждать васъ, коли это ему вздумалось? ... Не написать ли ему это, въ отвѣтъ-то? ... Такъ онъ и меня-то съ вами туда пошлетъ, что и не вспомнишься! ... Онъ и плюнуть-то тогда на васъ полѣнится! ...

— Ну, ужъ это какъ будетъ угодно! ... А въ этакомъ дѣлѣ не подумавши да не поговоривши нельзя ...

— Такъ вѣдь мнѣ надо же что-нибудь написать ему отвѣтъ-то, дура? ... Вотъ съ бабами-то дѣла дѣлать! ...

— Да ужъ какъ угодно ... Нежелательно мнѣ васъ прогнѣвить, а такъ и извольте отписать, что, молъ, подумать и поговорить желаютъ ...

— Вотъ тебѣ и разъ. Я думалъ, она мнѣ въ ножки съ радости поклонится да побѣжитъ молебенъ служить всѣмъ радостямъ, а она? ... Извольте-ка, что разговариваетъ! ... Ты съ ума не спятила-ли? ...

— Меня, батюшка, Петръ Архипычъ, никогда за дуру не почитали ... И я отъ своего счастья не отказываюсь, и очень цѣню, и чувствительно благодарна ... Но только-что это дѣло такое, сами вы довольно знаете! ... Наобумъ дѣлать не приходится! ...

— Такъ только и весь твой отвѣтъ теперь? ...

— Только и есть, сударь, а по времени опять можно переговорить съ вами ли, али, можетъ, сами Кузьма Иванычъ наѣдутъ сюда ... А только что это отпишите, что я отъ своего счастья не отказываюсь и очень чувствительно какъ благодарю ...

Съ тѣмъ Дарья Тихоновна и ушла.

„Ну, баба!“ — подумалъ ей вслѣдъ Петръ Архипычъ. — „Министръ-баба! ... Лучше другого приказчика дѣло свое знаетъ! ... Эту на кривой не объѣдешь, она свое возьметъ!“ ...

Воротясь домой, Дарья Тихоновна не могла найти времени въ тотъ же день, чтобы переговорить съ Параней наединѣ и сообщить о предложеніи Петра Архипыча. Ѳедя весь вечеръ не отходилъ отъ Парани, пользуясь кануномъ праздника; Алена Николавна также была дома. И мать, и дочь,—обѣ тяготились этимъ: одной хотѣлось поскорѣе разсказать,

другой узнать подробности свиданія съ приказчикомъ; по лицу матери, Параня догадывалась, что случилось что-то очень важное. Вслѣдствіе этого, на слѣдующій день Параня не пошла на открытіе школы ни съ Аленой Николавной, ни съ Ѳедей, отказываясь легкимъ нездоровьемъ.

— Ну что, мамонька, скажи-ка ты мнѣ про вчерашнее-то ... Что, почто звалъ онъ тебя? — нетерпѣливо спрашивала Параня, какъ только Чернушкинъ ушелъ въ школу, а она осталась наединѣ съ матерью.

— Да ужъ не знаю, какъ тебѣ и сказать, Параня, — отвѣчала мать. — Звалъ-то онъ меня за больно хорошимъ дѣломъ. Кузьма Иванычъ выходитъ такой намъ благодѣтель, что истинно надо за него намъ Богу молиться. Хочетъ насъ съ тобой совсѣмъ счастливыми сдѣлать ... Только теперь вся сила въ насъ самихъ, чтобы своего счастья не потерять, а лучше того сказать, вся сила въ тебѣ состоитъ ...

— Какъ такъ, мамонька?

Дарья Тихоновна передала дочери предложеніе Кузьмы Иваныча и тѣ условія, на которыхъ онъ его дѣлалъ. Она объяснила причину этихъ условій совершенно такъ же, какъ объяснилъ ихъ ей самой Петръ Архипычъ.

— Ну, такъ вотъ ужъ теперь, — заключила она, — сама видишь, что вся сила въ тебѣ! Коли захочешь ты съ Ѳедянкой своимъ развязаться, такъ и богата, и счастлива будешь, и матку свою на старости лѣтъ успокоишь, а не захочешь ... И опять твое дѣло! ... Я тебя не нужу! ... Какъ тебѣ лучше, такъ и дѣлай! ...

— А какъ же по тебѣ-то? ... По-твоему-то,

какъ лучше? — осторожно спросила Параня, задумчиво сдвинувши свои черныя брови.

— Нѣтъ, нѣтъ, меня и не спрашивай, я слова не скажу ... Я не такая мать! ... Какъ самой лучше, такъ и дѣлай! ...

— Такъ почему же ты полагаешь, что тамъ-то ужъ намъ такъ хорошо очень будетъ? ...

— А вотъ почему я полагаю. Первое, что будемъ мы жить у этакого милліонщика, въ его собственномъ дому, въ ключницахъ, стало, мы во всемъ дому, послѣ самого хозяина, какъ самыя главныя, потому все равно какъ довѣрныя какія, все у насъ на рукахъ будетъ ... И жалованье, значитъ, онъ хорошее намъ положитъ долженъ по этому самому, это вѣдь не то, что въ горничныхъ быть ... Вотъ первое! ... А второе, угодить-то мы ему съ тобой сумѣемъ, потрафимъ на него: ужъ постараемся! ... А угоди-ка милліонщику-то, пріучи-ка его къ себѣ, чтобы онъ безъ тебя ни жить, ни быть не могъ, такъ вѣдь онъ озолотитъ, сдѣлаетъ такъ, что и свой домъ тебѣ выстроитъ да подпишетъ, и капиталъ тебѣ дасть. По-купечески одѣваться будешь, на своихъ лошадяхъ кататься станешь! ... Не то самой въ услуженье идти, а у самой своя прислуга будетъ! ... Все вѣдь отъ нихъ можетъ статься, отъ богатыхъ! ... Ему чего стоитъ тебя осчастливить-то? ... Ничего не стоитъ. У него не убавится изъ-за этого, а ты-то на вѣкъ покойна и довольна! ... Вотъ вѣдь что бываетъ! ... А то и такъ, Петръ Архипычъ даже и проговаривался, что по времени, можетъ, замужъ тебя выдастъ за стоющаго человѣка да приданое за тобой дастъ хорошее ... Мало ли что богатый человѣкъ можетъ сдѣлать для бѣднаго, коли захочетъ его осчастливить! ...

— Да, коли захочетъ! ... А какъ не захочетъ? ... Потѣшится да и прогонитъ ни съ чѣмъ ... Развѣ не бываетъ? ...

— Ну, такъ вѣдь ужъ на это своя голова на плечахъ, надо все думать, да уговорить впередъ ... Зря-то и птичка вонъ въ руки не дается, и та на прикормокъ идетъ ... Такъ то птичка глупая! ... А мы, слава Богу, съ разумомъ! ... Даромъ-то себя обидѣть не дадимся! ...

— А развѣ не бываетъ, что и черезъ золото слезы льются? — раздумчиво спросила Параня.

— Да, въ пѣсняхъ поется, точно! ... А на яву-то, посмотрика-ка, кто больше плачетъ-то — богатый али бѣдный? Кому лучше на свѣтѣ-то жить: неимущему человѣку али съ капиталомъ? ...

Параня совсѣмъ опустила голову и задумалась. Дарья Тихоновна молчала.

— А какъ же Ѳедя-то? — вдругъ сказала Параня. — За что же я его-то обижу такъ, безо всякаго? ... Вѣдь онъ точно меня любитъ, ото всей души, безъ хитрости, безъ обману ... Смотри-ка ты, радъ душу-то заложить за меня! ... Какъ же я? ... Вѣдь я сама дожидать обѣщала? ...

— Такъ долго ли еще ждать-то думаешь? Вонъ Петръ Архипычъ говоритъ, что никогда ему здѣсь никакой прибавки не получить, потому его хозяйскій зять не любитъ, а у Александра-то Кузьмича своей воли нѣтъ ... ничего подѣлать не можетъ! ... А узнаетъ Кузьма Иванычъ, что мы противъ него этакую грубость дѣлаемъ, отъ его благодѣянія изъза Ѳедянки отказываемся ... тогда ужъ и вовсе Ѳедянкѣ нечего здѣсь себѣ никакого добра ждать ... И выдетъ, что только такъ, даромъ время протянетъ, тебя-то счастья лишитъ да и себѣ ничего не получитъ!...

Параня ничего не возражала и еще больше задумалась; въ эту минуту она какъ-будто вдругъ на нѣсколько лѣтъ постарѣла: на лбу, между бровями, показались двѣ складки, глаза потухли и приняли какое-то холодное, суровое выраженіе, даже щеки какъ-будто осунулись, и вмѣсто обычнаго румянца на нихъ выступили багровыя пятна. По лицу ея можно было догадываться, что въ душѣ Парани происходила сильная и тяжелая борьба.

— Да ты вотъ что, — хотѣла помочь ей наблюдавшая за нею Дарья Тихоновна, — ты не о Ѳедянкѣ, а объ себѣ думай! ... Что онъ-то тебя любитъ, такъ это при немъ пускай и останется. Мало ли народа тебя любило ... Вонъ и Кирилла тоже безъ памяти былъ ... да ни съ чѣмъ же ушелъ! ... На это смотрѣть нечего! ... А вотъ сама-то ты какъ къ нему, къ Ѳедянкѣ? ... Думается мнѣ, что не надо бы, кажись, такъ ужъ тебѣ безъ памяти-то его любить, что ни жить, ни быть — за него выдти ... А вѣдь и то сказать, не знаю вѣдь я, что у тебя на сердцѣ ... А? ... Скажи-ка ты мнѣ правду-то ...

— Да какую правду-то сказать? ... Я и сама не знаю ... Иной разъ жалко мнѣ его, такъ бы, кажись, на шею къ нему и бросилась, радостенъ уже очень онъ тогда бываетъ, смотрѣть на него любо ... А другой разъ нѣтъ этого, а даже сердце супротивъ него у меня, ровно онъ виноватый какой, и знаю, что вины за нимъ нѣтъ, а во мнѣ вотъ такъ и кипитъ, такъ бы вотъ я все на-зло ему и дѣлала! ... А послѣ и пройдетъ опять, и опять ровно какъ мнѣ его жалко, и любъ онъ мнѣ ... Только-что не въ этомъ! ... А то, что парень-то онъ больно ужъ хорошъ! ... Стыдно мнѣ передъ нимъ, со-

вѣстно! ... Онъ вонъ какой, совсѣмъ добрый, ничего ему не надо, ничего не жалко; все возьмите, останное! ... А ужъ что скажетъ, отъ слова николи не отступится, самый вѣрный человѣкъ! ... Ни на какое богатство онъ и не смотритъ, и не желаетъ, не уважаетъ ему! ... Если бы что и промыслить хотѣлось ему, такъ не про себя, а про меня же! ... А то бы все отдалъ, кому нужда есть ... И богатыхъ этихъ онъ гнушается; не по деньгамъ на человѣка смотритъ, а по душѣ, по дѣлу ... Отъ богатыхъ-то людей, отъ этихъ, онъ мнѣ сказывалъ, всѣмъ бѣднымъ плохо на свѣтѣ жить! ... Да мало ли онъ что мнѣ говорилъ, какихъ словъ ... Хорошія все слова говоритъ! ... Слушать — не наслушаешься! И ни съ кѣмъ онъ столь не говоритъ, что со мной, и все къ дѣлу, а не то, чтобы въ баловство какое ... И послѣ этакихъ-то словъ его .. я на что пойду! ... За его любовь такую, что я съ нимъ-то сдѣлаю?! ... Вотъ что, мамонька! ...

— Ну, Параня, моя вина, что я дала тебѣ слушать да примать его слова пустыя, а твоя вина, что ты слушала да мнѣ ничего не сказала! ... Кабы сказала, я сама поговорила бы съ нимъ! ... Про любовь твою къ нему я теперь вижу. Извѣстно, вертится около тебя молодой парень да ласковыя слова говоритъ ... тотъ али другой, — все одно! ... Ну, вотъ тебѣ его и жалко, иной часъ и потянетъ тебя къ нему! ... А подумаешь ты, что этотъ парень, можетъ, жизнь твою заѣдаетъ, что не такой бы по тебѣ жизни надо, — ну, и сердце у тебя супротивъ него! ... Эта любовь твоя не страшная, другой подвернется — и къ другому такая же будетъ. Пусти къ тебѣ Кирилла, — вотъ и безпутивый парень, и женатый, а и съ тѣмъ то же у тебя будетъ! ...

А вотъ насчетъ словъ его ... Такъ что ты на слова-то полагаешься? ... Что слова? ... Словъ можно наговорить какихъ угодно ... А вотъ онъ на дѣлѣ себя покажи! ... Вотъ обѣщалъ, что десять-то рублей на фабрикѣ тебѣ будутъ платить, а что на дѣлѣ-то вышло? ... Сказывалъ, — подождите только маненько да поѣдемте со мной, а деньги будутъ: машинъ понавыдумаю, купцы озолотятъ, мѣсто другое скоро получу и жалованье дадутъ большое ... А гдѣ же все это? ... Вотъ они слова-то! ... Еще не то, что прибавки али капиталовъ большихъ, а жди того, что вовсе и съ фабрики-то прогонятъ! ... Что богатствомъ-то гнушается да купцовъ бранитъ, такъ это изъ зависти ... Извѣстно, что бѣдному человѣку дѣлать, коли ума да обороту нѣтъ, чтобы капиталъ нажить? ... Ну, ругаться! ... Нынче и все такъ: самъ не умѣетъ чего сдѣлать, достать, промыслить, а другіе люди умѣютъ ... ну, значитъ, они разбойники, грабители, душегубы! ... Словъ-то этихъ, Паранюшка, нечего слушать, они легки, словато, ихъ всякой сказать можетъ! ... Вотъ кабы дѣло было, ну, то другое! ... А слова эти къ сердцу примать да въ стыдъ себѣ считать ... это дуракомъ надо быть! ... Я тебя, Параня, не нужу, вся твоя воля! ... А только ты зря отъ своего счастья не отказывайся и изъ-за пустыхъ, бездѣльныхъ рѣчей себя не губи ... Ты лучше подумай да и подумай, торопиться нечего, поспѣемъ еще съ отвѣтомъ-то ... Вижу я, очень купцу-то послуга наша понадобилась ... Ну, такъ пускай подождетъ, а мы подумаемъ ... А надумаемъ, такъ еще поторгуемся ... Я и тебя, и себя зря, наобумъ, въ кабалу не отдамъ! ... А только что судьба твоя тутъ, на фабрикѣ, это видать, что судьба! ... Ну, и надо

ее ловить, не упускать, а прозѣваешь ... послѣ не скоро изымаешь! ... А, можетъ, и спокаешься, что свое счастье прозѣвала! ...

Дарья Тихоновна прекратила на этомъ разговоръ, и съ умысломъ оставила Параню въ борьбѣ съ самой собою. Она, впрочемъ, надѣялась, что результатъ этой борьбы будетъ вполнѣ благопріятный, въ интересахъ ея желаній. Въ такомъ состояніи засталъ ихъ Кирилла, явившійся вмѣстѣ съ Аленой Николавной. Появленіе его было до такой степени неожиданно и такъ удивило хозяекъ, что онѣ обѣ не вѣрили своимъ глазамъ и смотрѣли на него, не произнося ни слова, ни звука, точно обѣ вдругъ онѣмѣли. Это впечатлѣніе замѣтила даже Алена Николавна, обыкновенно не замѣчавшая ничего, что не касалось ея самой лично или ея идей и спеціальныхъ цѣлей.

— Стараго звакомаго къ вамъ привела, — проговорила она, указывая на Кириллу.—Не ждали ...

— Добраго здоровья, Дарья Тихоновна ... Парасковья Михайловна, — сказалъ Кирилла съ нахальнымъ видомъ, но не безъ внутренняго волненія. — Видать, что не ждали меня! ... Думали, чай, что никогда и не повстрѣчаемся? ...

Кирилла старался улыбнуться и казаться спокойнымъ, но лицо и глаза его говорили совсѣмъ другое. Въ нихъ отражалась и страсть, и злоба, и радость свиданія, и желаніе посмѣяться, подразнить, припугнуть даже собою оторопѣвшихъ женщинъ.

— Здорово живете! — повторилъ онъ, сверкая своими черными глазами. — Чай, никогда и не вспомянули стараго дружка-пріятеля? ... А я вотъ какъ тутъ, ровно изъ земли выросъ ... Здравствуйте же ...

— Здравствуй, здравствуй, — отозвалась пер-

вая Параня, скорѣе матери собравшаяся съ духомъ. — Правда, что нашъ атласъ не идетъ отъ насъ! — прибавила она съ усмѣшкой.

— Какими судьбами попалъ сюда? — спросила въ то же время и Дарья Тихоновна.

— Да стосковался по васъ, Дарья Тихоновна!— отвѣчалъ Кирилла. — Правда, что ни скажетъ Параня, вашъ атласъ! ... Съ вашего примѣра и мнѣ захотѣлось на фабрикѣ, около купцовъ, счастья поискать. Наймоваться пришелъ! ...

— Съ женой или одинъ? — спросила Параня не безъ ехидства.

— Одинъ, Парасковья Михайловна ... Что моей женѣ здѣсь дѣлать? ... Сами знаете, не развязная она баба! ... Здѣсь народъ другой требуется, умной, оборотистый, вотъ какъ Дарья Тихоновна али вы !...

— Скучно ей будетъ тамъ безъ тебя, — говорила Параня съ той же язвительностью.

— Ничего, привыкнетъ! ...

Кирилла начиналъ злиться и приготовлялся сказать еще новую колкость Паранѣ, но его перервала Алена Николавна.

— Ну, вы еще здѣсь наговоритесь, а мнѣ поѣсть что нибудь, Дарья Тихоновна, да въ школу опять пора, — сказала она.

Дарья Тихоновна спохватилась.

— Ахъ, батюшки, и самъ-дѣлѣ, вѣдь вы еще не обѣдавши ... Сейчасъ, сейчасъ!

Она начала суетливо приготовлять обѣдъ.

— А книжекъ-то обѣщали, Алена Николавна, — обратился къ ней Кирилла.

— Какъ же, какъ же ... Возьми.

Она собственноручно вытащила изъ-подъ лавки

сундукъ, наполненный книгами, порылась въ немъ, вынула нѣсколько книжекъ и подала Кириллѣ.

— Вотъ вамъ... на первый разъ!... Вы спрячьте ихъ подальше ... Понимаете? ... Дома прочитайте сначала одни и побывайте ко мнѣ. Мы потолкуемъ тогда ...

— Покорнѣйше благодарю, Алена Николавна ... Не безпокойтесь, спрячу, — говорилъ Кирилла, и съ серьезнымъ, озабоченнымъ видомъ положилъ книжки за пазуху, наглухо застегнулъ поддевку и осмотрѣлъ себя. Онъ хотѣлъ показать Аленѣ Николавнѣ, что понимаетъ, какъ надо беречь данныя книжки и какъ къ нимъ относиться.

Алена Николавна принялась торопливо обѣдать.

— Вы теперь куда отсюда пойдете? Гдѣ вы живете? — спросила она Кирилла.

— Да вотъ пока здѣсь посижу, со старыми знакомыми покалякаю, а послѣ пойду квартиру искать ... Я вѣдь пока только на ночь приставалъ переночевать. Надо постоянную квартиру пріискать гдѣ, здѣсь по близости ...

— А я съ вами въ школу пойду,—сказала Параня.

— Пойдемъ, пойдемъ!... Вотъ чудесно! ... Мнѣ ужасно досадно было и давеча, что васъ не было, Параня, на открытіи ... Я рѣчь говорила мужичкамъ... Кажется, произвела впечатлѣніе ... Народу столько привалило въ школу, что всѣ сразу даже не помѣстились ...

— А вы тоже грамотѣ хотите учиться, Парасковья Михайловна? — спросилъ Кирилла.

— Да она ужъ учится у меня дома, — отвѣчала за Параню Алена Николавна. — И очень успѣшно, умница большая! ... Еще недѣльки три-четыре, — свободно читать будетъ ...

— Вотъ какъ! ... И дома учитесь, и въ школу-то хотите идти ...

— Нѣтъ, я не для ученья иду, а такъ ... посмотрѣть! ... Да дома и дѣлать нечего. Скука одной, а тамъ всѣ: и Ѳедя, и Алена Николавна ... Опять же Ѳедя, можетъ быть, тоже учить будетъ. Посмотрю, какъ онъ примется ...

— Тамъ и хозяйскій сынъ тоже учить, видно, будетъ, Алена Николавна? Или онъ такъ только тамъ? — спросилъ Кирилла, какъ-будто простодушно, но Параня поняла, что онъ говорилъ это съ умысломъ и на ея счетъ. Она вспыхнула и разсердилась.

— Какъ же, будетъ, будетъ и онъ ... непремѣнно! ... Это необходимо! ... Я настаиваю! — отвѣчала Алена Николавна. — Ну, сбирайся же, Параня, пойдемъ . . Я ужъ кончила ...

Кирилла злобнымъ взглядомъ провожалъ Параню, которая ушла изъ избы, не простясь, не оглянувшись на него, какъ-будто позабывши даже объ его присутствіи. Онъ остался въ избѣ наединѣ, съ-глазу на глазъ съ Дарьей Тихоновной, но сидѣлъ молча, насупившись, мрачный, озлобленный, и смотрѣлъ неподвижно на дверь, за которою скрылась Параня съ Аленой Николавной.

Дарья Тихоновна, успѣвшая мимоходомъ заглянуть въ висѣвшее на стѣнѣ зеркальце и поправить на головѣ волосы и платокъ, скоса поглядывала на Кирилла и ждала, чтобы тотъ заговорилъ, но онъ упорно молчалъ. Дарья Тихоновна, наконецъ, не выдержала.

— Зачѣмъ еще, соколъ, отъявился сюда? Чего нужно? — спросила она Кирилла шутливо и ласково.

— А вы думали, — уйдете отъ меня, спрячетесь такъ, что и не найду? ...

— И не думали мы прятаться, а поѣхали за своими дѣлами, куда намъ надобно ... А тебѣ-то, вотъ, что здѣсь нужно? Ты-то зачѣмъ сюда пожаловалъ? ...

— Не за тобой ли, думаешь, за кралечкой писаной? ...

Кирилла презрительно и злобно усмѣхнулся. Дарья Тихоновна обидѣлась.

— А за кѣмъ же? Не за Паранькой ли опять? ... Такъ ужъ тебѣ, кажись, сказано, что не то, что она, и я-то не по твоему рылу ... Проѣзжай-ка мимо, заворачивай оглобли назадъ, откуда пріѣхалъ,—уходи, пока Ѳедянка не воротился, пока цѣлъ! ... Тебѣ-то я не нужна, а ты-то мнѣ и вовсе ... Вишь ты ... Экимъ-то золотомъ, что ты, гати гатятъ!... Убирайся говорятъ, откуда пришелъ! ...

— А ты не брыкайся очень то ... Со мной, смотри, полегче, я не другіе прочіе ... Видишь ты, зазналась; около купцовъ-то, что ли, этакого форса набралась ... Около нихъ, что ли, хвостомъ-то завиваешь? -..

— Ну, а хошь и около купцовъ, такъ что же? Тебѣ какое дѣло? ... Опять-таки не твое здѣсь мѣсто ... Убирайся ...

— Дарья, слушай: у меня двѣсти рублей есть ... Вотъ здѣсь въ карманѣ лежатъ. Хочешь, сейчасъ покажу? ...

— Ну такъ что? ... Есть да не украл, такъ твои ... А мнѣ-то что? ...

— Хочешь, тебѣ ихъ отдамъ, развяжись только съ Ѳедянкой, прогони его ... А я, можетъ, здѣсь въ приказчики попаду ... Какъ бы зажили! ... Насчетъ Парани ужъ я самъ, ты только не мѣшай ... Пожалуй, пускай она и съ купцами ... только чтобы

Ѳедянку прочь, чтобы замужъ она за него не шла ... Мало тебѣ двухсотъ, весь домъ разорю, испродамъ, всѣ деньги твои, только чтобъ Паранька моя была ...

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ! ... Сумасшедшій дуракъ! ... Полоумный! ... Ступай-ка, ступай, подобру, по здорову! ... Коли пьянъ, такъ проспись, а тверезъ — перекстись ... Ну, куда ты лѣзешь съ своими двумя сотнями? ... Ну, гдѣ тебѣ Паранькой владать? ... И прежде-то въ деревнѣ жили, что я тебѣ говорила насчетъ этого? ... Вспомни-ка! ... А теперь и говорить-то мнѣ съ тобой не охота ... И смѣешь ты ко мнѣ, къ матери, съ этакими твоими словами подлыми лѣзть?! ... Да съ чего ты это взялъ? Съ чего выдумалъ? ... Убирайся вонъ отселѣ, чтобы нога твоя не была у меня! ...

— Такъ такъ вы нонѣ, Дарья Тихоновна? ... Убирайся вонъ? ... Вотъ какъ! ...

— Да, такъ я нонѣ ... Испугать, что ли, ты меня думаешь? ... Такъ не испугаешь, небось, не этакихъ видала! ... Держался бы, держался, дуракъ женатый, за меня, и того бы про тебя слишкомъ ... А то, видите, еще за Паранькой тянется!

Дарья Тихоновна искусственно засмѣялась.

— Да мнѣ тебя-то даромъ не надобно, гроша я мѣднаго за тебя не дамъ ... А вижу я теперь, откуда въ тебѣ форсъ этотъ. Сладилась, видно, сторговалась съ купецкимъ-то сынкомъ, а Ѳедянку прозапасъ держишь, про всякой случай, чтобы имъ, дуракомъ, грѣхъ прикрыть ... А тотъ дуралей ничего не видитъ, не понимаетъ ... Ну, ладно же, я тебя утѣшу—самъ не видитъ, я наведу! ... Пускай же, коли не мнѣ, такъ и онъ передо мной не бахвалится! ... А ужъ тебѣ ... Я тебѣ подстрою, постой! ... Останешься на бобахъ ... Погоди! ...

Кирилла въ бѣшенствѣ выскочилъ изъ избы. Дарья Тихоновна осталась спокойною и даже довольною.

„Добро бы ты“,—думала она,—„подбилъ Ѳедянку-то самого отъ насъ отшатнуться ... На что бы лучше! ... Чего мнѣ и надобно ... А онъ стращаетъ! ... Нѣтъ, парень, не перехитрить тебѣ умную бабу! ... Простоваты вы всѣ!“ ...

III.

По окончаніи воскреснаго класса, за чаемъ у Проскурова, къ которому остались Кошатниковъ и Ѳедя съ Параней, Алена Николавна, среди восторженныхъ разговоровъ о блестящемъ началѣ предпріятія, объ еще болѣе блестящихъ надеждахъ на будущее, вспомнила и сообщила присутствующимъ, что она отыскала новаго прозелита, прозондировала его, открыла въ немъ задатки и способности и успѣла уже ихъ направить извѣстнымъ образомъ. Ѳедя изумился и испугался, когда узналъ, что рѣчь идетъ о Кириллѣ.

— Такъ и ты его видѣла, Параня? — спросилъ Ѳедя.

— Какъже, видѣла ... Онъ съ Аленой Николавной къ намъ приходилъ ...

— Что же ты мнѣ не сказала? ...

— Да не угодила ... Я оттого и изъ дома-то ушла, что онъ пришелъ ...

Ѳедя съ благодарностью взглянулъ на Параню.

— А напрасно вы ему, Алена Николавна, книжекъ дали и говорили съ нимъ много ...

— Почему же? ...

— Такъ ... Онъ не такой человѣкъ! ... Ему до этого никакого дѣла нѣтъ ... Самый онъ не-

годный человѣкъ, безпутный, пьяница, въ острогѣ сидѣлъ! ...

Алена Николавна насмѣшливо улыбнулась.

— Я отъ васъ ожидала, Чернушкинъ, такой оцѣнки ему, — сказала она. — Вы судите о людяхъ по личнымъ отношеніямъ и по той узкой мѣркѣ условныхъ правилъ нравственности, которая въ моихъ глазахъ ровно ничего не стоитъ ... Напротивъ, я предпочитаю людей безнравственныхъ, по понятіямъ большинства, людямъ нравственнымъ и благонамѣреннымъ ... Вы слышали, кажется, что въ глазахъ вашего хваленаго старшины, отца этого Кирилла, и Кузьма Иванычъ — желанный человѣкъ ... Мнѣ очень грустно, но, кажется, и вы, Чернушкинъ, придерживаетесь этихъ отсталыхъ взглядовъ. Вы должны знать, что нравственности, какъ отвлеченнаго понятія, не существуетъ. Читайте Бокля ... А условная нравственность сочиняется только для удобства эксплуатаціи ... Это азбучныя истины! ... Я не хочу знать о томъ, какъ ведетъ себя человѣкъ, какъ думаетъ о немъ общество ... Считаетъ ли его человѣкомъ нравственнымъ, добродѣтельнымъ или негодяемъ ... Для меня дорого и важно одно: какія идеи и убѣжденія раздѣляетъ этотъ человѣкъ ... Нашъ онъ или чужой, въ извѣстномъ смыслѣ? ... Скажу болѣе: всѣхъ людей нравственныхъ, такъ-называемыхъ, благонамѣренныхъ, мы, передовики, должны считать своими заклятыми врагами ... Да они таковы и есть! ... И если я встрѣчаю человѣка, отъ котораго отворачивается общество, это гнилое, растлѣнное общество, отворачивается какъ отъ негодяя, но если этотъ негодяй понимаетъ меня, сочувствуетъ моимъ идеямъ, готовъ энергически проводить ихъ въ жизнь, то я протягиваю

ему руку, называю его другомъ и товарищемъ ... И такой человѣкъ, я увѣрена, гораздо больше сдѣлаетъ, чѣмъ другой, самый нравственный, но нерѣшительный, черезъ-чуръ осторожный, старающійся идти такъ, чтобы никого не задѣть, никого не обидѣть, а главное, разумѣется, чтобы не повредить самому себѣ! ...

Ѳедѣ показалось, что Алена Николавна дѣлаетъ неблагопріятные намеки на него. Онъ вспыхнулъ, нахмурился, но по ствойствамъ своего характера не могъ ни оправдываться, ни возражать.

— А вы вполнѣ убѣдились, Алена Николавна, — спросилъ Проскуровъ, — что Кирилла раздѣляетъ наши убѣжденія, что на него вполнѣ можно положиться? ...

— О, безъ сомнѣнія! ... Уже самое его общественное положеніе,—этотъ гнетъ и ссора съ отцомъ, нелюбимая жена, отъ которой онъ бѣжалъ, это мнѣніе о немъ большинства, какъ о негодяѣ, его озлобленность, недовольство, говорятъ въ его пользу ... Наконецъ, неужели вы думаете, я не прозондировала предварительно всѣ его взгляды, убѣжденія и мнѣнія? ... Онъ очень подходящая намъ личность ... Конечно, онъ мало развить, чтобы быть непосредственнымъ дѣятелемъ, но онъ будетъ отличнымъ орудіемъ въ нашихъ рукахъ ...

— Я его не знаю, но, по разсказамъ Ѳедора, считалъ его самой ничтожной, безсодержательной личностью ...

— Напротивъ, онъ весьма неглупъ ... Но вѣдь, я и сказала, что онъ не вполнѣ развитъ и пока можетъ быть только орудіемъ ... Кстати, Александръ Кузьмичъ, онъ подалъ отличную мысль, чтобы сдѣлать его приказчикомъ ... Это было бы недурно,

если бы нашъ могъ имѣть вліяніе на рабочихъ подъ фирмой приказчика хозяйскаго ... Вы понимаете? ... Нельзя ли бы какъ это устроить? ... Или помѣстить бы его, по-крайней-мѣрѣ, въ контору писаремъ. Онъ пишетъ хорошо, по его словамъ ...

— Вы знаете вѣдь, мнѣ трудно ... меня не послушаютъ ... А вотъ, если бы онъ какъ-нибудь самъ ... Я, впрочемъ, подумаю, посмотрю ... Можетъ быть, и можно будетъ ...

— Онъ хитрый! ... Онъ притворился, обманулъ васъ! — вскричалъ Ѳедя, не выдержавшій болѣе. — Вы ошибаетесь! ... Ему рѣшительно все равно! ... Ему только бы въ приказчики попасть ... Онъ обманетъ, продастъ насъ всѣхъ! ... И если только вы примете его, господа, въ нашу компанію ... будете довѣрять ему ... въ такомъ случаѣ я ото-всего отказываюсь ... Не считайте меня больше за товарища! ... Я лучше всѣхъ васъ знаю, что это за человѣкъ ...

— Чернушкинъ! — строго замѣтила Алена Николавна, — во-первыхъ, повторяю вамъ, что вы судите о Кириллѣ въ силу вашихъ личныхъ съ нимъ отношеній, а это не можетъ служить критеріумомъ; во-вторыхъ, вы не имѣете права сами уходить отъ дѣла, которое вамъ довѣрили,—это возбуждаетъ подозрѣніе, это заставляетъ чортъ знаетъ что думать о васъ ...

— Думайте что хотите, считайте меня чѣмъ вамъ угодно, но я рѣшительно не вѣрю въ такое дѣло, въ которомъ, рядомъ со мной, можетъ участвовать Кирилла, и отказываюсь отъ него ... Я вамъ объявляю рѣшительно ... Да и вообще, Алена Николавна, такъ нельзя ... Я давно собирался сказать ...

Все, что мы ни дѣлаемъ, похоже — кабы на медвѣдя съ однимъ кулакоиъ идти ... Только людей смѣшить да свои бока даромъ подставлять! ... Что Промптовъ пишетъ, я тому не вѣрю. Бумага все терпитъ, а насъ всего только четверо ... Его приказовъ слушаться я не намѣренъ! ... Эхъ, да что говорить. Вы со мной не согласитесь, вы вонъ какъ обо мнѣ думаете ... Ну, и думайте! ... Я знаю себя, я васъ не выдамъ, никому слова не скажу, хоть пытай меня ... Но и оставаться вмѣстѣ съ Кириллой не хочу ... Пойдемъ домой, Параня ... Прощайте ...

Ѳедя хотѣлъ уйти, не подавши даже никому руки, и остановился въ ожиданіи только Парани, которая медленно собиралась, не понимая хорошенько, что произошло передъ нею, въ чемъ поссорились друзья.

— Ѳедя, погоди-жъ ты, — остановилъ его Проскуровъ, — развѣ такъ можно? ... Я тебя не узнаю ... Ты можешь высказывать свое мнѣніе, но такое бѣгство похоже, въ самомъ дѣлѣ, на измѣну ...

— Нѣтъ, Василій Якимычъ, вы меня знаете и не подумаете этого ... А что мнѣ дѣлать, если я вижу, что Алена Николавна меня подозрѣваетъ, а Кириллѣ вѣритъ? ... Если я убѣдился, что вся наша затѣя ни къ чему не поведетъ, что мы сами себя руками отдаемъ, припуская такихъ людей, какъ Кирилла! ...

— Что же, братъ, видно, по-твоему, къ старой теоріи воротиться хочешь: терпѣть надо? ... Грустно, братъ, мнѣ это! ... Не ожидалъ! ... Скоро ты струсилъ! ...

— И вы противъ меня? ... Ну, Василій Якимычъ, съ вами я послѣ поговорю, а теперь не могу ...

Не струсилъ я, вы увидите! ... А только такъ нельзя ... Прощайте ...

— Я этого ожидала, благонамѣренный ретроградъ! — сказала Алена Николавна вслѣдъ уходящему Ѳедѣ.

— А вы, дѣйствительно, Алена Николавна, сдѣлали, можетъ быть, большую ошибку, сразу довѣрившись Кириллѣ. Надо было предварительно хорошенько всмотрѣться и испытать его.

— Да вѣдь я ему ничего особеннаго не сказала ... Дала только книжекъ и велѣла потомъ побывать къ себѣ ... Вотъ посмотрю еще, потолкую съ нимъ ...

— И вообще намъ надо бы быть посторожнѣе, — робко замѣтилъ Александръ Кузьмичъ.

— Ну, господа, съ вашей осторожностью да вотъ съ такими дѣятелями, которые ретируются на первыхъ шагахъ, вы никогда ничего не сдѣлаете, — возразила Алена Николавна.

— Ѳедора я ворочу къ намъ, вы не безпокойтесь, надо только поговорить съ нимъ да сдѣлать ему уступку на-счетъ Кирилла, — замѣтилъ съ своей стороны Проскуровъ.

Но, тѣмъ не менѣе, восторженное состояніе союзниковъ значительно охладилось происшедшимъ эпизодомъ, и они разстались унылые и недовольные другъ другомъ.

Александръ Кузьмичъ, воротясь изъ школы домой, былъ пораженъ сообщеніемъ Дмитрія Тимоѳеича. Онъ получилъ отъ Кузьмы Иваныча письмо, въ которомъ, тотъ, между прочимъ, приказывалъ сыну немедленно пріѣхать въ Москву для представленія пріисканной ему невѣстѣ. Александръ зналъ нѣсколько эту будущую свою партію. Она была дочь

очень богатаго купца, годомъ старше его, некрасивая, сырая, бѣлобрысая дѣвица, за то съ милліоннымъ приданымъ. „Пускай Сашка чувствуетъ“,—значилось въ письмѣ Кузьмы Иваныча,—„сколь я старался для него по моимъ родительскимъ чувствамъ. Не по одному разу сходились съ подлецомъ, будущимъ сватушкой, толковать о приданомъ, три пота сошло съ меня, пока къ приданымъ деньгамъ домъ еще въ Москвѣ выморщилъ ... Московскіе мазурики, не какъ мы деревенскіе! ... Да Богъ помогъ! ... Высылай его тотчасъ, безотмѣнно, съ полученія сего письма“ ...

Въ глазахъ молодого человѣка зарябило, когда онъ прочиталъ эти строки. Въ его воображеніи, вмѣсто невѣсты, упорно вставалъ образъ Парани, въ головѣ мелькали мысли о школѣ, о гражданскомъ подвигѣ, о фиктивномъ бракѣ, о настойчивости, съ которой Ѳедя защищалъ противъ родительской власти свое право выбирать подругу жизни, объ обязанности, которую навязывала ему Алёна Николавна, пожертвовать собою для общей пользы ... и мысли эти кружились несвязной вереницей около миловиднаго личика Парани ... Вдругъ Александръ Кузьмичъ вспомнилъ, какъ скромный, молчаливый, тихій Ѳедя рѣшительно заявилъ свой протестъ давеча въ школѣ по поводу Кирилла, ушелъ самъ и увелъ съ собою Параню, на которую такъ ловко было смотрѣть изъ-за самовара ... И въ своей душѣ Александръ Кузьмичъ почувствовалъ энергію сопротивленія ... „Не поѣду!“ —рѣшилъ онъ мысленно ... „Не скажусь имъ, что велѣно ѣхать, а объявляюсь больнымъ и не поѣду ... А тамъ что будетъ!

— Что же, братецъ, когда думаете въ дорожку? — заискивающимъ голосомъ спрашивалъ Дмитрій Тимофеичъ.

— Не знаю еще ... Не сейчасъ же вѣдь въ самомъ дѣлѣ ... Надо собраться, уложиться ...

— Да само собой! ... Только что тятенька-то пишутъ, чтобы сейчасъ безотмѣнно? ... Я-было и лошадокъ велѣлъ приготовить? ...

— Нѣтъ, гдѣ же сегодня? ... Я не могу! ... Не успѣю собраться! ...

— Какъ вамъ угодно, братецъ, только бы не прогнѣвить тятеньку ...

— Нѣтъ, я не могу сегодня ... Не поѣду я сегодня ...

— Ну, завтра, такъ завтра ... И то въ самомъ дѣлѣ, не горитъ, успѣете ... Не на срокъ дѣло ...

Но на завтра Александръ Кузьмичъ сказался больнымъ, не выходилъ никуда изъ комнаты и не поѣхалъ. Что выйдетъ изъ этого, онъ самъ не зналъ и не хотѣлъ о томъ думать, онъ просто чувствовалъ потребность борьбы, сопротивленія чужой волѣ, хотя бы временно и пассивно. Какъ слабохарактерный человѣкъ, онъ былъ доволенъ собою уже и за то, что нашелъ въ себѣ силы хоть для такого тупого упорства. Его забавляло и тѣшило то, что зять и сестра, видимо не довѣрявшіе его болѣзни, безпрестанно приходили его провѣдывать и высказывали безпокойство о послѣдствіяхъ такого неповиновенія родительскому приказу. Когда на третій день по полученіи письма была послана Кузьмѣ Иванычу телеграмма, что сынъ не можетъ выѣхать по болѣзни, Александръ Кузьмичъ расхрабрился до того, что объявилъ сестрѣ о намѣреніи своемъ вовсе не слушаться отца и не жениться на выбранной имъ невѣстѣ. Испугъ сестры при этомъ сообщеніи доставилъ Александру Кузьмичу чувство полнаго самодовольства.

— А что же? Не захочу и не женюсь! ... —

пугалъ онъ сестру. — Меня никто не можетъ заставить жениться поневолѣ ... И отецъ! ... Что̀ онъ мнѣ сдѣлаетъ? ...

— Ай, Сашенька! — говорила съ ужасомъ Лизавета Кузьминишна. — Да развѣ ты не знаешь тятеньки, какъ ежели что не по немъ? ... Да Боже сохрани! ... Онъ, кажется, и ...

— Ничего онъ не можетъ сдѣлать со мной, — храбрился Александръ Кузьмичъ. — Нынче, вонъ, у крестьянъ, такъ и у тѣхъ нѣтъ этого деспотизма ... И тамъ сами себѣ выбираютъ невѣстъ, а не женятся на комъ родители приказываютъ ...

— Такъ то̀ мужики, Сашенька ... Что̀ мужикъ сдѣлаетъ? ... Развѣ побьетъ только сына или дочь ... А тятенька тебя капитала можетъ лишить ... и фабрики тебѣ этой тогда не видать. Не подпишетъ за тебя ни за что ...

— Ну, и пускай, я не очень льщусь на эти капиталы ... Развѣ честнымъ трудомъ они нажиты, а не обманомъ, не обидой?

— Ай, Сашенька, что ты за слова какія говоришь ... Даже слушать непріятно! ... И отъ кого ты этихъ словъ набрался вредныхъ? ... Богъ тебя знаетъ ... Ужъ не гувернанточкины ли это штуки, думаю я? ... Не она ли тебя подбиваетъ противъ тятеньки? ... Сашенька, да ужъ не думаешь ли ты на ней жениться? ... Не даромъ она, подлая, здѣсь, говорятъ, живетъ, на деревнѣ ... Не губи ты себя, Саша, что ты это! ... Ни кожи, ни рожи, ни ума, ни достатка, одинъ форсъ да разговоръ, ровно полоумная какая! ... Да тятенька узнаетъ, такъ, кажется, обоихъ васъ со свѣта сживетъ! ... Да и намъ такъ непріятно ... Ужъ какая это пара тебѣ! ...

— Слушай, Лиза, да вѣдь ты вышла же замужъ противъ тятенькиной воли ... Что онъ подѣлалъ? ... Ничего же ... Поругался, поругался, да и обошелся! ...

— Такъ то я ... дѣвка была, а не сынъ! ... Да и похвалю, что ли, я себя? Не похвалю, не думай!... То ли бы дѣло, кабы законнымъ порядкомъ ... Отъ недосмотра это все вышло, что досмотра за мной не было хорошаго, безъ маменьки ... Да и смѣнилъ ты! Дмитрій-то Тимофеечъ какой человѣкъ-то? ... Развѣ этакого ума? ... Вѣдь онъ вонъ какой, самаго ума большого! ... Только одинъ изъянъ въ немъ былъ, что небогатъ ... Какъ можно тебѣ это говорить!... И вздумалъ смѣнить. Моя судьба, али твоя? ... Хошь бы эта гувернанка?... Я хоть за бѣднаго, да по крайности за человѣка шла, и красавецъ былъ, а эта что? ... Ужъ не знаю, къ чему и приравнять-то ее ..

— Нѣтъ, Лиза, ты не думай, я на Аленѣ Николавнѣ не женюсь ... А еще вотъ что тебѣ скажу: она даже совѣтовала мнѣ жениться непремѣнно на богатой, которую отецъ выберетъ, да только я слушать-то ея не хочу ... Я хочу самъ себѣ выбрать, а не по чужому указу ...

— Ну, Саша, обдумайся, обдумайся, полно ... Не накликай даромъ бѣды на себя ... Все равно вѣдь ужъ тятенька повернетъ по-своему, заставитъ жениться на комъ захочетъ, только что одну муку да непріятность даромъ себѣ примешь ... Право, брось, собирайся-ка да поѣзжай! ...

Но Александръ Кузьмичъ еще упирался, и хотя онъ ощущалъ трепетъ при невольно приходящей мысли о встрѣчѣ и объясненіи съ отцомъ, но старался не останавливаться на этой мысли и отдѣ-

латься отъ нея. Въ то же время онъ чувствовалъ необходимость въ какой-нибудь поддержкѣ его энергіи.

„Аленѣ Николавнѣ не надо и говорить“,—думалъ онъ,—„она будетъ настаивать, чтобы я женился, ради общей пользы ... Хорошо, если бы Параня узнала, что мнѣ предстоитъ такая богатая партія и я не хочу жениться, не могу ... Если бы она догадалась, отчего? ... Да она догадается! ... Развѣ посовѣтоваться съ Ѳедоромъ? ... Онъ, конечно, приметъ мою сторону, онъ самъ въ такомъ же положеніи, тоже идетъ противъ отца ... Да, поговорить съ нимъ! ... Онъ докажетъ и Аленѣ Николавнѣ, что нельзя требовать отъ человѣка, чтобы тотъ приносилъ себя въ жертву ... Онъ вѣдь вотъ никого же ихъ не слушаетъ, а хочетъ непремѣнно жениться на Паранѣ ...

И Александръ Кузьмичъ, въ качествѣ скучающаго больного, рѣшился послать за Ѳедей, чтобы позвать его побесѣдовать.

IV.

Еще въ воскресенье, въ школѣ, и особенно возвращаясь изъ нея вмѣстѣ съ Параней, Ѳедя замѣтилъ въ своей невѣстѣ что-то особенное, небывалое. Она была задумчива, уныла, молчалива и разсѣянна. Въ школѣ онъ зорко слѣдилъ за ея отношеніями къ Александру Кузьмичу и къ удовольствію своему замѣтилъ, что Параня почти не обращаетъ на него никакого вниманія, хотя Кошатниковъ и кидалъ на нее втихомолку страстные взгляды; но, повидимому, Параня была столько же равнодушна и невнимательна и къ самому Ѳедѣ.

„Неужто же это оттого, что Кирюшку увидѣла?“ — думалъ онъ.

Дорогою изъ школы, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, на которые Параня отвѣчала холодно и односложно, Ѳедя спросилъ ее:

— Что ты сегодня какая, Параня?

— Какая еще? ...

— Да точно горе али забота большая у тебя? ...

— Не съ чего, кажись, и веселиться-то ... Радости-то никакой особливой не вижу ...

— Развѣ что Кирюшка-то пришелъ ... Не молвилъ ли чего? ... Можетъ, сказать не хочешь? — осторожно спросилъ Ѳедя, заглядывая въ лицо Паранѣ.

— Отстань ты мнѣ съ твоимъ Кирюшкой! ... Очень онъ мнѣ нуженъ! ... Плевать я на него хотѣла ... Вотъ! ... Кирюшка! ... Стану я слова его слушать да думать о немъ! ...

— Такъ что же такое, Параня ... солнышко? ... Ужъ вижу, сердце мнѣ сказываетъ, есть ничто у тебя на душѣ ... Не таись! ... Скажи лучше! ...

— Надокучили вы мнѣ всѣ ... Глаза бы мои на всѣхъ на васъ не смотрѣли ... Вотъ что! ...

— И я, Параня? ...

Въ голосѣ Ѳеди слышалось оскорбленное чувство.

— Такъ что, и ты развѣ лучше людей? ... Всѣ вы ровно какіе полоумные! ... Говорите невѣдомо что. И не разберешь васъ! ... Сойдетесь, послушать васъ, ровно глумные! ... Почнете купцовъ, богатыхъ, да господъ ругать, что народъ будто обижаютъ ... Бѣдныхъ бы всѣхъ вамъ одѣть, накормить да богатыми сдѣлать, а тѣхъ всѣхъ разорить ... Вздумали грамотѣ всѣхъ обучить ... книжки раздаете читать ... ровно съ грамоты да съ книжекъ сытъ из-

родъ будетъ?! ... Ну, правда, что шапки да сапоги коимъ дѣтямъ дали. Такъ Александру Кузьмичу почему не прокуратить такъ, не баловаться! ... Онъ богатъ! А вы-то съ чего тутъ?... Вонъ Алена Николавна, смѣхъ сказать, въ одномъ платьишкѣ осталась, рубахъ нѣтъ, мои въ смѣну надѣваетъ, а свои всѣ разотдала ... Намедни прослышала, дѣвка ребенка принесла, голый лежитъ, такъ схватила остатки, что своего бѣлья было, все перервала на пеленки да бѣжитъ къ ней, а завернули ребенка-то, перевязать нечѣмъ, такъ, не долго думавши, хвать, кромку отъ подола у платья своего отполоснула ... Такъ и испортила одежу-то, безъ подшивки подолъ-то у платья остался, надѣть нельзя ... Да и то сказать, она надѣнетъ! ...

Параня засмѣялась.

— Что же, Параня, развѣ это нехорошо, развѣ это не отъ доброй души? ...

— Знамо, отъ доброй души, да что пути-то изъ того? ... Самой надѣть нечего, а людей одѣваетъ! ... Всѣхъ не одѣнетъ, голи-то много! ... — А ты лучше, что ли, людей-то? ... Такой же ... Тоже о чужой нуждѣ хлопочешь да заботишься, а о своей и не подумаешь! ... Обѣщалъ богатымъ сдѣлаться, деньги наживать, а я прибавки что-то не вижу! ... Съ этакимъ купцомъ богатѣйшимъ водишься, что не знаетъ куда деньги дѣвать, а ничего для себя не умѣешь отъ него попользоваться! ... Въ приказчики идти не хочешь. Низко, видите, ему, неблагородно ...

— Параня, — перебилъ ее Ѳедя съ упрекомъ въ голосѣ,—да вѣдь развѣ я тебѣ не толковалъ, не разсказывалъ про все? ... Развѣ ты не знаешь, съ чего я въ приказчики идти не хочу, съ чего денегъ купеческихъ даромъ брать не желаю ... отчего за

своего брата, бѣднаго рабочаго человѣка, стою! ... Вѣдь не мало и я, и Алена Николавна толковали тебѣ про это ...

— Слышала я, слышала всѣ эти сказки-то ваши ... Всѣхъ бѣдныхъ богатыми хотите сдѣлать, да чтобы никто никого не обижалъ, не прижималъ ... Ну, пускай, это хорошо! ... Да гдѣ вамъ-то сдѣлать, коли вы сами про себя промыслить не умѣете? ... Вотъ вѣдь ужъ говоришь, что жалѣешь, любишь меня, всѣ уши прожужжалъ про то ... Ждать просилъ, пока побогатѣешь ... Вотъ жду ... А гдѣ твоя забота о томъ, чтобы какъ поскорѣе справиться? ... Ужъ почалъ другое говорить: поди за тебя теперь, за бѣднаго, нужды отвѣдай да опять жди ... Нужду-то ужъ я знаю довольно, а ждать-то отъ тебя путнаго, видно, нечего. Не то у тебя въ головѣ! ... Не то нажить, а скорѣй того: съ фабрики тебя прогонятъ ... И вотъ тебѣ сказываю, Ѳедоръ Герасимычъ, хоть и жалко мнѣ тебя будетъ, ровно какъ привыкла я къ тебѣ, — и парень ты хорошій, добрый! ... А коли такъ все будетъ ... я ждать больше не стану! ...

— Что же ты сдѣлаешь ... Параня? — съ испугомъ, съ болью вскрикнулъ Ѳедя.

— Да что сдѣлать? ... Богъ съ тобой! ... Ищи коли про себя кто умнѣе да лучше, а я въ бѣдность не пойду ... Опостылѣла она мнѣ, эта бѣдность самая, низкость эта наша подлая, — что послѣдніе мы люди на свѣтѣ!... Кричатъ люди въ голосъ, кричишь и ты: красавица, да писаная!... А я стану сама, по доброй волѣ, красоту да молодость свою заѣдать, стоя у стана по цѣлому дню ... ночи не досыпать, спину надсажать, ноги отстаивать? ... Нѣту, спасибо! ... Вотъ и то ужъ у меня спина-то

ныть начала, ноги, руки, съ фабрики-то приду, млѣютъ ... А мамонька говоритъ, да и сама вижу, и съ лица я тускнуть стала ...

— Параня! — вскричалъ Ѳедя съ отчаяніемъ, чуть не со слезами, — да ты не любишь меня совсѣмъ? ... Я думалъ, хоть немножко жалѣешь, а ты не любишь, не любишь вовсе! ... И жалости въ тебѣ нѣтъ ко мнѣ никакой! ...

— Какъ хошь, думай ... А всякъ самъ себѣ дороже ... Я молода. Мнѣ пожить, повеселиться хочется, порядиться, побарствовать ... А ты меня въ работу, ровно въ хомутъ, затянулъ да такъ навѣкъ и оставить хочешь ... Не желаю я экой жизни, не желаю! ... Либо дѣлайся богатымъ скорѣй ... ну, и женись на мнѣ, коли любишь. Небось, вѣрная жена буду, на сторонѣ гулять не стану!... А въ бѣдность опять не пойду, не пойду! ... И ждать не хочу, надоѣло мнѣ ждать! ... Конца нѣту жданью-то этому! ...

— Параня! ... Да что же это? ... Кто тебя смутилъ? Кто тебя сбилъ? ... Неужто это ... неужто ты и вправду на Александра Кузьмича надѣешься? ... Мать твоя, что ли, это тебя подбиваетъ? ...

— Никто меня не подбиваетъ ... И про Александра Кузьмича ты не думай. Трехъ словъ я съ нимъ не сказала ... Нечего мнѣ на него надѣяться! ... А что сама я тебѣ говорю, подойдетъ линія хорошая, уйду я отъ тебя вовсе! ... Не вини тогда меня, а себя вини. Я ждала тебя, слушалась, сколь силъ моихъ хватало, а больше ждать не хочу ... Не умѣешь ты промыслить про меня, приходится, видно, самой про себя промышлять! ... Вотъ и весь сказъ тебѣ! ...

— Да ты не на такой ли же промыселъ-то хочешь идти, что и мать твоя? — проговорилъ Ѳедя глухимъ, сдавленнымъ голосомъ. Его душило горе и обида, онъ чувствовалъ страшную злобу противъ Парани, хотя не переставалъ любить ее.

— Ну, а коли ты меня такой почитаешь, такъ чего лучше! И жениться тебѣ на такой непригоже, и жалѣть тебѣ меня нечего ... Пускай такой и буду! ...

Ѳедя спохватился.

— Нѣтъ, нѣтъ, Параня, съ горя я это молвилъ, со зла! ... Не такая ты, я знаю ... А что же мнѣ дѣлать? ... Радъ бы я не то, что ... озолотить бы тебя радъ былъ ... Да гдѣ же мнѣ вдругъ взять? ... Не разбоемъ же идти, не ограбить же кого? ... Погоди же хоть немножко. Вотъ самъ хозяинъ пріѣдетъ, я ему скажу, что придумалъ насчетъ машинъ ... Долженъ онъ мнѣ заплатить за это ... Вотъ и деньги будутъ ... Параня, не сердись на меня ... что я сказалъ! ... Горьки мнѣ твои слова стали, несносны! ...

Но что ни говорилъ Ѳедя, Параня не отвѣчала уже ни слова, и, придя домой, почти не смотрѣла на него, едва отвѣчала на его вопросы. Бѣдный Ѳедоръ терзался, не спалъ всю ночь и на другой день едва въ силахъ былъ работать. Во время обѣда они обыкновенно сходились съ Параней, такъ какъ первая ея смѣна на фабрикѣ оканчивалась въ полдень. Ѳедя обыкновенно поджидалъ ее у фабричныхъ воротъ и провожалъ до дому. Такъ было и въ этотъ разъ; но они шли рядомъ молча, почти не смотря другъ на друга,—Ѳедя печальный, убитый, съ опущенной головой, — Параня сосредоточенная, серьезная, холодная. Изрѣдка, вскользь и незамѣтно,

она взглядывала на Ѳедора, и въ глазахъ ея мелькала какъ будто жалость и состраданіе, но лицо оставалось такъ же непривѣтливо и холодно. Это выраженіе Паранина лица оскорбляло Ѳедю, сковывало ему языкъ, пугало его, какъ угроза, что если онъ заговоритъ, то услышитъ слова окончательнаго разрыва; онъ страдалъ невыносимо. Въ то же время, искренно любящій, онъ готовъ былъ во всемъ оправдать Параню, все ей простить, обвинить себя одного.

„И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не обѣщалъ ей, что разбогатѣю?“—думалъ онъ. — „Не просилъ подождать? ... А что сдѣлалъ для нея, какую ей жизнь устроилъ? ... Да еще я же и обидѣлъ ее вчера ... Она устала ждать, надоѣла ей фабричная работа ... А я-то, я-то что сказалъ ей! ... Скажи ей это кто другой, что бы я сдѣлалъ? ... А самъ говорю ...“

Уже подходя почти къ самому дому, Ѳедя собрался съ духомъ и проговорилъ вслухъ:

— Параня, прости ты меня, не сердись, что я тебѣ молвилъ вчера ... Право, я съ горя, съ тоски это сказалъ, не думалъ я того ... Не сердись, Паранюшка! ...

— Что мнѣ сердиться ... Я не сержусь. Мнѣ все одно! — холодно отвѣчала Параня. — Коли таковская я, такъ и жалѣть тебѣ меня нечего. Тебѣ же легче будетъ ... Найдешь про себя невѣсту стоющую, честную, не этакую!

— Параня ... да не надо мнѣ никого, кромѣ тебя ... Неужто же ... неужто и вправду? ... Ой, Параня, смерть моя ... Тошно мнѣ! ... Нѣту, нѣтъ, не говори этого ... Богомъ тебя прошу! ...

У Ѳеди оборвался голосъ. Онъ не могъ говорить, у него сдавило горло отъ задушенныхъ рыданій.

Параня пристально посмотрѣла на Ѳедю, и въ душѣ ея какъ будто пробудилось вдругъ нѣжное, доброе чувство.

— Эхъ, Ѳедя, Ѳедя! — промолвила она точно невольно, — душевный ты, хорошій! ... Жалко и мнѣ тебя! ... Хоть бы хоть что-нибудь ... хоть бы мало-мало какой прибытокъ у тебя былъ, а то и нѣтъ ничего, да и ждать-то нечего ... Горькій ты, горькій! ... Ужъ не знаю, какъ, что и дѣлать ...

— Параня ... подожди, подожди, родная! ... Справлюсь я! ... Не думай! ... Не будешь въ нуждѣ жить за мной ... Ждала, подожди еще ...

— Да, все жди да жди! ... Да дождешься, пожалуй, что и того хуже будетъ ... Нѣтъ, видно, Ѳедя, не я — твоя судьба ... И родня вся твоя противъ меня, и отецъ твой благословенья не даетъ, и моя мамонька не желаетъ тебя, что бѣденъ ... да и тебѣ не такую нужно! ... Откажишь ты лучше самъ отъ меня. И мнѣ бы легче было, не думалось бы ...

— Нѣту, Параня, нѣту! ... Не быть этому, чтобы не была ты моя ... Никому не уступлю тебя, а не то, что отказаться по доброй волѣ ... До бѣды дойдетъ ... коли кто только задумаетъ отнять тебя ... Я вижу, что мать тебя противъ меня подбиваетъ ... Не слушай ее, ты не такая! ... Вижу я теперь, все понимаю. Это ты не по себѣ говоришь, не отъ своего сердца слова, а тебя мать подбиваетъ, ея наущенье! ... Она тебя на что-нибудь недоброе наущаетъ, черезъ тебя хочетъ богатой сдѣлаться ... Не поддавайся, Параня, не слушай ее! ... Безъ нея ты и нужды бы не побоялася ... и словъ бы этихъ не говорила ... Нехорошая она! ...

— Не замай ты матушку ... Я твоей родни не

трогаю! — раздражительно остановила его Параня. — Ни къ чему меня мамонька не нудитъ, ничему нехорошему не учитъ, во всемъ моя воля, что захочу сама, то и сдѣлаю! ... Сама я бѣдности не хочу, сама подъ неволю даромъ не пойду! ... Не звать бы тебѣ меня на фабрику, не дразнить какъ богатые живутъ, не показывать ... Въ деревнѣ бы я, можетъ, скорѣе и за тебя, каковъ ты есть, пошла ... Вотъ что! ...

Минутный проблескъ сочувствія снова исчезъ и на лицѣ, и въ глазахъ, и въ голосѣ Парани. Она опять сдѣлалась серьезна и холодна, а въ душѣ Ѳеди опять поднялась прежняя буря сомнѣній, тоски, горя и какой-то злобы.

Въ такомъ настроеніи онъ отобѣдалъ или, лучше сказать, просидѣлъ обѣдъ, потому-что кусокъ ему не шелъ въ горло; въ такомъ возвращался, задумчивый и мрачный, послѣ обѣда, на фабрику, какъ вдругъ встрѣтилъ на половинѣ дороги Кирилла. Ѳедя отвернулся и хотѣлъ пройти мимо, какъ будто не видалъ, но Кирилла остановилъ его.

— Здорово живешь, Ѳедоръ Герасимычъ, — сказалъ онъ дружескимъ тономъ. — Чтой-то больно невеселъ? ... Да ты не отворачивайся, не сердись на меня ... Ну, что старое поминать! ... Намъ теперь съ тобой ссориться не изъ-за-чего, обоихъ насъ съ тобой одна змѣя ехидная ужалила, давай лучше вмѣстѣ и горе загуливать ... Ты подъ меня подкапывался. Думалъ, увезешь отъ меня, такъ и твоя будетъ ... Да нѣтъ, братъ, самъ теперь видишь, — не такая она, не по нашему рылу это кушанье, выходитъ! ... Я ужъ наплевалъ на нее и рукой махнулъ! ... А ты неужто и послѣ этого еще не одумался, все еще, не взирая на то, жениться хочешь? ...

Полно на срамъ-то идти! ... Наплюй и ты лучше. Вѣдь всѣ знаютъ ... Только на смѣхъ себя пустишь! ... Я, вотъ, давно ли здѣсь, — всего третій день, а ужъ и то всѣ уши прожужжали ...

— Про что ты говоришь? — спросилъ Ѳедя, задыхаясь и едва шевеля засохшими губами. Онъ смотрѣлъ на Кириллу помутившимися глазами и видѣлъ его какъ черезъ туманъ. Въ головѣ и въ ушахъ у него стоялъ страшный шумъ и звонъ.

— Ну, вотъ, что тутъ притворяться! ... Точно не знаешь? ...—говорилъ Кирилла, нахально ухмыляясь. — Вся фабрика въ одинъ голосъ говоритъ, что хозяйскій сынъ купилъ Параньку у матки и живетъ съ ней. У старшаго приказчика и видаются ... Видѣли, какъ матка и торговаться-то съ нимъ приходила ... Знаютъ, сколь и взяла-то! ...

Ѳедя остановился. Онъ едва стоялъ на ногахъ, голова у него кружилась, кровь точно застыла въ жилахъ, въ глазахъ потемнѣло. Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ неподвижно, смотря въ упоръ на Кириллу, точно силился разсмотрѣть и узнать незнакомаго человѣка ...

— Что, братъ? ... А ты думалъ, не знаютъ, что ли? ... Все знаютъ! ... Видно, шила въ мѣшкѣ не утаишь! ... По матушкѣ, знать, пошла, а ты полагалъ, — честная она, безгрѣшная душа? ... Эхъ, простота! ...

Кирилла хохоталъ. Этотъ наглый смѣхъ точно разбудилъ Ѳедю, словно кто ножомъ пырнулъ его въ самое сердце такъ больно, невыносимо больно ...

— Подлецъ! — вдругъ вскричалъ онъ и неожиданнымъ страшнымъ ударомъ кулака окровавилъ Кирилла и сшибъ его съ ногъ.

Валяясь въ снѣгу, Кирилла кричалъ: караулъ! а

Ѳедя, даже не оглянувшись на него, медленно, пошатываясь, почти не сознавая, что онъ сдѣлалъ, пошелъ безъ мысли впередъ, по привычной дорогѣ, въ мастерскую. Здѣсь онъ опустился на скамью около своего верстака и, навалившись на него спиною, сидѣлъ нѣкоторое время безъ всякаго дѣла, опустя руки, съ неподвижнымъ взглядомъ; онъ ничего не думалъ, а только какъ будто прислушивался къ невыразимо-болѣзненному чувству, которое сжимало его сердце. Затѣмъ онъ совсѣмъ машинально принялся за свою обычную работу; физическій трудъ мало-по-малу возвратилъ его къ сознанію.

„Что дѣлать?“ ...—думалъ онъ.—„Допытаться у нея? ... Нѣтъ, идти къ Александру Кузьмичу, спросить его прямо, правда ли? ... Запрется, — узнаю по глазамъ! ... А если правда? ... Если правда?“ ...

Ѳедя вздрагивалъ и безъ надобности, съ озлобленіемъ начиналъ рубить топоромъ совершенно обдѣланную, выструганную, пригнанную въ дѣло штуку. Вдругъ явился за нимъ посланный отъ Александра Кузьмича. Ѳедя торопливо, какъ былъ съ топоромъ въ рукѣ, безъ кафтана и шапки, пошелъ-было вслѣдъ за посланнымъ; но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, опомнился, бросилъ топоръ и одѣлся.

— Ѳедоръ, что съ тобой? ... На тебѣ лица нѣтъ ... Здоровъ ли ты? — спросилъ Александръ Кузьмичъ, взглянувши на вошедшаго Ѳедю.

— Ничего ... Здоровъ ... — отвѣчалъ тотъ.

— Да что же ты какой? ... Вѣрно, нездоровъ? ... Садись, пожалуйста.

Ѳедя молча сѣлъ.

— Я за тобой послалъ, чтобы посовѣтоваться ... сказать тебѣ новость, — продолжалъ Александръ

Кузьмичъ, удивленно смотря на Ѳедю. — Да ты скажи мнѣ сначала, не случилось ли чего-нибудь? ...

— Вамъ лучше знать! ... Вы мнѣ скажите, — отвѣчалъ Ѳедя, впиваясь глазами въ Кошатникова.

— Я, братъ, ничего не знаю. Третій день изъ дома не выхожу! ... Ты меня пугаешь. Растолкуй, пожалуйста! ...

— Скажите мнѣ всю правду, — заговорилъ Ѳедя, поднимаясь со стула и подходя вплоть къ самому Кошатникову, — всю правду скажите! ... Я по глазамъ узнаю! ... Купили вы Параню у матери себѣ въ любовницы? ...

— Что ты ... Господь съ тобой! ... Ты съ ума сошелъ, Чернушкинъ! — отвѣчалъ Кошатниковъ съ испугомъ, невольно отодвигаясь отъ него.

— Всѣ говорятъ ... вся фабрика! ... Скажите мнѣ правду ... Ради Господа, скажите! — умолялъ Ѳедя, наступая на Александра Кузьмича. — Я ничего вамъ не сдѣлаю ... ничего ... Только скажите ...

— Да ты смотри же на меня ... Это неправда! ... Богомъ тебѣ божусь, неправда! ... Да развѣ я такой? ... Развѣ бы я могъ? ... Что ты? ... Какъ тебѣ не стыдно, Чернушкинъ, что за подлости ты обо мнѣ думаешь! ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не думаю! — вскричалъ Ѳедя, вдругъ оживая. — Нѣтъ, слава Богу, нѣтъ! ... Вижу, вздоръ, сплетня! ... Простите вы меня, Александръ Кузьмичъ. О, разбойникъ этакой, подлецъ! Онъ нарочно это выдумалъ! ...

— Да кто, кто это тебѣ сказалъ?

— Кирюшка ... А отчего же, отчего же онато мнѣ все это говорила? — думалъ вслухъ Ѳедя, снова поддаваясь подозрѣніямъ.

— Александръ Кузьмичъ, вы ее ничѣмъ не сманивали, не подговаривали, ни ее, ни мать? ... Я видалъ, вы смотрѣли на нее, а въ умѣ у васъ не было, чтобы сманить ее отъ меня, али виду вы какого-нибудь не давали ли, чтобы въ любовницы ее взять, богатой сдѣлать? ...

— Да нѣтъ же, я тебѣ говорю, нѣтъ. Ни съ матерью, ни съ ней, ни съ кѣмъ слова не говаривалъ ни о чемъ такомъ ... Да брось ты это ... Какъ тебѣ, я говорю, не стыдно думать-то обо мнѣ такъ? ...

— Ну, такъ это сама мать надумала. Вотъ оттого, что видѣла, вы засматривались на нее, вотъ и придумала ... Отъ нея станется! ...

— Я было позвалъ тебя о своемъ дѣлѣ потолковать, да, вижу, теперь ты ничего не поймешь, ни о чемъ говорить не можешь ...

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ничего, отлегло! ... Я могу все понять ... Говорите ...

— Видишь что. Отецъ прислалъ письмо, нашелъ мнѣ невѣсту, велитъ пріѣзжать въ Москву, а я не хочу жениться по принужденью — и не слушаюсь, не ѣду ... Мнѣ обидно! ... Я не пѣшка, я человѣкъ, мной нельзя такъ распоряжаться! ... Я тогда женюсь, когда самъ захочу, полюблю, или выберу невѣсту самъ ... а не по приказу! ... Алена Николавна говоритъ, что я долженъ жениться на нелюбимой, но богатой, для нашего дѣла, для общей пользы ... Но вѣдь этого нельзя требовать ... Ты какъ думаешь? ... Что я буду за человѣкъ, если мной будутъ помыкать? ... Вѣдь это подлость! ... Ты какъ думаешь? ... Ты самъ вѣдь не слушаешь отца, а женишься противъ его воли ... Алена Николавна про тебя, наоборотъ, говоритъ, что ты бы

не долженъ жениться, что тебѣ это будетъ мѣшать ... А ты вѣдь никого не послушаешься ... и для дѣла не откажешься отъ Парани? ... Вѣдь нѣтъ? ... Ты мнѣ скажи, ты какъ думаешь, какъ я долженъ поступить? ... Слушаться мнѣ отца и Алены Николавны или нѣтъ? ...

— Да вы изъ-за чего не хотите жениться? ... Вы не изъ-за того, что поневолѣ! ... Вы полюбили кого-нибудь ... Вы Параню полюбили! ... Изъ-за нея вы жениться не хотите! ...

Чувство ревности и безпокойства опять охватило Ѳедю, тѣмъ болѣе, что Александръ Кузьмичъ при послѣднихъ словахъ его вспыхнулъ, видимо смутился, и хотя отвѣчалъ отрицательно, но какими-то несвязными, ничего не значащими фразами.

— Не отдамъ я ее вамъ, Александръ Кузьмичъ, не отдамъ! Не любить вамъ ея, какъ я люблю ... Это одно баловство въ васъ! ... Позавистовали только на мое счастье! ... Бросьте вы это, Александръ Кузьмичъ, бросьте! ... Выкиньте ее изъ головы ... Не уступлю я ее никому! ... Бѣды надѣлаю! ... То говорилъ, хоть бы поневолѣ женилъ меня отецъ да фабрику и капиталъ поскорѣе въ руки отдалъ, показалъ бы я тогда, какъ народъ люблю, какъ бѣдныхъ жалѣю, всѣхъ бы кругомъ себя счастливыми сдѣлалъ ... ничего мнѣ самому не надо ... не хочу владѣть этакими деньгами! ... А теперь что? ... Приглянулась чужая невѣста, такъ и всѣ свои обѣщанія позабылъ. Вѣдь не женитесь, такъ отецъ остатки скрутитъ васъ по рукамъ, по ногамъ, послѣднихъ денегъ лишитъ .. А какъ же школато, какъ же все дѣло-то наше? ... Или на все наплевать? Пускай все пропадаетъ? ... Зачѣмъ ужъ притворяться, Александръ Кузьмичъ? ... Дѣлай на-

чистоту и дѣвчонку деньгами сманивай, поторгуй у матери. За хорошія деньги она продастъ! ... И женись на купчихѣ богатой, и фабрику получи, а отъ меня да и отъ всѣхъ насъ долго ли отдѣлаться. Дохни только, — сейчасъ уберемся ... Но только помни, Александръ Кузьмичъ, женись — не женись, а Параню живой я тебѣ не уступлю ... Побереги и свою голову! ...

Ѳедя, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ отъ Кошатникова, оставивъ его въ совершенномъ смущеніи. Нѣкоторыя слова Ѳеди казались ему голосомъ его собственной совѣсти, другія преувеличеннымъ упрекомъ, незаслуженнымъ оскорбленіемъ. Онъ и стыдился, и негодовалъ, негодовалъ на самого себя за свою безхарактерность и слабость и на своихъ друзей,—за то, что они хотѣли его эксплуатировать, видѣли въ немъ только орудіе, а не самостоятельную, дѣятельную личность. Въ немъ пробудилась гордость, чувство собственнаго достоинства.

„Я же вамъ всѣмъ докажу, что я не подлецъ и не тряпка какая-нибудь!“ — мысленно ободрялъ онъ самъ себя.—„Я не позволю собой распоряжаться всѣмъ и каждому ... Пускай мнѣ Параня нравилась, но я не изъ-за нея только не хотѣлъ жениться поневолѣ, по приказу ... а потому, что это — подлость, униженіе! ... И я не женюсь, не послушаю ни отца, ни васъ! ... А чтобы обезпечить школу ... и Промптову обѣщалъ денегъ ... вотъ что сдѣлаю: завтра же скажу, что выздоровѣлъ, что хочу ѣхать, потребую отъ Дмитрія Тимофеича тысячи двѣ денегъ, будто на дорогу, на платье, на всякіе жениховы расходы ... Ради этого онъ не откажетъ ... подумаетъ, что и отецъ не будетъ бранить ... Получу деньги, отдамъ ихъ Аленѣ Николавнѣ, а самъ не

поѣду ... И пускай тамъ будетъ, что будетъ! ... По крайней мѣрѣ, всѣ увидятъ, что я не подлецъ ... а хочу быть только самостоятельнымъ и такимъ же дѣятелемъ, какъ они! ... А Ѳедоръ опомнится, увидитъ, что я неспособенъ на такія подлости, какъ онъ говоритъ! ... Онъ раскается въ своихъ словахъ и самъ придетъ прощенія у меня просить!“ ...

На этихъ мысляхъ Александръ Кузьмичъ успокоился, ободрился и на слѣдующій день объявилъ себя выздоравливающимъ и готовымъ ѣхать въ Москву. Дмитрій Тимофеичъ, какъ онъ и ожидалъ, безпрекословно выдалъ ему двѣ тысячи рублей ... И онъ, и Лизавета Кузьминишна, боявшіеся, что тятенька объяснитъ непослушаніе Александра ихъ интригой и подговоромъ, чтобы, дескать, не выпускать изъ рукъ фабрики, были очень довольны перемѣной намѣреній братца и всячески старались угодить ему, торопя въ то же время сборами въ дорогу ... Но, къ ужасу ихъ, Александръ Кузьмичъ, получивши деньги, сталъ откладывать свой отъѣздъ день за день, вновь ссылаясь на нездоровье.

V.

Кузьма Иванычъ, разсерженный телеграммою зятя, что „братецъ Александра, захворавши, тотчасъ не выѣзжаетъ“, былъ вслѣдъ затѣмъ совсѣмъ уже и удивленъ, и до-нельзя взбѣшенъ слѣдующимъ письмомъ отъ Петра Архипыча, которое пришло дня черезъ три послѣ телеграммы.

„Милостивому моему великому, благодѣтель мой и покровителю, Кузьмѣ Ивановичу.

Отъ преданнаго раба вашего и слуги Петра Архипова.

Объ нашихъ дѣлахъ не знаю какъ и осмѣлиться

доложить вашему степенству, чтобы недостаточно обезпокоить вашу милость, а только что оченно нехорошо и мнѣ не по мысли, а утаить тѣхъ обстоятельствовъ, по обязанности моей, вашей чести несогласенъ. Пущай же пострадаю, а долженъ доказать по всей справедливости. Первое, что насчетъ Александра Кузьмича здоровья, — сумнительно мнѣ, чтобы точно были нездоровы, а такъ полагаю, что нежелательно имъ теперича, по ихнымъ молодымъ дѣламъ занятіямъ, въ законный бракъ вступить, ужъ не знаю доподлинно, по губернанкѣ, ли по старой, которая бывшая Алена Николавна, а теперь въ удаленіи отъ дома на деревнѣ живетъ, либо по этой самой Паранькѣ. Слѣжу всячески и не думно мнѣ это покамъ время, а только что совокуплены оныя вмѣстѣ, губернанка съ Паранькой, въ одномъ дому, и мною было говорено достаточно и матери, и Паранькѣ насчетъ всякаго воздержанія отъ Александра Кузьмича; и женихъ этотъ Ѳедька тутъ, завсегда при нихъ, и ваше намѣреніе, говорилъ, осчастливить ихъ, и въ томъ надѣюсь, только матка — баба лукавая и жадная, до васъ оставила, переговорить желаетъ. А второе ихъ занятіе, — училище завели для празднаго народа, сманиваютъ ребятишекъ и даже рабочихъ въ большомъ секретѣ, но я проникъ, и къ чему это, и съ чего взялось, все обстоятельно дознаюсь, а только что есть, и учитель заведенъ, и тамъ съ этой губернанкой свиданіе имѣютъ, и Параньку водили, а Ѳедька при томъ тоже былъ въ учителяхъ. Но окромя того, что оный Ѳедька при томъ былъ, и дѣло всенародное, насчетъ Параньки съ Александромъ Кузьмичемъ не полагаю, а больше того думаю, что все это съ запотрою той губернанки заведено. И ходитъ она теперь, и ведетъ себя

въ мужицкомъ родѣ, даже въ полушубкѣ, — видно изо всего, что до самаго разврата дошла, что непремѣнно нужно Александра Кузьмича, по невинности и добродѣтели ихной, отъ всѣхъ этихъ предметовъ развратныхъ освободить и сочетать законнымъ бракомъ для общаго благополучія, чтобы, чего Боже сохрани, эта мерзавка, губернанка, даже до вѣнца съ собой не довела, потому ей, голой, въ этакое высокое родство вступить лестно."

Прочитавши это письмо, Кузьма Иванычъ, какъ грозная буря, поднялся, свился и полетѣлъ въ Старое Село. Онъ явился туда совершенно неожиданно, упалъ, какъ снѣгъ на голову. Уже одно его появленіе произвело общую панику въ семьѣ. Встревожился Дмитрій Тимофеичъ, перетрусилась Лизавета Кузьминишна, упалъ духомъ, въ ожиданіи развязки, и Александръ Кузьмичъ. Страхъ былъ тѣмъ болѣе великъ, что, пріѣхавши, Кузьма Иванычъ прошелъ прямо въ свои комнаты, не хотѣлъ видѣть никого изъ родной семьи, а велѣлъ позвать къ себѣ Петра Архипыча и заперся съ нимъ.

— Вотъ, братецъ, надѣлали бѣды. Это онъ изъза васъ гнѣвается! — упрекалъ Дмитрій Тимофеичъ Александра Кузьмича.

— И что теперь съ тобой будетъ, Саша? — вторила мужу Лизавета Кузьминишна. — Изъ-за тебя теперь и намъ всѣмъ бѣда будетъ ...

— Ничего не будетъ! ... Я одинъ отвѣчу! — храбрился Александръ Кузьмичъ, блѣднѣя.

Пріѣхалъ Кузьма Иванычъ передъ вечеромъ, и вся семья, собравшись въ чайной, ожидала, когда кончится аудіенція Петра Архипыча, и не рѣшалась даже приступать къ чаю, не зная, угодно ли будетъ самому выдти, или потребуетъ чаю къ себѣ. Лизавета Кузь-

минишна, вся красная и потная, сидѣла въ тревогѣ передъ кипящимъ самоваромъ, потихоньку переставляя чашки съ одного мѣста на другое. Дмитрій Тимофеичъ, опустивъ на бокъ голову, тихими шагами расхаживалъ по чайной, отъ времени до времени покачивая головой и дотрогиваясь руками до висковъ, точно вспоминая старое, давно-минувшее время, въ которое эти виски отвѣчали за него. Александръ Кузьмичъ сидѣлъ неподвижно, развалясь на стулѣ, вытянувши ноги, и нервно барабанилъ пальцами по столу; онъ старался казаться спокойнымъ, но лицо его было блѣдно и обличало душевную тревогу.

Вдругъ пришли сказать Дмитрію Тимофеичу, что пріѣхалъ становой и настойчиво требуетъ, чтобы доложили о немъ немедленно и самому Кузьмѣ Иванычу. Дмитрій Тимофеичъ побѣжалъ къ нему. Такое смѣлое и настойчивое требованіе со стороны станового о свиданіи съ самимъ не могло быть безъ особенно важной причины. Становой былъ такой маленькій человѣкъ для Кузьмы Иваныча, что онъ обыкновенно считалъ за особенную честь, если Кузьма Иванычъ удостоивалъ его позвать къ себѣ, а не то, что требовать, да еще настойчиво, свиданія съ нимъ.

Дмитрій Тимофеичъ нашелъ станового въ конторѣ, расхаживающаго изъ угла въ уголъ большими шагами. Это былъ высокій, бѣлокурый господинъ, съ совершенно статскою наружностью, но въ полувоенной формѣ и съ очевиднымъ желаніемъ казаться военнымъ человѣкомъ.

Съ очень озабоченнымъ видомъ поздоровался онъ съ Дмитріемъ Тимофеичемъ.

Тутъ же у стѣнки, облокотясь на нее, съ нахальнымъ видомъ, стоялъ Кирилла.

— Да какое дѣло-то, вы мнѣ только скажите? — допытывался Дмитрій Тимофеичъ у станового.

— Не могу, Дмитрій Тимофеичъ, не могу сказать, — отвѣчалъ тотъ,—лично и секретно долженъ переговорить съ самимъ! ... Одно вамъ доложу, дѣло весьма важно и не терпитъ отлагательства! ... Еще еслибъ самого не было, такъ, въ крайности. можетъ быть, и вамъ бы сказалъ ... Но, къ счастью, онъ самъ тутъ; лично долженъ переговорить ..,

— Да я не знаю теперь, какъ сказать-то ему. только-что пріѣхалъ, отдыхаетъ съ дороги ... Пожалуй, не приметъ, разсердится ...

— Ну, какъ угодно. Пускай приметъ, потому что дѣло не такое ... Послѣ самъ пожалѣетъ, если не приметъ. Такъ и скажите! ...

— Не знаю, право, какъ и быть ... А это кто же, что за человѣкъ? — спросилъ Дмитрій Тимофеичъ, указывая на Кириллу, котораго сначала не замѣтилъ.

— А этотъ человѣкъ ... со мной ... Онъ тоже пойдетъ со мной къ Кузьмѣ Иванычу ...

— Какъ, и онъ? — удивился Дмитрій Тимофеичъ.

— И онъ ... всенепремѣнно! — загадочно отвѣчалъ становой.

— Да, безъ меня нельзя! — нахально и многозначительно подтвердилъ Кирилла ...

— Да вы поскорѣе, пожалуйста, Дмитрій Тимофеичъ ... а то ... смотрите! ...

— Ну, такъ пойдемте ... Нечего дѣлать ...

— Да послушайте. Нельзя ли вамъ такъ насъ провести, чтобы народу насъ поменьше видѣло ... Я нарочно вечеромъ пріѣхалъ и безъ колокольчика ...

Эта оговорка еще болѣе встревожила Дмитрія Тимофеича. Онъ взглянулъ пристально на Кириллу и старался припомнить, гдѣ его видалъ? Онъ вспомнилъ, что видѣлъ его мелькомъ на фабрикѣ, когда Кирилла приходилъ къ Петру Архипычу наниматься въ рабочіе и получилъ отказъ, за излишествомъ.

Оставивши станового съ Кириллой въ передней комнатѣ, Дмитрій Тимофеичъ не совсѣмъ смѣло подошелъ къ запертой двери въ спальню Кузьмы Иваныча и постучался.

— Какого чорта? Кто тутъ? — послышался сердитый вопросъ, прервавшій разговоръ, предъ тѣмъ происходившій шопотомъ.

— Это я, тятенька ... — отвѣчалъ Дмитрій Тимофеичъ.

— Что тебѣ? — Сказалъ: никому не ходить, никого не нужно! ...

— Господинъ становой пріѣхалъ, требуетъ немедленно васъ видѣть ...

— Что-о? ... Становой? ... — переспросилъ Кузьма Иванычъ такимъ голосомъ, въ которомъ слышался и гнѣвъ, и удивленіе.

— Говоритъ, по очень важному дѣлу и сею минутою нужно васъ видѣть ...

— Мало что, подождетъ до завтра! ... А больно нужно, отбери ты ...

— Удивительно, въ самомъ дѣлѣ! ... Никогда этого не бывало! — послышался за дверями голосъ Петра Архипыча, поддерживавшаго настроеніе патрона.

— Тятенька-съ ...

— Ну, что еще? ...

— Онъ мнѣ не сказываетъ ... Говоритъ, только вамъ можно объяснить самолично ... и секретно ...

Такое дѣло! ... Говоритъ, сами жалѣть будете, если не примете его ...

— Что за ... Ну, ужъ я-жъ его, коли съ пустяками ... Веди его коли ... Отопри, Архиповъ, да выйди пока ... Подожди тамъ ... Что еще за чудеса? ...

Становой вмѣстѣ съ Кириллой вошли въ спальню Кузьмы Иваныча, гдѣ онъ лежалъ на кушеткѣ въ одной рубахѣ, бесѣдуя съ Петромъ Архипычемъ, и остался такъ, даже не пошевелился при входѣ станового.

— Здравствуйте, Кузьма Иванычъ ...

— Здорово, братъ, здорово ... Боекъ ты нонѣ сталъ очень что-то ... Насильно лѣзешь! ...

— Дѣло такое-съ, Кузьма Иванычъ, — увѣренно и многозначительно произнесъ становой. — Теперь позвольте васъ попросить, чтобы въ совершенномъ секретѣ, никто чтобы не подслушивалъ ... Дмитрій Тимофеичъ, пожалуй, могутъ остаться, но больше чтобы никто ...

— Архипычъ, стой тамъ въ передней, чтобы никто не вошелъ, — распорядился Кузьма Иванычъ и уже, нѣсколько озабоченный предосторожностями станового, привсталъ и сѣлъ на той же кушеткѣ.

— А это что за человѣкъ? ... Этотъ зачѣмъ здѣсь? — указалъ онъ на Кириллу.

— А вотъ сейчасъ все вамъ ясно будетъ, все объясню! — отвѣчалъ становой, заглядывая въ сосѣднюю комнату. — Призаперли бы вы ту комнату, Дмитрій Тимофеичъ, для всякой осторожности ...

Дмитрій Тимофеичъ заперъ дверь. Петръ Архипычъ тотчасъ же припалъ къ ней ухомъ, но ни-

слышалъ только начало секретнаго разговора, пока говорили вслухъ.

— Да ну же ... Не мучь! ... Что за оказія! Кажется, никакой уголовщины за мной нѣтъ — говорилъ Кузьма Иванычъ.

— А я пріѣхалъ собственно для вашего предупрежденія, Кузьма Иванычъ, — отвѣчалъ становой. — Во что почтете, — не знаю, а дѣло много хуже уголовнаго ... Сынокъ вашъ пропасть можетъ! ... Вотъ этотъ человѣкъ доставилъ мнѣ слѣдующіе предметы ... Изволите видѣть? ...

Тутъ начался разговоръ шопотомъ, и Петръ Архипычъ напрасно напрягалъ свой слухъ. Что происходило за запертыми дверями, — осталось тайною для Петра Архипыча, но чрезъ нѣсколько времени изъ спальной вышелъ Дмитрій Тимофеичъ съ испуганнымъ, совсѣмъ разстроеннымъ лицомъ, сопровождая станового и Кириллу, лица которыхъ, напротивъ, сіяли полнымъ довольствомъ. Проходя мимо Петра Архипыча, онъ торопливо сказалъ ему:

— Добѣги, Архипычъ, въ кучерскую ... Вели сейчасъ же тройку разгонныхъ закладыватъ ... да живѣе ...

Черезъ нѣсколько минутъ въ спальню къ Кузьмѣ Иванычу былъ введенъ зятемъ Александръ Кузьмичъ, на котораго накинулся родитель. Слышались ругательства, проклятія, угрозы, послѣ которыхъ Александръ Кузьмичъ вышелъ отъ отца совсѣмъ растерянный, уничтоженный.

Черезъ часъ онъ, наскоро собравшись, вмѣстѣ съ сестрою ускакалъ въ Москву.

Мѣсяцъ спустя, Кузьма Иванычъ давалъ на старой фабрикѣ пиръ, по случаю бракосочетанія сына

Александра Кузьмича съ дочерью почетнаго гражданина Евпраксіею Зотовною Лебедкиной, какъ значилось на пригласительныхъ билетахъ, заказанныхъ въ Москвѣ и разосланныхъ по всѣмъ знакомымъ тузамъ-капиталистамъ.

Дарья Тихоновна на этомъ пирѣ исправляла должность экономки, а Параня — ея помощницы. Обѣ онѣ были нарядны и веселы, но дочери Кузьмы Иваныча отъ нихъ отворачивались. Александръ Кузьмичъ нѣсколько разъ сталкивался съ Параней. Она пополнѣла и какъ будто немного обрюзгла, но была хороша по-прежнему и при встрѣчѣ взглядывала на молодого тѣмъ взглядомъ, отъ котораго и теперь, какъ прежде, кидало его въ жаръ. Но Кузьма Иванычъ только два дня позволилъ молодымъ погостить на старой фабрикѣ и отправилъ ихъ въ Старое Село, гдѣ, въ числѣ приказчиковъ Александръ Кузьмичъ увидѣлъ вновь опредѣленнаго, по приказанію отца, — Кириллу Ѳедотова. О Ѳедѣ, Аленѣ Николавнѣ и Проскуровѣ тамъ давно не было и слуха.

Новая фабрика по-прежнему находилась въ рукахъ Дмитрія Тимофеича и Петра Архипыча, подъ верховнымъ надзоромъ Кузьмы Иваныча. Александру Кузьмичу предоставлено было жить на ней въ качествѣ будущаго хозяина, „пока не соберется вовсе съ умомъ, не забудетъ своихъ прежнихъ глупостевъ и не докажетъ своимъ разсудкомъ и поведеніемъ, что ему можно дать дѣло въ руки“ ... Впрочемъ, онъ могъ теперь наслаждаться семейнымъ счастіемъ и ѣздить съ женою въ Москву, когда вздумается. Отъ времени до времени онъ получалъ какія-то письма, которыя очень старательно уничтожались. Въ дни полученія этихъ писемъ онъ былъ самъ не

свой, старался не смотрѣть никому въ глаза и какъ-то недовѣрчиво и робко оглядывался по сторонамъ. Этотъ робкій, какъ-бы испуганный взглядъ сдѣлался потомъ постояннымъ и остался у него на всю жизнь.

Анна, послѣ того какъ Кирилла ушелъ вовсе изъ дома, потерявши всякую вѣру въ снадобья и знахарство Арины Панкратьевны, перешла жить къ отцу; а Ѳедотъ Семенычъ одиноко съ женою доживалъ свой вѣкъ въ маленькой избушкѣ среди пчельника. Большая изба стояла заколоченной. Никогда ни слова не говорилъ старикъ о сынѣ и старался даже не вспоминать о немъ; за то нерѣдко онъ вздыхалъ, вспоминая Ѳедю, и обыкновенно при этомъ приговаривалъ:

— Эхъ, задаромъ пропала золотая головушка! ...

Duke University Libraries
D03923935Y